

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра русской литературы

Роман Абисогомян

**Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни
Эстонской Республики 1920–1930-х гг. и их литературное наследие**

Диссертация на соискание учёной степени *magister artium*

Научный руководитель —
доктор филологических наук
проф.-эмеритус **С. Г. Исаков**

Тарту, 2007

Оглавление

Введение	3
Глава I. Основные направления деятельности русских военных в Эстонии 1920–30-х гг.	10
§ 1. Русские военные в Эстонии 1920–30-х гг. Начало нового этапа.....	10
§ 2. Конспиративная и разведывательная деятельность. Русский Обще-Воинский Союз.....	20
§ 3. Служба в эстонской армии и военных учебных заведениях.....	44
§ 4. Полковые, корпусные, училищные и иные объединения	54
§ 5. Объединение георгиевских кавалеров.....	60
§ 6. Общества помощи военным инвалидам.....	64
6.1. Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии.....	64
6.2. Комитет «Дня русского инвалида».....	78
6.3. Союз русских военных инвалидов в Эстонии.....	82
6.4. Благотворительное общество «Белый крест».....	85
§ 7. Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии.....	86
§ 8. Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии.....	96
§ 9. Объединения бывших русских моряков.....	98
§ 10. Молодежные организации.....	101
Глава II. Литературное наследие русских военных в Эстонии 1920–30-х гг.	110
§ 1. А. К. Баиов.....	111
1. 1. Обзор творческого наследия А. К. Баиова доэмигрантского периода.....	111
1. 2. Проблематика творчества А. К. Баиова в период эмиграции.....	119
1. 2. 1. Общетеоретические и частные вопросы военного искусства а) Курсы лекций.....	119
б) Проблематика Первой мировой и Гражданской войн и вопросы возрождения будущей русской армии.....	128
1. 2. 2. Характеристика выдающихся личностей в их связи с военным искусством.....	141
а) Полководцы.....	141
б) Писатели.....	145
§ 2. Э. А. Верцинский.....	147
§ 3. Э. Г. фон Валь.....	152
§ 4. Г. И. Афанасьев (Копьев)	156
Заключение.....	160
Кокkuvõte.....	163
Список сокращений.....	166
Список использованной литературы.....	167

Введение

В результате распада Российской империи и последовавших затем трагических событий Гражданской войны офицерский корпус русской армии оказался раздробленным и обескровленным: многие офицеры погибли, часть осталась в Советской России, другая часть была вынуждена эмигрировать. По подсчетам С. В. Волкова, из числа приблизительно 310 тысяч офицеров русской армии периода 1914–1922-х гг. в эмиграции оказалось до 70 тысяч офицеров [Волков 2000, 530]. Не менее трех тысяч человек из этого числа составлял генералитет [Домнин 2000, 489], а из общего числа офицеров Генерального штаба, представлявших элиту русской армии, в 1922 г. за рубежом находилось 677 человек [Рутыч 2002а, 9]. Если учесть тот факт, что большая часть русских офицеров, оставшихся в Советской России, была безжалостно уничтожена, то, действительно, нельзя не согласиться с мнением И. В. Домнина, полагающим, что «едва ли будет преувеличением сказать, что вне Родины оказался цвет офицерского корпуса» [Домнин 2000, 490].

Большая часть представителей русской военной эмиграции проживала в странах европейского континента, прежде всего в Болгарии, Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (будущей Югославии), Чехословакии, Германии, Польше и Франции, но постепенно русские военные расселились по всему миру. Несмотря на то, что новые условия повседневной жизни во многом уравнивали военных эмигрантов и гражданских беженцев, все-таки корпоративное единство и стремление сохранить и передать потомкам традиции русской армии русского офицерского корпуса в изгнании были настолько сильны, что позволяют говорить об особом мире культуры русского военного зарубежья. Во всех местах своего эмигрантского рассеяния русскими военными были организованы многочисленные полковые объединения, объединения воспитанников кадетских корпусов, юнкерских училищ, военных академий, создавались союзы, кают-компании, кассы взаимопомощи и так далее. Самым крупным и значительным образованием русской военной эмиграции был, бесспорно, Русский Обще-Воинский союз, объединявший большую часть офицерского корпуса русской армии за рубежом.

Количественно небольшая, в сравнении с некоторыми центрами Русского Зарубежья, но значительная часть русских военных нашла себе приют в 1920–1930-е гг. в Эстонии. Обращение к истории первой Эстонской Республики показывает, что офицеры бывшей российской армии оставили определенный след в ее истории и играли немаловажную роль в жизни русской диаспоры того времени. За отмеченный период русские военные создали в Эстонии немалое число воинских объединений и союзов (Касса взаимопомощи моряков, Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии, Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, Комитет «Дня русского инвалида», Союз русских военных инвалидов в Эстонии, Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, а также ряд полковых, училищных объединений, и объединений воспитанников кадетских корпусов и георгиевских кавалеров), а также принимали активное участие в других общественных организациях (объединения русских скаутов в Эстонии, спортивное общество «Витязь», Общество помощи большим эмигрантам, «Белый крест», Русское общественное собрание в Таллинне и др.).

Русские военные специалисты внесли существенный вклад в дело образования и воспитания эстонских офицерских кадров. Так, еще до революции в высших военных учебных заведениях России учились будущие представители высшего офицерского

состава эстонской армии, а многие из них, в частности Й. Лайдонер, Я. Соотс, Н. Резк, П. Лилль, Ю. Тьрванд закончили Николаевскую военную академию Генерального Штаба. Оказавшись в Эстонии, представители высших чинов российской армии (например, А. К. Баиов, Д. К. Лебедев, Г. М. Ванновский, В. Л. Драке) преподавали в военных учебных заведениях Эстонской республики и готовили офицерские кадры для эстонской армии.

Активная деятельность русских военных находила свое отражение и в литературном творчестве. Военные специалисты (Э. А. Верцинский, А. К. Баиов, Б. В. Энгельгардт и др.) создавали произведения разных жанров: монографии и отдельные статьи научного и публицистического характера, воспоминания, изучение которых представляется также весьма важным для воссоздания наиболее полной картины общественной и культурной жизни русской диаспоры в Эстонии тех лет.

Предварительные замечания. По определению профессора С. Г. Исакова, «предыстория русской общины в Эстонии 1920–1930-х гг. — это трагедия белой Северо-западной армии генерала Н. Н. Юденича в 1919–1920-х гг. Именно бывшие воины Северо-западной армии с отступившими вместе с ней на территорию Эстонии беженцами составили костяк русского эмигрантского общества в первой Эстонской Республике» [Исаков 2001а, 9]. Действительно, остатки Северо-Западной армии были основой в формировании как русской эмиграции в целом, так и сообщества русских военных в Эстонии в частности. В общем же состав русского офицерского корпуса в Эстонии был несколько шире. В этой связи уместно будет привести исчерпывающее определение В. Ф. Ершова, который полагает, что феномен русской военной эмиграции включал в себя следующие категории: «1. военнотружущих бывших белых армий, принимавших участие в Гражданской войне в России в 1917–20 гг. и эвакуированных за рубеж; 2. военных чиновников и военную администрацию, действовавших в занятых белыми войсками регионах, а также членов их семей, в своей профессиональной деятельности связанных с армией; 3. военных пенсионеров, оказавшихся на территориях бывшей Российской империи (в Польше, Финляндии и т. п.), а также бывших российских военнопленных в Германии и Турции и солдат российского экспедиционного корпуса во Франции; 4. «военную молодежь» — юнкеров и кадетов военных училищ, эвакуированных вместе с белыми армиями за рубеж в 1919–1922 гг.; 5. активных функционеров военных эмигрантских организаций и боевиков экстремистских групп периода 1920–1930-х гг., ранее служивших в белых армиях и разделявших идеологию «белого движения»; 6. военных дипломатов и агентов бывших российских посольств; 7. военнотружущих российской дореволюционной армии, в индивидуальном порядке бежавших за рубеж в 1917–1922 гг.» [Ершов 2003, 13–14].

Действительно, в 1920–30-х гг. военная часть русской диаспоры в Эстонии состояла не только из бывших военнотружущих Северо-Западной армии, но и из военных других белых армий, военных пенсионеров, ряда военных чиновников, а также военных, не принимавших участие в белом движении и прибывших в Эстонию по оптации или как эмигранты. Однако на территории Эстонии проживала еще одна категория бывших русских военных, которая, по понятным причинам, оказалась не учтенной в процитированных выше определениях. Эта категория военных состояла из уроженцев Эстонии (точнее — Эстляндской и части Лифляндской губерний), которые после многолетних военных скитаний вернулись домой, на свою родину. Среди них были и русские, и эстонцы, но большую часть составляли прибалтийские немцы, — все они, естественным образом, не причисляли себя к эмигрантам. Однако, вернувшись на свою родину, местные немцы и русские вынуждены были смириться с

утратой своих былых привилегий: теперь их положение в Эстонии определялось статусом национального меньшинства, что во многом сближало их с общей массой российской эмиграции. Все же, учитывая этот момент, в нашем случае было бы не совсем корректным употребление термина 'русская (российская) военная эмиграция'.

Некоторых пояснений требует и первая составляющая этого термина — «русская», так как по национальному признаку, как уже было сказано, состав бывших военных российской армии в Эстонии был разнороден. Под определением «русский» понимается не узкоэтническая, а в большей степени и в широком смысле культурная принадлежность. Среди бывших русских военнослужащих в Эстонии в 1920–30-е гг. были и эстонцы, и те, кто имел эстонские корни (Д. К. Лебедев, Л. Г. Аллик, Р. В. Франк, Г. Р. Ребане, Р. А. Раудсепп и др.), а также представители немецкой национальности, как из местных уроженцев, так и из уроженцев других губерний Российской империи (Н. Ф. фон Крузенштерн, А. О. фон Штубендорф, Б. В. Энгельгардт, К. Г. Бадендик, Э. Г. фон Валь, К. К. Гершельман и др.), и ряд представителей других национальностей. Все они осознавали свою причастность не только к своей национальной культуре, но и — во многих случаях даже преимущественно — к русской культуре, и к традициям российской императорской армии в частности. Поэтому, например, генерал Д. К. Лебедев, несмотря на свое эстонское происхождение и высокий пост в эстонской армии, позиционировал себя прежде всего как офицера бывшей русской армии, поддерживал отношения с другими русскими офицерами в Эстонии. Не случайно А. К. Баиов в некрологе Д. К. Лебедеву писал, что он, «будучи русским человеком до мозга костей, оставался всегда и русским офицером, гордясь своей принадлежностью к Великой Русской Армии» [Баиов 1935, 20]. Многие бывшие офицеры из немцев также ощущали себя людьми русской культуры. К примеру, П. А. фон Цур-Мюлен в ответ на обвинения в том, что членами Союза русских увечных воинов-эмигрантов являются и немцы, писал, что он, хотя и был родом из прибалтийских немцев, но по культуре считал себя русским [Письма в редакцию 1925]. В своих мемуарах М. С. Плюханова говорила о капитане 2-го ранга императорского флота бароне О. Б. Фитингофе как о человеке «русской культуры, русского образа мыслей, русских привычек» [Плюханова 1999, 27]. Т. Александер в своих воспоминаниях охарактеризовывала своего дядю полковника А. А. фон Бенкендорфа также как человека, беззаветно преданного идеалам бывшей Российской империи, который даже свою службу в гитлеровской армии рассматривал, «как бы наивно это теперь не казалось, как единственный способ возвращения в Россию, полагая, что таким образом ускорит победу над коммунистами и будет способствовать возрождению былой славы России, а вовсе не Гитлеру» [Александер 1999, 109]. Такая же позиция была характерна вообще для многих немцев, служивших в российской императорской армии. Как отмечает в своей книге М. Назаров, «такие офицеры, как Н. фон Гротте, считали себя представителями русских интересов у немцев, а не наоборот; некоторые как барон Э. К. фон Деллингсгаузен и православный С. Б. Фрелих, продолжали считать себя «русскими офицерами немецкого происхождения» и пытались делать все возможное против антиславянской политики Гитлера» [Назаров 1994, 330–331].

В общем, несмотря на некоторые различия национального, социально-политического и экономического характера, между проживавшими в Эстонии офицерами бывшей российской армии существовало много точек соприкосновения как корпоративного, так и идеологического характера. Дух корпоративного единства проявлялся, прежде всего, в поддержании личных связей и в участии в общественных организациях, объединявших бывших военных. Общность идеологического плана

заклучалась в категорическом неприятии большевизма и убежденном монархизме, и в стремлении сохранить и передать подрастающему поколению традиции дореволюционной русской культуры.

Преданность традициям старой русской армии и монархизм были, пожалуй, самыми сильными и основополагающими принципами, объединявшими большую часть русских военных в Эстонии. Этим они отличались от эстонских военных, среди которых также было немало офицеров бывшей российской армии, но для которых традиции русской императорской армии были не столь релевантны, а в некоторых случаях и весьма сомнительны [см.: Rajur 1999, 139–153]. Более существенным для эстонского офицерского корпуса были традиции, которые они создавали сами, закладывая основы своего национального военного искусства.

История эстонского офицерского корпуса на протяжении многих лет находится в центре внимания ряда эстонских историков, изучению этого вопроса посвящено уже немало научных исследований [см., напр.: Limberg 1980; Jõgi 1996; Õun 1993; 1997; 1998–2005; 2001]. Нельзя сказать, что история русского офицерства в Эстонской Республике 1920–30-х гг. остается в числе неизученных тем данного периода, однако масштабы исследований по этому вопросу не идут в сравнение с объемом трудов, посвященных жизни и деятельности эстонских офицеров. Таким образом, данная работа призвана дополнить ряд существующих на сегодняшний день исследований о русских военных в первой Эстонской Республике.

Историография. Изучение данной проблематики неразрывно связано с началом исследования истории русской культуры в Эстонии. Определенного рода толчком в этом процессе стал словник «Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.)», составленный профессором С. Г. Исаковым. Первое издание, вышедшее в 1994 г., содержало 15 имен военных и деятелей, связанных с объединениями русских военных в Эстонии 1920–30-х гг. [Исаков 1994б]. Во второе издание было включено еще 16 имен [Исаков 1996б], а в третьем к ним добавилось еще 18 [Исаков 2006]. В 1994 г. вышел первый биографический очерк, посвященный самой видной фигуре среди русских военных в Эстонии — генералу А. К. Баиову [Исаков 1994а]. Вслед за этим появились газетные публикации В. А. Бойкова, посвященные генералам О. П. Васильковскому [Бойков 1995] и Д. К. Лебедеву [Бойков 1996а], и статья того же автора в журнале «Таллинн», где приводились биографические сведения о О. П. Васильковском, В. Н. Горбатовском, Н. К. Жаворонкове, Д. К. Лебедеве и П. П. Левицком [Бойков 1998б, 173–178].

Таким образом, изучение деятельности русских военных в Эстонии в целом началось с изучения биографий отдельных военных. В последующие годы к уже вышедшим в свет работам по данной теме добавились работы О. А. Калкина [Калкин 2001, 82–90; Калкин 2003], В. В. Верзунова [Верзунов 2003, 225–234], В. А. Бойкова [Бойков 2006а, 23–41], С. Г. Исакова [2006, 204–237], Н. А. Кузнецова [Кузнецов 2005, 187–197] и Р. Абисогомяна [Абисогомян 2003, 49–69; 2004б, 179–197; 2005, 238–257]. Краткие биографии некоторых русских офицеров были представлены и в изданиях эстонских историков [Õun 1997; 1998–2005; 2001]. С появлением в России биографических справочников и энциклопедий [Залесский 2000; Залесский 2003; Рутыч 2002а; Рутыч 2002б; Волков 2002; Волков 2003], содержащих сведения о генералах и офицерах российской армии, принимавших участие в Первой мировой и Гражданской войнах, стало возможным расширить наш круг знаний о тех русских военных, чья судьба в разные периоды времени была так или иначе связана с Эстонией.

Стараниями ученых В. А. Бойкова и С. Г. Исакова в печати появились публикации архивных материалов по истории русской диаспоры в Эстонии 1920–30-х гг. [Бойков 1996б, 122–153; Бойков 1996в, 5–56; Бойков 1998а, 114–136; Бойков 1999, 73–104; Бойков 2001в, 58–90; Бойков 2004а, 96–108; Бойков 2004б, 149–178; Исаков 1999, 48–87; Исаков 2000, 94–164; Исаков 2002, 212–243]. Благодаря этим публикациям стали известны не только новые имена и дополнительные факты биографий некоторых русских офицеров, но и новые факты о деятельности русских военных и их организациях.

На определенном этапе изучения этой проблематики, основываясь уже на значительно расширенной источниковедческой базе, стали появляться труды, представлявшие собой обзоры деятельности некоторых организаций, которые были связаны с русскими военными, как, например, общество «Белый крест» [Бойков 2001б], или были созданы непосредственно самими военными — Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии [Бойков 2004а]. Появились также обширные статьи, освещающие разностороннюю деятельность русских военных в эстонском сланцевом бассейне [Исаков 2001б, 91–106], а также некоторые стороны деятельности русских монархистов в Эстонии [Меймре 2002, 267–292]. Первым опытом полного описания деятельности русских военных стала статья В. А. Бойкова «Русский Обще-воинский Союз (РОВС) и Эстония» [Бойков 2000, 68–77], в которой излагались основные факты, связанные с функционированием эстонского отдела РОВС'а и разного рода объединений и союзов русских военных на территории Эстонии. Во многом сведения данной статьи были дополнены новыми фактами в некоторых подразделах коллективной монографии «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)» [Бойков 2001а, 78–85; Шор 2001, 103, 105–107].

Цели и задачи данной работы. Из приведенного выше историографического обзора видно, что к текущему моменту учеными и исследователями проделана большая работа по изучению интересующей нас темы. Однако стоит отметить, что указанные работы во многом носят краткий, описательный характер и в определенной степени фрагментарны, что обусловлено как узкими рамками жанра (очерки, статьи и тематические разделы коллективной монографии), так и неизученностью определенного корпуса источников. Все это является причиной ряда неточностей и лакун. Не вдаваясь в подробное перечисление и разбор, для примера укажем лишь на одну из таких неточностей. Во всех работах исследователей является общим местом утверждение того, что Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии находился под председательством генерала О. П. Васильковского. Однако обращение к ряду источников свидетельствует о том, что в реальности О. П. Васильковский занимал этот пост весьма непродолжительное время, а именно с 1931 по 1932 гг. К вовсе неизученным темам относится, например, участие русских военных специалистов в деле обучения эстонских офицеров, то есть служба в эстонской армии и преподавание в военных учебных заведениях Эстонской Республики. Говоря в общем, многие аспекты заявленной темы требуют дополнений и уточнений, что со временем позволило бы создать более общую и подробную историю деятельности русских военных в Эстонии в 1920–1930-е годы.

Таким образом, целью данной работы является создание насколько возможно на современном этапе общей и полной картины жизни и деятельности представителей русского офицерского корпуса в Эстонии 1920–1930-х гг.

На наш взгляд, данная работа имеет определенное научное значение в исследовании истории Русского Зарубежья, в целом, и истории русского национального меньшинства в Эстонии, в частности. Несомненно, что без изучения всех направлений деятельности русских военных в Эстонии невозможно полное представление как об общественной, культурной и политической жизни русских в Эстонии, так и об истории Эстонии вообще.

Для осуществления поставленной цели представляется необходимым более детальное изучение архивных источников, сопоставление извлеченных данных со сведениями эстонской и русской периодики того времени, а также привлечение доступных материалов по истории Русского Зарубежья, касающихся данной проблематики. Поэтому в ходе работы над данной темой нами был проработан ряд архивных материалов, содержащихся в Государственном архиве Эстонии (Таллинн), в его филиале (бывший архив партии, Tõnismägi, 16) и Историческом архиве Эстонии (Тарту). Нами также изучен практически весь корпус (свыше 12 тысяч номеров) газет и журналов на русском языке, выходивших в Эстонии интересующего нас периода. К сожалению, стоит признать, что в меньшем объеме остались использованными материалы периодики на эстонском языке. В данной работе также привлечены различного рода материалы из собраний архивной библиотеки Эстонского литературного музея (Тарту), библиотеки Тартуского университета, Национальной библиотеки Эстонии (Таллинн), Академической библиотеки Таллиннского университета (бывшая Академическая библиотека) и Славянской библиотеки Хельсинкского университета (Хельсинки).

Структура работы. Настоящая работа состоит из двух глав, каждая из которых в свою очередь состоит из нескольких параграфов. Первая глава «Основные направления деятельности русских военных в Эстонии 1920–30-х гг.» посвящена комплексному рассмотрению всех основных аспектов деятельности русских военных, общий обзор которой, в сущности, представлен нами в первых двух параграфах, где рассматриваются предпосылки формирования объединений русских военных и основные этапы их деятельности. В последующих параграфах первой главы излагается насколько возможно полная история возникновения объединений, союзов и обществ русских военных.

Вторая глава посвящена обзору литературного творчества русских военных. Причем термин 'литература' нами берется в самом широком смысле слова, то есть как произведение письменности. В этой главе более или менее подробно нами рассматривается литературное наследие наиболее крупных и значительных писателей из военных, таких как А. К. Байов, Э. А. Верцинский, Э. Г. фон Валь и Г. И. Афанасьев (Копьев). По причине того, что автор данной работы не является военным специалистом, а также в виду того, что многие труды, посвященные вопросам военной истории и другим отраслям военного знания, нам недоступны, эта глава носит преимущественно описательный характер.

Список использованной литературы состоит из трех частей с общей нумерацией. В первую часть входят печатные материалы в алфавитной последовательности. Вторую часть составляют архивные материалы, расположенные также в алфавитном порядке наименований архивов; поочередность материалов отдельных архивов представлена в соответствии с порядковыми номерами дел. В третью часть внесены интернет-материалы.

Несомненно, что без представления о том, кем были русские военные, что они собой представляли как личности, индивидуумы, общая картина нашего исследования была бы неполной. Поэтому данная работа также снабжена

биографическим справочником, в котором представлены в разном объеме биографии 310 русских военных, чья судьба в той или иной степени была связана с Эстонией периода первой республики. Стоит отметить, что, с одной стороны, из общего числа представленных персоналий не все были связаны с деятельностью тех или иных объединений русских военных, с другой стороны, о многих членах этих объединений нам не удалось собрать хоть сколько-нибудь полную и достоверную информацию, поэтому их имена отсутствуют в справочнике. В справочник также помимо непосредственно военных включены и некоторые имена невоенных (например, Е. И. Орнатского, А. И. Иванова, И. Стратоновича и др.), но чья деятельность была связана с историей воинских объединений. В целом в справочник включены имена всех военных, о которых у нас имеются какие-либо сведения. Все выходные данные источников, использованных нами при составлении справочника, приводятся полностью в конце каждой статьи, и они не включены в список использованной литературы.

Глава I. Основные направления деятельности русских военных в Эстонии 1920–30-х гг.

§ 1. Русские военные в Эстонии 1920–30-х гг. Начало нового этапа

История русского военного присутствия на территории Эстонии берет свое начало с момента основания князем Ярославом Мудрым в 1030 г. крепости Юрьев (Тарту), гарнизон которой продержался в ее стенах до 1061 г. В дальнейшем, в ходе войн с Тевтонским и Ливонским орденами, с Польшей и Швецией, русские войска неоднократно вторгались в пределы Эстонии, однако, местом постоянной дислокации российских войск территория Эстонии стала лишь в начале XVIII в., когда в результате Северной войны она вошла в состав Российской империи. После заключения Ништадтского мира в 1721 г. большая часть российских сухопутных войск и флота, находившихся в Остзейском крае, была размещена в Ревеле (Таллинн) и его уезде [Минквиц 1852, 331]. Постоянные гарнизоны сухопутных войск кроме Ревеля находились также в Дерпте (Тарту), Пернове (Пярну) и Нарве. Все сухопутные войска входили в состав корпусов, расположенных в Лифляндской и Петербургской губерниях. Число, состав и размещение войск вследствие войн и других причин часто менялись. Основной военно-морской базой русского флота в Эстонии был Ревель, другой важной базой являлся Рогервикский порт (Балтийский порт, Палдиски). Стабильность в дислоцировании сухопутных частей на территории Эстонии стала наблюдаться лишь к концу XIX – началу XX вв. С этого времени в Ревеле были расквартированы 89-й пехотный Беломорский полк, 90-й пехотный Онежский полк, 91-й пехотный Двинский полк и штаб 23-й пехотной дивизии; в Нарве — 92-й пехотный Печорский полк и в Юрьеве — 95-й пехотный Красноярский полк со штабом 18-го армейского корпуса. Общая численность воинского состава этих частей в начале XX в. не превышала 10 тысяч человек [Karjahärm 1998, 47].

С началом Первой мировой войны все названные части были отправлены на фронт, а их место заняли запасные полки второй и третьей очередей, некоторые из которых, как, например, части 118-й пехотной дивизии, были сформированы непосредственно в Эстонии [Рутыч 2002б, 184]. К октябрю 1917 г. общая численность российских войск в Эстонии составляла приблизительно 200 тысяч человек [Сийливак 1988, 257]. В результате последующих событий, сопровождавшихся полной деморализацией и развалом армии, большая часть русского военного контингента покинула Эстонию [Сводка 1924]. Однако некоторая часть русских военных осталась в Эстонии. Ко всему прочему в Эстонии проживали и некоторые отставные военные (например, полковники Э. А. Геннингс, П. Д. Троицкий и др.). После октябрьского переворота на свою родину вернулись многие военные российской армии из местных немцев, в том числе полные генералы П. П. фон Баранов (генерал-адъютант), А. А. фон Гринвальд (генерал-адъютант), Н. Ф. фон Крузенштерн и К. К. фон Штакельберг (генерал-адъютант). В Эстонию также возвратились некоторые военные, служившие здесь до начала войны.

Дальнейший период деятельности русских военных формирований в Эстонии связан с судьбой Северо-Западной армии, чья трагическая эпопея стала началом нового этапа в истории русской общины на эстонской земле. Судьба Северо-Западной армии была поистине трагичной. Начав свою борьбу с большевизмом с

основания во Пскове в сентябре 1918 г. Псковского добровольческого корпуса в 1 500 человек, армия к октябрю 1919 г. уже состояла из двух армейских корпусов, шести пехотных дивизий и ряда отдельных полков и частей [Волков 2003, 447, 505] с общей численностью личного состава на ноябрь 1919 г. свыше 54 000 человек, в том числе 2 666 офицеров, 51 057 солдат и унтер-офицеров и 540 военных чиновников и духовенства; общее же число числившихся на довольствии армии доходило до 80 000–90 000 человек [Rosenthal 2006, 524–525]. В своем последнем походе на Петроград Северо-Западная армия почти достигла заветной цели, но в решающий момент в силу ряда роковых обстоятельств была вынуждена отступить к границам Эстонии. Перед отступавшими воинами Северо-Западной армии стоял суровый выбор: или продолжать сражаться с превосходящими силами противника, или переходить на территорию Эстонии с обязательным условием сдачи оружия. И хотя в постановлении эстонского правительства от 11 ноября 1919 г. начальникам эстонских войск вменялось, памятуя о том, что Северо-Западная армия являлась союзником и сражалась бок о бок с эстонской армией, проводить разоружение как можно более корректно и гуманно [Mattisen 1988, 332], случаи откровенного произвола и грабежа со стороны эстонских солдат не были единичными [см., напр.: ГАЭ 646: 1: 12, 68–70; Ган 2003, 518; Дыдоров 2003, 566; Бойков 2005, 74–76].

Первыми на эстонскую территорию перешли тыловые учреждения армии, обозы, запасные части и военнопленные [О Северо-Западной Армии 1919]. 20 ноября 1919 г. на западный берег реки Наровы перешли части 1-й и 6-й дивизий Северо-Западной армии [Rosenthal 2006, 544]. В течение декабря 1919 г. и января 1920 г. на территории Эстонии оказалась большая часть армии, но некоторые части (до 6000 человек) продолжали сражаться до конца войны [Tõnisson 1930, 59; Brüggemann 2003, 43]. Все разоруженные части армии были переданы в ведение министерства внутренних дел, а российские военные рассматривались эстонской стороной как иностранцы, которые «при известных условиях» оказались на территории Эстонии [О Северо-Западной Армии 1919]. Первое время некоторая часть разоруженных солдат и офицеров армии использовалась на работах по возведению и укреплению оборонительных сооружений и рытью окопов на нарвском фронте [Rosenthal 2006, 573], но большая часть переправлялась дальше и размещалась в основном в районе населенных пунктов около Чудского озера, Йыхви, Аувере, Куремяэ и Иизаку; беженцы преимущественно расселялись в районах Тойла, Сонда и Азери [Tõnisson 1930, 59; Mattisen 1988, 333].

Представляется весьма проблематичным определение более или менее точного числа личного состава Северо-Западной армии, оказавшегося на территории Эстонии. Согласно данным эстонского Генерального штаба, направленным в министерство иностранных дел, на 31 декабря 1919 г. численность Северо-Западной армии в Эстонии определялась в количестве 22 160 человек, из которых 1 442 человека составляли офицеры и 20 718 — нижние чины [ГАЭ 957: 11: 137, 34 об.]. Подобной статистики придерживались и составители истории эстонской Освободительной войны [Eesti Vabadussõda 1997, II, 369]. Приблизительно такое же число (20 000–25 000 человек) приводят в своих работах Ю. Ант [Ant 1990, 31] и И. Раясалу [Раясалу 2001, 23]. Однако эти данные нельзя считать точными, так как в них не была отражена численность, например, штабов армии, резервных частей, интендантства и т. д.

Как уже упоминалось выше, в ноябре 1919 г. личный состав Северо-Западной армии доходил до 54 000 человек, при общем количестве числившихся на довольствии 80 000–90 000 человек. В дальнейшем это число, несомненно, стало

сокращаться¹. Причиной тому были людские потери убитыми, попавшими в плен и перешедшими на сторону противника. Ко всему прочему, многие из перешедших эстонскую границу, самовольно оставляли свои части и разбрелись в неизвестных направлениях.

Большое число жизней, как воинских чинов армии, так и гражданских беженцев, унесла эпидемия тифа. Количество жертв этой трагедии также не поддается точному исчислению. По данным штаба 1-й эстонской дивизии, общее число погибших от эпидемии тифа могло составлять от 10 000 до 12 000 человек, свыше 6 000 из которых погибло в Нарве [Rosenthal 2006, 600–601]. По другим данным, только в Нарве к лету 1920 г. умерло до 7 000 человек [Tõnisson 1930, 59; Mattisen 1988, 414]. К. Брюггеманн полагает, что число умерших колебалось от 8 000 до 12 тысяч [Brüggemann 2002a, 391; Brüggemann 2002b, 21]. По оценке Ю. П. Мальцева, число умерших от тифа в среднем составляло 8 500 человек, хотя и эта цифра приближительна и допускает погрешность до 20 % [Мальцев 2004, 93–94].

Ужасы эпидемии тифа и чувство отчаяния, которое испытывали бывшие воины Северо-Западной армии и беженцы в связи с дальнейшей судьбой в изгнании, вынудили многих из них вернуться обратно в Россию. Известно, что свыше 7 500 солдат Северо-Западной армии решили вернуться домой, о чем некоторые из них информировали Й. Лайдонера в коллективном письме [Brüggemann 2004, 43]. По данным эстонского комитета по составлению истории Освободительной войны, до 21 марта 1920 г. из Эстонии в Россию ушло порядка 13 700 человек, а в общем к концу 1920 г. число вернувшихся в Россию составляло порядка 20 000 человек [Rosenthal 2006, 591]. Во многом этому способствовали обращения штаба 7-й Красной армии, распространявшиеся среди северо-западников² и беженцев в виде листовок с призывом о возвращении на родину [Дюшен 1920]³. Однако определяющую роль в этом деле сыграли листовки, сфабрикованные штабом 1-й эстонской дивизии, обещавшие вернувшимся землю и материальную поддержку. Об удаче данной «операции», позволившей Эстонии избавиться от десятков тысяч русских, писали позднее не без гордости ее авторы А. Хеллат [Hellat 1930, 266–267] и А. Тыниссон [Tõnisson 1930, 61–62].

Весьма примечательным явлением стало появление в последнее время работ эстонских историков, в которых показывается насколько весомым был вклад Северо-Западной армии в борьбе Эстонии за независимость, и в то же время приводятся факты «некорректного» поведения эстонской армии и властей по отношению к своим бывшим союзникам [Rosenthal 2006]. Историк Я. Валге даже считает, что Эстония и эстонцы должны принести свои извинения перед северо-западниками за свою «неблагодарность» [Valge 2007, 2].

¹ По данным генерала Б. В. Геруа, приводимым в книге А. В. Смолина, на 15 января 1920 г. в рядах армии было около 13 000 здоровых солдат и офицеров, 18 000 больных и раненых и 18 000 человек нестроевого состава [Смолин 1999, 405], то есть, даже если не учитывать число нестроевого состава, где большую часть составляли невоенные, получается, что численность военного контингента армии составляла свыше 31 000 человек.

² Несмотря на некоторую «странность» данного словоупотребления, это слово широко использовалось и в повседневном быту, и в прессе в 1920–30-х гг. в Эстонии. Употребление данного слова также прочно устоялось и в исследовательской литературе, поэтому в данной работе мы тоже будем его использовать.

³ Известно также, что активная агитация по возвращению в Россию с обещаниями полной амнистии и предложениями для белогвардейских офицеров поступать на службу в Красную армию, велась представителями советской торговой делегации, посещавшими таллинские лазареты, где находились на лечении больные и раненые северо-западники [Вербовка большевиками 1920].

Все-таки Северо-Западная армия в сравнении с другими белыми армиями в некотором смысле оказалась в более благоприятном положении, так как только ее солдаты и офицеры были обеспечены денежным расчетом. Выплатами расчетов занималась Ликвидационная комиссия армии, работа которой завершилась 1 июня 1920 г. [Смолин 1999, 413–414]. В своем докладе, сделанном на Русском беженском съезде, проходившем в Таллинне с 21 по 30 марта 1920 г., юрисконсульт Ликвидационной комиссии Б. Е. Агапов, отмечал, что к моменту ликвидации Северо-Западной армии официально было зарегистрировано 9 836 здоровых и порядка 16 000 больных и раненых чинов армии. К концу марта в большей степени расчет был произведен среди обер-офицеров, в меньшей степени денежные выплаты получили солдаты и штаб-офицеры [Заседание 1920]. Как видно из приведенных в докладе цифр, комиссия не имела точных данных о количестве военнослужащих армии. Вероятно, данные, которыми оперировал Б. Е. Агапов, отражали преимущественно число северо-западников, находившихся в Таллинне и других крупных населенных пунктах. Однако даже данные по количеству чинов армии в Нарве, которыми располагала комиссия, не соответствовали их реальному числу. Так, в соответствии с имевшимися у комиссии списками, для расчета с северо-западниками в Нарве комиссией было выделено 3 миллиона эстонских марок, однако, командированным в Нарву для производства расчета полковником К. Я. Колзаковым было обнаружено, что на самом деле требуется сумма в 8 миллионов эстонских марок [Нарвская трагедия 1920].

Вообще недовольство среди северо-западников работой Ликвидационной комиссии было очень велико, поскольку многие считали себя обделенными денежными выплатами, в некоторых случаях в силу разного рода обстоятельств комиссия была вовсе не в состоянии выплатить некоторым чинам армии полагавшееся им содержание. Особое недовольство, как северо-западников, так и беженцев, вызывал факт обесценивания денежных знаков Северо-Западной армии, которые Ликвидационная комиссия не имела возможности обменять в полном объеме на эстонские марки. Поэтому в среде военных возникали серьезные сомнения в честности и добросовестности комиссии, в связи с чем на Русском беженском съезде была организована ревизионно-контрольная комиссия, в которую вошли П. А. Быстров, В. В. Дейрих, Г. И. Гроссен (Нео-Сильвестр) и К. Г. Бадендик [Гроссен 1924, 163]. Вся озлобленность военных была направлена в первую очередь на Б. Е. Агапова, хотя, как позднее признавался один из членов ревизионно-контрольной комиссии Г. И. Гроссен, лично у него Агапов вызывал впечатление порядочного человека, пытавшегося сделать все, что было в его силах [Гроссен 1924, 161].

В некоторых и, увы, не единичных случаях многие северо-западники сами не отличались добропорядочностью и честностью, обманывая и Ликвидационную комиссию и своих бывших соратников. Дело в том, что практически сразу после ликвидации армии среди ее чинов началась регистрация желающих отправиться на другие фронты Гражданской войны. По результатам январского опроса, в армию генерала А. И. Деникина пожелали отбыть 1 176 офицеров, 3 794 солдата и 285 семей военнослужащих, в армию генерала Е. К. Миллера — 25 офицеров, 108 солдат и 6 семей военнослужащих. В конце апреля общее число желающих уехать на фронт снизилось приблизительно до 1 000 человек [Смолин 1999, 405]. Всем записавшимся добровольцам Ликвидационная комиссия выплачивала дорожное пособие в размере 10 фунтов стерлингов [Ликвидация 1920], однако, очень скоро обнаружилось, что

среди записавшихся оказалось много таких, которые получали пособие, но никуда не собирались ехать [В ликвидационной комиссии 1920].

Впрочем, пособие выдавалось только тем, кто действительно мог встать в строй, то есть физически здоровым военнослужащим, а таковые в сравнении с общей массой бывших северо-западников в Эстонии составляли меньшую часть. К тому же на тот момент массовые переброски русских военных из пределов Эстонии были невозможны, поэтому добираться до места назначения нужно было на свой страх и риск и небольшими группами [Судьба разоруженных 1920].

К началу июня 1920 г. эстонское правительство решилось на оказание помощи по организации переброски русских белогвардейцев из Эстонии в Польшу, в ряды Русской народной армии С. Н. Булак-Балаховича и 3-й Русской армии П. В. Глазенапа. Эстонская сторона выделила представителям этих армий, осуществлявшим свою деятельность в основном под прикрытием вывески бюро по вербовке рабочих на лесные работы⁴, транспортные средства, доставлявшие добровольцев до Риги, откуда эшелоны пароходами переправлялись в Данциг (Гданьск). Первый эшелон в 120 человек был отправлен 3 июня. Большую часть данной группы составляли офицеры во главе с полковником П. А. Рогожинским [Документы 1959, III, 27]. Приблизительно за две недели из Эстонии было отправлено 22 эшелона, после чего перевозки были прекращены [Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 99]. Точное число уехавших неизвестно, но стоит предполагать, что оно составляло не менее нескольких тысяч человек. После отъезда первых эшелонов число желающих отправиться вслед за ними продолжало оставаться значительным и составляло по разным источникам от 5 000 до 7 000 человек [Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 99, 140]. Вероятно, последняя крупная группа добровольцев (около 3 000 человек) выехала из Эстонии в октябре 1920 г. [Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 185]. Это был последний массовый отъезд русских военных из Эстонии. В дальнейшем, в связи с поражением белых армий в Гражданской войне и ликвидацией их фронтов, потребность в переброске военных кадров с территории Эстонии исчезла.

Некоторая же часть воинов Северо-Западной армии была не в состоянии отправиться в очередной поход, так как многие были больны тифом, другие были ослаблены перенесенной болезнью. В целом остатки армии были весьма деморализованы вследствие понесенного поражения. Поэтому всем оставшимся в Эстонии северо-западникам приходилось решать вопросы, связанные с поиском работы, которая могла бы прокормить и их самих, и их семьи.

Такого же рода проблема стояла и перед руководством молодой Эстонской Республики, которая определенно не знала, что делать с такой значительной по меркам Эстонии массой инородцев. Кроме того, из-за их пребывания на территории Эстонии приходилось испытывать политическое давление со стороны восточного соседа. Решением данной проблемы явилось постановление эстонского Учредительного собрания от 2 марта «О принудительных лесных работах». В соответствии с этим постановлением предполагалось в течение 1920 г. привлечь до 15 000 трудоспособных, но не имевших определенного места работы мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, не взирая на их гражданство или отсутствие такового.

⁴ Имеются сведения о вербовочных бюро полковника Смирнова в Таллинне и Пайде [Документы 1959, III, 27], генерала Д. Р. Ветренко [Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 131–132]. В Таллинне отправкой добровольцев занимался также полковник Р. В. Садовский [Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 142].

Длительность работ определялась в 2 месяца. За уклонение от работы или ее самовольное оставление предусматривались наказания в административном порядке в виде заключения в тюрьму сроком до одного года или штрафа в размере до 100 000 эстонских марок [Asutava Kogu 1920].

В действительности вместо предполагавшихся 15 000 человек на работы было привлечено около 5 000, большую часть из которых составляли северо-западники [Гроссен 1924, 151–157]. Все собранные для этих работ северо-западники были организованы в артели и распределены по лесным и торфяным делянкам по всей Эстонии. Первое время артели возглавляли в основном бывшие предприниматели из Пскова, Гдова и Луги [От редакции 1920], но вскоре к ним прибавился ряд офицеров Северо-Западной армии. Известно, например, что под началом бывшего прапорщика В. В. Малкова-Панина на лесных заготовках в районах Валга, Тарту и Пярну в марте 1920 г. работало около 400 человек, большую часть которых составляли северо-западники, завербованные в Нарве и Йыхви [Н. 1920]. Артели полковника В. В. Стрекопытова работали под Тарту, Пярну и в районе Сонда [Объявление 1920]. Под Таллинном работала артель генерала Д. Р. Ветренко, состоявшая преимущественно из офицеров его дивизии [А. Л. 1920]. В начале 1921 г. в районе Сонда работала большая артель, подрядчиками которой были бывшие офицеры и члены Ликвидационной комиссии Северо-Западной армии во главе с полковником К. Я. Колзаковым [Письмо 1921]. Писатель, журналист, адвокат и известный общественный деятель А. В. Чернявский, занимавший какой-то пост по судебному ведомству Северо-Западной армии, был организатором лесных работ на трех участках, один из которых находился в районе Пярну. Общее число рабочих составляло приблизительно 100 человек [Чернявский 1920].

Хотя первоначально принудительные работы по заготовке дров и торфа были запланированы только на два месяца, но в действительности они затянулись на более продолжительный срок. Известно, например, что к марту 1921 г. в окрестностях Тарту продолжали работать 12 артелей общей численностью до 500 человек, все исключительно северо-западники [Юрьевское отделение 1921]. Всего, по результатам инспекции члена Комитета эмигрантов в Эстонии И. Ф. Евсеева на 1 августа 1920 г., в Эстонии существовало 12 районов с расположенными на их территории 54 заготовительными участками, на которых работало около 3 000 человек, подавляющее большинство из которых составляли бывшие военные Северо-Западной армии [Зирин 2004, 110–111].

Условия труда, гигиены и питания на заготовительных участках в большинстве случаев были весьма плачевными, не говоря уже о том, что для многих северо-западников, перенесших до этого заболевание тифом, тяжелый физический труд был не под силу, а некоторые из них вообще не были к нему приучены. Рабочим зачастую приходилось жить в землянках, одежда очень быстро приходила в негодность, а приобрести новую из-за дороговизны не представлялось возможным; заработанных денег хватало в основном только на питание, да и то только в объеме очень скромного рациона [Холтукин 1920; Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 137]. Во многом тяжелое положение рабочих было следствием корыстного желания подзаработать некоторых подрядчиков-офицеров, поэтому многие, невзирая на суровые репрессивные санкции, предусмотренные законом, покидали свои места работы. Так, например, из-за невыносимых условий труда, спустя лишь неделю на лесных заготовках, в начале марта артель, работавшая в районе Йыгева, с 200 человек сократилась вдвое [Башкиров 1920]. Разбежалась почти вся артель генерала Д. Р. Ветренко, и к середине июня 1920 г. в этой артели оставалось только около 25

человек [А. Л. 1920]. По той же причине уменьшилась численность артели А. В. Чернявского, работники которой скрылись в Латвии, прихватив с собой инструмент и провиант [Чернявский 1920]. Вследствие низкой оплаты труда рабочая артель, состоявшая из солдат Ливенской дивизии Северо-Западной армии, покинула завод барона Штакельберга в Пагари [Заметка 1920]. Правда, было бы несправедливо утверждать, что эксплуатация солдат подрядчиками и десятниками из офицеров имела повсеместный характер — были и исключения, о чем свидетельствует коллективное письмо 35 рабочих-солдат одной из артелей В. В. Стрекопытова, в котором они возражали против критики Б. Е. Агапова, сравнивавшего работу некоторых офицеров-десятников с жандармским надзором за рабочими. Рабочие указанной артели утверждали, что их офицеры, наоборот, всячески помогают рабочим [Письмо в редакцию 1920].

Положение северо-западников было осложнено еще и тем, что по началу они обладали особым статусом, отличающимся от статуса беженцев. На деле это проявлялось в частности в том, что по распоряжению эстонских властей, отданному в конце июля 1920 г., они были лишены права в получении хлебного пайка и иной материальной и правовой помощи. Хотя, как отмечалось в прессе, на практике очень трудно было определить, кого следует считать северо-западником, а кого беженцем [Наконец-то 1920].

Первоначально со стороны эстонских властей особый статус бывших военных Северо-Западной армии объяснялся тем, что их судьба зависела от решения Великобритании, Франции и Соединенных штатов, так как именно они поддерживали и снабжали Северо-Западную армию [О Северо-Западной армии 1920]. Однако иностранные благотворительные миссии, по всей видимости, не придерживались такого рода разделения и предпочитали сотрудничать с конкретными организациями, чей правовой статус был определенным. В Эстонии такой организацией был Комитет русских эмигрантов, который оказывал помощь русским беженцам. После расформирования Северо-Западной армии единственным учреждением, которое могло представлять интересы северо-западников, была Ликвидационная комиссия, но она, как уже говорилось выше, закончила свою деятельность 1 июня 1920 г., поэтому в дальнейшем никакого официального представительства чинов Северо-Западной армии в Эстонии не было.

Тем не менее разделение эмигрантов на беженцев и северо-западников просуществовало до 1921 г., когда последние оказались уже совсем в плачевном положении: с одной стороны, они не получали помощи от Комитета русских эмигрантов, поскольку не имели статус беженцев; с другой стороны, обещанная помощь от американской благотворительной миссии была к тому времени внезапно прекращена [А. В. 1920]. В этот раз на многочисленные запросы с просьбами разъяснить суть разделения русских эмигрантов на два лагеря, министр внутренних дел выступил с весьма странными объяснениями, смысл которых заключался в том, что в отличие от беженцев северо-западники якобы пришли в Эстонию с обозами, запасами провианта, ценностями и т. д., поэтому, по мнению министра, они не нуждаются в помощи [Смирнов 1921]. Абсурд данного умозаключения состоял в том, что те чины Северо-Западной армии, которые, действительно, пришли в Эстонию с какими-либо ценностями, вывезенными из России, на самом деле, либо через какое-то время покинули Эстонию, либо получили эстонское гражданство, или же пользовались помощью Комитета русских эмигрантов. Статус же северо-западников распространялся прежде всего на тех, кто работал на рубке леса,

заготовках торфа, на добыче сланца и иных видах работ, связанных с тяжелым физическим трудом, где люди, как известно, находились на грани нищеты и голода.

Откровенное бесправие и отчаянная нужда северо-западников послужили толчком для общественности в принятии мер для оказания помощи. 18 октября 1920 г. в Таллинне было открыто благотворительное общество «Белый крест», ставившее себе целью оказание помощи нуждавшимся северо-западникам (подробнее о деятельности общества см. § 6. 4 данной главы). Постепенно отделения общества были открыты в Нарве, Тарту, Йыхви, Пярну и Вильянди. В феврале 1921 г. в Тарту был открыт патронат общества для инвалидов. Благодаря работе общества, выражавшейся прежде всего в предоставлении одежды и обуви, печальная участь многих воинов Северо-Западной армии стала, несомненно, менее тяжелой.

Привлечение северо-западников на принудительные работы представляло собой лишь временное решение проблемы с их трудоустройством, так как уже к концу апреля на некоторых лесозаготовках работы были прекращены и многие северо-западники стали безработными; некоторые из них нанимались на сельскохозяйственные работы на эстонские хутора [Хроника 1920]. Однако некоторая часть бывших российских военных в поисках работы бесконтрольно кочевала по всей Эстонии, и они вместе с теми, кто самовольно уходил с принудительных работ, представляли определенную проблему для эстонских властей. По большому счету, дело заключалось не только в русофобии эстонских верхов, как это иногда преподносится в работах некоторых российских исследователей [Смолин 1999, 414; Зирин 2004, 109–111], но и в том, что после многолетних военных потрясений страна, действительно, находилась в весьма трудном экономическом положении, и обеспечить работой всех жителей государства было проблематично. Особенно сложно дело обстояло с беженцами и остатками армии Н. Н. Юденича, так как большинство из них никак не было связано с Эстонией, многие и в дальнейшем не собирались связывать свою судьбу с этой страной, в целом же среди них было мало тех, кто имел определенные планы в отношении своего будущего. Еще раз подчеркнем, что в данной связи следует учитывать и тот факт, что из-за находящегося на эстонской территории большого числа бывших чинов Северо-Западной армии Эстония постоянно испытывала давление со стороны Советской России.

Возможно, что именно в силу вышеперечисленных причин, эстонское правительство постоянно испытывало некоторое раздражение и неудовольствие по поводу присутствия в стране большого числа пришлого элемента. Если на встрече с членом Комитета эмигрантов А. А. Горцевым, состоявшейся 16 августа 1920 г., министр внутренних дел К. А. Эйнбунд лишь высказывал пожелание, чтобы русские беженцы постепенно покидали Эстонию, так как в стране было тяжелое экономическое и продовольственное положение [Н. С. 1920a], то через некоторое время правительство предприняло уже ряд конкретных мер. Так, уже в конце августа по распоряжению того же министра внутренних дел из Таллинна было выселено много иностранцев, в числе которых были, в основном, евреи и северо-западники. Министерство объясняло эти меры тем, что высланные якобы окольными путями добывали себе разрешения на право жительства в столице и занимались спекуляцией, что очень негативно сказывалось на курсе эстонской марки. Также сообщалось, что многие из них сбежали с лесозаготовок, нарушив тем самым закон [Высылка иностранцев 1920]. На заседании эстонского правительства 17 сентября было принято решение, касающееся практически всех русских эмигрантов. По этому постановлению, все бывшие чины Северо-Западной армии, русские беженцы и

военнопленные, являющиеся работоспособными, но по каким-то причинам не работающие, лишались права получать какую-либо помощь от эстонских и иностранных организаций. Министр внутренних дел лично от себя настоятельно предложил всем перечисленным категориям лиц срочно покинуть Эстонию [Эстония 1920].

Между тем к концу 1920 г. большая часть из тех, кто не собирался надолго задерживаться в Эстонии, уже покинула страну⁵. Оставшиеся в Эстонии русские беженцы и военные старались по возможности найти хотя бы временную работу и как-то обустроиться. Среди бывших военных легче было найти работу солдатам, так как на рынке труда, прежде всего, были востребованы наемные рабочие, приспособленные к физическому труду и обладающие определенными навыками. Сложнее всего приходилось бывшим офицерам, поскольку многие из них имели только военное образование. Исключение составляли лишь военные с техническим образованием, чьи знания и умения были востребованы.

Некоторой части русских военных удавалось устроиться по специальности, поступив на службу в эстонские вооруженные силы. Первое время число русских офицеров в эстонской армии и флоте было значительным, но со временем по причине незнания государственного языка их численность сильно уменьшилась, и продолжить военную карьеру смогли немногие (подробнее см. § 3 данной главы).

С начала Первой мировой войны в ряды армии было призвано много людей разных сословий и социального уровня. В частности офицерский корпус русской армии за годы войны пополнился представителями разного рода интеллигентских профессий. В книге авторитетного ученого-историка С. В. Волкова «Трагедия русского офицерства» говорится, что русский офицерский корпус к концу войны «включал в себя всех образованных людей в России, поскольку практически все лица, имевшие образование в объеме гимназии, реального училища и им равных учебных заведений и годные по состоянию здоровья, были произведены в офицеры» [Волков 2001, 12]. Среди русских офицеров в Эстонии таких было немало. Многие из них устраивались учителями в школы и гимназии. Особенно много учителей школ из бывших офицеров было в Печорском уезде. О. А. Калкин в своей работе приводит свидетельство уроженки Печорского края И. А. Отто, утверждавшей, что бывшие офицеры русской императорской и белых армий составляли не менее половины всех школьных учителей уезда [Калкин 2004, 27]. Из их числа нам известны имена С. К. Сергеева, Н. И. Блинова, Г. А. Батарина, К. М. Шнейдера, В. К. Любомирского, А. М. Максимова, А. А. Гессе. О своем первом учителе бывшем офицере А. И. Шкультине, работавшем в четырехклассной школе в деревне Авдошово недалеко от Изборска, очень тепло вспоминала в своей книге К. Хлебникова-Смирнова [Хлебникова-Смирнова 1994, 6].

В начале 1920 г. значительное количество русских офицеров работало в Таллинне на Русско-Балтийском судостроительном заводе и грузчиками в порту, но после того, как многих из них выселили в Пярну, их численность в Таллинне сократилась втрое [Л. Т. 1920]. Много русских офицеров и солдат работало на сланцевых разработках и цементных заводах в Ида-Вирумаа [Исаков 2001б]. В Нарве большое число русских военных работало на заводах Кренгольмской мануфактуры. Однако получить

⁵ Впрочем, известен еще один случай значительного по численности возвращения в Россию бывших воинов Северо-Западной армии: 7 июля 1923 г. из Нарвы в СССР было отправлено 10 вагонов-теплушек с пожелавшими вернуться на родину, большую часть из которых составляли северо-западники [Эшелон 1923]. Вероятно, это был последний массовый исход северо-западников из Эстонии.

рабочее место на каком-либо предприятии было для большинства эмигрантов большим счастьем. В ряде случаев против массового приема на работу русских эмигрантов выступала эстонская общественность. Так, например, в 1925 г. после громкой критики на страницах нарвской газеты «Rõhja Kodu» своих мест на Кренгольмской мануфактуре лишились многие из русских рабочих, в числе которых были и военные П. П. Зубов, В. А. Карамзин, Б. М. Севастьянов и др. Главная претензия газеты «Rõhja Kodu» заключалась в том, что очень много рабочих мест на Кренгольмской мануфактуре были заняты русскими эмигрантами, не владеющими эстонским языком, в то время как многие эстонцы оставались безработными [Из местной эстонской печати 1925].

В целом большинству русских военных для того, чтобы выжить, пришлось осваивать ряд новых профессий. К примеру, генерал Э. А. Верцинский работал страховым агентом; генерал В. Е. Дмитриев зарабатывал на жизнь переплетом книг; генерал В. И. Чижов работал сторожем, генерал Ф. А. Георг служил контролером на железной дороге; полковник Э. А. Геннингс занимался продажей газет. Некоторые офицеры занимались весьма успешно кустарным производством. Среди них был поручик Е. Н. Гаусман, занимавшийся изготовлением игрушек, которые со временем стали выставлять в Таллинне, Тарту, Нарве, Вильянди и Йыхви. На этих выставках его изделия восемь раз получали первую премию. Не меньшей известностью в Нарве пользовалась небольшая лавка офицера Г. Иосифова, где изготавливались художественно оформленные шкатулки, сумочки, блокноты, а также ремонтировались зонтики и другие мелкие вещицы [Беседа 1936б].

Свое частное дело открывали и высшие офицерские чины: полковник А. Е. Кудрявцев являлся владельцем платной публичной библиотеки, генерал А. К. Байов содержал книжный магазин, который также функционировал как библиотека, а с 1934 г. и как издательство [Абисогомян 2003, 67]. Свою табачную лавку имел полковник Я. М. Корецкий. Бóльшими возможностями, по вполне понятным причинам, обладали офицеры из местных немцев. Семейный бизнес по продаже резиновых изделий был у полковника К. Г. Бадендика, генерал О. А. фон Крузенштерн занимался коммерческой деятельностью, организовав рекламное бюро «IRA». Много бывших офицеров работало в торговых предприятиях «ВIM», «Promit», «Linda». В частности во главе «ВIM» стояли ротмистры гвардейских кавалерийских полков П. П. фон Баранов (кавалергард), С. Л. Ионин (лейб-драгун) и А. Э. фон Мантейфель (конногвардеец), а также капитан гвардейского Саперного батальона В. И. Балбашевский и полковник А. А. фон Бенкендорф (лейб-гусар?). Эти предприятия достаточно успешно осуществляли свои торговые операции. Например, в конце мая 1920 г. «ВIM» заключил очень выгодный договор с Советской Россией о поставке 2 миллионов пудов картофеля, что принесло фирме весьма солидную прибыль [-vr. 1920].

Также очень удачно развивался бизнес генерала О. П. Васильковского, организовавшего фирму «Нептун», занимавшуюся обслуживанием морских судов в таллинском порту. Однако большинство бывших русских офицеров не были столь удачливы и предприимчивы и с радостью довольствовались любой, даже грязной и тяжелой работой. Столь разительный поворот судьбы русского офицерства не без иронии описывал в своих зарисовках Б. В. Свободин: «В первые годы эмиграции, с ликвидацией армии Юденича, этнографической особенностью Коппеля являлись так называемые эрзац-полковники и маргариновые ротмистры. Имя же им было легион. Но с течением времени, когда жизненная разруха стабилизировалась,— всяк сверчок сел, так сказать, на свой шесток. Все эти эрзацы, зачастую малограмотные, пришли в

первобытное свое состояние и превратились в Петек, Сашек, Митек и Гришек» [Свободин 1933].

Конечно, были и такие из бывших военных, которые сумели достичь значительных результатов карьерного роста. Например, Н. Хельк (Чистяков), начав в 1916 г. военную карьеру прапорщиком, за годы Эстонской Республики сделал стремительную карьеру, дослужившись до чина генерал-майора и должности председателя Военно-окружного суда республики [Õun 2001, 15]. Подполковник артиллерии В. Н. Рославлев, прекрасно изучив государственный язык, в течение более чем 10 лет работал в министерстве народного хозяйства и в налоговом управлении. По делам налогообложения он неоднократно выступал как в Государственном Суде, так и в парламентских комиссиях. В течение 5 лет Рославлев читал лекции по законоведению в Военном училище, а также работал по юридическим вопросам в военном отделе государственного контроля. Участвовал в работе совета Русского Национального Союза, а в 1938 г. был избран в эстонский парламент [Русские дела 1934; Исаков 1999, 76]. Капитан А. Е. Осипов принимал активное участие в деятельности Нарвского городского собрания, а в 1932 г. был избран в эстонский парламент. В 1937 г. состоял председателем комитета по проведению первого всегосударственного русского певческого праздника в Нарве [Бойков 1996в, 9–10].

Однако такие случаи в основном были единичны. Для большинства бывших военнослужащих русской армии жизнь складывалась менее удачно. Новая жизнь диктовала свои условия, и к ним приходилось приспособливаться, задумываясь в первую очередь о хлебе насущном. Однако для определенной части военных переход на условия гражданской жизни вовсе не означал прекращение борьбы за свои идеалы, а лишь переводил эту борьбу в иную плоскость.

§ 2. Конспиративная и разведывательная деятельность. Русский Обще-Воинский Союз

Оставшийся в Эстонии после 1920 г. контингент русских военных был весьма разнообразен: кроме составлявших большую часть северо-западников, в их число входил ряд военных-оптантов, а также эмигрантов, приехавших из других стран; не стоит также забывать, что в Эстонии находилось немало военных пенсионеров, а также граждан других стран (в основном Латвии, Литвы, Польши и Финляндии). Довольно затруднительно определить точное количество русских военных в Эстонии, проживавших на ее территории в период независимости. Согласно приблизительному подсчету Ю. П. Мальцева, только бывших северо-западников в Эстонии осталось около 2 700 человек [Мальцев 1999, 140]. Можно предположить, что более трети из них составляли офицеры. Известно, что, например, к 1 мая 1923 г. из 9681 человека, зарегистрированного Комитетом русских эмигрантов русских беженцев, 243 человека составляли кадровые офицеры [Отчет Комитета 1923, 40], то есть те, кто получил полное военное образование в объеме программы военного училища и был произведен в офицеры до войны. Таким образом, в это число не входили офицеры производства военного времени, а такие, по данным С. В. Волкова, составляли только к концу Первой мировой войны 7/8 всего офицерского корпуса российской армии [Волков 2001, 11]. Если к тому же учесть, что Комитетом

эмигрантов не регистрировались эстонские граждане и граждане других стран, а также те, кто в силу каких-то причин не смог или не пожелал зарегистрироваться, то вполне оправданно полагать, что численность русских офицеров в Эстонии составляла более тысячи.

Объединяющим фактором для всех русских военных, оставшихся за пределами России, явилось полное неприятие установившейся там власти. Именно офицерский корпус российской армии стал первой жертвой развернутого большевиками кровавого террора, именно русское офицерство было основой белого движения, и именно оно представляло собой ту силу, которая даже после поражения в Гражданской войне продолжала борьбу.

После расформирования Северо-Западной армии группа офицеров из отдела разведывательной службы армии, во главе которой стоял генерал А. В. Владимиров, по его поручению продолжила свою деятельность. Разведывательная работа этой группы, в которую входили поручик А. Н. Берн, ротмистр Л. Ленц, полковник В. В. фон Валь и поручик Покровский, проводилась в согласии с эстонским Генеральным штабом [Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 138–143], и ею была налажена связь с подпольной тайной организацией в Петрограде. Кроме этой группы в Эстонии также существовала организация генерала Н. Н. Гоерца, которая тоже занималась сбором информации разведывательного характера в России, но, судя по отзыву полковника В. В. фон Валя, ее деятельность осуществлялась весьма дилетантски [Русская военная эмиграция 1998: I:1, 141]. Существовала и еще одна такая организация, созданная бывшим начальником контрразведки Северо-Западной армии Г. Г. Кромелем (Кроммелем). По всей видимости, на территории Эстонии кроме этих организаций существовали и другие. Очевидно, что четкой координации действий между ними не существовало, и каждая организация действовала самостоятельно.

Активизация этих организаций особенно проявилась во время Кронштадтского восстания 28 февраля – 18 марта 1921 г. В ночь с 9-го на 10-е марта со здания советского посольства в Таллинне был сорван флаг [Почс 1985, 20], а в официальной ноте полномочного представителя РСФСР в Эстонии министру иностранных дел Эстонии А. Пийпу от 10 марта сообщалось, что у советского правительства имеются точные сведения о формировании на территории Эстонии воинских частей из остатков Северо-Западной армии для их дальнейшей переброски в Кронштадт [Документы 1959, III, 586–587]. В своем ответе от 11 марта А. Пийп заверил советскую сторону, что никаких белогвардейских формирований в Эстонии не будет допущено [Там же, 587]. Вместе с тем были приняты меры по выявлению тех, кто активно занимался антисоветской деятельностью в Эстонии. В результате «разоблаченной» оказалась организация Г. Г. Кромеля.

Организация Г. Г. Кромеля, носившая название «Северная боевая дружина», с самого начала носила провокационный характер, хотя, по-видимому, никто из ее членов кроме Кромеля об этом не догадывался. Дело в том, что Кромель изначально вел двойную или даже тройную игру, работая на германскую, эстонскую и польскую разведки, имея при этом связи с советским посольством в Эстонии. Все операции, проведенные Кромелем, по сути дела, заканчивались полным провалом. Посылаемые им группы агентов в Россию, каждый раз при пересечении границы натывались на усиленные кордоны советских пограничников, а один раз все закончилось кровавой перестрелкой с людскими жертвами со стороны диверсантов. В конечном счете, Кромель стал терять доверие как среди своих сторонников, так и со стороны иностранных разведок.

8 марта 1921 г. собравшиеся на квартире бывшего присяжного поверенного Н. Н. Иванова члены этой организации были арестованы эстонской полицией и преданы суду [Меймре 2002, 269–271]. Среди арестованных был ряд офицеров северо-западников: полковники П. П. Хвалынский, В. К. Видякин, Б. Е. Агапов и капитан 2-го ранга К. Е. Введенский. Как сообщалось в печати, ввиду того, что их активные действия во время Кронштадтского восстания могли привести к осложнению отношений с Россией, всем им было предложено покинуть Эстонию в кратчайшие сроки [Выселение 1921]. Однако судебное разбирательство затянулось надолго. Спустя год, в апреле 1922 г. по этому делу было осуждено еще десять человек, и 13 человек подлежали высылке из страны [Дело 1922]. В августе того же года в прессе сообщалось, что расследование по этому делу продолжается [Хроника 1922]. В целом складывается впечатление, что судебный процесс носил в большей степени демонстративно-показательный характер, чтобы приструнить местных белогвардейцев и успокоить советское правительство. Основные обвиняемые Г. Г. Кромель и начальник Охранной полиции (Kaitsepolitsei) капитан Г. Веэм были освобождены; часть заговорщиков (В. К. Видякин, К. Е. Введенский, Б. Е. Агапов и др.) временно были выселены в Пярну и Хаапсалу [Хроника 1921б]. Точно неизвестно, были ли депортированы все подлежавшие выселению лица, определенно лишь можно сказать, что Эстонию покинул Н. Н. Иванов [Меймре 2002, 271] и, видимо, полковник П. П. Хвалынский, так как в дальнейшем о нем нигде не упоминалось.

О реальных действиях этой организации в дни Кронштадтского восстания сведений нет. Однако известно об активной деятельности эсеров под руководством В. Чернова. Оказывается, между организацией эсеров и министром иностранных дел А. Пийпом существовала договоренность о переправке некоторых сумм эсеровской организации в Эстонию через эстонское консульство в Берлине, а также об упрощении въезда в Эстонию некоторого контингента русских военных, которые должны были потом принять участие в выступлении против большевиков [Почс 1985, 19]. В своей корреспонденции В. Чернов утверждал, что он был в состоянии сформировать три отряда по 300 человек каждый и выступить в направлении Ямбурга, Пскова и Гдова. Главе кронштадтских мятежников С. Петриченко Чернов также предлагал помощь в 600 человек [Там же, 19–20]. Вероятно, что деятельность эсеров в Эстонии осуществлялась не без помощи генерала А. В. Владимирова и его сотрудников. О связи в тот период генерала Владимирова с эсерами можно утверждать на основе документов, приводимых в книге Н. Н. Рутыча, которые свидетельствуют о том, что от эсеров генералами Глазенапом и Владимиром были получены средства на ведение работы, а во время событий в Кронштадте Владимиров активно поддерживал связь с подпольной организацией в Петрограде [Рутыч 2002б, 181–182].

Как известно, кронштадтский мятеж был подавлен, а выступление белогвардейских отрядов из Эстонии не состоялось. Однако это не означало прекращения деятельности антибольшевистских организаций в Эстонии. К концу 1922 – началу 1923 гг. эстонская политическая полиция имела серьезные основания для начала масштабного расследования деятельности многочисленных групп монархистов, которые существовали во многих городах республики. По наблюдениям эстонской полиции в Эстонии существовало два лагеря монархистов — немецкие и русские. Первые, хотя и имели определенную политическую программу, согласно которой Эстония рассматривалась как часть Германской империи, но на практике больше были заняты решением своих экономических проблем. Несмотря на

то, что для независимости Эстонии большую опасность представляла политическая программа немецких монархистов [Меймре 2002, 277], органы эстонской Охранной полиции в большей степени занимались изучением деятельности русских монархистов.

С точки зрения эстонской полиции, русские монархисты также разделялись на две группы — активные и пассивные. К пассивным относились монархисты, объединившиеся вокруг благотворительного общества «Белый крест» [ГАЭ 1: 7: 28, 15; Меймре 2002, 275–276]. Обвинения в адрес этого общества в скрытой, монархической деятельности начались сразу же после его образования. В обличительной статье газеты «Vaba Maa» говорилось о том, что общество преследует реакционные цели, имеет связи с монархической организацией Н. Е. Маркова и является непримиримым врагом эстонской независимости, что его деятельность создает угрозу дружеским отношениям между Эстонией и Россией [У. В. 1920]. На шквал этих обвинений «Белый крест» был вынужден выступить в печати с опровержением, в котором все подобного рода обвинения начисто отвергались и подчеркивались исключительно благотворительные цели общества [Шидловский 1920]. Если рассматривать деятельность общества в целом, то оно, действительно, стояло вне политики и занималось только помощью нуждавшимся северо-западникам, хотя направления деятельности отдельных его членов нельзя назвать аполитичными.

Активная группа русских монархистов объединилась вокруг «Союза верных» [ГАЭ 1: 7: 28, 15]. Союз был очень законспирированной организацией, начавшей свою деятельность еще до 1919 г. Во главе его стоял бывший член Государственной Думы Н. Е. Марков, а членами были многие видные политики и военные, в том числе князь А. А. Ширинский-Шихматов, сенатор А. А. Римский-Корсаков, Б. П. Баранский (Соколов), генералы П. Н. Краснов и В. И. Гурко. Креатурой союза была Северо-Западная армия, все высшее руководство которой состояло из членов союза. Целью этой организации являлось восстановление в России законной монархии путем внедрения своих членов в Красную армию и осуществления переворота изнутри. К 1920 г. «Союз верных» образовал сеть своих ячеек по всей Европе и внутри России [Русская военная эмиграция 1998: I: кн. 1, 392–393]. Официальным прикрытием союза стал Высший монархический совет, созданный на Съезде хозяйственного восстановления России, который состоялся в период с 29 мая по 7 июня 1921 г. в Бад-Рейхенгалле. В основных положениях, принятых съездом, провозглашалось объединение на основе идеи монархии и православия, также признавалась необходимой всемерная поддержка всего офицерского состава «бывшей и будущей Русской Армии» и организация на местах офицерских союзов взаимопомощи⁶ [Политическая история 1999, 115–117].

По мнению эстонской Охранной полиции, «Союз верных» окутал своей сетью всю Эстонию, создав монархические ячейки во всех крупных населенных пунктах страны, где проживало местное русское население и русские эмигранты. Такие ячейки существовали в Таллинне, Тарту, Нарве, Пярну, Вильянди, Выру [ГАЭ 1: 7: 28, 147–151, 158–158 об., 161–161 об., 172–172 об.]. В их задачи входили «подготовка и направление деятельности просветительных, агитационных, трудовых и боевых

⁶ Возможно, что в Эстонии первым таким союзом стало зарегистрированное в 1921 г. Общество помощи бывшим военнослужащим, почетным председателем которого был генерал-от-кавалерии Н. Ф. Крузенштерн. К сожалению, никаких других сведений об этом обществе нам не известно [см.: Шор 2001, 105].

отрядов» [ГАЭ 1: 7: 28, 211]. Охранная полиция полагала, что все подобного рода действия со стороны русских монархистов были очевидны. На самом деле в большинстве случаев полиция не располагала достоверными и подробными сведениями, подтверждавшими причастность того или иного лица к деятельности конспиративных организаций. Поэтому в число подозреваемых попадали все, кто состоял в разного рода эмигрантских организациях, русских общественных собраниях, кто в силу своего высокого положения в дореволюционной России априори считался монархистом; все бывшие русские военные, особенно северо-западники, также считались потенциальными подпольщиками. В результате, к 26 января 1923 г. список наиболее видных монархистов, составленный полицией на основе донесений своих тайных агентов, включал в себя 23 имени: Б. Е. Агапов, О. П. Васильковский, В. В. Валь, О. А. Крузенштерн, К. И. Нотбек, А. Н. Игнатъев, А. Ф. Гирс, А. К. Баиов, Г. М. Ванновский, А. В. Кушелевский, В. Н. Горбатовский, В. Н. Подозеров, В. В. Стрекопытов, Б. Г. Бояринцев, П. П. Баранов, В. И. Чернозерский, В. А. Бармин, И. И. Голенищев-Кутузов, К. Соболев, Н. К. Вольф, С. С. Шереметьев, А. И. Иванов и Р. В. Садовский [ГАЭ 1: 7: 28, 42].

Реально же перечень имен проходивших по этому делу был в несколько раз больше. Прямых доказательств каких-либо противоправных действий со стороны подозреваемых у полиции не было. Никаких результатов не принесли обыски и допросы некоторых из них. Однако постановлением министра внутренних дел от 9 марта 1923 г. О. П. Васильковскому, Б. Г. Бояринцеву, А. И. Иванову, А. Н. Игнатъеву, Н. К. Вольфу, В. А. Карамзину, П. П. Зубову, А. П. Аристову и Н. В. Васильеву было предписано в течение месяца покинуть Эстонию, а Б. Е. Агапов, В. А. Чумиков, А. Д. Сепп, Л. М. Гаврилова, В. В. Валь и О. А. Крузенштерн — высылались из мест, объявленных на военном положении [Хроника 1923а]. На самом деле, кажется, никто из тех, кому было предписано покинуть страну, из пределов Эстонии не был выслан, — всех их отправили в ссылку в Пярну или другие места, не находившиеся на военном положении [ГАЭ 1: 7: 30; Хроника 1923б].

Репрессивные меры эстонских властей по отношению к активной части русских монархистов не стали помехой в продолжении ими своей деятельности. В частности Б. Е. Агапов, находясь в ссылке в Пярну, сразу же по прибытии туда включился в общественную работу среди местного русского населения: еще с момента его первой ссылки в 1921 г. он состоял членом местного Русского общественного собрания [ИАЭ 4541: 1: 30, 10], во время своей второй ссылки он продолжал агитацию среди проживавших здесь северо-западников о вступлении в «Союз верных» [ГАЭ 1: 7: 28, 172]. Агапов отличался чрезвычайной активностью еще со времен его работы в Ликвидационной комиссии Северо-Западной армии. После завершения работы комиссии, он принял эстонское гражданство и активно включился в общественную работу, став членом Комитета русских эмигрантов, товарищем председателя Таллиннского русского общественного собрания, председателем приходского совета Александро-Невского собора, членом, а потом и председателем духовного совета русских приходов. Он также входил в комитет по созданию объединения выпускников Санкт-Петербургского университета в Эстонии (см. Приложение). Совершенно справедливо утверждение А. Меймре о том, что Агапов продолжал свою деятельность вполне открыто, не без основания полагая, что его, как эстонского гражданина, «выдворить из страны все равно не могут» [Меймре 2002, 278]. Однако мириться с проявлениями деятельности Агапова эстонские власти были не намерены, поэтому в мае 1924 г. было сфабриковано дело по обвинению бывшего

поставщика Северо-Западной армии В. Юшкевича, который осенью 1920 г. продал государству 11 000 пар ботинок, хотя, по договору между Эстонией и Северо-Западной армией, все имущество армии после ее расформирования должно было быть передано эстонской стороне. Постановлением суда Юшкевич был приговорен к полутора годам тюрьмы, а привлеченные к суду заместитель начальника снабжения Северо-Западной армии Дементьев и юрисконсульт Ликвидационной комиссии Агапов были взяты под стражу до внесения залога в сумме 100 000 эстонских марок [Приговор 1924]. Через какое-то время сумма залога была увеличена до 200 000 эстонских марок, а 18 июля Агапов исчез из Эстонии [Хроника 1924в].

Энергичная деятельность Б. Е. Агапова заставляла эстонские власти полагать, что именно он являлся главой эстонского отдела «Союза верных» [ГАЭ 1: 7: 28, 15]. Однако для руководителя столь законспирированной организации как «Союз верных» деятельность Агапова была слишком на виду, к тому же среди русских монархистов были люди и по чину, и по статусу, и по связям его выше. Скорее всего, Агапов был, так сказать, «локомотивом» союза, выполняя всю организационную работу по вербовке новых членов и агитации. Более вероятным представляется то, что реальным главой союза и всех русских монархистов в Эстонии был генерал-от-инфантерии В. Н. Горбатовский. Именно он имел непосредственные связи с Высшим монархическим советом в Германии, куда он ездил каждое лето [ГАЭ 1: 7: 28, 134]. Он же состоял членом Сопещения при Высшем монархическом совете [Русская военная эмиграция 1998: II, 276]. У Горбатовского были связи и в России, и среди эстонского дипломатического корпуса, он вел регистрацию всех русских офицеров в Эстонии, пользовался большим авторитетом среди русских эмигрантских организаций, но постоянно оставался в тени [ГАЭ 1: 7: 28, 133 об.–134 об.]. Только в мае 1924 г. Охранная полиция стала располагать сведениями, что Горбатовский возглавлял некий «Союз взаимопомощи офицеров» и поддерживал связь со многими организациями русских военных в Европе [ГАЭ 1: 7: 28, 139–140 об.].

К маю 1924 г. монархические ячейки в разных городах Эстонии активизировали свою деятельность. Самой многочисленной и активной была монархическая организация в Нарве, в нее входили А. В. Бреверн, В. С. Грацинский, Д. П. Тихомиров, В. Л. Губин, П. А. Васильев, В. А. Благовещенский, К. Ф. Парис, Б. М. Севастьянов, П. А. Цур-Мюлен, П. Г. Козлов, Б. А. Тишнер, В. В. Мозгалевский, Р. В. Франк и другие [ГАЭ 1: 7: 28, 148–148 об.]. В Печорском районе самыми активными были И. И. Рогожин, К. Д. Мерказин и Г. И. Ерофеев [ГАЭ 1: 7: 28, 150–150 об.]. В Тарту монархическая группа состояла из А. А. Фадеева, А. К. Вальтера и Л. Э. Брюновского [ГАЭ 1: 7: 28, 151]. В монархический кружок в Вильянди входили В. С. Огурцов, В. К. Старых-Седых, А. В. Кряхт, М. Хейбович, С. Г. Елисеев, Т. Е. Радионов, Г. Н. Шалягин и А. И. Крестьянова [ГАЭ 1: 7: 28, 158–158 об.]. Достаточно большая группа монархистов находилась в Пярну — Н. А. Терентьев, В. М. Лопухин, Н. Н. Зветков, В. К. Видякин, С. В. Скрипов, С. М. Зеленский, С. И. Обухов, С. В. Баранов, В. Н. Николаев, П. М. Николаев, Н. И. Крамарев, Б. Г. Бояринцев, Б. Е. Агапов и другие [ГАЭ 1: 7: 28, 161–161 об., 172–172 об.]. Кроме главы эстонского отдела Высшего Монархического совета В. Н. Горбатовского в состав центрального правления входили А. К. Баиов, Г. Г. Кромель, П. Н. Яхонтов, А. Ф. Штакельберг, Л. К. Гейман, П. И. Большев, А. Д. Сепп и с 1922 г. — А. О. Штубендорф [ФГАЭ 130: 11566: I, 103–104].

Весьма большая монархическая организация была создана в середине 1921 г. в эстонском сланцевом бассейне. Большую часть членов этой организации составляли

бывшие офицеры Северо-Западной армии. Первоначально эта организация носила название «Монархическое объединение во имя святых апостолов Петра и Павла», и ее возглавлял М. М. Казаринов, который через какое-то время уехал в Южную Америку, а его сменил Н. И. Куликов. В конце 1925 г. председателем организации стал бывший жандармский зауряд-прапорщик Ф. С. Добровидов. В 1930 г. организация стала называться «Легитимно-монархический союз» и имела свои ячейки в Азери, Кунда, Кивиыли, Кютте-Йбу. После переезда в 1935 г. Ф. С. Добровидова в Нарву организацию возглавил штабс-капитан Н. А. Смирнов. Активными членами организации также были А. И. Леонтьев, Л. В. Дор-Бек, И. С. Соколов, Н. В. Катугин, И. С. Светлов, С. В. Адрик (Мудролюбов), А. М. Чугунов, И. М. Селецкий, А. В. Быстров и П. С. Миронов. До 1929 г. организация примыкала к сторонникам великого князя Николая Николаевича и поддерживала связь с центральным таллинским отделом монархической организации в Эстонии, которую сначала возглавлял В. Н. Горбатовский, а затем А. К. Баиов. После смерти в 1929 г. великого князя местные монархисты примкнули к «кирилловцам» и установили связь с представителем великого князя Кирилла Владимировича в Эстонии адмиралом П. П. Левицким. После смерти в 1938 г. великого князя и адмирала П. П. Левицкого организация стала постепенно распадаться [Исаков 2001б, 96–99; ФГАЭ 130: 14114: П].

В Таллинне русские монархисты зачастую не скрывали свою деятельность. С конца 1923 г. в таллинском районе Копли, где проживала основная часть русских военных и русских эмигрантов вообще, стали проводиться концерты-митинги под названием «Русские национальные вечера». Кроме развлекательной программы эти вечера включали в себя также и выступления местных монархистов, в числе которых чаще всего принимали участие А. В. Чернявский и Б. В. Энгельгардт [Коппелец 1924; История одного вечера 1924; ГАЭ 1: 7: 28, 144–144 об.]. Уже на первом вечере А. В. Чернявский предложил послать приветственную телеграмму великому князю Николаю Николаевичу и собрать пожертвования по 20 эстонских марок в пользу фонда великого князя. Об этом открыто сообщалось в прессе, а представители советского торгового флота уволили со своих работ в гавани Русско-Балтийского завода всех рабочих, участвовавших в этом митинге [Коппелец 1924].

К 1924 г. таллинское Русское общественное собрание, известное больше как Русский клуб, стало центром местных монархистов. В совет старейшин клуба входили князь С. П. Мансырев, К. Ю. Амелунг, полковники К. Г. Бадендик, В. А. Верцинский, Б. В. Энгельгардт, штабс-капитан И. В. Ковешников и другие [ГАЭ 1: 7: 28, 185]. После переизбрания совета старейшин 2 апреля 1924 г. его председателем стал А. К. Баиов [Хроника 1924б]. В апреле вышел первый номер журнала «Эмигрант», ставший фактически рупором местных монархистов. Из номера в номер на страницах журнала публиковались статьи А. В. Чернявского и А. К. Баиова, в которых провозглашалось возрождение былого величия России под сенью монархии и православной веры; вождем русского национального движения сотрудники журнала безусловно признавали великого князя Николая Николаевича [см., напр.: Чернявский 1924а; 1924б; Национальная Россия 1925].

В мае в Таллинне среди эмигрантов местными монархистами были распространены листовки. Как сообщал корреспондент газеты «Päevaleht», листовки содержали призыв жертвовать деньги в фонд великого князя Николая Николаевича и участвовать в совместной работе по восстановлению России. По мнению того же корреспондента, монархические девизы этих листовок не содержали в себе чего-либо нового и заканчивались двумя четверостишиями с проклятиями в адрес

большевиков. Данный стихотворный опус был сопровожден нотами, мелодия была выдержана в стиле русских народных песен, что, вероятно, свидетельствовало о том, что листовки также предполагалось распространять и в Советской России. В конце заметки добавлялось, что листовки были распространены и среди русских школьников [Vene monarhistide 1924]. Стоит добавить, что эти листовки имели хождение по всей Эстонии и носили название «Призывная труба», в них также от имени некоего Начального совета в Москве говорилось, что в 1924 г. режим «коммунистов-жидов» падет, и будет восстановлена исконно русская власть [ГАЭ 1: 7: 28, 162, 164–164 об.].

Ко всему прочему активность русских монархистов подогревалась и внутренней борьбой между сторонниками великого князя Николая Николаевича и великого князя Кирилла Владимировича, которая особенно усилилась после известного манифеста Кирилла Владимировича от 31 августа 1924 г., в котором он объявил себя императором российским [Политическая история 1999, 72–74]. С 1924 г. сторонников великого князя Кирилла Владимировича в Эстонии возглавлял адмирал П. П. Левицкий [Рутыч 2002а, 173]. В основном «кирилловцами» были бывшие русские морские офицеры, входившие в нелегальное Объединение бывших русских моряков, которое легально существовало под вывеской Кассы взаимопомощи моряков [Бойков 2001а, 79–80], последняя в свою очередь начала свою деятельность с февраля 1924 г. (подробнее см. § 9). Активными деятелями объединения «кирилловцев» были Н. Я. Павлинов, С. Б. Жирмундский, К. И. Нотбек и другие. После смерти в 1938 г. П. П. Левицкого «кирилловцев» возглавил К. И. Нотбек [Бойков 2001а, 79–80]. Кроме морских офицеров среди «кирилловцев» были и некоторые офицеры сухопутных родов войск. Так, например, в материалах политической полиции по делу монархистов в Эстонии имеется удостоверение прапорщика С. А. Самсониевского о зачислении его в Корпус офицеров императорской армии и флота и о приеме его на учет при представителе великого князя Кирилла Владимировича в Эстонии [ГАЭ 1: 7: 28, 166]. В Нарве к «кирилловцам» принадлежали штабс-капитан Н. Н. Четвериков, капитан Н. Н. Подмошенский (с 1931 г.) и Казин [ФГАЭ 129: 25445, 25]. Как уже говорилось выше, после 1929 г. к «кирилловцам» примкнула значительная по составу монархическая организация эстонского сланцевого бассейна, но все же большая часть русских военных состояла из сторонников великого князя Николая Николаевича, предводителем которых в Эстонии был генерал В. Н. Горбатовский.

Однако 30 июля 1924 г. генерал В. Н. Горбатовский скончался, и место предводителя местных русских монархистов стало вакантным. На тот момент в среде русских военных были две возможные кандидатуры, обладавшие достаточным авторитетом, связями и чином — это генералы О. П. Васильковский и А. К. Баиов, во многом представлявшие собой полную противоположность друг другу.

Генерал О. П. Васильковский был на 7 лет моложе. В 1915 г. он был произведен в генерал-майоры, и в свои 34 года «стал самым молодым генералом русской армии того времени» [Бойков 1998б, 173]. Будучи боевым генералом, Васильковский был, несомненно, человеком решительным, волевым и напористым, ордена и чины, которыми его награждали, он получал за боевые подвиги на полях сражений Русско-Японской и Первой мировой войн. Единственным «пятном» в биографии была его причастность к подавлению Корниловского мятежа: вся русская военная эмиграция ставила ему в вину то, что, находясь на должности начальника Петроградского военного округа, Васильковский участвовал в его подавлении. На самом деле роль Васильковского в этой истории была, по справедливому утверждению С. Г. Исакова, достаточно двусмысленной: с одной стороны, он по приказу А. Ф. Керенского

занимался подавлением мятежа, с другой стороны поддерживал отношения с Л. Г. Корниловым [Исаков 2000, 163–164]. Позднее Васильковский пытался объяснить, утверждая, что с его стороны было сделано все, чтобы предотвратить распространение влияния большевиков в Петрограде, что между ним и Л. Г. Корниловым было полное единомыслие и одинаковое понимание обстановки. Однако по поводу своей роли в деле Корнилова он ничего конкретного не писал, ограничиваясь общими фразами о двойной игре Керенского, и о том, что лично он, Васильковский, был бессилён что-либо сделать, так как был «у власти, но без власти» [Васильковский 1921].

Выявление исторической правды по этому вопросу является предметом отдельного рассмотрения, отметим лишь, что после августовских событий 1917 г. Васильковский был почетно отправлен в отставку с производством в чин генерал-лейтенанта. После этого он вовсе не стремился хоть как-то «загладить вину» перед своими товарищами, не вступил он и в какой-либо подпольный офицерский кружок. На следствии в 1931 г. полковник Ф. И. Балабин, прекрасно знавший офицерскую среду в Петрограде того времени, рассказывал, что Васильковский занимался спасением товара из суконной лавки своего покойного тестя и скупкой бриллиантов и драгоценностей; среди офицеров он авторитетом не пользовался, и многие считали вообще зазорным иметь с ним какие-либо дела (см. Приложение).

Несомненно, Васильковский был весьма предприимчивым человеком, и, поселившись в Эстонии, успешно занимался бизнесом, что давало ему возможность быть во многих отношениях независимым человеком, а это в свою очередь позволяло ему играть самостоятельную роль в русском эмигрантском обществе в Эстонии. Однако в белогвардейском стане Васильковский был изгоем, и общественное мнение было против него, поэтому среди монархистов как в Эстонии, так и за рубежом, он не пользовался большой поддержкой. Между тем Васильковский был очень амбициозным, честолюбивым и в тоже время энергичным человеком. Почти сразу после его прибытия в Эстонию, Васильковский становится белорусским представителем в Эстонии [Хроника 1921г]. В это же время он посещает министра А. Хеллата, где сразу же отмежевывается от всех русских генералов в Эстонии, давая им такие определения как «шваль» и «старые бабы» [Hellat 1930, 271–272].

В то же время Васильковский предпринимает ряд поездок в Берлин и Прагу, где ему удастся получить определенную поддержку и санкционирование своей конспиративной деятельности в Эстонии [ГАЭ 1: 7: 28, 14, 16 об.]. В Эстонии ему также удастся сформировать группу своих сторонников, разработать план ведения военных действий против Советской России и даже начать формирование отрядов [ГАЭ 1: 7: 28, 69]. В целях пропаганды своих идей группа Васильковского, в которую входили М. Земелев, доктор П. Степанов, полковник Б. Г. Бояринцев, юрист А. И. Иванов и профессор П. М. Шелоумов, в 1922 г. издала две брошюры «В единении сила» и «Кто наш главный враг?». Брошюра «Кто наш главный враг?» была посвящена отстаиванию той мысли, что Россию погубили немцы, при поддержке которых большевики пришли к власти и предали национальные интересы России и союзников. Сборник статей «В единении сила» включал в себя своего рода манифест группы Васильковского, провозглашавшей себя «Русским национальным объединением». Теперь к антинемецким выпадам добавились и антиеврейские, причем зловещая роль немцев и евреев усматривалась не только в развале России, но и в событиях, связанных с Эстонией. По мнению авторов сборника, деятельность представителей этих национальностей погубила Северо-Западную армию, где большая часть военного руководства состояла из немцев, а в Северо-Западном

правительстве было чрезмерно много евреев, последних было немало и в Комитете русских эмигрантов. Поэтому, по мысли авторов манифеста, в Эстонии до сих пор не существовало ни одного русского национального объединения [Русское национальное объединение 1922, 1–8]. Таким образом, авторы этого сборника предлагали всем русским людям объединяться под их знаменами.

Очень важно подчеркнуть, что, хотя Васильковский и поддерживал связи со многими другими группировками русских монархистов, все же действовать он предпочитал самостоятельно, стремясь постепенно стать единственным представителем русских монархистов в Эстонии и, в конечном счете, их единственным предводителем [ГАЭ 1: 7: 28, 14, 16 об.]. Арест и ссылка в Пярну в 1923 г. нарушили его планы на следующий год [ГАЭ 1: 7: 30].

В отличие от Васильковского А. К. Баиов был штабным генералом, человеком гуманитарного склада ума. Военный историк, профессор Николаевской академии Генерального штаба, он по характеру был человеком спокойным, уравновешенным, но деятельным: на протяжении всей своей жизни он постоянно участвовал в деятельности разного рода обществ, комиссий, комитетов; читал лекции, доклады, писал и издавал книги и учебные пособия. Баиов представлял собой исключительный образец человека, преданного своим идеалам: он был истовым поборником православия и непреклонным сторонником российской монархии; оставаясь верным раз данной присяге, он не изменил ей до конца своих дней, дважды отказавшись присягать на верность сначала Республике Советов, затем эстонскому государству [Штубендорф 1935, 8; Штейфон 1937, 219].

По прибытии в Эстонию Баиов занял должность председателя Ревизионной комиссии Северо-Западной армии. Затем в качестве профессора читал лекции в эстонских военных учебных заведениях. В 1920 г. он был в числе учредителей Русской академической группы в Эстонии, в рамках которой он выступал с докладами. Постепенно Баиов включился и в местную общественную жизнь, принимая участие в деятельности таллиннского Русского клуба, на одном из собраний которого в 1922 г. он выступил с обличительной речью по поводу снятия памятника Петру I, что вызвало негодование в эстонской прессе и чуть было не послужило причиной его увольнения со службы в военных учебных заведениях [Абисогомян 2003, 54–55]. Уже, видимо, к этому времени Баиов, как об этом упоминалось выше, состоял в местном отделении Высшего монархического совета во главе с генералом В. Н. Горбатовским. Можно предположить, что одной из возможных причин открытия Баиовым в 1923 г. своего книжного магазина являлось прикрытие конспиративной деятельности. Очевидно, что большого дохода магазин не приносил, к тому же жалование, которое Баиов получал за работу в военных учебных заведениях и гонорар за написание учебных пособий, позволяли жить сравнительно безбедно. Однако содержание книжного магазина делало возможным под видом посетителей магазина собираться определенному кругу единомышленников и агентов, а также получать и отправлять необходимую литературу. После того, как Баиов в 1924 г. стал принимать активное участие в издании журнала «Эмигрант», его общественно-политическая позиция стала очевидной не только для работников эстонской Охранной полиции, но и для широкого круга общественности.

Таким образом, в 1924 г., после смерти В. Н. Горбатовского, среди русских военных в Эстонии наиболее значительными и яркими фигурами были О. П. Васильковский и А. К. Баиов. Первый, хотя и не пользовался большим авторитетом, но все-таки имел некоторое число сторонников и, что самое главное,

имел материальную базу. Второй, оставаясь несколько в тени, все же обладал авторитетом среди русских и эстонских военных, имел определенные связи за рубежом и в Эстонии. Оба генерала были активны и, не скрывая того, претендовали на руководящую роль в среде русских военных и эмигрантов. Участие и выступление Баиова на похоронах В. Н. Горбатовского было знаком того, что Баиов стал приемником почившего. Во-первых, об этом говорил тот факт, что Баиов был единственным из высших военных чинов, кто выступил с речью. Во-вторых, если в русской прессе сообщалось лишь о том, что речи выступавших «были посвящены памяти покойного как начальника и человека, и светлому значению его личности в жизни русского Ревеля» [Похороны ген. Горбатовского: 1924], то в эстонской прессе внимание было сконцентрировано исключительно на выступлении Баиова, которое представляло собой некую программную речь и охарактеризовывало Баиова как человека, прежде всего, монархических убеждений [«Usu, keisri ja isamaa eest!»: 1924]. Фигура Васильковского также становилась все более заметна. Осенью 1924 г. за счет Васильковского на могилах северо-западников на Коппельском кладбище было поставлено 45 новых деревянных крестов, что, несомненно, повысило его авторитет в глазах русской военной эмиграции [Бакструб 1924]. В том же году он стал инициатором проведения встреч кавалеров ордена Святого Георгия Победоносца и Георгиевского оружия. На первом таком собрании он единогласно был избран главой георгиевских кавалеров в Эстонии (подробнее см. § 5 данной работы).

Судя по разным свидетельствам из архивных материалов, в 1924 г. между Васильковским и Баиовым состоялась встреча, на которой было решено объединить их группы и работать сообща [ФГАЭ 129: 28198, 19; 28966, 49–50]. По обоюдной договоренности оба генерала поделили между собой круг обязанностей: штабную работу и поддержание связей с монархическими и воинскими организациями за границей и с великим князем Николаем Николаевичем взял на себя Баиов, а оперативную работу, связанную с пропагандой, объединением местного офицерства, и налаживание разведывательной деятельности взял на себя Васильковский [ФГАЭ 138: 1: 46, 53; ФГАЭ 129: 28966, 51–52].

Как известно, приказом генерала П. Н. Врангеля от 1 сентября 1924 г. был создан Русский Обще-Воинский союз (РОВС) [Политическая история 1999, 10–11]. 16 ноября того же года великий князь Николай Николаевич в результате переговоров с П. Н. Врангелем подписал негласное заявление о принятии на себя верховного руководства всеми военными организациями за рубежом [Рутыч 2002б, 242–243]. Назначение руководством РОВС'а начальника эстонского отдела состоялось не сразу, так как, во-первых, деятельность подобного рода белогвардейских организаций была запрещена в Эстонии, во-вторых, руководству союза нужно было выбирать из двух кандидатур. Если верить сообщению агента иностранной резидентуры ОГПУ, то назначение состоялось не без интриги со стороны А. К. Баиова: «За спиной Васильковского Баиов использовал свое положение начальника местного штаба для переговоров с Врангелем и ген. Кондзеровским, в результате которых был в приказе по армии назначен «генеральным представителем» для Эстонии» [ФГАЭ 138: 1: 46, 53]. Учитывая то, что генерал П. К. Кондзеровский занял должность начальника канцелярии в самом конце 1924 г. [Рутыч 2002б, 242–243], и то, что сама переписка и уточнение деталей требовали какого-то времени, можно утверждать, что назначение Баиова начальником эстонского отдела РОВС'а состоялось в 1925 г. Назначение Баиова послужило первой причиной раздора с Васильковским, однако остается неизвестным, когда именно в 1925 г. это произошло.

Кажется, что в начале 1925 г. никаких признаков конфликта не было, хотя нельзя сказать, что действия Баиова и Васильковского были едины и согласованы. В феврале 1925 г. Васильковский посетил Нарву и материально принял участие в организации Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии (подробнее см. § 6. 1). Видимо, в этот же приезд он договорился с полковником Н. А. Яковлевым об издании газеты «Русский голос», первый номер которой вышел 19 мая. Газета носила ярко выраженный монархический характер, на ее страницах пропагандировалось объединение вокруг великого князя Николая Николаевича и популяризировалась фигура Васильковского.

В это время Баиов тоже активно сотрудничает с местными монархическими изданиями. В апреле, через месяц после закрытия эстонскими властями журнала «Эмигрант» за монархическую пропаганду, Баиов начинает издавать на свои деньги газету «Ревельское время» [ФГАЭ 129: 28198, 71], которая после закрытия в августе по тому же поводу, что и «Эмигрант», продолжила свое существование под названием «Ревельское слово». Подобно Васильковскому Баиов проявил интерес к организованному в Нарве Союзу русских увечных воинов. Можно предположить, что он пожертвовал союзу солидную сумму, так как 28 июня на общем собрании союза он был избран его почетным председателем [Т. 1925]. Опять-таки есть основания предполагать, что как раз к этому времени состоялось официальное назначение Баиова главой РОВС'а в Эстонии, и он на правах предводителя всех местных русских военных установил свое влияние и в нарвской организации.

Так или иначе, но именно с этого момента в газетах начинают появляться заметки, содержание которых свидетельствовало о том, что между генералами произошел какой-то разлад. 30 июня в 145-ом номере газеты «Последние известия» была опубликована статья, посвященная 10-летию юбилею производства О. П. Васильковского в генеральский чин [Греков 1925]. Спустя пять номеров, в той же газете появилась другая статья с нападками на газету «Ревельское время» [К общественному мнению 1925], а уже в следующем номере Васильковский опубликовал письмо, в котором с возмущением писал, что на страницах рижской газеты «Сегодня» была помещена корреспонденция из Таллинна, где указывалось, что он якобы состоит в числе сотрудников «Ревельского времени», что не соответствует действительности [Васильковский 1925].

Однако это были лишь первые недомолвки перед шумным скандалом, разразившимся между генералами и их сторонниками вокруг выборов делегатов от Эстонии на Зарубежный эмигрантский съезд.

Официальное приглашение на съезд А. К. Баиов, как начальник эстонского отдела РОВС'а, получил от своего однокашника по Николаевской академии Генерального штаба и начальника 1-го отдела РОВС'а генерала И. А. Хольмсена в августе 1925 г. Первое же организационное собрание представителей военной части русской эмиграции в Эстонии состоялось 28 октября 1925 г. в Копли. Баиов выступил перед собравшимися с речью, в которой подчеркнул значение Зарубежного съезда для будущего возрождения национальной России, и предложил вручить великому князю Николаю Николаевичу «всю полноту диктаторской власти». В своей речи он также отметил, что по причине больших расходов на дорогу придется выбрать лишь 1–2 депутатов в качестве кандидатов на съезд. Так как собрание было организовано сторонниками Баиова, то, естественно, что единогласно было решено избрать кандидатом на съезд Баиова [С-ев 1925; Оклик 1925; Vene 1925].

Однако сторонники генерала О. П. Васильковского и он сам были не согласны с таким решением, и поэтому в конце ноября состоялось еще одно собрание русских

эмигрантов на заводе Лютера. Странники Васильковского опротестовали предварительные выборы на съезд, где кандидатом был выбран Баиов. Но группа Баиова проигнорировала этот протест. Как сообщалось, в газете «Ревельское слово», «после обсуждения была принята резолюция, признающая выборы вполне правильными, а протест необоснованным» [Хроника 1925а]. Предварительные выборы делегатов от группы Баиова на Зарубежный съезд прошли 17 декабря. По результатам голосования, делегатами от Эстонии были избраны В. А. Рогожников и А. К. Баиов, «последний на дорогу получил 100 тысяч эстонских марок» [ФГАЭ 1: 138: 46, 9]. По свидетельству того же источника, деньги на поездку Баиова собирались его единомышленниками путем принудительных сборов [ФГАЭ 1: 138: 46, 27].

Основные события, связанные с определением кандидатов на Зарубежный съезд, происходили уже в начале 1926 г. Так, 28 февраля 1926 г. состоялось собрание инициативной группы во главе с Баиовым, взявшей на себя организацию и проведение выборов на Зарубежный съезд. Основными кандидатами являлись А. К. Баиов, Н. И. Крамарев, П. Н. Яхонтов, Е. М. Тихомиров, Е. И. Никифоров и М. Г. Перион. На этом же собрании нарвские сторонники Васильковского выразили протест по поводу избрания данных лиц и «вообще методов ведения выборов» [Хроника 1926в]. Инициаторами проведения очередного собрания 8 марта были опять сторонники Баиова. Группа Васильковского вновь выразила несогласие с результатами выборов 28 февраля. Полковник Б. В. Энгельгардт по этому поводу заметил, что выборы уже проведены, и оспорить результаты невозможно, и, что на съезд поедет, скорее всего, только один человек ввиду нехватки средств. Также Энгельгардт подчеркнул, что данное собрание «чисто информативное», и оно «не имеет право ни отменять, ни санкционировать выборы» [ФГАЭ 1: 138: 46, 27].

Зарубежный съезд начал свою работу в начале апреля 1926 г. В качестве делегатов от Эстонии на съезде присутствовали П. Н. Яхонтов, М. Г. Перион, генералы А. К. Баиов, Н. И. Крамарев, А. А. Траилин и морской офицер А. О. Гадд [Российский Зарубежный съезд 2006, 461]. Причем последние два делегата в Эстонии не проживали и их там никто не знал, что является доказательством того, что О. П. Васильковский был не допущен на съезд умышленно и не без поддержки определенных сил из центра.

2 апреля Баиов был принят великим князем Николаем Николаевичем в своей резиденции в Шуаньи, о чем сообщалось в газете «Час» [Проф. А. К. Баиов в Шуаньи 1926а, 1226б]. Как сообщал Баиов, он был принят дважды великим князем: первый раз вместе со всеми делегатами съезда, второй раз на личной аудиенции [ГАЭ 1: 7: 28, 189]. 8 мая 1926 г. Баиов вернулся в Эстонию [Объявление: 1926а], и 19 мая выступил с докладом о Зарубежном съезде. Кратко охарактеризовав программу съезда и его проведение, Баиов подробно остановился на его заключительном этапе, когда великий князь Николай Николаевич был провозглашен национальным вождем [Объявление 1926б; Российский зарубежный съезд 1926].

Начиная с 22 мая 1926 г. генерал Васильковский начал размещать в различных газетах объявления, суть которых заключалась в опровержении заявления Баиова, согласно которому Васильковский послал письмо к съезду, где просил признать его делегатом от Эстонии. В заключении Васильковский обвинил Баиова в клевете [Васильковский 1926а; Васильковский 1926б]. Обвинение Васильковского было опубликовано не единожды в нескольких газетах [Васильковский 1926в; Васильковский 1926г; Васильковский 1926д]. Примечательно, что в большинстве случаев публикация обвинений Васильковского в той или иной газете

сопровождалась размещением в этих газетах рекламы фирмы «Нептун», принадлежавшей Васильковскому [см., напр.: Реклама 1926], что свидетельствовало о том, что данная кампания хорошо им оплачивалась. На обвинения Васильковского Баиов ответил нежеланием вступать в пререкания и что-либо объяснять [Ответ А. Баиова 1926; Баиов 1926а].

В споре генералов, как уже говорилось, сторону Васильковского поддерживала группа нарвских северо-западников. По их утверждению, именно они собрали 2 107 подписей в поддержку кандидатуры Васильковского на съезд, составили обращение к съезду и отправили его в Париж [Избрание 1926; Письма в редакцию 1926]. Постепенно в печати стали появляться подробности того, как собирались эти подписи. К примеру, штабс-капитан Н. Н. Четвериков сообщал, что один его знакомый из группы Васильковского как-то попросил его подписать обращение к Зарубежному съезду в пользу генерала. Четвериков был не в курсе событий и совершенно ничего не слышал о генерале Васильковском, но, учитывая его высокий чин, предположил, что Васильковский является достойной кандидатурой, и подписал бумагу. После этого его знакомый попросил его поставить еще подпись за свою жену. На вопрос Четверикова, будет ли это прилично делать, ему было заявлено, что это совсем безразлично, и он подписал второй раз [Четвериков 1926].

Сам тон обвинений Васильковского и его сторонников вызвал среди русских военных возмущение. Некий аноним, скрывавшийся под псевдонимом «Бывший юнкер», писал, что употребление в полемике выражений на подобии «ложь профессора Баиова» является нарушением воинской дисциплины [Бывший юнкер 1926]. С осуждением содержания и формы выступления Васильковского в печати против Баиова выступила группа генералов, в которую вошли Н. Ф. Крузенштерн, Г. М. Ванновский, А. Е. Вандам, Э. А. Верцинский, В. Л. Драке, А. О. Штубендорф, А. А. Ден и адмирал П. П. Левицкий [Письмо в редакцию 1926а]. Это же письмо было опубликовано в журнале «Русский военный вестник» [Письмо в редакцию 1926б], выходившем в Белграде, что стало свидетельством того, что о поступке Васильковского было сообщено всей русской военной эмиграции и руководству РОВС'а в том числе. Данное письмо, по сути дела, представляло собой вердикт суда чести и наносило репутации Васильковского весомый урон.

В своем ответе Васильковский писал, что все выступившие против него генералы являются коллегами Баиова по академии и поэтому защищают его, к тому же среди них много нерусских. По мнению Васильковского, его оппоненты сами по себе ничего не представляют и до сих пор никакого участия в делах русской эмиграции не принимали. В отличие от них он защищал честь Родины кровью на полях сражений и, как лейб-казак, сможет защитить свою честь. Свое письмо Васильковский заканчивал тем, что отныне он с этими генералами не считается и в полемику не вступает [Васильковский 1926е].

Данный инцидент вызвал серьезную озабоченность в руководстве РОВС'а, и генерал П. К. Кондзеровский в особом письме, направленном в Таллинн, предложил принять меры по прекращению конфликта и примирению генералов. С этой целью к генералу Васильковскому была отправлена специальная депутация в составе одного генерала, двух полковников и еще четырех офицеров. Васильковскому от имени П. Н. Врангеля было предложено примириться с Баиовым и подчиниться ему, но Васильковский в грубой форме ответил категорическим отказом [ФГАЭ 138: 1: 46, 53]. Таким образом, конфликт не был улажен, что стало причиной раскола среди русских военных в Эстонии вплоть до конца 1930-х годов.

Во время своей поездки на Зарубежный съезд Баиов встречался со многими высшими чинами русской армии и членами руководства РОВС'а генералами А. А. фон Лампе, А. И. Деникиным, И. Г. Эрдели и Н. Н. Головиным [ФГАЭ 130: 1663, 120]. По указанию РОВС'а Баиову было поручено создать на местах различные общества и организации, которые бы объединяли офицеров русской армии и служили бы основой для формирования воинских подразделений на случай войны с СССР [ФГАЭ 130: 1663, 118].

После возвращения с Зарубежного съезда Баиов начал активную работу по объединению русских эмигрантов и в первую очередь ее военной части. До конца 1926 г. Баиову удалось организовать комитет «Дня русского инвалида», открыть таллиннский отдел Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии и, устранив Васильковского, возглавить Объединение георгиевских кавалеров в Эстонии. С 1926 г. Баиов начал процесс объединения русских скаутов в Эстонии и в 1927 г. после интриги, подобной истории с Васильковским, возглавил Отдел русских скаутов в Эстонии (подробнее см. § 10). Баиов поддерживал связь с местными «кирилловцами» во главе с адмиралом П. П. Левицким, который участвовал в организационном собрании комитета «Дня русского инвалида» [Баиов 1926б], а в 1931 г. был председателем его ревизионной комиссии [Комитет 1931]; во время ссоры Баиова с Васильковским П. П. Левицкий принял сторону Баиова. По словам его сына старшего лейтенанта А. П. Левицкого, адмирал Левицкий очень часто вступал в конфронтацию с Васильковским, так как тот претендовал на руководство всеми монархистами в Эстонии [ФГАЭ 129: 26759, 73 (приложение)].

Вероятно, еще до 1926 г. в Эстонии были созданы некоторые полковые объединения. Главой объединения лейб-гвардии Егерского полка был Баиов. Кроме этого объединения в Эстонии также существовали объединения лейб-гвардии Семеновского, Павловского, Преображенского, Кавалергардского, 2-го стрелкового Царскосельского полков, лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и объединения воспитанников кадетских корпусов, училищ и академий (подробнее см. § 4). В 1931 г. Баиов был инициатором создания Союза русских военных инвалидов в Эстонии и Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. Создание этих организаций, так же, как и, в определенной мере, создание комитета «Дня русского инвалида» и таллиннского отдела Союза русских увечных воинов, было результатом противостояния Баиова и Васильковского, под опекой и контролем которого были Союз русских увечных воинов в Нарве и созданный в 1931 г. Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии.

По некоторым сведениям, к 1927 г. в среде русских военных существовал «Союз молодежи», объединявший молодых офицеров производства военного времени и Гражданской войны. Причиной создания этого союза стало постановление о регистрации в союзы офицеров при РОВС'е только кадровых офицеров, офицеры же позднего производства должны были состоять при одном из кадровых офицеров наряду с нижними чинами. В Эстонии союз возглавляли полковник Р. В. Садовский и прапорщик И. К. Антонов. Союз занимал нейтральную позицию, не поддерживая ни «николаевцев», ни «кирилловцев»; видимо, и в конфликте двух генералов его члены старались держаться в стороне [ГАЭ 138: 1: 46, 54; Бойков 2001а, 80].

Все объединения и союзы, находившиеся под руководством Баиова, стали основой и прикрытием деятельности РОВС'а в Эстонии. Стоит отметить, что эстонское отделение РОВС'а организационно состояло практически только из членов объединений военных, входивших в юрисдикцию А. К. Баиова. Например, известно, что Союз северо-западников в Эстонии не входил в РОВС [ФГАЭ 129: 28966, 59],

хотя некоторые члены этого союза и других организаций в Эстонии состояли в РОВС'е на основе персонального членства. В целях расширения деятельности РОВС'а в Эстонии Баиовым планировалось открыть его отделения в Нарве и Тарту [Бойков 2000, 70], но, кажется, эта идея в силу каких-то неизвестных нам причин осталась нереализованной.

В 1926 г., согласно директиве, полученной из Центрального комитета РОВС'а, Баиовым была проведена пробная мобилизация и выработан мобилизационный план. Эстонское правительство и военные были не против проводимой Баиовым деятельности, вероятно, рассчитывая в случае нападения СССР на Эстонию, на непосредственное участие военных кадров Баиова в защите государственных интересов страны [Бойков 2000, 71]. Разрешение на проведение мобилизации было получено Баиовым от министра внутренних дел Эстонии [ГАЭ 138: 1: 47, 185]. Согласно ее результатам, в распоряжении Баиова было 18 генералов, 12 штаб-офицеров Генерального штаба, 141 штаб-офицер, 604 обер-офицера и 83 артиллерийских офицера [ГАЭ 138: 1: 47, 89]. Штаб Баиова состоял из начальника штаба генерала А. О. Штубендорфа, начальника оперативного отделения генерала А. Е. Вандама, начальника контрразведки полковника Б. В. Энгельгардта и адъютанта командующего есаула В. Г. Елисеева.

В рамках этого мероприятия Баиовым были организованы офицерские курсы, которые проводились на квартире капитана Н. И. Иванова в Копли в районе Русско-Балтийского завода. На курсах преподавали А. К. Баиов, А. О. Штубендорф, В. Л. Драке, Н. И. Иванов, В. В. Нотбек и другие [ГАЭ 138: 1: 47, 89]. В начале 1930-х гг., при созданном Баиовым Обществе помощи бывшим военным в Эстонии были организованы курсы унтер-офицеров, на которых обучались некоторые активисты из эмигрантской молодежи (В. Виноградов, Б. Виноградов, С. Ходаровский, В. Заркевич и другие) [ФГАЭ 129: 25 373, 84–85].

Обычно на собраниях членов РОВС'а зачитывались доклады, сводки, циркуляры и директивы, присылаемые из Парижа [ФГАЭ 129: 28 198, 82–85; 130: 1663, 49 об.]. Однако это была внешняя сторона деятельности РОВС'а, наиболее серьезная и скрытая работа этой организации заключалась в получении разведанных из СССР, осуществлении там террористических актов и в подготовке повстанческих отрядов.

Как уже говорилось в начале этой главы, разведывательная деятельность осуществлялась русскими военными из числа северо-западников с самого начала 1920 г., причем она велась с ведома и при поддержке эстонской разведки. А. К. Баиов не без основания полагал, что со стратегической точки зрения Эстония занимала очень выгодное географическое положение, поэтому эстонское отделение РОВС'а должно было занимать привилегированное положение в общей структуре союза [ФГАЭ 130: 11 566: II, 53–54]. Важность стратегического положения Эстонии осознавало и руководство РОВС'а. Так, еще в 1921 г. для ведения разведывательной работы штабом П. Н. Врангеля в Таллинн был командирован капитан В. И. Щелгачев [ГАЭ 138: 1: 47, 89]. В 1923 г. к нему из Сербии Врангелем был послан жандармский полковник Н. В. Самохвалов [Никулин 1965, 108].

Весной 1922 г. по поручению правления Высшего монархического совета в Эстонию с каким-то тайным заданием прибыл полковник А. С. Гершельман. В Таллинне он остановился у однополчанина полковника К. Я. Колзакова, встречался с генералом В. Н. Горбатовским, полковником Б. В. Энгельгардтом, пажом Засядко, Ю. А. Артамоновым. Во время своего пребывания в Эстонии Гершельман ознакомился с деятельностью групп русских монархистов в Тарту, Кивиыли и Нарве [Полковник А. С. Гершельман 2005, 151]. Какую-то конспиративную работу на

советско-эстонской границе проводил генерал И. Е. Эрдели, прибывший в Эстонию приблизительно в начале марта 1923 г. В Эстонии он встречался с генералом Я. Соотсом и около двух месяцев провел в районах, расположенных на границе с Россией. В середине мая он был арестован в районе Раквере, затем сослан на остров Хийумаа, после чего получил разрешение на выезд в Париж [Хроника 1923в; Бойков 2000, 72].

По-видимому, все это было связано с деятельностью «Треста» — самой громкой и известной операцией советских разведорганов в борьбе с белой эмиграцией. Собственно, зарождение «Треста» было напрямую связано с Эстонией. Именно через агента белогвардейской разведки поручика лейб-гвардии Конного полка Ю. А. Артамонова будущий провокатор и главное действующее лицо операции А. А. Якушев (Федоров) в ноябре 1921 г. пытался наладить связь с Высшим монархическим советом, а после того, как он был завербован ГПУ, к Ю. А. Артамонову и В. И. Щелгачеву был подослан от его имени агент П. П. Колесников, и механизм «Треста» был запущен [Никулин 1965, 13, 83–89; Флейшман 2003, 284]. В дальнейшем Эстония стала одной из основных баз переброски в СССР боевиков А. П. Кутепова, которых приезжавший в 1922 г. А. С. Гершельман готовил лично [Полковник А. С. Гершельман 2005, 152].

Как известно, в сети «Треста» попали многие белогвардейские эмигрантские организации и многие значительные фигуры (например, генерал А. П. Кутепов). «На крючке» у чекистов находились многие иностранные разведки, в том числе и эстонская. Все забрасываемые в СССР диверсионные группы Кутепова и отдельные русские монархисты находились под непрестанным контролем ГПУ-ОГПУ, и во многих случаях участь их была весьма печальна. У нас нет прямых доказательств сопричастности к «Тресту» деятельности местных конспиративных организаций. Известно, что, например, А. С. Гершельман во время своего пребывания в Эстонии, следуя полученным инструкциям, всячески старался избегать разговоров с местными белогвардейцами на тему деятельности разведгрупп генерала Кутепова [Полковник А. С. Гершельман 2005, 152]. В своих показаниях Б. В. Энгельгардт рассказывал, что встречался с М. В. Захарченко-Шульц, Г. Н. Радкевичем и П. С. Араповым, но о том, что он выполнял какие-то поручения, он не проронил ни слова [Исаков 2005, 210].

Тем не менее, нам известно, что переброска на территорию СССР диверсантов и агентов осуществлялась самостоятельно и местными организациями. Еще в 1924 г. О. П. Васильковский через А. И. Иванова пригласил к себе в Таллинн группу нарвских монархистов в составе Н. А. Яковлева, Н. А. Подмошенского, П. И. Косова, И. И. Антонова, М. Балабоскина и братьев Петуховых и предложил им создать в Нарве организацию с целью ведения разведывательной работы на территории СССР. Организация этой работы была поручена полковнику Н. А. Яковлеву, который также должен был установить связь с отделом разведки штаба 1-й эстонской дивизии в Нарве [ФГАЭ 129: 28966, 18–20]. Осенью 1925 г. Н. А. Яковлев установил связь с начальником штаба 1-й дивизии колонелем П. Г. Трийком и начальником отдела разведки штаба дивизии капитаном Томсоном, и был принят на службу в качестве вербовщика и старшего агента разведки [ФГАЭ 129: 28966, 27–28; 138: 1: 47, 220]. Для переброски в СССР в качестве разведчика Яковлевым был предложен поручик команды пеших разведчиков Талабского полка Северо-Западной армии И. И. Антонов. В ноябре 1925 г. И. И. Антонов был переправлен через границу и через три недели вернулся обратно с выполненным заданием. В чем конкретно заключалось это задание неизвестно. По словам Н. А. Яковлева, с Антоновым он вскоре разругался и перестал сотрудничать [ФГАЭ 129: 28966, 18–20].

Однако И. И. Антонов продолжил работать с эстонской разведкой и в 1925 г. был послан с заданием снова. На этот раз он был схвачен советскими пограничниками и приговорен к 10 годам каторжных работ (информация об этом якобы появилась в советских газетах). В конце ноября 1926 г. он неожиданно появился в Нарве. По его словам, ему удалось бежать. Почти сразу же после его появления он был арестован эстонской полицией и исчез [ФГАЭ 129: 28966, 30–31; 138: 1: 47, 219–220; Нарва 1926]. Вместо Антонова Н. А. Яковлев предложил эстонской разведке нового агента — унтер-офицера и георгиевского кавалера Н. Богданова, который в 1926 г. был послан с заданием, но не вернулся, так как тоже был схвачен [ФГАЭ 129: 28966, 31, 33; 138: 1: 47, 220]. После этого, со слов Н. А. Яковлева, он испортил отношения с П. Г. Трийком и прекратил работу с эстонской разведкой [ФГАЭ 129: 28966, 33–34].

Параллельно с организацией О. П. Васильковского с 1924 г. разведывательная деятельность была налажена и А. К. Баиовым. Отправкой агентов ведал полковник Р. В. Франк, который так же, как и Н. А. Яковлев, сотрудничал со штабом 1-й эстонской дивизии в Нарве [ФГАЭ 129: 28966, 52]. Однако в большинстве случаев агенты Р. В. Франка также попадали в руки ОГПУ. Так, в 1925 г. на территории СССР были задержаны 9 человек, посланные полковником Р. В. Франком: штабс-капитан Н. И. Падера, М. С. Иванов, братья Д. А. и Н. А. Гоканнены, А. Л. Снарский, Н. Г. Гусев, М. А. Николаев, В. А. Григорьев и Н. С. Вархин. В задачи этой диверсионной группы входили поджог гатчинского аэродрома и минирование железнодорожных путей. Весной 1926 г. был схвачен подполковник И. А. Гринев, который также являлся агентом полковника Франка [ФГАЭ 138: 1: 47, 220–221].

Кроме Нарвы Баиовым были созданы специальные перевалочные пункты в Сырэнце, Изборске и Печорах и установлена связь со штабом 2-й эстонской дивизии в Тарту, где отправкой агентов занимался белогвардейский офицер Фальберг, чьи агенты тоже неоднократно ловились чекистами. В 1927 г. в районе Гдовского уезда был арестован В. Морозов, в том же году были схвачены полковник Э. Э. Бушман, Н. Ильин, К. Бессонов, А. Борисов, Скворцов и Лаусман [ФГАЭ 138: 1: 47, 219–221].

Все же надо полагать, что некоторые агенты благополучно выполняли свою задачу и возвращались обратно. Как уже отмечалось выше, информация, добываемая на территории СССР, предоставлялась также эстонской и иностранным разведкам. Имеются сведения, что на иностранные разведки работали некоторые русские офицеры, которые также посылали своих агентов в СССР с целью получения информации военного значения. В числе таких сотрудников иностранных разведок были жандармский полковник Б. М. Севастьянов, старший лейтенант А. Ф. Жидков, полковник Н. В. Васильев, работавшие на английскую разведку; агентом французской разведки был служивший в посольстве Франции в Таллинне Л. К. Гейман [ФГАЭ 129: 26759, 119; 28966, 62–63; Исаков 1999, 68; Русская военная эмиграция 2001: II, 430–435]. Однако есть все основания предполагать, что объем добываемой информации был невелик, и зачастую местные белогвардейцы занимались фабрикацией разного рода советских и коминтерновских документов [Гордиевский 1999, 96–97].

В 1927 г. в связи с ухудшением англо-советских отношений, закончившимся 27 мая разрывом со стороны Великобритании торговых и дипломатических отношений с СССР, в среде русской военной эмиграции наблюдался новый всплеск активности, связанный с надеждами на начало новой масштабной интервенции против советской власти в России. Эстонии в этих планах отводилась особая роль.

В конце февраля 1927 г. в Эстонию приехал видный эмигрантский деятель Б. А. Суворин, который встречался с руководителями отдела РОВС'а в Эстонии

А. К. Баиовым и Б. В. Энгельгардтом, а также с министром иностранных дел Эстонии. По сообщению агента Иностранного отдела ОГПУ СССР, одной из основных задач посещения Б. А. Сувориным Эстонии было «зондирование почвы Балтийских государств в целях их использования в качестве базы для предполагаемой интервенции против СССР» [Бойков 1999, 77].

Радикальная часть РОВС'а во главе с А. П. Кутеповым стремилась использовать складывавшуюся, как казалось, отрицательно для СССР международную обстановку и обострившийся внутрипартийный конфликт в СССР. Однако, А. П. Кутепов считал, что иностранные правительства окажут материальную поддержку «только в том случае, если белая эмиграция докажет свою жизнеспособность тем, что будет активно бороться с Советской властью» [Шкаренков 1986, 155]. А. П. Кутепов был убежден, что наиболее эффективным методом такой борьбы является террор, поэтому на совещании со своими сотрудниками в марте 1927 г. в Териоках Кутепов предложил приступить к активным террористическим действиям. С начала июня боевики Кутепова провели ряд диверсий и покушений. Если попытка группы М. В. Захарченко-Шульц в Москве не увенчалась успехом, то взрыв в ленинградском партийном клубе был осуществлен. Последовавшие за тем убийства посла СССР в Польше П. Л. Войкова и белорусского чекиста И. Опанского произвели определенный эффект и международный резонанс.

Однако разоблачения бежавшего из СССР в Финляндию Стауница-Опперпута, свидетельствовавшие о том, что «Трест» является ни чем иным, как грандиозной мистификацией советских спецслужб, нанесли серьезный удар по всей белой эмиграции и в первую очередь по деятельности и репутации А. П. Кутепова. Вероятно, еще до июньских терактов Кутепов стал активно вовлекать в свои планы и эстонское отделение РОВС'а, которое до этого, кажется, выполняло лишь вспомогательные задания, связанные с переброской боевых групп Кутепова. Известно, что в 1927 г. Кутепов встречался в Риге с Б. В. Энгельгардтом [Исаков 2005, 210]. Когда точно эта встреча состоялась, и о чем на ней шла речь нам не известно, но можно предположить, что Кутеповым были даны инструкции по осуществлению террористической деятельности, направленной против представителей СССР в Эстонии и в самом СССР.

Активизация русских монархистов в Эстонии была очевидна и для полиции, и для общественности. Эстонская полиция неустанно следила за их действиями с начала 1920-х гг. За их деятельностью внимательно следила и советская разведка и неоднократно через полномочного представителя СССР в Эстонии осуществляла по этому вопросу давление на эстонское правительство [Документы 1965, X, 581]. Определенную озабоченность эстонских властей вызвало выступление русских монархистов на лекции П. Н. Милюкова, состоявшейся 19 мая 1927 г. в концертном зале «Эстония». На лекции присутствовало много эстонских государственных, политических и военных деятелей, и поэтому обструкция, устроенная П. Н. Милюкову местными монархистами, не могла остаться незамеченной [Бойков 1999, 79]. Постановлением исполняющего обязанности министра внутренних дел Н. Резка все участники этого выступления (А. В. Чернявский, А. А. Кулицкий, С. Н. Ивков, Г. А. Тальма и С. В. Заркевич) должны были покинуть Эстонию, но на самом деле уехал только полковник А. А. Кулицкий, так как являлся гражданином Литвы; остальные, как не имеющие какого-либо гражданства, были сосланы на остров Кихну [Постановление 1927; Кулицкий 1927].

Почти сразу после этих событий с военной службы был уволен генерал Д. К. Лебедев. Официальное объяснение причины его отставки было весьма

странным: Лебедев якобы послал официальное письмо в Финляндию на шведском языке, хотя должен был писать по-эстонски [Уход со службы 1927]. По информации советской разведки в Эстонии, его уволили «за монархизм» [Бойков 1999, 84]. По аналогичной причине еще в феврале того же года из страны был выслан член местного отдела Высшего монархического совета и один из делегатов от Эстонии на Зарубежном съезде 1926 г. П. Н. Яхонтов. В печати сообщалось, что причиной высылки тоже являлось письмо — или точнее его содержание, — которое он отправил видному монархисту герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому [П. Н. Яхонтов 1927].

После убийства 7 июня в Варшаве посла СССР П. Л. Войкова в эстонских газетах стали писать о том, что таллиннский Русский клуб превратился в «гнездо монархистов», и на одном из его собраний якобы обсуждался вопрос о выступлении против советских представителей в Таллинне [К уходу 1927; Слухи 1927]. 15 июня 1927 г. А. К. Баиов, как председатель совета старшин Русского клуба, был вызван в отделение эстонской политической полиции, где состоялся допрос на предмет участия Баиова в монархических организациях. На допросе А. К. Баиов всячески отрицал факт существования в Эстонии монархической организации, хотя честно заявлял, что сам он является убежденным монархистом [ГАЭ 1: 7: 28, 189–189 об.]. Видимо, никаких репрессивных мер не было принято, и это дело закрыли.

Если А. К. Баиову, ввиду наличия среди высшего военного руководства страны покровителей и заступников, каждый раз удавалось избежать высылки из страны или другого вида наказания, то генералу О. П. Васильковскому явно не везло, так как он был в определенной степени изгоем и среди русских военных в Эстонии, и среди эстонских военных, и среди русских военных за рубежом. Не успела еще утихнуть молва о русских монархистах в Русском клубе, как в газетах появилось сообщение о том, что арестован генерал Васильковский. Васильковскому было предъявлено обвинение «в проявлении деятельности, угрожающей миру и безопасности Эстонского государства»; реально же вина Васильковского заключалась в укрытии у себя нелегально прибывшего из Ленинграда некоего Н. А. Вольского, который, вероятно, был одним из агентов Васильковского. По постановлению министра внутренних дел И. Гюнersona, Васильковский приговаривался к штрафу в 50 000 эстонских марок или одному месяцу тюрьмы и высылке из Эстонии. В результате Васильковский отсидел в тюрьме положенный срок и в августе был выслан на остров Хийумаа, откуда вернулся лишь летом 1928 г. [Новая высылка 1927; Подробности 1927; Мин. И. Гюнerson 1927; Ген. Васильковский; ФГАЭ 129: 28966, 58].

Все-таки есть основания полагать, что местным отделением РОВС'а готовилось покушение на советского полпреда. В материалах Иностранного отдела ОГПУ СССР в Эстонии содержатся сведения о том, что по указанию из центра местные монархисты должны были совершить теракт сразу же после убийства П. Л. Войкова, то есть после 7 июня. Монархистам даже удалось завербовать эстонского полицейского, который стоял на посту недалеко от советского посольства. От него монархисты получали сведения о том, когда уезжает и приезжает машина полпреда, кто, когда и приблизительно в какое время выезжает и приезжает в посольство. Однако по каким-то причинам покушение было сорвано [ГАЭ 138: 1: 47, 183]. Стоит предположить, что советская разведка ввиду хорошей осведомленности о планах монархистов сумела предупредить их действия, пустив информацию об их приготовлениях в прессу. Таким образом, шумный скандал и разбирательство вокруг собраний русских монархистов в Русском клубе нарушили их планы.

Но Баиов и его группа продолжили подготовку к покушению и после некоторых подготовительных работ было решено произвести теракт в конце октября – начале

ноября 1927 г. С докладом о результатах подготовительной работы и для получения дальнейших инструкций в Париж к А. П. Кутепову был отправлен капитан лейб-гвардии Измайловского полка Н. А. Байков [ГАЭ 138: 1: 47, 183]. Но еще до его возвращения, кажется, опять-таки не без помощи советской разведки, дело получило огласку [Высланный 1927; Документы 1965, X, 581].

Просочившаяся в эстонскую печать информация о том, что русские монархисты готовили покушение на советского полномочного представителя в Эстонии стала очередной сенсацией [Pagulaste 1927; Сенсационные слухи 1927]. Сообщалось, что некий эмигрант Луковский вместе с В. Г. Елисеевым и студентом Феофановым получили задание от местного руководства монархической организации совершить покушение [Новые подробности 1927]. После этого, 24 октября эстонской полицией были произведены обыски в Комитете русских эмигрантов, у А. К. Баиова, С. П. Мансырева, Б. В. Энгельгардта, А. В. Иксуля и др. В результате обысков была конфискована переписка и монархическая литература. У эстонской полиции имелись подозрения, что монархисты в Эстонии создали весьма серьезную организацию, обладавшую солидной материальной базой [Обыски в Ревеле 1927; У кого 1927]. От имени подозреваемых с опровержением подобного рода толков по этому делу в печати выступил Б. В. Энгельгардт [Энгельгардт 1927], но, кажется, разубедить общественность ему не удалось.

На самом деле, данная история была весьма туманна и противоречива. Эстонская печать по этому делу никаких подробностей не сообщала, а зарубежная путалась в догадках, выдвигая две возможные версии. В рижской газете «Сегодня», со ссылкой на финскую прессу, сообщалось, что, по одной из версий, Луковский был, вероятно, агентом ГПУ, в задание которого входило скомпрометировать русских монархистов и вызвать осложнения в эстонско-советских отношениях; по другой версии, Луковский якобы явился к эстонским властям с заявлением о том, что местные монархисты его уговаривают совершить теракт в отношении советского полпреда [Темная история 1927]. Так или иначе, обе версии свидетельствовали о провокаторской роли Луковского в этом деле. Весьма примечательно и то, что к такому же заключению пришел министр внутренних дел Эстонии Я. Я. Темант, который в одном из интервью утверждал, что Луковский получил задание от второго секретаря советского посольства в Таллинне Таранова [Эстонская печать 1927]. На это заявление советское посольство отреагировало нотой протеста, требуя опровержений [Петровский 1927], но эстонское правительство оставило ноту без внимания [Документы 1965, X, 582], после чего в советских «Известиях» была опубликована очень резкая статья об открытой враждебности Эстонии по отношению к СССР, которая особенно усилилась после разрыва англо-советских отношений, и о поддержке эстонским правительством деятельности русских белогвардейцев [СССР 1927].

В 1927 г. в среде русской эмиграции приобрела громкую известность весьма законспирированная и радикальная организация «Братство Русской Правды» [Флейшман 2003, 233]. Организация была основана в 1921 г. герцогом Г. Н. Лейхтенбергским, публицистом С. А. Соколовым-Кречетовым и генералом П. Н. Красновым и действовала с одобрения великого князя Николая Николаевича и с благословения митрополита Антония. «Братство Русской Правды» состояло из автономных отрядов, которые вели партизанскую борьбу и ввиду строгой конспирации не сообщали детали своей деятельности даже в центр. Основными кадрами для отрядов Братства служили остатки отрядов так называемой «Дружины зеленого дуба», действовавшего в Белоруссии, отрядов С. Н. Булак-Балаховича и

Б. В. Савинкова. В своих отчетах Братство утверждало, что развернуло колоссальную партизанскую войну в западных и южных районах СССР и на Дальнем Востоке. В начале 1930 г. ОГПУ сумело внедрить своего провокатора Н. Кольберга в латвийский отдел организации, и в 1932 или 1933 г. «Братство Русской Правды» распалось [Назаров 1994, 232–233].

В Эстонии «Братство Русской Правды» начало свою деятельность в 1921 г. в Нарве, где небольшую группу этой организации возглавил ротмистр Б. А. Тишнер [Бойков 2001а, 79]. В Нарве существовало несколько небольших групп Братства, и очень часто члены одной группы лишь смутно догадывались о существовании другой. Членами разных групп Братства в Нарве были штабс-капитан Н. Н. Четвериков, капитан П. Н. Максимов, капитан Н. А. Подмошенский, прапорщик В. С. Волков, смотритель Нарвской эмигрантской гимназии Б. Петров, Е. И. Орнатский и ученики Нарвской эмигрантской гимназии [ФГАЭ 129: 25445, 25; 26756, 16–17, 23, 92, 94, 177; 130: 15096, 22 об.–23]. В основном деятельность нарвской группы Братства заключалась в переправке в СССР пропагандистской литературы, которую переправляли почтой, рассовывали по поездом, следовавшим в СССР, и доставляли через рыбаков и ходоков; в планах было даже наладить радиовещание на СССР [ФГАЭ 129: 26756, 16–17; 130: 9056, 19 об., 21]. Нарвские группы поддерживали тесную связь с отделом Братства в Латвии во главе со светлейшим князем полковником А. П. Ливеном. В 1930–1931 гг. от А. П. Ливена в Нарву приезжали В. С. Столыгво и Н. Н. Лишин с листовками Братства, печатавшимися в Латвии [ФГАЭ 130: 9056, 18–18 об., 21]. В. С. Столыгво и Н. Н. Лишин были очень недовольны работой Б. А. Тишнера, который любил выпить и вообще вел разгульный образ жизни, поэтому в 1931 г. он был смещен, и его пост занял В. С. Волков [ФГАЭ 130: 9056, 17 об., 18 об.; Бойков 1998а, 131]. После развала «Братства Русской Правды» молодые члены организации в основном перешли в Национально-трудовой союз нового поколения [Бойков 1998а, 131].

Известно также, что группы Братства существовали в Таллинне и Печорском уезде. В Таллинне деятельностью местного филиала Братства руководил А. К. Баиов [ФГАЭ 129: 28198, 23]. Членом одной из групп был штаб-ротмистр А. В. Ефремов, завербованный, по его словам, Н. Н. Лишиным [ФГАЭ 130: 11566: II, 51]. В Печорском уезде деятельность групп Братства курировал капитан К. Д. Мерказин. Печорские группы просуществовали дольше остальных, пережив распад Братства в 1932–1933 гг., и продолжали действовать приблизительно до 1937 г. [Бойков 2001а, 79; Калкин 2003, 152]. Подробности деятельности этих групп нам не известны, скорее всего они, так же, как и нарвские объединения, занимались распространением литературы Братства.

Вообще в первой половине 1930-х гг. деятельность РОВС'а в Эстонии под руководством А. К. Баиова становится менее активной. Некоторые ближайшие сотрудники Баиова были недовольны пассивностью своего руководителя. Так, например, Б. В. Энгельгардт часто ссорился с Баиовым по этому поводу и предлагал, в частности, провести ряд террористических актов, ссылаясь на пример А. К. Кутепова и его группы [ФГАЭ 129: 28 198, 72 об.]. Именно поэтому Б. В. Энгельгардт начал вести свою деятельность по линии РОВС'а независимо от своего начальника, что вызывало недовольство Баиова. Энгельгардт установил непосредственную связь с ключевыми фигурами РОВС'а полковником А. А. Зайцевым, генералами А. А. Лампе и А. М. Драгомировым, а также с эстонской, немецкой, английской и французской разведками [Исаков 2005, 211–213]. Благодаря

поддержке эстонской полиции и разведки Энгельгардт неоднократно осуществлял переброску своих агентов в СССР [Исаков 2005, 211–212].

Однако самым значительным достижением Энгельгардта, как начальника разведки и контрразведки отделения РОВС'а в Эстонии, надо считать осуществленный им блестящий развал резидентуры советской разведки в Эстонии. С 1932 г. по 1936 г. Энгельгардт сумел обмануть бдительность советских разведчиков, притворившись, что искренне верит в то, что он был завербован для работы на немецкую разведку, не подозревая, что завербовавший его Н. Шедлих является агентом советской разведки. За 4 года виртуозной работы Энгельгардт смог не только полностью дезинформировать советскую разведку, но и внедрить в ее ряды своих агентов и устранить многих советских, что, в конечном счете, свело практически к нулю всю разведывательную и агентурную деятельность советской разведки в Эстонии [подробнее см.: Иконников 2000; Исаков 2005, 215–223].

После смерти А. К. Баиова Б. В. Энгельгардт возглавил эстонское отделение РОВС'а и созданный Баиовым в 1931 г. Союз русских военных инвалидов в Эстонии, а также вошел в состав правления Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. Это позволило ему продолжить работу, начатую Баиовым по объединению и сплочению рядов русских военных в Эстонии [Исаков 2005, 225–226]. После закрытия в 1936 г. Союза взаимного вспомоществования бывших чинов Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии, Энгельгардт, желая максимального объединения всех русских военных в Эстонии, ходатайствовал перед генералом Э. А. Верцинским, возглавлявшим Общество помощи бывшим русским военнослужащим, о вхождении в него членов закрытого союза. Но Э. А. Верцинский был категорически против, так как считал невозможным прием солдат и унтер-офицеров в исключительно офицерское по своему составу общество [Исаков 2005, 227].

Между тем, именно при Союзе северо-западников, с 1931 г. была неплохо организована агентурная и диверсионная деятельность на территории СССР. Со слов одного из активных членов этой организации П. А. Горбовского, в 1931 г. О. П. Васильковский ездил в Париж, где встречался с генералом П. Н. Шатиловым, который поручил ему организовать на территории СССР повстанческие группы и снабжать их агитационной литературой для ведения среди населения антисоветской пропаганды [ФГАЭ 130: 6122, 34].

Если верить П. А. Горбовскому, то такие отряды были действительно созданы. Близлежащая к Нарве советская территория была поделена на секторы, и каждому члену организации было поручено руководить работой в одном из них: П. А. Горбовский руководил работой в районе Порхова и частично в Псковском районе, по Лужскому и Кингисеппскому району были ответственными Д. А. Гаврилов и Н. Д. Гужавин, а в районе Острова работу курировали Н. А. Подмошенский и С. А. Кудрявцев. П. А. Горбовский утверждал, что в его районе действовало до пяти групп, численность которых доходила до 200 человек [ФГАЭ 130: 6122, 38]. Наиболее активной была группа Сорокинского, имевшая в своем распоряжении большие запасы оружия и взрывчатых веществ. В числе «подвигов» этой группы была организация нескольких крушений поездов на железнодорожной линии Порхов-Псков [ФГАЭ 130: 6122, 34].

О. П. Васильковский был очень недоволен действиями группы Сорокинского, так как считал, что столь масштабные теракты могут привести к гибели всей подпольной организации. В свою очередь Васильковский предлагал осуществлять покушения на отдельных партийных деятелей и функционеров. Однако это

предприятие потерпело неудачу — все посланные в СССР с этим заданием люди обратно не возвращались и, видимо, сами гибли от рук тех, кого они собирались ликвидировать [ФГАЭ 130: 6122, 34–36].

К сожалению, ни опровергнуть, ни дополнить эти свидетельства не представляется возможным, так как все остальные участники этой организации на следствии ни словом не обмолвились о ее существовании. Существуют также не совсем достоверные сведения, что в 1933–1934 гг. прибалтийским отделом Российского имперского союза, центр которого находился в Париже во главе с Н. Н. Рузским, а в Эстонии его представителем был А. С. Гушин, были подготовлены диверсионные группы для переброски в СССР [Бойков 2001а, 90]. Однако какой-либо дополнительной информации, подтверждающей этот факт, пока не обнаружено.

Тем не менее, на основе ставших в последнее время известными документах ОГПУ можно утверждать, что, благодаря работе разного рода белогвардейских организаций, в конце 1920-х–начале 1930-х гг. на территории СССР деятельность конспиративных и повстанческих групп приняла невиданный размах. Если, по официальным данным ОГПУ, в 1929 г. через судебные «тройки» прошли 5 885 человек, то в 1930 г. суду были преданы 179 620 человек, из которых 18 966 человек были приговорены к расстрелу. За 1930 г. чекисты зафиксировали по СССР 13 754 массовых выступлений против советской власти, включая 176 повстанческих. Известно, что с января по апрель 1930 г. прошло 6 117 крестьянских выступлений, в которых участвовало около 1,8 миллионов человек. За 1932 г. было зафиксировано более 5 000 высказываний откровенно повстанческого характера со стороны красноармейцев и командного состава армии [Александров 2004, 40–41].

Что касается общего характера деятельности русских военных в Эстонии в 1930-е гг., то можно сказать, что в сравнении с 1920-ми гг. их активность явно пошла на убыль. В целом это была общая тенденция, характерная как для всего Русского Зарубежья, так и для Эстонии, где особенно после установления диктатуры Пятса-Лайдонера наступило время общественно-политического застоя и стагнации. В 1936 г. был закрыт Союз вспомоществования чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии. Организация русских скаутов в Эстонии была включена в общеэстонскую организацию и в результате лишилась и части своих членов, и своей автономии, а русские утратили былой контроль и влияние в организации. Хотя до прихода советской власти в Эстонии продолжали действовать Союз русских увечных воинов-эмигрантов, комитет «Дня русского инвалида», Союз русских военных инвалидов, Общество помощи бывшим русским военнослужащим и Касса взаимопомощи моряков; хотя во многом не безуспешно продолжало функционировать эстонское отделение РОВС'а, все же уровень их активности был уже не тот. К тому же с течением времени контингент русских военных неуклонно старел и по причине естественной убыли сокращался, многие в поисках лучшей жизни покидали Эстонию. За редким исключением все оставшиеся к 1940 г. в Эстонии русские военные были схвачены соответствующими органами советской власти и расстреляны или погибли в лагерях.

§ 3. Служба в эстонской армии и военных учебных заведениях Эстонской Республики

Во время Освободительной войны в составе эстонской армии наряду с эстонцами сражалось немало представителей других национальностей, прежде всего из числа местных русских и немцев. Некоторые из них, как, например, полковник Г. И. Феофанов, подполковник К. Д. Троицкий, капитаны Н. Ф. Дучинский и П. Н. Феофанов и младший лейтенант Н. С. Гурьянов, за боевые заслуги были награждены орденом Креста Свободы [Strauss 2004, 18–20, 56]. Помимо добровольцев из числа неэстонцев уже в ходе военных действий в ряды эстонских вооруженных сил был мобилизован еще и определенный контингент солдат и офицеров-инородцев. Так, например, практически весь личный состав кораблей «Леннук» и «Вамбола» состоял из русских морских офицеров. В дальнейшем многие из них по личной просьбе или по распоряжению генерала Й. Лайдонера были переведены в состав Северо-Западной армии и служили в ее рядах до момента ее расформирования.

В конце 1919 г., с началом переговорного процесса между Эстонией и Советской Россией, когда судьба Северо-Западной армии была уже фактически предрешена, командование эстонской армией, несмотря на весьма сложные и недоверительные взаимоотношения, сложившиеся с армией генерала Н. Н. Юденича, было весьма заинтересовано в привлечении в свои ряды русских офицеров-белогвардейцев. С одной стороны, офицерский корпус Северо-Западной армии был одним из основных козырей в руках эстонской делегации для давления в ходе переговоров на советскую делегацию, с другой стороны, эстонская армия, действительно, испытывала потребность в квалифицированных военных кадрах. Согласно официальным данным, во время Освободительной войны эстонская армия насчитывала 2 132 офицера, большинство из которых окончило школу прапорщиков или получило офицерский чин за проявленную храбрость на полях сражений. Лишь 117 офицеров из общего числа имели военное образование и достаточный опыт участия в военных действиях, а с высшим военным образованием насчитывалось только 13 офицеров [Eesti Vabadussõda 1996, I, 56].

Еще на мирной конференции в Тарту 5 декабря 1919 г. эстонская сторона настаивала на полном включении Северо-Западной армии в состав эстонской армии, против чего категорически выступала советская делегация. Однако по соглашению о перемирии от 31 декабря 1919 г. правительство Эстонии формально приняло требование Советской России о разоружении Северо-Западной армии и запрещении ее солдатам и офицерам вступать в ряды эстонской армии [Штейн 1958, 261–262]. В этом вопросе Эстония и руководство Северо-Западной армии не смогло найти поддержки и со стороны союзников ввиду отсутствия единства мнений между представителями Великобритании и Франции. Так, на заседании Парижской мирной конференции 5 января 1920 г. Великобритания выступала за полный переход Северо-Западной армии в эстонскую армию, Франция же наоборот была против, но в результате полной ликвидации Северо-Западной армии и подписания Тартуского мирного договора судьба остатков армии Н. Н. Юденича перестала интересовать ее бывших союзников [Штейн 1949, 292–293].

Еще в конце ноября 1919 г. на службу в эстонскую армию перешел ряд солдат и офицеров Северо-Западной армии, в том числе Балтийский полк и отряд Булак-Балаховича [Rosenthal 2006, 557–558], что, конечно, не могло не вызывать беспокойства у советского руководства. Однако, не взирая на то, что при составлении текста Тартуского мирного договора советская сторона сделала все

возможное, чтобы воспрепятствовать переходу офицерского состава Северо-Западной армии в эстонские вооруженные силы, пункты договора, касающиеся этого вопроса, все-таки в некоторых случаях не исключали такой возможности. В соответствии с параграфом третьим седьмой статьи договора, запрет на поступление на военную службу в эстонскую армию не касался тех солдат и офицеров белогвардейских армий, кто опиривался в Эстонию; кто, не будучи эстонцем по национальности, проживал на территории Эстонии до 1 мая 1919 г., и кто служил в правительственных войсках Эстонии до 22 ноября 1919 г. [Rahuleping 1920, 190].

Хотя большая часть личного состава Северо-Западной армии не подпадала под эти категории, все же многие русские офицеры могли воспользоваться этими исключениями. Тем не менее, в соответствии с этими пунктами договора, по приказу генерала Й. Лайдонера от 6 марта 1920 г. предписывалось исключить из рядов эстонской армии по меньшей мере 1179 солдат и офицеров Северо-Западной армии, и передать их в распоряжение министра внутренних дел как беженцев [Rosenthal 2006, 602]. Однако существовал и другой вариант привлечения на эстонскую службу русских военных специалистов, практиковавшийся достаточно часто и заключающийся в том, что русские военные определялись на нестроевые должности временных инструкторов при воинских частях, технических специалистов при военных инженерных учреждениях, лекторов военных училищ и т. д.

В начале 1920-х гг. русских военных на эстонской службе было достаточно много. Согласно донесению резидента Особого отдела ВЧК в Финляндии от 20 апреля 1920 г., к тому моменту эстонская армия состояла на 8 % из бывших русских офицеров [Русская военная эмиграция 1998, 75]. По подсчетам Н. А. Кузнецова, в общей сложности в 1918–1940 гг. только в военно-морских силах Эстонии в разные периоды служило до 658 русских офицеров и военных чиновников [Кузнецов 2005, 188], что касается сухопутных родов войск, то стоит предполагать, что их число было значительно больше.

Однако с постепенным переходом как всей страны, так и армии на положение мирного времени, начался процесс демобилизации. Естественным образом, в первую очередь под увольнение в запас попали лица нетитульной национальности. В большей степени этому способствовало не столько решение военного руководства республики, сколько шумиха, поднятая на страницах эстонских газет. К примеру, в газете «Päevaleht» некий аноним, скрывавшийся под именем «Patronus», с возмущением констатировал тот факт, что по улицам Таллинна слоняется большое число бывших северо-западников в офицерской форме эстонской армии, которые демонстративно разговаривают по-русски и в то же время совершенно не владеют государственным языком. Автор статьи обращался с призывом незамедлительно обратить кому следует на это внимание и отстранять таких офицеров от службы [«Patronus» 1920].

Руководство эстонской армией должно было как-то реагировать на сложившуюся проблему, и уже в конце мая 1920 г. военным министром А. Ханко был отдан приказ, согласно которому все офицеры-инородцы обязывались в течении шести месяцев выучить эстонский язык, чтобы беспрепятственно выполнять свои обязанности. В случае неисполнения приказа офицерам-инородцам грозило разжалование в рядовые [Rajur 1999, 143]. Вероятно, эта мера не привела к каким-либо существенным изменениям, так как спустя шесть месяцев критика вновь возобновилась, однако, первые репрессивные меры были приняты только в конце 1922 г., когда 40 офицеров-инородцев из-за незнания эстонского языка были освобождены от службы [Rajur 1999, 143]. Следующее увольнение по тому же поводу

состоялось в сентябре 1923 г., когда приказом военного министра с военной службы были уволены и зачислены в запас 23 инородца, большую часть из которых составляли русские. В числе отчисленных от службы были полковники В. Бреверн и Э. Э. Бушман, подполковники Н. Лежневский, Н. Цветков, Г. Лет, капитан В. А. Павлов, врачи Ф. Григорьев, В. Тацитов и В. Дементьев, военные чиновники А. Исаков, И. Исаков, В. Р. Федоров (лейтенант российского флота) и К. Викторов [Хроника 1923е]. Из-за незнания в достаточной степени государственного языка в мае 1924 г. из списков офицеров эстонской армии было исключено уже 120 офицеров [Исключение 120 офицеров 1924]. В августе 1924 г. еще 13 офицеров были разжалованы в рядовые, в том числе: полковник Р. В. Франк, подполковники В. В. Эшшольц, Б. Устав, капитан 2-го ранга П. Н. Филатов, поручики Л. Перм, Б. Шпигель, П. Власов, Е. Кортман, прапорщики Ф. Долль, И. Георгиев, П. Любомудров, А. Шульц и А. Троицкий [Хроника 1924г].

В мае 1927 г. распространились слухи, что по военному ведомству был отдан приказ о запрещении в будущем для лиц неэстонской национальности занимать офицерские вакансии в эстонской армии. К тому времени значительный численный состав офицеров нетитульной нации наблюдался в артиллерийских частях 2-й дивизии, кавалерии и отделе снабжения. Военному министру Н. Резку пришлось давать объяснения. По его словам, эти слухи были явным недоразумением, так как ко всем офицерам эстонской армии предъявлялись одинаковые требования: наличие эстонского гражданства, знание эстонского языка и соответствующие профессиональные навыки. Министр отмечал, что на тот момент все офицеры-неэстонцы этим требованиям соответствовали. В то же время Н. Рэк констатировал, что в некоторых хозяйственных учреждениях военного министерства работал слишком большой процент неэстонских граждан, который в некоторых заведениях доходил до 30 %, как, например, на складе огнестрельных припасов в Мяннику. В связи с этим военное министерство распространило словесное распоряжение о необходимости принимать на работу в первую очередь эстонских граждан [Эстонская армия 1927].

Тем не менее, несмотря на многие трудности, некоторые офицеры-инородцы сумели приспособиться к сложившимся обстоятельствам, выучить на хорошем уровне эстонский язык и сделать военную карьеру в эстонских вооруженных силах. К этому числу принадлежали русские офицеры — колонели Г. И. Феофанов, Г. Бурвиков, А. Дойлов, колонель-лейтенант К. Д. Троицкий, капитан-лейтенант А. Н. Малевич, капитан-майор Б. Щепотьев, майор А. Семенов-Смолин, капитан Н. Ф. Дучинский [Rajur 1999, 143].

Другой сферой применения профессиональных знаний русских офицеров была преподавательская деятельность в военных учебных заведениях Эстонской Республики.

Проблема пополнения эстонских офицерских кадров и их профессиональной подготовки была актуальна как во время Освободительной войны 1918–1920 гг., так и после ее завершения. Поэтому в целях обучения эстонского офицерского корпуса распоряжением главнокомандующего от 3 апреля 1919 г. было сформировано Государственное Военное училище (Vabariigi Sõjakool), учебный процесс которого строился по образцу бывшей российской школы прапорщиков с четырехмесячным сроком обучения. В 1920 г. были открыты также Военно-техническое училище (Sõjaväe Tehnikakool), Военно-морское Кадетское училище (Mereväe Kadettide Kool), а в 1921 г. — Курсы Генерального штаба (Kindralstaabi kursused), по окончании

которых эстонские офицеры получали высшее военное образование [Pajur 1999, 148–153].

Одной из основных проблем, с которой столкнулось командование эстонскими вооруженными силами при организации военных учебных заведений, являлась нехватка профессиональных преподавателей. Поэтому было решено обратиться с предложением — занять вакантные места лекторов по различным отраслям военного дела — к русским военным специалистам, проживавшим в то время в Таллинне. К сотрудничеству был привлечен ряд инженеров, врачей, юристов, специалистов в области точных наук и преподавателей иностранных языков.

В качестве преподавателей Военного училища и Курсов Генерального штаба были приглашены на службу лекторы и профессора бывших российских высших военных учебных заведений. Среди таковых были профессора: генерал-лейтенант Г. М. Ванновский, читавший лекции по тактике кавалерии (с практическими занятиями) и по службе Генерального штаба; полковник П. П. Маресев, преподававший военно-инженерное дело (с практическими занятиями) и ведший занятия по рассмотрению тактико-стратегических задач; генерал-лейтенант Генерального штаба А. К. Баиов, читавший лекции по истории военного искусства, истории Первой мировой войны, военной статистике, стратегии и военной географии соседних с Эстонией государств; генерал-майор Генерального штаба Д. К. Лебедев (тактика пехоты, военно-техническая тактика, военная администрация и практические занятия по данным предметам). Должности лекторов также занимал и ряд других военных специалистов: генерал-майор Генерального штаба А. А. Зальф (лекции по тактике); генерал-майор В. Л. Драке (артиллерийское дело и тактика артиллерии), полковник Генерального штаба А. В. Кушелевский (практические занятия по тактике, военной статистике и рассмотрению тактико-стратегических задач по статистике и военной администрации); занятия по медицине проводил военный врач профессор С. А. Острогорский, по юриспруденции полковник В. Н. Рославлев [ГАЭ 646: 1: 162, 1–1об.; Kõrgem Sõjakool 1931, 54–55, 60].

Из общего числа русских преподавателей самой яркой и значительной фигурой, без сомнения, был генерал-лейтенант А. К. Баиов. До эмиграции в Эстонию Баиов являлся правителем дел и профессором кафедры истории русского военного искусства Николаевской военной академии Генерального штаба. Его перу принадлежит порядка 23 книг по разным отраслям военной науки, в частности, фундаментальный «Курс истории русского военного искусства» в 7-ми томах. Он также являлся участником и организатором многочисленных обществ, редактором ряда военно-исторических изданий и талантливым военачальником времен Первой мировой войны [Исаков 1996, 306–307].

Так как многие высшие чины эстонской армии — такие, как генералы Й. Лайдонер, Я. Соотс, П. Лилль и Ю. Тырванд, — являлись в прошлом учениками Баиова по Николаевской военной академии Генерального штаба, то именно к нему в первую очередь поступило предложение занять должность преподавателя Военного училища. Вероятно, по его рекомендациям был набран и остальной штат преподавателей училища. Приказом военного министра от 15 октября 1920 г. в штат постоянных лекторов Военного училища были зачислены А. К. Баиов, Г. М. Ванновский, В. Л. Драке, А. В. Кушелевский, С. А. Острогорский [ГАЭ 646: 1: 38, 97–98, 139, 140–142, 171] и инструктором спортивных курсов — полковник Ф. Н. Лебедев [ГАЭ 2315: 1: 138, 387]. В июне 1921 г. на должность лектора был также принят П. П. Маресев [ГАЭ 646: 1: 38, 171], а в ноябре того же года — Д. К. Лебедев [ГАЭ 646: 1: 235, 7], с 1922 г. в училище для чтения лекций по тактике был также

переведен А. А. Зальф [Õun 2002, II, 98]. Ко всему прочему, в качестве временных преподавателей для практических занятий училище дополнительно нанимало на короткий срок некоторых русских офицеров. Например, в феврале 1920 г. уроки фехтования преподавал капитан В. Янновский [ГАЭ 646: 1: 12, 106], а с 29 июня по 17 июля того же года практические работы по топографии вел подпоручик Сергеев [ГАЭ 646: 1: 59, 36, 49].

Кроме преподавания в Военном училище почти все из выше перечисленных были также привлечены к чтению лекций в классах Военно-технического училища, где уже на тот момент практически весь преподавательский состав был укомплектован из русских специалистов. Арифметику, алгебру, тригонометрию, технологию, дифференциальные и интегральные измерения преподавал инженер К. П. Папелло; геометрию и стереометрию, электротехнику, электрические измерения и аналитическую геометрию — инженер А. Г. Гиссер; физику и химию — лектор И. И. Ларионов; технологию — инженер М. Егоров; полевую фортификацию — инженер А. Исаков; начертательную геометрию, курс по двигателям внутреннего сгорания, автомобильное дело — инженер, лейтенант российского флота В. Р. Федоров; механику и электротехнику — инженер К. В. Викторов; сопротивление материалов, телефонное и телеграфное дело — инженер И. Исаков; взрывчатые вещества и пороходелие, взрывчатые вещества для артиллерийских техников — капитан А. К. Гершельман [ГАЭ 648: 1: 13, 1–63 об.].

Однако самым значительным вкладом русских военных специалистов в дело обучения и подготовки эстонских офицерских кадров следует, на наш взгляд, считать их деятельность на Курсах Генерального штаба, преподавание на которых началось осенью 1921 г. Собственно говоря, организация учебного процесса являлась в большей степени заслугой А. К. Баиова, поскольку именно он составил детальное описание структуры учебного процесса, которое было отражено в «Записке о курсах Генерального штаба в Эстонии», подписанной Баиовым 18 мая 1921 г. [ГАЭ 1856: 1: 6, 171–184].

Структура учебного процесса была детально расписана Баиовым по следующим разделам: цель курсов, способы достижения указанных целей, продолжительность курсов, штат обучающихся, прием на курсы, предметы преподавания и практические занятия, метод и характер преподавания, план учебных занятий, распределение предметов и практических занятий по лекторам и руководителям, оплата труда преподавательского состава.

Судя по пометкам, сделанным в тексте «Записки», видимо, начальником Курсов Генерального штаба, а также по тому, как осуществлялся в дальнейшем учебный процесс, можно заключить, что предложенный учебный план с привнесением небольших корректив был полностью одобрен. В утвержденный военным министерством штат преподавателей Курсов вошли А. К. Баиов, Г. М. Ванновский, Д. К. Лебедев, В. Л. Драке, П. П. Маресев, А. Н. Малевич, И. И. Голенищев-Кутузов, Г. А. Э. фон Зальца, Н. Резк, Н. Эрасси, А. Пийп, Ю. Улуотс и Ф. И. Корсаков [ГАЭ 1856: 1: 2, 2]. Ко всему прочему в числе ассистентов преподавателей также числился генерал-майор артиллерии российской армии и резерва эстонской армии А. А. фон Ден [Kõrgem Sõjakool 1931, 55].

Программа обучения, предложенная Баиовым для Курсов Генерального штаба, включала в себя чтение курсов по истории военного искусства, истории Первой мировой войны, военной географии соседних с Эстонией государств, военной статистике и стратегии, включая практические занятия по последним двум предметам. Таким образом, преподавательская нагрузка Баиова на Курсах

Генерального штаба была порядком больше, чем в Военном училище [Kõrgem Sõjakool 1931, 55]. Так же дело обстояло и у других русских преподавателей, поэтому неудивительно, что еще до того, как Курсы начали свою деятельность, часть русских лекторов во главе с А. К. Баиовым высказали руководству эстонских учебных военных заведений свое категорическое несогласие с лекционным объемом и его оплатой.

Эту проблему от имени военного министерства попытался решить полковник Генерального штаба Ю. Тывранд на заседании преподавательского состава Курсов, состоявшемся 14 июня 1921 г. он сообщил, что военное министерство Эстонской Республики изыскало возможность повысить зарплату преподавателей с 50 марок за лекционный час до 160 марок — лекторам и до 300 марок — профессорам. Однако при этом Ю. Тывранд отметил, что, ввиду трудного экономического положения Эстонии, дальнейшее повышение заработной платы преподавателей не предвидится [ГАЭ 1856: 1: 5, 4]. Видимо, данный вопрос так и остался до конца неурегулированным, так как, например, в начале декабря 1921 г. все та же группа преподавателей подала по очереди рапорты на имя начальника Военного училища, в которых, во-первых, высказывалось несогласие читать ряд лекций, предназначенных для Курсов Генерального штаба, также и для слушателей Военного училища; во-вторых, отмечалось, что за определенное количество лекционных часов училище до сих пор не заплатило [ГАЭ 1856: 1: 7, 83–87 об.]⁷. В связи с такого рода демаршами русских лекторов военное министерство заняло жесткую позицию. Так, к примеру, в августе 1922 г. А. К. Баиову через начальника эстонских учебных военных заведений было передано, что «отказ от сотрудничества в одном военном учебном заведении является отказом от сотрудничества вообще» [ГАЭ 646: 1: 162, 73].

Что же касается, например, Г. М. Ванновского, то он помимо рапорта обратился еще и с заявлением на имя начальника Военного училища с требованиями о сокращении нагрузки, числа слушателей в классах и повышении оплаты труда. На это заявление пришлось реагировать инспектору классов училища с объяснениями в том, что обеспокоенность Ванновского совсем напрасна, так как, по его мнению, количество слушателей в классах не превышает 25 человек, что является вполне нормальным [ГАЭ 646: 1: 304, 145, 158–160]. В последующем проблема еще более усугубилась, потому что на очередном собрании преподавателей Курсов Генерального штаба 4 января 1922 г. Г. М. Ванновский жаловался, что на его практических занятиях по тактике в Военном училище в одной группе уже было 35 человек, в связи с чем он предлагал разделить группу на три части, что, по его мнению, несомненно, облегчило бы работу преподавателя [ГАЭ 1856: 1: 5, 5 об.].

Очередным камнем преткновения стало требование руководства Курсов Генерального штаба, связанное с предоставлением преподавателями рукописей своих лекций для дальнейшего тиражирования. И на сей раз проблема была связана с не удовлетворявшим преподавателей объемом гонорара. Руководство Курсов распространило среди преподавателей опросный лист, где спрашивалось: 1) «согласен ли лектор, получая двойное вознаграждение за лекции, дать рукопись своих лекций управлению курсов, сдавая ее по частям, чтобы управление курсов

⁷ Поочередность подачи рапортов лишний раз свидетельствует о том, что главным инициатором коллективных протестов среди русских преподавателей училища был А. К. Баиов, который в данном случае подал рапорт самым первым 3 декабря, на следующий день рапорт подал П. П. Маресев, а 7 декабря их примеру последовали Г. М. Ванновский и А. В. Кушелевский. В рапорте последнего, так как он не преподавал на Курсах Генерального штаба, недовольство высказывалось только по поводу неуплаты за прочитанные часы [ГАЭ 1856: 1: 7, 83–87 об.].

успевало их литографировать», и 2) «согласен ли лектор корректировать стенографированные лекции за 25% вознаграждения, установленные за чтение лекций» [ГАЭ 1856: 1: 6, 199–207]. Таким образом, предлагалось два варианта как для составления печатных курсов лекций, так и для их оплаты. Если по первому варианту мнение русских преподавателей разнилось, то по второму почти все высказались отрицательно [ГАЭ 1856: 1: 6, 199–207]. Впрочем, вскоре компромисс был найден, и за каждый печатный лист преподаватели, утвержденные на должности профессоров, получали по 3 000 эстонских марок [ГАЭ 1856: 1: 9, 11 об.].

К сожалению, на данном этапе не представляется возможным восстановить весь список курсов лекций русских преподавателей, изданных литографированным способом. Причиной тому является, во-первых, не полная проработка автором данной работы всех архивных источников, во-вторых, те материалы, которые все-таки были нами обнаружены, не имеют систематического характера и весьма фрагментарны.

Относительно работ А. К. Баиова можно с уверенностью утверждать, что было издано 5 его курсов лекций: «История военного искусства от народов древности до начала XX ст. Включительно» (Ревель, 1921), «Великая Мировая Война» (Ревель, 1922), «Лекции по стратегии» (Ревель, 1922), «Лекции по теории статистики» (Ревель, 1922) и «Военная география соседних с Эстонией государств» (Ревель, 1922). В своих статьях [Абисогомян 2003, 50; Абисогомян 2004а, 9] мы также отмечали, что в одном из архивных документов указывалась принадлежность авторству А. К. Баиова еще двух работ. Это — «Лекции по тактике» и «Военная Администрация» [ГАЭ 1856: 1: 45, 20–20об.]. Однако, на наш взгляд, рассматривать данное утверждение стоит лишь как гипотезу, так как каких-либо других документов, подтверждающих или опровергающих эту версию, нами не обнаружено. Можно предположить, что Баиовым были написаны эти работы, но по каким-то причинам не были изданы; можно также предположить, что эти работы были составлены другим автором и даны Баиову для просмотра и рецензирования. Последний вариант кажется весьма вероятным, так как известно, что Баиов ни курсов по тактике, ни по военной администрации не читал.

С выявлением работ других русских преподавателей дело обстоит еще сложнее. Доподлинно известно лишь то, что подобные работы для последующего тиражирования были составлены генералом В. Л. Драке («Тактика артиллерии») [ГАЭ 650: 2: 29] и генералом Д. К. Лебедевым («Военная администрация», «Тактика») [ГАЭ 650: 2: 19; 20]. В случае с генералом Г. М. Ванновским нами было установлено, что его рукопись «Записки по тактике» была напечатана, но без указания автора, года и места издания. Обнаруженная нами расписка Ванновского, подтверждающая факт продажи рукописи Военно-техническому училищу и разрешающая ее тиражирование в размере 150 экземпляров, датирована 30 июлем 1923 г. [ГАЭ 650: 2: 31], что позволяет предположить, что рукопись была литографирована в этом же году.

Оплата труда и вопросы, связанные с лекционной нагрузкой, были не единственными проблемами, с которыми приходилось сталкиваться русским военным в их преподавательской деятельности. Отношение к ним их эстонских коллег и учеников были далеки от идеальных. В этой связи весьма показательным бестактным и обидным наставлением начальника Курсов Генерального штаба полковника Н. Резка к обучающимся, в котором он, призывая их соблюдать чистоту и правила гигиены, для большей показательности цитировал слова некоего иностранца, посетившего Россию в XIV веке и утверждавшего, что русский народ не может

считаться культурным, так как, образно выражаясь, не умеет ходить в уборную. Выводом из этой морали являлось предостережение о том, чтобы какой-нибудь иностранец не сделал такого же умозаключения об эстонцах [ГАЭ 1856: 1: 10, 160].

Если пассажи подобного рода позволял себе образованный, старший офицер эстонской армии, то можно себе представить какое отношение к русским преподавателям формировалось у молодых солдат и офицеров. Результаты таких наставлений обнаружались уже через некоторое время, а именно в 1923 г., когда рядовой Лепик украл, подделав подпись, деньги, предназначенные для А. К. Баиова, которые Лепик должен был принести ему на дом [ГАЭ 1856: 1: 64, 11].

Для многих представителей эстонского общества сам факт преподавания большого числа российских специалистов в военных учебных заведениях Эстонии представлялся неприемлемым. Начиная с весны 1920 г., в ведущих периодических изданиях Республики националистически настроенные круги эстонского общества все чаще стали выражать свое недовольство по поводу чрезмерного, по их мнению, числа русских офицеров и военных специалистов в армии и военных училищах. Критика была направлена как в адрес эстонского правительства, так и в адрес высшего руководства эстонскими вооруженными силами, допускавшими такое положение дел. В частности, один из слушателей Военно-морского кадетского училища с возмущением писал в газете «Vaba Maa», что в Военном училище вместо работавших во время Освободительной войны преподавателей-эстонцев, теперь преподают исключительно бывшие русские генералы и офицеры, которые все свои лекции читают на русском языке. Не осмеливаясь обсуждать их профессиональные качества, автор задавался вопросом: куда же подевались эстонские военные специалисты? [Hääl 1920].

В ответ на критику высшие чины эстонской армии заявляли, что данное положение дел временно и эстонская армия пока не может отказаться от услуг русских военных, так как не обладает достаточным количеством специалистов эстонской национальности. Но как только такие кадры будут подготовлены, руководство эстонских вооруженных сил обещало рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего сотрудничества с бывшими российскими офицерами [Mõned küsimused 1922].

Однако, несмотря на обещания подобного рода, эстонская пресса требовала более решительных мер. Поэтому, как уже упоминалось выше, в конце мая 1920 г. военный министр А. Ханко отдал приказ, согласно которому все служащие по военной линии инородцы обязывались в течение шести месяцев овладеть эстонским языком, в противном случае им грозило увольнение. Все-таки санкции, предусмотренные данным приказом, были осуществлены только спустя почти два с половиной года, когда Комиссия по государственной обороне приняла решение об увольнении 40 инородцев [Rajur 1999, 143]. В их числе были и преподаватели военных учебных заведений Г. М. Ванновский, П. П. Маресев, С. А. Острогорский и А. В. Кушелевский [ГАЭ 646: 1: 38, 97–98, 139, 141–143, 171].

В случае с А. К. Баиовым эстонская общественность была не довольна занимаемой им общественно-политической позицией. Дело в том, что Баиов был монархистом и не скрывал своих убеждений. Стоит ли говорить, что наличие людей монархических убеждений — особенно на такой должности, какую занимал Баиов, — мягко говоря, в эстонском обществе не приветствовалось.

Ко всему прочему, нападки на Баиова усилились после его выступления в таллинском Русском клубе. В своей речи Баиов выступил против решения городских властей снести и переплавить памятник Петру Великому, который якобы

напоминал о «рабском прошлом Эстонии». При этом Баиов достаточно резко высказался и в адрес Эстонского государства, допустившего такого рода проявление вандализма [Ühe meie 1922]. Хотя выступление Баиова прозвучало в закрытом клубе, дело получило огласку, и для его рассмотрения была собрана Комиссия по государственной обороне при Парламенте [Rajug 1999, 144]. В результате Баиов чуть было не лишился своей должности, но, благодаря заступничеству военного министра Я. Соотса, дело было закрыто [ГАЭ 1: 7: 28, 177].

И в последующем высшие чины эстонской армии неоднократно заступались за Баиова, но активизация его общественно-политической деятельности привела, в конечном счете, к необходимости выбора — или продолжать преподавательскую работу в военных заведениях Эстонии, или заниматься делами русских эмигрантов [Штейфон 1937, 220]. Баиов выбрал последнее и подал рапорт об уходе по собственному желанию с должности профессора эстонских учебных заведений [Хроника 19266]. Приказом начальника Объединенных Военных учебных заведений Эстонии от 1 февраля 1926 г. его рапорт был удовлетворен. В своем приказе полковник Генерального штаба Я. Ринк отмечал большие заслуги Баиова в деле обучения и воспитания эстонских офицеров и его фундаментальный вклад в развитие высшего военного образования в Эстонии [ГАЭ 650: 1: 119, 62].

В 1927 г. в связи с выходом в отставку эстонские военные учебные заведения покинул генерал Д. К. Лебедев [Бойков 1998, 177]. Его служба в эстонской армии и военных учебных заведениях была далеко не безоблачной. Как позднее писал А. К. Баиов, преподавательская деятельность Лебедева «нередко доставляла ему много неприятностей, что сильно отражалось на его здоровье» [Баиов 1935, 20]. Несомненно, что сама по себе фигура генерала Лебедева для эстонских вооруженных сил была весьма яркой и неординарной, что не могло не вызывать определенного рода неприятия у некоторых окружающих.

Во-первых, своим талантом и трудолюбием Лебедев достиг больших успехов в военной карьере, чем кто-либо из эстонских офицеров. Во-вторых, будучи по национальности эстонцем, Лебедев — как считает современный эстонский военный историк М. Ёун, — в интересах карьеры [Ёун 1997, 52] в свое время сменил фамилию. По логике М. Ёуна, преследуя те же самые корыстные интересы, Лебедев должен был опять поменять фамилию после своего возвращения на родину в 1921 г. и поступления на эстонскую военную службу. Однако, как мы знаем, этого не последовало. В-третьих, владея эстонским языком, Лебедев тем не менее очень часто предпочитал в своей профессиональной деятельности использовать русский. Так, например, на русском языке составлена его «Инструкция для ведения практических занятий по тактике в поле в Военном училище и на офицерских курсах в июне 1922 года» [ГАЭ 646: 1: 162].

По словам А. К. Баиова, Д. К. Лебедев «много лет честно, добросовестно и от всего сердца <...> служил в русской армии и, будучи русским человеком до мозга костей, оставался всегда и русским офицером, гордясь своей принадлежностью к Великой Русской Армии» [Баиов 1935, 20]. Несомненно, что человек с такой характеристикой был белой вороной среди эстонских офицеров того времени. Поэтому нет ничего удивительного, что после разразившегося в 1934 г. скандала вокруг продажи кораблей «Леннук» и «Вамбола», несмотря на то, что к этой достаточно темной истории имели причастность многие из высшего военного и государственного руководства, всю вину в этом деле попытались свалить на Лебедева [См., напр.: Д. Лебедев 1934; Вчера 1934; Допросу ген. Д. Лебедева 1934;

Допрос Д. Лебедева 1934; Слухи 1934; Таллинский день 1934а; Таллинский день 1934б].

Более удачно сложилась карьера в эстонских вооруженных силах генерала В. Л. Драке. По свидетельству А. К. Баиова, Драке сумел на хорошем уровне выучить эстонский язык и принял эстонское гражданство [Баиов 1933, 29]. Надо полагать, что произошло это в 1922 г., так как в документах 1921 г. Драке был оформлен как частное лицо (*eraisik*) [См., напр.: ГАЭ 648: 1: 13, 52–56], а в документах 1922 г. рядом с его фамилией отмечается воинское звание (генерал-майор) [ГАЭ 648: 1: 10, 52], что свидетельствует о том, что с 1922 г. Драке, как эстонский гражданин, был принят на военную службу. Также с 1922 г. в документах Военно-технического училища В. Л. Драке значится уже как начальник артиллерийского отделения училища [ГАЭ 648: 1: 10, 60]. Вероятно, генерал Драке прослужил в эстонской армии и военных учебных заведениях до конца 1920-х гг., когда после 55-летнего юбилея он должен был выйти в отставку.

Не менее удачной была военная карьера А. Н. Малевича. В декабре 1918 г. приказом командующего эстонскими вооруженными силами он был переведен из Чудской флотии Северного корпуса на эстонский флот, где служил на командных должностях. С сентября 1921 г. преподавал на Курсах Генерального штаба, а в период 1922–1923 гг. — на Курсах морских офицеров мирного времени (*Mereväe Ohvitseride rahuaegsete kursused*) и в Военно-морском кадетском училище. В январе 1930 г. он был отправлен в отставку по собственному желанию [ГАЭ 495: 7: 3072, 16–17]. Складывается впечатление, что А. Н. Малевич или в силу карьерных соображений, или, потому, что, действительно, в большей степени считал себя человеком эстонской культуры⁸, старался избегать связей со своими бывшими сослуживцами по российскому флоту. Так, например, его фамилия не фигурирует ни в одном списке Кассы взаимопомощи моряков, что свидетельствует о том, что он не состоял членом Кассы, хотя известно, что почти все морские офицеры, а также все сухопутные офицеры и военные чиновники, служившие по морскому ведомству, являлись членами этого общества.

Остается до конца невыясненной история преподавательской деятельности старшего лейтенанта российского флота И. И. Голенищева-Кутузова. Стоит предположить, что как морской офицер он преподавал в Военно-морском кадетском училище. Как уже было упомянуто выше, с 1921 г. он также преподавал на Курсах Генерального штаба. Когда закончилась его педагогическая карьера нам не известно. Мы знаем лишь, что в марте 1927 г. он числился в списках Кассы взаимопомощи моряков, но уже к тому времени покинул Эстонию [Касса взаимопомощи 1927а].

Таким образом в середине 1920-х гг. большая часть русских военных специалистов покинула службу в эстонской армии и военных учебных заведениях. К этому времени в эстонской армии уже появилось новое поколение офицеров, получивших военное образование в училищах и академиях Франции, Финляндии, Польши, Бельгии, Великобритании и Германии. По возвращении на родину они сразу же замещали специалистов неэстонской национальности, «благодаря чему, — по мнению А. Паюра, — стало возможным отказаться от сомнительных услуг русских профессоров» [Pajur 1999, 153]. В военных учебных заведениях уже в 1926 г. на постоянной контрактной основе почти не было ни одного лектора-неэстонца. Именно

⁸ Например, в своих воспоминаниях историк Н. Е. Андреев, семья которого в 1920-е годы жила в одном доме с семьей Малевича, воспринимал его как эстонца, так как считал, что Малевич «был эстонского происхождения» [Андреев 1996, I, 178]

с этого времени начинается активная смена преподавательского состава молодыми кадрами, вернувшимися из-за границы [ГАЭ 495: 3: 492, 586], что, по мнению другого эстонского историка, способствовало тому, что «национальное военное высшее образование было положено на твердую основу» [Helme 1996, 7].

Наверное, памятуя об этой тенденции, и исходя из своего личного опыта и опыта его коллег, А. К. Баиов в 1931 г. в записке «Русская эмиграция в Эстонии», предназначавшейся для баронессы М. Д. Врангель, писал, что в Эстонии «русские не допускаются к занятию высших государственных должностей, они едва терпят на государственной службе и от них там стараются избавиться», что «с течением времени, используя в полной мере знания, опыт, навыки русских, эстонцы всюду и везде постарались избавиться от них. Они все взяли от них и затем выбросили их как выжатый лимон. И те русские эмигранты, которые принимали деятельное участие в той или иной мере в строительстве нового государства, теперь живут тут же, испытывая большую нужду. Впрочем, большая часть из них, разочарованная в благодарности эстонцев, покинула их недружелюбную страну» [Исаков 2002, 222, 232].

Ради объективности стоит отметить, что такая же тенденция по постепенному отказу от услуг иностранных специалистов и заменой их своими, наблюдалась и в российской истории в период становления регулярной армии при Петре I [Золотарев 2003, 121].

§ 4. Полковые, корпусные, училищные и иные объединения

С окончанием кровавой эпопеи Гражданской войны и ликвидацией фронтов белых армий закончилась и боевая история Российской императорской армии. Вчерашние солдаты и офицеры постепенно примкнули к общей массе гражданских беженцев, занявшись мирным трудом. Однако в силу чувства корпоративного единства и стремления сохранить традиции русской армии бывшие соратники и однополчане продолжали поддерживать связь друг с другом. Со временем спорадически устраиваемые вечера встреч послужили основой для организации обществ, объединений и союзов. В рекомендательной форме предложение по организации такого рода объединений было высказано и разослано по местам еще в начале 1921 г. генералом П. Н. Врангелем; позже данное предложение было подтверждено его же распоряжением от 8 сентября 1923 г. [Бортневский 1996, 117–119].

Первое свидетельство о существовании в Эстонии более или менее организованной группы однополчан относится к 14 октября 1923 г. В этот день в нарвском Преображенском соборе была отслужена панихида по воинам 92-го пехотного Печорского полка, павшим на поле брани [Объявление 1923]. Очевидно, такие панихиды устраивались ежегодно, хотя в печати об этом сообщалось нерегулярно [Объявление 1925б; Панихида по павшим воинам 1926; Панихида по печорцам 1931]. По-видимому, устройство панихид являлось единственной формой объединения сослуживцев этого полка, так как об организации каких-либо специальных вечеров встреч нам ничего не известно, да и, вряд ли, существовала потребность в такого рода встречах, ведь многие из однополчан имели возможность такого общения достаточно часто в повседневной жизни. Из служивших в этом полку

в Нарве 1920–1930-х гг. проживали генерал-майор Н. А. Кюн, полковники Ю. А. Доманский, П. Д. Троицкий, Ф. Н. Лебедев, В. П. Кудрявцев, В. А. Алексеев, Т. Г. Кутковский, штабс-капитан А. Е. Осипов, фельдшер С. В. Лобков и другие.

Как известно, до Первой мировой войны на территории Эстонии помимо 92-го пехотного полка квартировали также другие полки 23-й пехотной дивизии: 89-й пехотный Беломорский, 90-й пехотный Онежский и 91-й пехотный Двинский полки⁹. Все три полка располагались в Ревеле. Многие из солдат и офицеров этих полков после окончания Первой мировой и Гражданской войн вернулись в Таллинн, избрав его местом своего проживания. Однако сведений о возможном существовании объединений этих полков или о каких-либо акциях, которые могли бы быть ими организованы, нами не обнаружено. Известно лишь, что в 1937 г. после создания в Белграде Объединения чинов XVIII-го армейского корпуса¹⁰, его представительство было открыто и в Эстонии [ФГАЭ 130: 11566, I, 72 об.]. Главой представительства являлся полковник Я. М. Корецкий [Верцинский 1938а].

Более активными и организованными были представители гвардейских полков. Вообще Общегвардейское объединение было одним из самых первых воинских образований, созданных русскими военными в эмиграции. Первое гвардейское объединение было основано в Югославии в 1921 г., его возглавил генерал В. А. Лехович. После его отъезда в Нью-Йорк объединение возглавил генерал В. М. Безобразов [Верцинский 1937б, 4–5]. В связи с большим оттоком русских из Югославии во Францию, к 1924 г. центр гвардейского объединения, так же, как и центр русской военной эмиграции в целом, переместился в Париж. До начала Второй мировой войны Гвардейское объединение возглавляли генералы А. М. Кауфман-Туркестанский, В. А. Лехович и А. А. Гулевич. В состав объединения входило большое число полковых организаций, существовавших во многих странах Русского Зарубежья [Волков 2003, 123–124].

Именно полковые объединения гвардии стали первыми и почти единственными такого рода объединениями в Эстонии. Самыми первыми были организованы объединения лейб-гвардии Егерского и лейб-гвардии Семеновского полков. Оба объединения возникли приблизительно в одно время — в 1925–1926 гг. Объединение лейб-егерей возглавил генерал А. К. Баиов. Помимо Баиова в его состав входили генерал А. О. Штубендорф, подполковник В. В. Фон Нотбек и проживавший в Тарту капитан П. А. Алексеевский [ФГАЭ 129: 25373, 74; 129: 28198, 69; 130: 1663, 50 об.]. По словам В. В. Заркевича, членом объединения также был А. Н. Панов [ФГАЭ 129: 25373, 74]. В 1926 г. П. Н. Врангелем было отдано циркулярное распоряжение о приеме эмигрантской молодежи в войсковые части и полковые объединения в качестве кандидатов, а в 1930 г. было введено в действие «Положение о приеме в воинские организации РОВС молодых людей, ранее в войсках не служивших» [Ершов 2003, 82]. Таким образом в объединение лейб-гвардии Егерского полка вошли пасынки Баиова С. В. и В. В. Заркевичи. От молодых членов требовалось знание истории этого полка, достойное поведение и уплата членского взноса в размере одной кроны в месяц [ФГАЭ 129: 28198, 69].

Каждый год в день полкового праздника, который приходился на день святого Мирона (30 августа), участники объединения офицеров лейб-гвардии Егерского

⁹ Из проживавших в 1920–1930-е гг. в Эстонии в этих полках служили генерал-майор Ф. А. Георг, полковники Н. П. Лежневский, Г. Г. Александров, М. А. Александров, Я. М. Корецкий, А. А. Вагенгейм, Э. А. Геннингс, Н. В. Миронов, М. Н. Худков, А. Н. Максимович, подполковник В. Н. Худков, войсковой старшина В. Д. Флоренский, поручик Н. С. Игнатъев и другие.

¹⁰ 23-я пехотная дивизия входила в состав XVIII-го армейского корпуса.

полка служили панихиду «по державным шефам полка и по всем лейб-егерям за веру, царя и отечество свою жизнь положивших» в церкви Пюхтицкого подворья [Объявление 1926в], а затем собирались на общее чаепитие или ужин. На этих собраниях обычно делились воспоминаниями о былой службе в полку, читали и обсуждали материалы журнала «Егерский вестник», который издавался в Париже, и посылали телеграмму с приветствием центральному объединению лейб-егерей в Югославии, под руководством генерала А. П. Буковского [ФГАЭ 129: 28198, 69 об.]. После смерти Баиова в 1935 г. объединение возглавил А. О. Штубендорф.

Собрания объединения лейб-гвардии Семеновского полка также устраивались ежегодно в день полкового праздника 5 декабря. Как и лейб-егеря, семеновцы служили панихиду по державным шефам полка и всем погибшим на полях сражений однополчанам [Объявление 1925в; Объявление 1931е]. Членами объединения были генерал-майор В. С. фон Миних (в конце 1920-х гг. уехал из Эстонии), полковники Н. К. фон Эссен, Б. В. Энгельгардт и И. Х. фон Миквиц, врач полка А. П. Ольхин, поручик А. А. Радвинович, прапорщики С. А. Самсониевский, А. А. Бремер и проживавший в Нарве капитан П. А. фон Цур-Мюлен. До 1927 г. во главе объединения стоял Б. В. Энгельгардт, после чего по принципу старшинства группу семеновцев возглавил переехавший из Тарту в Таллинн полковник Н. К. фон Эссен.

Объединение лейб-гвардии Павловского полка было организовано в Таллинне после 1925 г. полковником В. С. Афанасьевым, являвшимся его председателем до конца 1937 г. Кроме него в состав объединения входили капитан А. П. Мальгин, офицер полка Н. А. Гладковский (умер в 1937 г.), поручик Р. А. Раудсепп, подпоручик М. Д. Ананьев, прапорщик И. И. Айвазов, штабс-капитан И. Д. Гримм и старший унтер-офицер М. В. Зегеркранц. В. С. Афанасьев и А. П. Мальгин вели переписку с руководителями объединения павловцев в эмиграции генералом М. И. Занкевичем и полковником Е. М. Ровбе [ФГАЭ 129: 5185, 15 об., 26, 40]. Павловцы в Эстонии также поддерживали связь с представителями объединения полка в Латвии Л. Е. Дандре и П. П. Беком, и в 1938 г. В. С. Афанасьев и А. П. Мальгин ездили в Ригу на полковой праздник [ФГАЭ 129: 5185, 41, 55]. Известно, что в конце 1937 г. из Парижа в Таллинн приезжал председатель зарубежного полкового объединения генерал М. И. Занкевич. В гостинице «Золотой лев» состоялось торжественное собрание членов. После этого посещения генерал Занкевич отстранил от руководства объединением В. С. Афанасьева и назначил его главой А. П. Мальгина [ФГАЭ 129: 5185, 55; 129: 26756, 299].

В марте 1930 г. в Таллинне генерал Э. А. Верцинский стал выпускать рукописные материалы под названием «Архив и музей л.-гв. 2 стр. Царскосельского полка»¹¹. Работа над этими выпусками и их публикация ознаменовали собой образование полкового объединения этого полка в эмиграции. 1 января 1931 г. Верцинским была возрождена деятельность Общества вспомоществования Царскосельских стрелков, устав которого был утвержден еще в 1916 г.¹² В 1932 г. по распоряжению шефа полка великого князя Дмитрия Павловича генерал Верцинский был назначен председателем общества и союза полка [Верцинский 1932б, 11]. По месту расселения все члены союза были распределены на 4 группы: северо-западную

¹¹ Архив и музей полка, находившийся на квартире Э. А. Верцинского, к 1939 г. насчитывал порядка тысячи наименований и включал в себя богатое собрание фотографий, документов, воспоминаний и писем. Рассмотрению литературного наследия Э. А. Верцинского посвящен § 2 второй главы данной работы.

¹² 2 января 1917 г. решением общества офицеров полка Э. А. Верцинскому было присуждено почетное звание «Основателя Общества вспомоществования Царскосельских стрелков» [Верцинский 1931а, 2].

с центром в Таллинне (сюда входили члены, проживавшие в Эстонии, Латвии и Финляндии; председатель — Э. А. Верцинский), юго-западную с центром в Париже (председатель — А. А. Стессель), юго-восточную с центром в Белграде (председатель — Н. В. Нагаев) и дальневосточную с центром в Харбине (председатель — А. А. Тюнегов) [Верцинский 1932, 2].

В Эстонии число членов союза было совсем незначительно: практически он состоял из двух членов, проживавших в Таллинне, — самого Э. А. Верцинского и капельмейстера полка Г. М. Редера; кроме них в состав союза также номинально входили проживавший в Хаапсалу капитан полка Ф. Ф. Прокофьев и военный чиновник полка коллежский регистратор А. Г. Нилендер, проживавший в Тарту [Верцинский 1931в, 3, 6, 10]. Впервые собрание Союза Царскосельских стрелков в Эстонии произошло в день полкового праздника 30 апреля 1931 г. в таллиннском ресторане «Du Nord» [Верцинский 1931б, 4]. На встрече присутствовали Э. А. Верцинский, Г. М. Редер и представители других полков Гвардейской стрелковой дивизии¹³. Подобным образом встречи проводились и в последующие годы¹⁴.

Кроме упомянутых гвардейских объединений имеется информация о существовании в Таллинне объединений лейб-гвардии Преображенского [Объявление 1932; Бойков 2000, 77] и Кавалергардского полков [Объявление 1938]¹⁵, имеются также сведения, что в 1939 г. в Эстонии существовало «Общество господ офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады», членом которого был капитан Н. М. фон Эссен [Волков 2002, 555]. К сожалению, более или менее подробными сведениями о них мы не располагаем.

Полковые собрания гвардейцев носили закрытый характер и проводились среди узкого круга однополчан, но известно и об одном массовом мероприятии, организованном в 1933 г. представителями гвардейских полков, проживавших в Таллинне, по случаю 250-летия со дня основания Петровской бригады. Празднование проходило в течение двух дней — 5 июня в Александро-Невском соборе было отслужено торжественное молебствие с поминовением основателя Преображенского и Семеновского полков и бомбардирских рот этих полков императора Петра I, шефов полков и всех однополчан, погибших на полях сражений, а 6 июня в помещении общества «Витязь» было устроено чаепитие среди гвардейцев и членов Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии [250-летие 1933].

Таким же единичным мероприятием был товарищеский ужин 1-го Русского Ревельского партизанского отряда, состоявшийся 22 декабря 1928 г. в таллиннском Русском клубе [об истории этого отряда см.: Мальцев 2004, 53–66]. Устройством мероприятия занимался основатель и первый командир отряда — полковник К. Г.

¹³ К сожалению, не известно, кто именно из представителей гвардейских стрелковых полков присутствовал на этих встречах, но с определенной долей уверенности можно утверждать, что среди них были полковник В. К. Шенк (3-й стрелковый Его Величества полк), полковник С. А. Медер (3-й стрелковый Его Величества полк) и генерал-майор Г. Г. фон Нефф (4-й стрелковый Императорской Фамилии полк).

¹⁴ Здесь стоит отметить, что в наличии имеется лишь информация об устройстве собраний в 1932 г. [Верцинский 1932: 2], в 1933 г. [Верцинский 1933, 1] и в 1934 г. [Верцинский 1934, 1]. В 1936 г. собрание в Таллинне не проводилось, так как Верцинский находился в то время во Франции и участвовал в проведении полкового праздника в Париже [Верцинский 1936б, 1].

¹⁵ Из проживавших в Таллинне преобразенцев нам известны лишь имена капитана А. К. Веймарна, полковников Ю. Ф. Паппе и Г. Г. фон Дена, и офицера полка, действительного статского советника К. К. Веймарна, а из кавалергардов — ротмистра П. П. фон Баранова и генерал-майора А. С. Львовского.

Бадендик [Объявление 1928]. На ужине присутствовало около 15 человек сослуживцев по отряду и гостей [ФГАЭ 130: 15093, 69].

Известно, что в Нарве существовала группа сослуживцев 11-го гренадерского Фанагорийского полка, в которую входили капитан полка Л. Г. Аллик и оружейный техник коллежский асессор П. Г. Козлов. В 1931 г. Л. Г. Аллик напечатал в журнале «Часовой» обращение ко всем однополчанам откликнуться и создать полковое объединение [Объявление 1931а]. Подобного рода попыткой объединения было анонимное обращение ко всем офицерам и солдатам 318-го пехотного Черноморского полка с просьбой сообщить свои адреса [Объявление 1939].

Кроме полковых объединений в Эстонии существовали и объединения воспитанников кадетских корпусов, училищ и академий. Среди кадетских объединений наиболее многочисленными были объединения воспитанников 1-го кадетского корпуса и 2-го кадетского имени Петра Великого корпуса.

Первое из известных нам мероприятий объединения воспитанников 1-го кадетского корпуса состоялось 2 марта 1924 г. и было приурочено к 192-й годовщине Санкт-Петербургской военной гимназии и 1-го кадетского корпуса. В этот день в таллиннской Никольской церкви состоялась панихида по погибшим питомцам корпуса [Объявление 1924а]. 6 марта 1927 г. воспитанники корпуса отметили 195-ю годовщину основания корпуса. В таллиннской Казанской церкви была отслужена панихида, а вечером в Русском клубе был устроен товарищеский обед [Объявление 1927а]. 28 февраля 1932 г. состоялось празднование 200-летия основания корпуса. В Никольской церкви была отслужена литургия, потом панихида и молебен. Во время богослужения исполнялись произведения бывшего воспитанника корпуса композитора Б. С. Бортнянского. Вечером в Русском клубе был устроен концерт-акт и дружеское чаепитие [Празднование 1932]. Устроителями торжественного вечера в Русском клубе был декорирован щит с юбилейной выставкой различных фотографий из жизни корпуса. Приветственное слово от объединения кадетов в Эстонии произнес полковник А. Е. Кудрявцев, а затем с кратким историческим обзором корпуса выступил генерал Э. А. Верцинский. В газетной заметке, посвященной этому событию отмечалось, что праздник был достаточно многолюдным, концертная и танцевальная программа продолжалась до утра и, что «этот вечер можно признать одним из наиболее удачных эмигрантских вечеров в Ревеле» [Празднование 200-летия 1932].

Упоминание о первом мероприятии воспитанников 2-го кадетского имени Петра Великого корпуса относится к 23 ноября 1924 г. В этот день храмового праздника корпуса в Николаевской церкви Таллинна состоялась панихида по бывшим воспитателям и воспитанникам корпуса. После панихиды состоялся товарищеский обед, организацией которого занимался Н. Геннингс [Объявление 1924б]. 6 декабря 1925 г. большое праздничное мероприятие было устроено в Нарве. В этот день в нарвском Спасо-Преображенском кафедральном соборе состоялась панихида по императору Николаю II и его Августейшей семье [Объявление 1925г]. После панихиды состоялся товарищеский обед в Русском общественном собрании, на котором помимо нарвских присутствовали приехавшие из Таллинна бывшие воспитанники корпуса, в их числе генерал О. П. Васильковский. Всего на 1925 г. по спискам в Эстонии проживало 38 воспитанников корпуса [Праздник 1925]. Библиотечное помещение, в котором проходило собрание, было украшено цветами и российскими и эстонскими флагами. В своей речи Васильковский выразил сердечную благодарность Эстонии и ее народу за приют, оказанный ими русским беженцам. В конце речи он поднял бокал за правительство Эстонии и эстонскую

армию (на собрании присутствовало 2 офицера эстонской армии). После этого была отправлена телеграмма великому князю Николаю Николаевичу. Были прочитаны отрывки из истории корпуса. Эта брошюра была случайно куплена одним из присутствовавших у букиниста. Собравшиеся долго не расходились, делясь друг с другом воспоминаниями о минувшем [Рацевич 1925]. Этот вечер встречи был, пожалуй, самым масштабным, — все последующие собрания воспитанников этого корпуса проводились с меньшим размахом [см., напр.: Объявление 1926ж; Объявление 1931в].

Кроме воспитанников 1-го и 2-го кадетских корпусов вечера встреч также устраивали питомцы Павловского военного училища [Объявление 1925а; Объявление 1927в]¹⁶, Владимиро-Киевского военного училища [Объявление 1927г]¹⁷, Константиновского артиллерийского училища [Объявление 1927б]¹⁸, Николаевского инженерного училища и академии [Хроника 1923д]¹⁹.

В Эстонии также существовало объединение воспитанников Пажеского корпуса во главе с генералом Штубендорфом. Кроме него в объединение входили полковник гвардейской конной артиллерии К. Я. Колзаков, сын бывшего эстляндского губернатора прапорщик гвардейской конной артиллерии А. А. Бельгард, сын генерал-адъютанта штабс-капитан гвардейской конной артиллерии Г. Ф. Мейендорф и офицер лейб-гвардии Драгунского полка Калинин. Объединение входило в Союз пажей (Париж). Связь с центром поддерживалась через Штубендорфа, который переписывался с генеральным секретарем союза полковником С. А. Мещериновым [ФГАЭ 130: 11566, I, 125].

По некоторым данным, в Эстонии также существовало объединение офицеров, окончивших Николаевскую академию Генерального штаба [ФГАЭ 129: 25418, 41]. В 1932 г. ее выпускники устроили весьма торжественное празднование столетия академии²⁰. Торжественный акт, проходивший 27 ноября 1932 г. в зале «Seltskondlik maja», собрал большое количество участников. Среди собравшихся были не только бывшие русские офицеры, но и значительное число эстонских военных, в том числе и бывшие воспитанники академии генералы Й. Лайдонер, Я. Соотс, Й. Тырванд, П. Лилль и другие. На официальной части с речами и докладами выступили старейший из выпускников академии генерал Н. Ф. фон Крузенштерн, генерал А. К. Баиов и полковник П. Г. Осипов. После этого праздник продолжился большой концертной программой [П. О. 1932]. Вечером на своей квартире генерал Й. Лайдонер устроил для всех выпускников академии ужин [ФГАЭ 130: 1663, 89].

¹⁶ Из воспитанников училища в Эстонии проживали генерал-от-кавалерии Н. Ф. фон Крузенштерн, генерал-майор К. А. фон Баранов, генерал-майор Э. А. Верцинский, генерал-майор К. Г. Новицкий, полковники М. А. Александров, В. К. Шенк, Н. К. фон Эссен, Б. Н. Егорьев, Р. В. Садовский, подполковник В. В. фон Нотбек и др.

¹⁷ Из воспитанников в Эстонии находились полковники Н. Н. Голицинский, В. А. Алексеев, капитан К. А. Кюн и др.

¹⁸ Из воспитанников в Эстонии проживали генерал-лейтенант А. К. Баиов, генерал-майоры Г. Д. Янов, Т. М. Розанов, полковники И. Г. Фокке, Б. М. Севастьянов, А. А. Луйк, капитан Ф. А. Гизетти.

¹⁹ Из воспитанников в Эстонии находились генерал-лейтенант В. В. Малков-Панин, полковники П. П. Маресев, А. Е. Кудрявцев, Н. Н. Голицинский, Б. И. Бессонов, М. П. Третьяков и др.

²⁰ Из воспитанников в Эстонии проживали генерал-от кавалерии Н. Ф. фон Крузенштерн, генерал-лейтенант А. К. Баиов, генерал-майоры Г. Д. Янов, А. Е. Вандам, Э. А. Верцинский, А. О. Штубендорф, Д. К. Лебедев, О. А. Крузенштерн, А. А. фон Ден (оконил по 2-му разряду), полковники В. К. Шенк, П. Г. Осипов, М. А. Александров, И. Г. Фокке (окончил по 2-му разряду).

§ 5. Объединение георгиевских кавалеров

Учрежденный при Екатерине II в 1769 г. Военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия в отличие от всех других российских орденов являлся исключительно военным орденом, которым награждались только офицеры и только за выдающиеся боевые подвиги. К кавалерам ордена также причислялись все награжденные Золотым оружием, которое с 1913 г. официально именовалось Георгиевским оружием. Помимо офицерского ордена существовал также солдатский Георгиевский знак отличия (тоже имевший четыре степени), награды на георгиевской ленте и особые Георгиевские отличия: знамена, штандарты, корабельные вымпелы и серебряные трубы. Орден имел свой статут и Орденскую думу, состоявшую из управления ордена, архива и орденской казны. Орден Святого Георгия считался самой почетной наградой России, и заслужить его было достаточно трудно, поэтому награждения этим орденом были очень редки. Так, например, за всю историю его существования 1-ой степенью этого ордена было награждено всего 25 человек, 2-ой степенью — 121, 3-ей степенью — 653 и 4-ой — свыше 6 000 [Вилинбахов 1994: 536], а полных кавалеров ордена было всего лишь четыре [Кузнецов 2002: 48]. Кавалеры ордена обладали правом на производство в следующий чин без выслуги лет, на ношение в отставке мундира, на потомственное дворянство, на пенсию из сумм орденской казны, а также могли изображать на своих гербах, вензелях и печатях знак ордена [Кузнецов 2002, 49]. С 1849 г. имена всех кавалеров ордена помещались на мраморных досках в Георгиевском зале Большого кремлевского дворца, а в Георгиевском зале Зимнего дворца каждый год в день орденского праздника (26 ноября по старому стилю) проходил торжественный раут. Орденский праздник отмечался и во всех воинских частях российской императорской армии, в рядах которых служили георгиевские кавалеры.

Во время Первой мировой войны число награжденных орденом Святого Георгия, естественным образом, значительно возросло, поэтому возникла идея создания организации, которая объединяла и представляла бы всех георгиевских кавалеров, еще более выделяя и подчеркивая их особенный статус, а также повышая чувство корпоративного единства. Таким образом в 1915 г. было создано Всероссийское объединение георгиевских кавалеров, переименованное в 1917 г. в Союз георгиевских кавалеров. После Октябрьской революции 1917 г. многие члены и руководители Союза были арестованы и в дальнейшем расстреляны [Волков 2003а, 536].

В связи с крахом Российской империи изменился и статус георгиевских кавалеров, права и привилегии которых исчезли вместе с государством, являвшимся их гарантом. Однако традиция была сохранена и продолжена в эмиграции, где георгиевские кавалеры объединились вновь, организовав Союз георгиевских кавалеров в Болгарии (председатель — генерал-лейтенант Ф. С. Рерберг) и во Франции (председатель — генерал от кавалерии А. М. Кауфман-Туркестанский), в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев существовало Общество кавалеров ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия во главе с председателем генералом от инфантерии В. Э. Эчком.

По данным М. Крёэнстрёма, в Эстонии 1920–30-х гг. проживало приблизительно 92 георгиевских кавалера [Kröönström 2004]. По нашим подсчетам, к этому числу стоит добавить как минимум еще 11 имен. Половину из них составляли эстонцы, другую половину — представители неэстонской национальности,

преимущественно немцы и русские. Перечислим георгиевских кавалеров из второй группы: С. Алякритский, К. Г. Бадендик, А. К. Баиов, П. П. фон Баранов, П. Бассен-Шпиллер, П. Э. Бауман, Э. Бергфельдт, Б. Бетер, П. Бистерфельдт, Э. Бушман, Е. А. Быков, А. Э. Вандам, Г. М. Ванновский, О. П. Васильковский, К. А. фон Вейс, Э. А. Верцинский, Я. С. Вешняков, В. Галкин, В. Гаузен, О. Гейнце, Ф. А. Георг, В. Н. Горбатовский, Е. Х. Дампель, Р. Ф. Делль, В. Древник, Х. И. Иванов, Г. А. фон Кистер, К. Я. Колзаков, Я. М. Корецкий, А. Е. Кудрявцев, Т. Г. Кутковский, К. А. Кюн, Д. К. Лебедев, Ф. Н. Лебедев, Н. П. Лежневский, А. П. Мальгин, Г. Х. фон Миквиц, Н. Наркевич, Г. Г. фон Нефф, Г. Парре, Р. В. Садовский, С. А. Самсониевский, В. Ф. Сарычев, А. фон Сиверс, П. М. Стенбок, Р. фон Тизенгаузен, К. Д. Троицкий, П. Д. Троицкий, В. Н. Ферзен, Р. В. Франк, Е. Фуль, А. Н. Шиллинг, А. О. фон Штубендорф, Б. В. Энгельгардт, А. Эрдман, Я. Д. Юзефович. Стоит отметить, что данный перечень не является исчерпывающим и окончательным.

Хотя все офицеры эстонской армии, награжденные орденом св. Георгия, наравне с эстонскими и иностранными наградами на своих мундирах не без гордости носили георгиевские кресты, идея объединения георгиевских кавалеров, проживавших в Эстонии, возникла не в их среде, а среди бывших офицеров российской армии, многие из которых оказались в Эстонии в положении эмигрантов. Именно для последних георгиевский орден являлся не только самым почетным знаком признания их былых воинских заслуг, но и символизировал их причастность к традициям российской императорской армии. Для эстонских офицеров более значимыми были создаваемые ими же традиции молодой эстонской армии, а традиции русской армии для большинства эстонских военных представляли собой более чем сомнительную ценность.

В статье «Деятельность А. К. Баиова в Эстонии» нами было выдвинуто предположение о том, что инициатива в организации объединения георгиевских кавалеров в Эстонии принадлежала Баиову и что первое собрание состоялось в 1926 г. [Абисогомян 2003, 60]. Это предположение оказалось неверным. На самом деле первое собрание произошло 26 ноября 1924 г. и почин в этом деле принадлежал генералу О. П. Васильковскому. В этот день согласно традиции была отслужена панихида по всем павшим и скончавшимся георгиевским кавалерам в Казанской церкви города Таллинна [Греков 1924], а вечером состоялся товарищеский обед в Охотничьем клубе, на котором главой георгиевских кавалеров в Эстонии единогласно был избран генерал-лейтенант О. П. Васильковский [И. Р. 1925; ФГАЭ 130: 15093, 76–77]. Выбор данной кандидатуры был predetermined тем, что среди всех георгиевских кавалеров, находившихся в то время в Эстонии, Васильковский был единственным, кто в свое время возглавлял одно из георгиевских объединений, а именно: Союз казачьих георгиевских кавалеров в Петрограде, — председателем которого он был избран в 1917 г.

26 ноября 1925 г. собрание георгиевских кавалеров проходило снова в Охотничьем клубе. Организацией праздничного ужина и обустройством помещения руководил также Васильковский. По его инициативе в центре праздничного стола был сооружен огромный орден Святого Георгия, художественно составленный из живых цветов и овитый георгиевскими лентами. На столе также была выставлена Георгиевская серебряная труба. Эта труба в свое время была пожалована 2-ой артиллерийской бригаде за героизм, проявленный в боях с неприятелем в Отечественной войне 1812 г. В начале 1920-х гг. Васильковскому удалось выкупить ее у спекулянтов. Вечер начался с настольной молитвы, которую прочитал перед трапезой протоиерей И. Стратонович. Затем вставанием была почтена память

погибших кавалеров ордена. Во время трапезы был произнесен ряд тостов и речей, в том числе за правительство и народ гостеприимной Эстонии, за старейших георгиевских кавалеров и т.д. В конце вечера были посланы поздравительные телеграммы великому князю Николаю Николаевичу, а также генералам эстонской армии — Й. Лайдонеру и Ю. Тырванду [Долль 1925].

К моменту проведения второй встречи георгиевских кавалеров отношения между генералами О. П. Васильковским и А. К. Баиовым стали стремительно ухудшаться. Оба георгиевских кавалера рьяно стремились организовать вокруг себя и возглавить не только военную, но и всю русскую эмиграцию в Эстонии. Амбиции обоих были настолько высоки, что вероятность достижения компромисса была попросту невозможна. Это продемонстрировали и последующие события, которые были связаны с выборами кандидатов от Эстонии на Зарубежный съезд. Уже к концу ноября 1925 г. стало ясно, что основными кандидатами являются Баиов и Васильковский, а команда Баиова всеми силами стремится устранить любую конкуренцию со стороны других кандидатов. Борьба за сферы влияния между двумя генералами затронула и Объединение георгиевских кавалеров. В середине декабря того же года Баиов обращается с призывом ко всем георгиевским кавалерам сообщить ему лично свои чин, имя, отчество, фамилию, вид награды (крест или оружие) и время ее получения [Баиов 1925б]. Принимая в свои руки учет, а значит и организацию кавалеров ордена, Баиов тем самым претендовал на первенство среди них, а это уже было вызовом непосредственно самому Васильковскому, который, как уже отмечалось, был не только организатором первого собрания, но и был на нем признан главой кавалеров ордена в Эстонии.

В 1926 г., после возвращения Баиова с Зарубежного съезда, генералы окончательно рассорились, и этот конфликт уже никогда не был улажен. Вместе с тем был окончательно оформлен и раскол в среде русских военных в Эстонии. Васильковский был вытеснен из Объединения георгиевских кавалеров и, видимо, не присутствовал на его собраниях даже после смерти Баиова. Авторитет и первенство Васильковского среди георгиевских кавалеров были сохранены и признаны лишь в среде немногочисленной группы инвалидов и георгиевских кавалеров, состоявших в Союзе русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии и Союзе взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии, которые, как известно, находились под патронажем Васильковского. Именно среди членов этих союзов в 1931 г. в Нарве возникла идея создания альтернативного таллиннскому объединению. 20 ноября 1931 г. в помещении Союза русских увечных воинов состоялось собрание георгиевских кавалеров с целью установить дату ежегодного празднования, а также установить число георгиевских кавалеров в Нарве и ее окрестностях. На собрании присутствовало 15 человек, как русской, так и эстонской национальности. Был отслужен молебен, после чего собравшиеся провели вечер за дружеской трапезой, организованной по подписке. Было принято решение провести следующее собрание 6 декабря [Б. Е. 1931б]. В дальнейшем собрания стали традиционными и проводились каждый год, начинаясь с молебна в церкви Знамени Божьей Матери, и, заканчиваясь чаепитием в помещениях Союза увечных воинов или Союза северо-западников [Вниманию георгиевских кавалеров 1932; Георгиевский праздник 1933; Вниманию георгиевских кавалеров 1934]. Удалось установить лишь 5 фамилий георгиевских кавалеров, проживавших в Нарве и, вероятно, принимавших участие в этих собраниях, — это П. Д. Троицкий, Ф. Н. Лебедев, Р. В. Франк, Т. Г. Кутковский и К. А. Кюн. Так или иначе, нарвское объединение по численности участников явно уступало таллиннскому. Примечательным является и тот факт, что

среди георгиевских кавалеров сторонников Васильковского весьма активно себя проявляли нижние воинские чины, награжденные солдатскими георгиевскими крестами. Так, например, унтер-офицеры И. Сидоров и С. Афанасьев ежегодно поздравляли своего председателя с георгиевским днем [Афанасьев 1932; Объявление 1933б].

С 1926 по 1935 гг. собрания георгиевских кавалеров проходили под председательством Баиова. Новое учредительное собрание объединения состоялось 14 ноября 1926 г. в Русском клубе. Баиов сообщал, что в нем приняла участие «большая часть кавалеров, проживающая в Ревеле». На собрании было решено: «в соответствии с традициями старой русской армии и в согласии с практикой подобных же объединений во всех странах русского рассеяния» считать днем Георгиевского праздника 9 декабря (26 ноября по старому стилю); каждый год 9 декабря служить молебен в одной из церквей Таллинна «с провозглашением вечной памяти всем умершим георгиевским кавалерам»; «после молебствия <...> собираться в Русском клубе <...> для дружеской беседы». Всем георгиевским кавалерам, желающим принять участие в собраниях, предлагалось внести в общую кассу на покрытие расходов сумму, не превышающую трехсот эстонских марок. Запись желающих проводилась в книжном магазине Баиова [Баиов 1926г]. 9 декабря в 6 часов вечера был отслужен молебен в Никольской церкви, после чего георгиевские кавалеры собрались в Русском клубе [Карпатов 1926].

В последующие годы собрания проходили в установленном порядке. Хотя в периодике тех лет упоминания о проведении георгиевских вечеров имеются только за 1927, 1928, 1931 и 1932 гг. Свидетельства участников этих собраний говорят о том, что они были ежегодными [ФГАЭ 130: 1663, 23]. В 1927 г. собрание прошло традиционно [Георгиевский праздник 1927]. В 1928 г. собрание георгиевских кавалеров, видимо, было совмещено с проведением «Дня русского инвалида», так как последнее мероприятие было после нескольких отсрочек назначено на 8 декабря [Баиов 1928]. Самое подробное описание праздника в прессе относится к 1931 г. В небольшой заметке журнала «Часовой» сообщалось, что после молебна, отслуженного протоиереем Стратоновичем в Русском клубе, и совместной трапезы слово взял председатель собрания Баиов, который, «очертив значение георгиевских наград и указав на моральный долг каждого георгиевского кавалера быть примером доблестного служения России», предложил тост «за дальнейшее объединение в рядах военной среды» и почтить вставанием память двух бывших главнокомандующих — императора Николая II и великого князя Николая Николаевича. Затем к собравшимся обратился Б. В. Энгельгардт, который «в кратком слове охарактеризовал деятельность и значение великих русских патриотов и георгиевских кавалеров ген.<ералов> Л. Г. Корнилова, М. В. Алексеева, А. М. Каледина, адмирала А. В. Колчака и генералов П. И. Врангеля и А. П. Кутепова». Их память также почтили вставанием. Ко всему прочему в заметке указывалось, что собрание было многолюдным, так как помимо самих георгиевских кавалеров на торжествах присутствовали представители Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии [Баиов 1931; Георгиевские кавалеры в Ревеле 1932]. В 1932 г. встреча кавалеров состоялась 11 декабря и на нее так же, как и в 1931 г., помимо георгиевских кавалеров были приглашены и члены Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. На собрании присутствовал генерал от кавалерии Н. Ф. Крузенштерн, который в 1932 г. отмечал 60-летие со дня производства в первый офицерский чин [Объявление 1932в; Объявление 1932г].

Согласно показаниям К. Г. Бадендика, на первом собрании георгиевских кавалеров присутствовало кроме самих кавалеров 60–70 человек, большинство из которых составляли бывшие военнослужащие российской армии [ФГАЭ 130: 15093, 76–77]. Большею частью все участники собраний также являлись членами существовавших в Эстонии союзов, объединений и обществ русских военных. По свидетельству Н. П. Лежневского, на собрания приходили и эстонцы, но их было немного. Чаще других приходили лишь полковники (полковники) Э. Г. Лимберг и А. Симон. Последний, между прочим, выступал с речами о значении русской армии для эстонской [ФГАЭ 130: 13305, 192, 201].

С середины 1930-х гг. георгиевские вечера собирают все меньше кавалеров ордена и гостей. По словам А. О. Штубендорфа, приблизительно с 1933 г. георгиевские собрания насчитывали не более 30 человек [ФГАЭ 130: 1663, 48 об.]. Во второй половине 1930-х гг. постоянными участниками встреч георгиевских кавалеров были Э. А. Верцинский, А. О. Штубендорф, Б. В. Энгельгардт, Н. П. Лежневский, К. Г. Бадендик, Е. А. Быков, А. Е. Кудрявцев, Г. М. Соколов, протоиерей Стратонович и другие. Собрания обычно проводились в Русском клубе, а также в клубе Черноголовых, ресторанах «Иваново» и «Рим». Вероятно, место устроителя встреч после смерти Баиова занял Э. А. Верцинский, так как, по свидетельству А. О. Штубендорфа, первый тост «за возрождение русской армии и за встречу на возрожденной земле», произносил обычно он [ФГАЭ 130: 1663, 48 об.]. Последний торжественный вечер георгиевских кавалеров в Таллинне состоялся 9 декабря 1939 г. в гостинице «Рим» [ФГАЭ 130: 15093, 77].

Отметим, что объединение георгиевских кавалеров не представляло собой самостоятельного общества или союза, оно не имело устава и не было зарегистрировано. Это были собрания, на которые один раз в году приходили как георгиевские кавалеры, так и их гости. Однако, несомненно, эти собрания играли важную роль в поддержании корпоративного духа в среде военных эмигрантов и в их стремлении сохранить традиции императорской русской армии.

§ 6. Общества помощи военным инвалидам

6. 1. Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии

Первое объединение русских военных инвалидов в эмиграции было создано в декабре 1920 г. в Константинополе. Объединение возглавил генерал Барановский, которого вскоре сменил генерал Н. Н. Баратов. В последующие годы объединения возникли в Болгарии, Бельгии, Германии, Греции, Польше, Чехословакии, Югославии, Франции, Великобритании, Дании, Финляндии, Эстонии, Венгрии, США, Сирии, Ливане, Египте и на Дальнем Востоке [Ковалевский: 1971, 225–226]. В конце 1925 г. все существовавшие к тому времени союзы русских инвалидов объединились в Зарубежный союз русских военных инвалидов и приняли решение ежегодно устраивать праздник русского инвалида в день святителя Николая Чудотворца (6 декабря по старому стилю) [Общий праздник 1925]. В 1926 г. в Париже генералом Н. Н. Баратовым был основан «Комитет дня русского инвалида», а через год в Белграде состоялся первый съезд делегатов объединений русских инвалидов из всех стран Русского Зарубежья. На нем было избрано главное правление в составе генералов Н. Н. Баратова, Н. М. Кальницкого и С. Д.

Позднышева. До начала Второй мировой войны состоялось еще три съезда, прошедших в Праге (1930), Софии (1933) и Белграде (1938). С 1930 г. союз осуществлял издание отрывных и настенных календарей и ежегодно выпускал журнал-газету «Русский инвалид». После смерти в 1932 г. генерала Н. Н. Баратова союз возглавил Н. М. Кальницкий [Ковалевский 1971, 226–227].

В Эстонии история деятельности объединений русских военных инвалидов берет свое начало с открытия в мае 1920 г. в деревне Вазкюла (Vaeküla) инвалидного дома, организованного на базе 2-го Русского лазарета Красного креста в имении барона фон Шуберта [Вместо пасхального подарка 1920]. Инвалидный дом находился на попечении Комитета русских эмигрантов и содержался за счет средств шведского Красного креста, Земгора, некоторых иностранных благотворительных организаций и таллиннского общества «Белый крест». Некоторые средства на содержание 80 инвалидов, 33 работников обслуживающего персонала и на оборудование мастерских были выделены Ликвидационной комиссией Северо-Западной армии. В августе 1920 г. от эстонских властей последовало распоряжение о переводе инвалидного дома в Кунда [Н. С. 1920б], но в результате он был переведен в Нарву [Деятельность комитета 1922; ФГАЭ 129: 26756, 14].

Первое время инвалидный дом числился на попечении Нарвского благотворительного общества, а затем после его ликвидации, 10 инвалидов были переведены в инвалидный дом шведского Красного креста, которым заведывал А. И. Берг [З. Л. 1926]. В виде денежных ежемесячных субсидий помощь нарвскому инвалидному дому продолжало оказывать общество «Белый крест», которое помимо прочего летом 1921 г. оплатило поездку инвалидов из Нарвы на грязевое лечение в Хаапсалу [Деятельность комитета 1922].

Однако с каждым годом финансовая поддержка иностранных благотворительных организаций все больше сокращалась и к началу октября 1923 г. была вовсе прекращена. Русские инвалиды были вынуждены обратиться к эстонскому правительству с ходатайством о материальной помощи. В своем прошении инвалиды, в частности, отмечали, что они наряду с эстонской армией проливали кровь, защищая границы Эстонии во время Освободительной войны, что в свою очередь дает им право на помощь со стороны эстонского государства [Хроника 1923г]. Видимо, никакого положительного решения по данному вопросу со стороны правительства не последовало. 2 февраля 1924 г. в Нарве в Русском общественном собрании состоялся концерт-бал в пользу русских инвалидов, находящихся на излечении в Инвалидном доме [Хроника 1924а]. Собранной суммы в 30 825 марок вместе с субсидиями от общества Белый крест и другими пожертвованиями хватило только на несколько месяцев, и в мае 1924 г. Инвалидный дом был все-таки закрыт [Инвалиды 1924; Г. А. И. 1924; ФГАЭ 129: 26756, 14].

После закрытия инвалидного дома в Нарве некоторые инвалиды переехали в тартуский патронат для инвалидов общества «Белый крест» [З. Л. 1926], остальные же должны были теперь позаботиться о себе сами. На первых порах они объединялись в небольшие кружки [Инвалиды 1925б], но уже к началу 1925 г. возникла идея создания более эффективной и централизованной организации. 7 февраля в помещении нарвского Русского общественного собрания состоялся благотворительный вечер в пользу проживавших в Нарве русских инвалидов. Доход от вечера составил 30 тысяч марок. Ответственным распорядителем был П. А. Цур-Мюлен. На вечере присутствовал приехавший из Таллинна генерал О. П. Васильковский, пожертвовавший некоторую сумму. На этом вечере состоялся разговор Васильковского с П. Н. Максимовым и Н. А. Яковлевым. После этой

встречи между организаторами вечера возникли расхождения и трения. В связи с этим группа Яковлева отделилась и стала проводить свою линию по организации «Союза военных инвалидов русской национальности в Эстонии», первое учредительное собрание которого было намечено на 22 февраля [Собрание инвалидов 1925а]. Затем собрание переносилось на 22 и 29 марта, но, очевидно, успеха не имело [Собрание инвалидов 1925б; Собрание инвалидов 1925в]²¹. Более результативными были действия другой инициативной группы, в которую входили П. Н. Максимов, Б. Мелентьев, П. Е. Брюнин, П. Н. Жестков, Н. З. Воронов, И. К. Гервинский, М. С. Коломайнен, Е. И. Орнатский, П. А. Цур-Мюлен и Б. А. Тишнер [Письмо в редакцию 1925а]. При содействии юриста Ф. Ф. Вейса этой группой был выработан устав союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, и уже 8 апреля он был утвержден Везенбергским мировым съездом [Утверждение устава 1925].

Организационное собрание союза состоялось 25 апреля в помещении эмигрантской гимназии, на нем с кратким докладом о возникновении Союза выступил Б. М. Севастьянов. Председателем собрания был избран В. И. Чижов, секретарем — Ф. И. Лебедев. На собрании присутствовало 85 человек. Были установлены размеры членских взносов и проведены выборы правления и ревизионной комиссии. В правление вошли Б. М. Севастьянов (председатель), П. Н. Максимов (секретарь), В. А. Алексеев, В. А. Карамзин, П. П. Зубов, заместители — И. К. Гервинский и П. Н. Жестков; в ревизионную комиссию — В. И. Чижов, А. А. Красильников и П. А. Цур-Мюлен, заместитель — Ф. И. Лебедев [Собрание инвалидов 1925г; Г. М. 1925; Помогите русским инвалидам 1931].

Оказавшийся не у дел, Н. А. Яковлев выступил с критикой союза, утверждая, что руководители новообразованного объединения препятствуют якобы вхождению в него лиц с эстонским гражданством, а также некадровых офицеров, то есть офицеров военного времени. Другая претензия Н. А. Яковлева заключалась в том, что в союз допускались инородцы, в частности представители немецкой национальности [Нарвитянин 1925; Ответ 1925]. На этот выпад правление союза выступило в печати с разъяснениями, в которых говорилось о том, что в действительные члены общества могут быть приняты только эмигранты, а русские с эстонским гражданством могут стать членами-соревнователями, что вовсе не исключает, согласно уставу, права последних на получение материальных пособий из средств союза [Письмо в редакцию 1925б]. Отмечалось также, что никакого деления членов союза на кадровых офицеров и некадровых нет, и что вообще все претензии Яковлева не имеют под собой никакого основания [Русский эмигрант 1925]. Вызвавшее особое недовольство Н. А. Яковлева членство в союзе лиц немецкой национальности также получило ответ со стороны П. А. Цур-Мюлена, который в своем ответе отмечал, что он хотя и является родом из прибалтийских немцев, но по культуре считает себя русским, по вероисповеданию он — православный, и что, как инвалид Мировой войны и эстонский гражданин, он, согласно уставу, имеет полное право быть членом-соревнователем союза [Письма в редакцию 1925].

На самом деле, нападки Н. А. Яковлева объяснялись тем, что его претензии на главенствующее положение в союзе не были удовлетворены. Об этом Яковлев сам

²¹ Спустя год, Яковлев предпринял еще раз попытку создать свой «Союз инвалидов и пенсионеров русской национальности эстонского подданства». На организационном собрании, которое намечалось провести 21 февраля 1926 г. в нарвском Русском общественном собрании, планировалось рассмотрение и обсуждение уже разработанного к тому времени устава союза [Собрание инвалидов 1926]. Очевидно, что из этой затеи опять-таки ничего не получилось, так как в последующем об этом союзе нигде ничего не сообщалось.

проговорился в своей статье, где утверждал, что Васильковский по просьбе Максимова якобы дал ему задание организовать союз [Ответ 1925]. В своем ответе Максимов парировал тем, что никто Васильковского не просил об организации союза; согласно его версии того разговора, Васильковского пригласили в отдельную комнату лишь для того, чтобы поблагодарить за денежный вклад и договориться еще об одном [Письма в редакцию 1925].

В результате этой газетной полемики обе стороны явно продемонстрировали то, что суть спора заключалась вовсе не в принципиальных различиях во взглядах на устав союза, а в банальной борьбе за власть. К тому же в пылу перепалки оппоненты очень неосторожно обнажили другую сторону организации союза, связанную с его подпольной деятельностью, что вызвало волну слухов о его функции прикрытия какой-то тайной политической организации [Инвалиды 1925б]. Действительно, на это указывало как самое непосредственное участие в устройстве союза генерала Васильковского, чьи политические воззрения и активная деятельность были известны не только эстонской политической полиции [ГАЭ 1: 7: 28; 1: 7: 30], но и многим рядовым обывателям по брошюрам «В единении сила» (1922) и «Кто наш главный враг?» (1922), так и тот странный факт, что устроителям вечера зачем-то понадобилось удалиться в отдельную комнату. Объяснения Максимова, что такая приватность потребовалась исключительно для того, чтобы поблагодарить Васильковского, вряд ли могли кого-либо удовлетворить, ведь выразить свою благодарность дарителю можно и нужно было публично. Утверждение же Яковлева о том, что Васильковский дал задание организовать союз, вызывали еще больше подозрений в отношении истинного содержания разговора. О том, что эти подозрения были небезосновательны, речь уже шла во втором параграфе, посвященном конспиративной деятельности русских военных в Эстонии.

В сущности то, что возобладала линия Максимова, а Яковлев был устранен, на наш взгляд, сыграло благотворную роль в истории союза. Во-первых, Яковлев, как человек явно взрывного и неуравновешенного темперамента, достаточно часто конфликтовал с окружающими, вряд ли, являлся подходящей кандидатурой на пост председателя какой-либо организации вообще²². Во-вторых, будучи активным сторонником Васильковского, Яковлев, возглавив союз, несомненно подчинил бы его воле Васильковского. Именно это вовремя сумели почувствовать и предотвратить Максимов и его группа. Состоя на должностях секретаря и казначея, Максимов, как человек умный и хозяйственный, ставил перед собой цели исключительно прагматического характера, связанные с привлечением средств в казну союза.

Как мы уже знаем, на начальном этапе определенная сумма была получена от Васильковского. Следующим весьма удачным шагом было избрание председателем союза бывшего жандармского полковника Б. М. Севастьянова — человека, с одной стороны, достаточно независимого, не принадлежащего ни к одной из группировок, но, с другой стороны, весьма влиятельного и обладающего необходимым кругом связей и возможностей. Севастьянов являлся представителем в Нарве благотворительного общества «Белый крест» [Русский календарь 1923], активно занимался предпринимательством, состоя одним из учредителей Нарвского

²² По словам самого Яковлева, за время своей деятельности по переброске агентов разведки в СССР он сумел разругаться как со своими сотрудниками (поручик И. И. Антонов), так и с органами эстонской разведки (начальник штаба 1-ой дивизии майор П. Г. Трийк), а в 1927 г. вообще порвал по личной инициативе с организацией генерала Васильковского [ФГАЭ: 129: 28966: 30, 34, 38]. В 1930 г. Яковлев был исключен из членов нарвского Русского общественного собрания [Экстравагантное общее собрание 1930] и затем судился с ним [Н. Яковлев 1930].

эмигрантского общества потребителей «Нэро» [Беженская хроника 1920], ко всему прочему, он сотрудничал с английской разведкой в Эстонии, о чем, конечно, мало кто знал определенно, но слухи об этом ходили [ФГАЭ 129: 26756, 28; ФГАЭ 129: 28966, 62].

Число членов союза очень быстро росло. Если в середине мая количество вступивших в ряды союза исчислялось несколькими десятками [Инвалиды 1925а], то на общем собрании, состоявшемся 28 июня, были оглашены данные, согласно которым в союзе было зарегистрировано уже 103 члена, из них 4 почетных, 16 действительных и 83 соревнователя, и было выдано 8 пособий и 3 ссуды [Т. 1925]. С момента своего официального учреждения союз стал усиленно привлекать в члены местных и таллиннских общественных деятелей. Среди последних был генерал А. К. Баиов, избранный 28 июня на общем собрании почетным председателем Союза [Т. 1925], что, впрочем, не давало Баиову особых полномочий, но накладывало определенные обязательства, в частности, финансового характера. Материальной помощью союзу со стороны Баиова стал денежный сбор за одну из лекций («Причины Великой войны и виновники ее возникновения»), прочитанной им 15 октября в Нарве [Б. Т. 1925]²³.

Впрочем, союз не только довольствовался пожертвованиями со стороны, но и сам предпринимал ряд мер для изыскания дополнительных средств. Традиционным и испытанным средством в этом деле была организация благотворительных вечеров с развлекательной программой. Такой вечер был устроен 12 сентября 1925 г. [Волгин 1925]. В апреле следующего года союз провел двухдневные мероприятия. 24 апреля 1926 г. союз устроил в нарвском Русском общественном собрании закрытый благотворительный спектакль [Вечер Союза 1926], а на следующий день в нарвском Преображенском соборе состоялся так называемый тарелочный сбор в пользу союза [Сбор 1926].

9 мая 1926 г. в Русском общественном собрании состоялось годовое собрание Союза, на котором были подведены итоги деятельности союза за первый год его существования. В докладе правления союза отмечалось, что за 1925 г. было собрано 180 000 эстонских марок, 25 000 марок поступило от фонда имени генерала Й. Лайдонера (Kindral Laidoneri nimeline invaliidide kapital). Правление и ревизионная комиссия в виду заслуг были оставлены те же. Дополнительно были выбраны два человека в правление и один в ревизионную комиссию на место выбывших в течение года. Новый состав правления союза выглядел следующим образом: председатель — Б. М. Севастьянов, члены правления — В. А. Алексеев, И. К. Гервинский, П. Н. Жестков, П. Н. Максимов, заместители — Н. З. Воронов, П. Г. Козлов; состав ревизионной комиссии — А. А. Красильников, Ф. И. Лебедев, П. А. Цур-Мюлен, заместитель — Е. И. Орнатский [Годовое общее собрание 1926; Рацевич 1926].

К началу сентября 1926 г. денежная помощь союзу в 40 000 марок поступила от благотворительного общества «Белый крест». Всего к тому моменту на выдачу субсидий союзом было израсходовано 300 000 марок. Однако, несмотря на значительные денежные поступления, союз все-таки испытывал определенные затруднения. Так, к примеру, из 23 инвалидов²⁴, опекаемых союзом, ежемесячное

²³ А. К. Баиовым были прочитаны еще две лекции в пользу союза: 12 декабря 1926 г. в Таллинне в Русском клубе — «Истоки Великой мировой драмы и ее режиссеры» [Черниговский 1926] и в апреле 1927 г. — «Национальный подвиг русского народа и его армии», посвященный 50-летию начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [Владимиров 1927в; Карпатов 1927].

²⁴ В 1926 г. в списке действительных членов союза состояли А. И. Байков, Б. А. Тишнер, П. П. Богданов, В. А. Самонов, М. С. Коломайнен, Н. В. Соколов, Н. М. Михайлов, И. К. Гервинский, М. П.

пособие в 1500 марок получали лишь 10 человек, остальным оказывалась нерегулярная помощь [Владимиров 1926]. Всего за 1926 г. союзом было выдано 144 пособия на сумму 117 980 марок, из них 125 пособий (105 580 марок) — действительным членам и 19 пособий (12 400 марок) — членам-соревнователям [Отчет 1927]. Если сопоставить суммы пособий (117 980 марок) с общей суммой субсидий союза только на сентябрь 1926 г. (300 000 марок), то получится, что на выплаты пособий шла лишь треть расходовемых союзом средств, остальные же суммы союз предпочитал выдавать в виде ссуд и кредитов.

В 1926 г. наблюдается значительная активизация деятельности русской общественности по оказанию помощи военным инвалидам. 8 июня в Таллинне был учрежден центральный Комитет «Дня русского инвалида», а к концу года такие же комитеты были открыты в Тарту, Нарве, Пярну, Кохтла-Ярве, Кютте-Йыу и других местах проживания русского населения. В этом же году с открытием двух отделов в Таллинне и Тарту союз расширил географию своей деятельности.

17 октября 1926 г. в помещении таллиннского Русского общественного собрания по инициативе А. К. Баиова был открыт таллиннский отдел союза. В правление отдела вошли: председатель — полковник А. Е. Кудрявцев, секретарь — прапорщик С. А. Самсониевский, казначей — полковник А. А. Кулицкий, в состав ревизионной комиссии — полковник В. А. Шернкрейц и подполковник И. Филатов. В почетные члены были избраны директор Балтийской бумагопрядильной мануфактуры инженер Р. Я. Хохлов (за щедрые пожертвования на организацию отдела и его нужды), а также генералы А. Е. Вандам и В. Л. Драке. Комитет русских эмигрантов предоставил в безвозмездное пользование отдела свое помещение [Союз русских увечных воинов: 1926]. Для регистрации в действительные члены отдела от инвалидов требовались не только предоставление документов, подтверждающих их инвалидность и службу в русской армии, но и подписка о согласии подчиняться требованиям отдела [От Ревельского отдела 1926]. Не вызывает сомнения тот факт, что, учреждая отдел союза, Баиов и его окружение отнюдь не ставили перед собой цель способствовать и помогать деятельности нарвского центра. Открытие отдела было непосредственным результатом ссоры и конфронтации Баиова и Васильковского и имело в планах постепенное распространение своего влияния на весь союз в целом.

Причины совсем иного характера послужили толчком к открытию 6 декабря 1926 г. отдела союза в Тарту. К этому времени патронат общества «Белый крест», опекавший 20 русских инвалидов, стал испытывать серьезные материальные затруднения, поэтому тартуским русским обществом было решено организовать отдел союза в Тарту [10-летие 1937]. В правление отдела вошли Я. С. Вешняков (председатель), Н. В. Потапов (секретарь) и Г. П. Козырев (казначей) [Юрьевский день 1927]. Создание отдела в Тарту многим было обязано неиссякаемой энергии и энтузиазму генерала Я. С. Вешнякова, который после ухода со службы в эстонской армии за достаточно непродолжительный срок своей общественной деятельности в Тарту, сумел не только организовать отдел союза, но и принял самое активное и непосредственное участие в создании памятника воинам русской императорской армии, павшим во время Первой мировой войны [Макс 1927]. После отъезда Я. С. Вешнякова в Америку председателем тартуского отдела союза был избран полковник

Коновалов, П. Н. Жестков, П. Ф. Сазонов, Н. П. Анисимов, А. И. Кучеров, С. Ф. Петров, И. И. Иванов-Ратмиров, П. Н. Максимов, И. И. Замтин, А. А. Алексеев, Д. А. Порсев, А. А. Сербин-Черцов, С. Мусин-Зенчинов и члены-соревнователи А. П. Лабиннаг, Е. И. Орнатский [Отчет 1927].

лейб-гвардии Семеновского полка, известный генеалог Н. К. фон Эссен [Козырев 1927], которого после его переезда в Таллинн в 1928 г. сменил поковник А. А. Фадеев.

В конце 1926 г. произошла смена руководства союза. После повторной просьбы Б. М. Севастьянова [Собрание Союза 1925] о сложении с себя обязанности председателя его ходатайство было удовлетворено [Севастьянов 1926]. Новым председателем стал полковник В. А. Алексеев [Владимиров 1927а]. С приходом на пост председателя союза Алексеева стала реализовываться идея создания столовой, которую планировалось открыть в Ивангороде, где проживало большинство нуждавшихся эмигрантов и членов союза. [Владимиров 1927б]. 19 апреля 1927 г. столовая для инвалидов-эмигрантов была торжественно открыта на ивангородской стороне по адресу: Новая линия, дом № 4. На открытии присутствовал председатель Комитета русских эмигрантов в Эстонии В. А. Рогожников, специально приехавший по этому случаю из Таллинна. В своей речи председателя союза В. А. Алексеев в частности отметил, что Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии был первым учреждением в эмигрантской среде в Эстонии, которое было создано исключительно силами инвалидов, без посторонней благотворительной помощи. Свою речь Алексеев завершил провозглашением тоста за великого князя Николая Николаевича²⁵. Союзом предполагалось ко всему прочему использовать помещение столовой и в качестве клуба [Освящение столовой 1927; Открытие столовой 1927].

15 мая 1927 г. в помещении нарвского Русского общественного собрания состоялось годовое собрание союза. В начале собрания была почтена вставанием память скончавшегося в ноябре 1926 г. действительного члена союза подполковника А. И. Байкова. В докладе председателя В. А. Алексеева отмечалось, что 8 мая прошлого года союз зарегистрировал свой устав в Зарубежном союзе инвалидов в Париже. Была отмечена деятельность отделов союза в Таллинне и Тарту. В отчете о проведенных мероприятиях были выделены лекции А. К. Баиова и Б. А. Суворина, материальная выручка от которых была перечислена в пользу союза. Также говорилось, что в казну союза поступили средства из капитала фонда имени генерала Й. Лайдонера (25 000 марок) и от генерала Н. Н. Юденича (25 000 марок). Всего приход в 1926 г. составил сумму около 265 000 марок. На 1927 г. на счету союза числился остаток в 71 704 марки. После финансового отчета были решены вопросы, касавшиеся столовой. Общим собранием заведующим столовой за бесплатное питание и жалование в 1000 марок единодушно был назначен П. Н. Максимов, его помощником за бесплатное питание, жалование в 500 марок и право на бесплатное проживание в помещении столовой — Е. И. Орнатский. На момент проведения собрания бесплатные обеды в столовой получали около 20 человек. Правление выражало надежду, что число их будет увеличиваться, но для этого требовались дополнительные средства, поэтому решено было ходатайствовать перед Центральным правлением в Париже о субсидии на столовую. После перевыборов правления его состав выглядел следующим образом: В. А. Алексеев (председатель), П. Н. Максимов (секретарь), Н. З. Воронов, П. Г. Козлов и М. М. Навроцкий; в составе ревизионной комиссии — А. А. Красильников, П. А. Цур-Мюлен и Ф. И.

²⁵ Союз русских увечных воинов в Нарве всегда открыто позиционировал себя как организацию сторонников российской монархии. Ежегодно по инициативе союза в нарвских церквях устраивались панихиды по царской семье и молебны о здравии великого князя Николая Николаевича [см., напр.: Панихида 1927; Молебен 1927].

Лебедев [Годичное собрание инвалидов 1927а; Годичное собрание 1927б; Владимирова 1927в].

22 мая 1927 г. состоялось общее собрание таллиннского отдела. На тот момент в составе отдела состояло 19 действительных членов, 12 почетных членов и 28 член-соревнователей. В результате перевыборов правления отдела в его состав были введены новые члены — капитан И. Н. Иванов и полковник М. А. Александров. За безвозмездное медицинское обслуживание членов отдела в почетные члены были избраны доктор Н. А. Колпаков, доктор Д. Я. Федоров и доктор Тацитов, а также профессор В. А. Рогожников. На собрании было также решено ходатайствовать перед властями о разрешении носить специальный нагрудный знак [Союз увечных воинов 1927].

Годовое собрание нарвского союза, состоявшееся 13 мая 1928 г., началось вставанием в честь памяти недавно скончавшегося генерала П. Н. Врангеля. На собрании присутствовало 38 человек. Председатель союза В. А. Алексеев зачитал отчет за 1927 г., согласно которому доход организации составил сумму в 2 218 крон 23 цента. В переизбранное правление вошли В. А. Алексеев (председатель), П. Н. Максимов (секретарь), П. Г. Козлов, И. К. Гервинский и Л. Г. Аллик; кандидаты — Н. З. Воронов и А. А. Сербин-Черцов. В ревизионную комиссию были избраны П. А. Цур-Мюлен, А. А. Красильников, Т. Г. Кутковский и Е. И. Орнатский [Общее собрание 1928].

В 1928 г. мы встречаем первое упоминание о существовании печорского подотдела тартуского отдела союза, которое возглавлял капитан К. А. Мерказин. Первым мероприятием подотдела стало проведение благотворительного вечера в пользу тартуского отдела, который состоялся 27 мая 1928 г. Доход от вечера составил 130 крон [Доход вечера 1928]. В 1929 г. во время гастролей Нарвского русского театра в Печорах в течение двух дней актеры театра давали спектакль «Кухня ведьм» Г. Ге и перечислили всю выручку от билетов в пользу подотдела [Спектакль 1929]. В общей сложности доход тартуского отдела по сравнению с предыдущими годами возрос и составил в 1928 г. 1775 крон, из этой суммы на нужды инвалидов было потрачено 1244 кроны, и к январю 1929 г. на счету отдела оставалось 530 крон 26 центов [Денежный отчет 1929].

Доход нарвского центра за 1929 г. по сравнению с доходом тартуского отдела был несколько меньше. Согласно отчету правления, представленному на годовом собрании 12 мая 1929 г., за 1928 г. было собрано 1 597 крон 50 центов, из них потрачено на пособия 1 509 крон 20 центов; было выдано 2 738 бесплатных обедов на сумму 1 022 кроны 25 центов. В правление на следующий период были избраны В. А. Алексеев (председатель), П. Н. Максимов (секретарь), Л. Г. Аллик, И. К. Гервинский и П. Н. Жестков, в заместители — С. А. Кудрявцев и Е. И. Орнатский. В ревизионную комиссию вошли П. А. Цур-Мюлен, А. А. Красильников и Т. Г. Кутковский и заместителем — Б. Б. Кулашка [Годовая деятельность 1929].

Годовое собрание союза, состоявшееся в Нарве 4 мая 1930 г., собрало относительно небольшое число членов (присутствовало 27 человек, включая приехавшего из Тарту председателя тартуского отдела А. А. Фадеева), однако, программа была значительно шире, чем в предыдущие годы. Собрание началось с предложения председателя союза В. А. Алексеева почтить вставанием память умершего в ноябре 1929 г. Действительного члена союза полковника А. А. Сербина-Черцова. Далее был заслушан доклад В. А. Алексеева, в котором сообщалось, что за истекший год поступления в кассу союза составили 2 903 кроны 69 центов, на пособия была потрачена 2 191 крона 74 цента. Затем собравшимся было сообщено,

что центральный Союз русских инвалидов в Париже прислал определенную сумму и предложил приобретать реальные ценности, не расходуя всех поступлений. Однако из-за недостатка средств правление решило от этой мысли отказаться. Из полученных из Парижа средств союз выделил 35 крон тартускому отделу и 40 крон — таллиннскому.

В зачитанном собравшимся письме председателя Союза русских инвалидов в Чехословакии генерала М. Г. Михеева о предстоящем 20 июля в Праге 2-ом делегатском съезде союзов инвалидов говорилось, что на посылку делегата центр может выделить пособие в 5–10 тысяч чешских крон. Согласно установленным правилам, от каждых 100 действительных членов союза или общества инвалидов мог быть избран один делегат, в Эстонии на тот момент в списке действительных членов союза числилось 63 человека. Делегатом на съезд в Праге единогласно был выбран О. П. Васильковский, он же впервые за пять лет существования союза был избран его председателем. После перевыборов новое правление союза выглядело следующим образом: почетный член союза О. П. Васильковский (председатель), П. Н. Максимов (секретарь), Л. Г. Аллик, С. А. Кудрявцев, П. Н. Жестков; запасные члены — П. Г. Козлов, Н. А. Подмошенский, А. И. Кучеров. В состав ревизионной комиссии вошли А. А. Красильников, П. А. Цур-Мюлен и Т. Г. Кутковский, запасной член — В. А. Алексеев [Собрание русск. Инвалидов 1930].

Таким образом, В. А. Алексеев был смещен с поста председателя, что было результатом произошедшего между ним и П. Н. Максимовым конфликта [ФГАЭ 129: 18117, 137]²⁶. Суть этого разлада осталась неизвестной, но очевидным было то, что Максимов предпринял все возможное к устранению Алексеева. Характерно, что еще до начала перевыборов членов правления В. А. Алексеев запросил у собрания себе, как председателю союза, назначения ежемесячного жалования в 50 крон. Общее собрание в просьбе отказало, выдав единовременное пособие в 15 крон и 30 крон долгосрочной ссуды. В то же время секретарь П. Н. Максимов выступил с аналогичной просьбой, попросив собрание увеличить его жалование с 15 крон до 30, что было удовлетворено и, в очередной раз, продемонстрировало, что реальным правителем дел в союзе и человеком, пользовавшимся наибольшим авторитетом, являлся не председатель, а секретарь союза — П. Н. Максимов [Собрание русск. Инвалидов 1930].

18 мая 1930 г. состоялось торжественное празднование 5-летнего юбилея Союза, которое началось с молебна в Знаменской церкви. Избранный на общем собрании союза председателем О. П. Васильковский по причине болезни на празднике не присутствовал, поэтому после поздравительной речи о Павла Дмитровского от имени союза выступил исполняющий обязанности председателя Л. Г. Аллик²⁷, который особенно подчеркнул значение материальной помощи фонда имени генерала Лайдонера, составлявшей до 1929 г. 250 крон в год, а с 1929 г. — 300 крон. От имени эстонского Союза инвалидов на торжественном акте выступил представитель нарвского отдела Капралов. В заключении торжественной части П. А. Цур-Мюленом была сделана общая фотография, а затем было устроено чаепитие. Вечером для членов союза и гостей был организован праздничный ужин [-ль. 1930].

²⁶ Известно, что В. А. Алексеев через какое-то время вовсе вышел из состава союза [ФГАЭ 129: 18117, 137]. Скорее всего это произошло в 1931 г., так как канцелярия союза, размещавшаяся до этого на его квартире по адресу Новая линия, 4 [Евгениев 1927; Зирин 2004, 112], с июля 1931 г. была переведена в новое помещение по адресу Псковская улица, 54 [Хроника 1931].

²⁷ Л. Г. Аллик исполнял обязанности председателя союза с 1931 г. по 1932 г. [ФГАЭ 130: 2866, 19].

С августа 1930 г. министром внутренних дел Эстонии в течение целого месяца по всей Эстонии было разрешено проводить сбор средств по подписным листам в пользу союза, что, несомненно, принесло дополнительную материальную помощь союзу [Сергеев 1930]. В конце года союз пополнился новыми членами-соревнователями — женским кружком, который за относительно короткий срок смог значительно увеличить запас кассы союза посредством сборов и пожертвований. Появление дополнительных средств позволило правлению союза рассматривать возможность приобретения участка земли для огородных работ и создания артели для сапожников или других кустарных работ [В союзе инвалидов 1930].

Однако общая картина внешнего благополучия деятельности союза была вскоре омрачена начавшимся шумным скандалом, расколовшим в очередной раз общество русских военных в Эстонии на два противоборствующих лагеря. Уже на общем собрании от 4 мая после оглашения приятных новостей о пополнении средств союза у всех собравшихся вызвало определенное удивление известие о том, что в обход установившейся традиции отчет таллиннского отдела о проведении Дня русского инвалида был представлен генералом Баиовым непосредственно в Париж, а не в Нарву [Собрание русск. Инвалидов 1930].

21 сентября в Таллинне состоялось экстренное собрание таллиннского отдела союза, на котором присутствовало 50 членов. На собрании было принято решение выступить с предложением к нарвскому центру об организации внеочередного собрания, на котором предлагалось обсудить следующие пункты: 1) перевыборы правления союза ввиду неприемлемости его теперешнего состава; 2) изменение устава союза; 3) обсуждение инструкций для участия делегатов от отделов на общих собраниях союза [Иванов 1930а]. На самом деле реальной причиной беспокойства представителей таллиннского отдела стало растущее влияние генерала О. П. Васильковского, который был не только избран председателем Союза русских вечных воинов, но и к тому времени активно занимался созданием Союза взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии [Бойков 2004а, 98].

23 ноября в Нарве состоялось чрезвычайное собрание союза, на котором на этот раз присутствовало более 70 членов, в том числе представители таллиннского отдела — Б. В. Энгельгардт (председатель отдела), Я. М. Корецкий, С. А. Самсониевский, Васильев и тартуского — А. А. Фадеев. Таллиннский отдел сразу же выступил с категорическим несогласием по поводу избрания О. П. Васильковского председателем союза. Собственно говоря, это был основной пункт повестки дня, предложенный таллиннцами, так как остальные два пункта напрямую были связаны с первым и суть их сводилась к тому, что таллиннский отдел при переизбрании правления требовал учета голосов членов всех отделов, а не только присутствовавших на годовом собрании в Нарве. В связи с этим предложением предлагалось внести поправки в устав союза. В заключении от имени всего таллиннского отдела Б. В. Энгельгардт выдвинул своего кандидата на пост председателя союза, а именно: генерала А. К. Баиова.

По поводу изменения устава и предложенному принципу подсчета голосов при баллотировке секретарем союза П. Н. Максимовым было заявлено, что, так как таллиннский отдел не представил нового проекта устава, то этот вопрос пока рассматриваться не будет, к тому же тартуский отдел в лице 17 действительных членов и 140 членов-соревнователей высказался за сохранение прежнего варианта устава. В отношении подсчета голосов при перевыборах правления собранием было принято решение, имея в виду тот факт, что многие члены отделов союза не имеют

возможности ездить на общие собрания, учитывать такое количество голосов, которое соответствовало бы числу присутствовавших на предшествующем собрании отдела. В связи с протестом таллиннцев против избрания председателем генерала Васильковского, П. Н. Максимовым было сказано, что на собрании 4 мая он (Васильковский) был избран единогласно и результаты выборов уже одобрены в Париже председателем Зарубежного союза русских военных инвалидов генералом Н. Н. Баратовым.

В конце концов состоялись повторные выборы правления. Было решено, что центральный нарвский отдел при голосовании обладает 70-ю голосами, таллиннский — 50-ю, а тартуский — 20-ю. В результате перевыборов за кандидатуру Васильковского свои голоса отдали 78 членов союза, против — 62 [Иванов 1930а; Иванов 1930б; На собрании русских инвалидов 1930]. Если учесть, что 50 голосов таллиннцев были изначально поданы против Васильковского, а все члены тартуского отдела безоговорочно поддерживали все решения, принятые на общих собраниях в Нарве, то получится, что при повторном голосовании 12 членов нарвского отдела высказались против Васильковского, поддержав на сей раз инициативу таллиннцев. Тем не менее, даже после повторного голосования результат остался тем же, — председателем союза по-прежнему являлся О. П. Васильковский, который, правда, по причине болезни, в течение года занимал эту должность лишь формально, практически же исполняющим обязанности председателя союза был Л. Г. Аллик. Так или иначе, чрезвычайное собрание от 23 октября вовсе не решило создавшейся проблемы, а скорее, наоборот, оформило раскол в рядах членов союза, который окончательно произошел в следующем году.

Годовому собранию союза в 1931 г. предшествовала небольшая газетная полемика между председателем таллиннского отдела полковником Б. В. Энгельгардтом и представителем нарвского центра бывшим присяжным поверенным А. И. Ивановым. В статье Энгельгардта с сожалением констатировался произошедший разлад между якобы центральным нарвским отделом и таллиннским. По мнению Энгельгардта, причиной такого положения дел явилось то, что до сих пор правление союза выбиралось только членами нарвского отдела, совершенно игнорируя мнение членов других отделов (здесь, конечно же, имелся в виду таллиннский отдел). В числе других ненормальных явлений в деятельности нарвского отдела Энгельгардт усматривал открытое противодействие и конкуренцию с «мощной и общей по целям» организацией комитета Дня русского инвалида. В завершение Энгельгардт предлагал устранить конкуренцию между правлениями комитета и союза, и расходувать средства сообща [Энгельгардт 1931].

В своем ответе Энгельгардту А. И. Иванов отстаивал ту точку зрения, согласно которой положение дел обстояло совсем иным образом. До момента выступления таллиннского отдела в 1930 г. все дела в союзе шли благополучно. По мнению Иванова, все действия таллиннцев сводились в сущности к смене существующего правления с целью поступления средств союза в ведение комитета Дня русского инвалида. Предлагаемое же Энгельгардтом объединение комитета с союзом было невозможно и по уставу последнего, но сотрудничество предствлялось вполне реальным. В общем и целом, Иванов считал, что все упреки его оппонента били мимо цели [Иванов 1931а].

Очередное общее годовое собрание членов союза, состоявшееся 31 мая 1931 г. в Нарве, собрало 53 члена союза. От таллиннского отделения присутствовал только один человек. От тартуского отдела пришло сообщение о том, что все члены отдела заранее соглашались со всем, что будет принято общим собранием, поэтому

представитель от отдела не посылается. Главным предметом обсуждения собрания было рассмотрение ряда вопросов, связанных с выступлением таллиннского отдела в предыдущем году.

Согласно докладу правления и ревизионной комиссии, в 1930 г. союзом было собрано 7 343 кроны 31 цент (985 крон поступило от Центрального правления в Париже). От нарвского отдела в общую казну поступило 60% от этой суммы, от тартуского — 29%, от таллиннского — 11%. В докладе правления было особенно подчеркнуто, что письмом от парижского центра генералу О. П. Васильковскому в этом году поручено организовать День русского инвалида в Эстонии. После проведенных перевыборов руководства союза его состав выглядел следующим образом: в члены правления вошли О. П. Васильковский (председатель), П. Н. Максимов (секретарь), П. Н. Жестков, А. В. Кучеров и П. Г. Козлов, в заместители членов правления — Л. Г. Аллик и С. А. Кудрявцев; в члены ревизионной комиссии были избраны К. В. Новгородский, А. П. Бахмутский и Д. А. Гаврилов, в заместители — Н. С. Дулов. По предложению Васильковского, общим собранием также было принято решение, согласно которому на ежегодные заседания правления от отделов требовалось делегирование по одному представителю [У русских инвалидов 1931; тский 1931; Иванов 1931б].

Таким образом, по своим результатам годовое собрание союза было, по сути дела, ответным ударом нарвтян на все предыдущие претензии таллиннцев. Во-первых, общее собрание подтверждало результаты прошлогодних выборов, вторично избирая генерала Васильковского на посту председателя союза, во-вторых, опираясь на поддержку парижского центра, нарвский отдел закреплял за собой приоритет в проведении в 1931 г. Дня русского инвалида в Эстонии, в-третьих, на основе финансового отчета наглядно была показана мизерная на общем фоне доля материального вклада таллиннского отдела, что, несомненно, дискредитировало как деятельность отдела вообще, так и предложение его главы Энгельгардта о совместном расходовании средств.

После этого собрания нарвский отдел перешел к более энергичным «наступательным» действиям и, подозревая таллиннский отдел в нецелевом расходовании сумм, в начале августа отправил членов ревизионной комиссии в Таллинн, откуда ими был вывезен архив таллиннского отдела [В Союзе русских инвалидов 1931]. Результаты расследования ревизионной комиссии были оглашены на следующем чрезвычайном собрании, которое состоялось 18 октября 1931 г. Перед собравшимися 49 членами союза с докладом о ревизии документов таллиннского отдела выступил член ревизионной комиссии А. П. Бахмутский. В своем докладе он отмечал факт нецелевого распределения средств, который заключался в том, что 3 393 кроны из сумм отдела были выданы в виде ссуд не инвалидам или не военным инвалидам. По этому поводу правлением союза было решено, что оно оставляет за собой право приглашения юристов и обращения в суд [Б. Е. 1931а].

Таким образом, все попытки таллиннского отдела постепенно подчинить деятельность союза себе потерпели полное фиаско. После майского общего собрания союза обстоятельства складывались явно не в пользу таллиннцев, и ответные действия нарвского центра при пассивной поддержке тартуского отдела грозили Энгельгардту и его сторонникам в затяжной ими же конфронтации несомненным поражением. Однако до открытой схватки дело не дошло, так как таллиннский отдел сумел вовремя осуществить предупреждающий маневр. Почти сразу же после провального для таллиннцев собрания союза в мае члены таллиннского отдела во главе с Энгельгардтом и Баиовым фактически вышли из рядов союза и организовали

альтернативную Союзу русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии организацию под названием Союз русских военных инвалидов в Эстонии. Устав нового союза был зарегистрирован уже 12 июня, а учредительное собрание членов состоялось 5 июля. Еще одним результатом кардинального размежевания сторонников Баиова и Васильковского стало образование группой Баиова Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, устав которого был зарегистрирован 24 августа, а учредительное собрание нового общества состоялось 18 октября [Абисогомян 2003, 62–63]. Если Союз русских военных инвалидов в Эстонии был создан в противовес Союзу русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, то Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии явно противопоставлялось Союзу взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии.

После раскола ряды Союза русских увечных воинов заметно поредели. Точно не известно, сколько человек осталось в составе таллиннского отдела союза, но с определенной уверенностью можно предположить, что их число было весьма незначительным. Известно, что отдел возглавил полковник В. С. Афанасьев, сменивший в следующем, 1932 г., генерала Васильковского на посту председателя союза [ФГАЭ 129: 26756, 299]²⁸. Вместо Афанасьева председателем отдела был избран полковник Н. А. Минаев [ФГАЭ 129: 26756, 142]. Отдел по-прежнему ежегодно устраивал благотворительные вечера и лотереи [Афанасьев 1933; Ревельский день 1933; Таллинский день 1934в; Вечер 1935], и хотя теперь отделу приходилось конкурировать с Союзом русских военных инвалидов и комитетом Дня русского инвалида, денежные сборы от этих акций были все-таки значительны. Так, например, постановка 11 декабря 1935 г. при помощи таллинских русских артистов спектакля с концертным отделением, балетными танцами и лотереей принесли доход в 530 крон 53 цента [Объявление 1935], в 1936 г. доход от подобного вечера составил 460 крон 40 центов [Объявление 1937а], а в 1937 г. — 928 крон 76 центов [Объявление 1937в].

Весьма продуктивной была деятельность тартуского отдела союза, активными членами которого являлись А. А. Фадеев, Э. М. Сиротин, Н. М. Потапов, А. Лобанов, А. Воробьев, И. Якубович и другие [С. 1932; В тартуском союзе 1940]. С момента своего открытия отдел принципиально не участвовал в междуусобных конфликтах внутри союза, и занимался своей непосредственной работой — помощью инвалидам. В 1931 г. отделом было выдано пособий на 750 крон. Благотворительный вечер отдела, устроенный 10 апреля 1932 г., принес в кассу отдела 313 крон 59 центов [С. 1932]. Бал-маскарад, организованный 19 февраля 1933 г., принес прибыли в 199 крон 63 центов. Всего в 1932 г. тартуский отдел собрал 1 961 крон 46 центов. Из этой суммы на лечение, приобретение протезов, выдачу пособий и ссуд отделом было потрачено 1 591 крон 15 центов [Деятельность Юрьевского отдела 1933]. Самой прибыльной акцией тартуского отдела стал благотворительный вечер, проведенный 23 января 1937 г. и собравший 753 кроны 37 центов [Тартуская хроника 1937; Спасибо за помощь 1937]. Не менее результативной была деятельность печорского подотдела, стараниями членов которого к 1934 г. было собрано на помощь 19-ти

²⁸ В. С. Афанасьев был председателем союза до 1937 г. [ФГАЭ 129: 26756, 299]. Затем его на этом посту сменил П. Г. Козлов [ФГАЭ 130: 7878, 17]. С 1939 по 1940 г. союз возглавлял П. Н. Максимов [ФГАЭ 130: 2866, 19], а вместо него должность секретаря исполнял П. Е. Брюнин [ФГАЭ 130: 7878, 17].

инвалидам, находившимся на тот момент на попечении тартуского отдела, 5 169 крон 10 центов [Л. Д. 1934].

Помимо традиционных методов изыскания средств, практиковавшихся всеми эмигрантскими организациями, тартуский отдел союза занимался также распространением отрывных календарей, которые до 1936 г. выпускались издательством «Северный медведь». В 1936 г., вероятно, по причинам материального характера договоренность с издательством не была достигнута, и тартуским отделением союза было принято решение выпускать свой календарь, который с 1936 г. печатался в нарвской типографии [И. 1936].

В 1930-е годы нарвский центральный отдел союза по-прежнему старался всеми возможными способами добывать средства для помощи инвалидам. К маю 1935 г. общее число инвалидов, состоявших на учете союза, равнялось 50-ти [10-летие союза 1935], а в 1936 г. в списках значилось 52 человека [Деятельность союза 1936]. Из этого числа в Нарве проживало около 20 человек. Союз заботился не только об инвалидах, но и о членах их семей. Благодаря ходатайствам в различные инстанции П. Н. Максимова, многим детям инвалидов оказывалась помощь в виде выдачи одежды, освобождения от платы за обучение в Нарвской эмигрантской гимназии, предоставления бесплатного питания [ФГАЭ 129: 26756, 131]. В общей сложности с момента начала своей деятельности и до 1 января 1936 г. союзом на помощь инвалидам было израсходовано 30 554 крон 48 центов [Деятельность союза 1936], что представляло собой весьма значительную сумму.

Однако с каждым годом пополнять кассу союза оказывалось все более и более проблематично. Объяснялось это не только трудным экономическим положением в стране, но и конкуренцией со стороны Союза русских военных инвалидов в Эстонии и Комитета «Дня русского инвалида». Стоит учитывать, что многолетнее противостояние и склоки между сторонниками Баиова и Васильковского, повлекшие за собой раскол союза и образование еще одного союза инвалидов, нанесли беспорный вред репутации союза, и оттолкнули от этих организаций многих потенциальных жертвователей.

Спад интереса к деятельности союза со стороны жителей Нарвы проявился уже в 1932 г. Так, в газетной заметке, посвященной проведению союзом очередной благотворительной лотереи, отмечалось, что на вечер русских пришло мало, а были в основном немцы и эстонцы [Как русские помогли своим инвалидам 1932]. По поводу лотереи, состоявшейся 18 апреля 1937 г., также сообщалось, что публики было мало, часть выигрышей, в том числе и главный (новый турецкий диван, два пуфа и диванный стол), остались неразыгранными, и что материальный успех лотереи, таким образом, оказался незначительным [Лотерея союза 1937]. Такая же история повторилась и в 1938 г., когда на концерт-бал союза пришло очень мало посетителей, хотя все билеты были раскуплены [Концерт-бал союза 1938].

Несмотря на трудное материальное положение, союз ставил перед собой серьезные задачи. В частности одной из последних инициатив союза было решение о начале строительства своего дома для инвалидов. На осуществление этого проекта союз возбудил ходатайство перед центральным Зарубежным союзом русских инвалидов о предоставлении денежной помощи. Известно, что зимой 1939–1940 гг. некоторая сумма из Парижа была получена, и союз даже купил участок земли у ивангородского кладбища [ФГАЭ 129: 26756, 131], но дальше этого дело не продвинулось. На сей раз причина крылась не только в недостатке денег, но и в том, что в Эстонии была установлена советская власть, что в свою очередь стало причиной ликвидации союза и уничтожения в дальнейшем почти всех его членов.

6. 2. Комитет «Дня русского инвалида»

Зарубежный съезд русской эмиграции послужил толчком для устройства ежегодной благотворительной акции «Дня русского инвалида». Приуроченный ко дню памяти святого Николая Чудотворца (22 (9) мая) День русского инвалида, начиная с 1926 г., стал широко праздноваться во всех уголках Русского Зарубежья и вошел в традицию. Главой Зарубежного союза русских военных инвалидов генералом Н. Н. Баратовым учреждение Комитета «Дня русского инвалида» (ДРИ) в Эстонии было возложено на генерала А. К. Баиова. Еще до его приезда из Парижа призыв об организации комитетов в Таллинне, Нарве и Тарту был опубликован в газете «Час» [«День русского инвалида» 1926а]. Однако День русского инвалида в намеченный срок не состоялся. Вероятнее всего, причина крылась не только в организационных трудностях, но и в разразившейся сразу после возвращения Баиова с Зарубежного съезда ссоре между ним и Васильковским.

На первом организационном собрании, которое состоялось 8 июня в помещении Комитета русских эмигрантов, присутствовали архиепископ Нарвский и Изборский Евсевий, протоиерей А. Аристов, М. П. Киршбаум, А. Д. Сепп, П. Н. Яхонтов, полковник В. К. Шенк, доктор Н. А. Колпаков, контр-адмирал П. П. Левицкий, А. В. Чернявский, есаул В. Г. Елисеев, полковник П. Н. Толоконников, а также представители эстонского Красного Креста. На собрании председательствовал Баиов. Центральным комитетом ДРИ было решено образовать местные комитеты по всей Эстонии. Целью нового общественного объединения являлся сбор средств для материальной поддержки русских военных инвалидов. Для осуществления данной цели было решено распространять подписные листы, устраивать «тарелочный сбор», а также спектакли, вечера, концерты, лекции и доклады. Причем, по предписанию Министерства внутренних дел, подписные листы разрешалось распространять только в определенный период [Хроника 1926а; Баиов 1926б].

В июне комитет ДРИ был организован в Нарве. В состав комитета вошли В. А. Рогожников (председатель), М. И. Соболев (от Комитета русских эмигрантов), Б. М. Севастьянов и В. А. Алексеев (от Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии), Э. Э. Маак (от нарвского Русского учительского общества), Александров и А. И. Михелис (от Русского национального союза в Эстонии) [День Русских Инвалидов 1926]. 19 августа 1926 г. под председательством Е. Р. Филипповой был образован комитет ДРИ в Тарту. Кроме нее в правлении комитета состояли профессор И. М. Тютрюмов (вице-председатель), Г. П. Козырев (секретарь), П. П. Зубов (казначей) и Н. П. Эдельгауз [Козырев 1926а]. Под руководством Н. Куликовой комитет ДРИ был образован и в Азери. В его состав вошли И. А. Дор-Бек, В. В. Лытиков, И. К. Урусов и А. И. Леонтьев [Куликова 1926]. Комитеты ДРИ существовали также в Кохтла-Ярве [Кохтла-Ярве 1927], Кютте-Йыу [К-вич 1927], Пярну [День русского инвалида 1927] и, вероятно, в Печорском крае.

Самым активным из местных комитетов оказался тартуский. На фоне всеобщей подготовительной работы по устройству первого в Эстонии Дня русского инвалида тартуский комитет самым первым начал серию мероприятий по сбору средств. Первым таким мероприятием стал организованный 6 сентября 1926 г. в женском клубе «Уют» под председательством Т. Н. Шмидт чай в пользу инвалидов [«День русского инвалида» 1926б]. 12 сентября в Русском общественном собрании состоялся торжественный акт ДРИ, на котором после вступительного слова профессора И. М. Тютрюмова с сообщением «Россия в Великой войне и русские

инвалиды» выступил П. П. Зубов, С. В. Штейн прочитал лекцию на тему «Война в творчестве русских писателей», Б. В. Правдин продекламировал ряд своих стихотворений [Штейн 1926]. 19 сентября в Успенском соборе был отслужен молебен по инвалидам, а вечером в помещении «Бюргермуссе» устроены концерт и лотерея. При поддержке председателя тартуского Русского общественного собрания В. Б. Булгарина был также устроен чай для инвалидов [Штейн 1926; Козырев 1926б]. Помимо этого 7 ноября профессором М. А. Курчинским был прочитан ряд лекций. Выручка от продажи билетов на эти лекции была передана комитету ДРИ на нужды инвалидов [Объявление 1926е]. В общем тартуским комитетом ДРИ в 1926 г. было собрано 120 тысяч марок, из этой суммы 62 тысячи были посланы таллиннскому центральному комитету, остальные 58 тысяч израсходованы на местных инвалидов, в частности на покупку протеза инвалиду Золотникову [Козырев 1927].

8 сентября состоялось заседание Центрального комитета ДРИ под председательством Баиова, на котором была высоко оценена работа местных комитетов ДРИ, особенно в Тарту, Нарве и Азери. Также было решено, что намечаемый праздник ДРИ состоится по всей Эстонии в разные сроки. В отношении сроков проведения ДРИ в Таллинне решения принято не было [Хроника 1926г]. На следующем собрании день празднования ДРИ в Таллинне был отложен до 3 октября [Хроника 1926д]. Однако и эта дата была перенесена [Хроника 1926е]. Лишь на третьем заседании центрального комитета 7 октября удалось окончательно определить, что ДРИ в Таллинне состоится 24 октября в Клубе Черноголовых [«День русского инвалида» 1926в].

Праздник ДРИ, состоявшийся 24 октября, был широко освещен в прессе. Так, сообщалось, что после богослужения был устроен концерт-бал, отмечалось также, что от имени президента Эстонской республики на праздник прибыл его адъютант — лейтенант Шиллер. Далее подробно излагалась программа концерта. Особенно подчеркивался неоценимый вклад генерала Баиова и его ближайших соратников в процесс подготовки и проведения праздника [А. 1926в]. 30 октября был устроен благотворительный вечер в пользу русских инвалидов обществом «Гусли». Билеты на концерт продавались в магазине Баиова «Русская книга» [Объявление 1926г]. В начале ноября 1926 г. в русских газетах от имени комитета ДРИ и персонально от его председателя Баиова была выражена благодарность всем участникам прошедшего в Таллинне торжества, а также был представлен отчет о собранных средствах, согласно которому общий доход составил 104 445 марок [От Центрального комитета ДРИ 1926; Баиов 1926в]. 4 декабря Баиов предоставил отчет о том, как эта сумма была распределена между местными комитетами ДРИ [Баиов 1926д].

15 сентября 1927 г. появилось объявление об очередном празднике ДРИ, который, как там отмечалось, «уже входит в традицию». Хотя во всем мире этот праздник отмечался весной, в Эстонии было решено его проводить в первое воскресенье после 20-го октября, «чтобы не отвлекать средств от устраиваемого весной «Дня эстонского инвалида» [День русского инвалида 1927]. Таким образом, в 1927 г. ДРИ был устроен 23 октября в клубе Черноголовых, на котором с приветственной речью выступил Баиов [Г. Д. 1927]. Как и в прошлом году, комитет ДРИ организовал благотворительный вечер [Концерт ДРИ 1927]. В газетной публикации, посвященной этому событию, отмечалось, что мероприятие прошло успешно и что даже откликнулись представители немецкой общины города Таллинна [А. Б. 1927].

В целях поддержания интереса к своей акции организаторы ДРИ стремились программу торжеств сделать более разнообразной, поэтому наряду с традиционными

лотереями, танцами с музыкальной программой, вечерами под названием «чашка чая» или «five o'clock» устраивались специальные тематические вечера. По замыслу Баиова, таким тематическим подходом должен был отличаться благотворительный вечер ДРИ в 1928 г. Предполагалось, что праздник будет выдержан в стиле эпохи Петра I и те, кто примут участие в «Ассамблее», — именно так автор предлагал назвать праздник, — «узнают как выглядел Питер 200 лет назад, какой вид имел Ревель в первой половине XVIII в.» [Баиов 1928; Бал в пользу русских инвалидов 1928]. Дата мероприятия несколько раз откладывалась и осталось неизвестным состоялось ли оно, так как в прессе этот факт не был отражен. Тематический принцип был реализован в последние три года существования ДРИ в Эстонии: в 1937 г. — под названием «Парижские вечера» («Чай-коктейль» 1937), в 1938 г. — «Бал в старом Петербурге» [835 кр. 1938], в 1939 г. — «Тысяча и одна ночь» [«Чашка чаю» 1939]. Трижды комитет ДРИ устраивал закрытые балы по случаю пятилетнего и десятилетнего юбилеев [«Русский бал» 1930; Объявление 1931б; Объявление 1936].

Кроме упомянутых мероприятий комитета ДРИ в Эстонии стоит отметить осуществленный им в ноябре 1930 г. выпуск единственного номера военно-литературной газеты «Ревельский русский инвалид». Выпуск газеты был приурочен к 200-летию со дня рождения великого русского полководца А. В. Суворова. Большая часть номера состояла из публикаций Баиова («Русский бал», «Сколько русских инвалидов зарубежом, где и как они живут», «Мог ли Суворов считаться инвалидом?», «Инвалиды на Шипке», «Суворов по его изречениям», «Суворов по отзывам своих и чужих»). Среди других публикаций были статья А. Е. Вандама «При недостатке снарядов», очерк А. Е. Кудрявцева «Страничка из жизни Александровского комитета», выдержка из воспоминаний Э. А. Верцинского «Из Мировой войны. Боевые записки и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба», статья профессора Н. Пушина «Газы в будущей войне» и стихотворения Н. Вандам, Н. Лучова, К. Сумского и Н. Кашталинской. Статья «Русский бал» была посвящена пятому по счету празднику ДРИ в Эстонии и представляла собой некоторый отчет о проделанной работе. Весьма примечательно начало статьи, где подчеркивалось, что комитет ДРИ «никому не подчинен кроме законов Эстонской республики и морально — русскому обществу» [«Русский бал» 1930]. В статье также говорилось о задачах комитета, связанных с помощью инвалидам и их семьям. В частности отмечалось, что за время своего пятилетнего существования комитет собрал около 13 800 эстонских крон, из которых 6 250 крон было передано Союзу русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии; приблизительно 4 400 крон было потрачено комитетом непосредственно на инвалидов.

По всей видимости, с момента образования комитета ДРИ в Эстонии в среде русской общественности все чаще стали возникать сомнения в рациональности существования нескольких организаций с идентичными целями. Помимо комитета ДРИ и Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии помощью русским военным инвалидам занималось также благотворительное общество «Белый Крест». Поэтому Баиову пришлось давать некоторые разъяснения. В заметке «Призыв», приуроченной ко второму празднику ДРИ, Баиов подчеркивал, отличие своей организации от общества «Белый Крест», которое заключалось, в том, что названное общество «не может считаться специально инвалидной организацией», так как оно удовлетворяло нужды исключительно воинов-инвалидов бывшей Северо-Западной армии [Баиов 1927д].

В сущности во всех странах Русского Зарубежья комитеты ДРИ представляли собой подсобные организации местных союзов инвалидов. В задачи комитета входила организация раз в год Дня русского инвалида с целью привлечения дополнительных средств в кассу союза. К 1926 г. единственным таким союзом в Эстонии являлся Союз русских увечных воинов в Нарве. Комитет ДРИ в Эстонии изначально создавался как отдельная организация с центром в Таллинне и отделами по стране. Для того, чтобы избежать непосредственной зависимости и подотчетности, по инициативе Баиова в октябре того же года был открыт таллиннский отдел союза, с появлением которого существование центрального комитета ДРИ в Таллинне было формально обосновано. Однако фактически таллинские отдел союза и комитет ДРИ все-таки должны были подчиняться нарвскому центру, что, несомненно, ни Баиова, ни его окружение не могло устраивать. Поэтому в 1929 г. комитет ДРИ был зарегистрирован как самостоятельная организация [РНМЭР 2001, 106], а отчет таллиннского отдела союза о проведении ДРИ был представлен Баиовым непосредственно в Париж [Собрание русск. Инвалидов 1930]. Впрочем, из отчета ревизионной комиссии за 1930 г. следовало, что некоторые суммы комитетом все-таки были перечислены Союзу русских увечных воинов, правда скорее всего имелся в виду его таллиннский отдел [Комитет 1931; О деятельности комитета 1931]. С момента образования летом 1931 г. Союза русских военных инвалидов в Эстонии комитет ДРИ окончательно обособился и утратил связь с Союзом русских увечных воинов.

После смерти Баиова комитет ДРИ возглавил полковник А. Е. Кудрявцев, служивший до революции делопроизводителем канцелярии Александровского комитета о раненых — главного государственного инвалидного учреждения Российской империи. Среди проживавших в Эстонии бывших военнослужащих российской армии и флота А. Е. Кудрявцев был единственным специалистом, имевшим, так сказать, за плечами такого рода опыт работы в сфере организации помощи инвалидам. Поэтому более чем очевидным представляется, что и в период председательства в комитете ДРИ Баиова реально всеми делами заведовал А. Е. Кудрявцев, являвшийся его заместителем. С 1935 по 1940 гг. заместителем Кудрявцева был генерал Э. А. Верцинский, возглавлявший после смерти Баиова Союз русских военных инвалидов в Эстонии. Председателем ревизионной комиссии комитета был генерал А. О. Штубендорф, секретарем — штаб-ротмистр А. В. Ефремов, казначеем — полковник В. К. Шенк. Как видно, состав руководства свидетельствовал о том, что комитет, несомненно, представлял собой одно из подразделений РОВС'а в Эстонии и осуществлял в рамках своей деятельности работу союза, которая, к примеру, проявлялась в строгом отборе инвалидов по принципу «благонадежности» и их соответствующей идеологической обработке.

Член комитета ДРИ А. В. Ефремов на следствии рассказывал, что «при обсуждении присуждения пособия какому-либо инвалиду из солдат, главную роль для назначения этого пособия играло не его фактическое материальное положение и его инвалидность, а его «политическая благонадежность». Справки об этой благонадежности собирались А. Е. Кудрявцевым, и только в случае «благоприятных» отзывов бывшему солдату назначалось пособие. Причем каждый раз при вручении этого пособия Кудрявцев читал «облагодетельствованному» инвалиду соответствующее внушение. «Приговор» же, что такой-то <есть> большевик или «большевиствующий», лишал солдата, хотя бы он и был инвалидом, права на пособие из Комитета» [ФГАЭ 130: 11566, II, 11–12]. Даже, принимая во внимание

специфику следственного дела НКВД как источника, нет особых оснований сомневаться в том, что подобная практика существовала в комитете ДРИ.

За 10 лет своего существования комитет роздал пособий на 17 479 крон [Помогите русским инвалидам 1936], а к концу 1939 г. на его попечении находилось около 30 инвалидов Русско-турецкой, Русско-японской и Мировой войн, проживавших по всей Эстонии [«Чашка чаю» 1939]. Несомненно, что за период своего существования комитет ДРИ помог очень многим инвалидам, но также стоит учитывать и тот факт, что средства комитета, которые согласно уставу, могли быть использованы исключительно на нужды инвалидов и их семей, не всегда использовались по их целевому назначению. Например, известно, что ежегодно комитет через Б. В. Энгельгардта пересылал определенные суммы вдове генерала П. Н. Врангеля О. М. Врангель. Эта сумма обычно скрывалась в кассовой книге комитета под графой «расходы, связанные с составлением годового отчета» [ФГАЭ 130: 11566, II, 11]. Так же вопреки уставу весной 1940 г. комитетом было выделено из своих средств 30 крон на сооружение памятника на могиле А. К. Баиова [ФГАЭ 130: 11566, II, 10].

К сожалению, мы не можем воссоздать историю деятельности комитета ДРИ в Эстонии в полном объеме, так как, вероятно, весь его архив погиб безвозвратно. Часть документов, относящихся к деятельности комитета с 1926 по 1935 гг. была уничтожена А. Е. Кудрявцевым в 1940 г. из-за боязни того, что архив попадет в руки НКВД и послужит компроматом для многих членов комитета [ФГАЭ 130: 11566, II, 14–16]. Многие документы, которые могли бы пролить свет на некоторые страницы истории комитета времен председательствования Баиова погибли вместе с личным архивом А. К. Баиова во время пожара в 1944 г., возникшего в результате бомбардировки Таллинна советской авиацией [Tallinn tules 1997, 138; Исаков 2001, 12].

6.3. Союз русских военных инвалидов в Эстонии

12 июня 1931 г. был зарегистрирован Союз русских военных инвалидов в Эстонии. В уставе Союза было сказано, что его целью является «улучшение экономического и нравственного благосостояния русских военных инвалидов и их семей» [Устав СРВИЭ 1931, 3]. Для достижения поставленной цели Союзом планировалось открытие отделов по всей Эстонии, а также объединение с другими подобными учреждениями. В плане поддержки инвалидов и их семей предполагалось выплачивать пособия, пенсии, обеспечивать правовую и медицинскую помощь, а также предоставлять возможность для заработка. Планировалась организация санаториев, мастерских, общеобразовательных и специальных курсов. Считался также необходимым сбор статистических сведений об инвалидах. Союз имел свою печать, знамя и специальный нагрудный знак [Устав СРВИЭ 1931, 3–4]. Помимо осуществления благотворительных акций, в целях пополнения денежных средств взимались членские взносы [Устав СРВИЭ 1931, 7].

Учредительное собрание Союза состоялось 5 июля 1931 г. в помещении таллиннского Русского клуба, и на нем присутствовало около 60 человек.

Председателем единогласно был избран А. К. Баиов, членами правления — Э. А. Верцинский, П. А. Ваганов, Б. А. Штакельберг, Я. М. Корецкий и Ильин. На этом же заседании был открыт Ревельский отдел Союза, в правление которого вошли А. Е. Кудрявцев, С. А. Самсоновский, С. Н. Ивков, Писарев и А. А. Радивинич. Последний стал председателем отдела [Новицкий 1931].

Несомненно, что, учреждая новое объединение, А. К. Баиов и его сторонники ставили перед собой вполне определенную цель — подчинить себе деятельность организованного ранее Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, который находился под патронажем О. П. Васильковского. По своей сути Союз русских военных инвалидов в Эстонии фактически дублировал его. Отличие заключалось лишь в том, что, если прежнее объединение было рассчитано на инвалидов-эмигрантов, то в новую организацию допускались и граждане Эстонской республики. Данный шаг был продиктован самой жизнью, так как к началу 1930-х гг. число эмигрантов в Эстонии значительно уменьшилось. Многие к тому времени умерли или же покинули страну, другие приняли эстонское гражданство. Продолжать развивать свою деятельность исключительно среди неграждан было уже неактуально. Ко всему прочему, этот отличительный пункт устава нового союза, без сомнения, должен был продемонстрировать его большую открытость и демократизм, а также лишний раз показать свою лояльность по отношению к эстонскому государству.

Организаторы Союза русских военных инвалидов планировали охватить своей деятельностью всю Эстонию, о чем свидетельствует факт открытия на первом же собрании союза его филиала — таллиннского отдела. Однако и до этого большинство русских военных, проживавших в Таллинне, было на стороне А. К. Баиова, открытие нового союза существенно ничего не меняло в расстановке сил. В провинции дела обстояли иначе. Так, например, 29 ноября 1931 г. в Кютте-Йыу состоялся вечер в пользу таллиннского отдела союза, но об открытии там отдела ничего не известно [Вечер в пользу Союза 1931].

Более важной задачей представлялось открыть отдел союза в Нарве, где были сильны позиции О. П. Васильковского. Хотя предпринятая в 1930 г. попытка таллиннцев во главе с Б. В. Энгельгардтом саботировать избрание Васильковского председателем Союза русских увечных воинов-эмигрантов и провалилась, но в то же время она позволила выявить среди нарвитян ряд потенциальных сторонников. Одним из них являлся генерал В. И. Чижов, который принимал активное участие в создании и деятельности как Союза русских увечных воинов, так и Союза северо-западников, но постоянно оказывался не у дел. Именно он рьяно принялся за создание нарвского отдела Союза русских военных инвалидов.

Организационное собрание нарвского отдела союза состоялось 11 сентября 1931 г. в помещении Русского общественного собрания. Приглашения на собрание получили 30 человек, но из них пришли только четверо [Д. Г-в. 1931]. Несмотря на очевидный крах своего начинания, Чижов предпринял более энергичные шаги по сплочению единомышленников и через полтора месяца устроил новое собрание, которое оказалось более результативным.

27 октября 1931 г. в помещении общества «Святогор» состоялось второе собрание отдела. Председателем собрания единогласно был избран В. И. Чижов, секретарем — В. М. Якубов. Собравшимся были предложены следующие вопросы: 1) открытие в Нарве отдела Союза; 2) выборы членов правления отдела; 3) выборы членов ревизионной комиссии. После обсуждения собрание постановило: открыть нарвский отдел, избрать правление в составе 5 членов (3 действительных и 2

соревнователя) и ревизионную комиссию в составе 3 член-соревнователей и одного кандидата. В результате тайного голосования в правление были избраны В. И. Чижов (председатель), Д. Н. Снитко (секретарь), П. Я. Пилунов, П. А. Цур-Мюлен и Н. В. Цур-Мюлен, кандидатом — К. А. Кюн; в ревизионную комиссию — С. А. Байков, В. С. Еремеев и В. В. Чижов, заместителем — А. А. Герке [Нарвский отдел 1931].

Несмотря на то, что Чижов смог собрать необходимое для открытия отдела число членов, состав участников был все-таки невелик, поэтому создать серьезную конкуренцию Союзу русских увечных воинов отдел был не в состоянии. К тому же для простых нарвитян, из года в год жертвовавших суммы на нужды инвалидов, образование нового объединения неминуемо должно было восприниматься как явление пагубное и вредительское, превносящее лишь разлад и ненужный параллелизм в дело оказания помощи воинам-калекам. Именно по этим причинам как организационный ресурс, так и денежные сборы отдела были незначительны. В отличие от своих конкурентов, устраивавших благотворительные вечера с интересной и обширной программой при участии нарвских актеров театра, музыкантов и писателей, группа Чижова устраивала исключительно лотереи [Объявление 1931в; Благодарность 1932; Местная жизнь 1932; Лотерея инвалидов 1936].

В стремлении укрепить свои позиции нарвские сторонники Байова не упускали ни малейшего случая, чтобы дискредитировать своих соперников. Однако порой это заканчивалось конфузом, а обе противоборствующие стороны становились объектами откровенного мошенничества. Так, например, в декабре 1932 г., вероятно, Чижов опубликовал в газете заметку, в которой говорилось, что Союз северо-западников и Союз русских увечных воинов отказали в пособии инвалиду М. Гюннену, а нарвский отдел Союза военных инвалидов изыскал такую возможность [Эмигрант 1932]. В ходе развернувшейся на страницах газеты словесной перепалки стало ясно, что Гюннен, воспользовавшись отсутствием между союзами обмена информацией о выдаче денежных пособий, получил деньги с обеих сторон и скрылся [Разъяснение Союза 1932]. Видимо, этот случай послужил уроком для обеих сторон, так как уже через год при сборе средств на лечение ротмистру Б. А. Тишнеру их усилия были объединены, а в призыве о помощи В. И. Чижова указывалось, что денег, имеющихся у Союза русских увечных воинов, хватит только на две недели [Чижов 1933; Отчет 1933].

Примечательно, что нарвский отдел являлся также представителем Общества помощи бывшим русским военным служащим в Нарве, занимаясь распространением и пропагандой устава общества [Объединение военных служащих 1931], что еще раз подтверждает мысль о том, что организация и функционирование отдела представляли собой одно из проявлений раскола в среде русских военных на сторонников Байова и Васильковского.

После смерти А. К. Байова председателем Союза русских военных инвалидов в Эстонии стал Б. В. Энгельгардт [Бойков 2001а, 84]. Нарвский отдел союза, вероятно, продолжал существовать до конца 1930-х гг. и прекратил свою деятельность после переезда генерала Чижова в Кивиыли [ФГАЭ 129: 26756, 295].

6.4. Благотворительное общество «Белый крест»

Благотворительное общество «Белый крест» было основано в Таллинне на учредительном собрании, состоявшемся 18 октября 1920 г., и было первым из эмигрантских обществ в Эстонии, занимавшимся организацией помощи русским военным инвалидам. Председателем общества была избрана С. В. Келпш, ее заместителями — граф А. Н. Игнатьев и профессор И. М. Тютрюмов, в члены правления — А. А. Срезневская, Н. А. Калантарова, баронесса О. К. Гюне, Ф. И. Корсаков и С. И. Шидловский, в заместители членов правления — Н. И. Лебедева, И. П. Корсаков и С. М. Шиллинг [Деятельность комитета 1922]²⁹. Отделения общества были открыты в Нарве (представитель — Б. М. Севастьянов, затем — М. Д. Корнеев), в Тарту (представитель — Н. Н. Лавриновский, затем — В. Б. Булгарин), в Йыхви (представитель — Н. А. Майков), в Пярну (представитель — Е. М. Бенедиктович) и Вильянди (представитель — А. Э. Кряхт) [Бойков 2001, 55]. В 1924 г. В списках членов общества числилось 56 человек, причем некоторые из членов проживали за пределами Эстонии — в Польше, Германии и даже Японии [ГАЭ 1: 7: 28, 207–207об.].

Целью общества являлась помощь, в первую очередь, воинам бывшей Северо-западной армии, оказавшимся в сравнении с гражданскими беженцами в более затруднительном положении. После устройства первого благотворительного вечера, собравшего 160 тысяч марок, в пользу общества стали поступать пожертвования как от частных лиц, так и от разного рода организаций. На собранные деньги были приобретены материалы для изготовления белья. К середине марта 1921 г. членами общества на безвозмездной основе было изготовлено около 300 комплектов белья на сумму свыше 70 000 марок. В Тарту, Пярну, Йыхви, Печорах и другие места, где на лесных и торфяных заготовках работали артели северо-западников было разослано 1000 теплых фуфаяк, 903 пары теплых перчаток, 330 метров сукна, 233 пары кальсон и 88 пар сапог [И. М. 1921].

Помимо помощи нуждающимся северо-западникам одеждой, бельем и обувью, «Белый крест» также выдавал единовременные денежные пособия на лечение больных воинов в государственных и частных госпиталях, клиниках и санаториях; оплачивал пошлину за получение паспортов и виз при отъезде эмигрантов из Эстонии. Всего к 1 июля 1930 г. на выплату единовременных денежных пособий обществом было израсходовано свыше 15 000 крон [Общество «Белый крест» 1930].

Отдельным пунктом деятельности общества стало открытие в феврале 1921 г. в Тарту патроната на 15 мест для инвалидов с действующей при нем сапожной мастерской. Сапожная мастерская, в которой работали инвалиды, была также открыта обществом и в Таллинне. В планах общества было открытие патронатов для инвалидов в Хаапсалу и Таллинне, но эту идею из-за нехватки средств так и не удалось реализовать. Существенная помощь обществом «Белый крест» оказывалась инвалидному дому в Нарве. В общей сложности в период с 1920 г. по 1926 г. в инвалидных домах Тарту и Нарвы находилось 115 инвалидов [З. Л. 1926].

С 1925 г. денежная помощь стала поступать от генерала Н. Н. Юденича, на пожертвования которого с 1926 г. стал полностью содержаться патронат для

²⁹ В 1930-е гг. состав правления общества несколько изменился. В 1931 г. вместо А. Н. Игнатьева пост заместителя председателя занимал генерал-от-кавалерии Н. Ф. фон Крузенштерн, на место секретаря была избрана О. А. Цейс, казначеем состоял полковник С. А. Медер, а членами правления — О. П. Бильбасова, профессор А. Я. Поппен и доктор С. З. Цералов [Бойков 2001: 54–55]. В середине 1930-х гг. председателем общества стал А. В. Бельгард [Шор 2001: 103].

инвалидов в Тарту [З. Л. 1926]. Однако пожертвований и средств, добываемых обществом, год от года становилось недостаточно для широкой помощи нуждавшимся. К 1936 г. положение стало совсем критическим, — обществу уже с трудом удавалось содержать тартуский патронат [А. С. 1936]. В результате 7 декабря 1939 г. был подписан акт о передаче патроната Тартускому русскому благотворительному обществу [ИАЭ 2098: 1: 71, 41]. С этого момента деятельность общества «Белый крест» ограничивалась только работой таллиннского комитета [Бойков 2001, 55] и была прервана установлением советской власти в Эстонии в 1940 г., когда общество было ликвидировано в числе первых [Шор 2001: 103].

§ 7. Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии

История Союза взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии в общих чертах изложена в статьях В. А. Бойкова [Бойков 2004а, 96–108; Бойков 2004б, 149–178], однако, в целях воссоздания более общей картины деятельности этого союза необходимо дополнить имеющиеся работы по этому вопросу новыми материалами.

Итак, согласно данным В. А. Бойкова, союз начал создаваться в конце 1930 г. инициативной группой бывших северо-западников, в которую входили Б. Б. Ваббуль, Д. А. Гаврилов, П. А. Горбовский, Н. С. Дулов, С. А. Кудрявцев, Т. Г. Кутковский, П. Н. Максимов и Н. Н. Подмошенский [Бойков 2004а, 98]. На эту дату указывали в своих показаниях органам НКВД сами организаторы союза [Бойков 2004а, 105; Бойков 2004б, 156, 165]. Действительно, в русской прессе за 1930 г. сообщалось, что организационное собрание Союза взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии состоялось 21 декабря 1930 г. в помещении общества «Святогор». На этом собрании был заслушан и утвержден устав и избрано правление союза. В состав правления были избраны О. П. Васильковский (председатель), П. Н. Максимов, А. И. Иванов, П. А. Горбовский и Б. Б. Ваббуль, в заместители — Н. Н. Подмошенский и С. С. Сергеев. В ревизионную комиссию вошли К. В. Новгородский, Н. С. Дулов, Д. А. Гаврилов, в заместители был избран Н. Гордеев. Из пришедших на организационное собрание в члены союза зарегистрировалось 38 человек [Собрание 1930б].

Именно на это событие, как на основополагающий момент в истории союза, указывали на следствии самые активные его члены. Однако надо учитывать тот факт, что эти свидетельства относятся к 1940 г. и даже 1947 г., то есть по прошествии достаточно большого количества времени с момента основания союза. В данном случае мы имеем дело как с явной ошибкой памяти участников тех событий, так и с намеренным игнорированием отдельных фактов предыстории союза, так как в соответствии с данными русской периодики тех лет, одно из первых собраний по организации союза состоялось 12 декабря 1929 г. в нарвском Русском общественном собрании. На встрече предполагалось обсудить вопросы, связанные с организационными проблемами образования союза, с созданием кассы

взаимопомощи для членов союза; в планах также значилось формирование комиссии по разработке специального нагрудного значка и выборы распорядительного комитета по устройству торжественного обеда в честь открытия союза [Собрание 1929а]. Из всего комплекса вопросов, предложенных для обсуждения на собрании, на котором присутствовало около 80 человек, нам известно только о решении по одному из них, а именно: о создании комиссии по составлению устава союза, в состав которой вошли В. И. Чижов, В. М. Якубов, М. И. Ромишовский, П. Н. Максимов и А. Е. Осипов [Собрание 1929б; Объединение чинов 1929].

Следующее собрание состоялось 7 февраля 1930 г. по сравнению с декабрьским собранием пришедших было меньше, из состава комиссии по составлению устава союза присутствовали три человека из пяти, поэтому было решено отложить рассмотрение устава на 23 февраля. Собравшимся было сообщено, что в Таллинне тоже образовалась инициативная группа по созданию союза. В конце, вероятно, непродолжительного собрания организаторам нового союза был задан вопрос: не повредит ли создание нового объединения деятельности Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии? На что были получены заверения со стороны секретаря союза П. Н. Максимова, о том, что нет никаких оснований для подобного рода опасений [Вниманию бывш. Северо-западников 1930; Собрание 1930а].

Остается неизвестным, состоялось ли 23 февраля собрание союза, так как нами не обнаружено никакой информации об этом ни на страницах газет, ни в архивных материалах. По всей видимости, собрание все-таки состоялось, потому что, во-первых, о его проведении было сообщено в газете еще раз за три дня до намеченного срока [Общество помощи 1930], во-вторых, с полной уверенностью стоит предположить, что, по крайней мере, организаторы предыдущих собраний, хотя бы и в неполном составе, но должны были появиться. Вероятнее всего, собрание посчитали несостоявшимся по причине малого числа собравшихся, и дело по организации нового союза было отложено на неопределенный срок.

Таким образом, в истории союза оказался совсем не учтенным факт проведения как минимум двух организационных собраний 12 декабря 1929 г. и 7 февраля 1930 г. Отличительной чертой этих мероприятий по созданию союза было то, что из числа организаторов союза декабря 1930 г. в составе инициативной группы этого периода мы встречаем лишь фамилию П. Н. Максимова, не говоря уже о том, что главным инициатором был не О. П. Васильковский или П. А. Горбовский [Бойков 2004а, 98], а В. И. Чижов, председательствовавший на собраниях декабря 1929 – февраля 1930 гг.

Точно не ясно по каким причинам, но известно, что уже с 1927 г. между генералом В. И. Чижовым и руководством Союза русских увечных воинов-эмигрантов установились достаточно натянутые отношения. В 1927 г. В. И. Чижов сложил с себя полномочия председателя ревизионной комиссии союза, а через год вовсе вышел из союза [Чижов 1930]. Будучи, несомненно, деятельным человеком, Чижов нуждался в активном приложении своих сил и способностей, поэтому он принял самое непосредственное участие в организации нового союза. Однако энтузиазм первого собрания декабря 1929 г., вызвавшего оживленный интерес у бывших чинов Северо-Западной армии, уже к следующему собранию в феврале 1930 г. по необъяснимым причинам исчез, и инициатива В. И. Чижова осталась нереализованной. Во многом объяснение этому заключалось в том, что Чижов не обладал достаточным авторитетом среди большинства русских военных, проживавших в Нарве, а после его демонстративного выхода из Союза русских увечных воинов он и вовсе стал в их среде изгоем. Поэтому на учредительном собрании союза в декабре 1930 г., когда председателем союза был единогласно

избран О. П. Васильковский, единственный, кто высказался против был именно В. И. Чижев, заявивший, что в председатели союза следует выбирать человека, живущего в Нарве, а не со стороны [Собрание бывш. Чинов 1930]. Однако его протест был оставлен без какого-либо внимания.

После неудачных попыток зимы 1929/1930 гг., по версии организаторов союза, события развивались следующим образом. Со слов П. А. Горбовского, в 1930 г. — по нашему предположению, в начале осени, — он получил от О. П. Васильковского письмо, в котором приглашал его и С. А. Кудрявцева к себе в Таллинн для серьезного разговора. В Таллинне Васильковский сообщил прибывшим, что из Парижа от генерала П. Н. Шатилова поступило распоряжение об объединении всех бывших участников Северо-Западной армии и вообще всей русской эмиграции в Эстонии в одну организацию, «чтобы на случай интервенции против СССР у нас были готовые сформированные кадры». Со своей стороны Шатилов и Васильковский обещали финансовую помощь. После возвращения в Нарву П. А. Горбовский и С. А. Кудрявцев собрали группу, в которую входили Т. Г. Кутковский, Н. С. Дулов, Н. Д. Гужавин, Б. Б. Ваббуль, П. Н. Максимов и Н. Н. Подмошенский, и сообщили им содержание своего разговора с Васильковским. Всеми присутствовавшими на этом собрании идея создания организации была одобрена, и они приступили к работе по регистрации союза и агитации новых членов [ФГАЭ 130: 6122, 32–33].

При посредничестве помощника нотариуса Трейнберга Горбовским было составлено прошение о разрешении на организацию союза, отправленное в министерство внутренних дел, но в скором времени прошение было возвращено обратно с требованием приложить к прошению устав союза. Для составления устава была создана специальная комиссия, в которую вошли Т. Г. Кутковский, С. С. Сергеев и А. И. Иванов [ФГАЭ 130: 6122, 33]. В министерстве устав был одобрен, и 15 ноября 1930 г. по решению министра юстиции и внутренних дел «Союз взаимного вспомоществования лиц, принимавших участие в бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии» был внесен в регистр союзов и обществ [Союз 1931, 23]. В числе учредителей союза значились имена П. А. Горбовского, С. А. Кудрявцева, Т. Г. Кутковского, Н. С. Дулова, С. С. Сергеева, П. Н. Максимова и Н. Н. Подмошенского [Союз 1931, 21]. По уставу союза, его действительными членами могли быть все участники Северо-Западной армии всех национальностей и любого подданства, а также все русские эмигранты. В члены-соревнователи могли быть приняты все лица, не состоявшие в Северо-Западной армии и неэмигранты, уплатившие сумму в размере от пяти до десяти крон, или лица, оказавшие определенные услуги союзу [Союз 1931, 2].

Далее, как уже говорилось выше, 21 декабря 1930 г. в Нарве состоялось организационное собрание, на котором был оглашен и одобрен устав и избрано правление союза во главе с О. П. Васильковским [Собрание бывш. Чинов 1930]. Таким образом, союз официально начал свою деятельность.

В этой истории организации союза есть весьма интересные моменты, на которые никто из исследователей до сих пор не обратил внимание. Прежде всего, достаточно странным может показаться то, что директива по организации союза поступила от генерала П. Н. Шатилова, хотя теперь мы уже знаем, что первая инициатива по созданию союза исходила от местных северо-западников, которые еще в конце 1929 г. предприняли ряд действий для объединения. Более понятным и поддающимся логическому объяснению было если бы указание об организации союза поступило от генерала А. А. фон Лампе, являвшегося начальником 2-го отдела РОВС'а, в чью юрисдикцию входила Эстония. Однако участие Шатилова в создании

союза может показаться странным только на первый взгляд, при более детальном рассмотрении, как нам кажется, оно как раз может пролить свет на многие темные места в истории союза.

Как известно, в начале 1930 г. произошла смена руководства РОВС'а. 26 января 1930 г. глава РОВС'а А. П. Кутепов был похищен в Париже агентами советской разведки и погиб. Новым председателем союза был назначен генерал Е. К. Миллер, реальная же оперативная работа союза была сосредоточена в руках генералов Ф. Ф. Абрамова, П. Н. Шатилова и адмирала М. А. Кедрова [Шкаренков 1986, 159]. Со сменой руководства РОВС'а произошли и кардинальные перемены в выборе сотрудников. Известно, что А. П. Кутепов с момента освобождения его от должности помощника генерала П. Н. Врангеля в 1924 г. и отбытием в распоряжение великого князя Николая Николаевича, стал постепенно интриговать против своего бывшего соратника и начальника, проводя непоследовательную и не отличающуюся особенной ясностью линию великого князя. История же с «Трестом», в которой Кутепов по крайней неосмотрительности и доверчивости имел несчастье принимать самое непосредственное участие, окончательно вбила клин между ним и группой Врангеля, в которую входил его близкий друг П. Н. Шатилов³⁰.

План создания Врангелем и Шатиловым альтернативной по отношению к группе Кутепова конспиративной организации для подрывной деятельности в СССР относится еще к середине 1927 г. По мнению Шатилова, «работа в России должна начинаться с самого начала» при обязательном отходе от нее «тех лиц и органов», коим она раньше поручалась». Эстонии в этих планах отводилась одна из ведущих ролей [Бортневский 1996, 66–67]. Однако ничему из задуманного в то время не суждено было осуществиться.

Можно предположить, что при организации нового союза его инициаторы в Эстонии стремились заручиться поддержкой со стороны высшего военного руководства в эмиграции. Неизвестно, было ли руководство РОВС'а проинформировано об организации союза северо-западников сразу после проведения первого собрания в декабре 1929 г. Опять же можно предположить, что такая информация в Париже имела, так как, наверное, северо-западники из Эстонии оповестили о своих намерениях своих бывших соратников, которые к тому времени уже имели свое объединение в Париже во главе с полковником Ю. В. Бушеном [Зирин 2004, 115]. В свою очередь Союз северо-западников во Франции входил в 1-й отдел РОВС'а — начальником которого, кстати, был П. Н. Шатилов, — поэтому руководство последнего вполне могло быть в курсе событий.

Не вызывает сомнений то факт, что если бы союз северо-западников был организован по указанию Кутепова, то сценарий дальнейшего развития событий, вряд ли, мог устроить многих как среди организаторов союза в Эстонии, так и в Париже, поскольку Кутепов, без сомнения, поручил бы курирование работой союза начальнику РОВС'а в Эстонии генералу А. К. Баиову и его группе, с которыми Кутепов был связан непосредственно по разведывательной работе, а с Б. В. Энгельгардтом даже встречался лично в Риге в 1927 г. [Исаков 2005, 210].

Ситуация изменилась после исчезновения Кутепова и смены руководства РОВС'а. Трудно сказать, кто первым проявил инициативу — Шатилов или Васильковский, но, так или иначе, Шатилов воспользовался ситуацией и вновь вернулся к своему плану создания конспиративной организации для борьбы с СССР.

³⁰ О весьма непростых и запутанных отношениях между руководителями РОВС'а см.: Бортневский 1996, 9–86.

Как отмечалось выше, Шатилов предполагал создание такой организации, так сказать, с чистого листа, то есть без привлечения к сотрудничеству тех лиц, которые до этого были привлечены к работе в организации А. П. Кутепова, а такими были А. К. Баиов и его окружение. Поэтому Шатилов, несомненно, зная о ссоре и конфронтации между А. К. Баиовым и О. П. Васильковским, сделал ставку на последнего. В пользу кандидатуры Васильковского говорило и то, что с 1930 г. его авторитет и влияние среди русских военных в Эстонии значительно выросли после его избрания в мае председателем Союза русских увечных воинов [Собрание русск. Инвалидов 1930].

В свете всего сказанного становится ясным, что указание Шатилова об организации союза ни коим образом не являлось директивой РОВС'а, а носило характер личной инициативы. Именно поэтому союз северо-западников в Эстонии вплоть до момента его закрытия не входил в РОВС [ФГАЭ 129: 28966, 59].

Свою благотворительную деятельность союз начал уже в начале 1931 г. с проведения вечера, в программе которого была постановка пьесы Л. Иванова «Из любви к искусству» и исполнение музыкальных произведений С. В. Рахманинова, А. Т. Гречанинова, П. И. Чайковского и А. П. Бородина [На вечере 1931]. Однако в силу ряда причин деятельность союза, связанная со сбором средств на благотворительные нужды, широкого распространения не получила. К примеру, в 1931 г., кроме упомянутой благотворительной акции, союзом была организована и проведена только одна лотерея [Объявление 1931д].

Во-первых, одна из причин заключалась в том, что, несмотря на прописанные в уставе исключительно благотворительные цели союза, его руководство ставило перед собой совсем иные задачи. Со слов П. Н. Максимова, союз «должен был объединить всю русскую эмиграцию в Эстонии, созвать всеэмигрантский съезд, который должен был избрать управляющий орган, т. Е. Правление, опирающееся на всю военную и невоенную эмиграцию, и которое, в свою очередь, заменит комитет эмигрантов, до этого времени представляющий в Эстонии эмиграцию». После этого планировалось начать деятельность по подготовке к интервенции в СССР [ФГАЭ 129: 26756, 185]. Во-вторых, в 1931 г. после шумного скандала и раскола в Союзе русских увечных воинов, повлекших за собой образование новых организаций под руководством А. К. Баиова (Союз русских военных инвалидов в Эстонии и Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии), делу благотворительности русских военных организаций в Эстонии был нанесен огромный ущерб, выразившийся прежде всего в потере определенного доверия среди постоянных жертвователей и меценатов.

Так или иначе, союзу в дальнейшем при устройстве благотворительных вечеров приходилось делать программу более разнообразной и привлекательной. Так, например, 16 апреля 1932 г. программа тематического концерта-бала «Вечер воспоминаний о России» включала в себя не только выступление нарвских артистов, но и И. Северянина [Вечер воспоминаний 1932]. В 1933 г. таллиннский отдел союза зазывал на свой вечер, приуроченный к масленице, бесплатными блинами и водкой [Объявление 1933а].

Основная же цель союза, как уже отмечалось выше, заключалась в установлении своего влияния на всю русскую эмиграцию в Эстонии. Для решения этой задачи требовалось открытие своих филиалов во всех городах и крупных населенных пунктах, где проживало русское население. Поэтому в начале 1932 г. в Таллинн и Тарту союзом были откомандированы его члены с целью открытия в этих городах отделений союза. В Таллинне первое время функции отдела союза, вероятно,

выполняло таллинское отделение Союза русских увечных воинов под руководством В. С. Афанасьева. Однако, ввиду недовольства его руководством, было решено обратиться с предложением возглавить отделение к полковнику Р. В. Садовскому. С таким заданием к нему были отправлены П. А. Горбовский и С. А. Кудрявцев, но их миссия потерпела неудачу, так как Садовский отказался. Только после непосредственного обращения к нему с аналогичным предложением О. П. Васильковского, Садовский согласился возглавить филиал союза в Таллинне [ФГАЭ 129: 26759, 123], и в начале мая 1932 г. таллинский отдел союза под руководством Садовского начал свою деятельность [Ревельский день 1932]. В правление отдела также вошли Г. Р. Ребане (секретарь), А. И. Чернов и В. С. Афанасьев [ФГАЭ 130: 6122, 33].

Надо полагать, что недовольство по поводу руководства В. С. Афанасьевым таллинским отделом союза было не единственной причиной, почему состоялась его замена Р. В. Садовским. Еще одной из возможных причин, скорее всего, являлось то, что руководство союза, передавая управление таллинским отделом Садовскому, надеялось тем самым перетянуть на свою сторону некоторое число сторонников А. К. Баиова, входивших в состав его объединений, ведь сам Садовский, хотя и не являлся активным членом Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, но все-таки как полковник и бывший командир Ревельского полка Северо-Западной армии имел определенный вес и значение в обществе.

С заданием по организации еще одного отдела в Тарту был командирован Н. Д. Гужавин [ФГАЭ 130: 6122, 33], и вслед за таллинским отделом тартуский отдел союза был открыт в середине мая того же года [Юрьевская хроника 1932]. Его сначала возглавлял Молоненков, а затем А. Г. Десп [ФГАЭ 129: 26756, 313–314]. Кроме них в правление отдела входили Сперанский (секретарь) и А. А. Белоусов [ФГАЭ 129: 26756, 314; 130: 6122, 33]. Таким образом, география деятельности союза быстро расширялась, а число членов увеличивалось. В июле 1932 г. число членов союза уже доходило до 300 человек, и правление союза намеревалось открыть отделения в Печорах, Кивиыли, Азери и других местах. По достигнутой договоренности, в Нарве члены союза могли обращаться за юридической помощью к присяжному поверенному С. Д. Кленскому, за медицинской — к доктору А. И. Круглову. Наиболее нуждающиеся получали помощь бесплатно [В Союзе 1932]. К осени того же года новые отделы союза были открыты в Печорах и Пярну [Необходимо помочь 1932]. В Печорах председателем отдела был К. Д. Мерказин [Бойков 2004а, 101], а в Пярну — В. К. Видякин [ФГАЭ 129: 26756, 314; Бойков 2004а, 101]. В 1931 г. подотдел союза был также организован Ф. А. Дмитриевым в Турба [Бойков 2004а, 101].

12 марта 1933 г. в Нарве состоялось годовое собрание союза, на котором присутствовало 62 члена, в том числе представители таллиннского и тартуского отделов: от тартуского отдела на собрание прибыл его председатель Молоненков, от таллиннского отдела — председатель отдела Р. В. Садовский и А. В. Чернявский. На момент проведения собрания в союзе насчитывалось только в трех отделах 369 членов: 146 — в Нарве, 148 — в Таллинне и 75 — в Тарту [Годовое собрание Союза 1933]. Таким образом, собрание носило особый представительный характер и знаменовало собой определенный этап в истории союза, опыт первого подведения итогов.

Из финансового отчета за 1932 г. следовало, что приход союза за год составил только 509 крон 86 центов, расход — 396 крон 04 цента, ссуд было выдано на сумму 188 крон 50 центов, безвозвратных пособий — на 161 крон 60 центов; на 1 января

1933 г. остаток в кассе союза составлял 30 крон 41 цент [Общее собрание 1933]. Вывод, который можно сделать на основе этого отчета, заключается в том, что суммы, которыми оперировал союз в течении года, были ничтожно малыми, и в сравнении, например, со средним годовым оборотом Союза русских увечных воинов были в десять раз меньше.

На собрании было решено дополнить устав союза двумя параграфами о специальных значках союза и о праве открытия клуба и буфета с крепкими напитками. Разработка рисунка значка была поручена художнику-архитектору Н. В. Шевелеву [Общее собрание 1933; В Союзе 1933а]. Далее правлением союза было высказано недовольство деятельностью Комитета эмигрантов в Эстонии, поэтому большой интерес вызвал вопрос о необходимости созыва всеэстонского съезда русских эмигрантов для обсуждения проблем трудового и правового положения русских эмигрантов. Вопрос о созыве съезда всеми присутствующими был решен положительно, и для работы по его подготовке была избрана особая комиссия, в которую вошли Епифанов, А. И. Иванов, П. Н. Максимов, Л. Г. Захаров, П. И. Косов, Иванов-Борский, А. П. Бахмутский и С. Ф. Смирнов. По инициативе таллиннского отдела этой же комиссии была поручена разработка плана создания всеэстонского делового объединения русских эмигрантов, в состав которого вошли бы члены союза [Годовое собрание Союза 1933; Общее собрание 1933; Съезд 1933].

В конце собрания состоялись пере выборы правления и ревизионной комиссии союза. В состав нового правления вошли О. П. Васильковский (председатель), П. А. Горбовский (секретарь), Б. Б. Ваббуль, Н. Д. Гужавин, П. Е. Брюнин; заместители — Д. А. Гаврилов и С. Ф. Смирнов. В ревизионную комиссию были избраны А. В. Воинов, К. В. Новгородский и А. И. Иванов [Годовое собрание Союза 1933].

Решение собрания о создании альтернативной по отношению к Комитету эмигрантов организации почти сразу же после проведения собрания стало постепенно реализовываться. В конце марта безработные эмигранты через союз обратились в нарвское городское управление с прошением о разрешении организации артели. При союзе также предполагалось открыть курсы кройки и шитья для безработных женщин-эмигранток [Рабочая артель 1933]. В мае состоялось заседание специальной комиссии союза по организации съезда русских эмигрантов в Эстонии, на котором было решено собрать весь фактический материал о расселении русских эмигрантов в Эстонии, и установить с ними постоянную связь [В Союзе 1933б].

7 января 1934 г. состоялось собрание тартуского отделения союза, на котором присутствовало 70 человек. Темой обсуждения был только один вопрос: стоит ли союзу присоединяться в предвыборной кампании к движению участников Освободительной войны? Прения по этому вопросу были настолько оживленными, что председателю собрания А. Фадееву с трудом удалось успокоить собравшихся. Многие высказывались против присоединения, мотивируя это тем, что союз по уставу стоит вне политики. В конце концов было решено выбрать двух уполномоченных для выяснения условий возможности такого присоединения, а также его возможных результатов. После выяснения этих обстоятельств планировалось созвать общее собрание, которое и примет по этому вопросу окончательное решение [М. С. 1934]. Вероятно, этому же вопросу было посвящено общее чрезвычайное собрание таллиннского отдела, состоявшееся 18 февраля 1934 г. [Объявление 1934]. Однако после событий 12 марта 1934 г. эта проблема, конечно же, перестала быть актуальной.

Годовое собрание союза, состоявшееся 25 февраля 1934 г. в Нарве, собрало более 50-ти человек. От таллиннского отдела присутствовал А. И. Чернов, выступивший с докладом о деятельности отдела. Из доклада центрального правления следовало, что всего в союзе к текущему моменту состояло около 540 членов, из них 220 человек проживало в Нарве, столько же в Таллинне и 100 — в Тарту. В финансовом отчете опять были отражены весьма незначительные суммы: от проведения лотерей и благотворительных вечеров в 1933 г. в кассу союза поступило 293 кроны 57 центов; сумма вступительных взносов составила 22 кроны 75 центов, членских — 68 крон, пожертвований — 47 крон 75 центов. После недолгого обсуждения было решено вопрос о дополнениях к уставу, касающихся значка союза и права на открытие заведения с крепкими напитками, из-за отсутствия средств временно отложить. После перевыборов правления его состав выглядел следующим образом: О. П. Васильковский (председатель), П. А. Горбовский (секретарь), Н. Д. Гужавин, С. А. Кудрявцев, Н. С. Дулов; заместители — С. Ф. Смирнов и А. В. Воинов. В ревизионную комиссию были избраны К. В. Новгородский, А. И. Иванов, А. П. Бахмутский и заместитель — П. И. Косов [В Союзе 1934].

В общем по своему содержанию собрание союза было достаточно традиционным. Особенностью этого собрания было то, что на нем присутствовал генерал Н. В. Скоблин, приехавший в Нарву вместе со своей женой, известной певицей Н. В. Плевицкой и генералом О. П. Васильковским. Решением правления Скоблин с супругой, а также генералы А. А. фон Лампе и П. Н. Шатилов, были приняты в число почетных членов союза, что, скорее всего, означало, что с их стороны были сделаны значительные пожертвования в пользу союза [В Союзе 1934]. После собрания Н. В. Скоблин провел совещание с членами правления союза [Бойков 2004а, 102]. О чем шла речь на этом совещании нам не известно, но то, что после этого посещения союза Скоблиным, завербованным большевиками еще в 1930 г. [Волков 2003а, 524], органы советской разведки были очень хорошо проинформированы о всех сторонах деятельности союза, сомнений не вызывает.

Визит Н. В. Скоблина в Эстонию сыграл роковую роль в истории союза еще и потому, что после общения со Скоблиным в мировоззрении О. П. Васильковского произошли невероятные перемены. Во время посещения Васильковским Франции в том же году, он встретился с руководством РОВС'а в лице генералов Е. К. Миллера и П. Н. Шатилова, и предложил им признать СССР и отказаться от дальнейшей борьбы с ним. Осторожный и предусмотрительный Шатилов уклонился от прямого ответа, но, несомненно, посчитал выходку Васильковского откровенной провокацией. После возвращения из Франции Васильковский обратился с тем же предложением к Б. В. Энгельгардту, Р. В. Садовскому, В. К. Видякину и А. В. Чернявскому. Стоит ли удивляться, что все упомянутые лица категорически не приняли такого рода предложение, и на следующий день в письменной форме выразили свое осуждение Васильковского [ФГАЭ 129: 28966, 59].

Последствия поступка Васильковского проявились уже на следующем общем собрании союза, состоявшемся в Нарве 3 марта 1935 г. Собрание было весьма многолюдным: присутствовало 84 человека, в том числе представители отделов из Таллинна (Р. В. Садовский, В. В. Стрекопытов, Г. Р. Ребане) и Тарту. Согласно отчету правления, в списках союза состояло около 700 членов: 245 — в Нарве, 313 — в Таллинне и 120 — в Тарту. В 1934 г. наиболее нуждавшимся членам (12 человек) союзом было выдано белье, верхняя одежда и обувь, а к большим праздникам — мука и сахар.

После доклада правления слово взял представитель таллиннского отдела В. В. Стрекопытов и заявил, что этот доклад носит чисто «нарвский характер» и совершенно не касается деятельности отделов. На что Н. Н. Подмошенский, А. И. Иванов и П. А. Горбовский дружно ответили, что отделы сами не нашли нужным представить свои доклады. В. В. Чижов, Г. Панов и Г. Р. Ребане поддержали Стрекопытова, а Р. В. Садовский выступил с критикой всего доклада в целом. Секретарь таллиннского отдела Г. Р. Ребане выступил с докладом о деятельности своего отдела, в котором говорилось, что с 17 июня 1934 г. по 1 марта 1935 г. отделом выдано ссуд 22 членам (352 кроны) и пособий — 47 членам (258 кроны 75 центов). На данный момент на счету отдела оставалось 392 кроны 40 центов. Членские взносы сдало 106 членов отдела.

Далее собрание перешло к обсуждению сметы на 1935 г. Слово взял опять В. В. Стрекопытов, обвинив центральное правление союза в том, что оно не считается с интересами отделов. Из-за резкости тона его выступления он был лишен голоса. Однако это не остановило остальных представителей таллиннского отдела, которые в своих выступлениях стали резко критиковать деятельность правления и настаивали, чтобы при выборах нового правления два места были бы предоставлены таллиннскому отделу, два — нарвскому и одно — тартускому. Это предложение подавляющим большинством голосов было отклонено. П. А. Горбовский предложил устраивать заседания центрального правления союза с участием по одному представителю от всех отделов, наделенных правом голоса. На это предложение делегаты от таллиннского и тартуского отделов ответили отказом, после чего таллиннцы демонстративно покинули собрание. Несмотря на их отсутствие, перевыборы правления состоялись и его состав существенно не отличался от предыдущего: О. П. Васильковский (председатель), П. А. Горбовский (секретарь), С. А. Кудрявцев, Н. С. Дулов, Н. Д. Гужавин и заместители — С. Ф. Смирнов и Н. Н. Подмошенский; в ревизионную комиссию вошли А. П. Бахмутский, А. И. Иванов, К. В. Новгородский и заместитель — П. И. Косов [Собрание членов Союза 1935; Собрание бывших участников 1935; Письмо в редакцию 1935].

Через некоторое время таллиннцы высказали протест по поводу нахождения центрального правления в Нарве, а не в Таллинне, где, по их мнению, члены союза «чином выше». В результате ими было выдвинуто предложение об отделении от нарвского центра и создании собственной организации. С этим предложением они обратились к тартускому отделу, члены которого в начале апреля созвали экстренное собрание и решили отклонить инициативу таллиннцев. В целях единства союза тартусцы посчитали целесообразным продолжить работу в контакте с центром [В Союзе 1935].

Впрочем и среди таллиннцев не наблюдалось единства. К концу года северо-западники, проживавшие в пригороде Таллинна Нымме, отделились от таллиннцев и открыли свой отдел. В результате из таллиннского отдела в ныммеский перешло 38 человек, а число членов первого в общем сократилось с 350 человек до 220 [Пока 1936]. Уже первые благотворительные акции отдела имели большой успех у публики [Таллиннский день 1935], и руководство отдела стало ставить перед собой все более серьезные задачи. Так, на очередном заседании было решено учредить при отделении биржу труда для безработных эмигрантов, создать особую комиссию по сбору теплой одежды и топлива для неимущих эмигрантов и их семей, просить городское управление выделить за счет отдела союза наиболее бедным эмигрантам несколько платных мест в городском ночлежном доме [Помощь эмигрантам 1935].

Не желая участвовать в каких-либо интригах и расколах, ныммеский отдел выступал за сохранение единства в союзе и поддерживал нарвский центр. Поэтому на торжества по случаю пятилетнего юбилея союза, который праздновался 16 ноября 1935 г. в Нарве, из Таллинна, кроме О. П. Васильковского, приехали только представители ныммеского отдела А. В. Чернявский, И. К. Антонов, М. А. Есенов и Г. Г. Шотнев [5-летие Союза 1935].

1936 г. в истории союза ознаменовался как определенными успехами в его деятельности, так и усилением действия центробежных сил внутри союза. С одной стороны в состав союза вошли еще два подотдела в Хаапсалу и Кивиыли, и общее число членов составляло уже свыше тысячи человек [Беседа 1936а]. Союз намеревался приобрести в окрестностях Нарвы дом, который служил бы убежищем для престарелых и больных эмигрантов. Для осуществления этой цели планировалось устроить денежный сбор в Эстонии и за рубежом. В 1936 г. было решено приобрести земельный участок, где эмигранты могли бы заняться огородничеством [Нарвская хроника 1936]. С другой стороны глубокий кризис и раскол в таллиннском отделе союза принимал все более угрожающие формы, и, хотя установившееся с середины 1920-х годов противостояние между сторонниками О. П. Васильковского и А. К. Баиова формально уже было лишено первоначального содержания по причине смерти последнего, все-таки ряд принципиальных расхождений по тем или иным вопросам оставался до сих пор актуальным, в первую очередь, конечно же, для определенного числа лиц из бывшего окружения генерала Баиова. Основные же их претензии заключались, во-первых, в принципиальном неприятии кандидатуры Васильковского, во-вторых, в том, что они по-прежнему продолжали претендовать на руководящую роль как среди всех русских военных в Эстонии в целом, так и в Союзе северо-западников в частности.

Впрочем, повторимся еще раз, после смерти Баиова для некоторых из его бывших сторонников многолетнее противостояние двух лагерей потеряло всякий смысл. Усталость от бесконечных склок и раздоров, осознание безрезультативности и вреда для общего дела какого-либо противоборства любого рода группировок привело многих к мысли об общем единении всех бывших русских военных на основе взаимопомощи. Первым проявлением этой тенденции стало обособление ныммеского отдела Союза северо-западников, вставшего на позиции активного сотрудничества с нарвским центром. Однако и в самом таллиннском отделе к началу 1936 г. не наблюдалось прежнего единства, а общая риторика отдела утратила былую категоричность. Так, на общем собрании таллиннского отдела, состоявшемся 1 марта 1936 г., уже не поднимался вопрос об отделении от союза. Хотя на собрании и прозвучало много резких реплик в адрес Васильковского и нарвского правления союза, общая озабоченность была сконцентрирована на весьма плачевном состоянии самого отдела. Согласно отчету правления отдела, с осени 1935 г. после образования ныммеского отдела дела таллиннского отдела резко ухудшились: число членов с 350 человек сократилось до 220; увеличилось число злостных неплательщиков членских взносов, в результате чего общим собранием было решено исключить из списков отдела 66 человек; суммы пожертвований резко уменьшились, а некоторые жертвователи вообще отказались предоставлять какую-либо материальную помощь, так как не могли понять какому отделу ее оказывать. Вообще в докладе констатировалось пассивное отношение членов к работе союза, поэтому было даже решено организовать специальную комиссию «по оживлению деятельности отдела» [Пока 1936].

В общем после этого собрания как у присутствовавших на нем представителей нарвского центра П. А. Горбовского и С. А. Кудрявцева, так и у сторонних наблюдателей, могло сложиться впечатление, что появилась надежда на урегулирование создавшегося кризиса, и, что всего лишь несколько человек вносят в дела союза разлад. Выявить этих возмутителей спокойствия и исключить их из рядов союза предполагалось на годовом общем собрании союза в Нарве, намеченном на 26 апреля [Quidam 1936].

Однако этому плану не суждено было сбыться, так как 25 апреля, за день до намеченного срока проведения собрания, префект города Нарвы издал распоряжение о запрете по его проведению. Запрет был продиктован тем, что у властей якобы имелись сведения о том, что группа лиц готовила выступления, которые могли окончиться столкновениями. После этого правлением союза было решено в ближайшее время собрать экстренное собрание правления с целью выяснения дальнейшей судьбы Союза северо-западников [-ь. 1936]. Но ни в ближайшее время, ни спустя несколько месяцев, собрание не состоялось, лишь 14 сентября через газету «Старый нарвский листок» правление уведомило своих членов о том, что собрание решено было провести 20 сентября. На повестку дня были вынесены следующие вопросы: 1) доклад председателя союза о деятельности центрального правления и о предполагаемом закрытии таллиннского и тартуского отделов; 2) доклад ревизионной комиссии; 3) доклад центрального правления о вредной деятельности некоторых бывших членов союза; 4) доклад центрального правления о дополнениях и изменениях к уставу союза; 5) вопрос об открытии таллинско-ныммеского отдела; 6) выборы правления; 7) смета на текущий год и так далее [Общее собрание 1936].

Но и на этот раз союз ожидала неудача, так как в тот же день, 14 сентября, постановлением министра внутренних дел союз был вообще закрыт, о чем его председатель О. П. Васильковский получил официальное извещение [Закрыт Союз 1936а]. Ходили слухи, что причиной закрытия союза были жалобы некоторых членов таллиннского отдела властям на незаконные действия центрального правления [Закрыт Союз 1936б]. На наш взгляд, правдоподобность такого рода слухов была вполне вероятна.

Таким образом, Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии прекратил свое существование. Исключение составил лишь ныммеский отдел союза, который каким-то чудесным образом, по свидетельству одного из его членов Д. С. Дольского, продолжил свою деятельность [Бойков 2004а, 103].

§ 8. Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии

Общество было зарегистрировано 24 августа 1931 г. [Устав ОПБРВЭ 1931, 1]. Учредительное собрание нового объединения состоялось 18 октября того же года в помещении таллиннского Русского клуба. Собравшимся был прочитан устав общества, который после оглашения был подписан 44 лицами, принявшими его содержание. После проведения голосования был сформирован состав правления. Подавляющим большинством голосов в председатели общества был избран А. К. Байов, а в члены правления — А. Е. Вандам, А. О. Штубендорф, Я. М.

Корецкий (казначей), Ф. А. Гизетти (секретарь). В состав ревизионной комиссии были избраны Э. А. Верцинский, К. Г. Бадендик и Н. К. Эссен. При обществе также был образован суд чести, в котором состояли генералы Н. Ф. Крузенштерн, В. Л. Драке, Э. А. Верцинский, А. Е. Вандам и А. О. Штубендорф [Общество взаимопомощи 1931; Объявление 1932д]. В декабре 1931 г. филиал общества был открыт в Нарве, его возглавил генерал В. И. Чижов [Объединение военнослужащих 1931]. О существовании отделов общества в других городах Эстонии нам ничего не известно.

Как уже отмечалось, создание общества было результатом конфронтации между двумя группировками русских военных в Эстонии. Факт открытия нового общества позволял сторонникам А. К. Баиова окончательно обособиться от организаций, возглавлявшихся О. П. Васильковским. В частности Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии было создано в противовес Союзу взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии, который в повседневном общении тогда называли Союзом северо-западников. Этот союз, начавший официально свою деятельность в 1930 г., ставил перед собой весьма амбициозные и масштабные цели по объединению всей русской эмиграции в Эстонии [ФГАЭ 129: 26756, 185]. Общество, созданное по инициативе А. К. Баиова, такого рода задач не имело, так как предполагало объединение лишь русских военных, к тому же преимущественно из офицерской среды. Однако в отличие от Союза северо-западников общество привлекало в свои ряды всех бывших военнослужащих русской армии любой национальности и гражданства [Устав ОПБРВЭ 1931, 1].

В уставе общества подчеркивалась его аполитичность, однако, главные его члены в дальнейшем на следствии показывали, что именно эта организация являлась в 1930-е гг. официальным прикрытием деятельности РОВС'а в Эстонии. Это на следствии подтверждал секретарь общества Ф. А. Гизетти: «Помимо устава, который предусматривал только благотворительные цели, генерал Баиов на первом же заседании членов общества внес предложение о проведении лекций и докладов, <...> а также предложил для поднятия боевого духа русского офицерства, ознакамливает его с инструкциями и сводками РОВС'а, получаемыми Баиовым из Парижа. Предложение Баиова большинством присутствовавших было принято, в то время, как другие отнеслись к этому без возражений» [ФГАЭ 129: 25418, 37].

То, что в первую очередь в цели общества входило объединение русских военных в Эстонии, доказывает и тот факт, что внешняя сторона деятельности общества ограничивалась проведением собраний и чаепитий, а о проведении каких-либо благотворительных акций по сбору средств для помощи нуждавшимся военным нам ничего не известно. Вероятно, формально благотворительная деятельность общества осуществлялась исключительно за счет членских взносов.

Собрания общества устраивались один раз в два месяца (хотя первоначально планировалось раз в месяц) в помещении таллиннского Русского клуба. Обычно на собраниях присутствовало 15–20 человек [ФГАЭ 129: 25418, 34–35]. Известно, например, что А. К. Баиовым и Б. В. Энгельгардтом были прочитаны лекции: Баиов выступил с лекцией о современном состоянии Красной армии, а Энгельгардт — о борьбе Красной и Белой армий на Кавказе [ФГАЭ 130: 1663, 22 об.]. В остальном собрания посвящались чтению и обсуждению сводок и циркуляров РОВС'а [ФГАЭ 129: 28198, 85]. В рамках деятельности РОВС'а обществом были организованы курсы начального военного образования для молодежи. Преподавателями были И. Н.

Иванов и Е. А. Быков, а в числе слушателей — братья С. В. и В. В. Заркевичи, братья В. Е. и Б. Е. Виноградовы, С. А. Ходоровский и другие [ФГАЭ 129: 25 373, 84–85].

Всего в обществе состояло около 70 человек [ФГАЭ 130: 11 566, I, 73 об.]. В их число входили А. К. Баиов, Э. А. Верцинский, А. О. Штубендорф, С. А. Медер, Р. В. Садовский, А. Е. Кудрявцев, Н. Н. Голицинский, К. Г. Бадендик, Б. В. Энгельгардт, Ф. А. Гизетти, Л. Н. Соколов, А. К. Веймарн, Г. К. Веймарн, М. Д. Ананьев, М. А. Александров, поручик Крюков, В. К. Шенк, Н. К. Эссен, В. К. Васильев, С. З. Цералов, С. В. и В. В. Заркевичи, Р. К. Наперстков, С. Н. Ивков, В. Г. Елисеев, В. К. Видякин, К. А. Вейс, подполковник Бреверн, А. В. Руммель, Б. А. Штакельберг, И. Чернов, А. В. Ефремов, В. Ф. Шлепков, П. Бистерфельдт, Е. Н. Гаусман, Р. А. Раудсепп, А. П. Мальгин, Голубев, В. Г. Елисеев, К. М. Носов, Н. Ф. Крузенштерн, Ю. Зейдлиц, И. Х. Миквиц, В. В. Нотбек, Е. А. Быков, И. Хомяков, И. Н. Иванов, ротмистр Ольшанский, В. Г. Потоцкий, А. А. Радвинович, Г. Й. Узембло и другие. [ФГАЭ 129: 26759, 162–168].

После смерти Баиова руководителем общества стал Э. А. Верцинский. Общество было закрыто эстонскими властями еще до официального установления в Эстонии советской власти [ФГАЭ 130: 11 566, I, 105].

§ 9. Объединения бывших русских моряков

Из числа бывших военных российской императорской армии и флота в Эстонии значительную часть составляли морские офицеры, врачи и чины морского ведомства. Для некоторых по рождению, а для других по факту их службы на Балтийском флоте, Эстония стала родным краем еще до революции. Во время Гражданской войны многие из них вступили в ряды Северо-Западной армии, некоторые были привлечены на службу в эстонском флоте.

В разоренной войнами стране, которая к тому же впервые за свою историю устраивала свою жизнь как независимое государство, первоочередной задачей для всего населения республики являлось налаживание своего экономического положения, добывание средств к существованию. По причине малочисленности состава военно-морской базы военный флот Эстонии не нуждался в большом количестве моряков, тем более неэстонской национальности. Из моряков-неэстонцев, состоявших на эстонской службе по военному ведомству, нам известны немногие имена: В. А. Мунк, Э. Блумбах, Г. Э. Зальца, А. Н. Малевич, И. И. Голенищев-Кутузов. Впрочем, было бы ошибочным утверждать, что специалисты по морскому делу были мало востребованы в Эстонии. Если ВМС Эстонии не испытывала потребности в большом числе специалистов-инородцев, то торговый флот в них нуждался. Согласно закону, инженеры-механики и бывшие морские офицеры при ходатайстве могли получить диплом капитана коммерческого судна [Хроника 1921а]. Известно, что капитанами и штурманами дальнего плавания на эстонских парусных судах работали, например, лейтенанты российского флота С. И. Волков, К. И. Фон Нотбек, Б. И. Смирнов и мичман И. Ф. Викман [ГАЭ 1: 7: 28, 238 об.]. Находили себе применение и специалисты по технической части, и врачи.

Однако некоторым и в особенности старым морякам приходилось изыскивать иные возможности для заработка, что по причине преклонного возраста и слабого физического состояния было весьма проблематично. Поэтому среди моряков

возникла идея создания общества, которое на основе взаимовыручки смогло бы помочь нуждающимся сослуживцам по флоту. В силу традиционно более сильного чувства товарищеского единства на флоте, моряки в новой политической и экономической ситуации сумели быстрее организовать и создать свое объединение, чему также способствовал и исторический опыт функционирования в Эстонии Ревельского морского собрания, действовавшего в период с 1851 по 1917 гг. [Червова 2006]. Некоторые члены этого собрания стали создателями Кассы взаимопомощи бывших русских моряков и служащих российского военного флота, которая была организована в декабре 1923 г. на товарищеском обеде по инициативе К. К. Клапье де Колонга [Хроника 1925б]. В течение следующего месяца был составлен устав, который был утвержден и зарегистрирован Таллиннско-Хаапсалуским мировым собранием. Общество, зарегистрированное под названием Кассы взаимопомощи моряков, получило официальное разрешение на свою деятельность с 6 февраля 1924 г. [Merimeeste 1924, 1].

Согласно уставу, членами кассы могли быть «лица морской, морской технической и врачебной специальностей, внесшие членский взнос и принятые по баллотировке в члены» [Merimeeste 1924, 5]. Руководство кассой осуществляло правление, состоявшее из трех членов и одного кандидата, деятельность кассы контролировала ревизионная комиссия, состоявшая из трех человек [Merimeeste 1924, 7–8]. С 1927 г. в прессе упоминался также действовавший при обществе Совет уполномоченных, выполнявший роль суда чести [Касса взаимопомощи 1927; Касса русских моряков 1927]. Хотя название и устав общества не подразумевали объединение членов по какой-либо национальной принадлежности, в печати его нередко именовали «Кассой взаимопомощи бывших русских моряков» или просто — «Кассой русских моряков».

К апрелю 1924 г. касса насчитывала 75 членов [Хроника 1925б], к марту 1927 г. в ее рядах состояло 105 человек [Касса взаимопомощи 1927а], а к пятилетнему юбилею в списке уже числилось 136 членов, правда, 35 человек из этого числа к тому времени уже покинули Эстонию, но продолжали числиться в списках кассы [5-летие кассы 1929]. В последующие годы количество членов кассы существенно не менялось и во второй половине 1930-х гг. поименный список членов общества состоял из 137 человек [Бойков 2000, 76]. Впрочем, и это число не отражало реальное количество членов объединения, так как, по всей видимости, включало в себя всех покинувших Эстонию и скончавшихся к тому времени членов. Подтверждение этому предположению содержится в газетной заметке «Вестей дня», в которой сообщалось, что в 1938 г. в обществе состояло 92 человека, а за весь период его существования умер 31 член кассы [Quidam 1938]. К сожалению, нам не известны все имена моряков, входивших в состав кассы за всю историю ее существования, известен лишь список членов на март 1927 г., где фигурировали следующие имена: К. Ю. Амелунг, М. М. Аникин, Г. С. Бакановский, В. А. Бармин, П. И. Барт, В. А. Беклемишев, П. Н. Бергштрессер, А. В. Берг, И. Ф. Берг, К. Ф. Берг, Э. М. Блюмбах, С. Н. Булгаков, А. П. Бурачек, Е. П. Васильев, К. Е. Введенский, Н. В. Ведерников, Г. Е. Вейгелин, А. В. Витгефт, В. А. Вреде, В. Ю. Гагемейстер, Ф. Ф. Гебауэр, Б. Э. Гебгардт, Л. К. Гейман, Г. А. Геннингс, В. Э. Гершельман, Н. Е. Гестеско, Г. Х. Гефнер, И. И. Голенищев-Кутузов, Н. Н. Голицинский, В. Е. Дмитриев, В. Н. Домогацкий, Н. С. Егоров, В. Л. Епинатьев, А. С. Еременко, А. Ф. Житков, Г. Э. Зальца, Э. Э. Зандау, Ю. Б. Зыбин, Г. А. Иванов, А. П. Игнатьев, И. И. Исаков, М. М. Каменев, А. В. Карцев, Д. С. Карабурджи, В. И. Квятковский, П. А. Кисляков, К. К. Клапье де Колонг, В. И. Кляшко-Олляк, Б. Г. Кньюпфер, Г. Ф. Кондратенко,

В. В. Константинов, Л. В. Коринфский, Р. Н. Кох, А. П. Левицкий, П. П. Левицкий, Н. А. Линк, Р. М. Ловягин, К. Л. Лукьянов, В. Н. Лушков, В. А. Лютер, А. Л. Лятошинский, П. А. Мазинг, В. С. Марасанов, Ю. Б. Маркович, П. И. Микеладзе, В. А. Мунк, В. И. Нейман, Б. С. Николаев, Д. Н. Николаев, Б. К. Новицкий, К. И. Нотбек, Н. Я. Павлинов, И. П. Панков, К. Н. Покровский, С. С. Политовский, В. Г. Потоцкий, Б. Ю. Романовский, М. Д. Русин, Б. Д. Севрюков, А. В. Сергеенко, Ю. К. Складенко, К. Л. Соболев, В. И. Сперанский, П. К. Стельмах, А. В. Стеценко, Л. Н. Тамм, А. М. Титов, М. П. Третьяков, Н. А. Уткин, Д. Я. Федоров, П. Н. Филатов, О. Б. Фитингоф, К. М. Цируль, А. Е. Шолкевич, Л. А. Четвериков, А. А. Шафров, Н. З. Шеманов, М. И. Шишмарев, Б. Г. Шиллинг, С. А. Шпаковский, Э. К. Шульц, К. В. Шуманский, Б. А. Щепотьев, Б. М. Янковский [Касса взаимопомощи 1927а]. Известно, что в разное время в кассе также состояли А. А. Буше, М. К. Герарди, М. В. Жаворонков, В. А. Костенко-Родзиевский и Р. К. Фельман.

Пере выборы правления происходили ежегодно, но его состав практически не менялся. Так, должность председателя правления до 1940 г. занимал Э. К. Шульц, на места двух других членов правления неизменно выбирались Д. Я. Федоров и К. Ю. Амелунг. После смерти последнего в 1928 г. его место занял Б. Г. Кнюпфер. В состав ревизионной комиссии входили М. Д. Русин, М. И. Шишмарев, К. В. Шуманский. В Совете уполномоченных состояли В. Е. Дмитриев (председатель), Н. Е. Гестеско, С. С. Политовский, Б. Г. Кнюпфер, П. А. Кисляков, В. А. Мунк, Л. К. Гейман, А. В. Стеценко, А. В. Витгефт и Р. К. Фельман. Почетными членами кассы избирались К. Ю. Амелунг, К. К. Клапье де Колонг, П. П. Левицкий и В. Е. Дмитриев [Касса взаимопомощи 1927; Касса русских моряков 1927; Собрание членов кассы 1928; 5-летие кассы 1929; Деятельность кассы 1930].

Начальный капитал кассы в 1924 г. составлял 10 000 марок, собранных по подписным листам. В 1925 г. капитал возрос до 150 000 марок [Хроника 1925б], а в 1927 г. — до 206 000 марок [Касса взаимопомощи 1927б; Касса русских моряков 1927]. В 1929 г. сумма выросла до 3 550 крон. В общей сложности оборот кассы за 5 лет составил 17 650 крон и к материальной помощи кассы за этот период прибегали 511 раз [5-летие кассы 1929]. Помимо членских взносов еще одним традиционным способом пополнения средств общества было устройство благотворительных вечеров, которые, вероятно, проводились ежегодно, хотя упоминания по этому поводу в прессе были нерегулярны [Вечер русских моряков 1926; Ревельский день 1928; Вечер моряков 1932; Вечер О-ва 1933]. Кроме благотворительных вечеров проводились и вечера встречи сослуживцев по Российскому императорскому флоту, которые устраивались каждый год 19 ноября (6 ноября по старому стилю) в день храмового праздника морского училища [Объявление 1926д; Объявление 1932б; Объявление 1937б].

Касса взаимопомощи моряков была легальной организацией и входила во Всезарубежное объединение морских организаций (Париж) под руководством адмирала А. И. Русина, но помимо нее в Таллинне существовала и другая организация русских морских офицеров, которая официально не была зарегистрирована и действовала подпольно. Объединение бывших русских моряков в Эстонии было организовано приблизительно в то же время, что и Касса взаимопомощи моряков, и в его состав входили практически те же члены. Во главе ее стоял адмирал П. П. Левицкий, который являлся представителем великого князя Кирилла Владимировича в Эстонии, поэтому объединение представляло собой еще и

организацию «кирилловцев». После смерти П. П. Левицкого в 1938 г. во главе объединения встал К. И. фон Нотбек [Бойков 2001а, 7].

В 1929 г. в Париже был образован Военно-Морской союз, который возглавил вице-адмирал М. А. Кедров. Союз имел строевой характер и находился во взаимодействии с Русским Обще-Воинским Союзом (РОВС). Имеются сведения, что Объединение бывших русских моряков в Эстонии входило в состав союза [Бойков 2000, 76; Волков 2003а, 346]. Известно также, что из моряков, которые проживали не в Таллинне, в рядах союза состояли старший лейтенант Л. Недзведцкий и лейтенант В. Домогацкий, о чем сообщалось в официальном приказе по Военно-Морскому союзу за №77 от 8 августа 1930 г., опубликованном на страницах журнала «Часовой» [Военно-Морской союз 1930].

§ 10. Молодежные организации

Работа с русской молодежью, воспитание подрастающего поколения в духе традиций дореволюционной России были одними из приоритетных задач русских военных. Пожалуй, самым активным и эффективным направлением этой деятельности являлась работа со скаутскими организациями. Изначально скаутское движение создавалось его основателем английским полковником Р. Баден-Пауэллом как форма подготовки с юных лет будущих разведчиков и солдат вообще [Окороков 2000, 35–36]. В Россию идеи скаутизма пришли в 1909 г., когда в Павловске полковником О. И. Пантюховым была организована первая дружина русских скаутов [Там же, 36]. В Эстонии первый скаутский отряд начал свою работу в 1912 г. в Нарве [О. Т. 1937], в 1914 г. при поддержке директора Александровской гимназии В. Г. Бархова скаутизм стал развиваться и в Тарту [Шор 2005, 119–120]. Первое упоминание о создании отряда русских скаутов в Таллинне относится к 1917 г.: в начале года один отряд был организован Г. Г. Экштейном [Цыновский 1936], также имеются сведения, что существовал еще один отряд под руководством капитана Любарского [10-летний юбилей 1930].

В период независимости Эстонской Республики деятельность русского скаутского движения была возрождена в 1920 г. Как сообщалось в газетной заметке, посвященной 10-летию юбилею Отдела русских скаутов в Эстонии, руководители скаутских отрядов установили связь со старшим русским скаутом полковником О. И. Пантюховым и с его благословения 20 июня 1920 г. открыли эстонский отдел под руководством В. С. Утехина [10-летний юбилей 1930]. Всего к концу сентября 1921 г. всех скаутов в Эстонии насчитывалось около 6000 человек, из них приблизительно 400–500 скаутов принадлежало к национальным меньшинствам. В Тарту было около 28 отрядов, из которых 25 были эстонскими и 3 неэстонскими. В Таллинне существовало 30 отрядов: 21 эстонский, 5 немецких, 3 русских и 1 еврейский [Хроника 1921д]. В сентябре 1921 г. по инициативе К. Д. Троицкого из учеников Нарвской городской русской гимназии был создан Нарвский Георгиевский отряд бой- и герл-скаутов, официально начавший свою деятельность 11 ноября 1921 г. [Емельянов 1937, 1].

Таким образом, к концу 1921 г. в Эстонии действовало по меньшей мере 4 отряда русских скаутов. Скорее всего, общего руководства и координации между ними не существовало, и каждый из этих отрядов проводил свою работу обособленно.

Вероятно, связь плохо поддерживалась, или вовсе отсутствовала, с главой «Организации русских скаутов за границей» О. И. Пантюховым, так как в его приказе № 34 от 24 сентября 1921 г. говорилось о проведении летних лагерей во Франции, Финляндии, Болгарии, окрестностях Константинополя и Берлине, но об Эстонии ничего не сообщалось [Окороков 2000, 37].

В силу разных причин работа скаутских дружин была нестабильной. Например, в 1923 г. из-за загруженности своими делами К. Д. Троицкий отошел от руководства нарвской дружиной, и в сентябре отряд прекратил свое существование [Емельянов 1937, 2]. В начале 1920-х гг. в Таллинне скаутские отряды были весьма разрознены. Поначалу довольно успешно, благодаря американской поддержке, осуществлялась деятельность русского отдела при Христианском Союзе Молодых Людей (ХСМЛ). По воспоминаниям председателя этого отдела Н. Ф. Федорова, самыми активными участниками отдела были бывшие северо-западники, которые всячески стремились развивать среди молодежи их национальное самосознание [Федоров 2005, 322–323]. Именно при этой организации в 1924 г. скаут-мастеру Б. Э. Цыновскому удалось объединить в Таллинне до 200 скаутов из разрозненных скаутских отрядов [Русские скауты 1925; Пономарева 2001, 201]. Однако активная деятельность отдела со временем стала вызывать определенное недовольство эстонских властей, что, в конечном счете, привело к его ликвидации в 1926 г. [Федоров 2005, 323]. В результате скаутский отряд при ХСМЛ сократился до 90 скаутов, а большая часть скаутов объединилась в таллиннскую дружину Отдела русских скаутов в Эстонии, который к концу 1926 г. насчитывал 150 человек. Таллиннская дружина состояла из 8 отрядов: 3 отряда морских скаутов, 2 сухопутных, 2 отряда герл-скаутов старшего возраста и отряд малолетних скаутов («птенчиков») [Крибский 1926].

Все-таки к середине 1920-х гг. русское скаутское движение стало получать все большее распространение. Какое-то время русские скаутские отряды существовали в Хаапсалу и Раквере, но по причине отсутствия руководителей были вынуждены закрыться [Цыновский 1936]. В 1926 г. русский скаутский отряд в Печорах состоял из 60 скаутов [Крибский 1926]. 23 апреля 1926 г. была образована Дружина русских морских скаутов «Ругодив» в Нарве³¹. Ее основателем и командором был лейтенант российского флота Ю. А. Зильберг (сын генерал-майора А. А. Зильберга), его помощником и инструктором — Г. В. Эрих, инструктором по плаванию — Деверс, а инструктором по плаванию на шлюпках — капитан 2-го ранга В. В. Гернет. В дружине были и русские, и эстонцы, и немцы, — всего 168 человек. В сентябре того же года дружиной был приобретен парусный бот [В. Г. 1926; Стэр 1926].

В 1926 г. деятельность русских военных в Эстонии активизировалась. К этому моменту уже были организованы Касса взаимопомощи моряков, Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, ежегодно устраивались собрания георгиевских кавалеров, бывших однополчан и воспитанников кадетских корпусов и военных училищ; непосредственно в 1926 г. открылись отделения Союза русских увечных воинов в Таллинне и Тарту, был создан Комитет «Дня русского инвалида». Вместе с тем представители сообщества русских военных в Эстонии все более стали обращать внимание на работу с русской молодежью. Еще в конце ноября 1924 г. состоялось годовое собрание общества «Русская школа в Эстонии», в члены которого

³¹ В историческом очерке П. Емельянова указывалась другая дата основания дружины — 16 февраля 1925 г.; здесь же говорилось о том, что 19 декабря 1926 г. был создан еще один отряд — «Петр Великий» [Емельянов 1937, 2]. Подтверждений существованию отряда «Петр Великий» найти не удалось. Что касается даты основания морской дружины, то, согласно газетным публикациям, например, первая годовщина дружины была отмечена 23 апреля 1927 г. [Н. Е. 1927; Б. Т. 1927].

были выбраны полковники К. Г. Бадендик, Б. В. Энгельгардт и старший лейтенант российского флота А. Ф. Житков [Таммери 1924]. В 1925 г. в правление общества вошел генерал А. К. Баиов; с 1924 г. он же возглавлял Родительский комитет Таллиннской русской гимназии, а в 1926 г. стал членом общества «Дом русского ребенка» [Абисогомян 2003, 52–54].

Постепенное распространение своего влияния в среде скаутов военные во главе с А. К. Баиовым начали с Таллиннской дружины русских скаутов, при которой существовало Общество друзей русских скаутов. По словам Цыновского, в 1926 г. прошли перевыборы правления Общества, в которое вошли А. К. Баиов, Т. В. Штакельберг, полковник В. К. Шенк, Г. В. Бархов и М. П. Киршбаум. Правление избрало начальником Отдела русских скаутов в Эстонии Баиова [ФГАЭ 129: 26 751, 29]. В этом качестве Баиов уже 27 ноября 1926 г. выступил перед скаутами в Таллиннской городской русской гимназии, где состоялось празднование Дня матери [Старый скаут 1926].

Об избрании Баиова начальником Отдела правление Общества друзей русских скаутов известило руководителя всех русских скаутских объединений за рубежом О. И. Пантюхова. Однако приказом № 188 от 24 марта 1927 г. Пантюхов назначил на это место А. В. Просвирнина [Просвирнин 1927; ФГАЭ 129: 26 751, 30]. По вопросу о том, кто должен возглавить Отдел, между Просвирниным и Баиовым в 1927 г. произошел конфликт. Баиов категорически отказался подчиниться Просвирнину и в то же время начал вести активную переписку с О. И. Пантюховым [Из жизни 1927; Просвирнин 1927; Баиов 1927б; Баиов 1927в]. В результате на пост руководителя эстонского Отдела О. И. Пантюхов приказом № 200 от 14 ноября 1927 г. утвердил кандидатуру Баиова [Баиов 1927г]. В подчинении А. В. Просвирнина остался только отряд скаутов при ХСМЛ. Таким образом, в Таллинне русское скаутское движение оказалось разделенным на два лагеря.

Тем временем в Нарве развитие русского скаутизма набирало все больший размах. В середине марта 1927 г. морская дружина «Ругодив» насчитывала 6 отрядов бой-скаутов и 2 отряда герл-скаутов. Каждый отряд работал самостоятельно, имел свой штаб, квартиру, канцелярию и начальника. Командором дружины был ее основатель лейтенант российского императорского флота Ю. А. Зильберг. Начальником главного штаба и вице-командором был Г. В. Эрих, адъютантом дружины Н. Еремеев. Начальником 1-го отряда был М. Ходунов, 2-го отряда — В. Воркаль, 3-го отряда юнг — А. Русаков, 4-го отряда особого назначения — А. Лебедкин, 5-го отряда «Морской орел» скаутов Нарвской Суконной мануфактуры — К. Белов, 6-го отряда — Е. Владимиров, 1-го отряда морских герл-скаутов — К. Хортова, 2-го отряда морских герл-скаутов — Е. Архипова [Н. Е. 1927]. В каждом отряде дружины было в среднем по 40–50 человек [Б. Т. 1927]. В мае 1927 г. к дружине присоединился еще один отряд, который 11 июля был официально утвержден и получил наименование «1-го Нарвского сухопутного отряда» [Поднятие флага 1927; Памятка 1936; Емельянов 1937, 2], и численность дружины возрасла до 200 девочек и мальчиков [Праздник скаутов 1927]. Среди всех скаутских отрядов в Эстонии Нарвская дружина была самой оснащенной: в ее распоряжении были вельбот и 5 байдарок [Открытие гавани 1927]. В августе Ю. А. Зильбергом был приобретен парусник, на котором скауты стали выходить в море [Командировка 1927]. При дружине действовала школа юнг, капитаном которой был В. Русаков [Русаков 1927].

Еще до официального вступления в должность начальника Отдела русских скаутов в Эстонии А. К. Баиов в начале сентября 1927 г. назначил представителем

главного штаба отдела русских скаутов в Нарве В. В. Гернета [Из жизни 1927]. Однако после того как сам Баиов был официально утвержден О. И. Пантюховым на посту начальника Отдела, в благополучной и стремительно развивающейся нарвской дружине начались проблемы. Суть этих проблем осталась неизвестной, так как в прессе об этом ничего не сообщалось, но есть основания предполагать, что причина крылась в несогласии некоторых скаутов и их руководителей с неожиданными переменами в руководстве Отдела. В течение 1928 г. В. В. Гернет вместе с лейтенантом российского флота В. Н. Домогацким и В. В. Христофоровым пытались наладить работу в дружине, но центробежные тенденции в среде скаутов оказались сильнее, и в скором времени от дружины остался только 1-й Нарвский сухопутный отряд, а к концу года нарвская дружина морских скаутов «Ругодив» прекратила свое существование [Емельянов 1937, 2].

Таким образом, в 1929 г. в Нарве остался только один небольшой отряд под руководством В. В. Гернета при Нарвской городской русской гимназии, который насчитывал 30 скаутов и состоял из трех патрулей: «Орел», «Бобер» и «Волк» [У русских скаутов 1929]. Отрядом выпускался журнал «Бой-скаут» [В. 1929]. Работа отряда, как утверждали сами его члены, строилась совершенно на других началах, чем в «Ругодиве». Как писалось в прессе, целью благотворительных мероприятий дружины являлся сбор средств, «но не для шитья «адмиральской» формы, как это делалось в свое время малосознательными девицами и юношами-членами «Ругодива», так бесславно дожившего свои дни», а в пользу детей Принаровья, пострадавших от наводнения, часть средств планировалось передать в фонд помощи неимущим ученикам гимназии, другую часть средств предполагалось использовать для приобретения пособий [Вечер русских скаутов 1929].

Все же постепенно нарвская дружина стала возрождаться, расширяя круг своей деятельности, которая теперь в большей степени заключалась в оказании помощи нуждавшимся. Скауты этой дружины занимались также приведением в порядок заброшенных могил на Ивангородском кладбище, а также помогали бедным семьям. Так, в 1929 г. на Рождество скауты подарили 2 елки с украшениями и сладостями двум неимущим семьям, в 1930 г. вырученные с продажи двухсот открыток деньги были также переданы двум бедным семьям. В феврале 1930 г. при Нарвской дружине был открыт еще один отряд бой-скаутов. В Новом Изборске дружина организовала первую шестерку «волчат». В общем, деятельность дружины была высоко оценена руководителем русских скаутов в Эстонии А. К. Баиовым, наградившим дружину знаком отличия [Работа русских скаутов 1930; У русских скаутов 1930а]. 16 августа 1930 г. был утвержден устав 1-го морского отряда русских скаутов в Нарве [Г. К. 1931]. Теперь нарвский отдел русских скаутов состоял из Нарвской дружины русских скаутов, 1-го Нарвского отряда русских скаутов и 1-го Нарвского морского отряда русских скаутов.

Кроме организации отряда «волчат» в Новом Изборске стараниями нарвских скаутов в начале июня 1930 г. в Нарва-Йыэсуу был организован отряд морских скаутов из 20 человек. Отряд организационно входил в состав 1-й Нарвской дружины [Отряд морских скаутов 1930]. В ноябре 1933 г. в Нарва-Йыэсуу был также создан отряд русских сухопутных скаутов под руководством М. П. Седельникова, его помощниками были А. Вяткин (вероятно, сын капитана 2-го ранга А. А. Вяткина), адъютант В. Седельников, звеновожатые Г. Мюльбах и Н. Фролов, и их помощники В. Виноградов и А. Ивкин. Отряд был объединен с Дружиной русских скаутов в Нарве [Волков 1933]. Видимо, не без участия нарвитян в конце мая 1930 г. в Кивиыли начал формироваться отряд русских скаутов. Предполагалось, что к 1 июня

отряд в 20 человек будет сформирован. Начальником отряда был бывший гвардейский офицер А. К. Серпухов, а помощником — абитуриент Ю. В. Назимов [Бой-скауты 1930]. В начале 1934 г. был организован патруль из 12 человек в деревне Криуши. Патруль входил в состав нарвской Дружины русских морских скаутов [Скауты в Криушах 1934]. В 1935 г. в деревне Низы было открыто отделение 1-й Нарвской дружины под руководством учителя М. Шмаронова, там же был организован еще и отряд герл-скаутов под руководством Е. Шмароновой. В дружине насчитывалось 150 скаутов [Праздник 1935]. С 1933 г. нарвские скауты организовывали еще несколько отрядов в деревнях Принаровья [Емельянов 1937, 2]. До 1937 г. скаутские отряды были организованы в Кютте-Йыгу. Руководителем местной дружины русских скаутов был полковник Н. В. Самохвалов, его помощником С. Толмачов; Общество друзей русских скаутов возглавлял А. Швецов, в число его членов также входили А. Бенкендорф (возможно, полковник) и генерал В. И. Чижов. Начальницей отряда герл-скаутов была В. И. Плутус. Общее число скаутов достигло 250 человек [Русские скауты 1937; Вечер 1938].

В начале 1930-х гг. в руководстве нарвских скаутов произошли некоторые изменения. Начальником 1-го Нарвского отряда скаутов был Н. А. Горшков [У русских скаутов 1930б]. Начальником 1-й Нарвской дружины русских скаутов стал К. И. Луга [В лагере 1932]. В. В. Гернет отошел от руководства и был избран почетным членом дружины [Приветствие 1932]. Начальником 1-го Нарвского морского отряда русских скаутов был Н. Еремеев [Г. К. 1931].

В апреле 1931 г. все скаутские отряды в Нарве были переименованы. Приказом А. К. Баиова от 20 апреля Нарвская дружина русских скаутов была переименована в 1-ю Нарвскую дружину русских скаутов, 1-й Нарвский отряд русских скаутов во 2-ю Нарвскую дружину русских скаутов и 1-й Нарвский отряд русских скаутов в Нарвскую морскую дружину русских скаутов [Емельянов 1937, 2]. У многих в Нарве складывалось впечатление, что подобного рода приказы являлись единственным проявлением участия А. К. Баиова в жизни русских скаутов. В газетах стали появляться упреки в его адрес. В частности в одной из статей отмечалось, что А. К. Баиов, «к глубокому сожалению, кроме «приказов» и «приказаний» никакой поддержки не оказывает» [Годовщина 1932].

Тем не менее, все скаутские отряды нуждались в финансовой помощи, поэтому, начиная с 1930 г. в Нарве по примеру таллиннской организации планировалось создание Общества друзей русских скаутов [Б. Т. 1930]. Первое такое общество было образовано при дружине морских скаутов, его организационное собрание состоялось 6 июня 1933 г. Было избрано правление, в которое вошли бывший капитан лейб-гвардии Семеновского полка и Семеновского полка Северо-Западной армии П. А. Цур-Мюлен, капитан Ревельского полка Северо-Западной армии П. А. Горбовский, П. П. Иванов, П. П. Николаев и С. С. Сергеев; в ревизионную комиссию — Я. А. Озеров, С. В. Еремеев и А. А. Лукьянов. В обществе друзей также состоял членом подпоручик по Адмиралтейству Н. Д. Гужавин. В докладе о состоянии дружины отмечалось, что за время ее существования было приобретено имущества на сумму более 1000 крон, в том числе большая моторная лодка «Скаут» мощностью 17 лошадиных сил, бот «Моряк» и 4 байдарки. На тот момент еще не было выплачено за моторную лодку около 80 крон, также имелись и другие долги на сумму около 70 крон, дружина нуждалась в средствах на форму скаутов [Общество друзей 1933; Морские скауты 1933; Торжество 1933].

В 1935 г. для изыскания дополнительных средств при обществе была организована еще и хозяйственная комиссия. Всего в обществе состояло около 60

членов [В Обществе 1935]. При 1-й дружине тоже было создано Общество друзей русских скаутов, его возглавил подпоручик Волынского полка Северо-Западной армии Н. А. Лидке. 2-я дружина находилась под покровительством Общества друзей русских скаутов при Морской дружине [Емельянов 1937, 2]. Видимо, этому обществу удалось решить многие проблемы русских скаутов, так как в ноябре 1934 г. в соответствии с приказом начальника Национальной организации русских скаутов-разведчиков О. И. Пантюхова состоялось награждение орденом «Белого Медведя» 2-й степени за большую работу по развитию скаутизма председателя Общества друзей русских скаутов при морской дружине П. А. Цур-Мюлена и председателя такого же Общества при дружине сухопутных скаутов Н. А. Лидке [Высшие скаутские награды 1934].

Весьма активную работу с молодежью русские военные проводили и в Таллинне. Помимо работы со скаутами некоторые военные принимали деятельное участие в обществе «Витязь». В разные периоды существования общества его председателями были полковник К. Г. Бадендик [ФГАЭ 130: 15093, 57], капитан Ф. А. Гизетти [ФГАЭ 129: 25418, 50]; сокольскую гимнастику преподавали капитан Е. А. Быков (в конце 1930-х был заведующим хорового отдела [ФГАЭ 130: 4206, 17]) и офицер Северо-Западной армии А. С. Гуцин, фехтование — офицер И. К. Попов [Шуманский 1933]; заведующим историческим отделом был полковник Б. В. Энгельгардт, функции заведующего литературным отделом некоторое время выполнял мичман А. В. Руммель; членами правления были капитан Г. С. Бернов, подпоручик Д. М. Ананьев, прапорщик Д. С. Дольский, прапорщик по Адмиралтейству К. В. Шуманский [ФГАЭ 129: 25418, 53–58].

Одним из организаторов в 1931 г. «Кружка русской старины» в частной русской гимназии общества «Русская школа в Эстонии» являлся Ф. А. Гизетти [Вечер «Русской старины» 1931]. Он же стал председателем совета руководителей дружины витязей и дружинниц при Русском Студенческом Христианском Движении. Подготовка к открытию дружины велась с осени 1931 г., и в начале марта 1932 г. дружина официально начала свою деятельность. В дружине было 8 кружков, объединявших 70 человек. [Витязи 1932]. В конце июля 1932 г. при нарвском отделении Русского Христианского Студенческого Движения была тоже организована дружина «Русский витязь». Целью дружины было поднятие национального самосознания и религиозного чувства среди молодежи, а также развитие спорта. Руководителями дружины были протоиерей П. Дмитриевский, доктор А. Круглов, капитан Б. Б. Ваббуль и Т. М. Фомина [«Русский Витязь» 1932]. В конце 1930-х гг. в руководстве дружины также принимал участие штабс-капитан М. М. Навроцкий [Бойков 1996в, 20]. В марте 1934 г. при обществе «Святогор» Д. Ермоловым был организован скаутский кружок из 12 человек, который носил имя «Георгиевский» [Новый скаутский кружок 1934].

3 июля 1934 г. в Нарву приехал А. К. Баиов, который ознакомился с деятельностью дружин русских скаутов в Нарве и провел совещание с местными деятелями скаутизма на предмет налаживания совместной работы всех дружин [Ген. Байов 1934]. В результате А. К. Баиовым, при содействии К. И. Луга, П. П. Емельянова, И. Ф. Прам и Г. А. Печникова, в Нарве была утверждена школа скаутинструкторов [Емельянов 1937, 2]. Первый выпуск этой школы состоялся уже после смерти А. К. Баиова 6 октября 1935 г. [Праздник 1935]. Между тем этот приезд А. К. Баиова свидетельствовал об определенном кризисе в таллинском скаутском движении, и Баиов пытался укрепить свои позиции среди нарвских скаутов, которые по уровню развития своей деятельности были всегда на порядок выше, чем их

таллинские коллеги. К 1934 г., согласно сведениям Б. Э. Цыновского, в Таллинне в подчинении Баиова осталось немного скаутов: «Из случайных встреч я узнал, что скаутов у Баиова совсем мало, особенно в Ревеле, и что он ведет переговоры с группой, оставшейся при Х.С.М.Л., о вхождении их к нему в отдел» [ФГАЭ 129: 26751, 44]. Руководством Баиова были недовольны некоторые из его сотрудников, в частности К. Г. Бадендик, который «бранил Баиова за его малую энергию, говорил, что тот слишком стар, а все почему-то не уходит, что в организации ничего не делается, что везде полный беспорядок» [ФГАЭ 129: 26751, 46].

После смерти А. К. Баиова Отдел русских скаутов в Эстонии временно возглавил полковник Б. И. Бессонов, который до этого какое-то время возглавлял скаутское движение в Печорах [Бойков 1998а, 118], а затем переехал в Таллинн, где входил в руководство Отдела и являлся издателем скаутского журнала «Звено» (вышло только 2 номера в 1932 г.). Б. И. Бессонов активно приступил к работе и особенное внимание уделил организации нарвских скаутов, которая в отличие от таллиннской продолжала развиваться и увеличиваться: 17 июня 1935 г. была образована Нарвская имени святой Татьяны дружина русских герл-скаутов [Емельянов 1937, 2].

29 июля 1935 г. Б. И. Бессонов прибыл в Нарву вместе с руководителем русских скаутских организаций в Латвии К. Р. Портновым. Бессонов выступил с докладом «О путях развития и укрепления русского скаутизма в Эстонии», а Портнов — с докладом «О жизни и развитии русского скаутизма в Латвии». После обсуждения с руководителями нарвских скаутов ряда организационных вопросов было решено объединить все Общества друзей русских скаутов в одно и опекать все дружины скаутов в Нарве и ее окрестностях [У русских скаутов 1935]. Второй раз Б. И. Бессонов приехал в Нарву 15 сентября на 5-ю годовщину Нарвской дружины морских скаутов. К этому времени О. И. Пантюхов назначил своим представителем в Эстонии полковника В. К. Видякина, а Б. И. Бессонов был утвержден исполняющим обязанности начальника отдела [5-ая годовщина 1935].

Однако руководство Отделом Б. И. Бессонова продлилось не долго: уже к концу 1935 г. его сменил капитан 1-го ганга С. С. Политовский. Свою деятельность в качестве руководителя он начал так же, как и Б. И. Бессонов, с нарвских скаутов. Его приказом от 7 января все нарвские отряды скаутов были подчинены начальнику Нарвского района В. В. Гернету. По его распоряжению все нарвские дружины были переименованы: 1-я дружина была переименована в Нарвскую имени атамана Платова дружину русских скаутов, 2-я дружина в Нарвскую имени генерала Скобелева дружину русских скаутов, морская дружина была переименована в Нарвскую имени адмирала Нахимова дружину русских скаутов. Также был сформирован отряд герл-скаутов под руководством М. Ф. Алексеевой. 22 февраля В. В. Гернет был освобожден по личной просьбе от своей должности, его сменил П. П. Николаев [Емельянов 1937, 2].

26 апреля С. С. Политовский снова посетил Нарву по случаю празднования скаутами дня святого Георгия. По приказу О. И. Пантюхова Политовский вручил высшую скаутскую награду (свастика) П. П. Николаеву и С. В. Еремееву. Последний был к тому же произведен Политовским в скаут-мастеры. От своего имени Политовский преподнес дружине в дар материал для форменной одежды, что для дружины было очень значительным вкладом, так как многие скауты являлись детьми малоимущих родителей [Праздник 1936].

8 ноября 1936 г. С. С. Политовский умер, и через какое-то время начальником русских скаутов в Эстонии стал капитан Е. А. Быков. Однако период его руководства был непродолжительным, так как в таллинской организации опять начались склоки,

и к тому же Быков не владел в достаточной степени эстонским языком, что было необходимо, так как по новому закону о молодежных организациях все скауты в Эстонии должны были объединиться в одну организацию [Перемены 1937]. В начале марта 1937 г. Е. А. Быков сложил свои полномочия. В этом же месяце должны были состояться перевыборы правления Общества друзей русских скаутов [У русских скаутов 1937].

Новый закон о реформе работы молодежных организаций в Эстонии стал причиной раскола в таллинском центре Отдела русских скаутов в Эстонии и серьезных проблем для всех скаутских отрядов по всей Эстонии. К примеру, в марте в Кивиыли местная дружина русских скаутов была закрыта, и частично некоторые скауты вошли в Круг помощи русским инвалидам и охраны памятников на русских братских могилах [Е. А. 1937]. В Нарве предполагалось слияние морских и сухопутных скаутов, но из этого ничего не получилось, и дружина морских скаутов прекратила существование. Правда, в июне 1938 г. она была реорганизована в качестве 8-го племени Нарвской скаутской дружины, под руководством Н. С. Еремеева. Свои финансовые проблемы племя в начале пыталось решать путем самооблажения, но вскоре была создана комиссия, в которую вошли Б. Давиденков, П. Сазиков, С. Сергеев, С. Насонов, Р. Пилунов, В. Агеев и С. Нилов; в ревизионную комиссию — В. Чижиков, В. Федоров и С. Еремеев, заместителем И. Жгун. Был также создан дамский кружок в составе Е. Чижиковой, А. Яковлевой, Т. Ниловой, И. Егоровой, О. Таммик и Е. Агеевой [У русских скаутов 1939]. В 1940 г. старшиной племени стал М. В. Рандин. Всего в племени было 50 скаутов [Из жизни 1940].

Не может вызывать сомнения тот факт, что участие русских военных в деятельности русских скаутских организаций в Эстонии имело свою ярко выраженную идеологическую окраску, особенно в период руководства А. К. Баиова, когда воспитание скаутов велось в духе верности традициям дореволюционной русской культуры, преданности монархическим идеалам и воинской дисциплине. Это подтверждали все, кто входил в близкое окружение А. К. Баиова и проводил подобного рода работу среди русской молодежи [ФГАЭ 129: 25 418, 49; 26 759, 33; 130: 1663, 48; 11 566: т. 1, 23; 15 093, 58, 60]. В задачи Баиова и его окружения входило не только сохранение и распространение своей идеологии среди подрастающего поколения, но и более радикальные планы. «Я видел, что генерал Баиов путем организации бой-скаутских отрядов из белоэмигрантской молодежи готовит кадры для будущей войны против СССР...», — утверждал на следствии скаут-мастер Б. Э. Цыновский [ФГАЭ 129: 26 751, 71]. В 1927 г., когда Запад и СССР были очень близки к началу войны, А. К. Баиовым вполне серьезно рассматривался вариант привлечения скаутов к террористической деятельности. Только благодаря категорическому протесту Б. В. Энгельгардта, от этой затеи отказались [ФГАЭ 138: 1: 47, 182–183].

Некоторое влияние русские военные имели и среди русского студенчества. В сеньорен-конвент таллиннской студенческой корпорации «Ergonia» входили полковники Н. Н. Голицинский и Б. И. Бессонов [Бойков 1999, 88]. Почетным филистром этой же корпорации был генерал О. П. Васильковский [Исаков 2000, 114]. Конечно, нельзя не учитывать и то, что самое непосредственное воспитание молодого поколения осуществлялось в семьях самих военных. Поэтому нет ничего странного, что, например, пасынки А. К. Баиова Сергей и Владимир Заркевичи были активными членами РОВС'а, полкового объединения лейб-гвардии Егерского полка, Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии.

Не без определенного участия русских военных из числа монархистов-кирилловцев в Эстонии была создана организация младороссов [Бойков 2001а, 88; Исаков 2001б, 100–1001], к созданию русских фашистских групп в Эстонии русские военные (капитан 1-го ранга Э. К. Шульц, бывший начальник контр-разведки Северо-Западной армии Г. Г. Кромель) тоже имели непосредственное отношение [Бойков 2003, 70–120], но постепенно уже в 1930-е годы русская молодежь стремится стать более самостоятельной, выйти из под опеки «отцов». В деятельности эстонского отдела Национального союза русской молодежи (с 1931 г. — Национальный союз нового поколения, с 1936 г. — Национально-трудовой союз нового поколения) принимали участие уже те, кто не успел по возрасту связать свою судьбу со службой в российской армии, и, хотя на следствии в застенках НКВД члены этого союза иногда упоминали имена Б. И. Бессонова или Ф. А. Гизетти [Бойков 1998а, 118, 120, 121–122], их участие в истории отдела не носило определяющего характера, так как основными деятелями движения были все-таки представители более молодого поколения.

* * *

Изложенный в данной главе материал не является исчерпывающим, однако и на его основе можно утверждать, что роль русских военных в истории Эстонии 1920–1930-х годов была далеко не второстепенной. Даже не учитывая серьезный вклад в благополучный исход эстонской Освободительной войны и обретение Эстонией независимости, обзор деятельности русских военных за последующие два десятилетия позволяет говорить о ее значительности.

Прежде всего русские военные специалисты оставили заметный след в деле обучения эстонских военных кадров: многие военные служили в эстонских вооруженных силах, передавая свои опыт и знания военнослужащим молодой эстонской армии; определенная часть преимущественно высших чинов бывшей русской армии сыграла существенную роль в сфере преподавания военных наук в эстонских военных учебных заведениях. Знания и интуицизм русских военных оказались весьма благотворными и для русского школьного образования.

Стоит учитывать и тот факт, что большому числу русских военных приходилось осваивать новые специальности, занимаясь зачастую неквалифицированным и низкооплачиваемым трудом. Тем не менее их труд, несомненно, приносил только пользу для экономики молодого государства, которому приходилось поднимать свое хозяйство из руин, оставленных многолетними войнами. Ярким примером такой работы явилось использование принудительного труда русских солдат и офицеров на лесных, торфяных и сланцевых заготовках. Благодаря этому низкооплачиваемому труду эстонское государство решило весьма серьезную проблему снабжения населения топливом в тяжелое время отопительного сезона первого года независимости. Русские военные работали на заводах и в мастерских, открывали частный бизнес, занимались разработкой новых изобретений и т. д.

Русские военные были, пожалуй, самыми стойкими, убежденными и яркими поборниками сохранения традиций русской дореволюционной культуры и российских государственных идеалов. В целях сохранения корпоративного единства русские военные создавали полковые объединения, ежегодно организовывали встречи выпускников кадетских корпусов, военных училищ и академий, устраивали встречи георгиевских кавалеров. Очень большое внимание русские военные уделяли помощи бедным и инвалидам из своей среды, поэтому ими были созданы такие

организации, как Касса взаимопомощи моряков, Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии, Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, Комитет «Дня русского инвалида», Союз русских военных инвалидов в Эстонии, Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии; некоторое участие военные принимали и в деятельности благотворительного общества «Белый крест». Благодаря деятельности этих организаций за все время их существования были собраны значительные средства, которые спасли и поддержали многих нуждавшихся.

Отстаивание и сохранение идеалов дореволюционной русской культуры и государственности также проявлялось в верности раз данной присяге царю и отечеству, в верности русскому православию. На практике это выражалось в пропаганде этих идеалов, которая велась на страницах газет и других печатных изданий, в разного рода эмигрантских организациях, а также путем публичных акций и мероприятий. Свои идеалы русские военные стремились передать подрастающему поколению, поэтому ими велась активная работа в некоторых молодежных организациях (Объединение русских скаутов в Эстонии, спортивное общество «Витязь», общество «Русская школа в Эстонии» и т. д.).

Деятельность русских военных в общественных и корпоративных организациях имела легальный характер, но в большинстве случаев эти организации являлись прикрытием для ведения конспиративной работы, связанной с пропагандой монархических и антибольшевистских идей, с ведением разведывательных и диверсионных действий на территории СССР. Несмотря на то, что эта деятельность в большинстве случаев не имела эффективных результатов, однако, были и некоторые успехи, как, например, контрразведывательная деятельность Б. В. Энгельгардта и его сотрудников, а также создание диверсионных групп на территории СССР нарвской группой северо-западников в 1930-х гг.

Большой урон консолидации и сплочению русских военных в Эстонии нанесла вражда между генералами А. К. Баиовым и О. П. Васильковским. Этот конфликт был связан, по сути, со стремлением обоих генералов утвердить свое главенство над всеми русскими военными в Эстонии и нежеланием идти на какой-либо компромисс, что послужило причиной раскола русских военных на два противоборствующих лагеря. В конечном счете это исключительно негативно сказалось на престиже и деятельности всех начинаний русских военных, привело к распылению сил и средств, что в свою очередь сделало невозможным то, к чему они стремились, то есть к объединению всех русских военных и всей русской эмиграции.

Глава II. Литературное наследие русских военных в Эстонии 1920–30-х гг.

Литературное наследие проживавших в Эстонии в 1920–1930-е годы русских военных еще полностью не изучено. Несмотря на то, что в сравнении с другими странами Русского зарубежья и численный, и качественный состав русских военных в Эстонии был не столь велик и богат писателями, все же нельзя сказать, что все ими написанное не представляет интереса. Наиболее крупное по объему литературное наследие оставили после себя А. К. Баиов, Э. А. Верцинский и Э. Г. фон Валь.

Творческое наследие А. К. Баиова эстонского периода включает в себя учебные пособия по военному делу, написанные для эстонских военных учебных заведений, ряд брошюр, вышедших как в Эстонии, так и за ее пределами, и статьи, посвященные отдельным вопросам военной науки, а также статьи публицистического характера, посвященные вопросам текущего момента и пропаганде монархических идей и т. д. Весьма интересно и разнообразно литературное наследие Э. А. Верцинского, включающее в себя воспоминания о Первой мировой войне и ее финальной фазе, которая ознаменовалась революцией и развалом армии; рядом материалов по истории лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка, а также издание рукописных журналов Союза царскосельских стрелков. Стоит также отметить и работу Э. А. Верцинского в качестве редактора и издателя сборников воспоминаний царскосельских стрелков «Памятные дни». Э. Г. фон Вальем было написано 7 книг по истории Первой мировой и Гражданской войн. Обзор литературного наследия этих авторов, а также Г. И. Афанасьева (Копьева), более подробно представлен в соответствующих параграфах этой главы.

Кроме указанных военных были и другие, чье литературное наследие является не столь объемным, но в то же время представляет не меньший интерес. Здесь стоит отметить книгу генерала А. А. Зальфа «Научная тактика. Основной закон и принципы вооруженной борьбы. Танненбергская катастрофа и ее виновники» (Таллинн, 1932) и книгу старшего лейтенанта Г. Е. Вейгелина «Памятка о морали и психологии: Из поучений военных авторитетов» (Таллинн, 1929). Полковник Б. В. Энгельгардт не был лишен писательского таланта и сотрудничал в некоторых русских газетах, но его перу принадлежит только одна брошюра, изданная под псевдонимом Б. Бельский, «Русский Обще-Воинский союз (Р. О. В. С.) и И. Л. Солоневич» (Таллинн, 1938). Автором только одного произведения был и генерал А. О. Штубендорф, написавший небольшую брошюру «Памяти генерал-лейтенанта Алексея Константиновича Баиова» (Таллинн, 1935).

Изредка на страницах русской периодики публиковались статьи некоторых русских военных. Из числа таких публикаций стоит отметить, например, статью адмирала П. П. Левицкого «Императорский флот в первое время войны», опубликованную в газете «Час» [Левицкий 1926]; краткие воспоминания об одном из боев русского и германского флотов в Рижском заливе старшего лейтенанта А. Ф. Житкова [Житков 1935]; отзыв генерала Г. Д. Янова на книгу В. Л. Горна «Гражданская война на северо-западе России» [Янов 1926]. Несколько статей, написанных генералом О. П. Васильковским, были опубликованы на страницах газет [Васильковский 1921а, 1921б] и в коллективных сборниках [Васильковский 1922; Беседа 1922].

Вообще, как это ни странно, несмотря на то, что в Эстонии проживало немало участников и Первой мировой, и Гражданской войн, их воспоминания или какие-либо работы, связанные с этими событиями, почти не издавались. Так, например, о Северо-Западной армии, кроме упомянутого выше отзыва Г. Д. Янова, можно еще отметить лишь воспоминания «Незамеченный герой» неизвестного автора, скрывавшегося под псевдонимом А. Мурский [Мурский 1924], и размышления о причинах гибели армии неизвестного автора, подписавшего свои статьи криптонимом «П-ъ» [П-ъ 1934].

Однако это не означает, что таких работ не было. К примеру, известно о существовании машинописи К. И. фон Нотбека «Морское управление Северо-Западной армии» [Бойков 2002, 246]. Среди архивных документов эстонского комитета по составлению истории Освободительной войны хранится ряд рукописей, представляющих собой воспоминания некоторых бывших военнослужащих Северо-Западной армии, в числе которых содержатся воспоминания начальника штаба отряда С. Н. Булак-Балаховича ротмистра Ефремова, воспоминания П. Васильева «Рука об руку» и «Неосуществленный поход на Кронштадт», воспоминания Ф. Дмитриева «Служба в царской, красной и Северо-Западной армиях 1914–1920 гг.» [Rosenthal 2006, 692–693]. К этому числу когда-то написанных, но неопубликованных работ относится и книга «Тайна и кровь» ротмистра А. И. Владыкина (Валля), которая была написана после его возвращения с разведывательного задания из СССР в 1925 г. [ФГАЭ 129: 28198, 33–34].

Подробное изучение всего комплекса литературного наследия русских военных в Эстонии в 1920–1930-е годы еще ждет своего исследователя. В рамках данной работы нами предпринят лишь краткий обзор трудов некоторых наиболее крупных и значительных авторов.

§ 1. А. К. Баиов

1. 1. Обзор творческого наследия А. К. Баиова доэмигрантского периода

Первой печатной работой А. К. Баиова была книга «Лейб-гвардии Егерский полк. Историческая памятка для нижних чинов», в которой автор освещал историю полка с момента его основания в 1796 г. и до конца 1880-х гг., уделяя особое внимание описанию участия полка в боевых действиях 1813–1814 гг. Это был первый опыт создания истории лейб-гвардии Егерского полка и, конечно, труд Баиова не учитывал в полном объеме некоторые моменты истории полка, его организации и т. п., что было восполнено последующим капитальным трудом коллектива авторов — «История лейб-гвардии Егерского полка за 100 лет. 1796–1896» — вышедшем три года спустя, в 1896 г. Но тот факт, что первым историю полка написал 22-летний офицер, проработавший и систематизировавший немалое по объему количество архивных материалов, является весьма показательным при оценке личности Баиова.

В дальнейшем, до появления своего первого по значительности и охвату материала грандиозного труда «Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны» (СПб., 1906), Баиов опубликовал еще три работы, которые не были упомянуты ни одним из исследователей творчества Баиова. Это «Памятка по топографии для унтер-офицеров пехоты» (СПб, 1900), «Военно-исторический и статистический очерк Северной Кореи» (СПб., 1904) и «Записки по элементарной

тактике. Пехота» (СПб., 1905). Особо примечательной является последняя работа, в которой Баиов впервые обрисовывает свое понимание сущности военного искусства.

Собственно говоря, взгляд Баиова на предмет тактики не представлял собой радикально новую точку зрения по этому вопросу в русской военной науке того времени. С первых же страниц своей работы Баиов занимает достаточно «прозрачную» позицию, согласно которой «в основании военного искусства лежат вечные и неизменяемые принципы, или законы, которые в тот или другой период истории под воздействием тех или иных обстоятельств, национальных особенностей народа и творческого гения исторических личностей, принимают своеобразные формы» [Баиов 1905, 5].

Приятие Баиовым факта существования «неизменяемых принципов» военного искусства напрямую связано с концепциями Г. А. Леера, который в своих трудах последовательно и методично отстаивал данный тезис [см.: Русская военно-теоретическая мысль 1960, 268–338]. Вторая часть утверждения Баиова написана в русле мыслей, высказывавшихся А. К. Пузыревским, Д. Ф. Масловским и другими представителями «русской школы» [см.: Бескровный 1962, 218–271]. Таким образом, Баиов в рассматриваемой работе пытался соединить взгляды и положения двух направлений русской военной науки.

Искусство тактики и стратегии, по мнению Баиова, заключается в «умении применять законы военного искусства сообразно требованиям насущной действительности» [Баиов 1905, 6]. В тактическом плане важным является изучение боевых качеств войск и топографии [Баиов 1905, 7]. Опуская специфически военную проблематику работы (боевые порядки войск, операционная линия огня, рекогносцировка и т. д.), отметим, что Баиов большое значение придавал теоретической подготовке войск, воспитанию бойцов. В этой связи одним из необходимых условий было знание военного опыта предыдущих эпох. Однако, резюмировал Баиов, все приобретенные теоретические навыки совершенно бесполезны без «высокого морального уровня», воли к победе, без активных наступательных действий на фронте и проявления инициативы [Баиов 1905, 88–89].

В целом, высказанные Баиовым идеи, так или иначе, разделялись всеми преподавателями Николаевской академии. Если принять во внимание, например, «Учебник тактики» М. Драгомирова [Русская военно-теоретическая мысль 1960, 339–347] или статьи Н. Михневича [Русская военно-теоретическая мысль 1960, 415–550], то обнаруживается практически тот же подход к предмету и задачам тактики и стратегии. По этому поводу американский исследователь истории Николаевской академии Дж. Штейнберг считает, что в области методов исследования стратегии и тактики между представителями школы академистов и русской школы наблюдалось значительно меньшее число расхождений, чем в вопросах ориентации (на западные или русские образцы) отечественной военной науки [Steinberg 1990, 278–280].

Следующий монументальный труд Баиова «Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны», вышедший в двух томах в 1906 г., был поистине революционным в русской военно-исторической науке, так как, во-первых, затрагивал эпоху в истории русского военного искусства, никем не исследованную; во-вторых, раскрывал совершенно иную картину эпохи и значение Миниха как полководца, внесшего значительный вклад в развитие военного дела в России.

Предшественников Баиова отличало весьма критическое, если не сказать отрицательное, отношение к полководческому таланту Миниха. Так, Д. Ф. Масловский в «Записках по истории военного искусства в России» (Вып. I-II, СПб., 1891–1894) писал: «При Минихе военное дело приняло направление <...>

столь отличное от петровских начал, что только резко выдающийся талант мог бы сразу направить это дело по прежнему пути» [цит. по: Бескровный 1962, 223].

Баиов не критиковал своих предшественников и учителей, но всей работой опровергал точку зрения, бытовавшую в исследовательской литературе предшествовавшего времени. Содержание книги Баиова прекрасно пересказано в монографии Б. А. Штейфона [Штейфон 1937], поэтому приведем лишь основные положения труда Баиова.

«Со смертью Петра Великого, — писал Баиов, — окончилась наиболее блестящая эпоха в истории русского военного искусства, отличного от западных образцов» [Баиов 1906, 283]. Преемники Петра I во всех своих начинаниях «выказали неспособность и слабости», погрязнув в придворных интригах и внутренней борьбе. Вследствие слабости верховной государственной власти действительными руководителями в государственных делах были иностранцы. Правда, выдвижение иностранцев на важные руководящие посты в некоторых случаях носило позитивный характер с точки зрения решений национальных задач России. Деятельность Миниха во времена Анны Иоанновны являет собой прекрасный тому пример. «Деятельность Миниха, — продолжал Баиов, — в сфере военной широко затрагивает все ее отделы, как то: организаторский, административный, хозяйственный и, наконец, чисто боевой — в области стратегии и тактики» [Баиов 1906, 284].

Миних как профессиональный военный был прекрасным знатоком «пехотного строя и инженерии, но не знал артиллерии и кавалерии», также как «был не знаком со способом ведения боя Петра I как очевидец, но, вероятно, изучил его позже, так как был любопытен и талантлив» [Баиов 1906, 288–289]. Полководческий талант Миниха заключался, по мнению Баиова, в том, что «в войне Миних видит решительное средство для достижения тех или других исторических задач государства», которые в свою очередь заключались в завоевании Константинополя и овладении проливами. Осознание невозможности осуществить этот план «одним ударом» привело Миниха к правильному, на взгляд Баиова, решению в подготовке армии к нескольким военным кампаниям [Баиов 1906, 290]. С тактической стороны Миних разбил театр боевых действий на два фронта — основной и демонстративный (второстепенный), что позволяло сосредоточивать наступление на одном направлении и «не распылять войск», выматывая противника [Баиов 1906, 290–291].

В целом стратегия и организация военного дела Миниха, на взгляд Баиова, были не такими как на Западе. Миних отказался от магазинной системы довольствия армии. Снабжение войск Миниха всем необходимым осуществлялось преимущественно средствами страны, в которой воевала армия (принудительные реквизиции). Запас довольствия делался на весь период ведения войны. Миних был сторонником исключительно наступательной стратегии. Особое внимание при нем уделялось разведке, производимой запорожцами. Офицерский состав русской армии, укомплектованный в основном из иностранцев, был сокращен и пополнен русскими кадрами, что в дальнейшем, по мнению Баиова, благотворно сказалось на развитии национального военного искусства [Баиов 1906, 292–301].

Подводя итоги, Баиов писал, что «если Миних и не обладал как полководец творческим гением, если он и не создал в военной сфере ничего нового и оригинального, то во всяком случае он являлся талантливым подражателем лучших образцов, созданных блестящими деятелями предыдущего царствования. Заслуга его заключается в том, что он в смутный период истории России не дал забыться истинным началам военного дела, завещанным гениальным Петром» [Баиов 1906, 303].

Стоит ометить, что труд Баиова «Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны» до сих пор остается непревзойденным источником по истории военного искусства означенного периода. Например, современный исследователь аннинского периода русской истории Н. Н. Петрухинцев в своей книге «Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота» отмечает, что труд Баиова — это «единственная монография, посвященная военной истории аннинского царствования, наиболее совершенная как по методам работы с источниками, так и по охвату материала...» [Петрухинцев 2001, 28].

Самым выдающимся, занимающим центральное место в творчестве Баиова доэмигрантского периода, трудом является его «Курс истории русского военного искусства» (Вып. I–VII; СПб., 1909–1913). В предисловии к первому выпуску — «От начала Руси до Петра Великого» — Баиов сформулировал цели своей работы следующим образом: «Целью курса должно служить: а) изучение прошлого нашего военного искусства и деятельности наших выдающихся полководцев; б) подтверждение всех основ военного дела на деятельности наших полководцев и наших войск; в) подтверждение того, что наш исторический фонд, в связи с нашими национальными особенностями, представляет достаточно данных, чтобы мы смогли самостоятельно развивать русское военное искусство на вполне правильных началах; г) утверждение уважения к нашему самосознанию; д) более близкое знакомство с замечательными русскими деятелями на поприще военного искусства и с их историческим значением; е) указание тех путей, по которым нам следует идти, чтобы русское военное искусство развивалось бы самостоятельно и самобытно» [Баиов 1909а, IV]. Из приведенной цитаты явствует, какую грандиозную по охвату и значению задачу ставил перед собой Баиов, пытаясь обосновать право на существование истории русского военного искусства как самостоятельной науки.

Свой «Курс» Баиов начинал с рассмотрения периода первых военных объединений восточных славян. Отметим, что Б. А. Штейфон в своей книге о Баиове начинает изложение «Курса» с истории русского военного искусства Московского царства XVI–XVII вв. [Штейфон 1937, 95]. Между тем в книге Баиова этому периоду посвящены лишь две последние главы (VI и VII), а предыдущие главы (I–V) охватывают хронологический отрезок времени с VI по XV в.

Небезынтересным будет отметить и тот факт, что решением конференции Николаевской академии Баиову было предписано начать обзор истории русского военного искусства с конца XVII века, «чтобы подвести к реформам Петра Великого» [Баиов 1909а, V]. Однако Баиов осуществил данное предписание с существенным дополнением, начав обзор истории русского военного искусства не с XVII в., а с VI в., полагая, что «наше военное дело, каким оно было в XVII столетии, в значительной своей части сложилось еще в XVI столетии, а основы получило даже гораздо ранее; с другой стороны, несомненно, что обзор состояния нашего военного искусства с первых же дней существования Руси для нас, русских, должен представлять собой значительный интерес, сообщая этим сведениям полноту, систематичность и цельность, тем более, что и в самой седой нашей старине есть немало поучительного даже и для настоящего времени» [Баиов 1909а, V].

Таким образом, Баиов отказался от ставшего традиционным рассмотрения русского военного искусства, начиная лишь со времен Петра I¹. Следуя

¹ См. перечень работ разных авторов по истории русского военного искусства, приводимый Б. А. Штейфоном [Штейфон 1937, 66].

В. О. Ключевскому², Баиов считал фактом начала русской истории военный союз восточных славян в VI в. н. э., объединявшихся «для вторжения в пределы Восточной империи (Византии)» [Баиов 1909а, 1]. Военное искусство восточных славян, по убеждению Баиова, во временной отрезок с VI по XI в. отличал «высоко развитый нравственный элемент», «дружина обладала мужеством и храбростью; твердостью и терпением в перенесении трудов, лишений и опасностей, суровостью в образе жизни, верностью и преданностью своим князьям и начальникам. Земское войско (вои) и наемные войска всеми перечисленными качествами обладали в значительно меньшей степени» [Баиов 1909а, 8–9]. Не отрицая определенного влияния варягов на развитие славянского военного искусства, Баиов не считал его решающим, поскольку в данный период времени военное искусство славян отличалось яркими национальными особенностями, которые с течением времени направляли ход его развития по другим путям, отличным от западно-европейских [Баиов 1909а, 12].

На русское военное дело XI – середины XIII вв., по мнению Баиова, большое влияние оказала феодальная раздробленность государства, явившаяся следствием установленного после Ярослава Мудрого порядка княжеского владения землей. Княжеские междоусобицы влекли за собой раздробление вооруженных сил, а прикрепление дружинников к земле (вотчинам) приводило к потере ими боевых качеств [Баиов 1909а, 13–15]. Отсюда следовал вывод: «Политические условия были неблагоприятны для военных действий, но бывали проблески военного таланта (Владимир Мономах). <...> По сравнению с предыдущим периодом уровень снизился, и военное искусство заключало в себе мало данных для дальнейшего своего развития» [Баиов 1909а, 19].

С первой половины XIII до первой половины XIV вв. русское военное дело, согласно Баиову, испытало сильное влияние монголо-татарского военного искусства. Оружие и организация русских войск стали практически совершенно монгольскими. В отличие от войск западных государств, где пехота продолжала сохранять свое важное значение, и, в согласии с образцом монгольских войск, была увеличена конница [Баиов 1909а, 29–30].

Состояние русского военного искусства XIV–XVII в. Баиов в общем оценивал положительно. Несмотря на неудовлетворительное обучение войск, состояние «на первобытном уровне» системы довольствия, несмотря на слабые, с точки зрения фортификационного искусства, попытки постройки крепостей, а также преобладание оборонительной стратегии, именно в этот период были заложены основы военного дела. Как положительные моменты этого периода Баиов отмечал увеличение численности армии и создание инженерных войск. Как «чисто русскую особенность с самого зарождения военного искусства» Баиов определял создание в боевом порядке резерва, а в деле охраны границ — «создание линий и черт для закрепления за собой приобретенного пространства» [Баиов 1909а, 87–88].

Период смутного времени рассматривался Баиовым исключительно негативно. Усиление закрепощения крестьян, «войны царя с боярством» приводили к следующим последствиям: 1) отвлечение внимания от военного дела на внутреннюю

² А. К. Баиов считал В. О. Ключевского своим «учителем в области истории» [Баиов 1911, 29]. В 1911 г. в «Известиях Императорской Николаевской военной академии» Баиов опубликовал статью «Значение В. О. Ключевского для русской исторической науки» (№ 21. С. 908–915), которая в этом же году вышла отдельным оттиском. Баиов в первую очередь признавал за В. О. Ключевским, как заслугу перед российской исторической наукой, его «исторически верную оценку» важности военного фактора в процессе становления российской государственности и влияние национальных особенностей народа на военное искусство [Баиов 1911, 3–5].

полититку; 2) отсутствие средств; 3) падение дисциплины; 4) передвижение населения, которые нарушали общую систему государства. Ополчение Ляпунова, на взгляд Баиова, представляло собой незначительное явление с точки зрения военного искусства, но существенное — с политической [Баиов 1909а, 112, 116].

XVII в. в истории русского военного искусства определялся Баиовым как переходный этап. В этом столетии в виду несовершенства войск старого образца стали появляться новые категории войск — иноземные полки. Распространяется огнестрельное оружие, которое начинают интенсивно завозить из-за границы [Баиов 1909а, 147]. В плане обучения войск по-прежнему наблюдается плохая подготовка. В это же время издается устав тактики, который, вследствие своего переводного характера, оказывается плохо приспособленным к русским условиям, но как средство распространения в войсках научных практических знаний и нравственных начал приобретает определенную ценность. Довольствие войск по-прежнему остается на низком уровне. В армии учащаются случаи мародерства и, как следствие, понижение дисциплины [Баиов 1909а, 148]. К концу данной эпохи в военных кругах все с большей силой начинают осознаваться нужность и потребность перемен [Баиов 1909а, 149].

Второй выпуск «Курса» Баиова посвящен эпохе Петра Великого. Однако здесь, обрисовывая состояние военного искусства при Петре I, Баиов не делает конкретных обобщающих выводов, замечая лишь, что при определении «значения личности Петра Великого и его реформ для русского военного искусства <...> объем работы более обширен, чем требовалось бы учебными условиями прохождения в академии курса истории русского военного искусства» [Баиов 1909б, V]. Обобщающие выводы о военном искусстве эпохи Петра I Баиов сделает позже, в 1912 г., в своей книге «История русской армии. Курс военных училищ». Не останавливаясь подробно на рассмотрении данной проблематики, поскольку это уже сделано Б. А. Штейфоном [Штейфон 1937, 94–117], отметим, что Баиов придавал военному гению Петра I и его реформам огромное значение. Именно при Петре были заложены истинные основы самобытного русского военного искусства. Система регулярной армии, введенная Петром Великим, позволила русскому военному искусству опередить европейское на 100 лет. Впитав в себя все лучшее, что было в предыдущем военном опыте, реформы Петра Великого сделали русское военное искусство чисто национальным.

Третий выпуск «Курса» охватывает эпоху царствования Анны Иоанновны. Выпуск представляет собой краткое изложение двухтомного труда Баиова «Русская армия в царствование Анны Иоанновны», о котором мы писали выше.

В четвертом выпуске рассказывается об эпохе Елизаветы, результатом которой стало то, что «несмотря на блестящие победы нам не удалось сократить силы Пруссии, но зато подорвать их, что сказалось в царствование Екатерины II» [Баиов 1909г, 104]. Баиов наблюдал преемственность военного искусства этой эпохи с предыдущими и последующими: «Во главе действующих армий стояли генералы, которые свой боевой опыт получили в царствование императрицы Анны», а «война, веденная ими, послужила школой для будущих деятелей (Румянцев, Панин, Прозоровский, Суворов)». Именно в этот период русской истории были выработаны «общие черты, присущие только нашим полководцам, носящим национальный характер: твердая вера в свою армию, понимание сущности боя, нешаблонное применение основ военного искусства» [Баиов 1909г, 105].

Как характерную черту русской стратегии этой эпохи Баиов отмечал стремление Ставки (конференции) руководить операциями. В плане боевых порядков изменения коснулись конницы, которая стала стремительна в нападении и независима от тыла.

Масштабы фронта стали намного шире. Бой принял активно-оборонительный характер, а в войсках большое значение приобрел «принцип взаимной выручки». Победы русской армии имели «глубоко нравственное значение» [Баиов 1909г, 105–107].

В пятом выпуске «Эпоха императрицы Екатерины II» Баиов писал, что после времен Петра Великого, это была «самая блестящая эпоха жизни России и ее военного искусства», являвшая собой во всемирной истории пример «появления у одного народа одновременно двух военных гениев» — П. А. Румянцева и А. В. Суворова [Баиов 1909г, 228]. Всего в военной истории всех времен и народов Баиов насчитывал десять великих полководцев, из них русских — три.

Полководцев данной эпохи выделяло то, что они всегда правильно устанавливали идею боя, сосредоточения сил, маневренности, подчиняли противника своей воле, не использовали существовавшие технические средства, но в то же время придавали большое значение удару холодным оружием, который должен был окончательно сломить волю противника [Баиов 1909г, 230]. Особенности русской стратегии данной эпохи — это активность, энергичное наступление, неуклонное преследование своей цели с учетом всех данных постоянно меняющейся обстановки. Специфика русской тактики этого периода — наступательные бои с решительной целью, когда решение всегда ищется на флангах при демонстрации с фронта и при наступающем преследовании [Баиов 1909д, 230]. Русское военное искусство второй половины XVIII в. — это блестящее продолжение дела Петра I (особенно в лице Румянцева). В целом, Баиов делал вывод о том, «что русская военная мысль в XVIII в., особенно в вопросах тактики, шла впереди всех идей этой области других народов, а факты боевой деятельности армии данной эпохи показывают, что, когда применение указанных мыслей на практике шло у нас в соответствии с национальными особенностями истинного народного духа, то результаты получались поразительные, для других народов положительно невозможные» [Баиов 1909д, 229]. В военном опыте русской армии этой эпохи Баиов предлагал искать решение теоретических и практических вопросов военной науки современности.

В изложении пятого выпуска «Курса», посвященного эпохе императора Павла I, Баиов сверх программы академии по собственной инициативе включает рассмотрение Швейцарского похода А. В. Суворова 1799 г., а также подробнее, чем было предусмотрено, останавливается на разборе военных уставов, изданных в царствование Павла I, и на приемах обучения и воспитания армии в этот период.

Характеризуя в целом эпоху, Баиов с прискорбием отмечает, что «царствование Павла — это еще одна попытка после Петра III свернуть на чуждый нам путь заимствований с Запада» [Баиов: 1910, 171]. В военном деле эпохи Павла I, по мнению Баиова, культивировался сверху отказ от самостоятельности, самодеятельности и частного почина. Суворов никак не вписывался в атмосферу времен Павла I, являясь «отзвуком» эпохи Екатерины II. Павел I не смог одолеть гений Суворова и «дал ему свободу действий» [Баиов 1910, 172]. Несмотря на короткий срок правления Павла I, его опыт, по убеждению Баиова, не прошел бесследно и «возродился вновь, приведя к неудачам Севастополя 1854–1855 гг. и в войне с Японией 1904–1905 гг.» [Баиов 1910, 172]. Суть отрицательного характера влияния Павла I заключается во «вредности влияния мирной практики на развитие военного искусства и отрицание научной мысли и опыта предшественников» [Баиов 1910, 172].

Эпоху царствования Александра I Баиов охарактеризовал как неопределенную и неустойчивую, как эпоху борьбы двух начал — павловского и активного

полководческого [Баиов 1913а, 273]. Период войн 1805–1815 гг. Баиов называл временем «торжества разумной и здоровой военной науки», определяя дальнейший этап правления Александра как время творческой стагнации русского военного искусства [Баиов 1913а, 273].

Шесть пунктов, выделяемых Баиовым как положительные черты военного дела при Александре, выражали суть достижений военного искусства того времени, не утративших свое значение вплоть до начала XX в.: 1) законченная организация артиллерии; 2) прочное теоретическое обоснование военной науки; 3) создание в дополнение к регулярной армии временной милиции и ополчения, которые с тех пор стали как бы обязательными при любой организации вооруженных сил России; 4) замена коллективной системы высшего центрального управления, более подходящей для решения военных вопросов, министерской системой, в основе которой лежит зависимость только от верховной власти; 5) принятие закона об управлении действующими армиями во время войны, который давал все полномочия назначенному полководцу; 6) возрождение на новых началах института Генерального штаба [Баиов 1913а, 477–478]. В целом же эпоха Александра I стала утверждением системы Павла I и основанием для расцвета «николаевщины» [Баиов 1913а, 480–481].

Для уяснения научной позиции Баиова, его мировоззрения доэмигрантского периода весьма важными являются следующие его труды: «История военного искусства как наука» (СПб., 1912) и «Национальные черты русского военного искусства в романовский период нашей истории» (СПб., 1913).

Суть истории военного искусства Баиов понимал как «изучение состояния военного искусства в различные исторические эпохи, постепенного его развития и выяснения, по возможности, тех исторических причин, которые повлияли на его развитие в ту или другую сторону...» [Баиов 1912, 103]. Сущность военного искусства и его характер определяют два фактора: природа вещей (неизменные законы) и деятельность человека во всех ее проявлениях (изменчивый фактор).

Таким образом, военное искусство любого народа формируется в процессе взаимодействия неизменных по своей сути законов и меняющейся исторической обстановки. На русское военное искусство неизгладимый отпечаток наложили географическая среда обитания, развившая в русском народе личную самостоятельность, смекалку, решительность, изворотливость в затруднительных и опасных ситуациях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами, выносливость и наблюдательность [Баиов 1913б, 5]. «Та же обстановка под влиянием деятельности русских царей развила в русском народе чувство национального самосознания, высокую религиозность, самоотверженную любовь к родине и беспредельную преданность государю» [Баиов 1913б, 6].

Все эти факторы, вместе взятые, придавали русскому народу характерные черты, отличающие его от других народов. Эти же факторы повлияли на характер русского военного искусства, самой главной особенностью которого Баиов считал «непревзойденную доблесть наших войск», «его высокий нравственный элемент» [Баиов 1913б, 23].

В дореволюционный период жизни Баиова сформировалось его мировоззрение, основанное на утверждении уникальности русского народа и его военного искусства. Необходимым условием сохранения и развития самобытного военного искусства России являлось, по мнению Баиова, монархическое правление. До конца жизни А. К. Баиов остался глубоко убежденным сторонником самобытности русского военного искусства, он искренне верил в великое будущее России, доказывал

необходимость сохранения и развития национального военного искусства в целях защиты государства и его народа, объединенных под скипетром российского самодержца.

1. 2. Проблематика творчества А. К. Баиова в период эмиграции

1. 2. 1. Общетеоретические и частные вопросы военного искусства

а) Курсы лекций

Первыми трудами Баиова, изданными уже в Эстонии в начале 1920-х гг., были отпечатанные литографическим способом курсы его лекций по стратегии, теории статистики, истории военного искусства, военной географии Эстонии и соседних стран³ и курс лекций о Великой мировой войне⁴, предназначенные для слушателей Курсов Генерального штаба эстонской армии. Поскольку это были учебные пособия, они носили компилятивный характер и не являлись плодами научных изысканий самого Баиова. В связи с тем, что данные издания до последнего времени не были обнаружены и описаны, считаем необходимым дать обзор этих трудов.

В 1921 г. А. К. Баиов издал литографическим способом грандиозный труд «История военного искусства от народов классической древности до начала XX столетия включительно» объемом в 834 страницы. В нашей работе мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении этого труда по трем причинам: во-первых, труд Баиова более или менее охарактеризован в монографии Б. А. Штейфона [Штейфон 1937, 215–219]; во-вторых, описание и анализ данного исследования в большей степени соответствует задачам и уровню подготовки военного историка; в-третьих, рассмотрение монографии Баиова, по мнению Б. А. Штейфона, «может быть предметом весьма обширного разбора» [Штейфон: 1937, 215], что не входит в задачи нашей работы.

Таким образом, мы ограничимся лишь перечислением теоретических разделов книги Баиова, в целях дать представление о значительности и объеме исследуемого автором материала.

Монография Баиова состоит из введения, где он обосновывает структуру работы и подчеркивает важность изучения истории военного искусства в целях познания его законов [Баиов: 1921а, 1–2]⁵, и двух основных частей. В первой части рассматривается военное искусство греков [С. 3–16] и римлян [С. 17–44]. Вторая часть посвящена военному искусству новых времен и включает в себя двенадцать глав.

Первая глава второй части носит название «Военное искусство от половины VI до начала XVII столетия» [С. 45–100] и разделена на ряд подглав: «Военное искусство западных народов до Крестовых походов включительно» [С. 45–47], «Военное искусство восточных народов и у русских до половины XIV столетия» [С. 48–54], «Военное искусство новых народов от крестовых походов до Густава Адольфа» [С. 55–100].

³ По имеющимся у нас сведениям, этот курс лекций вышел в 1922 г. К сожалению, найти эту работу нам не удалось.

⁴ Эта работа нами рассматривается в следующем подразделе.

⁵ В дальнейшем в скобках будут указаны только номера страниц.

Вторая глава посвящена эпохе Густава Адольфа [С. 101–133], третья — эпохе Людовика XIV [С. 134–152], четвертая — эпохе Петра Великого [С. 153–216], пятая эпохе Фридриха Великого [С. 217–256], шестая — переходному периоду конца XVII столетия [С. 256–273], седьмая — эпохе Екатерины Великой [С. 274–332], восьмая — эпохе Наполеона [С. 333–450], девятая — периоду ударной тактики [С. 451–507], десятая — времени появления нарезной артиллерии, железных дорог и развития полевой фортификации [С. 508–580], одиннадцатая — периоду всеобщей военной повинности [С. 581–736], двенадцатая — эпохе массовых армий и технического развития [С. 737–834].

Каждая из глав включает общий обзор устройства вооруженных сил рассматриваемой эпохи, отдельно рассматриваются войны того или иного периода и приводятся общие выводы. В последней главе под названием «Эпоха массовых армий и развитие техники» анализируется исключительно ход Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Событиям Первой мировой войны посвящена следующая книга Баиова — «Великая мировая война 1914–1918 гг.», вышедшая в 1922 г. Данный труд состоит из двух частей: «Боевые действия на французском театре в период маневренной войны» и «Краткий очерк боевых действий на русском фронте от начала войны до октября 1916 г.». Собственно говоря, перу Баиова принадлежит лишь вторая часть, занимающая 38 страниц из 307 общего объема книги. «Первая часть, — как гласило пояснение на титульном листе, — составлена по лекциям профессора В. Ф. Новицкого, читанным в русской Академии Генерального Штаба в 1919 г. [Баиов: 1922а]⁶.

Структура первой части следующая: «Причины войны» [С. 1–10], «Театр военных действий» [С. 10–26], «Вооруженные силы» [С. 26–60], «Планы сторон» [С. 60–67], «Мобилизация, сосредоточение и развертывание армий воюющих сторон» [С. 68–82], «Вторжение германцев в Бельгию» [С. 82–95], «Боевые действия в Эльзас–Лотарингии в августе 1914 года» [С. 95–108], «Пограничное сражение» [С. 108–128], «Общее отступление союзников из Бельгии» [С. 128–138], «Сражение на Марне» [С. 139–169], «Отступление германских армий к реке Эну и сражение на этой реке» [С. 170–180], «Операции на флангах» [С. 180–193], «Осада и падение Антверпена» [С. 193–207], «Сражение во Фландрии» [С. 208–242], «Общие выводы из маневренного периода войны на французском фронте» [С. 242–268]. Разбор данной части — удел военного историка. Так как авторство данной части не принадлежит Баиову, мы не будем заниматься ее рассмотрением. В дальнейшем нас будет интересовать лишь первая глава «Причины войны», так как она по содержанию связана с проблематикой книги Баиова «Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры».

Вторая часть книги, написанная Баиовым, состоит из четырех глав: «Стратегическое развертывание русской армии на западной границе» [С. 269–275], «Краткий перечень событий на русском фронте от начала военных действий до позиционной войны» [С. 276–282], «Общий характер позиционной войны на французском и русском фронтах и различие в условиях ведения этой войны на Западе и на Востоке» [С. 283–288], «Прорывы русскими неприятельского фронта в период позиционной войны» [С. 289–307].

Опуская разбор приводимого Баиовым фактического материала о боевых действиях на русском фронте, остановимся на выводах. Стратегическое

⁶ В дальнейшем в скобках будут указаны лишь номера страниц.

развертывание русской армии на западной границе Баиов расценивал как неудовлетворительное, так как в ходе стратегического развертывания верховным командованием был внесен ряд корректив, нарушавших заранее выработанный план войны. Так, по просьбе союзников были усилены армии Северо-Западного фронта за счет изъятия одного корпуса из войск, сосредоточенных на австрийском фронте [С. 271–272]. Ко всему прочему было решено, опять же по просьбе союзников, не дожидаясь полного сосредоточения войск, перейти в наступление [С. 274].

Таким образом не было соблюдено основное условие победы — не нарушать выработанного плана [С. 273]. В целом Баиов выделял 2 главных недостатка стратегического развертывания русской армии: 1) равномерное распределение войск вдоль всего растянутого фронта и отсутствие определенного направления главного удара; 2) «неумение использовать богатство кавалерии» [С. 274].

Во второй главе, перечисляя основные события на русском фронте, Баиов подчеркивал активный, наступательный характер русских войск и относительную пассивность союзников на французском фронте, отсутствие поддержки русским войскам во время их наступления и особенно в момент их отступления [С. 282].

В третьей главе Баиов устанавливал отличия в условиях ведения боевых действий на французском и русском фронтах. Различия заключались в том, что, в отличие от французского фронта, на русском остро ощущался недостаток технических средств, по обширности пространств русский фронт был намного больше, условия местности были абсолютно разные, на русском фронте была недостаточно развита сеть железных дорог [С. 287]. В общем, по мнению Баиова, технические и географические условия на Западном фронте были более благоприятны для ведения боевых действий. Обстановка на русском фронте требовала более широкого комбинирования и применения маневра [С. 288].

Оценивая значение прорывов неприятельского фронта русскими войсками, Баиов подводит итоги: 1) разгром австрийской армии и сильный удар по германским войскам; 2) отнятие у противника территории (25 000 квадратных верст); 3) выведение из критического состояния Италии; 4) облегчение положения Франции; 5) подъем духа русской армии и русского народа [С. 306]. Причинами успешного действия русских армий являлись: «1) твердая вера главнокомандирующего Брусилова в победу и умение ее вселить в своих подчиненных; 2) самая тщательная и продуманная подготовка всей операции; 3) внезапность удара, против которого враг не успел принять никаких мер противодействия; 4) впервые примененный на русском театре при прорыве неприятельских позиций в позиционной войне стратегический способ действий: не атака на узком участке в районе одной армии, а одновременное широкое наступление четырех-пяти армий со штурмом четырех участков, общим протяжением в 60–80 верст» [С. 306–307].

Работа А. К. Баиова «Лекции по теории статистики» вышла в 1921 г. Как и другие работы Баиова, это издание является учебным пособием (что отражено и в его названии) для офицеров эстонской армии. Данная работа состоит из введения и двух глав, первая из которых разделена на 4 подраздела.

Во введении Баиов делает экскурс в историю возникновения и становления статистики как науки. Автор отмечает, что статистика, как наука о государстве, получила свое начало в древнейшие времена и была «вызвана к жизни практическими потребностями государственного управления, главным образом военными и финансовыми» [Баиов 1921б, 1]⁷.

⁷ В дальнейшем в скобках будут указаны только номера страниц.

Научная статистика, по мнению Баиова, возникла тогда, когда «человечество, перестав довольствоваться одним описанием факта, стало стремиться определить степень его устойчивости, причину его происхождения и развития». Только в эпоху, когда стало возможным «результаты численных описаний подвергнуть математическому анализу, с одной стороны, и приложению правил индуктивного мышления к наблюдениям и надлежащим образом описанным массам — с другой», появилась научная статистика [С. 1].

Далее Баиов приводит в качестве примеров статистические труды, начиная со времен Древнего Китая и Индии и до Средних веков и Нового времени [С. 2–7].

Основателем научного направления в статистике Баиов считает Л. Кетле, который первым подошел к проблемам статистики с философской точки зрения, рассматривая «наблюдаемые статистические явления в жизни людей как проявление законов» [С. 7]. Позднее с некоторыми уточнениями концепция Кетле была принята европейской наукой. Окончательная формулировка понятия «статистика», таким образом, гласила: «статистика — самостоятельная наука, предметом которой является общество и его строение, склад и все жизненные отправления» [С. 8].

Баиов выделяет теоретическую и прикладную статистику, а последнюю, в свою очередь, подразделяет на хозяйственную статистику населения, санитарную, уголовную, школьную, военную и другие виды статистики [С. 9].

Первая глава носит название «Статистический метод», основанием которого являются: 1) статистическое наблюдение; 2) сводка статистического материала; 3) научная обработка [С. 10].

По мнению Баиова, следует различать естественное и научное наблюдение. Методика научного наблюдения состоит «в предварительном плане, в выборе системы или способов наблюдения, в постановлении как субъекта, так и объекта наблюдения в такие условия, чтобы все случайные явления влияли как можно менее на то впечатление, которое последнее может произвести на первого» [С. 10]. Однако к абсолютной истине наблюдение все же не приводит. Кроме того сами наблюдаемые явления никогда не остаются абсолютно неизменными. Особенные сложности возникают при наблюдении явлений, «относящихся к человеку и обществу» [С. 11].

Разделяя научные наблюдения на «наблюдения отдельного лица и массовые», Баиов отдает предпочтение последним, так как только они пригодны «для изучения нравственной природы человека и человеческих общежитий» [С. 11–12]. Таким образом, статистическим наблюдением является «такое систематическое массовое наблюдение над совокупностью людей или над их действиями, или над результатами их действий...» [С. 12]. По мнению Баиова, к статистическому наблюдению следует прибегать только в тех случаях, когда «всякие другие приемы не могут дать результатов достаточно приличных» [С. 19].

Главным и основным институтом статистического наблюдения должны быть административные (исполнительные) органы государственной власти. Впрочем, Баиов делает существенную оговорку о том, что деятельность государства не должна поглощать и препятствовать общественной деятельности, так как наблюдения частных лиц, союзов, обществ также имеют определенную ценность [С. 24–25].

Интерес представляют рекомендации Баиова, касающиеся работы органов статистического наблюдения: 1) необходимо развивать у населения доверие к опросам; 2) прививать привычку к систематическим сборам информации; 3) не стоит совмещать опросы с финансовыми реформами (например, с повышением налогов); 4) нужно информировать население о результатах опросов, вводить изучение предмета

статистики не только в программу высших, но и средних учебных заведений; 5) стоит активно привлекать население к статистическим наблюдениям [С. 26–27].

Далее Баиов анализирует способы и этапы обработки полученной при опросах (наблюдении) информации. Первым этапом обработки собранного материала являются сводки наблюдений, которые представляют собой «сложение единичных показаний для получения относительных цифр» [С. 35]. Составленные сводки подлежат группировке, классификации и организации в таблицах. Затем наступает следующий этап — счетная обработка, сущность которой заключается в переводе «абсолютных чисел в производные после сводки для сравнения исследуемого явления с другими подобными явлениями» [С. 45]. Результатом счетной обработки является составление картограмм и диаграмм [С. 45–58].

Заключительным этапом обработки статистического материала является научная обработка статистических данных, целью которой является: «1) открыть законообразности в явлениях социальной жизни человека; 2) установить причинную связь между явлениями там, где мы на основании рассуждений, опирающихся только на наши умозаключения, лишь предполагаем ее существование; 4) по возможности показать и измерить самые причины, от которых зависят эти явления» [С. 59].

Следуя Л. Кетле, Баиов полагает, что конечной целью статистического исследования является обнаружение общих законов человеческого сообщества, которое возможно лишь в процессе постепенного перехода исследования от частного к общему: «Отвлекаясь, таким образом, от индивидуальности, мы исключаем все случайное, индивидуальные частности, имеющие лишь малое действие на массу, сгладятся сами собой, и мы получим возможность охватить общие результаты» [С. 60].

Отдельную главу Баиов посвящает проблемам военной статистики, что, собственно говоря, и представляло первоочередное значение для слушателей Курсов Генерального штаба эстонской армии.

Баиов констатирует тот факт, что вплоть до начала XIX в. сведения по военной статистике собирались без системы, «не подчиняясь никакому методу и имели вполне отрывочный характер» [С. 74]. Положение вещей изменилось лишь после наполеоновских войн начала XIX столетия. Опыт войн Наполеона показал, что необходимо основательно изучать театр военных действий, силы и средства обеих воюющих сторон. Как результат, стали появляться сочинения по военной географии (о театрах военных действий) и по военной статистике (о военных силах и средствах), которые были подвергнуты Баиовым критическому рассмотрению.

Так, автор отмечает, что впервые на научном уровне вопросы военной географии были поставлены прусским капитаном Беникеном в 1821 г., по мнению которого «цель военной географии должна заключаться в определении относительно сил и средств государств к ведению войны между собою» [С. 75]. «Однако, — резюмирует Баиов, — фактически в своем сочинении Беникен не сумел выполнить этого им самим поставленного требования, приводя лишь некоторые сведения, не связанные общей нитью военных соображений» [С. 75].

Последующие труды Лавалле (1836 г.), Поллячека (1868 г.), Сирони (1875 г.), Гю (1878 г.) и Ниокса (1881 г.), по убеждению Баиова, в той или иной степени повторяли ошибки Беникена [С. 75–76]. Труды Вольфрульса (1807 г.), Яхонтова (1838 г.), Астера (1858) и Рехбергера (1872 г.) и некоторых других авторов, хотя и заложили научный фундамент теории военной географии, были слишком отвлеченными и неприспособленными к практическому применению [С. 77].

Однако, как пишет Баиов, «гораздо менее разработана была в первой половине XIX в. военная статистика» [С. 77], которая представляла собой ряд отдельных публикаций в различных изданиях. По военной статистике Баиов выделяет лишь одну достойную, по его мнению, работу Д. А. Милютина «Первые опыты военной статистики» (1847 г.). Критикуя своих предшественников, Д. А. Милютин утверждал, что нельзя придавать военной географии самостоятельного значения, так как при исследованиях по статистике нельзя ограничиваться только географическими данными. Так, например, он выделил среди разделов военной статистики: «1) вступление, включающее в себя общее обозрение целого государства в военном отношении <...>; 2) исследование собственно вооруженных сил, сухопутных и морских <...>; 3) исследование стратегического положения государства по театрам войны против той или другой державы с различными наиболее вероятными целями и обстоятельствами» [С. 78–79]. Таким образом, военная география должна входить в область военной статистики, представляя лишь материал для последней.

В целом Баиов принимает точку зрения Д. А. Милютина, отмечая, что труд Милютина — это «единственная попытка дать теорию военной статистики в смысле исследования влияния всех вообще элементов государства на его военное могущество» [С. 79]. Подчеркивая тот факт, что русская военная наука до сих пор придерживается взглядов Милютина на предмет военной статистики, в отличие от европейских ученых, которые до сих пор не разделяют военную географию и статистику, Баиов утверждает актуальность милютинского подхода в современной военной науке [С. 80].

В согласии с воззрениями Д. А. Милютина, Баиов определяет предмет военной статистики, как «изучение живой силы государства как контингента для комплектования армии, его народных богатств, как материальных средств для ведения войны, наконец, его территории как театра военных действий...» [С. 80].

Однако Баиов не во всем соглашается с Милютиным. Так, он, в отличие от Милютина, не включает в качестве раздела учения о статистике раздел о вооруженных силах. Этот шаг, по его словам, продиктован обширностью и сложностью «этого отдела в связи с некоторыми его специальными особенностями, вызываемыми условиями современности», что в свою очередь «заставляет из него сделать научную дисциплину — военную администрацию» [С. 81].

Структура предмета военной статистики, с точки зрения Баиова, таким образом, должна состоять из общей и специальной части. Общая часть должна включать рассмотрение абсолютного (географического) и относительного положения страны, границ, специфики ландшафта, климата, путей сообщения, населенных пунктов, народонаселения, занятий населения, промышленности, финансов и торговли [С. 81].

Специальная часть должна охватывать следующие проблемы: разделение страны на стратегические районы и следование каждого района с точки зрения его границ, размеров, стратегического значения [С. 82].

В заключении Баиов определяет значимость того или иного метода при изложении предмета военной статистики: «в тех случаях, когда подлежащие изучению данные представляют собой общественные явления в самом широком понимании этого слова, метод должен быть статистическим, в подробностях установленный теорией статистики. В остальных случаях нужно пользоваться индуктивным методом...» [С. 82].

Еще один курс лекций А. К. Баиова, изданный литографическим способом, имел название «Лекции по стратегии» и был датирован 1922 г. Работа состоит из введения и четырех частей. Во введении А. К. Баиов дает определения понятиям «война»,

«военное искусство» и «стратегия». Так, «война, — по мнению Баиова, — есть вооруженное столкновение из-за таких вопросов, благоприятное решение которых для одной стороны в корне затрагивает жизненные интересы другой, и эта последняя не может согласиться на уступку противнику, не нанося себе смертельного удара. В таких условиях только силою оружия одержав победу, одна сторона может заставить другую признать первенствующее значение своих интересов» [Баиов 1922б, 1]⁸.

Согласно А. К. Баиову, условием для одержания победы в войне является «умелое пользование различными силами и средствами, — духовными и материальными, — предназначенными и могущими служить для вооруженной борьбы» [С. 1]. Именно такое «пользование силами и средствами» в военных целях составляет суть военного искусства. В свою очередь военное искусство подчиняется определенным законам, или принципам, которые в совокупности составляют теорию военного искусства. На практике теория военного искусства осуществляется в определенных условиях, важнейшими элементами которой являются: сила, время, местность, воля противника и случайности» [С. 1].

Таким образом, для успешной деятельности в области военного искусства, по Баиову, необходимо: «1) Знать законы, принципы, которые по своей сущности неизменны, т. е., другими словами, знать теорию военного искусства; 2) изучить элементы обстановки, которые по природе своей, как сами по себе, так и в состояниях между собой крайне изменчивы, и 3) уметь применить сами по себе неизменные законы (принципы) военного искусства в постоянной изменяющейся обстановке с одной только целью — одержать победу над противником» [С. 1–2].

Из данных положений вытекало определение стратегии, которая, как наука, представляет собой «совокупность приведенных в систему проверенных и потому достоверных сведений о законах военного искусства и о всех элементах обстановки, а также сведений о способах применения этих законов в различной обстановке» [С. 2]. Выражаясь более коротко, стратегия, согласно Баиову, — это наука о войне.

Законы военного искусства, как писал Баиов в первой части, выводятся из опыта войн и из опыта наблюдения за деятельностью великих полководцев. Существование этих законов признавалось всеми «людьми мысли» на протяжении всей истории человечества. Баиов приводит в подтверждение этой мысли свидетельства выдающихся деятелей военного искусства: прусского короля Фридриха II Великого, «творца современной стратегии» Ллойда, императора Наполеона и некоторых других. «Однако, — констатировал Баиов, — различное понимание того, что должно считаться законами военного искусства и различное толкование их привели к тому, что выражение этих законов в определенных формулах, данных выдающимися теоретиками и практиками военного дела, довольно разнообразно» [С. 4]. Далее Баиов приводит определения греческого историка Ксенофонта, Суворова, Наполеона, немецкого теоретика военного искусства Клаузевица, русских генералов Леера и Михневича, маршала Фоша, особенно выделяя мнения Наполеона, Суворова и Фоша, которые, на его взгляд, разными словами выражают сущность одних и тех же законов военного искусства.

Наполеон признавал в военном искусстве лишь один принцип (закон), который он выражал следующими словами: «Чтобы быть победителем, надо заручиться превосходством в данный момент на данном пункте. Вот и все» [С. 4]. Суворов основой победы считал: глазомер, быстроту, натиск. Маршал Фош провозглашал следующие принципы военного искусства: 1) подготовка, 2) масса, 3)

⁸ В дальнейшем в скобках будут указаны только номера страниц.

стремительность [С. 4–5]. «В общем, — подытоживал Баиов, — формула Суворова–Наполеона–Фоша при всей ее краткости в полной мере выражает сущность военного искусства, а то обстоятельство, что она, высказанная впервые сто лет тому назад, дословно повторяется ныне при совершенно иных социальных и культурных условиях, подтверждает как существование законов военного искусства, так и их неизменяемость» [С. 5–6].

Вторая часть книги Баиова посвящена моментам обстановки театра боевых действий. Согласно Баиову, важнейшими элементами обстановки являются: 1) условия силы, 2) местность, 3) время, 4) воля противника, 5) момент случайности. Сила армии — это важнейший фактор на войне, который определяется следующими данными: 1) численность и организация армии, 2) нравственные качества солдат и начальников, 3) искусство военного командования, 4) обучение и воспитание, 5) вооружение [С. 6].

«Местность» — так называется вторая глава раздела «Обстановка». По словам Баиова, «верный, с точки зрения топографии, учет особенностей местности, на которой разворачивается сражение, во многом предопределяет исход оно, а также дальнейший ход развития кампании» [С. 29]. Поэтому объективная оценка особенностей ландшафта является ключом к победе. В этой главе Баиов подробно рассматривает все возможные объекты местности, которые необходимо брать в расчет любому полководцу: поверхность [С. 30–32], реки [С. 32–37], озера [С. 37–38], болота [С. 38–39], леса [С. 40–41], дороги [С. 41–87], местные пункты [С. 87–95], крепости [С. 95–115], укрепления, лагерь и позиции [С. 116–121].

Время, как важный элемент обстановки, — это также решающий фактор победы. Важно «выиграть время», как в подготовке и кампании, так и в быстром, застающем врасплох неприятеля, наступлении. Фактор времени играет важную роль при задержании врага на определенном пункте, давая тем самым возможность перегруппировки и сосредоточения сил для нанесения удара на другом плацдарме боевых действий. История знает и другие случаи, когда фактор времени предопределял ход войны. Так или иначе, умение использовать время в свою пользу зависит от таланта и подготовки полководцев, умения быстро сориентироваться во времени и принять правильное решение. При этом необходимо учитывать и остальные условия обстановки [С. 122–132].

Немаловажным в военном деле является осуществление задачи, в результате чего воля противника будет сломлена. «Практическим воплощением данной задачи будет перехват инициативы, активность боевых действий, реализуемых в плане наступательной тактики, воля к победе, вкупе с трезвой оценкой всех условий обстановки» [С. 134].

Впрочем, не все ходы противника возможно предугадать. «Роль случая на войне весьма велика». Но последствия случая можно как предотвратить, так и «вернуть в свою пользу. «Знание законов военного искусства, — резюмирует Баиов, — дает возможность преимущества в решении тактических и стратегических задач в преломлении их к сложившейся обстановке, а также позволяет предвидеть и использовать случайности...» [С. 147].

Третья часть — «Стратегические планы» — уделяет внимание вопросам планирования боевых действий. Наиболее сложным, с точки зрения стратегического планирования, является разработка общего плана войны. Здесь надо учитывать ряд нюансов, а именно: характер войны [С. 160–185], стратегическую цель войны [С. 186–204], силы [С. 204–249], средства [С. 250–251], базу [С. 256–275],

стратегическое развертывание [С. 276–306], подготовку театра военных действий в инженерном отношении [С. 307–329].

Все теоретические выкладки А. К. Баиов комментирует историческими примерами планов войны, которые подразделяются на наступательные и оборонительные. Наступательные операции иллюстрируются Баиовым планами Фридриха Великого 1756 г., Наполеона 1806 г. и 1815 г., планом войны Северян в Северо-Американскую войну 1861–1865 гг., планом Пруссии 1866 г., Германии 1870 г., России 1876 г., планом войны союзников в 1912 г. [С. 330–379]. Примерами оборонительных планов послужили план Петра Великого в 1707–1708 гг., план войны русских в 1812 г., план австрийцев 1866 г. и план французов в 1870 г. [С. 380–394].

При осуществлении плана кампании должны соблюдаться следующие требования: простота плана [С. 396–411], осознание важности цели [С. 412–453], безопасность войск, гарантируемая с помощью тщательной рекогносцировки и охраны войск во время передвижения и остановки [С. 454–463], соответствие условиям обстановки [С. 464–467], указание ближайшей цели [С. 467–468], «удобоисполнимость» [С. 468–469], выгодность условий и расчет [С. 469], внутренняя цельность операции [С. 470–474], соответствие характеру исполнителя [С. 474–477].

План операции включает в себя почти все те же требования, что и план войны и кампании, но с учетом их практической реализации и обстановки [С. 478].

Заключительная часть — «Ведение военных действий» — состоит из шести глав. В первой главе уделено внимание вопросам изучения обстановки, изложенных более подробно в первой части. Здесь Баиов, в первую очередь, исследует способы практического применения теоретических знаний об обстановке [С. 479–495].

Во второй главе освещаются общие требования относительно ведения военных действий [С. 495–511], которые заключаются в сохранении тайны плана действий [С. 496], поддержании постоянного соприкосновения с противником [С. 496], сосредоточении сил [С. 497–499], решительности действий [С. 503–504], быстроте [С. 504–506], настойчивости [С. 507–509], напряжении сил [С. 509], бдительности [С. 510].

Третья глава посвящена способам передвижения войск и условиям маневрирования [С. 511–528].

В четвертой главе представлен разбор сущности боя, выделены типы сражений, которые подразделяются на наступательные и оборонительные, встречные и затяжные [С. 528–544].

Последние две главы освещают вопросы, связанные с обустройством тыла [С. 544–547], довольствием, снабжением и пополнением войск во время войны [С. 548].

Стоит отметить, что «Лекции по стратегии» А. К. Баиова местами с поразительной точностью повторяют мысли и выводы книги Н. Михневича «Основы стратегии» [Русская военно-теоретическая мысль 1960, 452–550], что может свидетельствовать о единстве во взглядах среди русских профессоров-теоретиков военного искусства начала XX в. на сущность целей и задач стратегии и способы ведения современной войны.

Несомненно, что целью всех представленных нами четырех курсов Баиова, являлось стремление, по возможности, полно и систематично преподнести слушателям Курсов Генерального штаба эстонской армии основные сведения по теории и истории военного искусства. Поэтому в первую очередь в данных трудах

упор делался на упорядоченном изложении фактического материала, необходимого офицерам, готовившимся к службе по линии Генерального штаба. Это было необходимо как в целях расширения кругозора слушателей Курсов, так и в целях повышения эффективности их деятельности на поприще военного дела.

Однако несомненным является тот факт, что, несмотря на строгий академический стиль изложения, весь корпус лекций, несет отпечаток воззрений Баиова. Так, через все курсы лекций красной линией проходит мысль о необходимости знания законов военного искусства и об умении их применять на практике. Преимущество наступательной стратегии перед оборонительной, требование соблюдения научных методов в решении военно-теоретических и военно-исторических вопросов, глубокие познания в военной истории, как необходимое условие при обучении офицеров — все эти моменты, затрагиваемые Баиовым в его курсах лекций, были характерны для его научных воззрений, сформировавшихся еще до эмиграции.

б) Проблематика Первой мировой и Гражданской войн и вопросы возрождения будущей русской армии

В результате Гражданской войны и поражения белого движения в эмиграции оказалось большое число представителей русской военной науки. Несмотря на тяготы эмигрантской жизни, военные ученые Русского Зарубежья сумели быстро организовать и развить активную научную деятельность. Хотя Баиов и проживал вдалеке от военно-научных центров русской эмиграции, располагавшихся в основном в Париже, Белграде и Сараеве, он принимал деятельное участие в научной полемике, которая была связана в первую очередь с проблематикой двух минувших войн и вопросами возрождения будущей русской армии.

Главными трудами Баиова, посвященными проблемам Первой мировой войны, являются его брошюры, вышедшие отдельными изданиями: «Вклад России в победу союзников» (Ревель, 1924), и «Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры» (Ревель, 1927). Так как вторая работа посвящена уяснению вопросов, связанных с причинами начала войны и предшествовавших непосредственному ведению боевых действий, начнем наше рассмотрение именно с нее.

Книга Баиова «Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры» является его ответом на высказывание многих государственных деятелей европейских государств того времени, утверждавших, что главной виновницей разыгравшейся мировой войны была Россия. Однако Баиов, анализируя предвоенное политическое и экономическое состояние стран-участниц войны, последовательно опровергает данные взгляды. Баиов пытается выявить причины войны научным методом, основываясь на реальных документах и свидетельствах.

С экономической точки зрения, по мнению Баиова, причинами войны явилось экономическое усиление Германии и потеря Англией и Францией промышленных рынков. «Только одна война, — писал Баиов, — по мнению англичан, могла положить конец экономическому владычеству немцев» [Баиов 1927а, 14]⁹.

Что касается России то, по убеждению Баиова, ее экономическим конкурентом была не Германия, а Англия, Америка, Япония и Индия [С. 16]. «Для России, —

⁹ В дальнейшем в скобках будут указаны лишь номера страниц.

отмечал Баиов, — с точки зрения экономики, с точки зрения материальных интересов, война с Германией была не нужна» [С. 17]. По мнению Баиова, в экономические задачи России входило не активное расширение своих рынков сбыта, а защита уже существовавших. Все остальные страны были весьма заинтересованы в российском рынке [С. 17].

Кроме материальных факторов войны были и показатели духовного порядка. Согласно Баиову, у каждого народа в его государственном бытии существуют свои идеалы, к осуществлению которых он стремится во внешней политике. Самым крайним средством в осуществлении таких идеалов является война. «Таким образом, — резюмировал Баиов, — стремление к достижению исторических задач, стремление, имеющее в основе чисто идеальные начала и являющееся фактором морального значения, может быть также причиной войны» [С. 21].

В плане реализации государственного идеала в Германии в конце XIX и начале XX вв. немецкими философами, политическими деятелями и вождями была выработана идеология всемирного германского владычества. Данная идеология всячески культивировалась в среде немецкого народа и безоговорочно поддерживалась им [С. 29–30].

Единственным серьезным противником Германии в осуществлении ее исторической и государственной задачи была, по мнению Баиова, не Россия, а Англия, которая ни при каких условиях не согласна была уступить свои лидирующие позиции на мировой арене: «Англия органически не может переносить сильного развития любого государства» [С. 34–35].

Национальной идеей и исторической задачей Франции была мечта о реванше, так как после неудачной войны 1871 г. она не могла простить Германии ее побед. Однако, как пишет Баиов, «Франция не могла быть активным фактором войны», так как Германия была более сильна экономически и в военном плане, что прекрасно осознавала и сама Франция [С. 33].

Что касается России, то для нее к концу XIX в. существовали две исторические задачи. Первая затрагивала внутренние интересы России в плане защиты Дальнего Востока от Японии, усиление государственной мощи, проведение внутренних реформ, что «требовало мира, а не войны» [С. 36]. Осуществление второй исторической задачи касалось интересов всего славянства, объединение его под патронажем России в целях защиты культуры славянских народов от нивелирующей и агрессивной политики европейских государств и Турции. По убеждению Баиова, осуществление данной задачи вовсе не свидетельствовало о захватнических интересах России, о ее желании просто поработить родственные народы. Даже, несмотря на то, что раздел и завоевание Польши являлись для польского народа болезненными процессами в его истории, они были необходимы. В будущем, согласно возванию Великого князя Николая Николаевича и словам императора Николая II, Россия гарантировала восстановление независимости Польши [С. 38–39].

Выполнение Россией задачи объединения славян, по мысли Баиова, «требовало прежде всего распада Австро-Венгрии и отторжения польских земель от Германии. Но это были не неотложные задачи, а также ввиду трудности достижения, не могли быть причинами войны» [С. 40]. Австро-Венгрия же стремилась к созданию Австро-Венгро-Славянского государства. Для реализации данной задачи требовалось ослабление России.

В отношении Польши, Сербии и Чехии Баиов был убежден, что эти страны никак не были заинтересованы в войне и не стремились к ней. Таким образом, подводил

итоги Баиов, единственными зачинщиками, кому была выгодна война являлись Англия и Германия [С. 42–43].

После экскурса в историю предыдущих войн и дипломатических отношений, Баиов проясняет причины, вследствие которых все ведущие государства Европы, а также Северная Америка, Япония и Турция разделились на противоборствующие группировки и союзы к 1914 г.

По причине военных успехов России в боевых действиях на Балканах в 1877–1878 гг., почти все европейские державы оказались в оппозиции к ней. Лишь к 1907 г. Франция в целях противодействия усилению Германии сближается с Россией. Так или иначе, к началу XX в. все ведущие страны, кроме Англии, объединились в союзы [С. 48–49].

Все государства усиленно накапливали мощь и готовились к предстоящей войне. Нужен был лишь предлог. Так как «Англия всегда боролась со своими противниками способами, меньше всего требовавшими жертв от нее самой, а лишь жертвы со стороны союзников», то, по мнению Баиова, она не стала бы инициатором войны, а выжидала пока это сделает кто-либо другой [С. 53].

«Германия осознала в силу своих исторических традиций, национальных особенностей и характеру монарха, что она будет главным действующим лицом в последующей войне», и поэтому всячески способствовала возникновению предлога к ней [С. 55]. Вместе с Германией усиленно увеличивала войска и улучшала техническое оснащение армии Австрия. Франция в силу слабого прироста населения не могла естественно увеличить свои войска, поэтому даже решение об увеличении кадров запаса посредством продления срока службы с двух лет до трех не могло кардинально изменить положение, так как для осуществления его нужны были годы. Помимо всего прочего в вооружении и снабжении войск у Франции существовали большие недочеты. Поэтому Франция не была готова к войне в 1914 г. и не искала в ближайшем времени предлогов для ее начала [С. 57].

Россия также не могла быть инициатором войны, так как предполагаемое увеличение армии и бюджета на ее содержание должно было быть осуществлено лишь к 1917 г. К тому же негативные последствия Русско-японской войны и революции 1905 г. тормозили темпы подготовки экономики страны и ее армии к серьезным боевым действиям [С. 59], поэтому «к 1914 г. Россия была не готова к войне и не могла желать ее» [С. 60].

Не желая дать возможность России и Франции подготовиться к войне, Германия решила, «начать предупредительную войну не позже 1914 г.» [С. 61]. Поэтому убийство наследника австрийского престола было искусно использовано Германией. Тот факт, что предлог был искусственным, а Сербия была не виновата в случившемся, подтверждается материалами переписки австрийского советника в Сараеве Визнера, германского дипломата Чиршке и германского императора Вильгельма II [С. 63–68].

Искусно составленный Австрией и Германией ультиматум, предъявленный Сербии, вынуждал Россию, по причине ее исторической задачи, выступить на стороне Сербии: «Россию не связывало с Сербией никакое формальное соглашение — ни политическое, ни военное. Но в силу своего исторического призвания, в силу сознаваемых ею ее исторических задач она не могла не прийти на помощь, не оказать свое благотворное содействие братской стране в столь трудное для нее время. Таковую заинтересованность в данном вопросе признавали как Германия и Австрия, так, с другой стороны, и Франция» [С. 74].

Несмотря на все попытки России дипломатическим путем урегулировать обстановку, Германия и Австрия оставались непоколебимы, пытаясь к тому же всячески расстроить союз России и Франции, и переложить в будущем вину за начало войны на Россию [С. 82]. Сложившуюся обстановку усугубляла неуверенная и неясная позиция Англии. Цитируя письма Николая II Вильгельму II, Баиов доказывает, что Николай II до последнего момента предпринимал всевозможные шаги в целях предотвращения войны. На основе личных свидетельств начальника Генерального штаба генерала Янушкевича, Баиов показывает, как представители Генерального штаба русской армии, трезво оценивая ситуацию и осознавая необходимость предпринять решительные меры по приведению армии за короткие сроки в боевое состояние, настойчиво просили Николая II не ограничиваться «частной мобилизацией» и ввести общую мобилизацию [С. 85–98].

В то время как Николай II получал от Вильгельма II пустые обещания в обмен на приостановку общей мобилизации русской армии, Германия выступила с предложением к Англии о ее нейтралитете в обмен на обязательства Германии об отказе территориальных приобретений во Франции и Бельгии. Англия не ответила утвердительно, но и не встала на сторону России и Франции. «Осторожностью и видимой неопределенностью своего поведения, — писал Баиов, — Англия толкнула Германию на решимость сделать последний шаг, чтобы довести Австро-Сербский конфликт до войны и тем вызвать ее, что было в интересах Великобритании» [С. 110–111]. Причиной конкретизации позиции Англии послужило нарушение Германией нейтралитета Бельгии. Но это была запоздалая реакция, она уже никак не могла повлиять на предотвращение вооруженного конфликта.

Таким образом, Баиов в своей книге опровергал мнение, бытовавшее в среде европейских политических деятелей, о том, что виновником начала войны была Россия. Наоборот, он доказывал, что главными действующими лицами в развязывании мировой войны были Германия и Англия.

Что касается вступительной главы составленного Баиовым труда «Великая мировая война 1914–1918 гг.», авторство которого принадлежит В. Ф. Новицкому, и где рассматриваются причины войны, то стоит отметить, что ход рассуждений В. Ф. Новицкого и А. К. Баиова почти полностью совпадает, как совпадают и основные выводы. Видимо, это свидетельствует о единстве во взглядах Новицкого и Баиова на проблему истоков Первой мировой войны. В работе Баиова более подробно освещены некоторые моменты дипломатических взаимоотношений участников Мировой войны. Свои размышления Баиов снабдил цитатами из книг, воспоминаний и опубликованных писем современников, а также изложением устных свидетельств генерала Н. Н. Янушкевича. Отличительной чертой монографии Баиова является, высказанная в ней мысль об исторических задачах России, в частности — об объединении славянских государств, а также выводы к текущему моменту (к 1927 г.), согласно которым, после Мировой войны Франция по-прежнему «боится немцев», «борется с социалистами, подрывающими основы здоровой государственности»; Англия, «роет себе яму, которую выкопали для России немцы»; Германия «быстро организуется»; Австро-Венгрия как государственное образование «исчезла навсегда»; а Россия — «ее как будто нет ... но Бог правду видит и, верим мы, уже скоро скажет ее» [С. 122].

Отправным пунктом другой работы Баиова — «Вклад России в победу союзников» — послужило заявление французского премьер-министра Эррио о том, что необходимо «скорее признать настоящее правительство в России, так как

русский народ пролил много крови для общего дела союзников» [Баиов 1924а, 3]¹⁰. Отмечая, что «в десятилетие начала Мировой войны все же приятно констатировать тот факт, что даже Франция-Эррио признает те громадные жертвы, которые принесла Россия, честно выполняя свой долг перед союзниками», Баиов все же заявляет: «Впрочем, раз на этом признании великих жертв России базируется признание большевиков, то, очевидно, что эти жертвы и, как следствие их, роль России в войне недостаточно осознаны, а признание громадности этих жертв и оценка указанной роли России не искренни» [С. 4].

Не без горечи и обиды Баиов констатирует преобладание схожей позиции правящих кругов Англии, Италии, и даже Сербии и Чехии, которые, по мнению Баиова, должны быть обязанными в первую очередь России восстановлению их государственности. Такую неблагодарность, писал Баиов, «можно объяснить тем, что они или искренне не сознают и не понимают всего того, что сделала для них национальная Россия <...> или не хотят этого понимать» [С. 7].

Недоумение Баиова также вызывает факт непонимания и недостаточной осведомленности многих «национально настроенных русских людей» сущности того, «что сделала наша армия за четыре года последней Всеевропейской войны» [С. 9]. Баиов в своей работе предлагает оглянуться на то, что было в эту войну сделано «нашей несравненной императорской армией и беспристрастно оценить сделанное в интересах союзников, которые так непростительно забыли или хотят забыть своих бескорыстных, честных и добродушных соратников» [С. 10–11].

Анализируя численный состав армий союзников, Баиов приходит к выводу, что «Россия с самого начала войны выставила армию, численность которой вдвое превосходила армии всех остальных союзников» [С. 11]. Но при этом, по сравнению со своими союзниками, русская армия уступала им в качестве вооружения и в его количестве.

Однако «русские войска и при недостатке ружей дрались также самоотверженно и тем привлекали на себя такое количество врага, что наши союзники совершенно свободно и в полной безопасности могли пополнять усиленным производством у себя недостаток в ружьях...» [С. 12–13].

Помимо прочего ощущался недостаток в запасе ружейных и артиллеристских патронов и полевой тяжелой артиллерии. «Это прежде всего объясняется тем, что рассчитывали на короткую войну и на экономный расход огнестрельных припасов» [С. 13]. Впрочем, по свидетельству Баиова, такой же недостаток в вооружении ощущался во всех армиях стран-участниц Мировой войны. Существенная разница заключалась в том, что «союзники имели возможность пополнять свои запасы и развить их производство до грандиознейших размеров, лишь прикрываясь широкой спиной русской армии...» [С. 14].

Далее Баиов отмечал тот факт, что перед войной русская армия была превосходно обучена, качественно отличаясь от своего состояния во время и после Русско-японской войны. Признаваясь в том, что, несомненно, были проблемы и в образовании, Баиов напоминает о том, что «такие проблемы, и притом значительные, были не только у нас, но и в других первоклассных армиях» [С. 17].

Как и в случае с вооружением русская армия перед началом войны ощущала большой недостаток в высоко квалифицированных старших военачальниках. По глубокому убеждению Баиова, «это преимущественно зависело от малого развития у нас военной просвещенности, военной культуры, на что в свою очередь имело

¹⁰ В дальнейшем в скобках будут указаны лишь номера страниц.

влияние в значительной степени отношение к армии общества <...> К армии в лице офицеров наше общество относилось в лучшем случае равнодушно, а обычно с недоброжелательством и даже враждебностью. Армию считали сборищем грубых бездельников и дармоедов, думающих только о кутежах и о своей карьере. Такое отношение к армии, конечно, не могло создать благоприятной обстановки для широкого развития военной культуры в стране» [С. 18–19].

Признание заслуг русского солдата перед отечеством пришло лишь тогда, «когда увидели как эти бездельники массами гибли на полях сражений, защищая честь и достоинство своей родины» [С. 19]. Баиов вновь напоминает своим читателям, что русская армия еще со времен Петра I отличалась в сражениях высокими моральными и духовными качествами и в этом отношении не имела соперников. Эти качества, по мнению Баиова, всегда «зависели от характера русского народа, от личных, индивидуальных свойств каждого сына его...»¹¹ [С. 19].

Несмотря на хорошее обучение и высокий моральный дух, русские солдаты обладали одним существенным недостатком: «они были невежественны и малокультурны» [С. 20]. Именно по этой причине руководство русскими солдатами должно было быть доверено «твердым и разумным» военачальникам. Но так как русское общество, в лице интеллигенции и многих военных специалистов, утратило во многом свои моральные качества, веру в необходимость военной науки и военных знаний, то и спрос с простого русского солдата не может быть велик.

«В общем, — подводил итоги Баиов, — мы в полной уверенности в своей правоте можем утверждать, что Императорская русская армия, вступая в войну в 1914 году, имела недостатки не больше, чем и все другие армии, и обладала такими достоинствами, которых у этих армий не было» [С. 22].

По авторитетному свидетельству Баиова, русская армия в Мировую войну превзошла все ожидания и сделала намного больше, чем рассчитывало русское командование, а также союзники и противники России. Так, была «блестяще» проведена мобилизация, «не менее блестяще было произведено сосредоточение наших войск», с учетом которого австрийское главнокомандование перебросило с сербского фронта два корпуса к российским границам, тем самым облегчив положение сербской армии. «Таким образом, — писал Баиов, — еще не начав боевые действия, русская армия уже стала оказывать могущественное влияние на общий ход событий в пользу своих союзников» [С. 24].

Несмотря на то, что стратегическое развертывание русской армии «было отлично разработано и были все данные за то, что оно произойдет также блестяще, как мобилизация и сосредоточение», а также несмотря на обязательное условие, с точки зрения законов военного искусства, не вносить изменений в план и практическое осуществление стратегического развертывания армии, все-таки данный пункт был нарушен в угоду союзникам, и произошла передислокация войск и раннее начало боевых действий [С. 25–26]. Данные изменения повлекли за собой излишнее перенапряжение сил русской армии и излишние жертвы.

В ходе дальнейшего изложения Баиов на конкретных примерах проиллюстрировал, как русские войска на протяжении всей войны постоянно помогали своим союзникам, переходя в решительное наступление и оттягивая

¹¹ Более подробно совокупность взглядов Баиова по этому вопросу представлена в его работе «Национальные черты русского военного искусства в Романовский период нашей истории» (СПб., 1913).

значительную часть войск противника на себя; как русская армия несла колоссальные потери, в то время как союзники на своей линии фронта практически бездействовали, отказывая даже в высылке оружия.

После масштабного отступления русской армии летом 1915 г. факт предательства союзников стал для многих русских солдат и офицеров очевиден. Именно тогда, по замечанию Баиова, «стало возможным большое влияние среди наших солдат господ из Земгора, в значительной степени подготовивших разложение армии в период так называемого Временного Правительства, истинного разрушителя Государства Российского» [С. 42].

Своими неоднократными наступательными действиями русская армия постоянно выручала своих союзников, неся при этом невосполнимые потери и обеспечивая успех армий союзников: «Лишь героические действия наших армий дали возможность не только восстановить расшатанное в первый период войны военное могущество Франции, но еще и сильно развить его; только жертвенная кровь сотен тысяч русских воинов, пролитая летом 1915 года, дала возможность Англии создать свою вооруженную силу, способную бороться в современных условиях с таким “строгим” неприятелем, каким были германские армии» [С. 43].

Победоносное наступление и окончательный разгром Германии и ее союзников, намеченные на весну 1917 года, были сорваны, по мнению Баиова, «передовой» и «прогрессивной» интеллигенцией во главе с Милюковым, Гучковым и Родзянко. Развал и поражение русской армии был необходим этой части русской интеллигенции в целях свержения ненавистного ими «царизма». Свершив революцию, эта группа заговорщиков уничтожила русскую армию, а вместе с ней и свое отечество [С. 57–58].

«Пользуясь этим, – заканчивал Баиов, – наши прежние союзники, наши недавние боевые соратники стараются забыть, что достижением окончательной победы в Мировой войне они обязаны героическим деяниям русской национальной армии...» [С. 58]. «Но можем ли мы мириться с этим? — спрашивал Баиов, — и отвечал: «Конечно нет, нет и нет! <...> Мы горячо верим, что воскреснет безмерно любимая нами Россия, что мы дождемся возрождения национальной русской армии с ее возвышенными священными традициями...» [С. 59].

По вопросам истории Первой мировой войны русскими военными историками-эмигрантами был создан солидный массив исследовательской литературы. Не считая огромного числа газетных и журнальных публикаций, данной проблематике были посвящены книги Н. Головина, Ю. Данилова, И. Хольмсена, А. Керсновского и многих других авторов.

Естественным образом, русских военных специалистов, прежде всего, интересовала роль русской армии в мировой войне. Так же, как и Баиов, все русские военные историки подчеркивали неготовность России и ее армии к войне. Исследователи сходились во мнении, что все жертвы, которые понесла русская армия, были принесены в угоду союзникам, что вся вина за это полностью лежит на Верховном командовании [Домнин 1999, 497].

При общности взглядов на причины, ход и результаты Первой мировой войны, существовали и некоторые расхождения. Так, например, в своей рецензии на книгу Ю. Данилова «Россия в мировой войне 1914–1915 гг.» Баиов давал высокую оценку компетентности и искусству изложения автора, его верному воссозданию общей картины войны. Соглашаясь со всеми выводами Ю. Данилова, Баиов тем не менее отмечал, что в книге дана неполная оценка Земского и Городского союзов [Баиов

1925а]. Как уже отмечалось выше, Баиов возлагал на эти союзы основную вину в процессе разложения русской армии.

Признавая, как и другие авторы, роковую роль Верховного командования, Баиов был менее категоричен в оценке работы Генерального штаба и выработанного им плана войны. В отличие от А. К. Баиова его давний оппонент Н. Н. Головин расценивал работу русского Генерального штаба весьма критически, отмечая отсутствие в его работе «того научного обоснованного синтеза, который имелся налицо во Франции или Германии» [Головин 1999б, 78]. Данное расхождение в оценках Баиова и Головина являлось отголоском полемики, касавшейся русской военной доктрины, ее ориентации на западные или свои национальные образцы, которая развернулась еще в 1900-е гг. между представителями русской школы и школы академистов.

Другой работой А. К. Баиова, посвященной проблематике Первой мировой войны, является его статья «Нужны ли крепости как элемент государственной обороны» [Баиов 1930б], появившаяся на страницах журнала «Часовой» за 1930 год в №№ 40, 41. Проводя в своей статье мысль о том, что готовясь к последующей войне, необходимо учитывать опыт последней войны, Баиов отмечает тот факт, что в изучении опыта Первой мировой войны в работах военных специалистов наблюдается «влияние на его <опыта — Р. А.> оценку возбужденной психики» [Баиов 1930б, 4]. Например, это проявляется в утверждениях о ненужности пехоты, кавалерии и крепостей в последующей войне.

Однако, как утверждал Баиов, опыт прошедшей войны приводит к совершенно другим выводам. Так, бельгийские крепости задержали общее наступление германцев на 7 дней, не дали сразу же погибнуть бельгийской армии, позволили соединиться ей с союзниками, а также отвлекли силы противника и ослабили их [Баиов 1930б, 5]. То же касается французских крепостей Верден, Туль, Эминаль, Бельфор [Баиов 1930б, 6].

Впрочем, не стоит забывать о том, что, с фортификационной точки зрения, крепости были слабы и не соответствовали техническим средствам атаки противника [Баиов 1930б, 6]. В первую очередь, по замечанию Баиова, это касалось русских крепостей, «судьба которых наиболее трагична» [Баиов 1930б, 6].

Несмотря на то, что многие русские крепости могли задержать противника на продолжительное время, большинство из них (крепости Ковно, Новогеоргиевска, Гродно и Бреста) были оставлены без боя. В то время как крепости противника (крепости Кенигсберга, Торна и Перемышля) сумели надолго задержать наступление русской армии [Баиов 1930б, 13].

Баиов приходит к выводу, что русская армия не смогла воспользоваться стратегическими возможностями, которыми располагала в виде крепостей и укреплений. Причины этого недоразумения, по мнению Баиова, крылись в плохом командовании начальников крепостей и отсутствии высокого морального духа [Баиов 1930б, 13].

Между тем, крепости представляют собой значительную часть военной мощи страны. «Нужно, – писал Баиов, – хорошо оценивать места для возведения крепостей и подготавливать хорошо начальников крепостей» [Баиов: 1930б, 14]. Только при соблюдении данных требований, а также при улучшении качества строительства крепостных укреплений, можно будет удачно вести боевые действия в грядущей войне. При этом не стоит забывать о воспитании армии, заботясь о ее высоком моральном духе [Баиов 1930б, 14].

Одному из частных вопросов Гражданской войны была посвящена статья Баиова «Генеральный штаб во время гражданской войны», напечатанная в журнале «Часовой» за 1932 г. [Баиов 1932б, 3–5]. Данная публикация была первым откликом на статью А. А. Зайцова «Где был наш Генеральный штаб во время гражданской войны», вышедшей в «Русском инвалиде» (№ 36 (37)). В отличие от Зайцова, использовавшего в качестве исходных данных «Список Генерального штаба» на 1913 г., Баиов в основном ссылается на «Список Генерального штаба», фиксирующий положение на февраль 1917 г. и изданный 15 июля 1919 г. Несомненно, что последний источник информации в данном случае был более достоверным, поскольку отражал сведения о количестве офицеров Генерального штаба непосредственно к началу Гражданской войны. На основе обоих списков Баиов восстанавливает общее число офицеров Главного штаба к моменту Февральской революции — 1 517 человек. Постепенно вычитая из этого числа офицеров, закончивших Академию Генерального штаба по второму разряду (т. е. не служивших по линии Генерального штаба); офицеров, окончивших ускоренный курс в 1917 и 1918 гг. (т. е. уже «не служивших в Генеральном штабе императорской армии»); а также приблизительное число убитых, попавших в плен и воевавших на стороне белых; Баиов пришел к выводу, что в рядах Красной армии находилось всего 319 человек. По расчетам А. А. Зайцова их было 283.

Позднее данные Баиова были оспорены советскими учеными, которые приводили цифры — 526 (Л. М. Спирин) и 639 (А. Г. Кавтарадзе) [Кавтарадзе 1988, 195–196]. Однако стоит отметить, что, во-первых, эти исследователи в своих расчетах все-таки отталкивались от данных, приводимых Баиовым; во-вторых, сверяли сведения Баиова с данными «Списков генерального штаба» по состоянию уже на 7 августа 1920 г., т. е. более поздними и, вероятно, являвшимися не доступными ни для А. А. Зайцова, ни для А. К. Баиова, поскольку оба к тому времени были уже за пределами России.

В статье «Добровольчество и регулярство», явившейся откликом на книгу Б. А. Штейфона «Кризис добровольчества» (Белград, 1928 г.), Баиов анализирует опыт Белой армии и приходит к выводу, что «в Белых армиях был создан неписанный, но ввиду своего происхождения для всех обязательный и для всех любезный, особый кодекс решения всех вопросов военного дела, не исключая и боевых, кодекс, в котором по многим причинам, преимущественно, пожалуй, психологического характера, почти сплошь отрицались основные положения военного искусства и весь многовековой боевой опыт Российской Императорской Армии» [Баиов 1999в, 220].

По мнению Баиова, самым существенным отклонением от законов военного искусства в белогвардейских армиях являлось отрицание принципа внутренней дисциплины, что выливалось в анархию, «партизанщину», несогласованность в ведении боевых действий. Результатами игнорирования этого принципа явились чрезмерные потери и, наконец, полный крах «белого дела». «На войне, — писал Баиов, — отсутствие знания и искусства всегда оплачивается реками лишней жертвенной крови и конечной неудачей» [Баиов 1999в, 221].

Баиов считал, что «военное искусство слишком сложно и трудно», и, чтобы «добиться в нем полного конечного успеха, недостаточно одного «нутра», смелости и решимости, а нужны тщательная и долгая специальная подготовка, знания, уважение к принципам, продолжительные опыт и практика, направляемые теми же принципами» [Баиов 1999в, 221].

Баиов признавал, что в любых войнах партизанские действия могут быть весьма полезными, но все же они должны носить вспомогательный характер. Только при

условии соблюдения принципа регулярной армии, согласованной во всех своих действиях, подчиненной единому руководству и общему плану, можно достичь окончательной цели — решительной победы над противником [Баиов 1999в, 222].

Период жизни и творчества А. К. Баиова в эмиграции был временем не только подсчета потерь русской императорской армии в ходе Первой мировой и Гражданской войн, но и временем критического осмысления и подведения итогов всей истории развития русской военной науки. В своей статье «Две резолюции (о русской военной науке)», размещенной на страницах газеты «Новое время» в 1928 г., Баиов констатировал тот факт, что «до последнего времени на военную науку большинство не обращало должного внимания и совершенно не считалось с ней» [Баиов 1999б, 335]. Такое отношение было характерным как для ученых других отраслей науки, так и для самих военных.

Определенное признание со стороны Императорской Академии наук, т. е. центрального представительства всей российской науки, получили лишь работы по истории военного искусства, так как, по мнению Баиова, именно «эти дисциплины являются основными в военной науке и в то же время и по существу вещей, и по состоянию военной науки они были наиболее проникнуты духом научности, наиболее научно разработаны и поставлены...» [Баиов 1999б, 337].

Что касается работ по тактике и стратегии, то, как полагал Баиов, в этих областях науки «не появилось таких авторов, которые создали бы в этих отделах военных знаний строго научные и притом вполне самостоятельные труды» [Баиов 1999б, 335]. Исследования по тактике и стратегии представляли собой «компилятивные работы типа более или менее расширенного учебника или учебного пособия для школ различных степеней» [Баиов 1999б, 336]. По убеждению Баиова, данное положение дел усугублялось еще и тем фактом, что «труды по этим дисциплинам военной науки как бы упростились, демократизовались и по содержанию, и по изложению, и даже по свойству их авторов» [Баиов 1999б, 337].

Вместе с тем Баиов утверждал, что военная наука по методам исследования является вполне научной отраслью знания: «Все дисциплины военной науки в отдельности и вся она в целом исследуют вопросы существенной необходимости, ставившиеся к разрешению самой жизнью, вытекающие из взаимоотношений между народами и опирающиеся на природу и сущность вещей и явлений. Другими словами, ведению военной науки принадлежат все те вопросы и явления, которыми занимаются и «общие» науки, но в ином преломлении, и которые требуют того, чтобы быть исследованными научно и вполне достойны такого изучения» [Баиов 1999б, 336].

Баиов предлагал вести военные исследования «в области социальных наук, ибо <военные науки — Р. А.> имеют дело с человеком и с организациями из людей» [Баиов 1999б, 336]. Как любая научная дисциплина, военные науки должны подразделяться «на две части, на два основных отдела: на чистый (отвлеченный, спекулятивный) и на прикладной <...> Работа в области первого отдела приводит к выводу принципов, основных начал, надлежащим умозаключениям и философским обобщениям; работа же в прикладном отделе приводит к выработке практических приемов и навыков» [Баиов 1999б, 336].

По мнению Баиова, для научного обоснования военных исследований нужна также «преемственность научных методов и научных традиций» [Баиов 1999б, 337]. В этом отношении весьма важным является сохранение и увеличение профессорских сил в русской военной науке [Баиов 1999б, 339–340].

Оценивая состояние русской военной науки начала XX в, Баиов не мог не затронуть вопросов, касающихся событий минувших войн и их последствий.

В другой статье под названием «Вредный договор» Баиов пришел к выводу, что негативную роль в истории русского военного искусства, как, впрочем, и в истории других народов, сыграла «кампания против войны», начавшаяся в конце XIX в. Самым важным, по мнению автора, явился тот факт, что пацифистские настроения охватили не только широкие круги гражданской общественности, но и многих военных специалистов. «Суровое и святое дело войны, — писал Баиов, — дело жертвы своей жизнью за други своя сплошь и рядом профанировалось и становилось кощунством вследствие ничтожности предлогов, вызывавших вооруженное столкновение народов» [Баиов 1999а, 46]. Такого рода настроения привели к сокрушительному поражению России в Русско-японской войне, к падению моральных устоев в российской армии. Версальский мирный договор и так называемый «пакт Келлога», по замечанию Баиова, вовсе не отменили высокое предназначение войны как способа урегулирования межгосударственных конфликтов и защиты национальных интересов государств и их народов. Напротив, был искусственно прерван ход войны, а ее участники стали усиленно готовиться к следующим сражениям.

Однако, как пишет Баиов, если факт грядущей войны для всех является очевидным, то стоит уяснить и то, что «для успешного ведения войны нужно самому войну признать делом необходимым, благородным, чистым, высоким, а армию, как средство ее ведения, организацией тоже необходимой, заслуживающей уважения, благодарности, признания ее заслуг» [Баиов 1999а, 46]. В этом вопросе мнение Баиова полностью совпадало с мнением других русских военных специалистов, таких, как А. А. Керсновский [Керсновский 1999], А. Л. Мариюшкин [Мариюшкин 1999], В. Заболотный [Заболотный 1999], П. Н. Симанский [Симанский 1999], Н. Н. Головин [Головин 1999] и А. И. Деникин [Деникин 1999].

Помимо необходимости избавиться от пацифистских настроений, разлагающих моральный дух армии, Баиов считал немаловажным укоренение в военной среде принципа инициативы. Этому вопросу посвящена его статья «Необходимая воинская добродетель» [Баиов 1929], где, обратившись к истории военного искусства всех времен и народов, Баиов приходит к выводу, что, начиная с Александра Македонского, приоритет в проявлении инициативы был полностью отдан только верховным военачальникам. Совсем иным образом обстояло дело в русской армии: «Уже в Куликовском сражении инициативу сознательно проявляли начальники частных подразделений одной и той же армии, облегчая тем самым общее управление в бою старшим начальникам» [Баиов 1929, 2–3].

Далее Баиов сравнивает ситуацию в армиях западно-европейских государств и в русской армии XIX в. По мнению Баиова, в западно-европейских армиях принцип частной инициативы стал широко применяться лишь со времен наполеоновских войн. Впрочем, оговаривается Баиов, «Наполеон в силу особенностей своего характера стремился сократить проявление инициативы своими подчиненными» [Баиов 1929, 3]. Наполеоновского подхода придерживались во всех европейских армиях вплоть до 70-х гг. XIX в. Лишь военные Прусской армии, изучив как удачу, так и ошибки Наполеона, начали культивировать в своих армиях проявление инициативы. Что касается русской армии, то Баиов с сожалением констатировал, что «у нас же забыли свое славное прошлое и придерживались взгляда, созданного Наполеоном» [Баиов 1929, 3].

Однако в XX в., веке массовых малоподвижных, но действующих на огромных территориях армий, по убеждению Баиова, возникла потребность в проявлении инициативы. Признавая несомненным тот факт, что «объем и содержание самодеятельности не может быть безграничным», Баиов постулировал следующее: инициатива должна проявляться в духе общей идеи действий и не должна нарушать предположений старшего начальника [Баиов 1929, 4]. Среди требований, которыми стоит руководствоваться в данном вопросе, Баиов выдвигает следующие: «1) признание в ряду с единой волей главнокомандующего в области боевых действий власти частных начальников; 2) серьезное знание частными начальниками военного искусства и широкое понимание ими военного дела; 3) высокое развитие характера, моральной храбрости <...>; 4) высокое нравственное развитие...» [Баиов 1929, 5–6].

Для осуществления этих задач требовалось соответствующее воспитание. Для достижения положительных результатов в деле воспитания армии необходимо: создание благоприятной обстановки, принятие надлежащей военной системы, основанной на интеллектуальном и нравственном авторитете старших, на принципе уважения и доверия старших к младшим; данная система также должна быть лишена излишней централизации и бюрократизма; недопустимо применение суровых наказаний в случае неразумного пользования инициативой [Баиов 1929, 6–7].

По мнению Баиова, будущая русская армия имеет неплохие основы в деле распространения и утверждения принципа инициативы, так как русская военная история «дает нам немало образцов правильного пользования инициативой» [Баиов 1929, 7]. Такими образцами, с точки зрения Баиова, являются, например, «Воинский устав 1716 года» Петра I, деятельность полководцев времен царствования Екатерины II, деятельность П. А. Румянцева, А. В. Суворова, М. И. Кутузова и М. Д. Скобелева. Эпоху царствования Николая I Баиов расценивал как время полнейшего искоренения инициативы. Однако Баиов не был пессимистом и верил в возрождение русской армии, основанное на лучших образцах русского военного искусства.

Более подробно на вопросе будущего русской армии Баиов останавливается в статье «Начальные основы строительства будущей русской армии» [Баиов 1929–1930]. Здесь Баиов вновь привел собственное обоснование значимости войны в жизни государств и народов. Согласно его убеждениям, «защита существеннейших интересов народов и государств, решение ими их основных исторических задач, обеспечение национального их роста и всестороннего развития» могут быть достигнуты только в результате войны, так как «для достижения указанных целей война есть единственное и при том нравственно-законное средство» [Баиов 1929–1930, 6]. И несмотря на то, что прошедшая война явила народам лишь ужас и отвращение, она, по мнению Баиова, «благоприятствует развитию и выявлению лучших сторон человеческой души, пробуждает героизм, жажду нравственного подвига, готовность жертвовать собой для других и ради высших национальных целей <...>, она заставляет более напряженно работать <...>, способствует в конце концов развитию материального и морального прогресса человечества вообще» [Баиов 1929–1930, 7].

В отношении русского народа Баиов испытывал чувство уверенности в том, что «осознание собственной самобытности» заставит его «вернуться на прежний исторический путь». Миссия России, по Баиову, — «руководясь истинами Православия, вести человечество к духовному совершенствованию» [Баиов 1929–1930, 8].

Возвращаясь к предшествующему опыту русской армии начала XX в. и принимая во внимание факт неизбежности грядущей войны, Баиов снова напоминает о

важности изучения и воплощения в жизнь законов военного искусства. Опыт войн XX столетия показал, что в русской армии законы военного искусства постоянно игнорировались, поэтому «наши войны были излишне кровопролитны, боевые действия велись без системы, без руководящей идеи, на авось», вследствие чего «наши успехи случайны, а неудачи естественны и часты» [Баиов 1929–1930, 9].

В целях устранения негативных последствий предыдущего опыта русской армии и воссоздания ее величия Баиов вновь предлагал обратиться к примерам русской военной истории. Главным принципом, которого в будущем должна придерживаться русская армия, является «принцип частной победы» [Баиов 1929–1930, 10]. Несмотря на то, что, согласно статистике, побеждает в большинстве случаев тот, кто обладает численным превосходством, нельзя забывать о качественном состоянии войска.

Качество армии, согласно Баиову, в соответствии с природой человека, складывается из элементов материальных и духовных, причем преобладать должны именно духовные элементы: превосходя противника в духовном (моральном) плане, «можно на всем театре войны с успехом бороться с противником, не имея численного над ним превосходства...» [Баиов 1929–1930, 11]. Впрочем, Баиов отмечает, что идеальная армия будущего должна сочетать в себе обоюдное развитие, как духовных, так и материальных качеств.

Следующий пункт программы Баиова по возрождению русской армии касается командного состава. По этому поводу он отмечает, что чем выше начальник, тем сложнее его задача. Спецподготовка генерала «должна обнимать и умственную, и волевою стороны» его личности. Генералы также должны иметь твердую волю, сильный характер, большой кругозор и уверенность в себе; им должна быть присуща активная и пассивная инициатива. Они должны подавать пример подчиненным и заботиться о них [Баиов 1929–1930, 23–25].

Одним из важнейших постулатов при создании русской армии нового типа являлся для Баиова «национальный» принцип. «Будущая армия будет, безусловно, состоять из лиц господствующей национальности данного государства. <...> Армия в наше время не может быть ненациональной» [Баиов 1929–1930, 25]. Таким образом, согласно Баиову, чтобы достичь весомых результатов, необходимо действовать в соответствии с национальными особенностями своей культуры и своего военного искусства. Военный опыт эпох Петра I и Екатерины II являлся, на взгляд Баиова, прекрасным тому подтверждением [Баиов 1929–1930, 26].

Далее автор отмечал, необходимость получения полной информации о вероятном противнике и о возможных союзниках, прежде всего с точки зрения оценки и использования ими универсальных законов военного искусства. В качестве примера, приведены сведения об отношении к оружию у разных народов [Баиов 1929–1930, 27]. Заимствуя идеи и вооружение, надо приспособлять его к своей национальной специфике, как это делал Петр Великий [Баиов 1929–1930, 28].

Итак, в качестве основ, на которые должна опираться будущая русская армия, Баиов выделял следующие моменты: 1) знание и соблюдение законов военного искусства; 2) преимущественное значение качества перед количеством; 3) преобладание духовной стороны над материальной; 4) главенствующее значение человеческого фактора перед техническим; 5) всесторонняя подготовка военачальников; 6) необходимость следования национальным путем [Баиов 1929–1930, 29].

1. 2. 2. Характеристика выдающихся личностей в их связи с военным искусством

а) Полководцы

Первый публичный доклад А. К. Баиова, прочитанный им после его эмиграции в Эстонию, носил название «Наполеон и русская современность». После краткой биографической справки Баиов определил значение Наполеона для военного искусства. Согласно пересказу одного из слушателей этого доклада, Баиов утверждал, что «гениальная полководческая деятельность имеет наибольшее историческое значение, и она является наибольшей его исторической заслугой. И это тем более потому, что военное искусство есть труднейшее из всех искусств, являющихся ареной деятельности человеческого духа, и что Наполеон в сфере этого искусства дал миру больше, чем кто-либо другой, и к тому же то, что он дал, имеет колоссальную абсолютную ценность» [Б-ский 1921].

По мнению Баиова, главное отличие военного искусства от других видов искусств заключается в «трудности работы над материалом», представляющим собой «массу солдат» и обстановку, в которой приходится работать «мастеру»-полководцу. Таким образом, полководцу «приходится оперировать не с тем мертвым материалом, с которым имеют дело представители других искусств, а с живыми людьми, обладающими сознанием, чувствами, страстями, желаниями, стремлениями, волей, а потому нередко сопротивляющимися использованию их в качестве материала» [Б-ский 1921]. Полководец в своей деятельности должен преодолеть и подчинить своей воле «материал», но и добившись этого, полководец не может быть уверенным в том, что до конца подчинил его своей воле.

Охарактеризовав Наполеона как героическую личность, совмещавшего в себе все положительные качества «мастера военного искусства», Баиов предложил свое понимание героической личности в истории. В этом вопросе Баиов выделял две крайние точки зрения — Т. Карлейла и Л. Н. Толстого. Согласно первому, «история мира есть биография военных людей», второй полагал, что история делается народными массами. Баиов предлагал третью точку зрения: «Великие люди появляются как результат продолжительной деятельности определенного общества, они представляют собой плод накопления этим обществом в течение долгого периода времени духовных ценностей и выработки особенностей материальной культуры» [Б-ский 1921].

Наполеон также как и все другие полководцы в своей деятельности объединял как национальные особенности своего народа, так и особенности внешней обстановки, в которой приходилось действовать ему и его народу.

По отношению к современности Баиов высказывает мысль о том, что появление новых властителей России, несомненно, также обусловлено всей предшествовавшей деятельностью русского общества и является результатом его духовного состояния в недалеком прошлом.

Последние события в России, отмечал Баиов, заставили многих проводить аналогии между временами Наполеона и современностью. Однако, с точки зрения политического и военного искусства, появление «русского Наполеона» невозможно, что, как сообщает автор статьи, Баиов «подтвердил интересными лишь для специалистов историческими и чисто теоретическими соображениями» [Б-ский 1921].

Что касается неизбежности реакции, то, по мнению докладчика, для этого нужно, чтобы русский народ изжил все те чувства, которые делали его активным или пассивным участником революции, чтобы он разочаровался в результатах и сознательно отказался от них ради, может быть, меньших, но зато вполне реальных благ. При этом, несомненно, надо сохранить некоторые изменения, достигнутые революцией.

В заключении Баиов резюмировал: «Исполнителем будущей реакции является сам народ, и если ему нужен «Наполеон», то он сам выдвинет его, указав ему его рамки» [Б-ский 1921].

Другой доклад Баиова назывался «Петр I и большевики» и был прочитан 30 декабря 1922 г. в помещении Ревельской русской гимназии. Как и в случае с первым докладом текст его, к сожалению, не сохранился.

В соответствии с пересказом доклада, Баиов подчеркивал грандиозное значение созидательной работы Петра I, которая преследовала не династические и личные, а чисто национальные интересы, что в свою очередь никем и никогда не оспаривалось от Лейбница до Герцена и Толстого.

Сопоставляя два «бурных и напряженных» периода русской истории — петровского и современного — Баиов пришел к выводу о том, что как и 200 лет назад власть в России осуществляет систему диктатуры, подчиняя себе частные интересы личности. Так же, как и тогда, сейчас народ относится враждебно к проводимой верховной властью политике. Однако имелись и некоторые различия: «При Петре эта вражда имела вид идейного отрицания и непонимания полудиким народом обновляющей работы царя, а при Ленине она, эта вражда, основана на непосредственном сознании гибельных опытов советских вивисекторов» [Б. Э-т 1922].

В сущности же сопоставление Петра I и Ленина совершенно неправомерно, так как Петр I стремился насадить в рабской, дикой стране начала просвещения, гуманности, нравственности, сознание долга перед родиной, что ему и удалось; большевики же, по мысли Баиова, наоборот, уничтожили значение всех этих понятий.

Драма Петра заключалась в том, что он предпочел лишиться собственного сына, чем лишить Россию великого будущего. Современность на примере России показывает, до какой последней черты дикости дошел большевистский разгул, уничтожив все созданное невероятными трудами предшествовавших поколений.

Особенное место в творчестве А. К. Баиова эмигрантского периода занимают работы, посвященные полководческому гению А. В. Суворова. А. В. Суворов был для Баиова непререкаемым авторитетом в военном деле. Наряду с Петром I и П. А. Румянцевым-Задунайским, Суворов, по мнению Баиова, входил в пантеон десяти гениальных полководцев всех времен и народов.

В эмиграции Баиов посвятил взглядам А. В. Суворова на сущность войны доклад, прочитанный сначала в Софии в один из дней с 14 по 22 сентября 1930 г. на пятом съезде русских ученых за границей, затем в Тарту 19 октября и в Таллинне 30 ноября того же года. Текст этого доклада вышел отдельным изданием. Суворову также посвящен ряд статей Баиова в единственном номере газеты «Ревельский русский инвалид», вышедшем в ноябре 1930 г. [Баиов 1930в, Баиов 1930г, Баиов 1930д, Баиов 1930е].

В брошюре «Суворов и будущая война» Баиов писал, что гений Суворова в военном деле проявился преимущественно в двух областях: образовательно-воспитательной и полководческой. «Образовательно-воспитательная деятельность,

на взгляд Баиова, привела Суворова к созданию такой военно-педагогической системы, которая на практике давала современные результаты в достижении тех целей, ради которых она устанавливалась» [Баиов 2001, 400].

Суворов не отделял образование от воспитания, а совмещал их вместе, но основой его системы являлось все же воспитание. Целью Суворова было «воспитать воина сильного духом». Воин должен был быть не только тверд характером, выносливым физически и морально, беспрекословно подчиняться приказам, но и должен был обладать способностью «в полной мере отрешиться от себя до жертвы своей жизни ради определенной цели» [Баиов 2001, 401].

Идея воспитательной системы Суворова базировалась, по утверждению Баиова, на определяющих столпах: «вера на основах православия, что отвечало религиозности русского народа; монарх как олицетворение единства Отечества и управления им по милости и благословию Божьему, и родина как нечто от идеи материнства, и любовь к ней как чувства сыновности» [Баиов 2001, 401].

Основой военных действий Суворова были единая наступательная тактика, глазомер, быстрота и натиск. Баиов в своей работе достаточно подробно разобрал каждый из этих принципов [Баиов 2001, 403–406]. Гениальность Суворова, на взгляд Баиова, заключалась не только в том, что он с успехом разрабатывал и применял на практике свои принципы, но и в том, что его учение о войне осталось актуальным и на текущий момент.

Основные различия между временами Суворова и современностью заключаются в особенностях войн. Особенностями войн XX в. являются: «громадные по численности армии», «общеобязательная воинская повинность», «возрошее значение оружия» и вытекающее из этого — «наличие взглядов, стремящихся заменить человека машиной» [Баиов 2001, 407]. Однако данные изменения не отменяют суть принципов учения о войне Суворова. «Рассматривая все эти особенности современной обстановки, — писал Баиов, — <...> прежде всего необходимо отметить, что все они касаются материальной стороны, которая играет на войне второстепенную роль по сравнению с господствующею над ней духовной стороной» [Баиов 2001, 408].

Несмотря на то, что увеличение численности армии затрудняет проведение в жизнь требований Суворова относительно «единой наступательной тактики перед оборонительной. Одной из мер, которую предлагал Баиов в целях устранения затруднений, связанных со «слишком разбухшими в числе армиями», являлось уменьшение в будущем численности армий [Баиов 2001, 408]. При этом численное сокращение армий никак не должно отразиться на их качестве. Для сохранения и поддержки качества армий на должном уровне «нужно изменить систему комплектования на такую, которая обеспечивала бы пополнение армии лучшим элементом, при которой можно было бы произвести строгий отбор лучших; нужно увеличить срок службы; нужно более интенсивно вести воспитание и обучение как отдельного бойца, так и целых войсковых частей» [Баиов 2001, 409].

«Как бы ни совершенствовалось оружие, как бы ни возрастало его влияние, оно никогда не заменит человека». Человек, по убеждению Баиова, всегда будет главным оружием войны, так как никакое оружие без человека не имеет значения. Принципы Суворова учат как эффективнее использовать оружие против неприятеля и как сделать так, чтобы оружие противника наносило наименьший вред [Баиов 2001, 409].

Баиов советовал также, в соответствии с принципом Суворова, всячески культивировать в будущем принцип инициативы, как частной, так и широкой [Баиов 2001, 411].

Подытоживая, Баиов писал: «Таким образом, мы смело можем сказать, что хотя Суворов физически умер 130 лет тому назад, но дух его жив и что, желая иметь в настоящее время наиболее совершенную армию, мы, несмотря на, казалось бы, крупные изменения в различных областях военного дела, должны жить этим духом...» [Баиов 2001, 411].

В изданном Баиовым номере "Ревельского русского инвалида", его перу принадлежат три статьи, посвященные Суворову. В статье «Мог ли Суворов считаться «инвалидом»?» Баиов приводит случаи из военной биографии Суворова, в результате которых он получил ранения. По мнению Баиова, столь многочисленные раны давали Суворову право считаться инвалидом, но он себя таковым не считал [Баиов 1930г, 5].

В двух других статьях — «Суворов по его изречениям» [Баиов 1930е] и «Суворов по отзывам своих и чужих» [Баиов 1930д] — Баиов приводит ряд высказываний Суворова и мнений разных политических и военных деятелей, характеризующих его как блестящего полководца.

Небольшую по объему статью Баиов посвятил памяти русского полководца М. Д. Скобелева [Баиов 1932а]. Отмечая тот факт, что 8 июля (25 июня по старому стилю) 1932 г. исполнилось 50 лет со дня смерти М. Д. Скобелева, Баиов в общих чертах обрисовал основные вехи его боевой деятельности, связанные с войной в Польше в 1863 г., с войнами в Средней Азии, с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Баиов особо отметил то, что Скобелев закончил Академию Генерального штаба. Хотя Скобелев рано скончался, но успел отличиться как выдающийся полководец, обучавший «войска на бессмертных началах великих русских полководцев Суворова и Румянцева» [Баиов 1932а]. По мнению Баиова, Скобелев до сих пор является образцом и примером не только для военных, но и для всего русского народа.

Из своих современников Баиов удостоил внимания в своих работах лишь генерала Л. Г. Корнилова. В статье «Сильные духом. Из личных воспоминаний о Л. Г. Корнилове» Баиов писал, что «генерал Корнилов был прирожденный воин» [Баиов 1924б, 4]. Далее Баиов вспоминал подвиги 48-ой пехотной дивизии, командующим которой был Л. Г. Корнилов. Сам Баиов в то время был начальником штаба 24-го корпуса под руководством генерала Цурикова; корпус состоял из 48-ой и 49-ой пехотных дивизий и стрелковой бригады, «во главе которой стоял мужественный генерал Деникин» [Баиов 1924б, 5].

Баиов отдельно останавливается на описании действий 48-ой дивизии и решительности и активности Л. Г. Корнилова, когда наступление русских войск было приостановлено 7 марта 1915 г. Высшее командование посчитало достаточными достигнутые результаты. Однако Корнилов решил, что необходимо продолжить наступление и занять Зборовскую позицию. 9 марта ему, в результате его настойчивых просьб, было разрешено начать наступление. 11 марта Корнилов атаковал позиции неприятеля, а 12 марта занял Зборовскую позицию, понеся незначительные потери. 13 марта австрийцы предприняли контратаку с целью отбить Зборовские высоты, но этого им не удалось. Потери с обеих сторон были очень большие [Баиов 1924б, 6].

Баиов вместе со своим начальником Цуриковым участвовал в награждении Корнилова и его солдат. «Только глубокий патриотизм русского человека, являющийся плодом национального самосознания, созревшего в толще всего народа, мог подвинуть до сих пор не героев на такое геройство», – вспоминал Баиов,

проезжая места, где недавно сражалась дивизия Корнилова, отстаивая важный стратегический объект [Баиов 1924б, 10].

Баиов ценил в генерале Корнилове те качества, о которых он писал в своих работах, посвященных общетеоретическим вопросам военного искусства и выдающимся личностям, таким, как Петр I, Суворов, Румянцев. Этими качествами являлись смелость, настойчивость, решительность, инициатива, настойчивое применение наступательной тактики и стратегии.

В статье «Генерал Л. Г. Корнилов и его дивизия императорской армии» Баиов характеризовал по отдельности каждый полк, входивший в состав 48-ой пехотной дивизии Корнилова, способы использования им этих подразделений. Баиов подчеркивал «духовную слитность» полков и их командира, его ум и отвагу. Полки, носившие названия, связанные с именем и свершениями Суворова (189-ый Измаилский, 190-ый Очаковский, 191-ый Ларго-Кагульский и 192-ой Рымникский), всегда, по мнению Баиова, следовали его заветам и поэтому им всегда сопутствовала удача и слава [Баиов 1930а, 6–7].

б) Писатели

Посвящая свою статью «Пушкин как поэт войны» 125-летию со дня рождения А. С. Пушкина, Баиов задавался вопросом: «Как он, этот русский до мозга костей человек, проникновенный толкователь прошлого, чуткий выразитель настоящего и замечательный провидец будущего, относился к войне, ко всему связанному с нею, и как это отношение отразилось в его гениальных произведениях?» [Баиов 1924в, 19].

Отмечая, что военная тема в произведениях А. С. Пушкина неслучайна, что она присутствует во многих его прозаических и поэтических произведениях, Баиов усматривал в этом не столько дань времени, когда «военные занимали как бы первенствующее положение» в обществе и когда была жива в памяти война 1812 г., сколько осознание важности явления войны в жизни народов и особенно в истории русского народа и его государственности [Баиов 1924в, 20].

Пушкин, как писал Баиов, всегда «чрезвычайно любовно, симпатично и весьма сочувственно <...> относится ко всем своим героям-военным, обрисовывая их с наилучшей стороны» [Баиов 1924в, 19]. Единственное исключение составляет Швабрин, «но здесь поэт следовал исторической правде», желая к тому же ярче подчеркнуть «светлые образы Миронова, Гринева и др.» [Баиов 1924в, 20].

Среди эпиграмм Пушкина, замечает Баиов, нет ни одной о военных, за исключением Аракчеева, а есть только шуточные стихотворения. В своих произведениях Пушкин придавал большое значение войне, «не только для жизни народа и государства, но также и для себя», в войне Пушкин «видит средство, могущее успокоить его, восстановить его душевное равновесие, заставить забыть его личные горести» [Баиов 1924в, 20].

Баиов подчеркивал, что Пушкин в своих описаниях войн всегда правильно охарактеризовывал их значение и их последствия. Так, в стихотворении «Бородинская годовщина» Пушкин, по мнению Баиова, не только правильно охарактеризовал значение этого сражения, но и отметил «лучшие традиции русской армии, так ярко проведенные в жизнь еще Суворовым. Милосердие и великодушие к побежденному врагу, отсутствие чувства мести и злобы по отношению к мирному населению — вот те черты русской армии, которые справедливо подчеркиваются здесь Пушкиным» [Баиов 1924в, 21].

Пушкин, с точки зрения Баиова, не только дает правильную оценку великим полководцам, но и грамотно описывает боевые действия в соответствии с материальной военной культурой того времени. Впрочем, в некоторых поэтических произведениях Пушкин допускает ряд неточностей, «которые режут слух специалиста и у каждого читателя могут создать не вполне правильные представления о характере данного боевого столкновения» [Баиов 1924в, 22]. Такими примерами могут служить стихотворения «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» и описание Полтавского боя. В первом стихотворении Баиов обращает внимание на слова «сражаться под градом вражьих стрел», отмечая, что в те времена армия Наполеона «стрел уже не имела». В описании Полтавского боя Пушкин, по мнению Баиова, изображает несколько неправильно ход боя и упоминает о стрелках в рассыпном строю, хотя «в петровское время ни одна армия не знала стрелков, действовавших в рассыпном строю» [Баиов 1924в, 22].

Однако Баиов не ставит данные неточности в вину Пушкину, так как, во-первых, «весь ход боя был восстановлен специалистами недавно», во-вторых, в бою «первенствующее место принадлежит не материальной стороне, представляемой вооружением и другими данными технического характера, а моральной стороне, выявляемой духом, внутренними качествами человека...» [Баиов 1924в, 22].

«Итак, – подводил итоги Баиов, – война захватывает Пушкина. Он придавал ей большое значение, он видел в ней один из источников своего вдохновения, он считал, что она дала много России, не только создав ее политическое могущество, но способствуя также культурному строительству, что она благотельно воздействовала на русский народ, воспитывая в нем благородство, развивая в нем чувство чести, прививая ему самоотвержение, укрепляя в нем чувство долга, поднимая в нем на высшую ступень любовь к родине, сознательный, здоровый патриотизм» [Баиов 1924в, 22].

Совсем противоположную позицию занял Баиов в отношении идей, проповедовавшихся Л. Н. Толстым, в статье «Воспитание армии и идеи графа Л. Н. Толстого». Правда, здесь Баиов вовсе не затрагивал художественные произведения Л. Н. Толстого, направляя свою критику против его публицистических высказываний.

Отстаивая положение, согласно которому в военном деле нравственный элемент имеет первенствующее значение перед материальными, Баиов утверждал, что русская армия до войны с Японией была «самой нравственной армией» и основами ее воспитания были «религия — православие, преданность существующему порядку — монарху, патриотизм, т. е. сознательная любовь к Родине с ее физическими свойствами, государственным устройством, достижениями материальной и духовной культуры и бытовым укладом» [Баиов 1997, 400]. Однако деятельность различных революционных группировок и прогрессивно-либеральной интеллигенции, усилившаяся к началу XX в., пыталась расшатать эти устои русской армии и русского народа.

Деятельность Толстого-публициста Баиов также расценивал как огромный вклад в дело разрушения этих устоев русской армии в целом. Так, в статье «Письмо к фельдфебелю» Толстой проповедовал аморальность убийства, обман религии и ее служителей. Адресовывая свою проповедь представителям низшего командного состава, он подрывал авторитет высших начальников. «В связи с государственно-идеологическим сознанием большинства русских, — писал Баиов, — такая пропаганда вела не только к подрыву авторитета всякой власти и к стремлению освободиться от внешнего принудительного ее влияния, но она способна была в

полной мере дезорганизовать людей внутренне, давая волю их анархическим началам...» [Баиов 1997, 403].

По мнению Баиова, Толстой проповедовал полное отрицание войны и бесчестность службы офицера, и его проповедь, распространяясь в народной среде и приобретая все новых и новых адептов, создавала условия, при которых «особенно в случае войны, армия не может выполнять своего назначения, она не может даже существовать как армия» [Баиов 1997, 403]. Хотя Баиов отмечал, что к 1904 году проповедь Толстого еще не дала тех результатов, которые он ожидал, но впоследствии произвела свое определенное действие. «Она <проповедь — Р. А.> возбудила сомнение и недоверие, она влила яд отрицания, она подготовила почву и создала благоприятные условия для восприятия разрушительных учений, она поколебала твердые устои нравственного элемента в армии <...> В общем, она подрывала в основе моральную подготовку армии, чем в громадной мере уменьшала ее нравственную силу и ее физическую мощь» [Баиов 1997, 407]. Опыт Русско-японской войны, по мнению Баиова, был тому доказательством.

Подводя итоги, отметим, что творчество Баиова в период эмиграции развивалось в двух направлениях. Первое направление касалось прежде всего проблематики Первой мировой войны, выяснения причин ее возникновения и оценки результатов. В этом плане научная работа Баиова шла в общем русле русской военной мысли в эмиграции. В других работах Баиов сосредоточил свое внимание на выработке и разъяснении принципов возрождения будущей русской армии. И здесь Баиов не изменил своим взглядам, сформировавшимся еще до эмиграции, сущность которых заключалась в обращении к лучшим образцам русского военного прошлого, в доказательстве особенностей национального военного искусства и в указании способов применения принципов русского военного искусства в современных условиях ведения войн.

§ 2. Э. А. Верцинский

Еще до Первой мировой войны Э. А. Верцинским было написано и издано несколько книг по военной тематике: «Усиленная разведка частей 1-го Сибирского армейского корпуса в долине реки Сидалихэ 14/15 августа 1905 г.» (1908), перевод с немецкого «Современная война» (1909; 1912, 2-е издание) и «Постановка стратегическо-тактических занятий в XVIII армейском корпусе» (1911). К сожалению, эти работы оказались для нас недоступными.

В Эстонии Э. А. Верцинский с марта 1930 г. издавал рукописные материалы под названием «Архив и музей л.<ейб>-гв.<ардии> 2 стр.<селкового> Царскосельского полка», которые затем литографировались. В период с 1930 г. по 1939 г. Э. А. Верцинским всего было выпущено 16 номеров «Архива» (с № 7 он был переименован в «Состоящий под августейшим покровительством Его императорского высочества великого князя Дмитрия Павловича Союз лейб-гвардии Царскосельских стрелков»; №№ 7 и 8 выходили с отдельными приложениями). Структура этих изданий была приблизительно одинаковой из номера в номер: сначала следовали выдержки из писем и телеграмм великого князя Дмитрия Павловича и других гвардейских стрелков, затем публиковались сведения о бывших сослуживцах и членах полкового объединения; в конце номеров приводился

денежный отчет о деятельности архива и музея союза, а также список предметов, поступивших в архив и музей союза [Верцинский 1930а, 1930б, 1930в, 1931а, 1931б, 1932а, 1932б, 1933, 1934, 1935, 1936а, 1936б, 1937а, 1938г, 1938д, 1939].

Верцинским также был издан ряд материалов по истории полка: в 1931 г. была написана «Краткая справка к истории лейб-гвардии 2-го стрелк.<ового> Царскосельского полка» [Верцинский 1931г], в пяти частях вышли «Материалы к истории лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка (батальона)» [Верцинский 1934–1935]; «Списки офицеров л.<ейб>-гв.<ардии> 2 стрелкового Царскосельского полка. Июль 1914 г. – ноябрь 1931 г.» [Верцинский 1931в]. Верцинским также были составлены «Общий список по старшинству командиров и офицеров лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка и батальона» [Верцинский 1938б] и «Общий список командиров и офицеров л.<ейб>-гв.<ардии> 2 стр.<елкового> и л.<ейб>-гв.<ардии> Царскосельского стр.<елковых> батальонов в порядке зачисления в батальон по 1881 год и прохождения ими службы» [Верцинский 1938в].

При составлении этих трудов Э. А. Верцинский проделал колоссальную исследовательскую работу. Основными источниками для него послужили, кроме личного архива, подшивки газет «Русский инвалид» и «Правительственный вестник», а также справочное издание «Адрес-календарь» [Верцинский 1938б, 2]. Если учесть, что все эти материалы просматривались с 1855 г., т. е. с момента основания стрелкового батальона, то объем проделанной работы будет выглядеть впечатляющим. Верцинский проработал большое количество исторических материалов, находившихся в библиотеках Эстонии и Финляндии. Университетскую библиотеку в Хельсинки Верцинский посещал в августе 1932 г. В числе многих обнаруженных им материалов по истории полка была и книга Я. Тулубовского «Лейб-гвардии 2-й стрелковый батальон в Турецкую войну 1877–1878 гг.» [Верцинский 1932б, 30].

Типографским способом Верцинский издал книгу по истории полка — «Из мировой войны. Боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба за 1914–1917 годы» [Верцинский 1931д] — и три сборника «Памятные дни» [Памятные дни 1932, 1937, 1939].

В предисловии к книге «Из Мировой войны» Верцинский писал, что во время своего командования полком им была разработана система комплектования и хранения всей полковой документации, однако, как он позднее выяснил, многие систематизированные им документы по причине халатности некоторых писарей штаба полка пропали еще во время войны; часть документов была безвозвратно утрачена во время развала армии в 1917 г. и Гражданской войны. То, что уцелело и сохранилось в советских архивах, по понятным причинам, Верцинскому в то время было недоступно. Вследствие недостатка времени в годы войны Верцинский не вел систематического дневника, а делал лишь краткие заметки в своей записной книжке. Именно эти заметки вместе с тем, что удалось восстановить по памяти, стали основными источниками при написании книги [Верцинский 1931д, 5–6]. Весьма примечательным является то, что в целях создания как можно более непредвзятой и объективной картины, Верцинский преднамеренно разделяет эти два вида источников, что отражено в структуре его книги, где сведения из записной книжки даются на левой стороне страницы, а воспоминания — на правой.

Повествование книги охватывает период с августа 1914 г., когда Верцинский занимал должность начальника штаба Гвардейской стрелковой бригады, до 18 февраля 1917 г., когда он был назначен начальником штаба XVIII армейского

корпуса. Естественным образом, Верцинский более подробно останавливается на описании тех моментов, которые были связаны с его деятельностью на должностях начальника штаба Гвардейской бригады, командира 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III полка, командира лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка и начальника штаба Гвардейской стрелковой дивизии. О боевых действиях подробно говорится в главах, посвященных описанию боев у деревень Каминаш-Камьень, Сенница-Королевская, под Вильной и под Квадратным лесом. Помимо своих записей и воспоминаний Верцинским также были использованы воспоминания бывших царскосельских стрелков и оперативные материалы полка. На основе последних Верцинский составил приложения в виде таблиц, в которых были отражены списки офицеров полка, принимавших участие в сражениях, и ведомости потерь полка. Отдельно к книге прилагалось 8 схем расположений полка на разных позициях во время войны. Ко всему прочему, книга была снабжена рядом качественных фотографий из личного архива автора.

Книга Верцинского была высоко оценена специалистами из разных стран, отзывы которых появились в эстонском военном журнале «Sõdur», в парижских газетах «Возрождение» и «Русский инвалид», в рижской газете «Сегодня», в пражском «Морском сборнике», в «Вестнике военных знаний» (Сараево), в журнале «Часовой» (Париж), а также в латвийских и немецких газетах. Все рецензенты отмечали исключительную точность и подробность описания действий полка в изложении Верцинского, а в газете «Возрождение» в частности отмечалось, что «книга написана хорошим языком и издана с такой роскошью, которой мы, парижане, должны позавидовать» [Памятные дни 1932, 107].

Хотя книга Э. А. Верцинского «Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года» [Верцинский 1929] и вышла раньше, чем книга «Из Мировой войны», но хронологически она затрагивала период, следовавший после событий, описанных в книге «Из Мировой войны», т. е. после назначения Верцинского на должность начальника штаба XVIII армейского корпуса. В своих воспоминаниях Верцинский повествует о том, как он стал очевидцем событий Февральской революции, о начавшемся падении дисциплины в армии и ее развале, о роковой роли пресловутого приказа № 1 петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, членов Временного правительства, разного рода агитаторов, наезжавших в армию из Петрограда. Вредным и абсолютно глупым Верцинский считал приказ военного министра Временного правительства А. И. Гучкова о массовом одновременном увольнении из армии до 150 старших начальников и замене их более молодыми и менее компетентными [Верцинский 1929, 15].

Рассказывая о своей службе в штабе 8-й армии генерала Л. Г. Корнилова, Верцинский, стараясь оставаться объективным рассказчиком, напрямую не высказывает своей симпатии к нему, но, сухо и лаконично характеризуя и самого Корнилова, и его деятельность, как полководца, представляет его безупречным начальником, который не может не вызывать уважения [Верцинский 1929, 18–20, 22–23]. Ради той же объективности Верцинский в характеристике Корнилова отмечал и его ошибки и слабые места, к которым относилась излишняя доверчивость к людям, распространявшаяся и на людей ее не заслуживавших, а также то, что Корнилов, по мнению Верцинского, «переоценивал популярность своего имени среди широких масс». Последнее стало причиной провала его выступления, известного в истории как «корниловский мятеж» [Верцинский 1929, 24–25].

Следуя своему принципу беспристрастного стиля изложения, Верцинский рассказывает о своих тщетных попытках навести порядок и восстановить

боеспособность родной Гвардейской стрелковой дивизии, о противодействии ему, как начальнику дивизии, полковых комитетов и комиссаров правительства, об убийстве солдатами офицеров 1-го гвардейского стрелкового полка В. М. Быкова и А. С. Колобова. За всем этим стоит отчаяние автора, его полное бессилие что-либо изменить [Верцинский 1929, 28–47].

В главе, посвященной службе автора в Главном управлении Генерального штаба, даются краткие, но меткие и убийственные по своей сути характеристики главных деятелей новой власти, таких как В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Г. В. Зиновьев, Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойский, П. Е. Дыбенко и Ф. Ф. Раскольников. Не без некоторого злорадства Верцинский подчеркивает их абсолютную некомпетентность в вопросах военного дела [Верцинский 1929, 51–59].

В предисловии к своей книге Э. А. Верцинский писал, что события описываемого времени следовали друг за другом так быстро, что не всегда находили отражение в разного рода исторических документах, многие документы погибли, поэтому лакуны истории должны быть восполнены воспоминаниями отдельных лиц, правдиво описывающих события прошлого, очевидцами которых им довелось быть. «Будущему историку, — писал Верцинский, — мемуары послужат серьезным пособием при изучении многогранной жизни России того времени, и часто лишь в наброске отдельными лицами пережитых ими второстепенных явлений можно будет найти правильную и возможно исчерпывающую оценку минувших событий» [Верцинский 1929, 5]. Воспоминания Верцинского, несомненно, представляют собой ценный исторический документ. Правда, нам известен только один случай обращения к воспоминаниям Верцинского, и использованы в данной связи именно «второстепенные явления», описанные в его книге: в 10-й и 111-й главах 3-й части («Узла III») «Март семнадцатого» исторической эпопеи «Красное колесо» А. И. Солженицына приводятся некоторые наблюдения Верцинского об обстановке в Петрограде в дни Февральской революции. В главе, посвященной описанию событий 24 февраля 1917 г., говорится, что «генерал Верцинский на извозчике по городу ездил, ничего не видел, только слышал с Невского шум. Вечером поехал в театр, как многие», а в главе о 27 февраля, опять со ссылкой на Верцинского, говорится о спокойной обстановке в городе: «А генерал Верцинский, в отпуску в Петрограде, до двух часов дня умудрился ни на Невском, ни на Гороховой не столкнуться ни с чем» [Солженицын 1993].

Большой вклад в дело собирания и публикации исторических воспоминаний генерал Э. А. Верцинский внес как издатель и редактор сборников воспоминаний «Памятные дни». В первом сборнике, который вышел в 1932 г. в Таллинне, были опубликованы воспоминания В. Н. Матвеева «Последние дни Государевой семьи в Царском Селе», Н. В. Нагаева «Бои в Квадратном лесу 1–2 октября 1916 г.», Г. А. Тавастшерна «Служба во Французской и Добровольческой армиях» и А. И. Джулиани «Двадцать дней в семье офицеров Великой Британской армии» [Памятные дни 1932].

Во второй книге были помещены воспоминания Н. В. Нагаева «Лейб-гвардии 2-й стрелковый батальон — лейб-гвардии 2-й стрелковый Царскосельский полк. Очерки быта и службы царю и родине за период от Японской до Мировой войны», В. С. Ревенкова «Первый бой. Воспоминания царскосельского стрелка», Н. А. Артабалева «Тернистый путь. Царскосельская быль 1917 г.», А. И. Джулиани «Эвакуация». Сам Э. А. Верцинский также выступил в качестве автора статьи «Императорская гвардия в эмиграции», представляющей собой краткий обзор истории становления общегвардейского объединения в эмиграции.

Данный обзор являлся расширенным и дополненным вариантом очерка Верцинского, опубликованного в седьмом выпуске рукописного журнала Союза царскосельских стрелков и составленного преимущественно по данным Н. В. Нагаева [Верцинский 1932б, 4–11]. В сборнике «Памятные дни» очерк был дополнен данными В. А. Леховича и Г. К. Шпигель [Памятные дни 1937, 3]. В сборнике были также опубликованы составленные Э. А. Верцинским «Список георгиевских кавалеров лейб-гвардии 2-го стрелкового полка (батальона)» и «Перечень офицеров лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка в смуте убиенных» [Памятные дни 1937, 117–124].

Третий сборник «Памятные дни» состоял из воспоминаний Н. А. Артабалева «Первые дни революции во 2-м гвардейском стрелковом запасном батальоне», Н. И. Де-Липпе-Липского «Война и революция» и А. И. Джулиани «Антигона. Принцессы острова. Константинополь» [Памятные дни 1939].

Таким образом, литературная деятельность Э. А. Верцинского включала в себя публикацию обширных воспоминаний, обнаружение, составление и публикацию разного рода материалов по истории гвардейского Царскосельского стрелкового полка, издание рукописного журнала Союза Царскосельских стрелков и издание и редактирование сборников воспоминаний бывших офицеров полка.

Отличительной чертой литературного наследия Верцинского является ярко выраженный документализм и стремление сохранять объективность в изложении исторических событий. Для Верцинского, как автора воспоминаний, важны любые, даже второстепенные, детали и нюансы, такие, например, как содержание посылок, которые в 1915 г. гражданские население России собирало для солдат на фронте [Верцинский 1931д, 65], или то, как был одет В. И. Ленин на одном из совещаний, на котором присутствовал Э. А. Верцинский [Верцинский 1929, 59]. Несмотря на стремление Верцинского зафиксировать даже незначительные мелочи, стиль изложения, которого он придерживается, достаточно сух и лаконичен; характеристики и описания немногословны, но в то же время дают весьма яркое представление о той или иной личности или событии. Особенностью стиля Верцинского также является определенная эмоциональная сдержанность и интеллигентность: ни в одной из личностных характеристик Верцинский открыто не высказывает своего отношения, не употребляет хлестких и эмоционально окрашенных эпитетов, однако по самой форме описания и тем мелочам, при помощи которых создается целостный портрет, мы можем судить о симпатиях и антипатиях автора.

Опубликованные Верцинским труды по истории лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка являются результатом многолетней кропотливой работы автора по сбору и систематизации материала. Хотя Верцинский указывал, что в его работах возможны лакуны, связанные как с невозможностью использовать некоторые материалы, так и с недосмотром самого автора [Верцинский 1931д, 5; Верцинский 1938б, 2], все же значительность трудов Верцинского не может вызывать сомнения. Весь комплекс работ Верцинского по этой теме является, пожалуй, одним из самых объемных и подробных на фоне других материалов по истории полков русской императорской армии, изданных в эмиграции.

§ 3. Г. Э. фон Валь

Первая книга Э. Г. фон Валя вышла в свет в 1933 г. и была посвящена характеристике боевых действий 12-й кавалерийской дивизии во время Первой мировой войны, в период командования ею генералом А. М. Калединым, т. е. до февраля 1916 г. Ценность данной книги заключается прежде всего в том, что она написана непосредственным участником описываемых событий, так как Э. Г. фон Валь в то время занимал должность начальника штаба дивизии и знал о том, что описывал, не понаслышке.

Согласно оценке автора книги, А. М. Каледин был выдающимся военачальником, который пользовался любовью и уважением своих подчиненных еще в мирное время, однако высшее начальство постоянно недооценивало его [Валь 1933, 3]. Последнее утверждение проходит красной линией через всю книгу. Автор постоянно демонстрирует на основе фактов, что перед Калединым ставились почти невыполнимые задачи, а после того, как он их выполнял, его заслуги оставались незамеченными. Одним из примеров тому являлось сражение 27–30 августа 1914 г. под Львовом, когда 12-я кавалерийская дивизия была брошена на превосходящие силы австрийцев, чтобы спасти разбитый XXIV армейский корпус генерала А. А. Цурикова [Валь 1933, 3]. Именно в эти дни, грозившие 8-й армии фланговым охватом со стороны австрийцев и последующим окружением и гибелью, Брусилев отдал свой известный приказ: «12-й кавалерийской дивизии — умереть. Но умирать не сразу, а до вечера» [Шамбаров 2003, 199]. Однако, благодаря рискованной инициативе Каледина, бросившего все имевшиеся у него силы против превосходящего и по численности, и по вооружению врага, наступление австрийцев было сорвано, что способствовало общему провалу плана австрийцев по разгрому всей армии [Шамбаров 2003, 199].

На протяжении всей книги Э. Г. фон Валь неоднократно подчеркивал глупость и убийственность ряда приказов генерала А. А. Цурикова, ставивших не раз Каледина и его дивизию в безвыходное положение [Валь 1933, 18–21, 33]. Кажется, действительно, А. А. Цуриков не отличался, как начальник, большими способностями, по крайней мере нам о нем не известно ни одного лестного отзыва. Стоит отметить, что начальником штаба корпуса Цурикова в тот период был А. К. Баиов, и он, как знающий своего начальника и обстановку внутри корпуса, мог бы многое объяснить. Хотя не вызывает сомнения, что Баиов был знаком и с книгой фон Валя, но своего мнения публично он, к сожалению, не высказал.

Описанию боевых действий 12-й кавалерийской дивизии во время войны посвящена еще одна книга Э. Г. фон Валя — «Действие 12-й кавалерийской дивизии в период командования ею свиты Его Величества ген.-майора барона Маннергейма» (Таллинн, 1936). Свой очерк фон Валь составлял на основе собственных заметок до апреля 1915 г., в остальном источниками для него послужили отчеты штаба дивизии и свидетельства участников боев [Валь 1936а, 3]. В книге был также опубликован список замеченных опечаток и ошибок, допущенных в книге «Кавалерийские обходы генерала Каледина 1914–1915 гг.» [Валь 1936а, 5–6]. Описание боевых действий дивизии доведено автором до 7 января 1917 г. и представляет несомненный интерес для историков Первой мировой войны.

Главной темой других трудов Э. Г. фон Валя стала история Гражданской войны и изучение причин поражения белого движения.

В книге «К истории белого движения. Деятельность генерал-адъютанта Щербачева» Э. Г. фон Валь писал: «Работая над представленными мне материалами по борьбе ген.-ад. Щербачева с советским правительством, я старался отнестись к ним с объективностью, воздерживаясь от одобрения или порицания действий Щербачева» [Валь 1935, 3]. Хотя автор и признавал, что «всякая характеристика субъективна», но при этом он стремился построить свое изложение «лишь на основании исторических фактов» и отметить бесспорное [Валь 1935, 10–11].

При работе над книгой фон Валь использовал широкий круг исторических источников, в числе которых были воспоминания, заметки и ответы на письменные вопросы автора книги сына Д. Г. Щербачева, генерала А. В. Геруа, подполковника П. П. Мельчанова, А. А. Вадина, А. Ф. Шебушина и многих других соратников Д. Г. Щербачева; ряд материалов, вышедших в СССР, в частности книга Н. Е. Какурина «Как сражалась революция» (М.; Л., 1925–1926); воспоминания деятелей белого движения А. И. Деникина, П. Н. Врангеля, С. Д. Сазонова и др.; воспоминания и заметки иностранцев, побывавших в Советской России в 1918–1919 гг. [Валь 1935, 3].

Характеризуя действия Д. Г. Щербачева, направленные на удержание фронта от разложения и на противодействие большевикам, автор книги приходит к убеждению, что его идеи были верными, но, к сожалению, не получили дальнейшего развития и поддержки со стороны других руководителей белого движения. Инициатива Щербачева, связанная с формированием национальных (польских, украинских, татарских) воинских частей, хотя и принесла первоначально свои результаты, но в общем потерпела неудачу, так как при первой же возможности солдаты ухватились за весть о мире и стали покидать линию фронта [Валь 1935, 30]. По мнению автора, стремление Щербачева сделать ставку на подъем национального чувства в армии своим логическим продолжением имело предоставление народам России определенных полномочий, власти и, в конечном счете, независимости [Валь 1935, 9]. После неудачи своей первой инициативы Щербачев сделал ставку на иностранную интервенцию. Признавая возможную эффективность данного плана на определенном этапе, Э. Г. фон Валь все же полагал, что, в общем, белые вожди сделали ряд ошибок, которые прежде всего заключались в отказе от обещания союзникам больших материальных компенсаций и приобретений в России после одержания победы [Валь 1935, 71].

Главный просчет белых заключался в отстаивании ими лозунга «Единая и Неделимая» и в отказе признать независимость окраинных государств. Анализ возможностей белого движения, предпринятый автором книги, свидетельствовал о том, что в 1918 г. белые, признав независимость окраинных государств, могли бы рассчитывать на широкую их помощь, но затягивание этого процесса с каждым месяцем делали такую помощь все более невозможной, и в конечном итоге в 1920 г. эти государства уже были фактически независимыми и не нуждались в признании со стороны белых [Валь 1935, 84–87, 102].

Таким образом, Э. Г. фон Валь был убежден, что белое движение в своей борьбе исходило из слишком идеалистических моральных убеждений, что в принятии политических решений было неприемлемым; белое движение упустило возможность, играя на национальных чувствах, пробудившихся на окраинах империи, привлечь на свою сторону значительные и организованные силы. Большая часть ответственности в упущении этих возможностей, по мнению фон Валя, ложилась на С. Д. Сазонова как на лицо, которое было наделено максимумом полномочий в принятии решения

о предоставлении независимости бывшим составляющим империи [Валь 1935, 96, 103].

Мысль о том, что роковая ошибка белых заключалась в непризнании независимости, в частности прибалтийских государств, была развита Э. Г. фон Валем в его следующей книге «Война белых и красных в Финляндии в 1918 г.» (Таллинн, 1936). В книге излагается краткая история финского народа с древности и более подробно с момента вхождения Финляндии в состав Российской империи. Книга также снабжена публикацией некоторых исторических документов, которые даны в приложениях, где приводится «Краткая биография К. К. Маннергейма», «Высочайшее решение по делам законодательным и др. Распоряжения, касающиеся Финляндии от 17. 11. 1914 г.» и «Памятная записка о местном населении Финляндии» [Валь 1936б, 79–94]. Автор указывает на то, что процесс ассимиляции, начатый в царствование Николая II, противоречил свободам и правам, дарованным Финляндии прежде, что вызывало противодействие местного населения и роковым образом сказалось во время Первой мировой и Гражданской войн [Валь 1936б, 9–28].

«Колчака и Деникина погубило отжившее отношение к окраинам», — утверждал фон Валь [Валь 1936б, 29]. В то же время Германия и Антанта, преследуя исключительно свои эгоистические интересы, поддержали прибалтийские государства. Финляндия тоже отстаивала свои интересы и в политике исходила из принципа выгоды, а не морали, поэтому она вначале воспользовалась помощью Германии, а затем переориентировала свою ориентацию на Францию. «Русские белые вожди жили прошлым, генерал барон Маннергейм исходил из настоящего. Считаюсь лишь с интересами своей страны в будущем, он видел в содействии Юденичу акт государственной мудрости» [Валь 1936б, 71]. Однако белые упустили свою возможность и вместо того, чтобы воспользоваться помощью своих «естественных союзников», они относились к ним враждебно [Валь 1936б, 74–77]. По этой причине Финляндия не оказала помощи в походе Северо-Западной армии на Петроград, а Великобритания, будучи заинтересованной в ослаблении и расчленении России, воспользовалась просчетами белых и своим предательством окончательно погубила Северо-Западную армию [Валь 1936б, 77–78].

Эта же мысль была повторена Э. Г. фон Валем в книге «Значение и роль Украины в вопросе освобождения России от большевиков на основании опыта 1918–20 гг.» (Таллинн, 1937), где он утверждал, что Северо-Западная армия погибла из-за того, что А. И. Деникин и С. Д. Сазонов не признали независимости Эстонии и оттолкнули помощь Финляндии [Валь 1937, 59–60]. Такую же «политическую слепоту» белые проявили и в украинском вопросе. По мнению Э. Г. фон Валья, «3/4 усилий белых вождей было направлено на борьбу со стремлением местных жителей на окраинах» [Валь 1937, 56], поэтому в конечном счете белые так или иначе «подыгрывали большевикам», и в том, что Украина досталась последним вина только белых [Валь 1937, 31, 60]. С сожалением автор книги констатирует тот факт, что даже после поражения белая эмиграция не сумела сделать правильных выводов, продолжая считать, что монархия и территориальная целостность России является основой ее будущего возрождения [Валь 1937, 61].

В отношении Украины Э. Г. фон Валь считал, что, так как украинский национальный вопрос остается нерешенным, а также по причине ее во всех отношениях бедственного положения в настоящем, будущая война за самоопределение Украины неизбежна [Валь 1937, 67–72].

В книге «Как Пилсудский погубил Деникина» (Таллинн, 1938) Э. Г. фон Валь в свете новых фактов пересматривает свою прежнюю точку зрения, которая

заклучалась в том, что белые должны были ценой любых уступок привлечь Польшу на свою сторону, и что поражение белых было результатом отказа в решении волновавшего Польшу вопроса о ее восточных границах [Валь 1938, IV]. Однако в мае 1937 г. были опубликованы свидетельства офицеров польского Генерального штаба, из которых следовало, что политика Ю. Пилсудского была направлена на то, чтобы ни в коем случае не допустить национального возрождения России, и что никакие территориальные уступки не могли побудить Пилсудского отказаться от этого устремления [Валь 1938, IV].

Э. Г. фон Валь утверждал, что Россия на протяжении веков совершенно неправильно понимала польский вопрос. Наиважнейшими задачами для Польши всегда были восстановление своей целостности как минимум в границах 1772 г. и максимальное уменьшение влияния России на международной арене, что никак не могло устроить любого национально мыслящего русского человека [Валь 1938, 36–45].

Ссылаясь на книгу В. А. Маклакова «Власть и общественность на закате старой России» (тт. 1–3, Париж, 1936), фон Валь указывал на те ошибки русской власти, которые способствовали успеху польского сепаратизма в 1917 г. Эти ошибки заключались в возвании великого князя Николая Николаевича, в котором утверждалось право народов окраин империи на будущее вознаграждение после войны; формирование национальных частей во время войны объяснялось властями тем, что она не может обойтись без их помощи, что было равносильно признанию в своей слабости; действия Ставки по отношению к мирному населению вызывали гнев и раздражение ко всему русскому [Валь 1938, I–VII].

По мнению автора книги, российские власти должны были еще в 1914 г. признать независимость Польши, вывести войска, расстроив дорожные сообщения, и тем самым заставить Германию и Польшу воевать между собой, а свои силы сосредоточить на прусском и австрийском направлениях [Валь 1938, 74]. С началом Гражданской войны в России Польша делала все возможное, чтобы добиться ослабления обеих противоборствующих сторон, и не могла быть союзником белых [Валь 1938, 5]. Белые же этого не поняли и вместо того, чтобы объединиться с Украиной против Польши, сделали наоборот [Валь 1938, 49–50].

Свою книгу Э. Г. фон Валь подытожил мыслью о том, что «во имя успешных достижений в будущем русском, <...> следует отрешаться от симпатий и антипатий к тому или иному народу и следовать плану, построенному только на эгоизме» [Валь 1938, XVIII].

Окончательные итоги в обобщенном виде по вопросу изучения причин крушения Российской империи и поражения белого движения в Гражданской войне Э. Г. фон Валь изложил в книге «Причины распада Российской империи и неудачи русского национального движения» (Таллинн, 1938), однако нам эта книга осталась, к сожалению, недоступной.

В целом литературное наследие Э. Г. фон Валя представляет большой интерес как для историков Первой мировой войны, так и для историков Гражданской войны в России. Книги фон Валя свидетельствуют о большой начитанности и широкой эрудиции автора. Свои рассуждения он постоянно иллюстрирует примерами из всеобщей истории, нередко использует отсылки к сюжетам произведений всемирной литературы, иногда и сам прибегает к художественному изображению событий. Так, например, книгу «Война белых и красных в Финляндии в 1918 г.» Э. Г. фон Валь начинает со вставочного рассказа о спасении белого офицера во время проверки документов в вагоне поезда [Валь 1936б, 3–4].

Весьма интересны и выделяются на общем фоне суждений по этому вопросу мысли Э. Г. фон Валя о причинах поражения белого движения. В основном русские военные специалисты в эмиграции в своих трудах причинами поражения указывали разобщенность контрреволюционных выступлений разных социальных групп, неспособность белогвардейских военных формирований после этапа добровольчества и партизанщины перейти к принципу построения регулярной армии, отсутствие единого командного центра, изолированность друг от друга фронтов белых армий, медленное освоение тактики гражданской войны, недопонимание «психологии гражданской войны» и т. д. [Домнин 1999, 505–506].

Г. Э. фон Валь считал, что непризнание независимости окраинных государств в самом начале Гражданской войны, лишило белое движение «естественных союзников» и их всесторонней поддержки. Причем эта ошибка была допущена самыми главными руководителями белого движения А. И. Деникиным, П. Н. Врангелем и С. Д. Сазоновым. О необходимости признания независимости Эстонии писали в своих воспоминаниях, например, А. П. Родзянко и члены Северо-Западного правительства, но они предпочитали говорить лишь об определенном вреде для белых, который был вызван этим непризнанием или нежеланием признавать право новых государств на самоопределение [Родзянко 2003, 202, 251, 259; Кузьмин-Караваев 1919, 12–13]. Среди русских эмигрантов подобно Э. Г. фон Валью такое же важное значение этому фактору придавал Д. В. Филатьев, но его книга «Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца» вышла в свет только в 1985 г. [Домнин 1999, 505]. Из современных исследователей к сходным выводам приходит историк К. Брюггеманн [Brüggemann 2003], что свидетельствует о том, что мысли фон Валя, высказанные в его книгах, были не лишены исторической основы и еще ждут своего исследователя.

§ 4. Г. И. Афанасьев (Копьев)

Творческое наследие Г. И. Афанасьева (Копьева) включает в себя три брошюры: «Неизбежное» (Тарту, 1925), «Храните красоту Петсерского края» (Петсери, 1936) и «Быть — или не быть» (Юрьев–Тарту, 1925)¹². Последняя брошюра отсутствует в книгохранилищах Эстонии, но имеется в Славянской библиотеке в Праге. Нам она была недоступна.

Брошюра «Неизбежное» представляет собой полемическое произведение и является ответом на статью «Армия», опубликованную в белградской газете «Старое время» и подписанную анонимом «Писатель»¹³. Г. И. Афанасьев, кажется, не без основания полагал, что автором этой статьи был генерал П. Н. Краснов¹⁴, поэтому в своем тексте он часто ссылается на романы П. Н. Краснова «От двухглавого орла к красному знамени» и «Понять — простить».

¹² Эта книга является продолжением книги «Неизбежное». В эстонских книгохранилищах данная книга отсутствует, поэтому нам она была недоступна. По словам профессора С. Г. Исакова, книга «Быть — или не быть» имеется в Славянской библиотеке в Праге.

¹³ Существуют данные, что это произведение было опубликовано отдельным изданием в Белграде в 1924 г. [см.: Список 1999, 571].

¹⁴ Помимо косвенных указаний на правильность данного предположения еще одним доказательством является то, что в 1928 г. П. Н. Краснов опубликовал уже под своим именем статью с аналогичным названием в журнале «Русский колокол» [см.: Список 1999, 567].

Полемизируя со статьей П. Н. Краснова, Афанасьев категорически не соглашается с основными ее положениями, заключавшимися прежде всего в том, что, будущую русскую армию, по убеждению Краснова, надо было бы строить по довоенному образцу на основе кадрового офицерства. Делая экскурс в дореволюционную историю России, Афанасьев утверждал, что идеализировать русскую армию времен Русско-японской и Первой мировой войн нет никакого основания. Наоборот, по мнению автора брошюры, старое русское кадровое офицерство постепенно себя изживало, погружаясь в разврат и пьянство; представители городского населения, рабочие и ремесленники, находясь в армии, хотя и воевали, но большинство все же всячески отлынивало; интеллигенция, «маменькины и купеческие сынки» старались устроиться в тылу, в котором повсеместно царил разврат; хваленая гвардия ничем не оправдала своего привилегированного положения, будучи разбита под Мазурскими озерами, а гвардейские офицеры вместо того, чтобы искупить свой позор смертью, сдались в плен [Афанасьев 1925, 6–13].

Афанасьев полагал, что именно старое кадровое офицерство было виновато в развале России, так как оно не поняло свой народ и чересчур берегло себя [Афанасьев 1925, 14–15]. Возмущение автора вызывало утверждение Краснова о том, что белое движение потерпело поражение по вине русского народа, который не понял его высокой идеи. Афанасьев доказывал, что русский народ ничего не имел против государственного строя, а был «озлоблен только на тех «верноподданных» плутократов, которые темной тучей окружали нашего добродушного и чистого сердцем Государя» [Афанасьев 1925, 23]. Белое движение, по мнению Афанасьева, проиграло войну из-за псевдопатриотов, «шкурников да тунеядцев», и из-за никчемных и бездарных руководителей [Афанасьев 1925, 26, 40].

Не соглашался Афанасьев и с утверждением, что будущая русская армия будет возрождена на основе кадрового офицерства старых русских полков и армии П. Н. Врангеля, что офицеры производства военного времени должны будут сдать экзамены на чин, что чины и награды, полученные офицерами во время Гражданской войны не будут учитываться [Афанасьев 1925, 52–55].

В целом «Неизбежное» Афанасьева представляет собой весьма эмоциональное произведение, отражающее настроение основной массы солдат и младших офицеров, составлявших основной костяк белого движения. Именно эта часть белой эмиграции вынесла на себе основные тяготы и Первой мировой, и Гражданской войн, и поэтому очень болезненно переживала постигшую их неудачу, стараясь понять причины случившейся катастрофы. Для них казалось очевидным, что вина в гибели Северо-Западной армии, прежде всего, ложилась на ее руководство, на высший командный состав армии.

Такого рода обвинения высказывались и в воспоминаниях некоторых свидетелей событий белой борьбы Северо-Западной армии. О заносчивости высшего командования армии и его нежелании договориться с эстонцами и признать их независимость писал в анонимной брошюре один из участников эпопеи Северо-Западной армии [Октябрьское наступление 1920]; о реакционности, костности и бездействии высших чинов армии писали в своих воспоминаниях Н. Н. Иванов [Иванов 1922, 16–33], Г. Кирдецов [Кирдецов 1921, 286–300], В. Горн [Горн 1923, 164]. С весьма резкими обвинениями в адрес командования во главе с генералом Н. Н. Юденичем в своих воспоминаниях выступал генерал А. Родзянко [Родзянко 2003, 315–316]. Именно на воспоминания А. Родзянко ссылается Г. И. Афанасьев в своей книге [Афанасьев 1925, 29].

Представляется вполне разумной мысль П. Н. Краснова о том, что офицеры производства военного времени должны были получить полное военное образование. По сути, эта мысль не должна была вызвать неприятия и среди офицеров военного времени, но Г. И. Афанасьева, как представителя молодого офицерства, раздражал, видимо, сам тон назиданий известного генерала. Для поколения прапорщиков Первой мировой войны было обидным это разделение на кадровых офицеров и на офицеров военного времени, поскольку, как известно, именно на прапорщиках держалась русская армия большую часть войны [см., напр.: Свечин 2000, 253–260], поэтому такое разделение они рассматривали как своего рода дискриминацию. Тем более они чувствовали обиду, что в русские офицерские союзы за рубежом офицеров военного времени принимали по рекомендации одного-двух кадровых офицеров, и их членство было не совсем равноправным [Афанасьев 1925, 58–59]. Такое положение дел вызвало ответную реакцию среди молодого офицерства, и, например, в Эстонии в середине 1920-х гг. существовал «Союз молодежи», объединявший офицеров, чье производство в офицеры состоялось во время Первой мировой и Гражданской войн (см. § 2 первой части данной работы).

Работа Г. И. Афанасьева примечательна еще и тем, что отражает определенный сдвиг в психологии некоторых русских офицеров по отношению к ставшим независимыми Прибалтийским государствам. Признание независимости Эстонского государства было камнем преткновения в отношениях между Эстонией и руководством Северо-Западной армии. Известно, что Н. Н. Юденич считал, что «никакой Эстонии нет. Это — кусок русской земли, русская губерния. Эстонское правительство — шайка уголовных преступников, захвативших власть, и с нею я разговаривать не стану» [Иванов 1922, 16]. Кажется, так же полагали многие высшие чины армии, по крайней мере, по выражению В. Л. Горна, «золотопогонники» не спешили разуверить эстонцев в своем реакционерстве» [Горн 1923, 164]. Вообще многие офицеры Северо-Западной армии, вероятно, не совсем осознавали тот факт, что Гражданская война на северо-западе России «уже давно перешла границы внутримперского или чисто социального конфликта» [Брюггеман 2004, 14]. Нельзя утверждать, что все участники Северо-Западной армии были сторонниками идеи «единой и неделимой», но то, что высшие чины армии в целом, скажем так, не поддерживали идею признания суверенитета Эстонии, представляется очевидным.

В своей брошюре Г. И. Афанасьев отмечал, что П. Н. Краснов явно не учитывал и не понимал результатов прошедшей войны, безапелляционно определяя ставшие независимыми окраинные государства России как будущие базы для военной интервенции. Афанасьев писал, что «прежде, чем говорить о базах и об интервенциях, не лучше ли сначала упомянуть о тех гарантиях, которые должны будут лечь в основу сближения России с окраинами» [Афанасьев 1925, 49]. Таким образом, автор брошюры предлагал смотреть трезво на произошедшие события истории и строить будущие отношения национальной России, представителями которой была белая эмиграция, на основе партнерства и взаимного уважения.

В целом «Неизбежное» Г. И. Афанасьева является весьма интересным документом того времени, отражающим настроения и мнения молодых русских офицеров, которые стремились понять и осмыслить причины и результаты произошедшей катастрофы. Весьма примечательным является то, что, рассчитывая на отклик, обе свои брошюры Г. И. Афанасьев послал в редакцию газеты «Старое время» и великому князю Николаю Николаевичу, но ответа не получил [Калкин 2003, 132]. Это, вероятно, свидетельствовало о том, что его адресатам мысли, высказанные в брошюрах, были чужды и неприемлемы, что, в свою очередь,

говорило о той пропасти во взглядах, существовавших между старым и новым поколением русского офицерства.

В другой брошюре Г. И. Афанасьева, которую он издал уже под фамилией Копьев, говорилось о значении для культуры красоты, которая была запечатлена и в историко-архитектурных памятниках, и в народных традициях, песнях, одежде. С сожалением автор констатировал, что наступающая цивилизация постепенно уничтожает эту народную красоту [Копьев 1936, 3, 5]. Афанасьев (Копьев) считал, что русские в Эстонии должны были сохранить свои культурные ценности, не дав им разрушиться и забыться. В пример он приводил эстонский народ, который бережно собирал и хранил все то, что было связано с его культурой [Копьев 1936, 4]. Между тем в среде русского населения Эстонии автор наблюдал появление тревожных тенденций, связанных с проявлением забвения своих национальных традиций. Особенно, по мнению автора, эти тенденции стали проявляться в женской моде, которая стремилась следовать европейским образцам [Копьев 1936, 12].

Вероятно, такие признаки, действительно, имели место. Например, местный русский писатель В. Е. Гущик в своем рассказе «Радио» в комических чертах изображал стремление местных русских крестьян подражать всему иностранному, что выражалось в неестественной манере говорить («девки задрали морды и говорят в нос»), в изменении женской прически («теперь, господин, и девки, что черти — все стрижены»), в нарочитом отказе от некоторых обычаев («федькина девка до того дура дошла, что подсолнухи грызть отказалась»), в стремлении следовать последней европейской моде, заключавшейся в том, что, якобы, хорошим тоном считалось иметь в каждом доме радио («теперь, говорят, по заграницам в каждой избе радие») [Гущик 1927]. В позднейшей редакции рассказа появляется еще и упоминание о нехарактерных для русских крестьянок деталях одежды («федькина девка ходит в белых перчатках и ни до чего не дотрагивается»), и об отказе от религии и духовности («теперь перед храмом шапки не скинут. Нас, говорят, теперь Бог не антиресует! <...> Мы, говорят, на ученость начали заворачивать, а ученость тая Бога не признает») [Гущик 1934].

Свой призыв хранить родную культуру Г. И. Афанасьев (Копьев) выражал не только на бумаге, но и подкреплял делом, состоя в течение многих лет в правлении Русского просветительного общества в Печорах, организовав оркестр великорусских инструментов. Он также являлся создателем и руководителем Кружка любителей изобразительных искусств, участники которого собирали предметы русской старины, зарисовки деревенских изб, деревень, архитектуры, одежды и т. д.; участвовал в устройстве певческого праздника в Печорах в 1939 г. [Калкин 2003, 135–137]. Несомненно, Г. И. Афанасьев (Копьев) был одним из ярких деятелей русской культуры в Эстонии 1920–30-х гг.

Заключение

В данной работе предпринято комплексное исследование всех известных направлений деятельности русских военных в Эстонии 1920–1930-х гг. На основе уже опубликованных, а также вводимых нами в научный оборот новых источников информации реконструирована общая картина жизни и деятельности русских военных в Эстонской республике тех лет.

Представленный в исследовании материал дает основание утверждать, что деятельность русских военных в Эстонии была многогранна. Идеологической основой единства русской военной эмиграции являлось категорическое неприятие большевизма, поэтому смысл их существования заключался в продолжении борьбы с властью большевиков в России. Для достижения поставленной цели русские военные, как и вся русская эмиграция, старались объединяться, поддерживая корпоративный дух и сохраняя кадры для будущей борьбы. С этой целью создавались разного рода благотворительные союзы и организации. К числу таких объединений относились Касса взаимопомощи моряков, Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, Комитет «Дня русского инвалида», Союз вспомоществования чинов бывшей Северо-западной армии и русских эмигрантов в Эстонии, Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии и Союз русских военных инвалидов в Эстонии. Многие русские военные принимали участие в деятельности других эмигрантских организаций.

Одними из важнейших задач стали сохранение и дальнейшая «трансляция» традиций дореволюционной русской культуры, традиций русской императорской армии. С этой целью создавались полковые объединения, организовывались встречи выпускников кадетских корпусов, военных училищ и академий, ежегодно устраивались встречи георгиевских кавалеров. Свои идеалы русские военные стремились передать и подрастающему поколению, поэтому ими велась активная работа во многих молодежных организациях (Объединение русских скаутов в Эстонии, спортивное общество «Витязь», общество «Русская школа в Эстонии» и т. д.).

Во многом участие русских военных в различных эмигрантских организациях диктовалось их желанием распространить свое влияние на всю местную русскую диаспору и даже в некоторых случаях подчинить ее себе. Так, одной из основных целей создания в 1930 г. Союза северо-западников являлось объединение всей русской эмиграции и устранение конкуренции со стороны других видных невоенных эмигрантских организаций — таких, например, как Комитет русских эмигрантов. Пожалуй, в русском Зарубежье не было ни одного деятеля, или организации, которые не выступали бы за объединение всех антибольшевистских сил в изгнании. Однако на деле в большинстве случаев это проявлялось, прежде всего, в устранении конкурентов на этом поприще и ведении постоянных споров со своими оппонентами. В этих конфликтах заключалась главная слабость русской эмиграции. Та же картина наблюдалась и в Эстонии, где стремление к власти и верховенству в русских военных эмигрантских кругах А. К. Баиова и О. П. Васильковского были причинами раскола в среде русских военных эмигрантов. Разделение на сторонников Баиова и Васильковского привело также к созданию параллельных и дублирующих друг друга организаций, что, в свою очередь, в определенной степени ослабило, как позиции каждой из конфронтующих сторон, так и их лидеров, а также привело к падению доверия со стороны местной общественности.

Деятельность русских военных в общественных и корпоративных организациях имела легальный характер, но в большинстве случаев эти организации являлись прикрытием для ведения конспиративной работы, связанной с пропагандой монархических и антибольшевистских идей, с ведением разведывательных и диверсионных действий на территории СССР. Хотя все уже известные, а также представленные в данной работе новые факты и не позволяют говорить о том, что данная деятельность была продуктивной, однако, например, контрразведывательную деятельность Б. В. Энгельгардта и его сотрудников, а также создание диверсионных групп на территории СССР нарвской группой северо-западников в 1930-х гг. следует признать весьма успешными.

Помимо деятельности, связанной с главной целью (борьбой с большевизмом и установлением в России законной власти, а для достижения этой цели — с сохранением в изгнании традиций дореволюционной российской культуры) бывшие русские военные участвовали и в местной жизни как русской общины, так и эстонского государства в целом. Не стоит забывать, что в условиях эмиграции необходимо было искать источники к существованию и обеспечению своих семей. Многим приходилось соглашаться на неквалифицированный, физически тяжелый и низкооплачиваемый труд. Лишь немногим удавалось найти работу, соответствующую их профессиональным навыкам. Некоторая часть русских военных какое-то время служила в вооруженных силах Эстонской Республики. Другие военные специалисты принимали непосредственное участие в подготовке эстонских офицерских кадров, являясь преподавателями эстонских военных учебных заведений. В нашей работе впервые представлена собранная информация об этой деятельности офицеров бывшей российской армии. Без знания этого момента невозможно представление и об истории Эстонии того времени вообще.

Некоторые представители русских военных принимали участие и в политической жизни Эстонской республики, являясь одними из организаторов местных русских партий (например, Русского национального союза) и членами Государственного собрания. Хотя, конечно, определяющей роли в политике государства они не играли.

Некоторые из проживавших в Эстонии бывших офицеров российской армии занимались также научной и публицистической деятельностью. В частности, ими были созданы труды по вопросам военной науки, пособия для военных училищ Эстонии, а также оставлены воспоминания. По понятным причинам, появление таких работ в России в то время было невозможным, поэтому сам факт существования и изучение этих трудов для современных историков представляет особую значимость, как выражение иной, нежели господствовавшей в те годы в СССР, точки зрения.

Не вызывает сомнения тот факт, что осмысление прошлого невозможно без знания вклада отдельной личности в историю, поэтому мы посчитали необходимым на основе различных источников дополнить, собрать воедино, а в некоторых случаях и впервые ввести в научный оборот биографические справки о некоторых военных, так или иначе связанных с Эстонией 1920–1930-х гг.

На наш взгляд, представленный в работе материал позволяет говорить о том, что деятельность русских военных в Эстонии была разнообразна и многолика. Несмотря на все жизненные трудности и перипетии судьбы, русские военные сумели сохранить свое достоинство, верность своим убеждениям, свою культуру и в какой-то степени сумели передать это следующему поколению. Становится несомненным тот факт, что без изучения всех сторон деятельности русских военных в Эстонии невозможно не только представление о жизни русской общины того времени, но и истории Эстонии 1920–1930-х гг. в целом.

Vene sõjaväelaste roll Eesti Vabariigi ühiskondlikus ja kultuurielus 1920.–1930. aastatel ning nende kirjanduspärand

Kokkuvõte

Antud töös on esitatud ülevaatlik uurimus Eestis 1920.–1930. aastatel elanud vene sõjaväelaste tegevussuundadest. Nii varem ilmunud kui ka töö autori kaasatud uute allikate põhjal on rekonstrueeritud vene emigrantidest sõjaväelaste elu ja tegevuse üldpilt.

Väitekirja eesmärgiks oli luua võimalikult selge ülevaade vene ohvitseride korpuse esindajate elust ja tegevusest Eestis 1920.–1930. aastatel.

Töös käsitletakse laiemalt välisvenelaste ajalugu ning kitsamalt eestivenelaste ajalugu. On ilmne, et uurimata kõiki vene sõjaväelaste tegevussuundi, ei saa täielikku ettekujutust venelaste ühiskondlikust, kultuurilisest ja poliitilisest elust Eestis ega Eesti ajaloos üldiselt.

Püstitatud eesmärgi teostamiseks töötas autor läbi rea arhiivimaterjale: Eesti Riigiarhiivis (Tallinnas) ja selle arhiivi filiaalis (endine parteiarhiiv, Tallinn, Tõnismägi 16) ning Eesti Ajalooarhiivis (Tartus). Samuti töötati läbi Eestis 1920.–1930. aastatel ilmunud venekeelsed ajalehed ja ajakirjad (üle 12 000 numbri). Vähemal määral kasutati eestikeelset perioodikat. Antud töös on samuti kasutatud Eesti Kirjandusmuuseumi, Tartu Ülikooli raamatukogu, Eesti Rahvusraamatukogu, Tallinna Ülikooli raamatukogu ja Helsingi Ülikooli Slaavi raamatukogu materjale.

Magistritöö koosneb kahest peatükist. Esimeses, mis kannab pealkirja „Vene sõjaväelaste tegevuste üldsünonad Eestis 1920.–1930. aastatel“, vaadeldakse vene sõjaväelaste tegevuse põhiaspekte, uuritakse, millised eeldused olid vene sõjaväelaste ühinemisel ning analüüsitakse nende tegevuse põhietappe.

Teine peatükk on ülevaade vene sõjaväelaste kirjanduslikust tegevusest. Termin *kirjandus* all peetakse silmas kirjamälestisi üldiselt. Vaadeldakse põhjalikult väljapaistvate vene sõjaväelastest kirjanike, nagu näiteks A. K. Baiov, E. A. Vertsinski, E. G. von Wahl ja G. I. Afanasjev (Kopjev) kirjanduspärandit. Et töö autor pole sõjaväespetsialist ning et paljud teosed on pühendatud sõjaajaloo küsimustele ja muudele sõjateaduse harudele, ei ole need meile kättesaadavad, mistõttu antud peatükk on pigem kirjeldava iseloomuga.

Olles veendunud, et möödunu lahtimõtestamine pole võimalik teadmata üksikisiku panust ajalukku, pidas töö autor vajalikuks toetudes erinevatele allikatele täiendada, koguda

ja kasutada mõnede sõjaväelaste eluloolisi andmeid, mis on nii või teisiti seotud 1920.–1930. aastate Eestiga.

Töös esitatud materjali põhjal võib väita, et vene sõjaväelaste tegevus Eestis oli väga mitmekülgne. Ideoloogiliselt ühendas vene emigrante bolševismi absoluutne eitamine, sellepärast seisneski nende elu mõte võitluses Venemaal võimule tulnud enamlastega. Selle eesmärgi saavutamiseks püüdsid nii sõjaväelased kui ka teised vene emigrandid ühineda, toetades rahvuslikku ühtekuuluvustunnet. Sellel eesmärgil moodustati erinevaid heategevusühinguid ja -organisatsioone. Paljud vene sõjaväelased tegutsesid ka teistes, mittesõjaväelistes, pagulasorganisatsioonides.

Vene sõjaväelaste osavõtt erinevate pagulasorganisatsioonide töös oli tingitud soovist laiendada oma mõjusfääri kogu vene kogukonnale ning kohati ka allutada see endale. Nii oli 1930. aastal moodustatud sõjaväelise ühingu (Союз северо-западников) peaeesmärgiks liita kõik vene pagulased ning kõrvaldada konkurents teiste, mittesõjaväeliste, organisatsioonide poolt, nagu näiteks Vene emigrantide komitee. Samas peab nentima, et vene emigrantide juhtivtegelaste ega ka organisatsioonide seas ei olnud selliseid, kes poleks esinenud kõigi antibolševistlike jõudude ühinemise poolt. Enamikul juhtudest ilmnis see ennekõike konkurentide kõrvaldamises ning pidevates vaidlustes oponentidega. Taolistes konfliktides seisneski põhiline vene emigratsiooni nõrkus. Sama pilt avanes ka Eestis, kus võimu poole püüdlevad A. K. Baiov ja O. P. Vassilkovski põhjustasid vene sõjaväelaste lõhestamise. Baiovi ning Vassilkovski leeride tekkimine tõi kaasa paralleelsete organisatsioonide moodustamise, mis omakorda nõrgestas nii mõlema poole positsioone kui ka nende liidreid ning viis usalduse kaotamiseni kohaliku kogukonna hulgas.

Vene sõjaväelaste tegevus ühiskondlikes ja korporatiivsetes organisatsioonides oli seaduslik, kuid üldjuhul olid need katteks põrandaaluse tegevusele, mis oli seotud monarhia ja antibolševistlike ideede propagandaga ning luure ja diversioonide korraldamisega Nõukogude Liidu territooriumil. Nii varem teada olnud kui ka antud töös esitatud uued faktid ei tõesta küll sellise tegevuse produktiivsust, kuid näiteks B. V. Engelhardti ja tema töötajate vastuluuretegevust ning Loodearmee Narva diversioonirühma moodustamist Nõukogude Liidu territooriumil 1930. aastal võib pidada õnnestunuks.

Peale põhitegevuse, milleks oli bolševismivastane võitlus ja seadusliku võimu taastamise Venemaal, osalesid endised vene sõjaväelased ka kohalikus ühiskondlikus elus nii vene kogukonnas kui ka Eesti elus üldiselt. Ei tohi unustada asjaolu, et paguluses pidi otsima elatusvahendeid oma perede ülalpidamiseks. Paljud pidi leppima mitteerialase,

füüsiliselt raske ja madalapalgalise tööga. Vaid üksikutel õnnestus leida erialast tööd. Mõned vene sõjaväelased teenisid ka Eesti Vabariigi kaitsevägedes, teised võtsid osa Eesti ohvitseride koolitamisest, olles õppejõududeks Eesti kaitsejõudude õppeasutustes. Väitekirjas on esmakordselt esitatud kogu informatsioon endiste vene armee ohvitseride tegevusest Eestis.

Mõned vene sõjaväelased osalesid ka Eesti Vabariigi poliitilises elus, organiseerides kohalikke vene parteisid (näiteks Vene rahvusühendus) ning olles Riigikogu liikmed, kuid suurt rolli riigi poliitilises elus nad mõistagi ei mänginud.

Osa Eestis elanud vene ohvitserkonnast tegeles ka teadustöö ja publitsistikaga. Muuhulgas avaldasid nad sõjandusalaseid teoseid ning õpikuid Eesti sõjakoolidele. Vene ohvitserid on kirja pannud ka mitmed memuaarid. Arusaadavatel põhjustel ei saanud need tööd ilmuda tol ajal Venemaal, sellepärast seisab tänapäeva ajaloolastel ees nende teoste uurimine ja analüüs, see on oluline eelkõige vaatenurga pärast, mis erines kardinaalselt Nõukogude Liidus valitsenust.

Töös esitatud materjal annab alust rääkida sellest, et vene sõjaväelaste tegevus Eestis oli mitmetahuline ning omanäoline. Vaatamata kõikidele elu keerdkäikudele säilitasid vene sõjaväelased oma väärikuse, veendumused ja kultuuri ning suutsid need mõningal määral edasi anda ka järgnevale põlvkonnale. Uurimata vene sõjaväelaste tegevuse kõiki tahke pole võimalik saada tõest ettekujutust mitte ainult vene kogukonna elust Eestis, vaid ka Eesti Vabariigi ajaloost 1920.–1930. aastatel.

Список сокращений, принятых в списке использованной литературы и биографическом справочнике

- БНЛ** — Былой нарвский листок
- ВД** — Вести дня
- НПИ** — Наши последние известия
- НГ** — Наша газета
- НД** — Народное дело
- НЛ** — Нарвский листок
- ННЛ** — Новый нарвский листок
- НЧ** — Наш час
- ПВ** — Правительственный вестник
- ПИ** — Последние известия
- Р** — Рассвет
- РВ** — Русский вестник
- РВр** — Ревельское время
- РГ** — Русский голос
- РН** — Ревельские новости
- РРИ** — Ревельский русский инвалид
- РС** — Русское слово
- РСл** — Ревельское слово
- СЗА** — Северо-Западная армия
- СНЛ** — Старый нарвский листок
- СР** — Свобода России
- СС** — Свободное слово
- ТРГ** — Таллинский русский голос
- Труды РИЦЭ** — Труды Русского исследовательского центра в Эстонии
- Ч** — Час
- РАЕ** — Poliitilised arreteerimised Eestis

Список использованной литературы

1. **Абисогомян 2003** — Абисогомян Р. Деятельность А. К. Баиова в Эстонии // Труды РИЦЭ. Вып. 2 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2003. С. 49–69.
2. **Абисогомян 2004а** — Абисогомян Р. Преподавательская деятельность русских военных специалистов в военных учебных заведениях Эстонской Республики (20-е годы XX века) // Humanitārās fakultātes XIII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture VII. Daugavpils, 2004. С. 7–12.
3. **Абисогомян 2004б** — Абисогомян Р. Краткие биографические сведения о некоторых генералах русской армии, проживавших в Эстонии в 1920–1930-х годов // Труды РИЦЭ. Вып. 3 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2004. С. 179–197.
4. **Абисогомян 2005** — Абисогомян Р. А. Биографические справки о генералах и адмиралах Российской императорской армии и флота, проживавших в Эстонии в 1920–1930-е годы // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Сост. и отв. ред. проф. С. Исаков. Тарту, 2005. С. 238–257.
5. **Александр 1999** — Александр Т. Эстонское детство. Воспоминания. М., 1999.
6. **Александров 2004** — Александров К. М. Белая военная эмиграция в Европе 1930–1945 гг. Новые документы, материалы, суждения // Зарубежная Россия. 1917–1945. Сборник статей. Кн. 3. СПб., 2004. С. 37–46.
7. **Андреев 1996** — Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Т. I. Таллинн, 1996.
8. **Афанасьев 1925** — Афанасьев Г. И. Неизбежное. Мысли после чтения очерка <будущая русская> «Армия» – Писателя. Юрьев, 1925.
9. **Афанасьев 1932** — Афанасьев С. Георгиевские кавалеры в Ревеле // Часовой. 1932. 1 янв. № 71. С. 32.
10. **Афанасьев 1933** — Афанасьев В. Для русских увечных воинов // ТРГ. 1933. 26 марта. № 20. С. 6.
11. **А. 1926а** — А. День «Русского инвалида» // НПИ. 1926. 27 окт. № 7. С. 3.
12. **А. Б. 1927** — А. Б. День русского инвалида // НГ. 1927. 23 окт. № 181. С. 4.
13. **А. В. 1920** — А. В. «Помощь» семьям северо-западников // ПИ. 1920. 23 марта. № 68. С. 3.
14. **А. Л. 1920** — А. Л. Офицерская артель на лесных заготовках // СР. 1920. 18 июня. № 134. С. 3.
15. **А. С. 1936** — А. С. Письмо из Тарту // РВ. 1936. 12 февр. № 12. С. 3.
16. **Баиов 1905** — Баиов А. К. Записки по элементарной тактике. Пехота. СПб., 1905.
17. **Баиов 1906** — Баиов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Войны России с Турцией в 1736–1739 гг. Кампания 1739 г. СПб., 1906.
18. **Баиов 1909а** — Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. I. От начала Руси до Петра Великого. СПб., 1909.
19. **Баиов 1909б** — Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. II. Эпоха Петра Великого. СПб., 1909.
20. **Баиов 1909в** — Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. III. Эпоха Миниха (Царствование императрицы Анны Иоанновны). СПб., 1909.
21. **Баиов 1909г** — Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. IV. Эпоха императрицы Елизаветы. СПб., 1909.

22. **Баиов 1909д** — Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. V. Эпоха императрицы Екатерины II. СПб., 1909.
23. **Баиов 1910** — Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. VI. Эпоха императора Павла I. СПб., 1910.
24. **Баиов 1911** — Баиов А. К. Значение В. О. Ключевского для русской военно-исторической науки. СПб., 1911.
25. **Баиов 1912** — Баиов А. К. История военного искусства как наука. СПб., 1912.
26. **Баиов 1913а** — Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. VII. Эпоха императора Александра I. СПб., 1913.
27. **Баиов 1913б** — Баиов А. К. Национальные черты русского военного искусства в Романовский период нашей истории. СПб., 1913.
28. **Баиов 1921а** — Баиов А. К. История военного искусства от народов древности до начала XX столетия. Ревель, 1921. [Литограф. изд.]
29. **Баиов 1921б** — Лекции по теории статистики / Сост. А. Баиовым. <Ревель>, 1921. [Литограф. изд.]
30. **Баиов 1922а** — Баиов А. К. Великая мировая война 1914–1918 гг. <Ревель, 1922>. [Литограф. изд.]
31. **Баиов 1922б** — Лекции по стратегии / Сост. проф. А. К. Баиовым. 1921–1922. <Ревель, 1922>. [Литограф. изд.]
32. **Баиов 1924а** — Баиов А. К. Вклад России в победу союзников. Ревель, 1924.
33. **Баиов 1924б** — Баиов А. К. Сильные духом. Из личных воспоминаний о Л. Г. Корнилове // Эмигрант. 1924. № 3. С. 4–10.
34. **Баиов 1924в** — Баиов А. К. Пушкин как поэт войны. К 125 – летию со дня рождения Пушкина // Пушкинский сборник. Приложение к «Последним известиям». 1924. 8 июня. № 147. С. 19 – 22.
35. **Баиов 1925а** — Баиов А. К. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Отзыв на книгу ген. Данилова «Россия в мировой войне 1914–1918» // РВр. 1925. 11 мая. № 4. С. 2–3.
36. **Баиов 1925б** — Баиов А. К. [Объявление] // Ч. 1925. 14 дек. № 2. С. 3.
37. **Баиов 1926а** — Баиов А. Письмо в редакцию // ПИ. 1926. 7 июня. № 122. С. 4.
38. **Баиов 1926б** — Баиов А. «День русского инвалида» // ПИ. 1926. 5 сент. № 199. С. 3.
39. **Баиов 1926в** — Баиов А. Письмо в редакцию // ВД. 1926. 8 нояб. № 39. С. 2.
40. **Баиов 1926г** — Баиов А. Письмо в редакцию // НПИ. 1926. 16 нояб. № 23. С. 4.
41. **Баиов 1926д** — Баиов А. Письмо в редакцию // ВД. 1926. 4 дек. № 65. С. 2.
42. **Баиов 1927а** — Баиов А. К. Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры. Ревель, 1927.
43. **Баиов 1927б** — Баиов А. Письмо в редакцию // Р. 1927. 8 – 15 окт. № 7. С. 3.
44. **Баиов 1927в** — Баиов А. Письмо в редакцию // НГ. 1927. 13 окт. № 171. С. 3.
45. **Баиов 1927г** — Баиов А. Приказ № 1 по отделу русских скаутов в Эстонии // НГ. 1927. 31 дек. № 236. С. 3.
46. **Баиов 1928** — Баиов А. Еще об «Ассамблее» // ВД. 1928. 6 дек. № 330. С. 2.
47. **Баиов 1929** — Баиов А. Необходимая воинская добродетель // Вестник военных знаний. Сараево. 1929. № 3. С. 1–8.
48. **Баиов 1929–1930** — Баиов А. К. Начальные основы строительства будущей русской армии // Русский колокол. 1929. № 8. С. 6–13; 1930. № 9. С. 21–29.
49. **Баиов 1930а** — Баиов А. К. Генерал Л. Г. Корнилов и его дивизия императорской армии // Часовой. Париж, 1930 № 35. С. 6–7.

50. **Баиов 1930б** — Баиов А. К. Нужны ли крепости как элемент государственной обороны // Часовой. Париж, 1930. № 40. С. 4–6; № 41. С. 13–14.
51. **Баиов 1930в** — [Баиов А. К.] 13 (26) ноября 1930 г. исполняется 200 лет со дня рождения русского полководца А. В. Суворова // РРИ. 1930. Ноябрь. С. 1.
52. **Баиов 1930г** — Баиов А. Мог ли Суворов считаться «инвалидом»? // РРИ. 1930. Ноябрь. С. 3.
53. **Баиов 1930д** — А. К. Б[аиов]. Суворов по отзывам своих и чужих // РРИ. 1930. Ноябрь. С. 6.
54. **Баиов 1930е** — А. К. Б[аиов]. Суворов по его изречениям // РРИ. 1930. Ноябрь. С. 6.
55. **Баиов 1931** — Баиов А. К. [Объявление] // ВД. 1931. 5 дек. № 320. С. 2.
56. **Баиов 1932а** — Баиов А. М. Д. Скобелев // Звено. 1932. Август. № 1. С. 3.
57. **Баиов 1932б** — Баиов А. К. Генеральный штаб во время гражданской войны // Часовой. Париж, 1932. № 84. С. 3–5.
58. **Баиов 1933** — Баиов А. † Генерал-майор Д. К. Лебедев // Часовой. 1935. 15 февр. № 144. С. 20.
59. **Баиов 1935** — Баиов А. † Генерал-майор В. Л. Драке // Часовой. 1933. Июнь. № 105. С. 29.
60. **Баиов 1997** — Баиов А. Воспитание армии и идеи графа Л. Н. Толстого // Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 399–407.
61. **Баиов 1999а** — Баиов А. К. Вредный договор // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 46–51.
62. **Баиов 1999б** — Баиов А. К. Две резолюции (о русской военной науке) // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 335–340.
63. **Баиов 1999в** — Баиов А. К. Добровольчество и регулярство // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 220–222.
64. **Баиов 2001** — Баиов А. К. Суворов и будущая война // Не числом, а умением! Военная система А. В. Суворова. М., 2001. С. 400–411.
65. **Бакструб 1924** — Бакструб А. [Долль А.] На братских могилах // ПИ. 1924. 9 сент. № 234. С. 3.
66. **Башкиров 1920** — Башкиров К. На лесных заготовках // СР. 1920. 13 марта. № 59. С. 2.
67. **Беженская хроника 1920** — Беженская хроника // ПИ. 1920. 30 авг. № 15. С. 4.
68. **Беседа 1922** — Беседа с генералом О. П. Васильковским // Кто наш главный враг? Таллинн, 1922. С. 9–31.
69. **Беседа 1936а** — Беседа с генералом О. Васильковским // ВД. 1936. 3 февр. № 27. С. 1.
70. **Беседа 1936б** — Беседа с инженером Е. Гаусманом // ВД. 1936. 17 февр. № 39. С. 2.
71. **Бескровный 1962** — Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., 1962.
72. **Благодарность 1932** — Благодарность // СНЛ. 1932. 2 февр. № 13. С. 2.
73. **Бойков 1995** — Бойков В. А. Олег Петрович Васильковский // Эстония. 1995. 25 июля. № 166. С. 5.
74. **Бойков 1996а** — Бойков В. А. Дмитрий Капитонович Лебедев // Эстония. 1996. 3 мая. № 98. С. 5.

75. **Бойков 1996б** — Бойков В. Мартиролог. Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления советской власти // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. I. Таллинн, [1996]. С. 122–153.
76. **Бойков 1996в** — Бойков В. Мартиролог. Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления советской власти // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. II. Таллинн, [1996]. С. 5–56.
77. **Бойков 1998а** — Бойков В. Позволено распечатать // Вышгород. 1998. № 1–2. С. 114–136.
78. **Бойков 1998б** — Бойков В. Честь имею... // Таллинн. 1998. № 10. С. 173–178.
79. **Бойков 1999** — Бойков В. Русские в Эстонии (по материалам ОГПУ СССР) // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. V. Рига, 1999. С. 73–104.
80. **Бойков 2000** — Бойков В. Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) и Эстония // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей / Сост. В. Бойков, Н. Бассель. Таллинн, 2000. С. 68–77.
81. **Бойков 2001а** — Бойков В., Исаков С., Раясалу И. Политическая жизнь // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001. С. 62–98.
82. **Бойков 2001б** — Бойков В. Благотворительная организация «Белый крест» (1920–1940) // Труды РИЦЭ. Вып. 1 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2001. С. 54–57.
83. **Бойков 2001в** — Бойков В. И. Л. Солоневич и Эстония // Труды РИЦЭ. Вып. 1 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2001. С. 58–90.
84. **Бойков 2002** — Бойков В. А. История одной легенды // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. VII. Вильнюс, 2002. С. 244–248.
85. **Бойков 2003** — Бойков В. Русские фашистские группы в Эстонии (1930-е гг.) // Труды РИЦЭ. Вып. 2 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2003. С. 70–120.
86. **Бойков 2004а** — Бойков В. А. Союз северо-западников // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Сборник статей. Псков, 2004. С. 96–108.
87. **Бойков 2004б** — Бойков В. А. Архивные материалы о Союзе северо-западников // Труды РИЦЭ / Сост. В. А. Бойков. Вып. 3. Таллинн, 2004. С. 149–178.
88. **Бойков 2005** — Бойков В. А. Агония Северо-Западной армии // Бойков В. А. Два десятилетия русской культуры в Эстонии (1918–1940). Таллинн, 2005. С. 74–86.
89. **Бойков 2006** — Бойков В. А. Офицеры Российского флота, служившие на Балтике // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 23–41.
90. **Бой-скауты 1930** — Бой-скауты в Kivi-Õli // СНЛ. 1930. 29 мая. № 58. С. 2.
91. **Бортневский 1996** — Бортневский В. Г. Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996.
92. **Брюггеман 2004** — Брюггеман К. За что они воевали? Н. И. Будберг как представитель прибалтийских немцев в белой армии генерала Н. Н. Юденича в Эстонской освободительной войне // Humanitārās fakultātes XIII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture VII. Daugavpils, 2004. С. 12–19.
93. **Б-ский 1921** — П. Б-ский. Наполеон и русская действительность. Лекция проф. А. К. Баиова // СС. 1921. 19 мая. № 25. С. 3.

94. **Бывший юнкер 1926** — Бывший юнкер // СНЛ. 1926. 10 июня. № 62. С. 1.
95. **Б. Е. 1931а** — Б. Е. Чрезвычайное Общее собрание Русск. Инвалидов // РВ. 1931. 21 окт. № 85. С. 3.
96. **Б. Е. 1931б** — Б. Е. Георгиевские кавалеры // РВ. 1931. 22 нояб. № 99. С. 5.
97. **Б. Т. 1925** — Б. Т. Лекция профессора А. К. Баиова // СНЛ. 1925. 20 окт. № 14. С. 2.
98. **Б. Т. 1927** — Б. Т. Годовщина морской дружины «Ругодив» // СНЛ. 1927. 26 апр. № 48. С. 3.
99. **Б. Т. 1930** — Б. Т. Общество друзей скаутов // СНЛ. 1930. 30 сент. № 109. С. 1.
100. **Б. Э-т 1922** — Б. Э-т [Б. В. Энгельгардт?]. Петр I и большевики // ПИ. 1922. 4 янв. № 3. С. 3.
101. **Валь 1933** — фон Валь Э. Г. Кавалерийские обходы генерала Каледина 1914–1915 гг. Таллинн, 1933.
102. **Валь 1935** — фон Валь Э. Г. К истории белого движения. Деятельность генерал-адъютанта Щербачева. Таллинн, 1935.
103. **Валь 1936а** — фон Валь Э. Г. Действия 12-й кавалерийской дивизии в период командования ею свиты Его Величества ген.-майора барона Маннергейма. Таллинн, 1936.
104. **Валь 1936б** — фон Валь Э. Г. Война белых и красных в Финляндии в 1918 г. Таллинн, 1936.
105. **Валь 1937** — фон Валь Э. Г. Значение и роль Украины в вопросе освобождения России от большевиков на основании опыта 1918–20 гг. Таллинн, 1937.
106. **Валь 1938** — фон Валь Э. Г. Как Пилсудский погубил Деникина. Таллинн, 1938.
107. **Васильковский 1921а** — Васильковский О. П. Жестокая правда — лучше красивой лжи. Из воспоминаний ген. Васильковского // ПИ. 1921. 9 июня. № 137. С. 2–3.
108. **Васильковский 1921б** — Васильковский О. П. Нельзя молчать // ПИ. 1921. 7 дек. № 294. С. 3.
109. **Васильковский 1922** — Васильковский О. П. Кто они? // В единении сила. Таллинн, 1922. С. 17–20.
110. **Васильковский 1925** — Васильковский О. Письмо в редакцию // ПИ. 1925. 7 июля. № 151. С. 4.
111. **Васильковский 1926а** — Васильковский О. П. Письмо в редакцию // НЛ. 1926. 22 мая. № 40. С. 2–3.
112. **Васильковский 1926б** — Васильковский О. П. Письмо в редакцию // ПИ. 1926. 27 мая. № 113. С. 4.
113. **Васильковский 1926в** — Объявление генерала О. П. Васильковского // Ч. 1926. 1 июня. № 26. С. 2.
114. **Васильковский 1926г** — Васильковский О. П. [Объявление] // ПИ. 1926. 9 июня. № 124. С. 1.
115. **Васильковский 1926д** — Васильковский О. П. [Объявление] // НЛ. 1926. 12 июня. № 45. С. 1.
116. **Васильковский 1926е** — Васильковский О. П. Письмо в редакцию // СНЛ. 1926. 3 июля. № 72. С. 4.
117. **Вербовка большевиками 1920** — Вербовка большевиками // РН. 1920. 9 марта. № 5. С. 2.

118. **Верзунов 2003** — Верзунов В. В. Военные моряки-уроженцы Эстонии (краткие биографии) // Труды РИЦЭ. Вып. 2 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2003. С. 225–234.
119. **Верцинский 1929** — Верцинский Э. А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллинн, 1929.
120. **Верцинский 1930а** — Верцинский Э. А. Архив и музей л.-гв. 2 стр. Царскосельского полка. Сводка № 1. Таллинн, 1930.
121. **Верцинский 1930б** — Верцинский Э. А. Архив и музей л.-гв. 2 стр. Царскосельского полка. Сводка № 2. Таллинн, 1930.
122. **Верцинский 1930в** — Верцинский Э. А. Архив и музей л.-гв. 2 стр. Царскосельского полка. Сводка № 3. Таллинн, 1930.
123. **Верцинский 1931а** — Верцинский Э. А. Архив и музей л.-гв. 2 стр. Царскосельского полка. Сводка № 4. Таллинн, 1931.
124. **Верцинский 1931б** — Верцинский Э. А. Архив и музей л.-гв. 2 стр. Царскосельского полка. Сводка № 5. Таллинн, 1931.
125. **Верцинский 1931в** — Верцинский Э. А. Списки офицеров л.<ейб>-гв.<ардии> 2 стрелкового Царскосельского полка. Июль 1914 г. – ноябрь 1931 г. Таллинн, [1931].
126. **Верцинский 1931г** — Верцинский Э. А. Краткая справка к истории лейб-гвардии 2-го стрелк.<ового> Царскосельского полка. Таллинн, 1931.
127. **Верцинский 1931д** — Верцинский Э. А. Из мировой войны. Боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба за 1914–1917 годы. Таллинн, 1931.
128. **Верцинский 1932а** — Верцинский Э. А. Состоящий под августейшим покровительством Его императорского величества великого князя Дмитрия Павловича Союз лейб-гвардии Царскосельских стрелков. Сводка № 6. Таллинн, 1932.
129. **Верцинский 1932б** — Верцинский Э. А. Состоящий под августейшим покровительством Его императорского величества великого князя Дмитрия Павловича Союз лейб-гвардии Царскосельских стрелков. Сводка № 7. Таллинн, 1932.
130. **Верцинский 1933** — Верцинский Э. А. Состоящий под августейшим покровительством Его императорского величества великого князя Дмитрия Павловича Союз лейб-гвардии Царскосельских стрелков. Сводка № 8. Таллинн, 1933.
131. **Верцинский 1934** — Верцинский Э. А. Состоящий под августейшим покровительством Его императорского величества великого князя Дмитрия Павловича Союз лейб-гвардии Царскосельских стрелков. Сводка № 9. Таллинн, 1934.
132. **Верцинский 1934–1935** — Верцинский Э. А. Материалы к истории лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка (батальона). Части II–IV. Таллинн, 1934–1935.
133. **Верцинский 1935** — Верцинский Э. А. Состоящий под августейшим покровительством Его императорского величества великого князя Дмитрия Павловича Союз лейб-гвардии Царскосельских стрелков. Сводка № 10. Таллинн, 1935.
134. **Верцинский 1936а** — Верцинский Э. А. Состоящий под августейшим покровительством Его императорского величества великого князя Дмитрия

- Павловича Союз лейб-гвардии Царскосельских стрелков. Сводка № 11. Таллинн, 1936.
135. **Верцинский 1936б** — Верцинский Э. А. Состоящий под августейшим покровительством Его императорского величества великого князя Дмитрия Павловича Союз лейб-гвардии Царскосельских стрелков. Сводка № 12. Таллинн, 1936.
136. **Верцинский 1937а** — Верцинский Э. А. Состоящий под августейшим покровительством Его императорского величества великого князя Дмитрия Павловича Союз лейб-гвардии Царскосельских стрелков. Сводка № 13. Таллинн, 1937.
137. **Верцинский 1937б** — Верцинский Э. Императорская гвардия в эмиграции // Памятные дни. Из воспоминаний гвардейских стрелков / Под ред. Э. А. Верцинского. Кн. 2. Таллинн, 1937. С. 3–9.
138. **Верцинский 1938а** — Верцинский Э. † Полковник Я. М. Корецкий // Часовой. 1938. 15 июня. № 214. С. 22.
139. **Верцинский 1938б** — Верцинский Э. А. Общий список по старшинству командиров и офицеров лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка и батальона. Таллинн, 1938.
140. **Верцинский 1938в** — Верцинский Э. А. Общий список командиров и офицеров л.<ейб>-гв.<ардии> 2 стр.<елкового> и л.<ейб>-гв.<ардии> Царскосельского стр.<елковых> батальонов в порядке зачисления в батальон по 1881 год и прохождения ими службы. Таллинн, 1938.
141. **Верцинский 1938г** — Верцинский Э. А. Состоящий под августейшим покровительством Его императорского величества великого князя Дмитрия Павловича Союз лейб-гвардии Царскосельских стрелков. Сводка № 14. Таллинн, 1938.
142. **Верцинский 1938д** — Верцинский Э. А. Состоящий под августейшим покровительством Его императорского величества великого князя Дмитрия Павловича Союз лейб-гвардии Царскосельских стрелков. Сводка № 15. Таллинн, 1938.
143. **Верцинский 1939** — Верцинский Э. А. Состоящий под августейшим покровительством Его императорского величества великого князя Дмитрия Павловича Союз лейб-гвардии Царскосельских стрелков. Сводка № 16. Таллинн, 1939.
144. **Вечер 1935** — Вечер в пользу русских воинов-инвалидов // ВД. 1935. 11 апр. № 87. С. 2.
145. **Вечер 1938** — Вечер в Кютте-Иеуде // СНЛ. 1938. 16 февр. № 19. С. 2.
146. **Вечер воспоминаний 1932** — «Вечер воспоминаний о России» // СНЛ. 1932. 16 апр. № 40. С. 3.
147. **Вечер в пользу Союза 1931** — Вечер в пользу Союза русских военных инвалидов в Kütte-Jõud // РВ. 1931. 4 дек. № 104. С. 3.
148. **Вечер моряков 1932** — Вечер моряков // ВД. 1932. 15 апр. № 87. С. 2.
149. **Вечер О-ва 1933** — Вечер О-ва вспомоществования моряков в Эстонии // ТРГ. 1933. 16 апр. № 23. С. 6.
150. **Вечер русских моряков 1926** — Вечер русских моряков // Вести Дня. 1926. 30 нояб. № 61. С. 2.
151. **Вечер русских скаутов 1929** — Вечер русских скаутов // СНЛ. 1929. 14 марта. № 30. С. 3.

152. **Вечер «Русской старины» 1931** — Вечер «Русской старины» // ВД. 1931. 12 мая. № 126. С. 1.
153. **Вечер Союза 1926** — Вечер Союза увечных воинов // СНЛ. 1926. 27 апр. № 45. С. 2.
154. **Вилинбахов 1994** — Вилинбахов Г. В. Георгия орден // Отечественная история: Энциклопедия: в 5 тт. Т. 1. М., 1994. С. 536.
155. **Витязи 1932** — Витязи и дружинницы при «Р. С. Х. Д.» // ВД. 1932. 9 марта. № 58. С. 1.
156. **В лагере 1932** — В лагере у русских скаутов // СНЛ. 1932. 5 июля. № 72. С. 3.
157. **Владимиров 1926** — Владимир С. О «Дне русского инвалида» // ПИ. 1926. 9 сент. № 202. С. 4.
158. **Владимиров 1927а** — Владимир С. Деятельность Союза русских увечных воинов // ПИ. 1927. 16 янв. № 14. С. 5.
159. **Владимиров 1927б** — Владимир С. Необходима общественная помощь // ПИ. 1927. 4 февр. № 33. С. 4.
160. **Владимиров 1927в** — В-ов С. <Владимиров С>. Собрание союза русских инвалидов // ПИ. 1927. 17 мая. № 116. С. 4.
161. **В ликвидационной комиссии 1920** — В ликвидационной комиссии бывшей Северо-Западной Армии // РН. 1920. 14 марта. № 10. С. 2.
162. **Вместо пасхального подарка 1920** — Вместо пасхального подарка // СР. 1920. 16 апр. № 84. С. 3.
163. **Вниманию бывш. северо-западников 1930** — Вниманию бывш. северо-западников // СНЛ. 1930. 4 февр. № 13. С. 2.
164. **Вниманию георгиевских кавалеров 1932** — Вниманию георгиевских кавалеров // РС. 1932. 8 дек. № 12. С. 2.
165. **Вниманию георгиевских кавалеров 1934** — Вниманию георгиевских кавалеров // СНЛ. 1934. 5 дек. № 141. С. 3.
166. **В Обществе 1935** — В Обществе друзей русских скаутов // СНЛ. 1935. 8 марта. № 28. С. 2.
167. **Военно-Морской союз 1930** — Военно-Морской союз // Часовой. 1930. 31 авг. № 38. С. 13.
168. **Волгин 1925** — Волгин В. К вечеру инвалидов // НЛ. 1925. 12 сент. № 93. С. 1.
169. **Волков 1933** — Волков В. Русский отряд скаутов в Усть-Нарве // СНЛ. 1933. 23 нояб. № 133. С. 3.
170. **Волков 2000** — Волков С. Российское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. Российский военный сборник. Вып. 17. М., 2000. С. 514–536.
171. **Волков 2001** — Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.
172. **Волков 2002** — Волков С. В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002.
173. **Волков 2003** — Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2003.
174. **835 кр. 1938** — 835 кр. в пользу русских инвалидов // ВД. 1938. 3 нояб. № 251. С. 2.
175. **В Союзе 1932** — В Союзе бывш. северо-западников // СНЛ. 1932. 23 июля. № 80. С. 2.

176. **В Союзе 1933а** — В Союзе Сев.-западников // СНЛ. 1933. 28 марта. № 34. С. 2.
177. **В Союзе 1933б** — В Союзе «северо-западников» и русских эмигрантов // РС. 1933. 23 мая. № 57. С. 2.
178. **В Союзе 1934** — В Союзе бывш. участн. Северо-Западной армии // СНЛ. 1934. 27 февр. № 24. С. 2.
179. **В Союзе 1935** — В Союзе бывш. Северо-Западников // СНЛ. 1935. 5 апр. № 39. С. 3.
180. **В союзе инвалидов 1930** — В союзе инвалидов // СНЛ. 1930. 4 дек. № 137. С. 2.
181. **В Союзе русских инвалидов 1931** — В Союзе русских инвалидов // СНЛ. 1931. 4 авг. № 86. С. 2.
182. **В тартуском союзе 1940** — В тартуском союзе русских увечных воинов // ВД. 1940. 5 марта. № 52. С. 2.
183. **Вчера 1934** — Вчера допрашивали ген. Д. Лебедева // ВД. 1934. 24 янв. № 20. С. 1.
184. **Выселение 1921** — Выселение белых // За народное дело. 1921. 1 апр. № 12. С. 4.
185. **Высланный 1927** — Высланный из Ревеля Н. А. Байков выехал в Юрьев // ВД. 1927. 26 нояб. № 321. С. 1.
186. **Высшие скаутские награды 1934** — Высшие скаутские награды // РС. 1934. 21 нояб. № 131. С. 2.
187. **Высылка иностранцев 1920** — Высылка иностранцев // ПИ. 1920. 25 авг. № 11. С. 4.
188. **В. 1929** — В. О скаутском движении в Нарве // СНЛ. 1929. 13 июля. № 76. С. 3.
189. **В. Г. 1926** — В. Г. Неотложное дело // НЛ. 1926. 19 июня. № 47. С. 4.
190. **Ган 2003** — Ган Г. Из записной книжки // Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 508–519.
191. **Ген. Байов 1934** — Ген. Байов в Нарве // РС. 1934. 4 июля. № 73. С. 2.
192. **Ген. Васильковский 1927** — Ген. Васильковский уезжает из Ревеля в четверг // ВД. 1927. 9 авг. № 212. С. 1.
193. **Георгиевские кавалеры 1932** — Георгиевские кавалеры в Ревеле // Часовой. 1932. 15 янв. № 72. С. 26.
194. **Георгиевский праздник 1927** — Георгиевский праздник // НГ. 1927. 29 нояб. № 211. С. 4.
195. **Георгиевский праздник 1933** — Георгиевский праздник // СНЛ. 1933. 9 дек. № 140. С. 2.
196. **Годичное собрание 1927а** — Годичное собрание инвалидов // ННЛ. 1927. 17 мая. № 38. С. 3.
197. **Годичное собрание 1927б** — Годичное собрание Союза русских инвалидов // СНЛ. 1927. 17 мая. № 57. С. 3.
198. **Годовая деятельность 1929** — Годовая деятельность Союза русских инвалидов // СНЛ. 1929. 16 мая. № 58. С. 3.
199. **Годовое общее собрание 1926** — Годовое общее собрание Союза инвалидов // СНЛ. 1926. 11 мая. № 50. С. 2.
200. **Годовое собрание Союза 1933** — Годовое собрание Союза бывш. участ. Северо-зап. армии // СНЛ. 1933. 14 марта. № 28. С. 2.

201. **Годовщина 1932** — Годовщина морской дружины русских скаутов // СНЛ. 1932. 27 авг. № 95. С. 3.
202. **Головин 1999а** — Головин Н. Американский пацифизм // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 58–59.
203. **Головин 1999б** — Головин Н. Военные усилия России в Мировой войне // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 75–118.
204. **Гордиевский 1999** — Гордиевский О., Эндрю К. КГБ — разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М., 1999.
205. **Горн 1923** — Горн В. Л. Гражданская война на северо-западе России. Берлин, 1923.
206. **Греков 1924** — Греков Л. Георгиевский день // ПИ. 1924. 26 нояб. № 301. С. 3.
207. **Греков 1925** — Греков С. Ген. О. П. Васильковский. 1915–VI–1925 // ПИ. 1925. 30 июня. № 145. С. 3.
208. **Гроссен 1924** — Гроссен Г. И. (Нео-Сильвестр). Агония Северо-Западной армии // Историк и современник. V. Берлин, 1924. С. 132–167.
209. **Гущик 1927** — Гущик В. Е. Радио // Рассвет. 1927. 13–20 нояб. № 12. С. 5.
210. **Гущик 1934** — Гущик В. Е. Люди и тени. Сборник рассказов. Книга третья. Таллинн, 1934.
211. **Г. А. И. 1924** — Г. А. И. Инвалиды // БНЛ. 1924. 13 мая. № 26. С. 3.
212. **Г. Д. 1927** — Г. Д. Вечер русских инвалидов // Р. 1927. 22 - 29 окт. № 9. С. 10.
213. **Г. К. 1931** — Г. К. Годовщина I-го морского отряда русских скаутов в г. Нарве // РВ. 1931. 19 авг. № 58. С. 3.
214. **Г. М. 1925** — Г. М. Союз русских увечных воинов // ПИ. 1925. 29 апр. № 95. С. 4.
215. **250-летие 1933** — 250-летие со дня основания Российской регулярной армии // ВД. 1933. 8 июня. № 131. С. 1.
216. **Дело 1922** — Дело о раскрытии конспиративной организации Кроммеля // Жизнь. 1922. 20 апр. № 1. С. 4.
217. **Денежный отчет 1929** — Денежный отчет юрьевского отдела Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии за 1928 год // Родина. 1929. 20 апр. № 4. С. 4.
218. **Деникин 1999** — Деникин А. Этика войны // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 60–61.
219. **День Русских Инвалидов 1926** — День Русских Инвалидов // СНЛ. 1926. 8 июня. № 61. С. 2.
220. **«День русского инвалида» 1926а** — «День русского инвалида» 22 (9) мая 1926 года // Ч. 1926. 3 мая. № 22. С. 4.
221. **«День русского инвалида» 1926б** — «День русского инвалида» // ПИ. 1926. 12 сент. № 205. С. 4.
222. **«День русского инвалида» 1926в** — «День русского инвалида» // ПИ. 1926. 16 окт. № 229. С. 3.
223. **День русского инвалида 1927** — День русского инвалида // НГ. 1927. 15 сент. № 147. С. 3.
224. **10-летие 1937** — 10-летие тартуского отдела Союза русских увечных воинов // ВД. 1937. 11 янв. № 7. С. 2.

225. **10-летие союза 1935** — 10-летие Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии // ВД. 1935. 10 мая. № 110. С. 1.
226. **10-летний юбилей 1930** — 10-летний юбилей // ВД. 1930. 19 июня. № 161. С. 1.
227. **Деятельность кассы 1930** — Деятельность кассы взаимопомощи моряков // ВД. 1930. 25 апр. № 109. С. 1.
228. **Деятельность комитета 1922** — Деятельность комитета общества Белого Креста // ПИ. 1922. 17 марта. № 62. С. 3.
229. **Деятельность союза 1936** — Деятельность Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии // ВД. 1936. 3 дек. № 276. С. 2.
230. **Деятельность Юрьевского отдела 1933** — Деятельность Юрьевского отдела Союза русских увечных воинов // ВД. 1933. 28 апр. № 98. С. 2.
231. **Документы 1959–1965** — Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959; Т. IV. М., 1960; Т. X. М., 1965.
232. **Долль 1925** — Долль А. [Бакструб А. Г.] Георгиевский праздник // ПИ. 1925. 28 нояб. № 275. С. 3.
233. **Домнин 1999** — Домнин И. Краткий очерк военной мысли Русского Зарубежья // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 458–538.
234. **Домнин 2000** — Домнин И. Грехи и достоинства в самосознании русской военной эмиграции // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. Российский военный сборник. Вып. 17. М., 2000. С. 489–513.
235. **Допрос Д. Лебедева 1934** — Допрос ген. Д. Лебедева продолжается // ВД. 1934. 26 янв. № 22. С. 1.
236. **Допросу ген. Д. Лебедева 1934** — Допросу ген. Д. Лебедева придают большое значение // ВД. 1934. 25 янв. № 21. С. 1.
237. **Доход вечера 1928** — Доход вечера в пользу инвалидов-эмигрантов — 130 кр. // ВД. 1928. 9 июня. № 150. С. 2.
238. **Дыдорев 2003** — Дыдорев К. Ливенцы в Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 564–568.
239. **Дюшен 1920** — Дюшен Б. Гарантий нет // СР. 1920. 27 марта. № 70. С. 1.
240. **Д. Г-в. 1931** — Д. Г-в. Подрывное дело // СНЛ. 1931. 31 окт. № 124. С. 1.
241. **Д. Лебедев 1934** — Д. Лебедев освобожден от должности командира роты самозащиты // ВД. 1934. 23 янв. № 19. С. 1.
242. **Евгениев 1927** — Евгениев Н. Русский уголок // СНЛ. 1927. 14 мая. № 56. С. 2.
243. **Емельянов 1937** — Емельянов П. Развитие русского скаутизма в Нарве (Исторический очерк) // Русский скаут. 1937. Июнь. С. 1–2.
244. **Ершов 2003** — Ершов В. Ф. Российская военно-политическая эмиграция в 1920–1945 гг. М., 2003.
245. **Е. А. 1937** — Е. А. О прав. <ославной> церкви в Кивиыли, улучшившемся положении рабочих и о последствиях раздора среди руководителей русских скаутов // ВД. 1937. 16 марта. № 60. С. 2.
246. **Житков 1935** — А. Ж[итков]. Как произошел бой «Сивуча» и «Корейца» с германскими судами. К 20-ой годовщине исторического боя в Рижском заливе // ВД. 1935. 15 авг. № 191. С. 2.
247. **Заболотный 1999** — Заболотный В. Закон борьбы // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 42–45.

248. **Закрыт Союз 1936а** — Закрыт Союз взаимопомощи русских эмигрантов // ВД. 1936. 15 сент. № 209. С. 1.
249. **Закрыт Союз 1936б** — Закрыт Союз взаимопомощи б. северо-западников // СНЛ. 1936. 16 сент. № 103. С. 2.
250. **Залесский 2000** — Залесский К. А. Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
251. **Залесский 2003** — Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.
252. **Заметка 1920** — [Заметка] // НД. 1920. 7 авг. № 8. С. 3.
253. **Заседание 1920** — Заседание русского съезда // СР. 1920. 30 марта. № 72. С. 2.
254. **Зирин 2004** — Зирин С. Г. Объединения и судьбы северо-западников на чужбине // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Сборник статей. Псков, 2004. С. 109–130.
255. **Золотарев 2003** — Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия Российского флота. XVIII век. СПб., 2003.
256. **З. Л. 1926** — З. Л. Белый Крест // ПИ. 1926. 8 окт. № 227. С. 4.
257. **Иванов 1922** — Иванов Н. Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. Берлин, [1922].
258. **Иванов 1930а** — А. И<ванов>. Чрезвычайное общее собрание Союза увечных воинов-эмигрантов в Эстонии // Принаровский край. 1930. 28 нояб. № 24. С. 3.
259. **Иванов 1930б** — А. И<ванов>. Оригинальный счет голосов при баллотировке // Принаровский край. 1930. 10 дек. № 29. С. 1.
260. **Иванов 1931а** — Иванов А. К предстоящему Общему собранию Союза русских инвалидов // РВ. 1931. 31 мая. № 25. С. 4.
261. **Иванов 1931б** — А. И<ванов>. Собрание Союза увечных воинов-эмигрантов // РВ. 1931. 5 июня. № 27. С. 3.
262. **Избрание 1926** — Избрание генерала О. П. Васильковского // НЛ. 1926. 3 апр. № 27. С. 3.
263. **Из жизни 1927** — Из жизни русских скаутов в Рассеивании // Р. 1927. 3 сент. № 2. С. 5.
264. **Из жизни 1940** — Из жизни скаутов // СНЛ. 1940. 12 апр. № 42. С. 2.
265. **Из местной эстонской печати 1925** — Из местной эстонской печати // РГ. 1925. 17 июля. № 16. С. 4.
266. **Иконников 2000** — Иконников А. Своя среди чужих // Вести Неделя плюс. 2000. 6 окт. № 40. С. 10; 20 окт. № 42. С. 24; 27 окт. № 43. С. 16–17.
267. **Инвалиды 1924** — Инвалиды // РГ. 1924. 20 февр. № 9. С. 3.
268. **Инвалиды 1925а** — Инвалиды // НЛ. 1925. 19 мая. № 54. С. 2.
269. **Инвалиды 1925б** — Инвалиды // СНЛ. 1925. 31 окт. № 19. С. 1.
270. **Исаков 1994а** — Исаков С. Г. Алексей Константинович Байов // Эстония. 1994. 13 янв. № 9. С. 3.
271. **Исаков 1994б** — Исаков С. Г. Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.). Словник. Тарту, 1994.
272. **Исаков 1996а** — Исаков С. Г. Алексей Константинович Байов // Исаков С. Г. Русские в Эстонии (1918–1940). Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. С. 305–308.

273. **Исаков 1996б** — Исаков С. Г. Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.). Словник. Изд. 2-е, испр. и доп. Таллинн, 1996.
274. **Исаков 1999** — Исаков С. Г. Извлечения из показаний Богданова 12–31 июля 1940 года // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. IV. Рига, 1999. С. 48–87.
275. **Исаков 2000** — Исаков С. Г. Обзор Г. И. Тарасова «Русские в Эстонии. 1927» // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. VI. Рига, 2000. С. 94–164.
276. **Исаков 2001a** — Исаков С. Г. Введение // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001. С. 3–20.
277. **Исаков 2001б** — Исаков С. Г. Из истории русской общины в эстонском сланцевом бассейне в 1920–1930-е годы // Радуга. 2001. Апрель–июнь. № 2. С. 91–106.
278. **Исаков 2002** — Исаков С. Г. Записка А. К. Баиова «Русская эмиграция в Эстонии» // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. VII. Вильнюс, 2002. С. 212–243.
279. **Исаков 2005** — Исаков С. Г. Б. В. Энгельгардт. Опыт жизнеописания // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Сост. и отв. ред. проф. С. Исаков. Тарту, 2005. С. 204–237.
280. **Исаков 2006** — Исаков С. Г. Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.). Словник. Изд. 3-е, испр. и доп. Таллинн, 2006.
281. **Исключение 120 офицеров 1924** — Исключение 120 офицеров из-за незнания государственного языка // РГ. 1924. 17 мая. № 31. С. 2.
282. **История одного вечера 1924** — История одного вечера // РГ. 1924. 19 марта. № 17. С. 2–3.
283. **И. 1936** — И. Письмо из Тарту // ВД. 1936. 13 нояб. № 259. С. 2.
284. **И. М. 1921** — И. М. Ревельское общество Белого Креста // ПИ. 1921. 16 марта. № 62. С. 3.
285. **И. Р. 1925** — И. Р. Генерал-лейтенант О. П. Васильковский // РГ. 1925. 27 июня. № 12. С. 3.
286. **Кавтарадзе 1988** — Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917— 1920 гг. М., 1988.
287. **Как русские помогли своим инвалидам 1932** — Как русские «помогли» своим инвалидам // СНЛ. 1932. 9 апр. № 37. С. 3.
288. **Калкин 2001** — Калкин О. Н. Ф. Окулич-Казарин в Эстонии // Псковский краевед Н. Ф. Окулич-Казарин / Сост. и ред. сб. М. М. Медников. Псков, 2001. С. 82–90.
289. **Калкин 2003** — Калкин О. На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах-участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг. Псков, 2003.
290. **Калкин 2004** — Калкин О. Участники Белого движения в Печорском крае (1920–1940 гг.) // Труды РИЦЭ. Вып. 3 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2004. С. 24–39.
291. **Карпатов 1926** — Карпатов [Баиов А. К.]. Георгиевский праздник // НПИ. 1926. 9 дек. № 42. С. 2.

292. **Карпатов 1927** — Карпатов А. [Баиов А. К.] Национальный подвиг русского народа и его армии. По поводу 50-тилетия Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // ПИ. 1927. 25 апр. № 98. С. 2–3; 27 апр. № 99. С. 2.
293. **Касса взаимопомощи 1927а** — Касса взаимопомощи моряков. Список членов. Ревель, 1927.
294. **Касса взаимопомощи 1927б** — Касса взаимопомощи быв. русских моряков // ВД. 1927. 9 апр. № 97. С. 1.
295. **Касса русских моряков 1927** — Касса русских моряков // ПИ. 1927. 10 апр. № 88. С. 4.
296. **К-вич 1927** — К-вич Ф. Вечер в пользу русских инвалидов // НГ. 1927. 6 окт. № 165. С. 3.
297. **Керсновский 1999** — Керсновский А. О природе войны // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 19–32.
298. **Кирдецов 1921** — Кирдецов Г. У ворот Петрограда (1919–1920). Берлин, 1921.
299. **К общественному мнению 1925** — К общественному мнению // ПИ. 1925. 6 июля. № 150. С. 2.
300. **Ковалевский 1971** — Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Paris, 1971.
301. **Козырев 1926а** — Козырев Г. День русского инвалида // ПИ. 1926. 2 сент. № 196. С. 4.
302. **Козырев 1926б** — К <озырев Г. П.>. «День инвалида» в Юрьеве // ННЛ. 1926. 21 сент. № 4. С. 3.
303. **Козырев 1927** — Козырев. В Юрьевском комитете «Дня русских инвалидов» // НГ. 1927. 11 июня. № 67. С. 1.
304. **Командировка 1927** — Командировка скаутов // ННЛ. 1927. 16 авг. № 62. С. 2.
305. **Комитет 1931** — Комитет Дня Русского инвалида в Эстонии // РВ. 1931. 1 июля. № 37. С. 3.
306. **Концерт-бал союза 1938** — Концерт-бал союза русск. инвалидов // СНЛ. 1938. 2 нояб. № 124. С. 2.
307. **Концерт ДРИ 1927** — Концерт «Дня русского инвалида» // НГ. 1927. 15 сент. № 147. С. 3.
308. **Коппелец 1924** — Коппелец. Забавная история // РГ. 1924. 24 янв. № 1. С. 3.
309. **Копьев 1936** — Копьев [Афанасьев] Г. И. Храните красоту Петсерского края. Издание Кружка любителей изобразительных искусств в Петсери. Петсери, 1936.
310. **Кохтла-Ярве 1927** — Кохтла-Ярве. Отделение комитета Дня Русского Инвалида // НГ. 1927. 4 нояб. № 190. С. 3.
311. **Крибский 1926** — Кр.<ибский> П. Будь готов! // ПИ. 1926. 27 нояб. № 58. С. 1.
312. **Кузнецов 2002** — Кузнецов А. Энциклопедия русских наград. М., 2002.
313. **Кузнецов 2005** — Кузнецов Н. А. Роль офицеров Российского флота в создании военно-морских сил Прибалтийских государств (1918–1940 гг.) // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников: Материалы Второй международной научно-исторической конференции в г. Пскове / Сост. О. А. Калкин, Н. А. Горбачев. Псков, 2005. С. 187–197.

314. **Кузьмин-Караваев 1919** — Кузьмин-Караваев В. Д., Карташев А. В., Суворов М. Н. Образование Северо-Западного правительства. Гельсингфорс, 1919.
315. **Куликова 1926** — Куликова Н. Письмо в редакцию // ННЛ. 1926. 30 окт. № 15. С. 3.
316. **Кулицкий 1927** — Кулицкий едет во Францию // ВД. 1927. 15 июля. № 187. С. 1.
317. **К уходу 1927** — К уходу совета старейшин Русского клуба // НГ. 1927. 18 июня. № 73. С. 3.
318. **Левицкий 1926** — Левицкий П. П. Императорский флот в первое время войны // Ч. 1926. 15 марта. № 15. С. 2; 29 марта. № 17. С. 3.
319. **Ликвидация 1920** — Ликвидация Северо-Западной Армии // РН. 1920. 9 марта. № 5. С. 2.
320. **Лотерея инвалидов 1936** — Лотерея инвалидов // СНЛ. 1936. 20 марта. № 31. С. 2.
321. **Лотерея союза 1937** — Лотерея союза инвалидов // СНЛ. 1937. 19 апр. № 42. С. 3.
322. **Л. Д. 1934** — Л. Д. Помощь русским инвалидам // ВД. 1934. 31 окт. № 255. С. 2.
323. **Л. Т. 1920** — Л. Т. Чины Сев.-Зап. Армии на работе // СР. 1920. 20 марта. № 65. С. 1.
324. **-ль. 1930** — -ль. Юбилей Союза русских инвалидов // СНЛ. 1930. 20 мая. № 54. С. 2.
325. **Макс 1927** — Макс. Приготовление к открытию памятника павшим воинам на братском кладбище в Юрьеве // НГ. 1927. 3 июня. № 62. С. 3.
326. **Мальцев 1999** — Мальцев Ю. Северо-Западная армия. Опыт хронологии // Таллинн. 1999. № 15. С. 133–140.
327. **Мальцев 2004а** — Мальцев Ю. П. Захоронения на территории Эстонии воинов Псковского корпуса и наследовавших ему формирований // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Сборник статей. Псков, 2004. С. 87–95.
328. **Мальцев 2004б** — Мальцев Ю. П. Ревельские русские отряды // Труды РИЦЭ. Вып. 3 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2004. С. 40–73.
329. **Мариюшкин 1999** — Мариюшкин А. Помни войну! // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 33–41.
330. **Меймре 2002** — Меймре А. «За веру, царя и отечество»: Эпизод из деятельности русских монархистов в Эстонии // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. СПб., 2002. С. 267–292.
331. **Местная жизнь 1932** — Местная жизнь // СНЛ. 1932. 14 июня. № 64. С. 2.
332. **Минквиц 1852** — Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VII. Ч. 3. Эстляндская губерния / Сост. Гвардейск. Ген. шт. полковник Минквиц. СПб., 1852.
333. **Молебен 1927** — Молебен // ННЛ. 1927. 6 авг. № 59. С. 2.
334. **Морские скауты 1933** — Морские скауты открывают сезон // СНЛ. 1933. 17 июня. № 65. С. 2.
335. **Мурский 1924** — Мурский А. Незамеченный герой (Из воспоминаний офицера Сев.-Зап. Армии) // Нарвский Голос. 1924. 28 нояб. № 21. С. 2.
336. **Мин. И. Гюнерсон 1927** — Мин. И. Гюнерсон о высылке четырех // ВД. 1927. 1 июля. № 173. С. 1.

337. **М. С. 1934** — М. С. Письмо из Тарту // ВД. 1934. 9 янв. № 7. С. 2.
338. **На вечере 1931** — На вечере бывш. северо-западников // СНЛ. 1931. 3 марта. № 25. С. 2.
339. **Назаров 1994** — Назаров М. Миссия русской эмиграции. Том 1. М., 1994.
340. **Наконец-то 1920** — Наконец-то зашевелились // НД. 1920. 7 авг. № 8. С. 3.
341. **Нарва 1926** — Нарва // ВД. 1926. 2 дек. № 63. С. 2.
342. **Нарвитянин 1925** — Нарвитянин. Объединение с Кренгольма // РГ. 1925. 23 мая. № 2. С. 2-3.
343. **Нарвская трагедия 1920** — Нарвская трагедия // СР. 1920. 30 марта. № 72. С. 3.
344. **Нарвская хроника 1936** — Нарвская хроника // ВД. 1936. 20 апр. № 88. С. 2.
345. **Нарвский отдел 1931** — Нарвский отдел ревельск. Союза Русских военных инвалидов // СНЛ. 1931. 3 нояб. № 125. С. 2.
346. **На собрании русских инвалидов 1930** — На собрании русских инвалидов // СНЛ. 1930. 25 нояб. № 133. С. 3.
347. **Национальная Россия 1925** — Национальная Россия и Эстония. Беседа с проф. А. К. Баиовым // Экстренный выпуск журнала «Эмигрант». 1925. 10 марта. С. 1.
348. **Необходимо помочь 1932** — Необходимо помочь впадшим в нужду эмигрантам // ВД. 1932. 13 окт. № 239. С. 2.
349. **Никулин 1965** — Никулин Л. Мертвая зыбь. М., 1965.
350. **Новая высылка 1927** — Новая высылка русских эмигрантов // ВД. 1927. 29 июня. № 171. С. 1.
351. **Новицкий 1931** — В. Н<овицкий>. Новое объединение Русских военных инвалидов // РВ. 1931. 8 июля. № 40. С. 3.
352. **Новые подробности 1927** — Новые подробности об обысках и арестах в Ревеле // НГ. 1927. 3 нояб. № 189. С. 2.
353. **Новый скаутский кружок 1934** — Новый скаутский кружок // СНЛ. 1934. 20 марта. № 33. С. 3.
354. **Н. 1920** — Н. Лесные заготовки // Мир. 1920. 17 марта. № 2. С. 3.
355. **Н. Е. 1927** — Н. Е. Реорганизация морск.<ой> дружины «Ругодив» // СНЛ. 1927. 17 марта. № 33. С. 3.
356. **Н. С. 1920а** — Н. С. Дела беженские. Заседание Комитета русских эмигрантов // ПИ. 1920. 24 авг. № 10. С. 3-4.
357. **Н. С. 1920б** — Н. С. Заседание Комитета русских эмигрантов // ПИ. 1920. 25 авг. № 11. С. 4.
358. **Н. Яковлев 1930** — Н. Яковлев судиться с Русским общ. собранием // СНЛ. 1930. 16 авг. № 90. С. 3.
359. **Общее собрание 1928** — Общее собрание Союза инвалидов // СНЛ. 1928. 17 мая. № 52. С. 3.
360. **Общее собрание 1933** — Общее собрание Союза «северо-западников» // РС. 1933. 14 марта. № 30. С. 2.
361. **Общее собрание 1936** — Общее собрание Союза взаимопомощи бывш. северо-западников // СНЛ. 1936. 14 сент. № 102. С. 2.
362. **Общество «Белый крест» 1930** — Общество «Белый крест» // ВД. 1930. 7 окт. № 270. С. 1.
363. **Общество взаимопомощи 1931** — Общество взаимопомощи бывших чинов русской армии // ВД. 1931. 20 окт. № 280. С. 1.

364. **Общество друзей 1933** — О-<бщест>во друзей русск.<их> скаутов // СНЛ. 1933. 10 июня. № 62. С. 3.
365. **Общество помощи 1930** — Общество помощи бывш. чинов Сев.-Западн. Армии и русских эмигрантов в Эстонии // СНЛ. 1930. 20 февр. № 20. С. 2.
366. **Общий праздник 1925** — Общий праздник инвалидов // СНЛ. 1925. 31 дек. № 44. С. 2.
367. **Объединение военнослужащих 1931** — Объединение военнослужащих бывшей русской армии // РВ. 1931. 11 дек. № 107. С. 3.
368. **Объединение чинов 1929** — Объединении чинов С.-Зап. армии // ВД. 1929. 14 дек. № 340. С. 2.
369. **Объявление 1920** — Объявление // СР. 1920. 11 мая. № 104. С. 3.
370. **Объявление 1923** — [Объявление] // НЛ. 1923. 13 окт. № 67. С. 4.
371. **Объявление 1924а** — [Объявление] // ПИ. 1924. 1 марта. № 57. С. 1.
372. **Объявление 1924б** — [Объявление] // ПИ. 1924. 22 нояб. № 298. С. 4.
373. **Объявление 1925а** — [Объявление] // ПИ. 1925. 21 мая. № 114. С. 4).
374. **Объявление 1925б** — [Объявление] // СНЛ. 1925. 31 окт. № 19. С. 1.
375. **Объявление 1925в** — [Объявление] // ПИ. 1925. 20 нояб. № 268. С. 4.
376. **Объявление 1925г** — [Объявление] // СНЛ. 1925. 3 дек. № 33. С. 1.
377. **Объявление 1926а** — [Объявление] // Ч. 1926. 10 мая. № 23. С. 4.
378. **Объявление 1926б** — [Объявление] // Ч. 1926. 17 мая. № 24. С. 1.
379. **Объявление 1926в** — [Объявление] // НЧ. 1926. 30 авг. № 1. С. 1.
380. **Объявление 1926г** — [Объявление] // НПИ. 1926. 29 окт. № 9. С. 3.
381. **Объявление 1926д** — [Объявление] // НПИ. 1926. 5 нояб. № 15. С. 4.
382. **Объявление 1926е** — [Объявление] // НПИ. 1926. 7 нояб. № 17. С. 3.
383. **Объявление 1926ж** — [Объявление] // НЧ. 1926. 22 нояб. № 12. С. 1.
384. **Объявление 1927а** — [Объявление] // ПИ. 1927. 6 марта. № 59. С. 4.
385. **Объявление 1927б** — [Объявление] // ПИ. 1927. 25 марта. № 74. С. 4).
386. **Объявление 1927в** — [Объявление] // НГ. 1927. 3 июня. № 62. С. 4.
387. **Объявление 1927г** — [Объявление] // НГ. 1927. 24 июля. № 102. С. 4.
388. **Объявление 1928** — [Объявление] // ВД. 1928. 20 дек. № 344. С. 2.
389. **Объявление 1931а** — [Объявление] // Часовой. 1931. 15 авг. № 62. С. 25.
390. **Объявление 1931б** — [Объявление] // ВД. 1931. 21 окт. № 281. С. 2.
391. **Объявление 1931в** — [Объявление] // СНЛ. 1931. 31 окт. № 124. С. 4.
392. **Объявление 1931г** — [Объявление] // ВД. 1931. 20 нояб. № 307. С. 2.
393. **Объявление 1931д** — [Объявление] // СНЛ. 1931. 28 нояб. № 136. С. 1.
394. **Объявление 1931е** — [Объявление] // ВД. 1931. 5 дек. № 320. С. 2.
395. **Объявление 1932а** — [Объявление] // ВД. 1932. 23 апр. № 94. С. 2.
396. **Объявление 1932б** — [Объявление] // ВД. 1932. 17 нояб. № 269. С. 2.
397. **Объявление 1932в** — [Объявление] // ВД. 1932. 1 дек. № 281. С. 2.
398. **Объявление 1932г** — [Объявление] // ТРГ. 1932. 11 дек. № 5. С. 6.
399. **Объявление 1932д** — [Объявление] // ТРГ. 1932. 11 дек. № 5. С. 6.
400. **Объявление 1933а** — [Объявление] // ВД. 1933. 24 февр. № 47. С. 2.
401. **Объявление 1933б** — [Объявление] // ВД. 1933. 9 дек. № 289. С. 2.
402. **Объявление 1935** — [Объявление] // ВД. 1935. 28 дек. № 302. С. 2.
403. **Объявление 1934** — [Объявление] // ВД. 1934. 17 февр. № 41. С. 2.
404. **Объявление 1936** — [Объявление] // ВД. 1936. 22 окт. № 241. С. 2.
405. **Объявление 1937а** — [Объявление] // ВД. 1937. 23 янв. № 18. С. 2.
406. **Объявление 1937б** — [Объявление] // ВД. 1937. 17 нояб. № 262. С. 2.
407. **Объявление 1937в** — [Объявление] // ВД. 1937. 4 дек. № 277. С. 2.

408. **Объявление 1938** — [Объявление] // ВД. 1938. 21 янв. № 16. С. 2.
409. **Объявление 1939** — [Объявление] // ВД. 1939. 17 авг. № 185. С. 2.
410. **Обыски в Ревеле 1927** — Обыски в Ревеле // ВД. 1927. 26 окт. № 290. С. 1.
411. **О деятельности комитета 1931** — О деятельности комитета «Дня Русского инвалида» // ВД. 1931. 6 июля. № 177. С. 2.
412. **Оклик 1925** — Оклик // РСл. 1925. 2 нояб. № 17. С. 1.
413. **Окороков 2000** — Окороков А. В. Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.). М., 2000.
414. **Октябрьское наступление 1920** — Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода. Записки белого офицера. Гельсингфорс, 1920.
415. **Освящение столовой 1927** — Освящение столовой для инвалидов // СНЛ. 1927. 21 апр. № 46. С. 2.
416. **Ответ 1925** — Ответ «Русскому эмигранту» // РГ. 1925. 3 июня. № 5. С. 2–3.
417. **Ответ А. Баиова 1926** — Ответ А. Баиова // Ч. 1926. 8 июня. № 27. С. 4.
418. **Открытие гавани 1927** — Открытие гавани русских скаутов // ННЛ. 1927. 21 июня. № 47. С. 2.
419. **Открытие столовой 1927** — Открытие столовой для инвалидов-эмигрантов // ННЛ. 1927. 23 апр. № 31. С. 2.
420. **От Ревельского отдела 1926** — От Ревельского отдела Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии // НЧ. 1926. 15 нояб. № 11. С. 4.
421. **От редакции 1920** — От редакции // НД. 1920. 27 авг. № 23. С. 4.
422. **Отряд морских скаутов 1930** — Отряд морских скаутов // СНЛ. 1930. 3 июня. № 60. С. 2.
423. **О Северо-Западной Армии 1919** — О Северо-Западной Армии // СР. 1919. 27 нояб. № 60. С. 3.
424. **От центрального комитета ДРИ 1926** — От центрального комитета «Дня Русского Инвалида» // НПИ. 1926. 11 нояб. № 19. С. 4.
425. **Отчет 1927** — Отчет о вспомогательной работе Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстии (По Нарвскому району) // СНЛ. 1927. 8 марта. № 29. С. 4.
426. **Отчет 1933** — Отчет о приходе и расходе денежных пожертвований на лечение больного русского инвалида Б. А. Тишнера // РС. 1933. 16 нояб. № 132. С. 4.
427. **Отчет Комитета 1923** — Отчет Комитета русских эмигрантов в Эстонии за три года его деятельности (С 1 апреля 1920 г. по 1 апреля 1923 г.). Нарва, 1923.
428. **О. Т. 1937** — О. Т. Нарвские скауты 1912 года (Воспоминания местного сторожила) // СНЛ. 1937. 10 нояб. № 128. С. 4.
429. **Памятка 1936** — Памятка ко Дню Св. Георгия друзьям, герл-скаутам и скаутам 1-й Нарвской Дружины Русских скаутов. Нарва, 1936.
430. **Памятные дни 1932** — Памятные дни. Из воспоминаний гвардейских стрелков / Под ред. Э. А. Верцинского. Таллинн, 1932.
431. **Памятные дни 1937** — Памятные дни. Из воспоминаний гвардейских стрелков / Под ред. Э. А. Верцинского. Кн. 2. Таллинн, 1937.
432. **Памятные дни 1939** — Памятные дни. Из воспоминаний гвардейских стрелков / Под ред. Э. А. Верцинского. Кн. 3. Таллинн, 1939.
433. **Панихида 1927** — Панихида по Государе // ННЛ. 1927. 16 июля. № 53. С. 2.
434. **Панихида по павшим воинам 1926** — Панихида по павшим воинам // ВД. 1926. 2 окт. № 2. С. 3.

435. **Панихида по печорцам 1931** — Панихида по печорцам // СНЛ. 1931. 30 мая. № 59. С. 2.
436. **Перемены 1937** — Перемены в жизни русских скаутов // ВД. 1937. 22 февр. № 42. С. 1.
437. **Петровский 1927** — Петровский требует опровержений // Сегодня. 1927. 20 нояб. № 262. С. 10.
438. **Петрухинцев 2001** — Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001.
439. **Письма в редакцию 1925** — Письма в редакцию // НЛ. 1925. 9 июня. № 60. С. 2.
440. **Письма в редакцию 1926** — Письма в редакцию // НЛ. 1926. 1 июня. № 42. С. 2–3.
441. **Письмо 1921** — Письмо с лесных заготовок // НД. 1921. 19 февр. № 39. С. 3.
442. **Письмо в редакцию 1920** — Письмо в редакцию // СР. 1920. 13 мая. № 106. С. 4.
443. **Письмо в редакцию 1925а** — Письмо в редакцию // НЛ. 1925. 21 февр. № 22. С. 3.
444. **Письмо в редакцию 1925б** — Письмо в редакцию // РВр. 1925. 2 июня. № 7. С. 4.
445. **Письмо в редакцию 1926а** — Письмо в редакцию // СНЛ. 1926. 22 июня. № 67. С. 3.
446. **Письмо в редакцию 1926б** — Письмо в редакцию ген.-от.кав. И.Ф. Крузенштерна и др. // «Русский военный вестник». Белград, 1926. 27 Июня.
447. **Письмо в редакцию 1935** — Письмо в редакцию // СНЛ. 1935. 6 марта. № 27. С. 3.
448. **Плюханова 1999** — Плюханова М. С. Мне кажется, что мы не расставались... Таллин, 1999.
449. **Поднятие флага 1927** — Поднятие флага в морск.<ой> дружине «Ругодив» // СНЛ. 1927. 18 июня. № 69. С. 2.
450. **Подробности 1927** — Подробности причин высылки О. П. Васильковского и других // ВД. 1927. 30 июня. № 172. С. 1.
451. **Пока 1936** — «Пока, голубчики, не объединитесь — помогать не будем». Собрание таллиннского отдела б.<ывших> северо-западников // РВ. 1936. 4 марта. № 18. С. 3.
452. **Политическая история 1999** — Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А. Ф. Киселева. М., 1999.
453. **Полковник А. С. Гершельман 2005** — Полковник А. С. Гершельман // Михайлов день 1-й: Журнал исторической России. Ямбург [Кингисепп], 2005. С. 149–154.
454. **Помогите русским инвалидам 1931** — Помогите русским инвалидам // СНЛ. 1931. 19 нояб. № 132. С. 1.
455. **Помогите русским инвалидам 1936** — Помогите русским инвалидам // ВД. 1936. 23 окт. № 242. С. 2.
456. **Помощь эмигрантам 1935** — Помощь эмигрантам // ВД. 1935. 13 нояб. № 268. С. 1.

457. **Пономарева 2001** — Пономарева Г. М. Система русского образования // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940). Тарту; СПб., 2001. С. 193–220.
458. **Постановление 1927** — Постановление и. о. министра внутренних дел Реэка // НГ. 1927. 21 мая. № 50. С. 4.
459. **Похороны ген. Горбатовского 1924** — Похороны ген. Горбатовского // ПИ. 1924. 4 авг. № 200. С. 4.
460. **Почс 1985** — Почс К. Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.). Рига, 1985.
461. **Праздник 1925** — Праздник 2-го Кад. корпуса // СНЛ. 1925. 8 дек. № 35. С. 2.
462. **Праздник 1935** — Праздник русской скаутской дружины // СНЛ. 1935. 9 окт. № 115. С. 3.
463. **Праздник 1936** — Праздник русских скаутов // СНЛ. 1936. 27 апр. № 45. С. 3.
464. **Праздник скаутов 1927** — Праздник скаутов // ННЛ. 1927. 10 мая. № 36. С. 2.
465. **Празднование 1932** — Празднование в Ревеле 200-летия I Кадетского корпуса // ВД. 1932. 23 февр. № 45. С. 1.
466. **Празднование 200-летия 1932** — Празднование 200-летия I Кадетского корпуса // ВД. 1932.1 марта. № 51. С. 1.
467. **Приветствие 1932** — Приветствие ко дню 5-летия русской скаутской дружины // СНЛ. 1932. 19 июля. № 78. С. 2.
468. **Приговор 1924** — Приговор по делу В. Юшкевича // БНЛ. 1924. 22 мая. № 30. С. 3.
469. **Просвирнин 1927** — Просвирнин А. В. Опровержение // Р. 1927. 11 сент. № 3. С. 7.
470. **Проф. А. К. Баиов в Шуаньи 1926а** — Проф. А. К. Баиов в Шуаньи // Ч. 1926. 12 апр. № 19. С. 1.
471. **Проф. А. К. Баиов в Шуаньи 1926б** — Проф. А. К. Баиов в Шуаньи // Ч. 1926. 19 апр. № 20. С. 1.
472. **5-ая годовщина 1935** — 5-ая годовщина Нарвской морской дружины русских скаутов // СНЛ. 1935. 18 сент. № 106. С. 2.
473. **5-летие кассы 1929** — 5-летие кассы взаимопомощи моряков // ВД. 1929. 9 апр. № 95. С. 1.
474. **5-летие Союза 1935** — 5-летие Союза бывш. северо-западников // СНЛ. 1935. 18 нояб. № 132. С. 3.
475. **П-ъ 1934** — П-ъ. Конец Северо-Западной армии // РС. 1934. 16 нояб. № 130. С. 3; 21 нояб. № 131. С. 3; О причинах конца Северо-Западной армии // РС. 1934. 3 дек. № 136. С. 3; 5 дек. № 137. С. 3; 7 дек. № 138. С. 3.
476. **П. Н. Яхонтов 1927** — П. Н. Яхонтов уехал в Париж // ВД. 1927. 14 февр. № 44. С. 1.
477. **П. О. 1932** — П. О. Столетие Академии Генерального штаба // ТРГ. 1932. 4 дек. № 4. С. 5.
478. **Работа русских скаутов 1930** — Работа русских скаутов // СНЛ. 1930. 11 янв. № 3. С. 2.
479. **Рабочая артель 1933** — Рабочая артель эмигрантов // СНЛ. 1933. 28 марта. № 34. С. 2.

480. **Разъяснение Союза 1932** — Разъяснение Союза русских увечных воинов и Союза бывш. сев.-западников // СНЛ. 1932. 17 дек. № 143. С. 1.
481. **Рацевич 1925** — Рацевич С. Праздник быв. воспитанников 2-го кадетского корпуса // ПИ. 1925. 11 дек. № 286. С. 4.
482. **Рацевич 1926** — Рацевич С. Собрание инвалидов // ПИ. 1926. 13 мая. № 105. С. 4.
483. **Раясалу 2001** — Раясалу И. Русские в Эстонии 1918–1940. Общий обзор // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001. С. 21–61.
484. **Ревельский день 1928** — Ревельский день // ВД. 1928. 29 апр. № 112. С. 1.
485. **Ревельский день 1932** — Ревельский день // ВД. 1932. 10 мая. № 108. С. 1.
486. **Ревельский день 1933** — Ревельский день // ВД. 1933. 20 мая. № 117. С. 1.
487. **Реклама 1926** — [Реклама] // НЛ. 1926. 22 мая. № 40. С. 4 – 29 июня. № 50. С. 4.
488. **Родзянко 2003** — Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии С. В. Волкова. М., 2003. С. 188–316.
489. **Российский Зарубежный съезд 1926** — Российский Зарубежный съезд // Ч. 25–26 мая. № 25. С. 2.
490. **Российский Зарубежный съезд 2006** — Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. М., 2006.
491. **Русаков 1927** — Русаков В. Письмо в редакцию // ННЛ. 1927. 5 нояб. № 85. С. 3.
492. **Русская военная эмиграция 1998–2001** — Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. I. Кн. 1–2. М., 1998; Т. II. М., 2001.
493. **Русская военно-теоретическая мысль 1960** — Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1960.
494. **Русские дела 1934** — Русские дела // ВД. 1934. 3 янв. № 2. С. 1.
495. **Русские скауты 1925** — Русские скауты // ПИ. 1925. 27 янв. № 21. С. 3.
496. **Русские скауты 1937** — Русские скауты в Кютте-Йеуде // СНЛ. 1937. 11 янв. № 3. С. 4.
497. **«Русский бал» 1930** — «Русский бал» // РРИ. 1930. Ноябрь. С. 1.
498. **«Русский Витязь» 1932** — «Русский Витязь» // СНЛ. 1932. 26 июля. № 81. С. 2.
499. **Русский календарь 1923** — Русский календарь для Эстонии на 1924 г. Ревель: Изд. «IRA», [1923]. С. 103.
500. **Русский эмигрант 1925** — Русский эмигрант. Объединение с ?!... (Ответ на статью Нарвитянина) // НЛ. 1925. 30 мая. « 58. С. 2–3.
501. **Русское национальное объединение 1922** — Русское национальное объединение // В единении сила. Таллинн, 1922. С. 1–8.
502. **Рутыч 2002а** — Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 2002.
503. **Рутыч 2002б** — Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002.
504. **Сбор 1926** — Сбор увечным воинам // СНЛ. 1926. 27 апр. № 45. С. 2.
505. **Свечин 2000** — Свечин А. Офицеры полка в боевой обстановке // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. Российский военный сборник. Вып. 17. М., 2000. С. 242–261.

506. **Свободин 1933** — Свободин Б. Стекланный городок (Коппельские картинки) // ТРГ. 1933. 26 февр. № 16. С. 3.
507. **Сводка 1924** — Сводка материалов по истории Ревельского укрепленного района // Архив русской революции. Т. XIII. Берлин, 1924.
508. **С-ев 1925** — С-ев Н. Собрание группы эмигрантов // ПИ. 1925. 30 окт. № 250. С. 3.
509. **Севастьянов 1926** — Севастьянов Б. Письмо в редакцию // СНЛ. 1926. 4 дек. № 138. С. 2.
510. **Сенсационные слухи 1927** — Сенсационные слухи // НГ. 1927. 1 нояб. № 187. С. 3.
511. **Сергеев 1930** — Сергеев С. Помогите инвалидам! // СНЛ. 1930. 7 авг. № 86. С. 1.
512. **Сийливаск 1988** — Сийливаск К. Организация вооруженного восстания в Эстонии // Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии (1917–1920). Таллин, 1988. С. 242–259.
513. **Симанский 1999** — Симанский П. Фронтом к прошлому // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 52–57.
514. **Скауты в Криушах 1934** — Скауты в Криушах // РС. 1934. 6 февр. № 16. С. 2.
515. **Слухи 1927** — Слухи о готовящемся выступлении монархистов ложны // ВД. 1927. 18 июня. № 161. С. 1.
516. **Слухи 1934** — Слухи о 70 000 дол. ген. Д. Лебедева окончательно рассеяны // ВД. 1934. 28 янв. № 24. С. 1.
517. **Смирнов 1921** — Смирнов Ф. Письмо в редакцию // НД. 1921. 4 янв. № 1. С. 3.
518. **Смолин 1999** — Смолин А. В. Белое движение на северо-западе России. 1918–1920. СПб., 1999.
519. **Собрание 1929а** — Собрание бывш. северо-западников // СНЛ. 1929. 10 дек. № 140. С. 3.
520. **Собрание 1929б** — Собрание бывш. северо-западников // СНЛ. 1929. 14 дек. № 142. С. 3.
521. **Собрание 1930а** — Собрание бывш. северо-западников // СНЛ. 1930. 11 февр. № 16. С. 2.
522. **Собрание 1930б** — Собрание бывш. чинов Северо-Зап. армии // СНЛ. 1930. 23 дек. № 145. С. 3.
523. **Собрание бывших участников 1935** — Собрание б.<ывших> участников Северо-Западной армии в Нарве // ВД. 1935. 5 марта. № 55. С. 1.
524. **Собрание инвалидов 1925а** — Собрание инвалидов // НЛ. 1925. 14 февр. № 19. С. 2.
525. **Собрание инвалидов 1925б** — Собрание инвалидов // НЛ. 1925. 21 марта. № 32. С. 3.
526. **Собрание инвалидов 1925в** — Собрание инвалидов // НЛ. 1925. 28 марта. № 35. С. 2.
527. **Собрание инвалидов 1925г** — Собрание инвалидов // НЛ. 1925. 28 апр. № 46. С. 2.
528. **Собрание инвалидов 1926** — Собрание инвалидов // СНЛ. 1926. 18 февр. № 19. С. 2.
529. **Собрание русск. инвалидов 1930** — Собрание русск. инвалидов // СНЛ. 1930. 6 мая. № 48. С. 2.

530. **Собрание Союза 1925** — Собрание Союза русских увечных воинов // СНЛ. 1925. 29 окт. № 18. С. 2.
531. **Собрание членов кассы 1928** — Собрание членов кассы взаимопомощи русских моряков // ВД. 1928. 17 апр. № 100. С. 1.
532. **Собрание членов Союза 1935** — Собрание членов Союза участников бывш. Сев.-Зап. армии и эмигрантов // СНЛ. 1935. 4 марта. № 26. С. 3.
533. **Союз 1931** — Союз взаимного вспомоществования лиц, принимавших участие в бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии. <Нарва>, 1931.
534. **Союз русских увечных воинов 1926** — Союз русских увечных воинов // НПИ. 1926. 20 окт. № 1. С. 3.
535. **Союз увечных воинов 1927** — Союз увечных воинов // НГ. 1927. 25 мая. № 54. С. 4.
536. **Спасибо за помощь 1937** — Спасибо за помощь // ВД. 1937. 6 марта. № 52. С. 2.
537. **Спектакль 1929** — Спектакль в пользу русских инвалидов в Печорах и Изборске // ВД. 1929. 16 мая. № 132. С. 2.
538. **Список 1999** — Список печатных источников // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 557–576.
539. **СССР 1927** — СССР и Эстония // Сегодня. 1927. 22 нояб. № 263. С. 1.
540. **Старый скаут 1926** — Старый скаут. «День матери» // НПИ. 1926. 1 дек. № 35. С. 3.
541. **Стэр 1926** — Стэр. Морские скауты «Ругодив» // НЛ. 1926. 4 сент. № 69. С. 1.
542. **Судьба разоруженных 1920** — Судьба разоруженных // РН. 1920. 4 марта. № 1. С. 2.
543. **Съезд 1933** — Съезд русских эмигрантов // СНЛ. 1933. 16 марта. № 29. С. 3.
544. **С. 1932** — С. Деятельность Юрьевского отдела Союза русских увечных воинов // ВД. 1932. 28 апр. № 98. С. 2.
545. **Таллинский день 1934а** — Таллинский день // ВД. 1934. 29 янв. № 25. С. 1.
546. **Таллинский день 1934б** — Таллинский день // ВД. 1934. 3 марта. № 58. С. 1.
547. **Таллинский день 1934в** — Таллинский день // ВД. 1934. 2 июня. № 126. С. 1.
548. **Таллинский день 1935** — Таллинский день // ВД. 1935. 1 нояб. № 258. С. 1.
549. **Таммери 1924** — Таммери А. Русская школа // ПИ. 1924. 23 нояб. № 299. С. 3.
550. **Тартуская хроника 1937** — Тартуская хроника // ВД. 1937. 19 янв. № 14. С. 2.
551. **Темная история 1927** — Темная история или новая провокация ГПУ // Сегодня. 1927. 3 окт. № 246. С. 5.
552. **Торжество 1933** — Торжество у русских скаутов // СНЛ. 1933. 20 июня. № 66. С. 2.
553. **тский 1931** — тский. Годовое собрание русск. увечн. воинов // РВ. 1931. 3 июня. № 26. С. 2.
554. **Т. 1925** — Т. Собрание инвалидов // НЛ. 1925. 2 июля. № 69. С. 1.
555. **У кого 1927** — У кого были произведены обыски в Ревеле // Сегодня. 1927. 28 окт. № 244. С. 4.

556. **У русских инвалидов 1931** — У русских инвалидов // СНЛ. 1931. 2 июня. № 60. С. 2.
557. **У русских скаутов 1929** — У русских скаутов // СНЛ. 1929. 25 апр. № 45. С. 3.
558. **У русских скаутов 1930а** — У русских скаутов // СНЛ. 1930. 27 февр. № 22. С. 2.
559. **У русских скаутов 1930б** — У русских скаутов // СНЛ. 1930. 2 сент. № 97. С. 2.
560. **У русских скаутов 1935** — У русских скаутов // СНЛ. 1935. 31 июля. № 85. С. 2.
561. **У русских скаутов 1937** — У русских скаутов // ВД. 1937. 4 марта. № 50. С. 2.
562. **У русских скаутов 1939** — У русских скаутов // СНЛ. 1939. 15 марта. № 29. С. 4.
563. **Устав СРВИЭ 1931** — Устав Союза русских военных инвалидов в Эстонии. Нарва, 1931.
564. **Утверждение устава 1925** — Утверждение устава // НЛ. 1925. 18 апр. № 42. С. 2.
565. **Уход со службы 1927** — Уход со службы ген. Лебедева // НГ. 1927. 24 мая. № 53. С. 4.
566. **Флейшман 2003** — Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003.
567. **Хлебникова-Смирнова 1994** — Хлебникова-Смирнова К. Мои воспоминания. Таллин, 1994.
568. **Холтукин 1920** — Холтукин А. Вопрос председателю Центрального комитета эмигрантов в Эстии проф. Рогожникову // НД. 1920. 11 сент. № 36. С. 4.
569. **Хроника 1921а** — Хроника // ПИ. 1921. 10 апр. № 81. С. 3.
570. **Хроника 1921б** — Хроника // СС. 1921. 21 апр. № 4. С. 3.
571. **Хроника 1921в** — Хроника // СС. 1921. 24 апр. № 7. С. 4.
572. **Хроника 1921г** — Хроника // СС. 1921. 15 июля. № 73. С. 4.
573. **Хроника 1921д** — Хроника // ПИ. 1921. 30 сент. № 237. С. 4.
574. **Хроника 1922** — Хроника // Жизнь. 1922. 4 авг. № 80. С. 4.
575. **Хроника 1923а** — Хроника // ПИ. 1923. 14 марта. № 68. С. 3.
576. **Хроника 1923б** — Хроника // ПИ. 1923. 14 апр. № 92. С. 3.
577. **Хроника 1923в** — Хроника // ПИ. 1923. 15 мая. № 117. С. 3.
578. **Хроника 1923г** — Хроника // ПИ. 1923. 15 окт. № 255. С. 2.
579. **Хроника 1923д** — Хроника // ПИ. 1923. 5 дек. № 306. С. 3.
580. **Хроника 1923е** — Хроника // ПИ. 1923. 3 сент. № 213. С. 2.
581. **Хроника 1924а** — Хроника // ПИ. 1924. 1 февр. № 29. С. 4.
582. **Хроника 1924б** — Хроника // ПИ. 1924. 5 апр. № 91. С. 3.
583. **Хроника 1924в** — Хроника // ПИ. 1924. 27 июля. № 192. С. 4.
584. **Хроника 1924г** — Хроника // ПИ. 1924. 15 авг. № 210. С. 3.
585. **Хроника 1925а** — Хроника // РСл. 1925. 30 нояб. № 20. С. 4.
586. **Хроника 1925б** — Хроника // Ч. 1925. 21 дек. № 3. С. 4.
587. **Хроника 1926а** — Хроника // Ч. 1926. 7 июня. № 27. С. 1.
588. **Хроника 1926б** — Хроника // ПИ. 1926. 11 фев. № 33. С. 3.
589. **Хроника 1926в** — Хроника // Ч. 1926. 15 марта. № 15. С. 4.
590. **Хроника 1926г** — Хроника // НЧ. 1926. 13 сент. № 2. С. 4.

591. **Хроника 1926д** — Хроника // НЧ. 1926. 20 сент. № 3. С. 1.
592. **Хроника 1926е** — Хроника // НПИ. 1926. 22 окт. № 3. С. 4.
593. **Хроника 1931** — Хроника // СНЛ. 1931. 28 июля. № 83. С. 2.
594. **Цыновский 1936** — Цыновский Б. 20-летний юбилей русских скаутов в Эстонии // ВД. 1936. 10 сент. № 205. С. 1.
595. **«Чай-коктейль» 1937** — «Чай-коктейль» в пользу русских инвалидов // ВД. 1937. 6 окт. № 226. С. 2.
596. **«Чашка чаю» 1939** — «Чашка чаю» в пользу русских инвалидов // ВД. 1939. 7 окт. № 229. С. 2.
597. **Червова 2006** — Червова Т. Ревельское морское собрание // // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 219–240.
598. **Черниговский 1926** — Черниговский А. [Чернявский] Новое о Великой драме 1914 – 1918 // НПИ. 1926. 10 дек. № 43. С. 3.
599. **Чернявский 1920** — Чернявский А. Письмо в редакцию // Вечерняя почта. 1920. 28 мая. № 6. С. 2.
600. **Чернявский 1924а** — Чернявский А. Наше лицо // Эмигрант. 1924. № 1. С. 5–6.
601. **Чернявский 1924б** — Чернявский А. За кем идти // Эмигрант. 1924. № 2. С. 6.
602. **Четвериков 1926** — Четвериков Н. Письмо в редакцию // СНЛ. 1926. 17 июня. № 65. С. 1.
603. **Чижев 1930** — Чижев В. Письмо в редакцию // СНЛ. 1930. 17 мая. № 53. С. 4.
604. **Чижев 1933** — Ч<ижов> В. И. Помогите! // РС. 1933. 13 сент. № 104. С. 4.
605. **Шамбаров 2003** — Шамбаров В. Е. За веру, царя и Отечество! М., 2003.
606. **Шидловский 1920** — Шидловский С. Белый крест // ПИ. 1920. 2 дек. № 95. С. 2.
607. **Шкаренков 1986** — Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1986.
608. **Шор 2001** — Шор Т. К. Общественная жизнь // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940). Тарту; СПб., 2001. С. 99–169.
609. **Шор 2005** — Шор Т. К. Педагог Григорий Васильевич Бархов // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Сост. И отв. ред. проф. С. Исаков. Тарту, 2005. С. 104–148.
610. **Штейн 1949** — Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949.
611. **Штейн 1958** — Штейн Б. Е. «Русский вопрос» в 1920–1921 гг. М., 1958.
612. **Штейн 1926** — Ш<тейн С. В.>. Ко «Дню русского инвалида» // ПИ. 1926. 10 сент. № 203. С. 4.
613. **Штейфон 1937** — Штейфон Б. А. Национальная военная доктрина: Профессор генерал А. К. Баиов и его творчество. Таллинн, 1937.
614. **Штубендорф 1935** — [Штубендорф А. О.] Памяти генерал-лейтенанта Алексея Константиновича Баиова. Таллинн, 1935.
615. **Шуманский 1933** — Шуманский К. «Финансовая неделя» Русского спортивного о-ва «Витязь» // ТРГ. 1933. 16 апр. № 23. С. 6.
616. **-ъ. 1936** — -ъ. Префект Нарвы запретил собрание бывш. участников Северо-Западной армии // ВД. 1936. 27 апр. № 94. С. 1.
617. **Экстравагантное общее собрание 1930** — Экстравагантное общее собрание // СНЛ. 1930. 17 мая. № 53. С. 3.

618. **Эмигрант 1932** — Эмигрант. Помощь ближнему // СНЛ.1932. 13 дек. № 141. С. 1.
619. **Энгельгардт 1927** — Энгельгардт Б. Письмо в редакцию // НГ. 1927. 29 окт. № 185. С. 4.
620. **Энгельгардт 1931** — Энгельгардт <Б. В.>. К предстоящему Общему собранию союза инвалидов // РВ. 1931. 29 мая. № 24. С. 2.
621. **Эстония 1920** — Эстония // НД. 1920. 22 сент. № 45. С. 3.
622. **Эстонская армия 1927** — Эстонская армия и офицеры неэстонской национальности // ВД. 1927. 9 мая. № 123. С. 1.
623. **Эстонская печать 1927** — Эстонская печать возмущена «ТАСС'ом» // Сегодня. 1927. 17 нояб. № 260. С. 4.
624. **Эшелон 1923** — Эшелон в Россию // НЛ. 1923. 10 июля. № 26. С. 1.
625. **Юрьевская хроника 1932** — Юрьевская хроника // ВД. 1932. 26 мая. № 120. С. 2.
626. **Юрьевский день 1927** — Юрьевский день // ПИ. 1927. 15 янв. № 13. С. 4.
627. **Юрьевское отделение 1921** — Юрьевское отделение Белого Креста // ПИ. 1921. 2 марта. № 48. С. 3.
628. **Янов 1926** — Янов Г. Д. «Тоже контролер» // Ч. 1926. 26 июля. № 33. С. 3; НЧ. 1926. 13 сент. № 2. С. 2–3.
629. **Quidam 1936** — Quidam. Маленькие заметки // ВД. 1936. 18 апр. № 87. С. 2.
630. **Quidam 1938** — Quidam. Маленькие заметки // ВД. 1938. 10 авг. № 179. С. 1.
631. **Ant 1990** — Ant J. Eesti 1920. Iseseisvuse esimene rahuaasta. Tallinn, 1990.
632. **Asutava Kogu 1920** — Asutava Kogu poolt 2. märtsil 1920. a. vastu võetud “Määrus sundluslike metsatööde” kohta // Riigi Teataja. 1920. 10. märtsil. Nr. 35/36. Lk. 274.
633. **Brüggemann 2002a** — Brüggemann K. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des „Einen und Unteilbaren Russland“. Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs, 1918–1920. Wiesbaden, 2002.
634. **Brüggemann 2002b** — Brüggemann K. Vom Ende eines Krieges: Die Typhusepidemie in Narva 1919/20 // Acta et commentationes collegii Narovensis = Tartu Ülikooli Narva Kolledži toimetised. Narva, 2002. S. 5–21.
635. **Brüggemann 2003** — Brüggemann K. Defending National Sovereignty against Two Russias: Estonia in the Russian Civil War, 1918–1920 // Journal of Baltic Studies. Volume XXXIV. 2003. P. 22–51.
636. **Eesti Vabadussõda 1996–1997** — Eesti Vabadussõda 1918–1920. K. I–II. Tallinn, 1996–1997.
637. **Hellat 1930** — Hellat A. Tallinna raatuses ja Toompeal // Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt. Köide II. Tallinn, 1930. Lk. 225–275.
638. **Helme 1996** — Helme R. Eesti Sõjakoolide kaks aastakümnet // Mälestusi Eesti Vabariigi sõjakoolist / Koostaja V. Talts. Tallinn, 1996. Lk. 4–8.
639. **Hääl 1920** — Hääl kadettide hulgast. Kuhu meid juhitakse // Vaba Maa. 1920. 27. okt. Nr. 245. Lk. 6.
640. **Jõgi 1996** — Jõgi H. Eesti Vabariigi ja teised Eesti soost kindralid. Tallinn, 1996.
641. **Karjahärm 1998** — Karjahärm T. Ida ja Lääne vahel. Eesti-vene suhted 1850–1917. Tallinn, 1998.
642. **Kõrgem Sõjakool 1931** — Kõrgem Sõjakool 1921–1931. Tallinn, 1931.
643. **Limberg 1980** — Limberg F. Isamaa eest. Cardiff, 1980.
644. **Mattisen 1988** — Mattisen E. Tartu rahu. Tallinn, 1988.

645. **Merimeeste 1924** — Merimeeste Vastastikku Abiadmise Kassa põhikiri / Устав Кассы взаимопомощи моряков. Tallinn, 1924.
646. **Mõned küsimused 1922** — Mõned küsimused meie praeguse sõjaväe korralduse alalt // Päevaleht. 1922. 10.märts. Nr. 57. Lk. 2.
647. **Pagulaste 1927** — Pagulaste salasepitsuste tähe all // Päevaleht. 1927. 25 okt. № 291. Lk. 4.
648. **Pajur 1999** — Pajur A. Eesti Riigikaitsepoliitika aastail 1918–1934. Tallinn, 1999.
649. **«Patronus» 1920** — «Patronus». Rohkem lugupidamist riigi keelele ja Eesti meelele sõjaväes // Päevaleht. 1920. 15. aprill. Nr. 83. Lk. 2.
650. **Rahuleping 1920** — Rahuleping Eesti ja Venemaa vahel / Мирный договор между Россией и Эстонией // Riigi Teataja. 1920. 18. veebruar. Nr. 24/25. Lk. 185–200.
651. **Rosenthal 2006** — Rosenthal R. Loodearmee. Tallinn, 2006.
652. **Steinberg 1990** — Steinberg J. W. The education and training of the Russian general staff: A history of the Imperial Nicholas Military Academy, 1832 – 1914. The Ohio State University. Ann Arbor, 1990.
653. **Strauss 2004** — Strauss M., Pihlak J., Krillo A. Eesti Vabaduse Risti kavalerid. Register. Viljandi, 2004.
654. **Tõnisson 1930** — Tõnisson A. Visked vabadussõja mälestustest // Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt. Köide II. Tallinn, 1930. Lk. 21–63.
655. **Valge 2007** — Valge J. 20. sajand: Kas Eesti peaks vabandust paluma? // Postimees. Arvamus. Kultuur. 2007. 24. märts. Nr. 11. Lk. 2–3.
656. **Vene 1925** — Vene mustasajaliste tulevikulootused // Päevaleht. 1925. 30. okt. Nr. 294. Lk. 3.
657. **Vene monarhistide 1924** — Vene monarhistide kihutustöö Tallinnas // Päevaleht. 1924. 14. mail. № 128. Lk. 3.
658. **-vr. 1920** — -vr. Vene monarhistid enamlastega äri tegemas // Vaba Maa. 1920. 22. mai. № 129. Lk. 4.
659. **U. B. 1920** — U. B. «Valge Rist» uuesti tegevuses // Vaba Maa. 1920. 20. nov. № 274. Lk. 2.
660. **«Usu, keisri ja isamaa eest!» 1924** — «Usu, keisri ja isamaa eest!» Monarhistlised matusekõned kindral Gorbatowski matusel // Vaba Maa. 1924. 6. aug. № 176. Lk. 1.
661. **Õun 1993** — Õun M. Eesti Vabariigi kaitseväge kindralid ja admiralid. Tallinn, 1993.
662. **Õun 1997** — Õun M. Eesti Vabariigi kindralid ja admiralid. Tallinn, 1997.
663. **Õun 1998–2005** — Õun M, Pihlak J, Lõhmus L. Eesti ohvitserid ja sõjandustegelased. I kogumik. Tallinn, 1998; II kogumik. Tallinn, 2002; III kogumik. Tallinn, 2003; IV kogumik. Tallinn, 2005.
664. **Õun 2001** — Õun M. Eesti Vabariigi kindralid ja admiralid. 2., parand. ja täiend. tr. Tallinn, 2001.
665. **Ühe meie 1922** — Ühe meie teenistuses seisva vene ohvitseri Eesti vastane kihustustöö // Päevaleht. 1922. 5. juuli. № 154. Lk. 3.

Архивные материалы

666. **ГАЭ 1: 7: 28** — ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28 (Monarhistid Eestis).
667. **ГАЭ 1: 7: 30** — ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 30 (Isiklik toimik Vassilkovsky, Oleg Peetri p. <Без пагинации>).

668. **ГАЭ 495: 3: 492** — ГАЭ. Ф. 495. Оп. 3. Ед. хр. 492 (Kaitsevägede staabi IV osakonna B jaoskonna kaust Nr. 5).
669. **ГАЭ 495: 7: 3072** — ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 3072 (A. Malevitši teenistuseleht).
670. **ГАЭ 646: 1: 12** — ГАЭ. Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 12 (Vabariigi Sõjakooli kirjavahetus).
671. **ГАЭ 646: 1: 38** — ГАЭ. Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 38 (Vabariigi Sõjakooli ohvitseride, lektorite, arstide ja sõjaväeametnike nimestiku raamat).
672. **ГАЭ 646: 1: 59** — ГАЭ. Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 59 (Vabariigi Sõjakooli kirjavahetus).
673. **ГАЭ 646: 1: 162** — ГАЭ. Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 162 (Väljavõtted Sõjakooli ülema päevakäskudest; ohvitseride kursuste nädala tunnikavad koos lektorite nimekirjad, tundide jaotuse ja õppekavaga).
674. **ГАЭ 646: 1: 235** — ГАЭ. Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 235 (Vabariigi Sõjakooli ohvitseride, lektorite ja sõjaväeametnike nimestik).
675. **ГАЭ 646: 1: 304** — ГАЭ. Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 304 (Sõjakooli klasside inspektorile teadmiseks saadetud lektorite nimekirjad koos õppetundide arvelduse aruannetega ning vastava kirjavahetusega).
676. **ГАЭ 648: 1: 10** — ГАЭ. Ф. 648. Оп. 1. Ед. хр. 10 (Sõjaväe Tehnika kooli õpenõukogu protokolid).
677. **ГАЭ 648: 1: 13** — ГАЭ. Ф. 648. Оп. 1. Ед. хр. 13 (Sõjaväe Tehnika kool. Kooli õpilaste õppekavad 1921 a.).
678. **ГАЭ 650: 1: 119** — ГАЭ. Ф. 650. Оп. 1. Ед. хр. 119 (Sõjaväe Ühendatud Õppeasutuste ülema käsikirjad).
679. **ГАЭ 650: 2: 19** — ГАЭ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 19 (D. Lebedevi käsikirja katkend «Sõjaadministratsiooni» kohta).
680. **ГАЭ 650: 2: 20** — ГАЭ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 20 (D. Lebedevi käsikiri «Sõjataktika»).
681. **ГАЭ 650: 2: 29** — ГАЭ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 29 (V. Drake käsikiri «Suurtükiväe taktika»).
682. **ГАЭ 650: 2: 31** — ГАЭ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 31 (G. Vannovski käsikiri «Märkmeid taktikast»).
683. **ГАЭ 957: 11: 137** — ГАЭ. Ф. 957. Оп. 11. Ед. хр. 137 (Põhja-Lääne Armeepoolt Eestile üleantavate sõjariistade nimestik. Teated Eesti territooriumil asuvate võõraste vägede arvulise koostise kohta).
684. **ГАЭ 1856: 1: 2** — ГАЭ. Ф. 1856. Оп. 1. Ед. хр. 2 (Kindralstaabi kursused. Kursuste päevakäsud. 1921).
685. **ГАЭ 1856: 1: 5** — ГАЭ. Ф. 1856. Оп. 1. Ед. хр. 5 (Kindralstaabi kursuste õppejõudude istangute protokollide raamat).
686. **ГАЭ 1856: 1: 6** — ГАЭ. Ф. 1856. Оп. 1. Ед. хр. 6 (Kindralstaabi kursuste õppekavad ja programmid).
687. **ГАЭ 1856: 1: 7** — ГАЭ. Ф. 1856. Оп. 1. Ед. хр. 7 (Kirjavahetus sõjaväe õppeasutuste inspektoriga ja teiste sõjaväe ülematega kursuste õppekavade, õppeprogrammide ja eksamite kohta).
688. **ГАЭ 1856: 1: 9** — ГАЭ. Ф. 1856. Оп. 1. Ед. хр. 9 (Kindralstaabi ülema poolt väljaantud kursuste sisekorra määrused).
689. **ГАЭ 1856: 1: 10** — ГАЭ. Ф. 1856. Оп. 1. Ед. хр. 10 (Kindralstaabi ülema poolt väljaantud kursuste sisekorra määrused).

690. **ГАЭ 1856: 1: 45** — ГАЭ. Ф. 1856. Оп. 1. Ед. хр. 45 (Kindralstaabi kursuste päevaraamat).
691. **ГАЭ 1856: 1: 64** — ГАЭ. Ф. 1856. Оп. 1. Ед. хр. 64 (Sissetulnud js väljaläinud salajaste kirjjade registreerimise raamat).
692. **ГАЭ 2315: 1: 138** — ГАЭ. Ф. 2315. Оп. 1. Ед. хр. 138 (Sõjainistri päevakäsud. 1920. Nr. 588–1239).
693. **ИАЭ 2098: 1: 71** — ИАЭ. Ф. 2098. Оп. 1. Ед. хр. 71 (Дела Русского благотворительного общества в Юрьеве).
694. **ИАЭ 4541: 1: 30** — ИАЭ. Ф. 4541. Оп. 1. Ед. хр. 30 (Списки членов Перновского Русского Общественного Собрания (1918–1937)).
695. **ФГАЭ 129: 5185** — ФГАЭ. Ф. 129. Д. 5185 (Следственное дело Мальгина Александра Петровича).
696. **ФГАЭ 129: 18117** — ФГАЭ. Ф. 129. Д. 18117 (Следственное дело Навроцкого Михаила Михайловича).
697. **ФГАЭ 129: 25 373** — ФГАЭ. Ф. 129. Д. 25 373 (Следственное дело Заркевича Владимира Владимировича).
698. **ФГАЭ 129: 25418** — ФГАЭ. Ф. 129. Д. 25 418 (Следственное дело Гизетти Федора Антоновича).
699. **ФГАЭ 129: 26 751** — ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26 751 (Следственное дело Цыновского-Тамкаева Бориса Эвальдовича).
700. **ФГАЭ 129: 26756** — ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26756 (Следственное дело Максимова Петра Николаевича).
701. **ФГАЭ 129: 26759** — ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759 (Следственное дело Садовского Романа Витольдовича).
702. **ФГАЭ 129: 28198** — ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28 198 (Следственное дело Заркевича Сергея Владимировича).
703. **ФГАЭ 129: 28966** — ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966 (Следственное дело Васильковского Олега Петровича).
704. **ФГАЭ 130: 1663** — ФГАЭ. Ф. 130. Д. 1663 (Следственное дело Штубендорфа Алексея Оттовича).
705. **ФГАЭ 130: 2866** — ФГАЭ. Ф. 130. Д. 2866 (Следственное дело Аллика Леонида Германовича).
706. **ФГАЭ 130: 4206** — ФГАЭ. Ф. 130. Д. 4206 (Следственное дело Быкова Ефима Александровича).
707. **ФГАЭ 130: 6122** — ФГАЭ. Ф. 130. Д. 6122 (Следственное дело Дулова Николая Сергеевича).
708. **ФГАЭ 130: 7878** — ФГАЭ. Ф. 130. Д. 7878 (Следственное дело Козлова Петра Григорьевича).
709. **ФГАЭ 130: 9056** — ФГАЭ. Ф. 130. Д. 9056 (Следственное дело Волкова Виталия Степановича).
710. **ФГАЭ 130: 11 566** — ФГАЭ. Ф. 130. Д. 11 566 (тт. I, II) (Следственное дело Верцинского Эдуарда Александровича).
711. **ФГАЭ 130: 13305** — ФГАЭ. Ф. 130. Д. 13305 (Следственное дело Лежневского Нестора Павловича).
712. **ФГАЭ 130: 14114** — ФГАЭ. Ф. 130. Д. 14114 (т. I) (Следственное дело по обвинению Добровидова, Смирнова, Леонтьева, Дор-Бека, Соколова, Катугина и др. в количестве 12 человек).
713. **ФГАЭ 130: 15093** — ФГАЭ. Ф. 130. Д. 15093 (Следственное дело Бадендика Карла Генриховича).

714. **ФГАЭ 138: 1: 46** — ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 46 (Разные материалы о деятельности эстонских полицейских органов и русских монархистов. 1926 г.).
715. **ФГАЭ 138: 1: 47** — ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47 (Эмиграция в Эстонии за 1927 г.).

Интернет-материалы

716. **Солженицын 1993** — А. И. Солженицын. Красное колесо // www.koleso.by.ru
717. **Kröönström 2004** — Kröönström, Mati. Georgi ordeni kavalerid Eestis // www.eha.ee/georgi/html/kavalerid.html

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра русской литературы

ПРИЛОЖЕНИЕ

к магистерской диссертации Р. Абисогомяна
**«Роль русских военных деятелей в общественной и культурной
жизни Эстонской Республики 1920–1930-х гг.
и их литературное наследие»**

Биографический справочник

Тарту, 2007

Список сокращений, принятых в биографическом справочнике

- БНЛ** — Былой нарвский листок
ВД — Вести дня
НПИ — Наши последние известия
НГ — Наша газета
НД — Народное дело
НЛ — Нарвский листок
ННЛ — Новый нарвский листок
НЧ — Наш час
ПВ — Правительственный вестник
ПИ — Последние известия
Р — Рассвет
РВ — Русский вестник
РВр — Ревельское время
РГ — Русский голос
РН — Ревельские новости
РРИ — Ревельский русский инвалид
РС — Русское слово
РСл — Ревельское слово
СЗА — Северо-Западная армия
СНЛ — Старый нарвский листок
СР — Свобода России
СС — Свободное слово
ТРГ — Таллинский русский голос
Труды РИЦЭ — Труды Русского исследовательского центра в Эстонии
Ч — Час
РАЕ — Poliitilised arreteerimised Eestis

Биографический справочник

1. **Агапов Борис Евгеньевич** (5. 09. 1884, СПб. – ?) — полковник. Среднее образование получил в Гатчинском Николаевском институте, после окончания которого поступил в С.-Петербургский электротехнический институт. Посещал лекции профессоров-юристов Туган-Барановского, Петражицкого, Сергеевича, Пергамента и Фойницкого. Выступал с докладами в студенческих кружках. В 1909 выдержал на правах экстерна экзамены за полный курс юридического факультета. В этом же году защитил магистерскую диссертацию на тему «Права на недра земли по действующему законодательству». Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Работал адвокатом. В 1914 был командирован за границу, но в 1915 добровольцем отправился на фронт: сначала в качестве уполномоченного Петроградской думы, затем — после окончания ускоренного курса Павловского военного училища — в качестве прапорщика 22-го легкого мортирного дивизиона. В июле 1917 переведен в распоряжение командира 32-го армейского корпуса и утвержден на должности военного следователя корпуса. В августе 1917 занял должность начальника политического отдела при штабе командующего Балтийского флота (Гельсингфорс). Во время Октябрьской революции находился в Ревеле. В СЗА — начальник Отдела внешних сношений консульского отдела армии и юрисконсульт Ликвидационной комиссии СЗА. После ликвидации армии принял эстонское гражданство и участвовал в общественной работе, занимая должности: члена Комитета русских эмигрантов, товарища председателя Таллиннского русского общественного собрания, председателя приходского совета Александро-Невского собора, члена и потом председателя духовного совета русских приходов. А. также входил в комитет по созданию объединения выпускников Санкт-Петербургского университета в Эстонии, организованного 21. 02. 1922. В апреле 1921, проходя по делу Г. Г. Кромеля, был выслан в Пярну, где принимал участие в местной общественной жизни, состоя членом пярнуского Русского общественного собрания. Согласно постановлению министра внутренних дел Эстонии от 10. 03. 1923, был лишен эстонского гражданства и выслан из Таллинна в Пярну «за деятельность, возбуждающую национальную рознь». Решением Государственного суда от 30. 04. постановление министра внутренних дел об исключении А. из эстонского подданства было отменено, а за самим А. был установлен полицейский надзор. Активный член конспиративной монархической организации «Союз верных». Будучи под следствием по делу В. Юшкевича, скрылся из Эстонии 18. 07. 1924. В 1930 был управляющим небольшого имения на юге Франции.

Источники: ИАЭ. Ф. 4541. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 10; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28; В русском общественном собрании // ПИ. 1921. 10 марта. № 56. С. 4; Хроника // СС. 1921. 21 апр. № 4. С. 3; Русский календарь на 1922 г. Ревель, <1921>. С. 143; Хроника // ПИ. 1922. 3 марта. № 51. С. 4; Б. Е. Агапов // ПИ. 1922. 22 нояб. № 273. С. 3; Александро-Невский собор // ПИ. 1923. 12 февр. № 42. С. 4; Хроника // ПИ. 1923. 14 марта. № 68. С. 3; Хроника // ПИ. 1923. 3 мая. № 107. С. 3; Хроника // ПИ. 1924. 27 июля. № 192. С. 4; Меймре А. «За веру, царя и отечество»: эпизод из деятельности русских монархистов в Эстонии // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. СПб., 2002. С. 275–276; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 172; Материалы частного архива С. Г. Исакова.

2. **Айвазов (Айвазянц) Иосиф Иванович** (13. 06. 1894, *Шума* – 08. 07. 1941) — поручик. Служил в чине прапорщика в л.-гв. Павловском полку. В СЗА служил в Качановском батальоне. В Эстонии проживал на хуторе Шилово Печерского уезда. Арестован органами НКВД 24. 09. 1940. Решением трибунала от 14. 03. 1941 приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.
Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 5185. Л. 15 об., 53-55; РАЕ. Кд. 2. Tallinn, 1998. Лк. 10.
3. **Александров Герман Григорьевич** (? – 1. 09. 1927, *Таллинн*) — полковник. Окончил Петербургское пехотное юнкерское училище. Служил в 89-ом пехотном Беломорском полку: офицер полка с 21. 10. 1900, к 1903 — в чине подпоручика на должности младшего офицера полка. В декабре 1914 в чине капитана был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. В январе 1915 был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами. В марте 1915 был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Жил в Нымме по адресу: Большая Перновская, 29. Похоронен 4 сентября на Александро-Невском кладбище. В Эстонии проживали его жена и дети.
Источники: Корвин-Пиотровский К. А. 89-й пехотный Беломорский полк. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 230; Высочайшие награды // ПВ. 1914. 12 (25) дек. № 301. С. 1; 1915. 17 (30) янв. № 13. С. 1; 13 (26) марта. № 59. С. 2; [Объявление] // НГ. 1927. 3 сент. № 137. С. 4.
4. **Александров Михаил Антонович** (11. 04. 1873 – ?) — полковник. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище и 2 класса Николаевской академии Генерального штаба по первому разряду. В службе с 01. 09. 1890. Подпоручик с 05. 08. 1891, поручик с 05. 08. 1895, штабс-капитан с 06. 05. 1900, капитан с 05. 08. 1902, подполковник с 26. 02. 1908, полковник с 06. 12. 1912. Служил в 93-м пехотном Иркутском полку, из которого впоследствии был переведен в 89-й пехотный Беломорский полк. К 01. 03. 1914 был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 2-й степени. В декабре 1914 был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Проживал в Таллинне. Член Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии.
Источники: Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1252; Высочайшие награды // ПВ. 1914. 12 (25) дек. № 301. С. 1; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л. 164; Ф. 130. Д. 13305. Л. 191.
5. **Алексеев Василий Алексеевич** (1889 – 30. 04. 1942, *Киров*) — полковник. Служил в 92-м пехотном Печорском полку. Военное образование получил в С.-Петербургском Владимирском военном училище. В 1914 в чине подпоручика вместе с Печорским полком отправился на фронт. В 1917 был назначен помощником полка. За время войны был дважды ранен. В СЗА в начале 1919 — командир офицерской роты 1-ой стрелковой бригады Северного Корпуса; с декабря 1919 командовал 5-м Островским полком. Полковник с 30. 03. 1919. За особые заслуги был представлен к производству в чин генерал-майора, но в связи с ликвидацией армии производство не состоялось. В 1926–1929 — председатель Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Арестован в Нарве 5. 04. 1941. Приговорен к расстрелу.
Источники: Владимиров С. Деятельность Союза русских увечных воинов // ПИ. 1927. 16 янв. № 14. С. 5; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Лк. 14; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 12.
6. **Алексеевский Павел Александрович** (? – 06. 1970, *Штутгарт*) — капитан л.-гв. Егерского полка. Служил в СЗА: в августе – декабре 1919 во 2-м пехотном Ревельском полку. В эмиграции проживал в Тарту, где содержал

столярную мастерскую и заведовал зданием Немецкого театра. Являлся членом Объединения л.-гв. Егерского полка в Эстонии. Вероятно, в конце 1939 – начале 1940 переехал в Германию.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28 198. Л. 69; Ф. 130. Д. 1663-э. Л. 50 об.; Волков С. В. *Комментарии // Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 678.*

7. **Аллик Леонид Германович** (28. 10. 1896, Нарва – 12. 02. 1942, Усольлаг) — капитан. Сын начальника нарвской ж/д станции (отец — эстонец, мать — русская). В русской императорской армии служил в 11-м гренадерском Фанагорийском полку; дослужился до чина штабс-капитана на должности младшего офицера 10-й роты. В августе 1918 выехал из Москвы в Киев, оттуда — в Екатеринодар, затем — в армию Деникина, где служил в штабе сводного гренадерского полка 3-й гренадерской дивизии. С марта 1920 служил в армии Врангеля. Был произведен в капитаны и находился при управлении начальника артиллерийского снабжения младшим офицером караульной роты. После разгрома армии эвакуировался в Югославию, где прожил полтора года в местечке Каг до 1922. В июне 1922 выехал в Эстонию. С 1922 по 1924 перебивался случайными заработками. С июня 1924 по 1940 работал мастером пропиточного отделения Нарвской льнопрядильной фабрики. Состоял членом-соревнователем Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. В 1930–1931 временно исполнял обязанности председателя Союза. Арестован НКВД в Нарве 29. 04. 1941.

Источники: ФГАЭ. Ф. 130. Д. 2866-э; РАЕ. Кд. 2. Tallinn, 1998. Лк. 15.

8. **Амелунг Константин Юльевич** (15. 03. 1857, г. Николаев, Херсонская губ. – 20. 05. 1928, Таллинн) — мичман запаса. Сын отставного полковника. Окончил Морское училище в Петербурге в 1878. После двух лет службы на флоте гардемаринном вышел в запас по причине тяжелой болезни. Долгое время служил по удельному ведомству после чего вышел в отставку и поступил на службу на Русско-Балтийский вагоностроительный завод в Риге. Затем работал в Рижском коммерческом банке. В 1911 был переведен в ревельское отделение банка, которое в последствии было преобразовано в Эстляндский промышленный и торговый банк. В этом банке он проработал до конца своей жизни. В 1920 являлся одним из лиц-гарантов при учреждении в Таллинне Частной русской гимназии. Он также был одним из активнейших членов Таллиннского русского клуба и членом правления Кассы взаимопомощи моряков.

Источники: К. Ю. Амелунг // ВД. 1928. 23 мая. № 136. С. 1.

9. **Ананич Михаил Михайлович** (07. 10. 1888, Минская губ. – 18. 05. 1932, Таллинн) — инженер-механик старший лейтенант. Окончил реальное училище в Могилеве (1905) и Николаевское Морское инженерное училище в Кронштадте (1909). С 1910 по 1915 служил на флагманском корабле Балтийского флота броненосном крейсере «Рюрик». Затем переведен на Дивизию сторожевых судов Балтийского моря с назначением на должность механика одного из дивизионов. За боевую деятельность в годы Первой мировой войны награжден несколькими орденами с мечами. С приходом к власти большевиков оставался в РККФ. Старший лейтенант с 06. 12. 1916. В декабре 1918 в качестве старшего инженер-механика эсминца «Автроил» участвовал в руководимой Ф. Ф. Раскольниковым (1892 – 1939) разведывательной операции в районе Ревеля. Был захвачен в плен англичанами (27. 12. 1918), однако по решению суда чести возвращен на переданный эстонцам корабль для приведения его механизмов в порядок. В последующем находился на службе в эстонских ВМС, где с мая 1919 занимал

должности исполняющего обязанности начальника технического отдела Штаба морских сил Эстонии, инженера-механика Базы морских сил, исполняющего обязанности начальника Морских сил, исполняющего обязанности инженера-механика морских крепостей, оставаясь фактически флагманским механиком флота. За службу в эстонских ВМС награжден Крестом Свободы I-го класса 3-й степени и медалью в память Освободительной войны. По неизвестным причинам застрелился у себя на квартире и, как кавалер Креста Свободы, похоронен на Военном кладбище в Таллине.

Источники: Материалы частного архива В. В. Верзунова; Бойков В. А. *Офицеры Балтийского флота, служившие на Балтике (биографические справки) // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 23.*

10. **Ананьев Михаил Дмитриевич** (1895, СПб. – 17. 05. 1943, *Усть-Нера*) — подпоручик. Служил в л.-гв. Павловском полку. Служил в СЗА. В 1920–30-е гг. жил в Таллинне; работал на складе фирмы «Нокиа». Член Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии и Союза взаимопомощи чинов бывшей Северо-западной армии и русских эмигрантов в Эстонии. С 1936 — член правления общества «Витязь». Арестован в Таллинне 02. 11. 1940.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 5185. Л. 15 об; Д. 26759. Л. 107, 164; В обществе «Витязь» новое правление // ВД. 1936. 7 авг. № 176. С. 1; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Lk. 20.

11. **Андреев Ю. Н.** — офицер артиллерии. В 1933 проживал в Таллинне; изобрел автоматический аппарат, гарантировавший правильное, не требовавшее усилий и расходов, появление надписей на кинематографической ленте.

Источники: *Русский изобретатель // ТРГ. 1933. 8 июля. № 35. С. 6.*

12. **Антонов Иван Иванович** (?) — поручик (штабс-капитан?). В СЗА служил в команде пеших разведчиков Талабского полка. Представитель Савинкова по вербовке в его организацию в Польше. Агент эстонской разведки и русских монархических объединений в Эстонии. Осенью 1924 посылался Н. А. Яковлевым и начальником штаба 1-й эстонской дивизии майором П. Г. Трийком с заданием в СССР, после выполнения которого, благополучно вернулся. В 1925 при переходе границы был схвачен советскими пограничниками и приговорен к 10 годам каторжных работ (информация об этом якобы появилась в советских газетах). В конце ноября 1926 он появился в Нарве. По его словам, ему удалось бежать. В Нарве проживали члены его семьи. Почти сразу же после его появления в Нарве он был арестован эстонской полицией и исчез.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Л. 19, 28–31; Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 219–220; Нарва // ВД. 1926. 2 дек. № 63. С. 2.

13. **Антонов Иван Константинович** (1896, СПб. – ?) — прапорщик. Первую мировую войну закончил в чине вахмистра. Служил в Красной армии, в 1919 перешел на сторону белых в СЗА. Состоял в правлении Ныммеского отдела Союза северозападников. Арестован органами НКВД в Таллинне 13. 09. 1940. Постановлением Особого совещания НКВД приговорен к 10 годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). Отбывал срок в Усольяге Молотовской области. Дальнейшая судьба неизвестна.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л. 125; РАЕ. Кд. 3. Tallinn, 2005. Lk. 324.

14. **Артемьев Никандр Павлович** (26. 06. 1854 – 06. 04. 1935, *Хаапсалу*) — генерал-майор. Окончил Лазаревский институт восточных языков и С.-Петербургское пехотное юнкерское училище. Прапорщик с 16. 12. 1875, подпоручик с 18. 05. 1877, поручик с 25. 10. 1877, штабс-капитан с 22. 04.

1882, ротмистр с 30. 08. 1887, подполковник с 26. 02. 1896, полковник с 23. 09. 1903. Служил в 95-м пехотном Красноярском полку, квартировавшего тогда в Ревеле; в течение 8 лет командовал ротой полка. Вместе с полком принял участие в Русско-турецкой войне, за боевые отличия в которой был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Затем был переведен в отдельный корпус жандармов и назначен на должность помощника начальника одного из губернских и областных жандармских управлений. 8. 08. 1903 был назначен начальником Уфимского губернского жандармского управления. С 7. 07. 1905 — начальник Ярославского губернского жандармского управления. Кроме ордена Св. Станислава 3-й степени был также награжден орденами Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени и Св. Владимира 3-й степени.

Источники: *Список полковникам по старшинству. Ч. 3. СПб., 1911. С. 11; [Объявление] // ВД. 1935. 8 апр. № 84. С. 2.*

15. **Афанасьев Вячеслав Сергеевич** (1895, Москва – ?) — генерал-майор (с ноября 1919). Высочайшим приказом от 11. 02. 1917 в чине штабс-капитана л.-гв. Павловского полка был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Первую мировую войну закончил в чине капитана. В СЗА — офицер для поручений при начальнике тыла СЗА. Жил в Таллинне (Певческая улица). Работал на заводе Розена заведующим химической лаборатории в отделе косметики. Сменил В. А. Алексева на посту председателя Союза русских увечных воинов в Эстонии (1934-1935). Поддерживал переписку с генералом С. Д. Позднышевым (Париж). До конца 1937 состоял председателем гвардейского объединения Павловского полка в Эстонии. В 1937 его сменил А. П. Мальгин. Также состоял членом Союза помощи бывшим военным служащим и Союза северо-западников. В 1942 был арестован немецкой политполицией. В феврале 1944 бежал и скрывался. 12. 11. 1944 арестован советскими органами. В апреле 1945 освобожден. Дальнейшая судьба неизвестна.

Источники: *Высочайшие приказы // Русский инвалид. 1917. 23 марта. № 71. С. 6; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26756. Л. 299; Бойков В. А. Архивные материалы о Союзе северо-западников // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии / Сост. В. А. Бойков. Вып. 3. Таллинн, 2004. С. 173.*

16. **Бадендик Карл Генрихович** (Karl Johann Wilhelm Badendick; 09. 01. 1889, Юрьев – 25. 03. 1941, Ленинград) — полковник. Окончил коммерческое отделение Ревельского реального училища, после чего уехал в Англию, где работал конторским служащим до 1910. В 1910 поступил вольноопределяющимся на военную службу. В октябре 1911 стал работать в конторе отца, затем — в фирме, которая занималась продажей конторских и писчебумажных изделий. В 1914 в чине прапорщика ушел на фронт. В Первую мировую войну служил в рядах 294-го пехотного Берцинского полка и 17-го Заамурского пограничного пехотного полка. Высочайшим приказом от 9. 09. 1915 прапорщик 294-го пехотного Берцинского полка Бадендик был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за то, что в ночном бою 7-го февраля 1915 года при д. Небылов, командуя ротой, бросился на пулеметы противника, установленные в домах деревни и, несмотря на убийственный огонь, овладел ими». В октябре 1917 в чине капитана состоял на должности помощника командира 74-го пехотного Ставропольского полка. После Октябрьского переворота — начальник демобилизационного отдела 12-го армейского корпуса. Подполковник. В феврале 1918 взят в плен петлюровцами; затем — германский плен. В марте 1918 вернулся в Таллинн и занялся комиссионерством. С декабря 1918 по январь 1919 занимался

формированием Русского партизанского отряда, который вошел в состав Северного корпуса. До марта 1919 командовал этим отрядом. В марте на базе отряда был создан Ревельский стрелковый полк, где Б. занял должность помощника командира полка. С июня — командир Колыванского полка СЗА. В декабре 1919 назначен командиром 3-го пехотного Колыванского полка СЗА. Полковник с 1. 09. 1919. За время службы в СЗА был награжден орденами Св. Владимира 4-й и 3-й степеней. В 1920 в чине капитана уволен в запас эстонской армии. В 1924 за незнание в достаточной степени эстонского языка разжалован в рядовые запаса. До 1930 занимался вместе с братом торговлей резиновыми изделиями. Б. являлся учредителем Русского дома, с 1924 по 1929 — членом Русского клуба (1924–1927 — член правления), с 1926 по 1940 — членом общества «Русская школа в Эстонии», с 1926 по 1937 — членом общества «Витязь» (в период 1931–36 — председатель), с 1930 по 1940 — членом Комитета «Дня русского инвалида», с 1931 по 1937 — членом Союза русских военных инвалидов в Эстонии, с 1931 по 1940 — членом Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, членом Объединения георгиевских кавалеров в Эстонии, членом Общества друзей русских скаутов (1931–32 — член правления); состоял в РОВСе. Арестован органами НКВД в Таллинне 21. 06. 1940. Решением трибунала от 11. 01. 1941 приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Источники: Высочайшие награды // ПВ. 1915. 29 сент. (12 окт.) № 218. С. 1; ФГАЭ. Ф. 130. Д. 15093-э; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 30; Эстонский биографический словарь. Таллинн, 2003. С. 30.

17. **Баиов Алексей Константинович** (08. 02. 1871, Умань – 08. 05. 1935, Таллинн) — генерал-лейтенант Генерального штаба. Родился в семье военного. Окончил Киевский кадетский корпус, Императорский археологический институт и 2-е Константиновское военное училище. В 1890 произведен в подпоручики гвардии и направлен в л.-гв. Егерский полк. Поручик (10. 08. 1894). В 1894 поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил в 1896 в чине капитана Генерального штаба. После окончания академии проходил цензовое командование ротой в 105-м пехотном Оренбургском полку; затем был прикомандирован к штабу Виленского военного округа, где состоял на должностях помощника старшего адъютанта штаба округа (4. 02. 1897–26. 11. 1898), обер-офицером для поручений при штабе округа (по 1. 01. 1901); затем состоял при штабе Брест-Литовской крепости (по 17. 01. 1901). Подполковник (6. 12. 1900). После был переведен в генерал-квартирмейстерство Главного штаба, где служил на должностях помощника делопроизводителя и делопроизводителя (по 16. 11. 1902). В 1902 был назначен штаб-офицером, заведующим обучением офицеров в Николаевской академии Генерального штаба. 14. 12. 1904 был назначен правителем дел академии. Полковник (6. 12. 1905). 27. 06. 1906 — экстраординарный профессор академии. 03. 10. 1906 — ординарный профессор академии по кафедре истории русского военного искусства. Автор свыше 20-ти трудов по военному искусству, среди которых главными являются: "Русская армия в царствование императрицы Анны Иоановны. Войны России с Турцией в 1736–1739 гг." (в 2-х т., 1906), монументальный "Курс истории русского военного искусства" (в 7-ми т., 1909–1913), "История русской армии" (Вып. 1, 1912), "История военного искусства как наука" (1912) и др. Основатель и активный участник ряда научных обществ, редактор многочисленных военно-исторических изданий. Генерал-майор (6. 12. 1911). До 1914 награжден орденами Св. Станислава 3-й степени (1898), Св. Анны 3-й

степени (1905), Св. Станислава 2-й степени (1908), Св. Владимира 3-й степени (1912). С началом Первой мировой войны был назначен начальником штаба 24-го армейского корпуса, а затем генерал-квартирмейстером штаба III армии. С мая 1917 стал начальником штаба той же III армии. Во время войны был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами (20. 11. 1914), чином генерал-лейтенанта (6. 12. 1915), Георгиевским оружием, орденом Св. Георгия 4-й степени. Высочайшим приказом от 24. 02. 1915 был награжден Георгиевским оружием «за то, что исполняя обязанности начальника штаба корпуса в дни многодневных и многотрудных боев и маневра корпуса, с целью окружения частей противника у Подбужа, выделялся верной оценкой обстановки и самоотверженной своей деятельностью, неоднократно подвергая свою жизнь опасности, и тем много способствовал успеху корпуса». В октябре 1915 был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за то, что, будучи начальником штаба 24-го армейского корпуса, в период боев с 24-го октября по 20-е ноября 1914 г. в Карпатах, в районе Лунковского перевала, разработал план наступательной операции корпуса, приведший к неоднократным поражениям противника, занятию линии р. Сана, овладению главными Карпатскими хребтами и вторжению корпуса в пределы Венгрии». После февральской революции он отказывается присягать Временному Правительству. С должности начальника штаба его снимают, но потом назначают сначала начальником 42-й пехотной дивизии, а затем 50-го армейского корпуса. После развала фронта возвратился в Петроград, где работает в Артиллерийском и Инженерном музее; в начале 1919 возглавляет военно-музейную секцию при отделе охраны памятников старины и искусства. Жил на даче в Гатчине, затем переехал в Павловск. После занятия Павловска частями СЗА перешел на сторону белых. В СЗА занимал должность председателя Ревизионной комиссии Северо-Западной армии (до 1. 03. 1920). С сентября 1920 по февраль 1926 преподавал в эстонском Военном училище и на Курсах Генерального штаба. Автор ряда учебных пособий, составленных им для этих учебных заведений, а также автор брошюр "Вклад России в победу союзников" (1924) и "Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры" (1927). В 1923–24 играл активную роль в таллинском Русском клубе. Видимо, в 1924 г. становится во главе отделения Высшего монархического совета в Эстонии. Вероятно, с 1925 возглавлял эстонский отдел РОВСа. Участвовал в качестве делегата от Эстонии на Зарубежном съезде русских эмигрантов в Париже в 1926. Под руководством Баиова в 1926 основан Комитет "Дня русского инвалида". В том же году по его инициативе открывается таллиннский отдел Союза русских увечных воинов в Эстонии. В 1931 был инициатором создания Союза русских военных инвалидов в Эстонии и Общества помощи бывшим русским военным в Эстонии. Глава Объединения лейб-гвардии Егерского полка в Эстонии и Объединения георгиевских кавалеров. С 1926 — начальник Отдела русских скаутов в Эстонии, организатор Общества друзей русских скаутов, его председатель. Действительный член Русской академической группы в Эстонии, член ее ревизионной комиссии; один из членов-учредителей общества "Дом русского ребенка"; член ревизионной комиссии Общества помощи больным эмигрантам; председатель Кружка ревнителей церковного благоустройства при церкви Пюхтицкого подворья в Таллинне. С 1923 был владельцем книжного магазина «Русская книга», действовавшего как библиотека, а с 1934 и как издательство. С 1924 по 1927 — председатель родительского комитета Таллиннской русской гимназии; также принимал участие в работе комитета частной гимназии при обществе «Русская школа в Эстонии». Участвовал в

работе общества «Русский дом». Руководитель эстонского отдела конспиративной организации «Братство Русской Правды». В 1930 участвовал на пятом съезде русских ученых за границей, состоявшемся в Софии 14–22 сентября. Был неофициальным, но фактическим издателем газет «Ревельское время» и «Ревельское слово».

Источники: *Список Генерального штаба. Петроград, 1914. С. 221; Высочайшие награды // ПВ. 1914. 20 нояб. (3 дек.). № 279. С. 1; 1915. 4 (17) марта. № 51. С. 1; Исполняющий должность начальника штаба армии генерал-майор А. К. Баиов // Разведчик. 1915. 27 окт. № 1303. С. 669; Штубендорф А. О. Памяти генерал-лейтенанта Алексея Константиновича Баиова. Таллинн, 1935; Штейфон Б. А. Национальная военная доктрина: Профессор генерал А. К. Баиов и его творчество. Таллинн, 1937; Исаков С. Г. Алексей Константинович Байов // Исаков С. Г. Русские в Эстонии (1918–1940). Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. С. 305–308; Абисогомян Р. Деятельность А. К. Баиова в Эстонии // Труды РИЦЭ. Вып. 2 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2003. С. 49–69; Последние страницы истории русской армии (Документы и материалы Ленинградского дела) // www.auditorium.ru/books/89/r3ch1.pdf.*

18. **Байков Александр Иванович** (1877 – 02. 11. 1926, Нарва) — подполковник. Родился в имении под Нарвой. Окончил Нарвскую мужскую гимназию, после которой поступил в московское Алексеевское военное училище. По окончании училища служил в 6-м гренадерском Таврическом Его Императорского Высочества князя Михаила Николаевича полку, квартировавшем в Москве. Участвовал в 1900 в военной экспедиции по усмирению «Боксерского восстания» в Китае. В 1914 в чине подполковника участвовал в сражениях Первой мировой войны. В одном из боев был тяжело ранен и попал в германский плен. Служил в СЗА в Управлении заведующего передвижением войск армии. Приказом по СЗА за № 291 от 27. 10. 1919 был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В эмиграции средства к существованию добывал торговлей газетами. Действительный член Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии.

Источники: † А. И. Байков // СНЛ. 1926. 4 нояб. № 125. С. 3; Отчет о вспомогательной работе Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстии (По нарвскому району) // СНЛ. 1927. 8 марта. № 29. С. 4; Бойков В. А. Наградные списки офицеров и военнослужащих Северо-Западной армии // Михайлов день 1-й: Журнал исторической России. Ямбург [Кингисепп], 2005. С. 251.

19. **Байков Николай Аркадьевич** (3. 01. 1897 – 1. 05. 1959, Франция) — капитан л.-гв. Измайловского полка. Был арестован по делу Луковского в середине ноября 1927 по обвинению в подготовке покушения на советского полпреда Покровского. Арест произошел на эстонско-латвийской границе в Валга. Б. возвращался из поездки в Париж. В течение одной недели он находился под арестом, после чего был отпущен. С Луковским Б. был знаком по работе на заводе Лютера. Был выслан в Тарту, а затем вообще из Эстонии.

Источники: Высланный из Ревеля Н. А. Байков выехал в Юрьев // ВД. 1927. 26 нояб. № 321. С. 1; Волков С. В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М. 2002. С. 51.

20. **фон Баранов Константин Алексеевич** (22. 05. 1859, Ревель – 09. 07. 1936) — генерал-майор. Бывший командир 146-го пехотного Царицынского полка, старейший семеновец в Эстонии. Учился в Домском рыцарском училище в Ревеле в 1869–1876. Окончил 1-е военное Павловское училище в СПб. в 1876–78. Служил в 146-м Царицынском пехотном полку. С 8. 08. 1881 служил в л.-

гв. Семеновском полку. Подпоручик гвардии с 30. 08. 1884, поручик с 1. 01. 1885, штабс-капитан с 5. 04. 1892, капитан с 5. 04. 1898, полковник с 6. 12. 1902. С 1907 — командир 146-го пехотного Царицынского полка. Владелец родового имени Лоаль (эст. – Lohu).

Источники: *Список полковникам по старшинству. СПб., 1907. С. 451; ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 23; [Объявление] // ВД. 1936. 17 авг. № 184. С. 2.*

21. **фон Баранов Петр Петрович** (9. 05. 1843 – 9. 12. 1924, Таллинн) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Окончил Пажеский корпус. Корнет лейб-гвардии Уланского полка с 16. 06. 1861. Поручик — 30. 08. 1865. Штаб-ротмистр — 17. 04. 1870. Ротмистр — 30. 08. 1874. Полковник — 30. 08. 1880. Генерал-майор с 15. 04. 1891. Генерал-лейтенант — 1. 01. 1900. Кампании: 1863, 1877–78. Командир 3-го драгунского Сумского Его Королевского Величества Принца Датского полка (28. 06. 1890 – 15. 04. 1891). Командир л.-гв. Уланского полка (15. 04. 1891 – 6. 03. 1897). Командир 1-ой бригады 2-ой гвардейской кавалерийской дивизии (6. 03. 1897 – 1. 02. 1898). Управляющий двором великого князя Михаила Николаевича (1. 02. 1898 – 10. 02. 1902). Гофмейстер великого князя Михаила Николаевича (с 10. 02. 1902). Состоял в списках л.-гв. Уланского полка. С 1910 — генерал от кавалерии и генерал-адъютант. В 1907 был избран в Государственный совет от съезда землевладельцев Астраханской губернии. К 1904 имел ордена: Св. Анны до 1-ой степени, Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом, Св. Владимира 2-ой степени, Белого Орла, Св. Александра Невского с бриллиантами, Георгиевское Золотое оружие и 10 иностранных орденов. Женат на Ольге Валерьяновне Бибиковой. Дети: Ольга и Петр (поручик-кавалергард с 1914, ранен в августе 1914). Владелец мызы Тюри-Аллику.

Источники: *ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 23; Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С. 87; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1997 / Составитель В. Н. Чуваков. Том 1: А–В. М., 1999. С. 20.*

22. **фон Баранов Петр Петрович** (7. 06. 1885 – ?) — ротмистр. Сын генерала от кавалерии П. П. фон Баранова. Окончил Александровский лицей в 1907. Служил в л.-гв. Кавалергардском полку. В августе 1914 был ранен. В СЗА прибыл в конце 1919, состоял при штабе ген. Арсеньева, затем — в Ликвидационной комиссии. 19. 08. 1931 в Таллинне был оформлен его брак с Натальей Дмитриевной Аничковой. Дочь Наталья. В 1940 выехал вместе с семьей в Италию.

Источники: *ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 23; Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Т. 1. Таллинн, 1996. С. 184; Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. Несбывшиеся надежды... 1923 г. М., 2001. С. 27; Волков С. В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М. 2002. С. 53.*

23. **Бармин Василий Александрович** (24. 05. 1978 – 08. 07. 1932) — полковник инженерных войск. Окончил Тифлисский кадетский корпус и Николаевскую инженерную академию. В 1915 состоял в чине подполковника на должности главного директора Главного управления публичных зданий в Финляндии. Высочайшим приказом от 22. 12. 1915 был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом «за 25-летнюю в офицерских чинах беспорочную службу». До революции состоял на должности старшего производителя работ Управления строителя морской крепости императора Петра Великого в Ревеле. С 01.03.1920 был принят на службу в эстонскую армию, занимался восстановлением береговых батарей. Состоял в Кассе взаимопомощи русских моряков.

Источники: Высочайшие награды // ПВ. 1915. 15 (28) дек. № 290. С. 2; ГАЗ. Ф. 495. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 116; [Объявление] // ВД. 1932. 10 июля. № 158. С. 2; Материалы частного архива В. В. Верзунова.

24. **Барт Павел Иванович** (1891 – ?) — инженер-механик старший лейтенант. Окончил Николаевское морское инженерное училище в Кронштадте в 1912. Участник Первой мировой войны. Во время Гражданской войны служил в Вооруженных силах юга России и Русской армии на Черноморском флоте. На 25. 03. 1921 числился в списках Русской эскадры в Бизерте. С лета 1923 проживал в Эстонии. Состоял в Кассе взаимопомощи моряков. По некоторым данным, погиб в поезде, перевозившем заключенных из таллиннской тюрьмы в Ленинград, при налете германской авиации на ж.-д. станцию в Нарве летом 1941.

Источники: Материалы частного архива В. В. Верзунова.

25. **Бауман Эдуард Константинович** (?) — полковник. Во время Мировой войны служил Бронницким уездным воинским начальником. 16. 12. 1916 г. подполковник Б. был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Жил в Тарту. Участвовал с докладом в акции, посвященной 25-летию начала Первой мировой войны.

Источники: Высочайшие награды // Русский инвалид. 1917. 17 февр. № 45. С. 2; Бойков В. А. Русское просветительное общество в Тарту // Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллинн, 1998. С. 62.

26. **Бахман Эрих Людвигович** (27. 04. 1882, Пярну – 1942, Севураллаг Сосьва) — подполковник. В конце 1916 г. служил в Приморском драгунском полку в чине штаб-ротмистра. 3. 01. 1917 г. «за отличия в делах против неприятеля» был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Во время Гражданской войны служил в армии Колчака. Владелец завода в Пярну. Арестован в Пярну 14. 06. 1941. Решением трибунала от 12. 03. 1942 приговорен к 10 годам ИТЛ.

Источники: Высочайшие награды // Русский инвалид. 1917. 24 янв. № 23. С. 1; РАЕ. Кд. 3. Tallinn, 2005. Lk. 332.

27. **Беклемишев Владимир Александрович** (30. 10. 1881 – 05. 11. 1925, Таллинн) — старший лейтенант. Служил на Балтийском флоте. Окончил Морской корпус в 1903. С 1910 по 1912 находился на должности флаг-офицера при Штабе начальника 2-ой Минной дивизии. Вышел в отставку 23. 12. 1913. Призван на службу из отставки в 1916. Летом 1917 произведен в старшие лейтенанты «за военные отличия». Награжден Георгиевским оружием. В СЗА командовал бронепоездом «Адмирал Колчак», а затем ротой Печорского полка; командир. После ликвидации СЗА жил в Эстонии. Член Кассы взаимопомощи моряков.

Источники: Из истории участия моряков в белом движении на Северо-западе России // Белая гвардия: Альманах: Белое движение на Северо-западе России. М., 2003. № 7. С. 221, 223; Волков С. В. Офицеры флота и Морского ведомства. М., 2004. С. 40; Материалы из частного архива В. В. Верзунова.

28. **Бек-Мармарчев Михаил Григорьевич** (? – 2. 10. 1924, Таллинн) — полковник. В 1909 г. состоял в чине штаб-ротмистра 20-го драгунского Финляндского полка (г. Вильманstrand). Командовал 32-м Чугуевским драгунским полком (?) и отдельной частью кавалерийского запаса (Красное Село). Предсмертное желание – вместо цветов на его гроб пожертвовать деньги на помощь инвалидам СЗА, которые следует вручить о. Павлу Горшкову. Похоронен 5 октября на Коппельском братском кладбище

Изобретатель, автор двух проектов, запатентованных в 1922 г., на «складные лыжи» и «аппарат сигнализации для рельсового транспорта».

Источники: *Общий список офицерским чинам Русской императорской армии.* СПб., 1909. С. 612; [Объявление] // ПИ. 1924. 4 окт. № 256. С. 1; 5 окт. № 257. С. 1; Мальцев Ю. П. Русские изобретатели в Эстонской Республике (1918–1940) // *Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии.* Таллинн, 1998. С. 84.

29. **Бельгард Алексей Алексеевич** (1899? – 09. 1945, Англия) — поручик. Сын тайного советника и бывшего губернатора Эстляндии А. В. Бельгарда (1861–1942). Окончил Пажеский корпус в 1917. Служил в чине прапорщика в л.-гв. Конной артиллерии. Весной 1919 состоял членом офицерской организации в Польше. В 1934 вместе с родителями переехал в Эстонию. Состоял в Союзе пажей.

Источники: ФГАЭ. Ф. 130. Д. 11566. Л. 125; *Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1997 / Составитель В. Н. Чуваков. Том 1: А–В.* М., 1999. С. 264; Шор Т. *Общественная жизнь // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940).* Тарту; СПб., 2001. С. 103; Волков С. В. *Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога.* М. 2002. С. 53.

30. **Берг Иван Федорович (Фридрихович)** (15. 09. 1883, Ревель – 1974 или 1975) — инженер-механик капитан 2-го ранга. Окончил Николаевское морское инженерное училище в Кронштадте. Офицер с 1907. Участник Первой мировой войны. Во время Гражданской войны сражался в Сибири в составе войск Восточного фронта. После войны жил в Эстонии. Состоял в Кассе взаимопомощи моряков. В 1939 уехал в Германию. В 1941 был мобилизован в германский военно-морской флот с назначением инженером по наблюдению за постройкой кораблей на верфи в Гамбурге. В конце войны — старший советник морского судостроения. После войны эмигрировал в Бразилию. В 1950-х работал в судостроительной фирме в Сантосе в качестве главного инженера сухого дока, эллинга и мастерских.

Источники: *Материалы частного архива В. В. Верзунова.*

31. **Берг Курт Федорович (Фридрихович)** (13. 02. 1891, Або – 28. 11. 1966) — лейтенант. Окончил Морской корпус в 1914. Служил на Балтийском флоте. Участник Первой мировой войны. Во время Гражданской войны сначала служил в ВМФ Эстонии, откуда перешел по собственному желанию в СЗА (18. 06. 1919). После ликвидации СЗА проживал в Эстонии. Состоял в Кассе взаимопомощи моряков. В 1939 уехал в Германию. С началом Второй мировой войны был мобилизован и до весны 1945 находился во вспомогательных частях кригсмарине. Умер и похоронен в Нижней Саксонии, в небольшом городке Целле.

Источники: *Материалы частного архива В. В. Верзунова.*

32. **Бергштрессер Павел Николаевич** (08. 12. 1893, Кронштадт – 22. 12. 1943) — лейтенант. Сын вице-адмирала Н. К. Бергштрессера (1855 – 1919). Окончил три класса кронштадтской гимназии и Морской корпус в 1913. Был произведен в корабельные гардемарины и затем в мичманы. Службу начал на крейсере «Новик». На нем же принял участие в Первой мировой войне. В 1916 произведен в лейтенанты. С весны 1917 проходил обучение в школе морской авиации в Баку. По окончании курса переведен в Воздушную дивизию Балтийского моря с присвоением звания летчика (24. 06. 1917) и назначением на станцию гидроавиации на Верхнем озере. За время службы в российском флоте был награжден орденами Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В апреле 1918 бежал в

Финляндию, где некоторое время жил у своего брата капитана 2-го ранга В. Н. Бергштрессера (1888 – 1972). Затем переехал в Таллинн и вступил в Отдельный корпус Северной армии. В июне 1919 командирован в Таллинн для получения переданных англичанами для СЗА шести самолетов типа «Farman». Во время пробного полета потерпел аварию и сильно разбился. По излечении перешел на службу в вооруженные силы Эстонии в качестве летчика-инструктора Морского авиаотряда. В августе 1920 демобилизован. В 1921 по заданию эстонского правительства в составе специальной комиссии выезжал в страны Европы для закупки авиационной техники и вооружения. Работал в «Северном транспортном обществе», конторе Э. Шмидта. Одновременно вместе с братом занимался торговлей антиквариатом. Состоял в Кассе взаимопомощи моряков. С июня 1940 работал в Германском доверительном управлении по востребованию компенсаций в пользу местных немцев, переселившихся в Германию. После присоединения Эстонии к СССР был арестован и приговорен к расстрелу, но вскоре приговор был заменен на 10 лет лишения свободы. Умер в одном из лагерей Коми АССР.

Источники: Материалы частного архива В. В. Верзунова; Бойков В. А. Офицеры Балтийского флота, служившие на Балтике (биографические справки) // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 23–25.

33. **Бернов Георгий Сергеевич** (9. 10. 1897, *Осташков* – 28. 01. 1942, *Унжлаг, Горьковская обл.*) — капитан. В июне 1919 состоял на должности старшего офицера 4-й батареи Псковской артиллерийской бригады. В декабре 1919 состоял в 1-м отдельном легком артдивизионе. В капитаны произведен 9. 09. 1919. Награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. После ликвидации СЗА проживал в Таллинне. Член Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, член правления общества «Витязь». Арестован органами НКВД в Таллинне 24. 04. 1941. Решением трибунала от 23. 12. 1941 приговорен к расстрелу.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 61. Л. 76; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 25418. Л. 30, 58; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Лк. 37; Волков С. В. Комментарии // Белая борьба на Северо-Западе России / Под ред. С. В. Волкова. М., 2003. С. 675; Бойков В. А. Наградные списки офицеров и военнослужащих Северо-Западной армии // Михайлов день 1-й: Журнал исторической России. Ямбург [Кингисеп], 2005. С. 252.

34. **Бистерфельдт Павел Николаевич** (17. 04. 1892, *СПб.* – 11. 08. 1941) — офицер артиллерии. Во время Первой мировой войны служил в 24-й артиллерийской бригаде. За храбрость, проявленную в бою, был награжден Георгиевским оружием. В январе 1917 в чине поручика был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Член Союза взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии и Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. Арестован в Нарве 11. 08. 1941. Решением трибунала от 17. 08. 1941 приговорен к 10 годам ИТЛ и 5 годам поражения в гражданских правах.

Источники: Высочайшие награды // Русский инвалид. 1917. 24 февр. № 52. С. 3; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 542; Ф. 14. Оп. 12. Ед. хр. 1513; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л. 166.

35. **Блюмбах Эрнест Мартынович** (22. 02. 1863, *Вейссентейн* – 30. 01. 1929, *Таллинн*) — генерал-майор корпуса гидрографов. Родился в семье ремесленника. Окончил 6 классов гимназии в Петербурге в 1779 и Морское техническое училище в Кронштадте в 1883 с присвоением звания прапорщика корпуса флотских штурманов. В 1892–93 служил на «Красной Горке», в 1894 — на учебном корабле «Моряк», с 1896 — на учебном корабле «Верный», в

1897–98 — на миноносце «Абрек», с 1899 по 1902 — на броненосце «Адмирал Ушаков». В 1902 был назначен старшим помощником астронома Кронштадтской морской и компасной обсерватории. В 1909 произведен в полковники. В 1913 перешел в корпус гидрографов с назначением на должность старшего помощника астронома севастопольской обсерватории и главного девиатора. При Временном правительстве был произведен в генерал-майоры. Во время Гражданской войны состоял в белых армиях юга России, заведовал гидрографической службой Черноморского флота. Был награжден всеми российскими орденами до Св. Владимира 3-й степени. До 1923 находился в эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, затем переехал в Эстонию. 17. 02. 1923 как вольнонаемный был принят на должность исполняющего обязанности старшего гидрографа отдела топо-гидрографии Генерального штаба Эстонии. 15. 06. 1927 был утвержден на должности старшего гидрографа. Основным предметом его исследований было изучение земного магнетизма в окрестностях Таллинна и на острове Сааремаа. Периодически публиковал статьи в журнале «Топо-üydrograafia aastaraamat». После смерти подполковника Й. Мея (J. Meу) с большим успехом составлял морские карты Эстонии. Состоял в Кассе взаимопомощи моряков. Свободно владел русским, немецким, французским и английским языками. Похоронен 02. 02. 1929 на кладбище Хийу-Рахумяэ в Нымме.

Источники: Prei J. Kindral-major Ernst Blumbach † // Топо-üydrograafia aastaraamat 1928/29. Tallinn, 1930. № 9. Lk. 5–6; Материалы частного архива В. В. Верзунова.

36. **Борделиус Михаил Евгеньевич** (11. 12. 1873 – ?) — подполковник. Окончил юнкерское военное училище в 1891. Служил в СЗА. В конце 1919 находился на излечении в 3-м Эстонском военном госпитале. Член совета старейшин Пярнуского русского общественного собрания. В 1926 — председатель. В 1930 вышел из состава совета старшин.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 59. Л. 86–86 об.; ИАЭ. Ф. 4541. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 45, 77, 134.

37. **Бородулин Михаил Матвеевич** (? – 8. 09. 1934, Таллинн) — офицер л.-гв. Измайловского полка. В Эстонии жил в Таллинне, работал на заводе Лютера. Друг В. Е. Гущика.

Источники: Гущик В. О друге // РС. 1934. 14 сент. № 104. С. 3.

38. **Бояринцев Борис Григорьевич** (10. 04. 1888, Вятская губ., г. Орловск – 24. 08. 1942, Молотов) — подполковник СЗА. До Гражданской войны – в чине капитана. В СЗА зачислен 12. 03. 1919; в мае 1919 — командир батальона Талабского полка; в декабре — помощник командира 6-го пехотного Талабского полка. Подполковник с 31. 07. 1919. Член группы Васильковского, до 1924 жил в Таллинне, после — в Пярну. Член и председатель Пярнуского русского общественного собрания. Арестован 12. 10. 1940 в Пярну.

Источники: ИАЭ. Ф. 4541. Оп. 1. Ед. хр. 29; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М. С. 58.

39. **Бремер Александр Александрович** (1889 – ?) — прапорщик. Сын полковника. Служил в л.-гв. Семеновском полку. В СЗА принят в 20-х числа мая 1919 во время наступления отряда полковника Палена, в результате которого были заняты Волосово, Кикерино и Елизаветино (официально зачислен в СЗА с 1. 07. 1919). Хутор Б. находился недалеко от станции Волосово; начальник станции эстонец Линберг порекомендовал его Родзянко как человека, знающего местность и население. Б. был прикомандирован к штабу корпуса. После ликвидации СЗА жил в Таллинне. В начале 1920-х работал агентом мыльной фабрики, имел связи в среде местного немецкого

- дворянства. В 1926 был избран заместителем члена совета старшин таллиннского Русского клуба. Член объединения семеновцев. Инвалид.
Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 173, 175–176; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 5185. Л. 49; Русский клуб // ПИ. 1926. 7 февр. № 30. С. 3; Бремер А. Моя первая встреча с полк. Ринк // ВД. 1937. 3 авг. № 206. С. 1; Волков С. В. *Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога*. М. 2002. С. 78.
40. **Брюнин Петр Евгеньевич** (16. 08. 1898, СПб. – ?) — юнкер. Служил в СЗА. Член Союза русских увечных воинов в Эстонии и член правления Союза северо-западников. Арестован органами НКВД в Нарве 14. 06. 1941 и решением трибунала от 12. 03. 1942 приговорен к 10 годам ИТЛ. Был в лагерях Сосьва (Свердл. обл.), Ершовка (Васюганск. р-н, Томск. обл.). Освобожден из лагерей 10. 04. 1944. Дальнейшая судьба неизвестна.
Источники: РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Лк. 41; РАЕ. Кд. 3. Tallinn, 2005. Лк. 338; Бойков В. А. *Архивные материалы о Союзе северо-западников // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии / Сост. В. А. Бойков. Вып. 3. Таллинн, 2004. С. 177.*
41. **Булгаков Сергей Николаевич** (1892 – ?) — инженер-механик мичман. Окончил Морское инженерное училище в 1914. В Первую мировую войну служил на кораблях Балтийского флота. В СЗА прибыл из Финляндии после 2. 06. 1919. В списке сокращенного состава Военно-Морского Управления СЗ фронта (на 18.12.1919) указан на должности заведующего ремонтной базой плавсредств. В эмиграции в 1920-х годах жил в Эстонии, состоял в Кассе взаимопомощи русских моряков.
Источники: *Материалы частного архива В. В. Верзунова.*
42. **Бурачек Апполон Павлович** (31. 03. 1882 – 06. 05. 1940, Таллинн) — капитан 2-го ранга. Из дворян, сын офицера. Окончил Морской корпус в 1900. Командир канонерской лодки «Бобр». Служил в СЗА. Член Кассы взаимопомощи моряков. Жена Мария Федоровна (урожд. Авелан). Похоронен 9 мая на Александро-Невском кладбище.
Источники: [Объявление] // ВД. 1940. 7 мая. № 101. С. 2; Волков С. В. *Офицеры флота и Морского ведомства*. М., 2004. С. 69.
43. **Буш Николай Николаевич** (? – 26. 09. 1924, Таллинн) — поручик. В СЗА служил в Георгиевском полку. Приказом по армии за № 469 от 31. 12. 1919 был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. После ликвидации СЗА жил в Таллинне, работал на фабрике Лютера. Похоронен на Коппельском лютеранском кладбище.
Источники: *Объявление // ПИ. 1924. 3 окт. № 255. С. 4; Бойков В. А. Наградные списки офицеров и военнослужащих Северо-Западной армии // Михайлов день 1-й: Журнал исторической России. Ямбург [Кингисепп], 2005. С. 253.*
44. **Быков Ефим Александрович** (13. 03. 1885, Иркутск – 15. 02. 1942, Усольлаг) — капитан. В 1904 окончил Сибирский кадетский корпус (Омск) и был переведен в Михайловское артиллерийское училище, которое окончил 30. 06. 1906 в чине подпоручика. Получил направление в 5-ую Восточно-Сибирскую горную батарею, где служил командиром взвода горного артиллерийского дивизиона до 1916 г. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия. Высочайшим приказом от 29. 03. 1915 штабс-капитан Е. Быков был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за то, что 1-го марта 1915 г., при атаке высоты 884, выдвинув свою полубатарею на линию стрелковых цепей, а сам, находясь впереди цепей под сильным ружейным и пулеметным огнем, командуя полубатареей, огнем которой весьма содействовал взятию некоторых важных пунктов неприятельской позиции, заставил замолчать три

пулемета, чем много способствовал уменьшению наших потерь; смелым выдвиганием и меткой стрельбой значительно поднял наступательный порыв нашей пехоты и, сопровождая ее до полного сближения с противником, оказал решительное содействие при взятии важной неприятельской позиции; на этой позиции взято было 6 пулеметов, 15 офицеров и 1 115 нижних чинов в плен, остальные бежали». Высочайшим приказом от 10. 11. 1915 капитан Е. Быков был награжден Георгиевским оружием «за то, что в бою 25-го января 1915 года у д. Ославица выдвинул свою полубатареею на линию передовых застав полка и, находясь под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника, своим метким огнем не допускал противника окапываться и тем безусловно способствовал успешному продвижению вперед двух полков и помог им утвердиться на занимаемых ими позициях». 1916–1917 — в чине капитана состоял преподавателем Петроградского Михайловского артиллерийского училища. В декабре 1917 с батареей курсантов был отправлен на фронт под Псков. В феврале 1918 с батареей вернулся в Петроград. С 1. 04. 1918 — преподаватель инструкторского отдела первых советских артиллерийских курсов (бывшее Михайловское артиллерийское училище; 2-я ленинградская Артиллерийская школа РККА). Июнь 1919 — на фронте под Выру. 25. 05. 1919 перебрасывается на нарвский фронт, где 6 июня под мызой Воронино был взят в плен. Был отдан под трибунал, но оправдан и зачислен в СЗА (с ноября 1919). В период 1920–21 служил в морской крепости на острове Аэгна. С января 1922 работал на заводе Лютера. Сначала простым рабочим, а потом начальником пожарно-охранной команды. Являлся членом общества «Белый крест», Общества помощи бывшим военнослужащим в Эстонии, Союза северо-западников, входил в состав правления общества «Витязь», был членом и одно время главой «Общества друзей русских скаутов в Эстонии». Арестован НКВД в Таллинне 23. 04. 1941.

Источники: Высочайшие награды // ПВ. 1915. 10 (23) апр. № 80. С. 1; 5 (18) дек. № 282. С. 1; ГАЭ. Ф. 14. Оп. 12. Ед. хр. 2246; ФГАЭ. Ф. 130. Д. 4206.

45. **Вагенгейм Александр Александрович** (19. 07. 1867 – 19. 08. 1927, Таллинн) — полковник. Окончил Севастопольско-Константиновское реальное училище и Одесское юнкерское училище. Офицером выпускается в 49-й пехотный Брестский полк, откуда 3. 02. 1893 в чине поручика переводится в 89-й пехотный Беломорский полк (Ревель), где состоял в должности полкового адъютанта. В 1903 в чине штабс-капитана переведен на укомплектование 2-го Финляндского стрелкового полка. В 1913 состоял в 197-м пехотном Лесном полку. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Последнюю начал в чине капитана и закончил в чине полковника; награжден орденами до Св. Анны 2-ой степени и Св. Владимира 4-ой степени. В СЗА состоял в инженерной дружине. После жил в Таллинне частными заработками. Похоронен 23 августа на Александро-Невском кладбище. В Эстонии проживали его жена и дочь.

Источники: Корвин-Пиотровский К. А. 89-й пехотный Беломорский полк. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 237; Список капитанам армейской пехоты по старшинству. СПб., 1914. С. 110; Н. Полковник А. А. Вагенгейм // НГ. 1927. 25 авг. № 129. С. 3.

46. **фон Валь Эдгар Оскарович** (?) — лейтенант. Офицер с 1892. В октябре 1917 уволен со службы на основании указа Правительствующему Сенату от 02. 10. 1917 с зачислением в Морское ополчение Эстляндии. Член Кассы взаимопомощи моряков.

Источники: Материалы частного архива В. В. Верзунова.

47. **фон Валь Эрнест Георгиевич** (Ernest Karl Woldemar; 26. 12. 1878, *им. Ассик* – 10. 10. 1949, *Фаллингбоистель*) — генерал-майор в отставке. Окончил Николаевский кадетский корпус (1897) и Николаевское кавалерийское училище (1899). В службе с 1. 09. 1897. Служил в л.-гв. Гродненском гусарском полку. После окончания Николаевской академии Генерального штаба (1905) окончил годовой курс Офицерской кавалерийской школы и командовал эскадрой л.-гв. Гродненского гусарского полка (7. 01. 1907 – 12. 01. 1909). Затем служил при штабе 23-й пехотной дивизии (до 6. 12. 1912) и штаб-офицером для поручений при штабе 24-го армейского корпуса. В чине полковника состоял на должности начальника штаба 12-й кавалерийской дивизии. Командовал 3-м уланским Смоленским Императора Александра III полком. Генерал-майор с декабря 1917. Награды: Св. Станислава 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени с мечами и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Был женат на Клеопатре Александровне Шидловской (1885–1914), Софье Дмитриевне Щербачевой (1894–1989) и Бените фон Нолькен (1896–1982). Автор многих книг по военной истории, выпущенных в Таллинне. Перед отъездом в Германию передал государственной библиотеке свою библиотеку, содержащую около тысячи книг.
- Источники:* *Список Генерального штаба. Прг., 1914. С. 516; ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 210. Л. 17; Райд Я. Г. Прибалтийские немцы в буржуазной Эстонии (1920–1940). Таллин, 1978. С. 110; Волков С. В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С. 89.*
48. **Вандам (Едрихин) Алексей Ефимович** (17. 03. 1867, *Минская губ.* – 16. 09. 1933, *Таллинн*) — генерал-майор. Настоящая фамилия — Едрихин. Родился в Минской губернии в многодетной семье солдата. В декабре 1884 поступает вольноопределяющимся третьего разряда в 120-й Серпуховский полк. 1886 — поступает в Виленское юнкерское пехотное училище. 7. 08. 1888 оканчивает училище по второму разряду. В чине подпрапорщика направляется в 117-й пехотный Ярославский полк. 7. 05. 1890 — производится в подпоручики. 1892 — медаль «За спасение погибающих» для ношения на груди на Владимирской ленте. 1897 — поступает в академию Генерального штаба. 1899 — заканчивает академию по первому разряду. Ноябрь 1899 — отправляется добровольцем на англо-бурскую войну. Корреспондент газеты «Новое время». 6. 05. 1900 — производится в штабс-капитаны. 17. 08. 1900 — прикомандирован к Главному интендантскому управлению. 1903 — помощник военного агента в Китае. 7. 11. 1906 — приписан к Генеральному штабу. 1907 — смена фамилии. 11. 01. 1908 — причислен к лейб-гвардии Гренадерскому полку для цензового командования ротой. С 7. 03. 1909 исполнял должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 13-го армейского корпуса (г. Смоленск). 29. 03. 1909 произведен в чин подполковника. 1912–1913 — выходят в свет его книги «Наше положение» и «Величайшее из искусств». Переводчик с французского и английского языков. 9. 12. 1913 — назначен в Киевский военный округ на должность штаб-офицера для поручений при штабе 10-го армейского корпуса, где встретил Первую мировую войну. 13. 11. 1914 — чин полковника. 3. 11. 1915 — назначен командиром 92-го пехотного Печорского полка. 24. 11. 1916 — начальник штаба 23-й пехотной дивизии. 22. 06. 1917 — произведен в генерал-майоры. За отличия в боях награжден орденами Св. Анны 3-й и 4-й степени с мечами и бантом, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. По представлению Георгиевской думы высочайшим приказом от 11. 04. 1915 был награжден Георгиевским оружием «за то, что, будучи старшим адъютантом штаба армии, во, во время боев на р. Сане, под сильным ружейным и

артиллерийским огнем, произвел разведку в районе с. Рудник, причем добытые им сведения существенно способствовали достижению успеха при овладении этой укрепленной позицией». С 29. 09. 1917 состоял в распоряжении начальника Генерального штаба. Накануне революционных событий 1917 уехал в Эстонию, под Ревель, в имение друга графа П. М. Стенбока, где находился до осени 1918. В октябре 1918 получил предложение возглавить формируемый при поддержке Германии добровольческий Псковский корпус. 12. 10. 1918 прибыл в Псков. 16. 11. 1918 — приказ о собственном увольнении с занимаемого поста по болезни. Некоторое время находился в Риге и Германии. 21. 06. 1919 — назначен исполняющим должность начальника штаба СЗА (утвержден в ней 28 августа). 25. 11. 1919 — приказом по СЗА был освобожден от занимаемой должности. После ликвидации СЗА жил в Таллинне. Состоял в Объединении георгиевских кавалеров в Эстонии, почетным членом таллиннского отдела Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, членом правления Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии и членом суда чести при нем. Состоял в РОВС'е, занимая должность начальника штаба эстонского отдела союза. Автор статьи «При недостатке снарядов», опубликованной в газете «Ревельский русский инвалид».

Источники: *Высочайшие награды // ПВ. 1915. 23 апр. (6 мая). № 91. С. 1; ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 89; Союз русских увечных воинов // НПИ. 1926. 20 окт. № 1. С. 3; Общество взаимопомощи бывших чинов русской армии // ВД. 1931. 20 окт. № 280. С. 1; Вандам А. Е. При недостатке снарядов // РРИ. 1930. Ноябрь. С. 2; Образцов И.В. Алексей Вандам: «Англия начнет войну лишь в том случае, если ей удастся вовлечь в нее Россию...» // Военно-исторический журнал. 2001. № 7. С. 66–72; Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 149–153.*

49. **Ванновский Глеб Михайлович** (05. 03. 1862 – 17. 10. 1943, Канны) — генерал-лейтенант. Окончил Пажеский корпус в 1882 и Николаевскую академию Генерального штаба в 1891. После окончания Пажеского корпуса был выпущен в 1-ю Конно-артиллерийскую батарею, затем был переведен в гвардейскую конную артиллерию. С 28. 10. 1893 — помощник старшего адъютанта штаба Московского военного округа. В 1893–94 командовал эскадром 3-го драгунского Сумского полка. Затем состоял в прикомандировании к Александровскому военному училищу для преподавания военных наук. С 6. 03. 1896 переведен в Главный штаб, где состоял на должности младшим делопроизводителем Военно-ученого комитета. С 17. 04. 1900 — военный агент в Японии; пробыл в Японии до начала Русско-японской войны, в которой принял участие: с 28. 08. 1904 состоял в распоряжении начальника Главного штаба, с 15 января 1905 в распоряжении командующего 3-й Маньчжурской армией, преимущественно курировал вопросы разведки. За боевые отличия был награжден Золотым оружием (1907). С 18. 04. 1906 — командир 37-го драгунского полка. 12. 04. 1908 был назначен командиром 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. 4 августа 1908 – командир 2-й бригады 13-й кавалерийской дивизии. 19. 07. 1914 был назначен командующим 5-й Донской казачьей дивизией, во главе которой провел почти всю войну. В сентябре 1914 одним из первых офицеров в Мировую войну был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В армии пользовался славой храброго кавалериста. Генерал-лейтенант с 21. 02. 1915 (со старшинством с 19. 07. 1914). С 18. 04. 1917 — командир 25-го армейского корпуса в составе 3-й армии. 7 июля был переведен в резерв чинов при штабе

Минского военного округа. 26. 07. 1917 был назначен командиром 42-го армейского корпуса 5-й армии. 31. 07. назначен командующим 1-й армией, управление которой было переброшено с Северного фронта в Буковину, а ее войска переданы в состав 5-й армии. Поддержал выступление Л. Г. Корнилова, за что был арестован и некоторое время содержался в Быховской тюрьме. Приказом от 9. 09. был отстранен от командования и зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. С конца 1917 по февраль 1918 служил в Добровольческой армии. В эмиграции в Эстонии. Читал в эстонских военных заведениях лекции по тактике кавалерии (с практическими занятиями) и по службе Генерального штаба. Для этих заведений им было составлено и напечатано учебное пособие «Записки по тактике» (Таллинн, 1923). Приказом военного министра освобожден от должности постоянного лектора эстонских военных учебных заведений с 1. 09. 1922. Состоял членом «Белого Креста» (на 11. 03. 1922). Из Эстонии выехал в конце 1920-х годов.

Источники: Хроника // ПИ. 1922. 14 марта. № 59. С. 4; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 207; ГАЭ. Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 141; ГАЭ. Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 1; ГАЭ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 31; *Kõrgem Sõjakool 1921–1931. Tallinn, 1931. Lk. 55; Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 104–105; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 68.*

50. **Васильев Евгений Петрович** (04. 01. 1881, СПб. – 16. 10. 1942, Колыма) — инженер-механик капитан 2-го ранга. Сын генерал-майора по Адмиралтейству. Окончил Николаевское морское инженерное училище в Кронштадте в 1905 и механический отдел Николаевской морской академии. Участник Первой мировой войны. До 1918 состоял на должности наблюдателя за постройкой военных кораблей на Русско-Балтийском заводе в Таллинне. В 1918–19 служил в механическом отделе Морского ведомства и читал лекции на курсах командного состава в бывшем Морском корпусе. В конце 1919 перебрался в Эстонию. Работал в Военном министерстве и патентным поверенным по делам изобретений и технических усовершенствований. Состоял в Кассе взаимопомощи моряков. После присоединения Эстонии к СССР был арестован 20. 07. 1940 и 15. 03. 1941 приговорен к 8 годам ИТЛ.

Источники: Бойков В. А. *Офицеры Балтийского флота, служившие на Балтике (биографические справки) // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 25–26; Материалы частного архива В. В. Верзунова.*

51. **Васильев Николай Васильевич (Леонидович?)** (1890? – ?) — полковник. Начальник охранного отдела штаба СЗА. До революции — жандармский ротмистр. Служил у Булак-Балаховича, потом у Юденича, затем в Балтийском батальоне. С 1920 работал на английскую разведку. Согласно постановлению от 9. 03. 1923, должен был быть выслан из страны, но, видимо, Эстонию не покинул. В июне 1927 вторично попал по доносу в поле зрения эстонской политической полиции.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 28. Л. 41 об.; Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 37.

52. **Васильковский Олег Петрович** (28. 10. 1879, Витебской губ. – 12. 06. 1944, Томск) — генерал-лейтенант. Из семьи казачьего офицера П. К. Васильковского и М. П. Вислоух-Крживоблоцкой. Окончил 2-й кадетский имени Петра Великого корпус в 1899 и Николаевское кавалерийское училище. Последнее закончил в 1901 с отличием в чине хорунжего. Служил в лейб-гвардии Казачьем полку. Во время Русско-Японской войны служил во 2-м Верхнеудинском казачьем полку. Награжден рядом наград, в том числе орденом Св. Георгия 4-ой степени и «Золотым оружием». В 1912 в честь

освобождения России от наполеоновских войск ему был пожалован Высочайший подарок — золотые часы с императорским гербом. 1913 — в честь 100-летия битвы под Лейпцигом великий князь Николай Николаевич пожаловал ему золотую саблю со своей монограммой, нанесенной золотом на клинке. С началом Первой мировой войны Васильковский подает рапорт о переводе его в действующую армию и получает назначение в 3-й Донской казачий полк, а 19. 08. получает во временное командование 19-й Донской казачий полк. 26. 08. его полк атаковал германские позиции и взял станцию Мукашев. За эту удачную операцию полк получил 319 солдатских георгиевских крестов и особую благодарность в приказе по 1-й армии. В феврале 1915 за бой под Праснышем и деревней Бартники Васильковский был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. За бой 2. 03 и взятие в плен двух рот немцев с четырьмя пулеметами был произведен в полковники и утвержден в должности командира полка. 11. 06. полк участвовал в битве с германской бригадой, в состав которой входили отборные 7-й Кирасирский и 8-й Уланские полки. Битва была кровопролитной и полк Васильковского потерял 18 офицеров из 24 и 179 казаков. Трофеями была взята 5-орудийная батарея и 4 пулемета. За этот подвиг полк получил особое монаршее благоволение, а Васильковский был произведен в генерал-майоры. За эту битву он также был награжден бельгийским орденом Св. Леопольда с мечами. Этот орден ему был вручен через бельгийского консула только в 1926 в Эстонии. 2. 09. он командовал уже бригадой, состоявшей из 19-го и 26-го Донских казачьих полков 4-й Донской казачьей дивизии. Во время Февральской революции находился в составе 12-й армии Радко-Дмитриева, который командировал его в Петроград, где Васильковский организовал Союз георгиевских кавалеров. 19. 07. был назначен на пост главнокомандующего Петроградского военного округа. После подавления «корниловского мятежа» был произведен в генерал-лейтенанты и отправлен в отставку. Затем принимал участие в формировании ударных частей, которые должны были прекратить развал армии. Принимал участие в антибольшевистском восстании в Ярославле в войсках генерала Карпова. После разгрома восстания Васильковскому удалось скрыться и прятаться в течении года. Неоднократно был арестован, но каждый раз его отпускали. В своих показаниях на следствии полковник Ф. И. Балабин, занимавший в 1917 должность помощника, а потом и начальника штаба Петроградского военного округа, отмечал: «Чтобы закончить характеристику офицерского окружения данного периода, необходимо сказать еще о ген. Васильковском. После смерти своего тестя А. Е. Губовича, он являлся фактически, распорядителем его суконного магазина в гостином дворе. В начале 1918 года магазин был опечатан и все усилия Васильковского были направлены к тому, чтобы путем подкупов, понемногу выбрать оттуда товар, что ему и удалось. Кроме того, он занимался скупкой бриллиантов и вообще драгоценностей. Как я уже указывал на одном из своих предыдущих показаний, после моего отъезда в деревню, какие-то драгоценности он частью зарыл в саду дома, где я жил (на Аптекарском), частью замуровал в стене подвала. Насколько знаю, зимой 1918–19 г. ему удалось эти драгоценности достать, после чего он бежал в Эстонию. Никакой полит.<ической> роли среди офицерства он не играл и никаким полит.<ическим> влиянием не пользовался. Будучи по натуре беспринципным карьеристом и корыстолюбцем, не брезговавшим для достижения целей никакими средствами, он настолько скомпрометировал себя среди офицерства, особенно гвардейского, что иметь с ним дело считалось ззорным. Действительно у Васильковского мне приводилось встречать

приказчиков из гостиного двора, каких-то комиссионеров и темных дельцов, но не офицеров и полит.<ических> деятелей. По полит.<ическим> взглядам он обрисовал себя кадетом. Всех ругал и обвинял в кознях против него. Любил себя сравнивать с «боярином в опале», добавляя, что придет время, когда его вспомнят и оценят. Однако он ошибся: за все время гражданской войны, кажется, никто из белогвардейских деятелей о нем не вспомнил и ответственной работы ему не предложил». 30. 08. 1919 бежал в Финляндию. В сентябре 1919 прибыл в Таллинн с намерением при поддержке английского генерала Марча возглавить СЗА, но был принят в штабе армии весьма подозрительно, и даже подвергнут обыску. 4. 10. 1919 вернулся в Финляндию. 20. 05. 1920 переехал в Эстонию, занялся сначала торговлей, а в 1921 открыл собственную мастерскую по ремонту иностранных морских судов. Почти сразу после прибытия в Эстонию, Васильковский становится белорусским представителем в Эстонии. В это же время он посещает министра А. Хеллата, где сразу же отмежевывается от всех русских генералов в Эстонии, давая им такие определения как «шваль» и «старые бабы». В 1923–1924 он женился на владелице торгового предприятия «Нептун», занимавшегося снабжением иностранных судов продовольствием, Л. А. Захаровой и объединил оба предприятия в одну фирму. Стремился играть ведущую роль среди русских военных и эмигрантов в Эстонии. С А. И. Ивановым, Б. Б. Бояринцевым и др. создал организацию Русское национальное объединение, которая занималась конспиративной и разведывательной деятельностью и сотрудничала с эстонской разведкой. В 1922 этой организацией были изданы две брошюры «В единении сила» и «Кто наш главный враг?». В декабре 1922 – январе 1923 ездил в Берлин и Прагу с целью заручиться поддержкой со стороны влиятельных монархических кругов. Постановлением министра внутренних дел Эстонии от 9. 03. 1923 за деятельность, наносящую вред государству, ему было предписано покинуть Эстонию. Высылка была заменена на ссылку в Пярну, откуда он был освобожден 5. 01. 1924. Осенью 1924 за его счет на могилах северо-западников на Коппельском кладбище было поставлено 45 новых деревянных крестов. В том же году он стал инициатором проведения встреч кавалеров ордена Святого Георгия Победоносца и Георгиевского оружия. На первом таком собрании он единогласно был избран главой георгиевских кавалеров в Эстонии. В 1925 на его деньги издавалась нарвская газета «Русский голос». В 1926 произошла его ссора с А. К. Баиовым, поводом для которой стала борьба за право быть избранным кандидатом от Эстонии на Российский зарубежный съезд. Конфликт не был улажен, что стало причиной раскола в среде русских военных в Эстонии. 27. 06. 1927 Васильковскому было предъявлено обвинение «в проявлении деятельности, угрожающей миру и безопасности Эстонского государства»; реально же вина Васильковского заключалась в укрытии у себя нелегально прибывшего из Ленинграда некоего Н. А. Вольского, который, вероятно, был одним из агентов Васильковского. По постановлению министра внутренних дел И. Гюнersona, Васильковский приговаривался к штрафу в 50 000 эстонских марок или одному месяцу тюрьмы и высылке из Эстонии. В результате Васильковский отсидел в тюрьме положенный срок и в августе был выслан на остров Хийумаа, откуда вернулся лишь летом 1928. Участвовал в создании Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. В 1930 избран его председателем, но по причине болезни Васильковского эту должность временно исполнял Л. Г. Аллик. В 1931 снова переизбран на пост председателя. В 1932 его сменил В. С. Афанасьев. В 1930 при поддержке Васильковского был организован Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в

Эстонии, председателем которого он являлся до закрытия союза в 1936. Был почетным филистром студенческой корпорации «Эргония». 28. 06. 1940 эстонской полицией был подвергнут обыску. 01. 07. 1940 был арестован органами НКВД в Таллинне. 09. 05. 1941 приговорен к расстрелу. 12. 08. 1941 по причине психического расстройства приговор был изменен на 10 лет ИТЛ.

Источники: Васильковский О. П. *Жестокая правда — лучше красивой лжи. Из воспоминаний ген. Васильковского* // ПИ. 1921. 9 июня. № 137. С. 2–3; *Хроника* // СС. 1921. 15 июля. № 73. С. 4; *Беседа с генералом О. П. Васильковским* // Кто наш главный враг? Таллинн, 1922. С. 9–31; Бакструб А. [Долль А.] *На братских могилах* // ПИ. 1924. 9 сент. № 234. С. 3; *Собрание инвалидов* // НЛ. 1925. 14 февр. № 19. С. 2; *Ответ «Русскому эмигранту»* // РГ. 1925. 3 июня. № 5. С. 2–3; И. Р. *Генерал-лейтенант О. П. Васильковский* // РГ. 1925. 27 июня. № 12. С. 3; Греков С. *Ген. О. П. Васильковский. 1915–VI–1925* // ПИ. 1925. 30 июня. № 145. С. 3; Б. Б. *Генерал-лейтенант О. П. Васильковский* // РГ. 1925. 1 июля. № 13. С. 1–2; Долль А. [Бакструб А. Г.] *Георгиевский праздник* // ПИ. 1925. 28 нояб. № 275. С. 3; *Васильковский О. П. Письмо в редакцию* // НЛ. 1926. 22 мая. № 40. С. 2–3; *Васильковский О. П. Письмо в редакцию* // СНЛ. 1926. 3 июля. № 72. С. 4; *Хроника* // Ч. 1926. 19 июля. № 32. С. 4; *Новая высылка русских эмигрантов* // ВД. 1927. 29 июня. № 171. С. 1; *Подробности причин высылки О. П. Васильковского и других* // ВД. 1927. 30 июня. № 172. С. 1; Мин. И. *Гюнерсон о высылке четырех* // ВД. 1927. 1 июля. № 173. С. 1; *Ген. Васильковский уезжает из Ревеля в четверг* // ВД. 1927. 9 авг. № 212. С. 1; *Собрание русск. инвалидов* // СНЛ. 1930. 6 мая. № 48. С. 2; *У русских инвалидов* // СНЛ. 1931. 2 июня. № 60. С. 2; Hellat A. *Tallinna raatuses ja Toompeal* // *Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt. Kõide II. Tallinn, 1930. Lk. 271–272*; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. Хр. 6855; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 14, 16 об., 42, 69, 141, 202; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 30; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966; ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 53; Бойков В. А. *Олег Петрович Васильковский* // *Эстония. 1995. 25 июля. № 166. С. 5*; Бойков В. *Честь имею...* // *Таллинн. 1998. № 10. С. 173–174*; Исаков С. Г. *Обзор Г. И. Тарасова «Русские в Эстонии. 1927»* // *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. VI. Рига, 2000. С. 114*; Меймре А. *«За веру, царя и отечество»: эпизод из деятельности русских монархистов в Эстонии* // *Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. СПб., 2002. С. 273, 277–280*; Бойков В. А. *Союз северо-западников* // *Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Сборник статей. Псков, 2004. С. 96–108*; Бойков В. А. *Архивные материалы о Союзе северо-западников* // *Труды РИЦЭ / Сост. В. А. Бойков. Вып. 3. Таллинн, 2004. С. 149–178*; *Последние страницы истории русской армии (документы и материалы Ленинградского дела)* // www.auditorium.ru/books.

53. **Введенский Константин Евгеньевич** (20. 05. 1885 – 19. 01. 1942, Уссольлаг) — капитан 2-го ранга. Окончил Морской корпус в 1904. Во время Первой мировой войны служил на Дивизии подводного плавания Балтийского флота. В сентябре 1918 был захвачен большевиками в заложники в Петрограде. В СЗА состоял на должности помощника начальника дивизиона бронепоездов. Эмигрировал в Эстонию. Член Кассы взаимопомощи моряков. Жил в Тарту. Участвовал в деятельности Русского просветительного общества в Тарту: входил в состав правления, избранного 12. 02. 1939; 1. 02. 1940 был избран старшиной историко-географического кружка общества; в течение 1939 прочитал несколько лекций по флотской тематике. Участвовал с докладом в акции, посвященной 25-летию начала Первой мировой войны. Был женат на дочери генерал-майора по Адмиралтейству Марии Петровне Васильевой.

После присоединения Эстонии к СССР был арестован в Тарту 12. 12. 1940. Решением трибунала от 28. 05. 1941 приговорен к 8 годам ИТЛ.

Источники: *Материалы частного архива В. В. Верзунова; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Лк. 622; Бойков В. А. Русское просветительное общество в Тарту // Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллинн, 1998. С. 62; Волков С. В. Офицеры флота и Морского ведомства. М., 2004. С. 81.*

54. **Ведерников Николай Владимирович** (21. 10. 1889 – 18. 08. 1953, Брюссель) — лейтенант. Окончил Морской корпус в 1910. Сын инженера-механика генерал-лейтенанта флота. В годы Первой мировой войны проходил службу на линкоре Балтийского флота «Андрей Первозванный». В декабре 1918 на эскадренном миноносце «Спартак» был захвачен англичанами в плен и перешел на службу в качестве офицера-инструктора в ВМС Эстонии. 18. 06. 1919 по личной просьбе переведен в СЗА. Принимал участие в походе на Петроград. В Эстонии проживал до 1927. Состоял в Кассе взаимопомощи моряков. После уехал во Францию, откуда после Второй мировой войны переехал в Бельгию.

Источники: *Материалы частного архива В. В. Верзунова.*

55. **Вейгелин Георгий Евгеньевич** (08. 02. 1886, Ревель – весна 1945) — старший лейтенант. Образование получил в Неплюевском кадетском корпусе в Оренбурге. Окончил Морской корпус в 1907, после чего получил назначение на Дальний Восток, в Сибирскую флотилию, где с 1908 по 1910 принял участие в заграничном плавании крейсера 2-го ранга «Жемчуг». После командовал миноносцами «№205», «№211» и «Лейтенант Малеев». В 1910 был вахтенным начальником и штурманским офицером транспорта «Таймыр» совершил двухмесячный переход в район северного берега мыса Дежнева. В 1914 закончил Николаевскую морскую академию. Проходил службу на кораблях 2-й Минной дивизии Балтийского флота. Командовал посыльным судном «№222», состоял на должности старшего офицера на минном заградителе «Волга». В ноябре 1916 переведен на Дивизию подплава с назначением командиром на достраивавшуюся в Ревеле подводную лодку «Тур». На ней совершил три выхода на боевые позиции. После октября 1917 демобилизовался в Гельсингфорсе. В декабре 1918 поступил на службу в ВМФ Эстонии и был назначен командиром канонерской лодки «Lembit». Одновременно состоял в качестве военного советника при командующем эстонского ВМФ адмирале Й. Питка. Участвовал в боях с большевиками. Командовал захваченным эскадренным миноносцем «Автроил». 18. 06. 1919 был переведен в СЗА, где командовал бронепоездом «Адмирал Колчак», одним из батальонов Печорского полка и ротой тяжелых танков в отдельном танковом батальоне. За отличия был награжден орденом СВ. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. За участие в Освободительной войне был награжден эстонским правительством Крестом Свободы II разряда 3-й степени «За храбрость». С 1929 находился на государственной службе в Управлении водных путей. Был одним из членов-учредителей Кассы взаимопомощи моряков. В Эстонии выпустил книгу «Памятка о морали и психологии: Из поучений военных авторитетов» (Таллинн, 1929). В 1939 уехал в Германию. С началом Второй мировой войны был мобилизован сначала на строительство оборонительных сооружений, потом в фольксштурм. Погиб в последние месяцы войны в Польше, под Путцигом.

Источники: *Материалы частного архива В. В. Верзунова.*

56. **фон Веймарн Александр Константинович** (Alexander Konstantin Peter) (03. 06. 1892, Гельсингфорс – ?) — поручик лейб-гвардии Преображенского полка.

Сын камергера К. К. ф. Веймарна. Окончил факультет естественных наук С.-Петербургского университета. Во время первой мировой войны был призван в армию в л.-гв. Преображенский полк. 8. 01. 1917 в Петрограде женился на графине Татьяне фон Сиверс. С 1919 служил в Балтийском полку. Сын Вадим родился 15. 06. 1918, сын Александр — 26. 04. 1920. Состоял членом Общества помощи русским военнослужащим в Эстонии. В 1939 уехал в Германию.

Источники: ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 213. Л. 16 об.; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л.102.

57. **фон Веймарн Константин Константинович** (Konstantin Wilhelm August) (12. 07. 1866, Рига – 08. 11. 1844, Познань) — офицер л.-гв. Преображенского полка. В службе с 1883. Офицер с 1885. Действительный статский советник, камергер. Жил в Эстонии. В 1927 был избран председателем совета старейшин таллиннского Русского клуба. Состоял членом Общества помощи русским военнослужащим в Эстонии. В 1939 уехал в Германию.

Источники: В Русском клубе // ВД. 1927. 23 июля. № 195. С. 2; ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 213. Л. 16 об.; *Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710-1960. Köln; Wien, 1970. S. 862; Волков С. В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М, 2002. С. 93.*

58. **Верцинский Леонид Александрович** (02. 07. 1899, Ревель – ?) — подпоручик. Окончил 1-й кадетский корпус и краткосрочный курс Николаевского инженерного училища. В чине прапорщика выпущен в 18-й инженерный полк XVIII-го армейского корпуса. 15. 09. 1917 произведен в подпоручики. Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В Эстонии с 1922.

Источники: ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 6635.

59. **Верцинский Николай Александрович** (04. 01. 1867, Ревель – ?) — штабс-капитан. Окончил Псковский кадетский корпус и петербургское Владимирское военное училище. В службе с августа 1886. Подпоручик с 10. 08. 1888, поручик с 1892, штабс-капитан с 1916. Служил в 89-м пехотном Беломорском полку младшим офицером и адъютантом батальона. В мае 1894 подал в отставку. Работал таможенным служащим в Ревеле и Петербурге. В 1914 был призван в армию, в 308-й Друкшинский полк (?), где исполнял обязанности командира роты до 30. 10. 1917. Награды: ордена Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 3-й и 2-й степени. В эстонской армии служил с марта 1920 старшим офицером 2-й роты 7-го пограничного батальона. В июле 1920 был понижен в должности до младшего офицера 2-й роты. В сентябре переведен в 1-ю роту младшим офицером. 22. 11. 1920 уволен со службы по старости.

Источники: ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 6636.

60. **Верцинский Эдуард Александрович** (05. 01. 1873, Ревель – 17. 04. 1941, Ленинград) — генерал-майор. Закончил 1-й кадетский корпус, 1-ое военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба (1900) по 1-му разряду. Служил в л.-гв. Кексгольмском полку. После окончания Академии был определен на должность старшего адъютанта 2-го кавалерийского корпуса (26. 11. 1900 – 5. 11. 1903). До 4. 08. 1904 был прикомандирован к Чугуевскому пехотному юнкерскому училищу для преподавания военных наук. Столоначальник Главного штаба по 4. 06. 1905. Затем исполнял должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 1-го Сибирского армейского корпуса. Участвовал в Русско-японской войне 1904–05. За отличия награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и Георгиевским оружием. С 21. 05 по 30. 09. 1907 командовал

батальоном в 85-м пехотном Выборгском полку. С 3. 05 по 4. 07. 1908 был временно прикомандирован к артиллерии. До 13. 08. 1910 состоял штаб-офицером при штабе 18-го армейского корпуса, после чего был назначен начальником штаба Гвардейской стрелковой бригады (до 2. 09. 1914). Генерального штаба генерал-майор с 7. 11. 1914. Во время Мировой войны командовал 145-м пехотным Новочеркасским полком и л.-гв. 2-м стрелковым Царскосельским полком (22. 01. 1915 – 7. 09. 1916). С 19. 02. по 10. 06. 1917 — начальник штаба 18-го армейского корпуса. С 10. 06 по 15. 07. 1917 — начальник штаба 8-й армии. С 15. 07. до августа 1917 — командовал Гвардейской стрелковой дивизией (бывшая бригада). С августа 1917 до января 1918 — в резерве чинов Петроградского военного округа. С 31. 01. 1918 — первый обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба. С 25. 02. до 15. 03. 1918 — первый генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба. До 13. 07. 1918 числился в распоряжении начальника Генерального штаба, после чего вышел в отставку. За время службы в российской императорской армии был награжден: орденами Св. Станислава 1-й, 2-й и 3-й степеней с мечами, Св. Анны 1-й, 2-й с мечами и 3-й степени с мечами и бантом, Св. Владимира 3-й степени с мечами и 4-й степени с мечами и бантом, Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. Еще 1. 05. 1918 открыл табачную лавку, которая просуществовала до 1921. В конце 1921 получил эстонское гражданство, но выехать в Эстонию не удалось, т. к. весной 1922 он был арестован по обвинению в посещении представительства Эстонии в Петрограде. Три с половиной месяца провел в тюрьме по обвинению в продаже золотых и серебряных вещей. 2. 08. 1923 переехал в Эстонию. В конце 1923 обратился к военному министру А. Андеркоппу с просьбой о принятии на службу в эстонскую армию, но ему было отказано ввиду незнания эстонского языка. В течение 1924 опубликовал 5 статей в журнале «Sõdur». 27. 01. 1925 обратился повторно с прошением о принятии на службу к военному министру Я. Соотсу, но и в этот раз ему было отказано. До 1925 жил случайными заработками, в частности, торговал луком. В 1925 устроился на должность агента Северного страхового общества, в качестве подработки занимался сбором объявлений в газеты, а также распространением лотерейных билетов. В 1925-26 вошел в Объединение л.-гв. Кексгольмского полка. Поскольку Объединение входило в РОВС, то он вошел и в него. Еще 2. 01. 1917 общество офицеров л.-гв. 2-го стрелкового Царскосельского полка присвоило Верцинскому почетное звание «Основателя Общества вспомоществования Царскосельских стрелков». 1. 01. 1931 Верцинский возродил общество в эмиграции. Также входил в состав Общества помощи бывшим русским военнослужащим (председатель с 1935 по 1940), Объединения чинов 18-го армейского корпуса (с 1937), комитета «Дня русского инвалида» (с 1935 — заместитель председателя). Арестован органами НКВД в Таллинне 29. 07. 1940. Решением трибунала от 24. 02. 1941 приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение.

Источники: *Список Генерального штаба. Пгр., 1914. С. 356; ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 6636; ФГАЭ. Ф. 130. Д. 11566 (в 2-х тт.); Верцинский Э. А. Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917–1918 года. Таллинн, 1929; Архив и музей л.-гв. 2 стр. Царскосельского п. Ревель. 37 марта 1931. Сводка № 4. С. 2; Верцинский Э. Общій список по старшинству командиров и офицеров лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка и батальона. Литография: G. Döläu, Nõmme, 1938. С. 7; PAE. Kd. 1. Tallinn, 1996. Lk. 605; Генерального штаба генерал-майор Э. А. Верцинский //*

Михайлов день 1-й. Журнал исторической России. Ямбург [Кингисепп], 2005. С. 136–140.

61. **Вешняков Януарий Сергеевич** (20. 07. 1869 – 30. 10. 1937, *Сантьяго*) — генерал-лейтенант. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Офицерское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию (1895). Служил во 2-й резервной артиллерийской бригаде, командовал батареей. Затем служил в л.-гв. 1-й артиллерийской бригаде. С 1913 командовал л.-гв. Мортирным артиллерийским дивизионом. В 1915 командовал 29-й артиллерийской бригадой. С 31. 03. 1917 — инспектор артиллерии 20-го армейского корпуса. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени 8 (21). 02. 1915 «за то, что отлично и искусно руководил блестящими действиями дивизиона в боях под Ивангородом, прием под сильнейшим огнем вблизи от неприятельских цепей лично руководил и корректировал стрельбу дивизиона в течение всего боя у Сарнова 12-го и 13-го октября 1914 года, сильно поддержал наступление лейб-гвардии Преображенского полка и помог выбить противника из занимаемой сильнейшей позиции». За отличие в делах против неприятеля высочайшим приказом от 27. 07. 1915 был произведен в генерал-майоры со старшинством с 30. 1. 1914. Высочайшим приказом от 26. 03. 1916 был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами. Во время Гражданской войны служил в СЗА. Местом жительства в Эстонии выбрал Тарту, где с 10. 03. 1921 служил во 2-й дивизии на должности технического инспектора. Был вынужден покинуть ряды эстонской армии по сокращению штатов. Пользовался уважением своих сослуживцев, которые по случаю его ухода преподнесли ему памятный подарок. Являлся основателем и первым председателем правления Тартуского отдела Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Был одним из организаторов и самым активным работником постройки памятника русским воинам, погибшим во время Мировой войны 1914–1917. В Южную Америку (Чили) уехал в конце апреля 1927. В день его отъезда в Успенском соборе был отслужен молебен. На проводы пришло большое число представителей русской общественности города Тарту. В Чили обосновался в Монтевидео. Там ему была предложена служба на военно-артиллерийском заводе на должности специалиста-инструктора. Основал Союз русских офицеров в Чили, был его председателем. Создал в Сантьяго Русскую библиотеку, которая после его смерти носила его имя.
- Источники:* ГАЭ. Ф. 495. Оп. 2. Ед. хр. 63. Л. 347-348; *Список полковникам по старшинству.* СПб., 1914. С. 230; *Высочайшие награды // ПВ.* 1915. 8 (21) февр. № 31. С. 1; *Высочайшие награды // ПВ.* 1915. 7 (20) июля. № 148. С. 1; 1916. 16 (29) апр. № 84. С. 1; *Отъезд ген. Я. С. Вешнякова в Чили // ВД.* 1927. 1 мая. № 115. С. 2; *Макс. Приготовление к открытию памятника павшим воинам на братском кладбище в Юрьеве // НГ.* 1927. 3 июня. № 62. С. 3; *Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1997 / Составитель В. Н. Чуваков. Том 1: А–В. М., 1999. С. 554; Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 812.*
62. **Видякин Владимир Константинович** (12. 07. 1892, *Пермская губ.* – 1945) — полковник, начальник штаба 1-го стрелкового корпуса СЗА, член РОВСа и Союза северо-западников, возглавлял организацию русских скаутов в Эстонии. Занимался лесозаготовками и строительными работами. На момент получения нансеновского паспорта 8. 02. 1924 проживал в Пярну. Дочь — Ирина (род. 1924). Видимо, по делам работы часто ездил в Латвию. Из Эстонии уехал 2. 11. 1939 вместе с семьей на пароходе «Der Deutsche». Погиб в Польше, под городом Познань.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 6906; *Вчера из Эстонии уехало еще 1130 немцев* // ВД. 1939. 3 нояб. № 251. С. 2; Плюханова М. С. *Мне кажется, что мы не расставались...* Таллинн, 1999. С. 26; Андреев Н. Е. *То, что вспоминается. Том II.* Таллинн, 1996. С. 303; Исаков С. Г. *Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.). Словник. Изд. 3-е, испр. и доп.* Таллинн, 2006. С. 41.

63. **Витальев Василий Митрофанович** (? – 10. 02. 1924, Таллинн) — подполковник, военный инженер. Причина смерти — инфаркт миокарда.

Источники: [Объявление] // ПИ. 1924. 12 февр. № 40. С. 1.

64. **Витгефт Александр Вильгельмович** (28. 07. 1879 – 29. 08. 1965) — капитан 1-го ранга. Сын контр-адмирала В. К. Витгефта (1847 – 1904). Окончил Морской корпус в 1899. Участник сражения с японским флотом в Цусимском проливе (14 – 15. 05. 1905). После возвращения из японского плена служил на Балтийском флоте. Командовал эсминцем «Летучий» (1911 – 1912), потом был старшим офицером на минном заградителе «Енисей». На начало Мировой войны находился на должности флагманского минного офицера Штаба начальника 2-ой Минной дивизии (1913 – 1915). Командовал перестроенным из германского коммерческого судна заградителем «Урал». За отличия в боях с германским флотом был награжден несколькими орденами, в том числе Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (23. 03. 1915). В СЗА первоначально заведовал радиостанцией Морского отдела СЗА, затем возглавлял таллиннское отделение Военно-морского управления армии. Член Кассы взаимопомощи моряков. В 1939 уехал в Германию, где после Второй мировой войны много лет был официальным представителем Общества офицеров императорского флота в Америке. Автор «Воспоминаний младшего офицера эскадренного броненосца «Сисой Великий».

Источники: Материалы из частного архива В. В. Верзунова; Бойков В. *История одной легенды* // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. VII. Вильнюс, 2002. С. 246.

65. **Владыкин-Валь Александр Иванович** (1890 –?) — ротмистр. В 1925 эстонской разветкой перебрасывался в СССР. После возвращения им была написана книга «Тайна и кровь». Работал шофером в Военном училище. Арестован 20. 08. 1940 в Таллинне. Приговор трибунала от 17. 02. 1941 — расстрел.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28198. Л. 33; РАЕ. Кд. 2. Tallinn, 1998. Lk. 590.

66. **Волков Василий Константинович** (? – 9. 12. 1929, Таллинн) — полковник. Похоронен 11 декабря на Александро-Невском кладбище.

Источники: [Объявление] // ВД. 1929. 11 дек. № 337. С. 2.

67. **Волков Виталий Степанович** (25. 10 1897, Вильно – 14. 06. 1942, Соликамск) — прапорщик (до 1917). Учился в Николаевском инженерном училище (не окончил). Служил в 35-й отдельной телеграфной роте при Временном правительстве. С ноября 1918 служил в гетманских войсках. В декабре 1918 арестован петлюровцами, затем интернирован в Германию. Был переправлен в Ригу в отряд князя А. П. Ливена. Вместе с дивизией был переброшен под Нарву и принял участие в составе СЗА в наступлении на Петроград. Член Братства Русской Правды в Нарве. Представитель Объединения Ливенцев в Нарве. Арестован органами НКВД в Кивиыли 25. 04. 1941. Решением трибунала от 22. 04. 1942 приговорен к расстрелу.

Источники: ФГАЭ. Ф. 130. Д. 9056-э; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Lk. 619; Волков С. В. *Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны.* СПб.; М., 2003. С. 370.

68. **Волков Сергей Иванович** (08. 08. 1886, *Кронштадт* – 07. 1941) — лейтенант. Окончил Морской корпус в 1906 и ушел в запас. Затем служил в Архангельском дисциплинарном полуэкипаже с 1907 по 1909 и в Партии траления во Владивостоке. В 1912 перешел в отряд судов Отдельного корпуса Пограничной стражи на Балтийском море. С началом Первой мировой войны зачислен обратно во флот, произведен в лейтенанты (03. 08. 1914) и назначен старшим офицером на парусное судно «Абрек». В 1916 назначен командиром «Абрека». Затем командовал сторожевыми кораблями «Коршун» и «Кондор». С началом Гражданской войны на северо-западе России прибыл в Таллинн и по рекомендации капитана 2-го ранга Г. Э. Зальца был зачислен в ВМС Эстонии. Некоторое время исполнял обязанности артиллерийского офицера-инструктора на минном крейсере «Leppik», потом командовал ротой Морского десантного батальона. Участвовал в боях под Орава и Печорами. 18. 06. 1919 переведен в СЗА. После ликвидации СЗА проживал в Эстонии. Принял эстонское гражданство. Работал на торговых парусных судах. Состоял в Кассе взаимопомощи моряков. С приходом советской власти был арестован. Погиб в конце июля 1941 при налете германской авиации на поезд, перевозивший заключенных из таллиннской тюрьмы в Ленинград.
Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 70; Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 238 об.; *Материалы частного архива В. В. Верзунова.*
69. **Воробьев Иван Иванович** (1880, *Киев* – 12. 02. 1943, *Ужлаг, Горьковская обл.*) — полковник по Адмиралтейству. Окончил трехгодичное Морское училище в Одессе с получением звания капитана дальнего плавания. Офицер с 1901. В 1902 назначен штурманом на транспорт «Вежа». В том же году уволен в запас. С 1902 по 1914 служил по ведомству торгового мореплавания старшим надзирателем в портах. В 1914 мобилизован в армию в чине прапорщика. До 1919 служил заведующим плавучими средствами торгового порта Архангельска. В апреле 1919 бежал в Норвегию. До 1927 работал в Норвегии и Германии. В мае 1927 переехал в Эстонию. Работал руководителем по подъему затонувших судов и в финской торговой фирме агентом по сбыту. С 1929 состоял в Кассе взаимопомощи моряков. Арестован органами НКВД в Пярну 23. 04. 1941 и приговорен к 5 годам ИТЛ.
Источники: Бойков В. А. *Офицеры Балтийского флота, служившие на Балтике (биографические справки) // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 26–27; Материалы частного архива В. В. Верзунова; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Lk. 621.*
70. **Воронов Николай Захарович** (29. 01. 1894, *СПб.* – ?) — офицер. В службе с 1915 г. Служил в СЗА. Один из основателей и член правления (1926–1928) Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Служил в эстонской политической полиции. Занимался переброской агентов в СССР.
Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 195. Л. 99; *Письмо в редакцию // НЛ. 1925. 21 февр. № 22. С. 3; Годовое общее собрание Союза инвалидов // СНЛ. 1926. 11 мая. № 50. С. 2; Годичное собрание инвалидов // ННЛ. 1927. 17 мая. № 38. С. 3; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26756. Л. 72.*
71. **Вяткин Александр Алексеевич** (26.08.1859 – 30.03.1933) — капитан 2-ого ранга. Родился в семье коллежского асессора в Санкт-Петербурге. Окончил Морской корпус в 1879. В период Первой мировой войны находился в отставке. В СЗА зачислен с 1. 05. 1919. Участвовал в боях под Петроградом. После окончания военных действий первое время проживал в Таллинне. Состоял членом Кассы взаимопомощи моряков. Умер в Нарве и похоронен на Ивангородском православном кладбище.

Источник: Незабываемые могилы // Часовой. 1934. 15 июня. № 128. С. 31; Материалы частного архива В. В. Верзунова.

72. **Гаврилов Дмитрий Андреевич** (1896 – 08. 05. 1942) — старший унтер-офицер. Служил в императорской армии и СЗА. Окончил начальную школу в Ямбурге. В армии с 1915. В 1918 был мобилизован в Красную армию, во 2-ой Московский революционный полк. Признан не годным к строевой службе и переведен в хозяйственную часть. В ноябре 1918 полк был переведен на псковский фронт и переименован в 48-й стрелковый. Г. служил полковым фуражиром. В октябре 1919 ушел к себе домой, где был мобилизован белыми в 5-й Островский полк. Был болен тифом и месяц провел в 5-ом Русском госпитале на Суконной фабрике. В 1920–30-е жил в Нарве, работал бракером на лесосплаве Кренгольмской мануфактуры. Член Союза русских увечных воинов и Союза северо-западников. Арестован органами НКВД в Нарве 13. 05. 1941 и решением трибунала от 19. 12. 1941 приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 17556; РАЕ. Кд. 2. Tallinn, 1998. Лк. 59.

73. **фон Гагемейстер Александр Юльевич** (? – после 1929) — ротмистр. Окончил 3 класса Александровского лицея. Служил в л.-гв. Конной артиллерии. В СЗА в декабре 1919 — командир 4-го эскадрона Конно-Егерского полка. После расформирования армии жил в Таллинне.

Источники: Волков С. В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М, 2002. С. 116.

74. **фон Гагемейстер Вернер Юльевич** (31.12.1890 – 02.07.1964, Гамбург) — старший лейтенант. Окончил Морской корпус в 1913. Офицер Гвардейского экипажа (зачислен 12.05.1914). В годы Первой мировой войны служил на Балтийском море. В СЗА был переименован в штабс-ротмистры и находился на должности начальника саперной команды Конно-Егерского полка. За боевую деятельность в период второго похода на Петроград награжден орденом Св. Анны 3-ей степени с мечами и бантом (09.11.1919). После ликвидации СЗА проживал в Эстонии. Состоял членом Кассы взаимопомощи моряков и с 1930 года — членом Объединения офицеров Гвардейского Экипажа. В 1939 выехал в Германию. Умер и похоронен в Гамбурге.

Источники: Материалы частного архива В. В. Верзунова.

75. **Галахов Леонид Иванович** (19. 07. 1861 – 16. 01. 1935) — полковник. Бывший командир 330-ой Эстляндской дружины. Погребен на Александро-Невском кладбище 19 января.

Источники: [Объявление] // ВД. 1935. 18 янв. № 16. С. 2.

76. **Гаусман Евгений Николаевич** (20. 09. 1886, Выру – ?) — поручик, инженер. Поручик с 25. 01. 1917 г. В 1919 работал в отделении транспорта инженерных работ 7-й Красной армии. В 1919–1921 был арестован. По оптации приехал в Эстонию в 1922 и поселился в Йыхви. Работал на сланцевых разработках. Был женат на приемной дочери протоиерея А. Мянника. По его проекту в Йыхви было сооружено несколько зданий. Занимался изготовлением игрушек, которые через несколько лет стали выставлять в Таллинне, Тарту, Нарве, Вильянди и Йыхви. 8 раз получал первую премию. От производства игрушек вскоре перешел к изготовлению карнавальных шапочек. В Таллинне проживал с 1933. Член Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, куда был принят по рекомендации Б. В. Энгельгардта. Арестован органами НКВД в Таллинне 20. 08. 1940. Приговорен к 10 годам ИТЛ. Дальнейшая судьба неизвестна.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л. 127 об., 166; Беседа с инженером Е. Гаусманом // ВД. 1936. 17 февр. № 39. С. 2; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Лк. 72;

Бойков В.И. Л. Солоневич и Эстония //Труды РИЦЭ. Вып. 1 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2001. С. 88.

77. **Гебауэр Бернгард Фердинандович** (12/24. 08. 1880 – 18. 09. 1939, Таллинн) — полковник. До Мировой войны служил во 2-м Восточно-сибирском саперном батальоне. Работал на Таллиннской мануфактуре, филателист. Похоронен 20 сентября на Коппельском немецком кладбище.

Источники: Общій список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб., 1909. С. 755; [Объявление] // ВД. 1939. 19 сент. № 213. С. 2.

78. **Гебауэр Фердинанд Фердинандович** (10.03.1891, Каменский завод, Пермск. губ. – 1973 или 1974) — лейтенант. Первоначальное образование получил в Ревельском Домском Рыцарском училище, которое окончил в 1910 году. В 1913 окончил Морской корпус. Во время Первой мировой войны проходил службу на Балтийском флоте. До лета 1916 в должности вахтенного начальника находился на 7-ом дивизионе эсминцев 1-ой Минной дивизии Балтийского флота, затем был назначен штурманом на английскую подводную лодку «С-26». В июне следующего года арестован морской контрразведкой в Петрограде по подозрению в шпионаже в пользу Германии. После освобождения из под стражи зачислен в резерв чинов флота и в последующем переведен в Сибирскую флотилию (05.09.1917). По прибытии на Дальний Восток определен штурманским офицером на транспорт «Шилка», на котором после сдачи его в аренду частному лицу находился в плавании по портам Тихого океана. В начале 1919 на том же судне с грузом для врангелевских войск пришел в Одессу. Там добровольцем поступил в белый Черноморский флот и до конца обороны Крыма командовал тральщиком «Баклан». В 1920-1921 плавал в Средиземном море помощником капитана на амер. пароходе «Lake Farley» (U.S. Shipping Board). Потом работал на частных судовладельцев в Эстонии. Жил в Таллинне и состоял членом Кассы взаимопомощи русских моряков. Осенью 1939 вместе с семьей переселился в Германию, где с началом Второй мировой войны был призван в военно-морской флот. В чине капитан-лейтенанта первоначально служил на быстроходных катерах, затем получил назначение на должность заведующего газо-воздушной обороной архипелага при штабе морского начальника Додеканеса (Греция). После крушения третьего рейха до августа 1948-ого находился в плену в Египте. Освободившись, вернулся в Западную Германию. Проживал в Дюссельдорфе и до выхода на пенсию в 1957 служил в статистическом отделении городского самоуправления. Похоронен на местном кладбище.

Источники: Материалы частного архива В. В. Верзунова.

79. **Гейман Лазарь Карлович** (29.01.1875, Херсонская губ. – 14.08.1940) — статский советник (1917), морской врач. В службе во флоте с 1901. Ординатором госпитального судна «Орел» участвовал в походе эскадры вице-адмирала З.П. Рожественского во время Русско-японской войны (1904 – 1905). Награжден орденом Св. Владимира 2-ой степени с мечами (22.12.1908). По возвращении в Россию назначен флагманским врачом на Отряд подводных лодок в Либаве (1905). Офицер подводного плавания по первому списку (07.12.1907). В годы Первой мировой войны в должности флагманского врача находился на Дивизии подводных лодок Балтийского моря. После октябрьского переворота — в белых войсках Северо-Западного фронта. Принимал участие и в первом и во втором наступлениях на Петроград. В эмиграции проживал в Эстонии. Был членом Высшего монархического совета и состоял в Кассе взаимопомощи бывших моряков. Умер и похоронен в Таллине.

Источники: Материалы частного архива В. В. Верзунова.

80. **фон Геннингс Георгий Августович** (18.07.1896, *Ревель* – 17.05.1972, *Фленсбург*) — мичман. Окончил Морской корпус в 1916. Во время Первой мировой войны проходил службу вахтенным начальником на линкоре «Гангут». Участвовал в Ледовом походе кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт и до начала следующего года оставался в составе красного флота. После окончания краткосрочных курсов исполнял на «Гангуте» обязанности 2-ого штурманского офицера. В феврале 1919 бежал из России в Финляндию, откуда в дальнейшем выехал в Ревель. В Эстонии добровольцем поступил в Отдельный корпус Северной армии (17.03.1919). В период весеннего наступления на Петроград принимал участие в боях с отрядами красных войск в качестве флагманского штурмана, затем помощника начальника Русской речной (Наровской) военной флотилии. После перехода к белым посыльного судна «Китобой» был назначен на него старшим штурманским офицером. В этой должности числился и в списках сокращенного состава Военно-морского управления СЗА (на 18.12.1919). С окончанием боевых действий на Северо-Западе перешел на службу в вооруженные силы Эстонии. В середине 1930-х годов являлся одним из ведущих гидрографов эстонского ВМФ. Одновременно состоял в Кассе взаимопомощи русских моряков. Осенью 1939 в чине капитан-майора подал в отставку и вместе с семьей выехал на жительство в Германию. Там вскоре был призван в военный флот и зачислен консультантом в отдел планирования операций в восточной части Балтийского моря. На пенсии с 1951. Умер во Фленсбурге, где и проживал в последнее время.

Источники: Материалы частного архива В. В. Верзунова.

81. **фон Геннингс Эдуард Александрович** (14. 11. 1853, *Ревель* – 18. 07. 1927, *Таллинн*) — полковник в отставке. В 1874 был произведен в офицеры и выпущен в 100-й пехотный Островский полк (Двинск). Потом был переведен в один из гвардейских стрелковых полков. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–78. За боевые отличия был награжден орденом Св. Анны 4-ой степени. В 1883 был переведен в 89-й пехотный Беломорский полк (Ревель) с производством в штабс-капитаны. В этом полку Г. командовал 1-й ротой. В 1894 произведен в подполковники с переводом в 91-й пехотный Двинский полк (Ревель). До Русско-японской войны вышел в отставку с производством в полковники. С тех пор жил вместе с семьей в Ревеле. Давал уроки музыки (неплохо играл на духовых инструментах) и занимался торговлей газетами. Адрес в Таллинне: Русско-Балтийский завод, дом № 123, кв. 13. Болезнь ног и старческое бессилие последнее время не давали ему возможности торговать газетами. Покончил жизнь самоубийством, бросившись под трамвай. Причина – безвыходное материальное положение. Смерть наступила мгновенно – перелом позвоночника и исковеркана правая рука. В шинели найдено предсмертное письмо, в котором он просил помочь материально его больной жене, т. к. он уже не в состоянии этого сделать сам. Похоронен 21 июля на Коппельском лютеранском кладбище.

Источники: Корвин-Пиотровский К. А. 89-й пехотный Беломорский полк. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 238; А. Б-б. Трагедия полковника Геннингса // НГ. 1927. 19 июля. № 97. С. 4; [Объявление] // НГ. 1927. 20 июля. № 98. С. 4; Эдуард Александрович Геннингс // НГ. 1927. 23 июля. № 101; С. 2 В. Волгин. На русском офицере терновый венец // ННЛ. 1927. 23 июля. № 55. С. 1.

82. **Георг Федор Александрович** (16. 09. 1871, *Ревель* – не ранее 1941) — генерал-майор. Сын титулярного советника. Окончил Юрьевскую гимназию в 1889, Виленское пехотное юнкерское училище в 1893. Служил в 89-м пехотном Беломорском полку с января 1895 сначала вольноопределяющимся,

затем младшим унтер-офицером. В 1891 направлен в С.-Петербургское юнкерское училище. После успешной сдачи экзаменов был переведен в Виленское пехотное юнкерское училище, которое закончил в 1893 по 2-му разряду и в чине подпрапорщика прибыл обратно в полк. Подпоручик с 01. 01. 1895. Аdjутант 2-го батальона с 11. 03. 1897. Поручик с 01. 04. 1899. Аdjутант полка с 05. 05. 1902. Штабс-капитан с 01. 04. 1903. Командир 1-й роты с 20. 12. 1906. Капитан с 06. 12. 1907. Командовал полковой учебной командой с 01. 11. 1910. Командирован для прохождения курса в Офицерскую стрелковую школу (31. 01. – 30. 09. 1912). До начала войны был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 2-й степени. Участник Первой мировой войны. Отличился в боях на р. Сане и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Командовал 4-й ротой и 1-м батальоном. 27. 02. 1915 произведен в подполковники. За отличия в боях награжден мечами к орденам Св. Анны 2-й степени и Св. Станислава 2-й степени, и орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». С 07. 04 по конец июня 1915 временно командовал 92-м пехотным Печорским полком, после чего был назначен наблюдающим за учебными командами 23-й пехотной дивизии. 29. 10. 1915 был награжден Георгиевским оружием за мужество и храбрость, проявленную в бою 19. 03. 1915 в Карпатах, у высоты 1228, у деревни Береги-Горные. 16. 11. 1915 произведен за отличие в боях в полковники. 08. 06. 1916 командирован в Ревель для формирования 118-й пехотной дивизии. 25. 06. 1916 назначен командиром 470-го пехотного Данковского полка. 27. 01. 1917 награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. 30. 12. 1917 уволен со службы и вернулся в Ревель, где проживала его семья. 18. 12. 1918 генералом Геннингсом был назначен штаб-офицером для поручений при штабе Отряда русской самозащиты. 07. 02 1919 отбыл на нарвский фронт для командования отрядом. В СЗА был помощником командира 1-й стрелковой дивизии. Был награжден мечами к ордену Св. Владимира 3-й степени и 10. 09. 1919 за боевые отличия произведен в генерал-майоры. Во время октябрьского наступления командовал 2-й бригадой 1-й стрелковой дивизии. После расформирования СЗА жил в Таллинне, где работал контролером на железной дороге. Арестован органами НКВД в Таллинне 03. 09. 1940. Решением трибунала от 25. 02. 1941 приговорен к 10 годам ИТЛ и 5 годам поражения в гражданских правах. Дальнейшая судьба неизвестна.

Источники: Корвин-Пиотровский К. А. 89-й пехотный Беломорский полк. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 227; РАЕ. Кд. 2. Tallinn, 1996. Лк. 60; Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 183-186.

83. **Герарди Матвей Константинович** (22. 09. 1839 – 31. 03. 1930, Эльва) — контр-адмирал флота. Начал службу в 1861. В 1890 командовал клипером «Опричник». Во время сильного урагана спас судно от гибели; вывел его из шхер ночью без лоцмана, отказавшегося вести судно, сорвавшееся с якорей. За этот подвиг Г. был произведен в капитаны 1-го ранга и назначен командиром Ревельского флотского полуэкипажа. В Ревеле прослужил до 1893 и вышел в отставку с производством в контр-адмиралы, а также назначением на должность начальника рижского торгового порта. Еще в Ревеле Г. вступил в ряды членов Эстляндского морского яхт-клуба. Позднее он был избран почетным членом клуба. Во время революции погибли его дочь и два сына (один из них служил во флоте). В Эстонию бежал с женой из Петрограда в 1918. Первое время жили в Йыхви. После того, как Йыхви был занят большевиками, потерял все свои сбережения. Жил в откровенной нищете в

Эльва. В 1927 редакция газеты «Вести дня» и Касса взаимопомощи моряков, членом которой он являлся, организовали сбор средств в пользу М. К. Герарди и его жены.

Источники: У адмирала М. К. Герарди // ВД. 1927. 25 авг. № 228. С. 1; Шульц Э. [Адм. М. К. Герарди] // ВД. 1930. 5 апр. № 93. С. 1; Деятельность кассы взаимопомощи моряков // ВД. 1930. 25 апр. № 109. С. 1.

84. **фон Гернет Владимир Викторович** (23. 03. 1885, д. Уваровка, Смоленск. губ. – ?) — капитан 2-го ранга. Из дворян, сын статского советника. Окончил Морской корпус в 1905. Ротный командир Морского корпуса; в 1914 — лейтенант, один из начальников младшего отделения Морского корпуса. Старший лейтенант Российского императорского флота. 1917–1918 служил в Донской армии; 1919 — в Вооруженных силах юга России. Эвакуирован в Турцию. К 1. 01. 1921— член Союза морских офицеров в Константинополе. К 1926 в Эстонии: инициатор создания Общества покровительства животным в Нарве, организационное собрание которого состоялось 23. 11. 1926 в помещении эстонской гимназии. Был инструктором по плаванию на шлюпках в Дружине русских морских скаутов «Ругодив» в Нарве. Основатель 1-ой Нарвской дружины русских скаутов (11. 07. 1927). Приказом начальника Отдела русских скаутов в Эстонии А. К. Баиова в начале сентября 1927 назначен представителем главного штаба отдела русских скаутов в Нарве. В течение 1928 Гернет вместе с лейтенантом российского флота В. Н. Домогацким и В. В. Христофоровым пытались наладить работу в дружине, но центробежные тенденции в среде скаутов оказались сильнее, и в скором времени от дружины остался только 1-й Нарвский сухопутный отряд, а к концу года нарвская дружина морских скаутов «Ругодив» прекратила свое существование. Приказом от 7. 01. 1935 начальника Отдела русских скаутов в Эстонии Б. И. Бессонова все нарвские отряды скаутов были подчинены начальнику Нарвского района В. В. Гернету, однако уже 22. 02. 1935 Гернет был освобожден по личной просьбе от своей должности. Один из сотрудников газеты «Новый нарвский листок». Член ревизионной комиссии общества «Святогор».

Источники: Адрес-календарь. СПб., 1914. С. 1500; В. Г. Неотложное дело // НЛ. 1926. 19 июня. № 47. С. 4; Стэр. Морские скауты «Ругодив» // НЛ. 1926. 4 сент. № 69. С. 1; Нарва // ВД. 1926. 29 нояб. № 60. С. 2; Из жизни русских скаутов в Рассеивании // Р. 1927. 3 сент. № 2. С. 5; Этапы русск. печатного слова в Нарве // ННЛ. 1927. 10 сент. № 69. С. 1; Общее собрание нарвск. «Святогора» // ВД. 1928. 19 марта. № 78. С. 1; Памятка ко Дню Св. Георгия. Нарва, 1936. С. 1; Емельянов П. Развитие русского скаутизма в Нарве (Исторический очерк) // Русский скаут. 1937. Июнь. С. 2; Волков С. В. Офицеры флота и Морского ведомства. М., 2004. С.115.

85. **фон Гершельман Александр Карлович** (?) — капитан. Служил в л.-гв. 3-й артиллерийской бригаде. Служил в белых армиях на юге России. Эвакуирован на о. Проти на корабле Кизил Ермак». Галлиполиец. В начале 1920-х гг. приехал в Эстонию. Служил в эстонской армии, преподавал в Военно-техническом училище. В 1925 был в составе Гвардейского отряда в Эстонии. *Источники:* ГАЭ. Ф. 648. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 48–49; Волков С. В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М, 2002. С. 127.

86. **фон Гершельман Вальтер Эдвинович** (07. 05. 1890 – 14. 04. 1963) — лейтенант. Окончил Морской корпус в 1910. В Первую мировую войну проходил службу на Минной дивизии Балтийского флота. С 1914-ого по 1915 год исполнял должность флаг-офицера начальника штаба Минной дивизии Балтийского флота, затем старшего офицера эскадренного миноносца

«Охотник». За отличие в боевых действиях удостоен трех орденов с мечами. В 1917 командовал эскадренным миноносцем «Бурный», затем был назначен старшим флаг-офицером штаба командующего Балтийского флота. В феврале 1918-ого остался в Эстляндии и после ухода германских войск возглавил Ревельский немецкий отряд «Кайтселийта» (с 25.11.1918). Во время Гражданской войны служил в Балтийском полку старшим офицером 2-й роты. С лета 1919 в СЗА занимал должность коменданта пристани в Разгрузочном отделе в Таллинне. После ликвидации СЗА жил в Эстонии. Состоял в Кассе взаимопомощи моряков и членом правления Общества помощи больным эмигрантам. В 1939 уехал в Германию. Умер и похоронен в Баварии.

Источники: Отчет Общества помощи больным эмигрантам 1922–1929 гг. Таллинн, 1929. С. 7; Материалы частного архива В. В. Верзунова.

87. **фон Гершельман Карл Карлович** (1899 – 1951) — капитан. Окончил кадетский корпус (1916) и Михайловское артиллерийское училище (1917). Служил в 3-й гвардейской артиллерийской бригаде. Участник Первой мировой войны. После распада армии проживал в Одессе, учился на отделении философии Новороссийского университета. Воевал в рядах Белой армии юга России командиром горного взвода в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Участник Бредовского похода. После разгрома армии был эвакуирован 20. 07. 1920 в Югославию. Затем возвратился в Крым. Затем был эвакуирован в Галлиполи, где провел больше года. В 1922 поселился в Таллинне. Осенью 1925 был в составе Гвардейского отряда в Эстонии. Писатель и художник. Весной 1940 уехал в Германию (западная Польша). После войны проживал в Западной Германии (г. Эйхштадт).

Источники: Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг. Антология / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Таллинн, 2002. С. 166–167; Волков С. В. *Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога*. М, 2002. С. 128.

88. **Гессе Александр Августович** (1889 – 25. 03. 1941, Ленинград) — поручик. Отец — почетный гражданин Пскова. Окончил Сергиевское реальное училище и с отличием математический факультет Московского университета (1913). После окончания университета прошел годичные педагогические курсы и работал преподавателем математики. Осенью 1914 был мобилизован. Подпоручик с 1916. После демобилизации учительствовал в Пскове. Во время немецкой оккупации служил переводчиком в Псковском городском управлении. С июля 1919 зачислен в офицеры запаса СЗА. Затем был назначен командиром роты разведчиков артиллерийского дивизиона Гдовского полка. В Эстонии работал учителем математики Печорской русской гимназии. Член Печорского русского просветительского общества. В 1940 арестован и расстрелян.

Источники: Калкин О. *На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах-участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг.* Псков, 2003. С. 145–150; Калкин О. *Участники Белого движения в Печорском крае (1920–1940 гг.) // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 3 / Сост. В. Бойков.* Таллинн, 2004. С. 26–27.

89. **Гестеско Николай Евгеньевич (Hästesko af Mälagard)** (24. 11. 1870, СПб. – 3. 01. 1928, Таллинн) — капитан 1-го ранга. Окончил Морской корпус в 1892, затем прослушал курс морских артиллерийских классов. На флоте служил на броненосцах «Память Азова», «Император Александр II», «Богатырь» и старшим офицером на корабле «Океан». Участник Русско-японской войны. Затем с 1907 по 1908 командовал миноносцем «Молодецкий». До 1908 находился в заграничном плавании. Как выдающийся специалист был назначен в главный морской штаб. Во время Мировой войны был

начальником склада Приморского фронта, и в 1917 — старшим помощником командира Ревельского порта. Награжден Черногорским орденом. Член Кассы взаимопомощи моряков. Его жена — актриса Е. Э. Гаррай. Причина смерти — рак горла. Похоронен 6 января на Александро-Невском кладбище.

Источники: Н. Е. Гестеско // ВД. 1928. 5 янв. № 4. С. 1; Н. Е. Гестеско // НГ. 1928. 6 янв. № 4. С. 1.

90. **Гефнер Генрих Христофорович** (04.05.1888, *Новгород* – ?) — инженер-механик лейтенант. Первоначальное образование получил в Новгородском реальном Императора Александра III училище. Окончил Морское инженерное училище в 1911. В Первую мировую войну проходил службу на кораблях Сибирской флотилии. После большевистского переворота — в белых войсках Северной области. С 27. 11. 1918 в морских командах сухопутного фронта, в январе 1920 — в должности вахтенного механика на линкоре «Чесма». После разгрома противобольшевистских сил на Севере проживал в Эстонии. На октябрь 1929 числился в списках Кассы взаимопомощи моряков. По неподтвержденным данным в конце 1930-х годов выехал в Германию.

Источники: *Материалы частного архива В. В. Верзунова.*

91. **Гефтер Александр Александрович** (1885, *Одесса* – 16.12.1956) — мичман (1917). После окончания юридического отделения С.-Петербургского университета в 1917 сдал экзамены при Морском корпусе и был назначен вахтенным офицером на учебном судне «Память Азова». С приходом к власти большевиков принимал участие в подпольной контрреволюционной деятельности в Петрограде. С декабря 1918 в белых войсках Северного фронта. Весной 1919 через Финляндию прибыл в СЗА. В должности адъютанта проходил службу на Дивизионе сторожевых катеров. После расформирования частей войск Юденича до конца 1924 оставался в Таллине. В дальнейшем проживал во Франции. Написал несколько сборников морских рассказов и роман, основой для которых стали воспоминания о службе на флоте и участии в работе монархического подполья. Член Военно-морского исторического кружка (1928). Умер и похоронен в Париже.

Источники: *Материалы частного архива В. В. Верзунова.*

92. **Гизетти Федор Антонович** (4. 04. 1894, *Тифлис* – 25. 03. 1941, *Ленинград*) — капитан. Окончил Владикавказский кадетский корпус (1912), затем Константиновское военное училище в Петрограде (1914). Участвовал в сражениях Первой мировой войны. В январе 1916 в чине подпоручика был переведен в 21-ю артиллерийскую бригаду. Служил в Красной армии и СЗА. Работал на фабрике А. М. Лаферма в Таллинне (1925–35). Был заместителем председателя и председателем общества «Витязь» (1931–38), член правления Союза русских просветительских и благотворительных обществ в Эстонии, комитета «Дня русского инвалида» (1938–39) и председатель Общества друзей русских скаутов (1938–40). В 1931 являлся одним из организаторов «Кружка русской старины» в частной русской гимназии общества «Русская школа в Эстонии». С 1928 по 1931 принимал активное участие в работе Русского Студенческого Христианского Движения. В 1932 лично познакомился с главным идеологом Национально-трудового союза нового поколения М. А. Георгиевским и вступает в союз. Член и секретарь Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. Состоял в РОВС'е. Арестован органами НКВД в Таллинне 16. 08. 1940. Решением трибунала от 17. 12. 1940 приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 25 418; *Высочайшие приказы о чинах военных.* 1916. 20 янв. С. 20; *Вечер «Русской старины»* // ВД. 1931. 12 мая. № 126. С. 1; *Общество взаимопомощи бывших чинов русской армии* // ВД. 1931. 20 окт. №

280. С. 1; Бойков В. *Позволено распечатать // Вышгород. 1998. № 1–2. С. 121–122; РАЕ. Кд. 2. Tallinn, 1998. Лк. 60; Плюханова М. С. Мне кажется, что мы не расставались... Таллин, 1999. С. 27.*

93. **фон Гоерц Николай Никитич** (16. 12. 1872, Киевская губ. – 10. 09. 1923, Таллинн) — генерал-майор. Окончил гимназию в Киеве, после чего поступил в Чугуевское юнкерское училище, по завершении которого в 1895 поступил в 127-ой пехотный Путивльский полк (Ровно). Участвовал в Русско-японской и Мировой войнах. Перед началом Мировой войны состоял в чине капитана и служил в 126-м пехотном Рыльском полку. За проявленное мужество и отличие в боях был удостоен ряда наград и назначен командиром 43-го пехотного Охотского полка. В 1918 служил в гетманской армии. С 10. 07. 1918 состоит командиром 54-го Корочанского полка. 9. 09. 1918 назначен командиром 26-го Радомишльского полка, 30. 09. — командиром 20-го полка. В СЗА зачислен 31. 10. 1919, где занимал различные строевые и административные должности. В частности был назначен начальником Ямбургского района, а затем — в декабре 1919 — командиром 6-го Талабского полка. За отличие возведен в чин генерал-майора. Был награжден всеми орденами вплоть до Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом. Скончался от заражения крови. Похоронен 13 сентября на Александро-Невском кладбище.

Источники: *Список капитанам армейской пехоты по старшинству. СПб., 1911. С. 1498; А. Ч-ий. [Н. Н. Гоерц] // ПИ. 1923. 14 сент. № 224. С. 4; Волков С. В. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 134.*

94. **Голенищев-Кутузов Иван Иванович** (10. 02. 1885 – 6. 06. 1948, Сан-Паулу, Бразилия) — старший лейтенант. После окончания Морского корпуса в 1904 находился в плавании на пароходах Каспийской военной флотилии. С 1906 по 1908 по состоянию здоровья пребывал в отставке. Затем по прошению вновь определен во флот мичманом и назначен производителем работ Комиссии по обзору Финляндских шхер (07.07.1908). С 1 октября 1910 года переведен минным офицером в Сибирскую флотилию. Минный офицер 1-го разряда (1913). В Первую мировую войну служил на Балтике, награжден орденом Св. Анны 3-ей степени с мечами и бантом (01.06.1915). Старший лейтенант за отличие по службе (1915). Служил в 1-м Балтийском флотском экипаже (1916). В СЗА прибыл из Гельсингфорса после 2. 07. 1919 с большой группой морских офицеров. В СЗА — командир танка «Белый солдат» в Отдельном батальоне танков. После ликвидации СЗА некоторое время жил в Таллине. С 12. 09 1921 в качестве внештатного преподавателя читал лекции по летательным аппаратам и самоходной технике на Курсах Генерального штаба и в Военном училище. Состоял в Кассе взаимопомощи моряков. До марта 1927 выехал на жительство в Бразилию. Умер и похоронен в Сан-Паулу.

Источники: *ГАЭ. Ф. 1856. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2; Ед. хр. 5. Л. 6 об.; Ед. хр. 6. Л. 21; Kõrgem Sõjakooll 1921–1931. Tallinn, 1931. Лк. 55, 60; Материалы частного архива В. В. Верзунова; Боголюбов Н. А. Танковый батальон. Морской танковый батальон армии генерала Юденича // Белая гвардия: Альманах: Белое движение на Северо-западе России. М., 2003. № 7. С. 211; Волков С. В. Офицеры флота и Морского ведомства. М., 2004. С.121.*

95. **Голицинский Николай Николаевич** (17. 04. 1875 – ?) — полковник. Окончил Владимиро-Киевский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию по первому разряду. Служил в 6-м саперном батальоне. В службе с 1. 09. 1892. Подпоручик с 7. 08. 1893, поручик с 7. 08. 1897, штабс-капитан с 6. 05. 1900, капитан с 14. 04. 1902, подполковник с 10. 04. 1911. С 12. 07. 1911 занимал должность в Варшавском

крепостном инженерном управлении. До 1913 был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 3-й степени. 1924 — председатель общества «Русская школа в Эстонии»; Один из учредителей общества «Русский дом». 1931–33 — секретарь общества «Русский дом». Служил инженером строительной части штаба эстонской армии. В 1927 под его руководством велись работы по реставрации и укреплению Ивангородской крепости. Член Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии.

Источники: *Список подполковникам по старшинству. СПб., 1913. С. 1105; Русский календарь для Эстонии на 1924 г. Ревель: Изд. «IRA», [1923]. С. 110; Реставрация Ивангородской крепости // ВД. 1927. 30 мая. № 144. С. 2; Русский календарь на 1931 год. [Ревель]: Изд. Союза Рус. Просв. и Благ. О-в в Эстонии, [1930]; Русский календарь на 1933 год. [Ревель]: Изд. Союза Рус. Просв. и Благ. О-в в Эстонии, [1932]. С. 106; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л. 168.*

96. **Гольвег Владимир Михайлович** (? – 31. 05. 1939, *Лийва*) — капитан 13-го понтонного батальона. Окончил Киевское военное училище в 1905. *Источники:* [Объявление] // ВД. 1939. 3 июня. № 123. С. 2.

97. **Горбатовский Владимир Николаевич** (26. 05. 1851 – 30. 07. 1924) — генерал от инфантерии. Образование получил в 1-м Павловском училище (1870). Выпущен в 3-й гренадерский Киевский полк. Участник Русско-турецкой войны 1877–78. Командуя ротой, отличился в боях под Плевной. С 5. 07. 1893 командир Красноярского резервного батальона; с 16. 03. 1899 — 44-го пехотного Камчатского полка; с 8. 10. 1901 — командир 4-го гренадерского Несвижского полка. В начале Русско-японской войны был назначен командиром 1-й бригады 7-й Восточно-сибирской стрелковой дивизии. С 7 апреля и до конца осады находился в крепости Порт-Артур. За отличия награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. После сдачи крепости назначен председателем комиссии по передаче военнопленных японским войскам. С 22. 03. 1905 командир 2-й бригады 1-й гренадерской дивизии. 30. 04. 1905 назначен начальником Алексеевского военного училища. 8. 05. 1909 начальник 3-й гренадерской дивизии. С 9. 05. 1914 командир 19-го армейского корпуса. Участвовал в Галицийской битве на центральном участке 5-й армии Юго-западного фронта. 27. 09. 1914 награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. 12.12. 1914 произведен в генералы от инфантерии. 25 апреля 1915 задержал наступление германской Неманской армии в южной Курляндии. 12. 06. 1915 назначен командующим 13-й армии Северо-западного фронта. 20. 08. 1915 возглавил 12-ю армию. 20. 03. 1916 переведен на пост командующего 6-й армией. После переброски армии 12. 12. 1916 на Румынский фронт возглавил 1-ю армию. 1. 04. 1917 переведен в резерв. В 1919 эмигрировал в Финляндию, где возглавил штаб генерала Н. Н. Юденича и вместе с адмиралом В. К. Пилкиным входил в состав военного управления Особого комитета, организованного 14. 01. 1919 в Выборге П. Б. Струве. В правительстве Юденича занимал пост военного министра. Вместе с Юденичем переехал в Эстонию. 22. 01. 1920 был назначен председателем Комиссии для устройства раненых и больных чинов СЗА при Ликвидационной комиссии. После ликвидации СЗА жил в Эстонии. Получал пенсию, назначенную ему императрицей Марией Федоровной. Являлся главой объединения русских офицеров в Эстонии и местной монархической организации; сторонник великого князя Николая Николаевича. Имел непосредственные связи с Высшим монархическим советом в Германии, куда он ездил каждое лето. Состоял членом Совещания при Высшем монархическом совете. Поддерживал

связь с некоторыми влиятельными лицами в Советской России и с представителями эстонского дипломатического корпуса.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 133–134 об., 139–140 об.; Бойков В. А. Честь имею... // Таллинн. 1998. № 10. С. 173–176; Смолин А. В. Белое движение на северо-западе России. 1918–1920. СПб., 1999. С. 71, 109, 407; Залесский К. А. Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 92–93; Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. II. М., 2001. С. 276; Меймре А. «За веру, царя и отечество»: эпизод из деятельности русских монархистов в Эстонии // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. СПб., 2002. С. 280; Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 165–167.

98. **Горбовский Павел Алексеевич** (1897, Порхов – 12. 09. 1942) — капитан. В СЗА служил младшим офицером Ревельского полка. После ликвидации СЗА жил в Нарве, занимался огородничеством. Состоял в Союзе русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Также был членом общества «Святогор». Один из инициаторов создания Союза северо-западников, секретарь центрального правления союза. Член Общества друзей русских скаутов при дружине нарвских морских скаутов. П. Н. Максимов характеризовывал его как очень скрытного человека. Руководил работой подпольных антисоветских организаций в Порховском и частично в Псковском районах. Арестован органами НКВД в Нарве 27. 07. 1941. Решением трибунала от 17. 08. 1941 приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Источники: О-«бщест»во друзей русск.<их> скаутов // СНЛ. 1933. 10 июня. № 62. С. 3; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26756. Л. 188; Д. 26759. Л. 124 об; Ф. 130. Д. 6122. Л. 32–38; РАЕ. Кд. 2. Tallinn, 1998. Лк. 61; Бойков В. А. Архивные материалы о Союзе северо-западников // Труды РИЦЭ / Сост. В. А. Бойков. Вып. 3. Таллинн, 2004. С. 171.

99. **Горок Петр Михайлович** (? – 21. 02. 1929, Таллинн) — поручик Талабского полка СЗА. С 1918 г. участвовал во всех боях полка. В начале 1919 г., как отзывчивый к нуждам мирного населения человек, был назначен командиром полка А. Смолиным комендантом острова Пийрисаар. Во время наступления армии на Петроград П. М. Горок состоял в должности ротного командира. Во время одного из боев был ранен. В Эстонии уже в качестве эмигранта работал в акционерном обществе «Текстиль», где приблизительно в 1927 г. получил травму (перелом ноги).

Источники: Смолин А. Памяти П. М. Горок // ВД. 1929. 24 февр. № 54. С. 1.

100. **Графтио Казимир Адольфович** (15. 02. 1870 – 30. 10. 1933, Нарва) — полковник. Окончил военное ремесленное училище цесаревича Николая и С.-Петербургское пехотное юнкерское училище по второму разряду. В 1892 в чине подпоручика направлен в 24-й пехотный Симбирский полк. В 1898 в чине поручика переводится в корпус жандармов и назначается на должность младшего офицера С.-Петербургской железной дороги. Штаб-ротмистр с 1901. С 22. 11 1904 находился в прикомандировании к штабу корпуса. В декабре того же года произведен в ротмистры со старшинством. В феврале 1905 прикомандирован к Уфимскому губернскому жандармскому управлению (ГЖУ). С апреля того же года — адъютант того же ГЖУ. Помощник начальника Пермского ГЖУ в Перми с 4. 08. 1906. Помощник начальника Ярославского ГЖУ в Ярославле с 5. 06. 1907. Начальник Гродненского крепостной жандармской команды с 24. 02 1914. Награды: ордена Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 3-й и 2-й степени. Подполковник с 6. 05. 1915. Служил в СЗА, после ликвидации которой поступил служащим на Льянопрядильную мануфактуру в Нарве. С 1 октября 1933 ему, как лицу без

гражданства, было отказано в работе. Только после долгих хлопот ему разрешили остаться, но только простым рабочим. Известие об отказе в работе вызвало сильнейший сердечный припадок, от которого он не смог оправиться. Держался в стороне от политических дел и вел скромный образ жизни. Являлся действительным членом Союза взаимного вспомоществования бывших чинов Северо-западной армии и русских эмигрантов и членом Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии.

Источники: *Список общего состава чинов отдельного корпуса жандармов. Прг., 1915. С. 543; Внезапная кончина К. А. Графтио // СНЛ. 1933. 2 нояб. № 124. С. 2.*

101. **Григорьев Михаил Васильевич** (1889 – 29. 03. 1925, *Нарва*) — капитан. Родом из крестьян Ямбургского уезда. Окончил Гатчинскую учительскую семинарию. С началом Мировой войны поступил вольноопределяющимся в армию. Окончил Петергофское военное училище, из стен которого вышел офицером в 433-ий пехотный Новгородский полк. Участвовал в защите Риги, Икскюльских укреплений во время переправы через реку Двину, в боях под Туккумом и Шлоком, где был ранен в руку и правый бок. Пользовался авторитетом среди солдат, от которых на память получил кривую шашку. За боевые заслуги был награжден многими орденами и медалями. Во время наступления СЗА был арестован большевиками и находился до суда в рабочей роте в Ямбурге. После того, как Ямбург был отбит у красных, Г. был назначен комендантом Нарвского сборного пункта СЗА. В эмиграции добывал средства тяжелым физическим трудом. Умер от туберкулеза. После его смерти в Эстонии остались родители, братья и сестра.

Источники: † *М. В. Григорьев // НЛ. 1925. 2 апр. № 37. С. 2.*

102. **фон Гринвальд Артур Александрович** (Arthur-Otto-Moritz von Gruenewaldt; 12. 03. 1947, *имение Орисаар* – 20. 07. 1922, *Таллинн*) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Родился в семье известного эстляндского общественного и политического деятеля Александра Егоровича фон Гринвальда (1805–1886) и баронессы Паулины, урожденной Унгерн-Штернберг (1817–1852). В 1860–64 учился в Домском рыцарском училище в Ревеле. В 1865–66 в течение трех семестров, также как в свое время и его отец, изучал камеральные науки в Дерптском (Тартуском) университете. В отличие от своих братьев Артур Александрович решил избрать карьеру военного и 25. 05. 1866 корнетом поступил на службу в лейб-гвардии Кирасирский полк. В этом полку А. А. фон Гринвальд прослужил до 8. 10. 1870, когда с производством в чин есаула он был переведен в Семиреченское казачье войско. В 1871, командуя сотней, участвовал в походе генерал-лейтенанта Г. А. Колпаковского. За отличие в боях под Алимту, Чинга-Ходзи, Сайдуном и за взятие крепости Кульджи был произведен в войсковые старшины и награжден орденами Св. Станислава 3-ей степени с мечами и бантом и Св. Анны 3-ей степени с мечами и бантом. В 1873 Гринвальд был назначен командиром вновь сформированной 5-ой сотни и в этой должности принял участие в Хивинском походе в составе Туркестанского отряда под командованием генерала К. П. Кауфмана. И в этом походе он отличился в сражениях у колодца Адам-Кармичан, при Алты-Кудуке, Уч-Учаке, Шейх-Арыке, при занятии города Хивы, в стычке с туркменским племенем иомудов при Базаркете, в боях при Чандыре, Ана-Мурат-Бее и Кончуке. За боевые отличия в этом походе он был произведен в подполковники и награжден орденами Св. Станислава 2-ой степени с мечами и тем же орденом с императорской короной и мечами. После повышения в чине последовало и назначение на новую должность — непродолжительное время он заведовал обучением сотен. С 2.

04. по 24. 05. 1874 занимал должность командира № 2 конного полка Семиреченского казачьего войска, а с 1. 10. 1874 — командира № 1 того же полка. С марта по октябрь 1878 был назначен начальником пограничного Нарымского отряда. В мае 1879 уже в чине полковника он был отчислен от должности командира конного полка Семиреченского казачьего войска с зачислением по армейской кавалерии и прикомандированием к 4-му Псковскому драгунскому полку. С 23. 03. 1884 по 3. 02. 1892 Гринвальд командовал 30-ым драгунским Ингерманландским Великого Герцога Саксен-Веймарского полком. 3. 02. 1892 он был произведен в генерал-майоры и назначен командиром Кавалергардского полка. Знаменательно, что в свое время (25. 06. 1833 – 4. 05. 1839) командиром этого полка был его родной дядя — Родион Егорович фон Гринвальд. Состоя в должности командира Кавалергардского полка, А. А. фон Гринвальд принимал непосредственное участие в коронации императора Николая II и императрицы Александры Федоровны (14. 05. 1896): находясь в личной охране императрицы, сопровождал ее во время процессии и стоял на часах при императорских тронах. После окончания всех церемоний Николай II выразил «высочайшую благодарность» А. А. фон Гринвальду «за отличное выполнение возложенного на полк почетного наряда» и «за блестящий выход полка и безукоризненное его обмундирование». На следующий день был издан приказ о зачислении А. А. фон Гринвальда в Свиту с оставлением его на должности командира полка и награждении орденом Св. Станислава 1-ой степени. 11. 08. 1896 Гринвальд был назначен на должность командира 1-ой бригады 1-ой гвардейской кавалерийской дивизии с сохранением кавалергардского мундира. На этой должности он состоял до 12. 06. 1897, когда был переведен на должность шталмейстера Двора и управляющего придворной конюшенной частью. Помимо последней должности с 25. 02. 1901 Гринвальд также состоял членом Совета главного управления государственного коннозаводства. 6. 12. 1899 он стал генерал-лейтенантом, а в 1904 г. удостоен почетного звания генерал-адъютанта. В 1912 Гринвальд был назначен на должность обершталмейстера и произведен в чин генерала от кавалерии. С 1913 являлся также председателем Комитета полевых лазаретов. А. А. фон Гринвальд был награжден многими российскими наградами до ордена Св. Александра Невского включительно. Видимо, последней наградой, которой он был удостоен, стал «Знак отличия беспорочной службы за 40 лет» на георгиевской ленте (22. 08. 1916). После революционных потрясений 1917 Артур Александрович фон Гринвальд был отстранен от всех ранее занимаемых должностей и покинул Россию. К сожалению, нам ничего не известно о его деятельности в Эстонии. Умер генерал Гринвальд 13. 07. 1922 в Таллинне в санатории Зеевальд. Похоронен 20 июля на родовом кладбище в имении Орисаар (*нем.* Orrisaar, *эст.* Esna).

Источники: Панчулидзе С. *История кавалергардов: 1724–1799–1899. Том 1.* СПб., 1899. С. 159–160; Панчулидзе С. *Сборник биографий кавалергардов. Кн. 2.* СПб., 1908. С. 358–359; *Список генералам по старшинству.* СПб., 1911. С. 137; *Высочайшие награды // ПВ.* 1916. 22 авг. № 186. С. 1; [Объявление] // *Последние известия.* 1922. 18 июля. № 161. С. 4; 19 июля. № 162. С. 2; *Wrangell G. Genealogie des Geschlechts von Grünewaldt. Reval, 1913. S. 28–30; Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710-1960. Köln; Wien, 1970. S. 271.*

103. **Гужавин Николай Дмитриевич** (1887, Нарва – 23. 05. 1942, Кировская обл.) — подпоручик по Адмиралтейству. Окончил местное мореходное училище и специальные кондукторские классы в Кронштадте. Машинный кондуктор Дивизии подводного плавания Балтийского моря. Произведен в

прапорщики по морской части в конце лета 1917 и с группой гардемарин отправлен на север в распоряжение начальника Дивизиона подводных лодок особого назначения. Во время Гражданской войны сражался с большевиками в составе флотилии Северного Ледовитого океана, «за боевые отличия» произведен в подпоручики. В феврале 1920 эвакуирован из Архангельска с остатками армии генерала Е.К. Миллера на ледоколе «Козьма Минин» в Норвегию. В Эстонии проживал в Нарве. Работал машинистом паровоза на Кренгольмской мануфактуре. Являлся членом Русского общественного собрания в Нарве, правления нарвского отделения Союза северо-западников и состоял в Кассе взаимопомощи моряков. Член Общества друзей русских скаутов при дружине нарвских морских скаутов. Арестован органами НКВД 17. 12. 1940. Решением ОС при НКВД СССР от 28. 05. 1941 приговорен к восьми годам ИТЛ.

Источники: О-*бщест*>во друзей русск.<их> скаутов // СЛЛ. 1933. 10 июня. № 62. С. 3; ФГАЭ. Ф. 130. Д. 9537-э; Материалы частного архива В. В. Верзунова; Бойков В. А. *Офицеры Балтийского флота, служившие на Балтике (биографические справки) // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 27–28.*

104. **Дампель Евгений Христианович** (20. 09. 1881, Воронеж – 14. 01. 1936, Пярну) — штабс-капитан. Из дворян. Отец — действительный тайный советник. Среднее образование получил в Харьковской 1-й классической гимназии, которую окончил в 1899. После окончания историко-филологического факультета Харьковского университета поступил на юридический факультет Московского университета. С 1906 по 1909 и с 1910 по 1914 преподавал русский язык и историю в Перновской мужской гимназии. Одновременно преподавал в Перновской женской гимназии латинский и греческий языки, а также историю. В 1909 поступил вольноопределяющимся в 95-й пехотный Красноярский полк. В 1910 получил первый офицерский чин с прикомандированием к штабу 24-й пехотной дивизии. 1 августа того же года уволен в запас в чине прапорщика. С 15. 03. по 27. 06. 1911 участвовал в военных сборах при 96-м пехотном Омском полку. В 1914 был призван в армию, где служил сначала в 1-м гвардейском запасном батальоне, а потом (с октября) — младшим офицером в рядах лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества полка. Подпоручик с 22. 01. 1916. Штабс-капитан с 28. 12. 1916. Несколько раз был контужен. Награжден Георгиевским оружием, орденами Св. Анны 4-й степени, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й степени с мечами и бантом и Св. Станислава 2-й степени с мечами. Под конец войны командовал батальоном, затем (с июля по октябрь 1917) служил штаб-офицером для поручений при штабе 39-го армейского корпуса, исполняя обязанности редактора газеты «Вестник особой армии». 15. 02. 1918 был освобожден от службы и вернулся в Пярну, где работал директором Русской гимназии. 2. 04. 1921 в связи с получением эстонского гражданства был зачислен в офицеры запаса эстонской армии. С 1922 преподавал русский язык в эстонской Реальной гимназии, реальной школе, торговой школе и на русских средних курсах. Часто выступал с докладами на литературные темы, работал в ряде русских организаций. Не задолго до смерти был избран председателем культурно-просветительской секции Пярнуского общественного собрания.

Источники: ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 264, 462; Е. Х. Дампель // ВД. 1936. 21 янв. № 16. С. 1.

105. **Делль Роберт Францевич** (21. 06. 1879, СПб. – ?) — полковник. Окончил училище Св. Анны в Петербурге (1899) и Алексеевское военное училище (1901). До 1917 командовал 96-м пехотным Омским полком. Георгиевский

кавалер. Был мобилизован большевиками. 13. 06. 1919 перешел в СЗА (зачислен с 23. 07. 1919). В июне 1919 формировал Красногорский полк СЗА. Занимал должности помощника начальника 2-й стрелковой дивизии и командира 2-й бригады 2-й пехотной дивизии (с декабря 1919). В 1920-х гг. жил в Таллинне.

Источники: Волков С. В. *Комментарии // Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 667; Kröönström, Mati. Georgi ordeni kavalerid Eestis // www.eha.ee.*

106. **фон Ден Александр Александрович (August Alexander von Dehn)** (10. 06. 1867, *имение Вельтс* – 21. 01. 1930, *Нымме*) — генерал-майор артиллерии. Окончил 2-й Московский кадетский корпус. 1. 09. 1885 поступил в Михайловское артиллерийское училище, которое окончил 11. 08. 1888 с производством в чин подпоручика и назначением в 37-ую артиллерийскую бригаду. 11. 08. 1890 произведен в поручики. 6. 08. 1891 фон Ден был переведен в гвардию в чине подпоручика в 1-ю гвардейскую артиллерийскую бригаду. В сентябре 1892 поступил в Военную академию генерального штаба, которую окончил в мае 1894 по второму разряду. В августе того же года был произведен в поручики гвардии. В декабре того же года был командирован в Михайловское артиллерийское училище. В июне 1895 отправлен обратно в бригаду. 6. 12. 1895 — штабс-капитан гвардии. 25 декабря – старший офицер. 6. 12. 1901 — капитан гвардии (со старшинством с 9. 04. 1900 г.). В декабре 1902 окончил Археологический институт и был назначен председателем суда чести бригады. 6. 12. 1904 произведен в полковники и назначен командиром 4-ой батареи 2-й лейб-гвардии артиллерийской бригады. В октябре 1911 был назначен начальником 2-го дивизиона 2-й лейб-гвардии артиллерийской бригады. 17. 06. 1914 назначен начальником 36-й артиллерийской бригады 13-го армейского корпуса и за храбрость произведен в генерал-майоры. В течение августа 1914 принимал участие в боевых действиях в Восточной Пруссии в составе 2-й армии. 1 сентября был взят в плен; в плену находился до августа 1918 (крепость Кенингштейн). В Эстонию прибыл через Финляндию 29. 08. 1918. Зачислен в резерв армии с 7. 06. 1921. 6. 11. 1923 уволен из армии по возрасту. В пенсии было отказано. Был награжден всеми российскими орденами до Св. Владимира 3-й степени. Похоронен 24 января на Коппельском кладбище.

Источники: *Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 78; ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 50; ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 474; [Объявление] // ВД. 1930. 23 янв. № 22. С. 2.*

107. **фон Ден Георг Георгиевич** (? – 21. 04. 1932, *Таллинн*) — полковник лейб-гвардии Преображенского полка в отставке. Погребен на Коппелеском кладбище.

Источники: *[Объявление] // ВД. 1932. 22 апр. № 93. С. 2.*

108. **Дмитриев Владимир Евдокимович** (23. 07. 1860, *Херсонская губ.* – 21. 05. 1937, *Таллинн*) — генерал-майор флота. Начал службу юнкером Черноморского флота в 1879. Морской корпус закончил в 1882. Служил на нескольких крейсерах и броненосцах. Окончил Артиллерийские офицерские классы и стал флагманским артиллеристом учебной эскадры Балтийского моря в 1899. Был старшим офицером крейсера 1-го ранга «Генерал-адмирал» с 1900 по 1903 и командиром миноносца № 221 с 1903 по 1904. С 1904 по 1905 состоял на должности помощника заведующего обучением артиллерийских квартирмейстеров и коменданта Учебного артиллерийского отряда Балтийского флота. С 1904 по 1906 преподавал в артиллерийских офицерских классах. С 12. 03. 1908 — заведующий мобилизационной частью Ревельской

отдельной роты. С 9. 11. 1908 зачислен в береговой состав. Награды до 1910: серебряная медаль в память царствования императора Александра III, серебряная медаль в память Священного коронования, ордена до Св. Анны 2-й степени и два ордена Почетного легиона. Во время мировой войны был начальником мобилизационного отдела штаба крепости Петра Великого вплоть до Февральской революции, после которой был переведен в Севастополь. Во время Гражданской войны служил в Вооруженных силах юга России. В Севастополе закончил службу в должности старшего помощника командира порта. Вернувшись в Эстонию, отказался от денежной помощи и пособий. Зарабатывал на жизнь переплетом книг, в частности, выполнил заказ на переплет книг библиотеки президента Эстонии К. Пятса. В Таллинне занимался общественной работой: много лет состоял почетным членом приходского совета Казанской церкви, работал в Кассе взаимопомощи бывших русских моряков (на март 1927 — председатель Совета уполномоченных Кассы), был почетным членом и незаменимым сотрудником общества «Дом русского ребенка». Будучи членом-основателем этого общества, состоял в его правлении со дня основания общества. Возникшая в 1935 Русская торговая частная школа названного общества была его любимым детищем и была обязана ему многим. В феврале 1936 потерял жену и от этой потери не смог оправиться. В ноябре 1936 болезнь приковала его к постели, с которой он не вставал до последней своей минуты.

Источники: *Список лицам, состоящим в Морском ведомстве и адмиралам и штаб-офицерам строевого и берегового составов флота и чинам, зачисленным по флоту. Ч. 1. СПб., 1910. С. 68; В. Е. Дмитриев // ВД. 1937. 22 мая. № 111. С. 1; Волков С. В. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 163; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1997 / Составитель В. Н. Чуваков. Том 2: Г–З. М., 1999. С. 379.*

109. **Дмитриев Сергей Семенович** (17. 01. 1896, Псков – 19. 08. 1927, Тарту) — подполковник. Окончил Псковское реальное училище. Во время Мировой войны поступил вольноопределяющимся в один из запасных пехотных полков. После окончания школы прапорщиков в Старом Петергофе служил в 208-м пехотном Лорийском полку. Участвовал в боях до конца войны. Занимал должность полкового адъютанта. Войну закончил в чине штабс-капитана. Во время Гражданской войны служил в рядах СЗА, в 5-м пехотном Островском полку. Подполковник. После ликвидации СЗА поселился в Тарту, где работал на лесопильном заводе. Обладал музыкальными способностями и любил хоровое пение, поэтому был приглашен на место регента Успенского собора. Причиной столь ранней смерти стала скоротечная чахотка.

Источники: *Сергей Семенович Дмитриев // НГ. 1927. 23 авг. № 127. С. 3.*

110. **Дольский Дмитрий Сергеевич** (17. 10. 1891, дер. Загорье, СПб. губ. – 18. 02. 1941) — прапорщик. Таллиннский домовладелец. Работал в таллинском порту в представительстве советского торгового флота, откуда ушел после того, как выиграл в лотерею большую сумму денег. В 1938 пытался вступить в РОВС, но встретил противодействие со стороны Э. А. Верцинского. Этому предшествовало избрание Дольского кандидатом (заместителем) в члены ревизионной комиссии Комитета «Дня русского инвалида». Многие члены комитета были против его кандидатуры, считая его провокатором. После личных объяснений Дольского с Верцинским дело было закрыто. Одно время был председателем общества «Витязь». Арестован органами НКВД в Таллинне 21. 06. 1940. Приговорен к расстрелу.

Источники: *ФГАЭ. Ф. 130. Д. 11566. I. Л. 54; II. Л. 13–14; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Лк. 605; Исаков С. Г. Извлечения из показаний Богданова 12–31 июля*

1940 года // *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. IV. Рига, 1999. С. 48.*

111. **Доманский Юлиан Адамович** (14. 10. 1862 – 27. 09. 1930, *Нарва*) — полковник. Образование получил в Гельсингфорской Александровской русской гимназии (не окончил) и в С.-Петербургском пехотном юнкерском училище (по второму разряду). Служил в 92-м пехотном Печорском полку. Капитан с 6. 05. 1901. В начале 1920-х заведовал лесозаготовками Кренгольмской мануфактуры. Являлся членом Нарвского отделения эстонского союза инвалидов и Русского общественного собрания.

Источники: *Список капитанам армейской пехоты по старшинству. СПб., 1914. С. 55; [Объявление] // СНЛ. 1930. 30 сент. № 109. С. 1; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 18117. Л. 23.*

112. **Домогацкий Владимир Николаевич** (13. 09. 1891, *СПб.* – 25. 10. 1942, *Печора*) — лейтенант. Из дворян Калужской губернии. По окончании Морского корпуса (1913) назначен на 1-ю Минную дивизию БФ, где служил вахтенным начальником на эскадренном миноносце «Бурный» (03.11.1913 – 18.11.1914) и канонерской лодке «Кореецъ» (22.11.1914 – 04.03.1915). С марта по апрель 1915 находился на излечении в Петрограде, после чего был переведен на Приморский фронт Моркрепости Императора Петра Великого и там поочередно командовал береговыми батареями №№ 27, 28, 2, 12 и 6. Лейтенант с 1916. При захвате немцами островов Моонзунда попал в плен и некоторое время содержался в лагере для офицеров. С началом Гражданской войны на северо-западе России добровольцем вступил в Ревельский офицерский партизанский отряд (31.01.1919). Принимал участие в боях на Нарвском фронте. В СЗА перешел из эстонской Дивизии бронепоездов (01.07.1919) и при втором наступлении на Петроград вначале командовал артиллерией бронепоезда «Талаабчанин». За успешные действия в этот период награжден орденом Св. Анны 3-ей степени с мечами и бантом (23.09.1919). Той же осенью арт. офицером тяжелого танка «Белый солдат» в составе Танкового батальона СЗА сражался с большевиками под Гдовом, Ямбургом, Гатчиной и Царским Селом. С отходом белых войск в Эстонию оказался в концетрационном лагере. Переболел тифом. До середины 1920-х годов жил в Нарве; принимал активное участие в организации Нарвской дружины русских скаутов. С середины 20-х годов проживал в Кивиыли. Был членом РОВС'а, а также состоял в Кассе взаимопомощи моряков. В 1930 вступил в ряды Военно-морского союза (Париж). Арестован органами НКВД в Кивиыли 12. 11. 1940 и решением Особого Совещания при НКВД 19. 04. 1941 приговорен к 8 годам ИТЛ. Умер и похоронен в Печорлаге.

Источники: *ФГАЭ. Ф. 130. Д. 14114А. Л. 319; Военно-Морской союз // Часовой. 1930. 31 авг. № 38. С. 13; Емельянов П. Развитие русского скаутизма в Нарве // Русский скаут. 1937. Июнь. С. 1–2; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Лк. 43; Исаков С. Из истории русской общины в эстонском сланцевом бассейне в 1920-1930-е годы // Радуга. 2001. Апрель-июнь. № 2. С. 100; Боголюбов Н. А. Танковый батальон. Морской танковый батальон армии генерала Юденича // Белая гвардия: Альманах: Белое движение на Северо-западе России. М., 2003. № 7. С. 211; Материалы частного архива В. В. Верзунова; Бойков В. А. Офицеры Балтийского флота, служившие на Балтике (биографические справки) // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 28–29.*

113. **Драке Владимир Людвигович** (8. 09. 1874, *Вильно* – 13. 10. 1932, *Таллинн*) — генерал-майор. Из дворян СПб. губ. Окончил Пажеский корпус в 1894, Офицерскую артиллерийскую школу в 1909. Офицер л.-гв. 2-ой артиллерийской бригады. В 1898 был назначен адъютантом к великому князю

Михаилу Николаевичу. После окончания офицерской артиллерийской школы был назначен адъютантом к великому князю Михаилу Михайловичу. Полковник с 1910 и направлен в л.-гв. Мортирный артиллерийский дивизион, в составе которого выступил на фронт Первой мировой войны. Сначала он командовал батареей дивизиона, затем командовал 13-м полевым тяжелым артиллерийским дивизионом, 16-й артиллерийской бригадой, гвардейской стрелковой артиллерийской бригадой и, наконец, занимал должность инспектора артиллерии 49-го армейского корпуса. Был награжден многими наградами, включая Георгиевское оружие. Высочайшим приказом и постановлением Георгиевской Думы от 29. 05. 1915 командир 1-й батареи л.-гв. Мортирного артиллерийского дивизиона полковник Драке был награжден Георгиевским оружием «за то, что 8-го февраля 1915 года, находясь на позиции у д. Кобылин и обнаружив группу неприятельских батарей, сильно обстрелявших нашу пехоту, вышел с наблюдательного пункта вперед на совершенно открытое место для лучшего корректирования стрельбы и, хотя был обстрелян неприятельским ружейным огнем, успел быстро замолчать неприятельскую артиллерию, которая после этого молчала два дня, а когда вновь открыла огонь, немедленно вновь привел ее к молчанию». 26. 02. 1917 был произведен в генерал-майоры за боевые отличия, проявленные им на должности командира 205-й артиллерийской бригады. После развала армии проживал в Таллинне, где оставался и во время германской оккупации. Осенью зачислен в СЗА и назначен комендантом Павловска. Вместе с частями 3-й стрелковой дивизии отошел из Павловска к Гатчине, а затем в Нарву. После расформирования армии 16. 10. 1920 поступил на службу в эстонское Военное училище. Затем преподавал на Курсах Генерального штаба, где читал лекции по артиллерийскому делу и тактике артиллерии. Сначала он служил как частное лицо, но со временем сумел на хорошем уровне выучить эстонский язык и принял эстонское гражданство. Автор учебного пособия «Тактика артиллерии». С 1922 в документах Военно-технического училища В. Л. Драке значится уже как начальник артиллерийского отделения училища. Видимо в конце 1920-х вышел в отставку. Работал в акционерном обществе писчебумажной фабрики «Койль». Похоронен на Александро-Невском кладбище.

Источники: Высочайшие награды // ПВ. 1915. 9 (22) июня. № 125. С. 2; ГАЭ. Ф. 648. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 52, 60; ГАЭ. Ф. 648. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 52–56; ГАЭ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 29; Kõrgem Sõjakoool 1921–1931. Tallinn, 1931. Lk. 60, 68; Объявление // ВД. 1932. 14 окт. № 240. С. 1; Баиов А. † Генерал-майор В. Л. Драке // Часовой. 1933. Июнь. № 105. С. 29; Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 220–221.

114. **Дубенко Николай Павлович** (? – 5. 09. 1924, Пярну) — капитан артиллерии. Похоронен 7 сентября на Пярнуском православном кладбище.

Источники: [Объявление] // ПИ. 1924. 10 сент. № 235. С. 4.

115. **Дулов Николай Сергеевич** (17. 12. 1894, Псков – 01. 04. 1942) — прапорщик. 1911–1915 гг. служил канцелярским чиновником Псковского уездного съезда земских начальников. В 1915 поступил добровольцем в полк Офицерской кавалерийской школы в Петрограде, откуда был переведен в 172-й пехотный запасной полк (Красное Село). Май–август 1915 — 2-я Петроградская школа прапорщиков, после окончания которой командирован в 42-й Сибирский стрелковый полк. В 1916 командовал ротой на Западном фронте; ранен в бою под Барановичами. С сентября 1916 по март 1917 находился на излечении в Петрограде. После занимал ряд нестроевых

должностей в 42-м Сибирском стрелковом полку и в школе гренадеров при 10-й армии. В декабре 1917 уехал в Псков. В сентябре 1918 был мобилизован в ряды Псковского добровольческого корпуса. В январе 1919 переведен в 1-й запасной полк 2-й дивизии. При отступлении СЗА был прикомандирован к гдовской уездной комендатуре в должности командира роты рабочей дружины. В конце сентября 1919 выехал обратно в 1-й запасной полк 2-й дивизии, располагавшийся в дер. Олешницы, где находился до демобилизации. С 1920 по 1926 перебивался случайными заработками. В 1926 обосновался в Нарве. Работал весовщиком на Лignoпрядильной фабрике. Являлся одним из организаторов и членом Союза взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии (1930 — член ревизионной комиссии, 1934–36 — член правления) и Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Расстрелян.

Источники: ФГАЭ. Ф. 130. Д. 6122.

116. **Егоров Николай Степанович** (24. 07. 1870 – 15. 05. 1934, *Таллинн*) — полковник по Адмиралтейству. На военной службе с 1890. Службу начинал вольноопределяющимся 1-ого разряда 85-го Выборгского пехотного полка. 9. 02. 1893 года Высочайшим приказом произведен в подпоручики с определением в расквартированный в Ревеле 90-й Онежский пехотный полк. В 1901 переведен в штабс-капитаны по Адмиралтейству и назначен инструктором строевого образования при Ревельском флотском полуэкипаже. Во время событий Первой мировой войны заведовал плавучими средствами порта Императора Петра Великого. В эмиграции проживал в Эстонии. Состоял членом Кассы взаимопомощи моряков. Умер в Таллине и 17 мая 1934 года похоронен на кладбище Ал. Невского.

Источники: Список чинам по Адмиралтейству. СПб., 1904. С. 842; [Объявление] // ВД. 1934. 16 мая. № 113. С. 1; Материалы частного архива В. В. Верзунова.

117. **Егорьев Борис Николаевич** (2. 09. 1871 – 23. 01. 1929, *Таллинн*) — полковник. Окончил Павловское военное училище. Служил в 5-м гренадерском Киевском генерал-фельдмаршала князя Николая Репнина полку. Подпоручик с 12. 08. 1895, поручик с 12. 08. 1899, штабс-капитан с 6. 12. 1902, капитан с 6. 12. 1904, подполковник с 6. 12. 1912. С 23. 08. 1900 зачислен в штат офицеров-воспитателей кадетского императора Александра II корпуса. За время службы до мая 1913 был награжден орденами до Св. Станислава 2-й степени (1910).

Источники: Список подполковникам по старшинству. Ч. 1. СПб., 1913. С. 1464; [Объявление] // ВД. 1929. 23 янв. № 22. С. 2.

118. **Екимов Александр Трифонович** (02.12.1872, *Причудье* – 20.05.1949) — капитан по Адмиралтейству. Начальную образовательную подготовку прошел в семье. До 1904 — моряк торгового флота. В межнавигационные периоды учился в мореходной школе в Балтийском порту. Закончив полный курс, сдал экзамены в Санкт-Петербурге (14.06.1904), получив диплом капитана дальнего плавания. Из-за событий Русско-японской войны (1904–1905) призван в военный флот и в ноябре того же года произведен в прапорщики по морской части. В дальнейшем проходил службу на Балтике. По сдаче соответствующих экзаменов за курс Морского корпуса произведен в подпоручики по Адмиралтейству (30.04.1907). В Первую мировую войну состоял командиром минного тральщика «Патрон» (26.12.1913 – 18.04.1916) участвовал в боевых тралениях возле Ревеля, в районе Гангэ и в проливах Моонзундского архипелага. Награжден орденом Св. Анны 3-ей степени с мечами и бантом (26.06.1916). Весной 1918 командовал транспортом-мастерской «Усть-

Нарова». После захвата интернированного в Гельсингфорсе судна немцами выехал в Ревель, где с уходом германских войск вступил в вооруженные силы Эстонии (03.12.1918). Был принят на должность начальника строевого отдела Морского управления и вскоре был назначен командиром Дивизиона тральщиков. Являлся фактическим организатором минно-трального дела в эстонском флоте. С окончанием военных действий до января 1923 в качестве флагманского штурмана служил в штабе Морских сил. Затем возглавлял Службу связи Хаапсалуского района. Выйдя в чине капитан-лейтенанта на пенсию (01.04.1928), приобрел в собственность небольшой домик в пригороде Таллина, где и проживал в оставшиеся годы. Умер в Нымме и похоронен на кладбище Хийу-Раху.

Источники: Материалы частного архива В. В. Верзунова.

119. **Елагин Леонид Дмитриевич** (23. 03. 1873 – 24. 12. 1940) — полковник. Окончил гимназию и в 1892 поступил в С.-Петербургское пехотное юнкерское училище, которое окончил по первому разряду. Служил в 120-м пехотном Серпуховском полку. Капитан с 1. 09. 1906. В 1909 состоял на должности делопроизводителя Главного управления Генерального штаба по Виленскому району. В 1910 был назначен комендантом железнодорожной станции «Мысовая» и прослужил на этой должности до начала Мировой войны. В Эстонии жил в Принаровье, где работал лесником Суконной и Льнопрядильной мануфактур. Сотрудничал с РОВСом и эстонской политической полицией.

Источники: Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб., 1909. С. 799; Список капитанам армейской пехоты по старшинству. СПб., 1914. С. 527; ФГАЭ. Ф.129. Д. 26756. Л. 29.

120. **Елисеев Василий Гаврилович** (?) — есаул л.-гв. Атаманского полка. Офицер с 08. 08. 1900. На 1909 — сотник л.-гв. Атаманского полка. 15. 08. 1916 был произведен в есаулы. 17. 12. 1916 «за отличия в делах против неприятеля» был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Член ревизионной комиссии и секретарь комитета ДРИ 1930–31.

Источники: Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб., 1909. С. 149; Дополнения к Высочайшему приказу, отданному января 12-го дня 1916 года // Высочайшие приказы о чинах военных. 1916. 12 янв. С. 12; Высочайшие награды // Русский инвалид. 1917. 9 янв. № 8. С. 2; Русский календарь на 1931 год. [Таллинн, 1930]. С. 69; Комитет Дня Русского инвалида в Эстонии // РВ. 1931. 1 июля. № 37. С. 3; О деятельности комитета «Дня Русского инвалида» // ВД. 1931. 6 июля. № 177. С. 2.

121. **Епинатьев Виктор Леонидович** (04. 11. 1893, Ревель – 14. 10. 1931, Таллинн) — лейтенант (произведен генералом Врангелем 28.03.1920). Родился в Ревеле в семье отставного поручика по Адмиралтейству Л.А. Епинатьева. В 1912 поступил в Морской корпус. Однако уже в ноябре следующего года за дисциплинарный проступок был исключен из числа воспитанников, переведен в юнкера флота и направлен в 1-й Балтийский флотский экипаж с назначением в 5-ю роту Отряда новобранцев. К началу событий Первой мировой войны в чине унтер-офицера служил на минном заградителе «Нарова». Участвовал в постановке основного заграждения на Центральной минно-артиллерийской позиции (18.07.1914). Летом следующего года высочайшим приказом по флоту и Морскому ведомству после сдачи соответствующих экзаменов произведен в мичманы (09.06.1915). В последующем проходил службу на береговых батареях Приморского фронта Морской крепости Императора Петра Великого. Сначала сменил несколько должностей на батарее № 5, затем там же на Наргене командовал башенной батареей № 10-Б. За усердную

службу в период военного времени награжден орденом Св. Анны 3-ей степени с мечами и бантом (06.12.1916). В Гражданскую войну сражался с красными на Юге России. После эвакуации Русской армии из Крыма с февраля 1922-го проживал в Эстонии. Состоял членом Кассы взаимопомощи бывших моряков. Умер в Таллине и похоронен на Александро-Невском кладбище 16. 11. 1931.

Источники: [Объявление] // ВД. 1931. 15 окт. № 276. С. 2; Волков С. В. *Офицеры флота и Морского ведомства. М., 2004. С. 163; Материалы частного архива В. В. Верзунова.*

122. **Ефремов Вениамин Николаевич** (3. 09. 1853 – 11. 12. 1937) — генерал-лейтенант. Офицер с 10 авг. 1873 г. Поручик – 30 авг. 1873. Штабс-капитан – 9. 12. 1876. Капитан – 11. 07. 1879. Подполковник – 30. 08. 1886. Полковник – 30. 08. 1893. Помощник старшего адъютанта окружного артиллерийского управления Кавказского военного округа (8. 12. 1879 – 15. 01. 1882). Старший адъютант того же управления (15. 01. 1882 – 10. 10. 1891). Член хозяйственного комитета Охтенских заводов для выделки пороха и взрывчатых веществ (10. 10. 1891 – 22. 09. 1896). Председатель хозяйственного комитета Михайловско-Шостенских пороховых заводов (22. 09. 1896 – 24. 07. 1898). Председатель хозяйственного комитета Охтенских заводов для выделки пороха и взрывчатых веществ с 24. 07. 1898. Ордена: до Св. Анны 2 ст. (на 1900 г.). Погребен 14 декабря на Александро-Невском кладбище.

Источники: *Список полковникам по старшинству. СПб., 1900. С. 301; [Объявление] // ВД. 1937. 13 дек. № 284. С. 2.*

123. **Жаворонков Николай Викторович** (02. 11. 1856 – 28. 09. 1929, Таллинн) — генерал-лейтенант корпуса гидрографов. Окончил Морское училище в Петербурге (1874–77). Во время учебы в училище был произведен в унтер-офицеры и назначен знаменщиком. После окончания училища в чине гардемарина плавал на фрегате «Князь Пожарский». В 1878–79 в чине мичмана находился в заграничном плавании на пароходе «Цимбрия», который был позднее переименован в крейсер «Европа». С 1880 по 1882 вновь отправляется в заграничное плавание на клипере «Стрелок», а в 1883 и 1884 уже в чине лейтенанта — на корвете «Богатырь». В 1884 был прикомандирован к Гидрографическому департаменту, впоследствии переименованному в Главное гидрографическое управление, где продолжил службу на различных должностях до должности начальника Главного гидрографического управления в чине генерал-лейтенанта. Генерал-майор по адмиралтейству с 1909. В 1916 зачислен за свои заслуги в звание *honoris causa* гидрографа-геодезиста. Имел все ордена до ордена Св. Анны 1-й степени включительно. Помимо непосредственной службы в управлении состоял также представителем от Морского министерства в техническом совете по портовым делам и действительным старшиной Собрания армии и флота и членом Морского ведомства в составе хозяйственного комитета того же собрания. В свою бытность начальником ограждения морей с 1899 одной из важнейших его заслуг было введение на море ацетиленового освещение бакенов. Под его личным руководством были освещены бакенами Моодзунд, подходы к Ревелю и Нарве. По его почину в Ревеле был построен ацетиленовый завод. Еще одной из его заслуг было введение в широкий обиход использования богатого собрания по картографии и деятельности русских людей в этой области. Благодаря его трудам и стараниям, это собрание было преобразовано в «Ученый архив», которым смогли пользоваться не только русские, но и зарубежные ученые. В Эстонии состоял

членом Кассы взаимопомощи моряков. Похоронен 2 октября на Александровском кладбище.

Источники: *Левицкий П. П. Н. В. Жаворонков // ВД. 1929. 1 окт. № 266. С. 1; [Объявление] // ВД. 1929. 30 сент. № 265. С. 2; Бойков В. Честь имею... // Таллинн. 1998. № 10. С. 176.*

124. **Жестков Павел Н. (?)** — подпоручик. В СЗА служил в 16-м пехотном Велико-Островском полку. Приказом по армии за № 291 от 27. 10. 1919 был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. После ликвидации СЗА жил в Нарве. Действительный член и член правления Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии.

Источники: *Отчет о вспомогательной работе Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстии // СНЛ. 1927. 8 марта. « 29. С. 4; Бойков В. А. Наградные списки офицеров и военнослужащих Северо-Западной армии // Михайлов день 1-й: Журнал исторической России. Ямбург [Кингисепи], 2005. С. 258.*

125. **Житков Арсений Фёдорович** (2. 05. 1884, Астрахань – 1960) — старший лейтенант. После окончания гимназии сначала прошел обучение в Нижегородском речном училище, затем окончил Херсонское мореходное училище (1906), получив свидетельство, дающее право на получение диплома капитана дальнего плавания после двух лет непрерывной службы штурманом. В качестве пятого помощника год плавал на крейсере «Киев», после чего подал документы для зачисления в военный флот. 2. 06. 1909 зачислен юнкером во 2-ой Балтийский флотский экипаж. Пройдя соответствующую подготовку и совершив практическое плавание на учебном судне «Океан» в дальнейшем был допущен к сдаче экзаменов за курс Морского корпуса. 31. 05. 1910 произведен в подпоручики по Адмиралтейству. 6. 12. 1912 переведен во флот мичманом. После начала Первой мировой войны на канонерской лодке «Кореец» принимал участие в боевых операциях русского флота. В июне 1915 отличился при уничтожении германского цеппелина «L-5». За бой канонерских лодок «Сивуч» и «Кореец» (06.08.1915) с германскими кораблями в Рижском заливе был награжден орденом Св. Анны 4-ой степени с надписью «За храбрость». В ст. лейтенанты произведен «за отличие по службе». Уже после революции с отрядом Красного Креста выехал через Вильно и попал в Берлин (26.10.1918), откуда с капитаном 2-го ранга А. П. Бурачком прибыл в Англию. Некоторое время с др. бывшими офицерами находился в Russian Officers Camp (Ньюмаркет), затем на транспортном судне «Дрижон» вывезен вместе с остальными на пополнение войск Юденича. По непроверенным сведениям был произведен к.-адм. В. К. Пилкиным в капитаны 2-го ранга и назначен заведующим эвакуацией судов и имущества. После разоружения СЗА выехал в Италию и до конца 1920 плавал рулевым на пароходе «Медея», затем вернулся в Ревель, где со временем устроился переводчиком в английское посольство. В дальнейшем выполнял обязанности дипкурьера. С самого начала состоял членом Кассы взаимопомощи моряков. В 1929 из-за сокращения штатов в дипломатической службе Англии был уволен из английского генконсульства и какое-то время оставался без работы. Затем был принят торговым агентом в фирму «Julius Pirrand & Co», занимавшуюся подъемом затонувших в годы войны кораблей и разделке их на металл. С 1932 был принят в члены Купеческого собрания. В июне 1940 арестован органами НКВД и через 11 месяцев (10.05.1941) приговорен ВТ ЛВО к 20-ти годам лагерей без конфискации имущества. Через 16 лет был амнистирован и освобожден. В последние годы жизни работал

кассиром на пароходной пристани в Сталинграде. Место захоронения неизвестно.

Источники: Материалы частного архива В. В. Верзунова.

126. **Зальф Артур Августович** (4. 11. 1873, *Веруора* – 22. 08. 1937, *Таллинн*) — генерал-майор Генерального штаба. Окончил Петербургское юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В Первую мировую войну служил старшим офицером для поручений при генерал-квартирмейстерстве штаба 1-й армии и старшим адъютантом при том же штабе. В апреле 1915 был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 2-й степени с мечами. В августе 1916 был назначен командиром 146-го пехотного Царицынского полка; затем состоял начальником штаба 36-й пехотной дивизии и начальником штаба 19 армейского корпуса. В эстонской армии служил с 22. 11. 1921 штаб-офицером для поручений при военном министре Я. Соотсе. В августе 1922 был назначен на должность инспектора классов Военного училища. В 1923 — помощник начальника по учебной части училища; с этого же года стал читать лекции по тактике. В 1927 покинул училище и занял должность офицера для поручений при военном министре Н. Реэке. 1. 04. 1928 отправлен в отставку. Автор книги «Научная тактика. Основной закон и принципы вооруженной борьбы. Танненбергская катастрофа и ее виновники» (Таллинн, 1932). Похоронен на Рахумяэском кладбище.

Источники: Высочайшие награды // ПВ. 1915. 11 (24) апр. № 81. С. 2; Õun M., Lõhmus L. Kolonel Artur Salf // Õun M., Pihlak J., Lõhmus L., Walter H., Deemant K., Noormets T., Aasma K., Mardna S., Salo U. Eesti ohvitserid ja sõjandustegelased. II kogumik / Koostaja M. Õun. Tallinn, 2002. Lk. 98.

127. **Запольский Дмитрий Валерианович** (? – 8. 02. 1940, *Таллинн*) — старший лейтенант российского флота. Похоронен 11 февраля на Александро-Невском кладбище.

Источники: [Объявление] // ВД. 1940. 9 февр. № 33. С. 2.

128. **Захаров Георгий Петрович (Георгиевич?)** (1895, *Одесса* – после 01. 1941) — прапорщик (?). Из семьи проректора Одесского университета. Окончил коммерческое училище и поступил в Екатеринославский горный институт, но со второго курса в начале 1916 был призван в армию. После окончания Одесской школы прапорщиков был зачислен в запасной полк, который стоял в Персии. Затем был переведен в 112-й пехотный Уральский полк. В декабре 1917 был демобилизован и вернулся в Одессу, где до марта 1918 работал учителем математики. В январе 1919 добровольно вступил в отряд бывшего военного министра Омского правительства генерала А. Н. Гришина-Алмазова. После распада отряда в апреле 1919 покидает Одессу и через Бессарабию добирается до Польши. Во Львове был арестован и заключен в концлагерь под Варшавой. В лагере был завербован в отряд князя Ливена и вместе с ним через Либаву был переброшен в Нарву. В Нарве распоряжением начальника сообщений армии полковника Третьякова был определен в железнодорожный батальон в Пскове. В составе батальона занимал должности адъютанта и заведующим оружием боевого взвода. В ноябре 1919 при переходе эстонской границы в Нарве батальон был разоружен и расформирован. В течение последующих нескольких лет работал десятником на торфяных заготовках. В 1924 был уволен как неэстонский гражданин. До 1930 перебивался случайными заработками в Печорском уезде. Затем до советской оккупации работал чертежником в Печорском уездном управлении и дорожным мастером. Состоял в РОВСе. Арестован органами НКВД в

Печорах 27. 08. 1940. Приговорен к расстрелу. Дата приведения приговора неизвестна.

Источники: Калкин О. *На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах-участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг.* Псков, 2003. С. 168–169; РАЕ. Кд. 3. Tallinn, 2005. Lk. 730.

129. **Зеленин Владимир Иванович** (14. 08. 1863 – 22. 11. 1930, Таллинн) — полковник. Окончил гимназию и в 1885 поступил в С.-Петербургское пехотное юнкерское училище. Служил в 89-м пехотном Беломорском полку с 13. 02. 1889 по 26. 02. 1890. Капитан с 6. 05. 1900. В 1909 состоял на должности исполнителя дел Сестрорецкой команды Петербургской местной бригады Петербургского военного округа (с 1910 — начальник той же команды). Служил в эстонской армии. Похоронен 25 ноября на Александровском кладбище. В Эстонии проживала его жена.

Источники: Корвин-Пиотровский К. А. *89-й пехотный Беломорский полк. Исторический очерк.* СПб., 1903. С. 240; *Общий список офицерским чинам Русской императорской армии.* СПб., 1909. С. 530; *Список капитанам армейской пехоты по старшинству.* СПб., 1914. С. 7; [Объявление] // ВД. 1930. 24 нояб. № 318. С. 2.

130. **Зильберг Александр Александрович** (Aleksander-Heinrich-Johann Silberg; 18. 04. 1869, Нарва – 24. 01. 1926, Таллинн) — генерал-майор. Окончил Коммерческое училище (по некоторым данным, Пажеский корпус?) в С.-Петербурге. В 1890 вольноопределяющимся поступил в л.-гв. Семеновский полк. После производства в офицеры в 1892 был направлен в 145-й пехотный Новочеркасский полк, где прослужил до 1910, после чего некоторое время служил в 3-м стрелковом полку. Затем проходил службу в 1-м Финляндском стрелковом полку. В составе 19. 07. 1914 выступил из г. Або на театр военных действий Первой мировой войны. Высочайшим приказом от 14. 06. 1915 командир 1-го Финляндского стрелкового полка Зильберг был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за то, что в боях 27-го, 28-го, 29-го и 30-го марта 1915 года под д. Козловкой, состоя начальником участка и находясь под сильным артиллерийским и ружейным обстрелом, с отличным успехом отразил упорные атаки противника и своими действиями способствовал отбитию временно захваченной неприятелем высоты 1026». В дальнейшем также командовал 2-м Финляндским стрелковым полком, 1-й Финляндской стрелковой бригадой и 1-й Финляндской стрелковой дивизией. Был дважды ранен. Кроме ордена Св. Георгия 4-й степени был также награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами, Георгиевским оружием и английским Военным крестом. В 1916 был произведен в чин генерал-майора. За время войны участвовал в 36 сражениях. Во время Гражданской войны служил в СЗА, где с весны по 16. 12 1919 состоял на должности начальника этапно-хозяйственной части и начальника гарнизона города Нарвы. После расформирования СЗА служил в эстонской армии: с 2. 03. 1920 был назначен начальником Военно-технических курсов (с 9. 06. 1920 — Sõjaväe Tehnika Kool), с 1923 был начальником таллиннского арсенала. Из-за расстройства здоровья вышел в отставку 15. 06. 1925. Похоронен на коппельском кладбище.

Источники: *Высочайшие награды* // ПВ. 1915. 24 июня (7 июля). № 138. С. 1; Бакструб А. *Генерал А. А. Зильберг* // ПИ. 1926. 26 янв. № 19. С. 3; *Памяти генерал-майора А. А. Зильберга* // НЛ. 1926. 6 марта. № 19. С. 3; *Õun M. Eesti Vabariigi kindralid ja admiralid.* Tallinn, 1997. Lk. 100 ; Волков С. В. *Белое движение. Энциклопедия гражданской войны.* СПб.; М., 2003. С. 211; Rosenthal R. *Loodearmee.* Tallinn, 2006. Lk. 643.

131. **Зильберг Юрий Александрович** (?) — лейтенант. Служил в эстонской армии. Сын генерала А. А. Зильберга. Член Нарвского яхт-клуба. Основатель и командор нарвской дружины русских морских бой-скаутов «Ругодив». В августе 1927 им был приобретен парусник, на котором скауты стали выходить в море. Входил в организацию Васильковского. Видимо, после того как начальником Отдела русских скаутов в Эстонии стал Баиов, отошел от работы со скаутами. Работал в нарвском отделении фирмы «Тор Молен и Ко».
- Источники:* В. Г. Неотложное дело // НЛ. 1926. 19 июня. № 47. С. 4; Стэр. Морские скауты «Ругодив» // НЛ. 1926. 4 сент. № 69. С. 1; Н. Е. Реорганизация морск. <ой> дружины «Ругодив» // СНЛ. 1927. 17 марта. № 33. С. 3; Командировка скаутов // ННЛ. 1927. 16 авг. № 62. С. 2; Емельянов П. Развитие русского скаутизма в Нарве (Исторический очерк) // Русский скаут. 1937. Июнь. С. 1; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Л. 23.
132. **Иванов Александр Ильич** (? , Старый Петергоф – 13. 07. 1937, Нарва). Окончил гимназию СПб. Человеколюбивого общества и юридический факультет СПб. университета. После окончания университета работал адвокатом; со временем стал пользоваться большой известностью в адвокатских кругах. Служил поверенным в делах петербургской конторы Государственного банка. Принимал активное участие в общественной и культурно-просветительной работе земства. Много сделал для школьного дела в Петергофском уезде. Владел имением около станции Тикопись Балтийской железной дороги. При этой станции на личные средства построил каменное здание школы. Состоял членом Ямбургского земского управления и присяжным поверенным округа петербургской судебной палаты. Во время Гражданской войны бежал в Эстонию, где первое время проживал в Таллинне. Принимал активное участие в деятельности русских монархистов. Состоял в организации генерала О. П. Васильковского; был издателем брошюр «Кто наш главный враг?» (Таллинн, 1922) и «В единении сила» (Таллинн, 1922). Постановлением министра внутренних дел от 9 марта 1923 г. ему в числе других активных монархистов было предписано в течении месяца покинуть Эстонию, но ему, как и многим другим, удалось избежать высылки. Через какое-то время переехал в Нарву, где руководил конспиративной работой среди северо-западников организации О. П. Васильковского и являлся членом редколлегии газеты «Русский голос» (Нарва, 1925, №1 (19 мая) — № 20 (15 авг.)). Был активным сторонником Васильковского и противником группы А. К. Баиова. Состоял членом Союза русских увечных воинов и Союза северо-западников. Принимал участие в газетной полемике с Б. В. Энгельгардтом по поводу перевыборов правления Союза русских увечных воинов. Умер от туберкулеза и похоронен 16. 07. 1937 на Ивангородском кладбище.
- Источники:* ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 42; Хроника // ПИ. 1923. 14 марта. № 68. С. 3; Хроника // ПИ. 1923. 14 апр. № 92. С. 3; А. И<ванов>. Чрезвычайное общее собрание Союза увечных воинов-эмигрантов в Эстонии // Принаровский край. 1930. 28 нояб. № 24. С. 3; А. И<ванов>. Оригинальный счет голосов при баллотировке // Принаровский край. 1930. 10 дек. № 29. С. 1; А. И. Иванов // СНЛ. 1937. 14 июля. № 77. С. 2; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Л. 18, 22, 25–26.
133. **Иванов Иван Нилович** (1887, Смоленск – после 06. 1941) — капитан. До 1918 служил у Деникина, потом уехал в Лондон, участвовал в СЗА; работал на табачной фабрике „Lafert“. Арестован органами НКВД в Таллинне 29. 03. 1941. Был одним из преподавателей на офицерских курсах при эстонском отделении РОВС’а. Решением трибунала от 28. 06. 1941 приговорен к расстрелу. Дата приведения приговора в исполнение неизвестна.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 191–191 об.; ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 89; РАЕ. Кд. 2. Tallinn, 1998. Lk. 90.

134. **Ивков Сергей Николаевич** (23. 09. 1892, СПб. – 08. 05. 1943, Коми АО) — штаб-ротмистр. Окончил Елизаветградское кавалерийское училище. До революции служил в одном из армейских уланских полков. Принимал участие в Первой мировой войне. Служил в СЗА. Инициатор скандала в концертном зале «Эстония», устроенного им на лекции П. Н. Милюкова 19. 05. 1927. Вместе с А. Чернявским, С. Заркевичем и Г. Тальмом был сослан на остров Кихну. Одно время работал в коммерческой конторе Шенберга, на дочери которого он был женат. Каждое лето занимался торговлей мороженого. Дважды покушался на самоубийство (последний раз из-за несчастной любви). Член общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. Арестован органами НКВД в Таллинне 02. 11. 1940. Решением трибунала от 19. 04. 1941 приговорен к 8 годам ИТЛ.
- Источники:* ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л. 165; Покушение на самоубийство русского офицера-эмигранта С. Ивова // ВД. 1934. 16 янв. № 13. С. 1; Меймре А. «За веру, царя и отечество»: эпизод из деятельности русских монархистов в Эстонии // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. СПб., 2002. С. 291; РАЕ. Кд. 3. Tallinn, 2005. Lk. 382.
135. **Игнатъев Николай Саввич** (? – 30. 10. 1935, Таллинн) — поручик. Служил в 91-ом пехотном Двинском полку. Похоронен 3 ноября на Александро-Невском кладбище.
- Источники:* [Объявление] // ВД. 1935. 2 нояб. № 259. С. 2.
136. **Ионин Александр Петрович** (? – 17. 11. 1931, Нарва) — полковник. Скончался от тяжелой и продолжительной болезни. Похоронен на Ивангородском кладбище. Родственники: жена и дети.
- Источники:* [Объявление] // СНЛ. 1931. 19 нояб. № 132. С. 1.
137. **Иосифов Г. (?)** — офицер российской армии. Владелец в Нарве маленькой лавки кустарных изделий (изготовление художественных шкатулок, сумочек, блокнотов и починка мелких вещей). Его работы не раз принимали участие в выставках и удостоивались похвал.
- Источники:* Беседа с инженером Е. Гаусманом // ВД. 1936. 17 февр. № 39. С. 2.
138. **Иртель фон Бренндорф Павел Михайлович** (1896 – 1979) — капитан. Окончил Сибирский кадетский корпус в 1913 и поступил в Михайловское артиллерийское училище. Во время Первой мировой войны выпущен офицером и отправлен на фронт, где служил в л.-гв. артиллерийском дивизионе. 28. 12. 1916 произведен в чин поручика со старшинством с 1. 09. 1915. Имел ряд боевых наград. В 1917 произведен в чин капитана. Служил в рядах Белой армии на юге России. Вместе с армией был эвакуирован в Константинополь. Приблизительно в 1922 переехал в Эстонию. Поэт и литературный деятель. В начале весны 1940 уехал в Германию. Жил в западной Польше (г. Быдгощ). Служил в немецкой армии на Восточном фронте переводчиком. После войны проживал в Западной Германии (г. Геттинген).
- Источники:* Высочайшие награды // Русский инвалид. 1917. 17 янв. № 16. С. 2; Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг. Антология / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Таллинн, 2002. С. 155–156.
139. **Калантаров Степан Герасимович** (16. 08. 1855 – 9. 07. 1926, Таллинн) — генерал-майор. Окончил 2-ю С.-Петербургскую классическую гимназию и Ставропольское казачье юнкерское училище в 1875, после окончания которого в чине прапорщика выпущен в 16-й драгунский Нижегородский

полк. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877-78; за боевые отличия был произведен в поручики (со старшинством с 18. 07. 1879) и награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Последовательно занимал должности: адъютанта командующего 2-м Кавказским армейским корпусом (с 14. 01. 1885 до 18. 02. 1889), адъютанта командующего 16-го армейского корпуса (до 9. 08. 1890), командира эскадрона (с 28. 09. 1893 до 12. 11. 1895), в ремонтном управлении инспекции ремонта кавалерии и кавалерийского запаса (до 6. 04. 1902), адъютантом помощника командующего войсками Кавказского военного округа (до 23. 11. 1904), адъютантом командующего войсками Виленского военного округа (до 9. 04. 1911), коменданта г. Вильно (до 11. 01. 1916), вторым комендантом Петрограда (с 11. 01. 1916). Генерал-майор с 6. 12. 1911. Высочайшим приказом от 23. 09. 1915 был награжден орденом Св. Анны 1-й степени. Похоронен 12 июля на Александро-Невском кладбище.

Источники: *Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С. 722; Высочайшие награды // ПВ. 1915. 12 (25) окт. № 231. С. 1; Дополнения к Высочайшему приказу, отданному января 11-го дня 1916 года // Высочайшие приказы о чинах военных. 1916. 11 янв. С. 10; [Объявление] // ПИ. 1926. 11 июля. № 151. С. 1.*

140. **Карамзин Василий Александрович** (1884 (1885?), Бугуруслан – 30. 06. 1941) — штаб-ротмистр. До революции служил в 5-м Гусарском Александрийском Ее Величестве полку. Правнук брата писателя Н. М. Карамзина; муж поэтессы Марии Владимировны Карамзиной. В начале 1920-х жил в Таллинне. В марте 1923 постановлением министра внутренних дел ему в числе прочих было предписано покинуть Эстонию за деятельность, направленную во вред государству. Вероятно, данное решение было или отменено, или отсрочено, т. к. 29. 06. 1924 он участвовал в крещении сына своего однополчанина полковника В. В. Якобса нынешнего митрополита Таллиннского и всея Эстонии Корнилия (Якобса), произошедшего в таллинском Никольском храме. В 1925 жил в Нарве, где работал на Кренгольмской мануфактуре. В июле 1925 был уволен и выслан из Нарвы. Какое-то время жил в Тарту. Затем поселился в Кивиыли. Арестован органами НКВД в Кивиыли 21. 03. 1941. Решением трибунала от 28. 06. 1941 приговорен к расстрелу. Расстрелян.

Источники: *Хроника // ПИ. 1923. 14 марта. № 68. С. 3; Из местной эстонской печати // РГ. 1925. 17 июля. № 16. С. 4; Милютин Т. П. Люди моей жизни. Тарту, 1997. С. 51, 57; Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг. Антология / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Таллинн, 2002. С. 273; РАЕ. Кд. 3. Tallinn, 2005. Лк. 416; www.genealogia.ee/genealogy-jacobs.htm.*

141. **Катугин Николай Васильевич** (19.09. 1889, СПб. – 23. 06. 1941) — поручик. Окончил 1-е реальное училище в Петербурге в 1907. С 1907 по 1910 служил чиновником 6-го разряда по почтовому ведомству. До 1911 работал канцелярским служащим в кинотеатре «Мулен Руж». В 1911 поступил вольноопределяющимся в 1-й пантонный батальон. 1912–1914 — браковщик Главного артиллерийского управления. 1914 — 1-я Ориенбургская школа прапорщиков. В апреле 1915 в чине прапорщика отправлен на южный фронт (Галиция). С 17. 07. 1917 до лета 1918 — на излечении от ран в Вологде. С 1918 — сторож огородов общества петроградских писателей за Невской заставой. Затем 2 месяца работал в культурно-просветительном отделе Колпинского военкомата. 2 месяца провел в тюрьме по подозрению в участии в убийстве Урицкого. Зимой 1919 преподавал русский язык в Сиверцах. До

осени 1919 работал на торфяных заготовках. В СЗА служил в Гатчинской комендантской роте (запасная рота Семеновского полка); через некоторое время находился в составе 4-й строевой роты того же полка, затем был переведен обратно в запасную роту. По его словам, в боях не участвовал ни разу. В 1921 заболел тифом. Работал на заводе в Кунда. Возглавлял монархическую ячейку в Кунда и входил в состав комитета Легитимно-монархического союза с центром в Кивиыли. Арестован органами НКВД в Кунда 10. 02. 1941. Решением трибунала от 23. 05. 1941 приговорен к расстрелу.

Источники: ФГАЭ, ф. 130, д. 14114, л. 154–161 об.; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Лк. 144; Исаков С. Г. Из истории русской общины в эстонском сланцевом бассейне в 1920–1930-е годы // *Радуга*. 2001. Апрель–июнь. № 2. С. 97.

142. **Кемриц Владимир (Вольдемар-Герман) Иванович** (1. 09. 1869 – 30. 09. 1931, Таллинн) — полковник. Воспитанник Киевского кадетского корпуса и Константиновского артиллерийского училища (окончил в 1891 по второму разряду). Служил в 120-м пехотном Серпуховском полку, а затем — в 3-м Сибирском стрелковом полку. Принимал участие в подавлении «боксерского восстания» в Китае и Русско-японской войнах. Капитан с 5. 08. 1903. В Эстонии проживал в Таллинне и служил сторожем на Русско-Балтийском заводе. Погребен 4 октября на лютеранском Коппельском кладбище.

Источники: *Список капитанам армейской пехоты по старшинству*. СПб., 1911. С. 834; В. И. Кемриц // ВД. 1931. 3 окт. № 266. С. 1.

143. **Кнорринг Константин Николаевич** (23. 11. 1881, СПб. – 01. 1920) — капитан 2-го ранга. Окончил Морской корпус в 1901. Начальник сторожевых катеров СЗА.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 62. Л. 230–231; [Kuulutus] // Riigi Teataja. 1920. 31. jaan. № 14/15. Лк. 117; Волков С. В. *Офицеры флота и Морского ведомства*. М., 2004. С. 224.

144. **Кобелев Юсаф Семенович** (? – 19. 08. 1937) — полковник. До Мировой войны служил в 1-м Финляндском стрелковом полку (Або). Похоронен на лютеранском кладбище в Копли. Родственники: жена и дочери.

Источники: *Общий список офицерским чинам Русской императорской армии*. СПб., 1909. С. 417; [Объявление] // ВД. 1937. 20 авг. № 186. С. 2.

145. **Ковешников Иван Васильевич** (17. 09. 1893, СПб. – ?) — штабс-капитан. В СЗА служил в артиллерийском отделе снабжения. Член совета старейшин Ревельского Русского клуба. Окончил Владимирское военное училище, служил в одном из стрелковых полков. После революции переехал в Ревель. Служил в 4-м артиллерийском полку, потом в СЗА.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 57. Л. 96; Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 185. 196–196 об.

146. **Коврыжников (Алексеев) Максим Максимович** (? – 1. 11. 1926) — прапорщик 53-го Волынского пехотного полка и 9-го Волынского полка СЗА. Похоронен 5 ноября на Александро-Невском кладбище.

Источники: [Объявления] // НПИ. 1926. 2 нояб. № 12. С. 3; 4 нояб. № 14. С. 4.

147. **Козлов Петр Григорьевич** (1. 10. 1885, Москва – 31. 03. 1942, Соликамск) — коллежский асессор, оружейный техник. Окончил Тульское оружейное военное училище. До 1917 служил полковым оружейным мастером. В армии Деникина служил оружейным мастером сводного гренадерского полка. В 1919 переведен в Севастополь, в оружейную мастерскую при начальнике управления артиллерийского снабжения. После разгрома армии Врангеля эмигрировал в Турцию, а потом в Югославию. В Эстонию прибыл в 1922. Работал кочегаром на Кренгольмской мануфактуре, на электрической станции,

служащим конторы. Член Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии в Нарве (член правления с 1931, заместитель председателя с 1935 и председатель — в 1937–39) и РОВСа. Арестован органами НКВД в Нарве 29. 04. 1941. Приговорен 11. 04. 1942 к 10 годам ИТЛ.

Источники: ФГАЭ. Ф. 130. Д. 7878-э.

148. **Козловский Виктор Юлианович** (18. 03. 1883, *Высший Волочек* – 26. 11. 1940 или позднее) — полковник по Адмиралтейству (произведен в СЗА в 1919 году). В 1905 окончил юнкерское училище в СПб. с производством в подпоручики и направлен в Московский гренадерский полк. Поручик с 1909. Штабс-капитан с 1912. В 1913 вышел в отставку. С 1913 по 1918 — морской контролер крепости императора Петра Великого (в Ревеле). В начале 1919 мобилизован в СЗА и назначен главным контролером военных сообщений и железных дорог с производством в подполковники. «За усердно-ревностные труды в обстоятельствах военного времени» удостоен ордена Св. Анны 2-ой степени (приказ по СЗА за № 315 от 09.11.1919) и внеочередного повышения в чине. После ликвидации СЗА проживал в Эстонии. Состоял в Кассе взаимопомощи бывших моряков и с 1935 года был членом общества «Русский дом». При присоединении республик Прибалтики к СССР арестован органами НКВД (11.07.1940) и решением военного трибунала Ленинградского военного округа от 26. 11. 1940 приговорен к расстрелу. Дата приведения приговора в исполнение и место захоронения неизвестны.

Источники: Материалы частного архива В. В. Верзунова; Бойков В. А. *Офицеры Балтийского флота, служившие на Балтике (биографические справки) // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 30.*

149. **Колзаков Константин Яковлевич** (24. 11. 1884, *СПб.* – 02. 10. 1941) — полковник. Окончил Пажеский корпус в 1906. С 1911 числился в чине поручика в списках Гвардейской конно-артиллерийской бригады. Участник Первой мировой войны. Полковник л.-гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. Служил в СЗА. В декабре 1919 числился при штабе 1-го армейского корпуса. Уполномоченный Ликвидационной комиссии СЗА в Нарве в конце марта 1920. После ликвидации СЗА работал подрядчиком на лесных заготовках в районе Сонда. Владелец хутора Ару (Ярвамаа, волость Лехтсе). Состоял в эстонском отделе Союза пажей. Арестован органами НКВД 08. 12. 1940. Решением трибунала от 22. 05. 1941 приговорен к расстрелу; 13. 06. 1941 расстрел заменен на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в гражданских правах.

Источники: Адрес-календарь на 1912 год. *СПб.*, 1911. С. 1169; ФГАЭ. Ф. 130. Д. 11 566. I. Л. 125; Попугаев В. *Письмо в редакцию // Жизнь. 1920. 30 марта. № 32. С. 3; Письмо с лесных заготовок // НД. 1921. 19 февр. № 39. С. 3; РАЕ. Кд. 2. Tallinn, 1998. Лк. 172; Плюханова М. С. Мне кажется, что мы не расставались... Таллин, 1999. С. 26–27; Волков С. В. *Комментарии // Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 680.**

150. **Колюбакин Михаил Николаевич** (1882, *Устюжна* – 16. 01. 1941) — подполковник СЗА. Окончил 2-й кадетский корпус. Служил в 89-м пехотном Беломорском полку и СЗА. До ареста советскими властями служил инкассатором в фирме «Урбан» в Таллинне. Арестован органами НКВД в Таллинне 20. 08. 1940. Решением трибунала от 07. 12. 1940 приговорен к расстрелу. Расстрелян.

Источники: *Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб., 1909. С. 275; ФГАЭ. Ф.130. Д. 15096-э. Л. 81; РАЕ. Кд. 3. Tallinn, 2005. Лк. 450.*

151. **Копьев (Афанасьев) Григорий Иванович** (1894, *Псков* – 18. 02. 1941) — подпоручик. Окончил Псковское реальное училище (1910); работал на

казенном винном складе. В 1911 поступил в Псковское землемерное училище. В 1915 призван в армию в 3-й Петергофский запасной пехотный полк. Окончил Ориенбаумскую школу прапорщиков в марте 1917. Был направлен в 273-й пехотный Богодуховский полк (Борисоглебск). Осенью 1917 отбыл в отпуск в Псков по лечению от малокровия. В октябре 1918 вступил в ряды Северного корпуса. Служил в Талабском полку: был назначен комендантом Талабских островов, затем — младшим офицером роты полка и адъютантом 2-го батальона. За отличие в боях был награжден орденом Св. Станислава 4-й степени. В июле 1919 был ранен в ногу. Два месяца пробыл на лечении, после чего вновь был направлен в полк. В результате отступления и расформирования СЗА заболел тифом и лечился в Юрьевском госпитале. После работал на разгрузке барж, заготовках торфа и сортировке бревен. В Тарту издал 2 брошюры: «Быть или не быть?» (1924) и «Неизбежное. Мысли после чтения очерка «Армия» Писателя» (1925). В 1925 переехал в Печорский район, где работал помощником землемера в деревне Малые Мильцы. Затем переехал в Старый Изборск, где работал мотористом на электростанции. Здесь принимал участие в культурно-просветительской деятельности: работал помощником режиссера драматического кружка, организовал оркестр народных инструментов, занимался хором. Был одним из организаторов постройки на народные деньги часовни Корсунской Божьей Матери. С 1928 — на постоянной работе в Печорском ссудосберегательном банке. В 1932 принял эстонское гражданство и поменял фамилию на Копьев. Член правления Печорского русского просветительского общества, организатор Кружка любителей изобразительного искусства. В 1936 издал брошюру «Храните красоту Петсерского края». Арестован в августе 1940, расстрелян.

Источники: Калкин О. *На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах-участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг.* Псков, 2003. С. 128–140.

152. **Корецкий Яков Михайлович** (23. 10. 1874, СПб. – 5. 05. 1938) — полковник. Окончил кадетский корпус и Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище в 1896 и начал службу в 89-м пехотном Беломорском полку, где состоял на должности казначея полка. Капитан с 1. 09. 1907. Во время Мировой войны в составе этого полка воевал в Карпатах. За отличия в боях на р. Сане в декабре 1914 был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Высочайшим приказом и постановлением Георгиевской Думы от 2. 06. 1915 подполковник 89-го пехотного полка Корецкий был награжден Георгиевским оружием «за то, что в бою 8-го декабря 1914 года у д. Сковронно, при особо трудных условиях местности и под убийственным огнем противника довел свою роту до удара в штыки и выбил противника из окопов». Приказом от 16. 01. 1916 произведен в полковники со старшинством с 5. 11. 1915. После ранения в 1916 командовал 272-м пехотным запасным полком, позже исполнял обязанности помощника начальника 39-ой пехотной запасной бригады. До эмиграции в Эстонию проживал в Санкт-Петербурге. В Эстонию переехал после Октябрьской революции. Был владельцем табачного магазина, председателем церковного совета Никольской православной церкви (до 28. 05. 1933), членом правления и казначеем Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, членом комитета ДРИ, представителем бывших чинов XVIII-го армейского корпуса.

Источники: Корвин-Пиотровский К. А. *89-й пехотный Беломорский полк. Исторический очерк.* СПб., 1903. С. 227; *Список капитанам армейской пехоты по старшинству.* СПб., 1911. С. 1475; *Высочайшие награды // ПВ.*

1914. 12 (25) дек. № 301. С. 1; *Высочайшие награды // ПВ.* 1915. 13 (26) июня. № 129. С. 1; *Высочайшие приказы о чинах военных.* 1916. 16 янв. С. 3; *Снова раздоры в Николаевской церкви // ВД.* 1933. 4 мая. № 103. С. 1; *С Я. Корецким на приходском собрании случился сердечный припадок // ВД.* 1933. 30 мая. № 125. С. 1; *Некролог // Часовой.* 1938. 15 июня. № 214. С. 22; *ГАЭ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2772.*

153. **Косов Павел Иванович** (1896, село Миленино, Курская обл. – 19. 01. 1942, *Молотов*) — прапорщик. Отец – адвокат, мать – педагог. В 1916 поступил в Московское военное училище, после окончания которого в 1917 был направлен в 103-й запасной полк (Уфа). Летом 1917 перебрасывается на Румынский фронт в 633-й Ахалкалакский полк. С развалом фронта в 1918 возвращается домой в Курск. Затем поступает в Петроградский политехникум, потом переезжает в Киев, который в скором времени занимают немцы. 6-7 месяцев К. проводит в Германии в лагере для военнопленных. Затем переезжает в Англию, где остается до осени 1919 и проходит военную подготовку. В ноябре 1919 прибывает в Гунгербург и вступает в ряды СЗА, где состоит прапорщиком Даниловского полка. В Эстонии жил в Нарве, занимался мелкой торговлей и имел лавку в Ивангороде, рядом с пожарным депо. Арестован органами НКВД в Нарве 02. 04. 1941. Решением трибунала от 30. 06. 1941 приговорен к расстрелу.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 18517.

154. **Костенко-Родзиевский Владимир Александрович** (1894 – 26. 05. 1941) — мичман (?). Окончил Орловский кадетский корпус и Морской корпус. С осени 1914 служил мичманом на крейсере «Россия». Затем был отправлен в Кронштадтский экипаж для обучения новобранцев. Весной 1915 командирован в Або для наблюдения за постройкой судна «Кречет». Состоял младшим флаг-офицером при штабе командующего флотом. К началу 1917 был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, медалью за отличное выполнение всеобщей мобилизации в 1914 на орденской ленте Белого Орла, медалью в память о Тангутской битве. Весной 1918 участвовал в «ледовитом походе» Балтийского флота. В январе 1919 состоял в штабе Чудской флотилии. После ареста эстонцами был заключен в тюрьму, а затем зачислен в СЗА, где занимал должности помощника адъютанта корпуса графа Палена, адъютанта 3-й дивизии генерала Ветренко. После расформирования СЗА работал в артели Ветренко под Нарвой. В конце 1920 купил дом в Изборске. Занимался торговлей. Состоял в Союзе русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии и Кассе взаимопомощи моряков, принимал активное участие в деятельности Изборского просветительского общества. На собственные средства произвел ремонт Народного дома, также в основном на его пожертвования была построена часовня Корсунской Божьей Матери. Руководил работой сельхозхозяйственного кружка, курсов садоводов-огородников, курсов по взрывным работам. С приходом советских войск в Эстонию пытался уехать в Германию, но безрезультатно. Арестован и расстрелян.

Источники: Калкин О. На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах-участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг. Псков, 2003. С. 140–144.

155. **Крамарев Николай Иванович** (28. 04. 1867 – 16. 02. 1940, *Пярну*) — генерал-майор. Окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В чине юнкера служил в 21-м драгунском Белорусском полку, откуда в 1887 был переведен в л.-гв. Конно-гренадерский полк. С 24. 11. 1908 по 22. 08. 1912 в чине полковника занимал

должность управляющего Московского завода и аукциона конюшни. Затем последовательно исполнял должности штаб-офицера и генерала для поручений при Главном управлении государственного коннозаводства. Генерал-майор с 6. 12. 1913. Во время Гражданской войны служил в Вооруженных силах юга России (ВСЮР). С 7. 01. 1919 — в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, затем — в органах кавалерийского ремонта. В начале 1920-х гг. переехал на место жительства в Эстонию. Предводитель русских военных в Пярну. С 1925 — глава монархического объединения во имя Св. апостолов Петра и Павла. В 1926 участвовал в качестве делегата от Эстонии в работе Русского зарубежного съезда в Париже.

Источники: *Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С. 898; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 161 об.; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 271-272; Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. М., 2006. С. 461.*

156. **фон Крузенштерн Константин Акселевич** (27. 07. 1883, Селемяки – 16. 10. 1962, Монреаль) — полковник. Окончил Николаевский кадетский корпус, откуда был переведен в 3-й класс Пажеского корпуса. 10. 08. 1902 из камерпажей произведен в подпоручики и направлен в л.-гв. Семеновский полк. Поручик с 1906. В этом же году поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил в 1909 в чине капитана. Вышел в отставку и уехал за границу для лечения. В 1910 поступил в Министерство финансов, в Департамент окладных сборов и затем перевелся в канцелярию Государственной Думы, где исполнял обязанности делопроизводителя Комиссии по Государственной обороне. В 1914 снова вступил в ряды л.-гв. Семеновского полка, но вскоре был откомандирован уполномоченным Красного Креста при XXIII армейском корпусе. В конце 1915 — особоуполномоченный при штабе 10 армии. В ноябре 1916 был назначен переводчиком в разведывательное управление штаба Западного фронта. Подполковник с марта 1917. В феврале 1918 попал в германский плен, но вскоре был освобожден и уехал в Финляндию. В начале февраля 1919 в Выборге участвовал в деятельности комиссии по выработке основ формирования будущей русской добровольческой армии. В мае 1919 был в составе СЗА. Занял должность своего брата по заведыванию Отделом внешних сношений. 12. 08. 1919 произведен в полковники и назначен начальником управления делами МИДа при Северо-Западном правительстве. При расформировании СЗА входил в состав Ликвидационной комиссии. В 1922 уехал в Германию. До 1957 возглавлял группу офицеров л.-гв. Семеновского полка в Германии. В 1957 переехал в Канаду, где с ноября возглавлял объединение семеновцев в Северной и Южной Америке.

Источники: *Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 245–246.*

157. **фон Крузенштерн Николай Федорович** (Nikolai Friedrich Ludwig von Krusenstiern; 7. 02. 1854, Ревель – 5. 04. 1940, Швеи) — генерал от кавалерии (1913). Николай Федорович фон Крузенштерн родился в Ревеле в семье лейтенанта российского флота (впоследствии ставшего вице-адмиралом) Фридриха фон Крузенштерна и его супруги Шарлоты, урожденной фон Круген. В четырнадцатилетнем возрасте Крузенштерн поступил во 2-ую Санкт-Петербургскую военную гимназию, которую закончил в 1870. С 1870 по 1872 он продолжил обучение в 1-ом военном Павловском училище, после окончания которого 17. 07. 1872 был выпущен в лейб-гвардии Измайловский полк, где командовал сначала ротой, а потом батальоном. В составе этого полка принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–78, занимая должность

офицера для поручений при генерале Э. И. Тотлебене. В Болгарии Крузенштерн тяжело заболел и был командирован на лечение в С.-Петербург. Все свое свободное время Крузенштерн посвящал подготовке к поступлению в Академию генерального штаба, в которую он был зачислен после экзамена в августе 1878. Академию он закончил в апреле 1881 по 1-му разряду и за превосходный результат выпускных экзаменов был награжден денежной премией. Эту премию он решил потратить на стажировку за границей. В Берлине и Вене Крузенштерн слушал курсы по военным наукам и принимал участие в маневрах. После возвращения из заграницы он был назначен на должность старшего адъютанта штаба 1-го армейского корпуса, но пробыл на этой должности недолго (с 15. 09. по 18. 12 1881). 18. 12. 1881 он назначается офицером для особых поручений при том же штабе. С 27. 02. 1882 по 14. 08. 1886 Крузенштерн занимал должность старшего адъютанта штаба 1-го гвардейской кавалерийской дивизии, 14. 08. 1886 был назначен на должность обер-офицера для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа, 9. 04. 1888 переведен на должность штаб-офицера при том же штабе. В 1890 в свет вышла небольшая брошюра Крузенштерна «Город Нарва. Исторический очерк», издание которой было приурочено к большим императорским маневрам, проходившим в 1890 г. в окрестностях Нарвы. 5. 04. 1892 Крузенштерн был произведен в чин полковника. Еще в юности Крузенштерн испытывал особое пристрастие к службе в кавалерии, поэтому он обратился к военному министру с просьбой о разрешении посещать двухгодичные курсы С.-Петербургской кавалерийской офицерской школы. Прошение было удовлетворено, и он был зачислен в штат слушателей курсов с сохранением прежней должности. 8. 06. 1895 Крузенштерн был назначен начальником штаба 1-ой гвардейской кавалерийской дивизии. 24. 10. 1900 он покидает С.-Петербург в связи с его назначением командиром 11-го драгунского Харьковского полка, который квартировал в Белостоке (Польша). В этой должности Крузенштерн пробыл до 10. 03. 1902, после чего с повышением его в звании до генерал-майора он был назначен командиром 1-ой бригады 4-ой кавалерийской дивизии (10. 03. 1902 – 3. 02. 1904), а затем — командиром лейб-гвардии Уланского полка (3. 02. 1904 – 16. 02. 1906). В 1906 г. Крузенштерн был отозван из Польши в С.-Петербург, где принял командование 2-ой бригадой 2-ой гвардейской кавалерийской дивизии (16. 02. 1906 – 10. 02. 1907). 10. 02. 1907 он становится командиром 1-ой гвардейской кавалерийской дивизией. 31. 05. 1907 производится в генерал-лейтенанты. 30. 07. 1907 его назначают начальником 1-ой гвардейской кавалерийской дивизии. 23. 12. 1910 Крузенштерн был утвержден в должности командира 18-го армейского корпуса. Свое новое назначение он перенес болезненно, так как ему пришлось расстаться не только с близкими друзьями и сослуживцами, но и с любимой им 1-ой гвардейской кавалерийской дивизией, а также со службой в кавалерии в целом. Теперь он стал во главе пехотного воинского соединения, в состав которого входили 23-я пехотная дивизия со штабом в Ревеле, 37-я и 55-я пехотные дивизии со штабами в С.-Петербурге. В 1913 Крузенштерн был повышен до чина полного генерала, т. е. генерала от кавалерии. В июле 1914 в связи с объявлением общей мобилизации и подготовкой к войне он был вызван из отпуска, который проводил в имении семьи его матери Лодензее (Klooga). Хотя 9-ая армия генерала А. П. Лечицкого, в состав которой входил 18 армейский корпус генерала Крузенштерна, до первых чисел сентября находилась в процессе сосредоточения под Люблином, уже 2 сентября мощными ударами сил корпуса были разбиты у р. Ходель части 101-ой и 100-ой бригад австрийского

ландштурма. В дальнейшем войска под командованием Крузенштерна удачно справлялись с возложенными на них задачами, проявляя храбрость и мужество в бою, что непосредственно было связано с высоким профессионализмом самого командира. За боевые отличия в операциях 1914–1915. Крузенштерн был награжден орденами Белого Орла с бантом, Св. Владимира 2-ой степени и алмазным знаком ордена Александра Невского с мечами. В должности командира 18-го армейского корпуса он прослужил до октября 1916, когда вследствие тяжелой автомобильной катастрофы (6 сентября) он был вынужден покинуть ряды действующей армии. С тяжелой травмой головы и переломом руки Крузенштерн был помещен в лазарет г. Черновцы, а через два месяца перевезен в Императорский лазарет в Царском Селе. После выписки из лазарета он был назначен членом Военного совета. После Февральской революции был отправлен в отставку, а после Октябрьской революции 1917 уехал в Эстонию. Поначалу в Эстонии Крузенштерн стал во главе братства и клуба Черноголовых, а в 1921 был избран почетным председателем Общества помощи бывшим военным служащим. Он также являлся вице-председателем общества «Белый крест», почетным членом комитета «Дня русского инвалида» и членом суда чести Общества помощи бывшим русским военным служащим. Как самый старший воспитанник Николаевской академии Генерального штаба, Крузенштерн выступил с речью на собрании по случаю 100-летнего юбилея академии, состоявшемся 27. 11. 1932 в зале Таллиннского общественного собрания. В 1939 был весьма торжественно отмечен его 85-летний юбилей. На банкете в его честь присутствовало свыше 50 представителей таллиннского русского общества, представители эстонских и шведских вооруженных сил. Крузенштерну были посланы поздравительные телеграммы со всех концов света, где в тот момент проживали его бывшие сослуживцы и товарищи. В частности поздравительные телеграммы были получены от великих князей Андрея Владимировича, Гавриила Константиновича и от бывших офицеров лейб-гвардии Измайловского полка (20 подписей). Вместе со многими другими прибалтийскими немцами Н. Ф. фон Крузенштерн уехал в конце 1939 в Германию. Умер в богадельне города Швец (польск. Świecie, нем. Schwetz) 5 апреля 1940.

Источники: *Список генералам по старшинству.* СПб., 1911. С. 235; *Общество взаимопомощи бывших чинов русской армии // ВД.* 1931. 20 окт. № 280. С. 1; *П. О. Столетие Академии Генерального штаба // ТРГ.* 1932. 4 дек. № 4. С. 5; *Н. Ф. фон Крузенштерн* // ВД. 1940. 13 апр. № 83. С. 1; *Бойков В. А. Мартиролог. Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления советской власти // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Том I. Таллинн, [1996].* С. 134, 151; *Залесский К. А. Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь.* М., 2000. С. 468, 554; *Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне.* М., 2003. С. 331–332; *K-r. General der Kavallerie Nikolai von Krusenstiern wird am 19. Februar 80 Jahre alt // Revalsche Zeitung.* 1934. 17. Februar. Nr. 40. S. 7; *General der Kavallerie a. D. Nikolai von Krusenstiern 85-Jährig // Revalsche Zeitung.* 1939. 18. Februar. Nr. 41. S. 11–12; *Micro. Keiserlik kaardivägi tuli kokku. Kindral N. Krusenstierni 85. a. sünnipäevapeol elustus tükike vana Venemaal // Rahvaleht.* 1939. 20. veebruar. Nr. 43. Lk. 10; *Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710-1960.* Köln; Wien, 1970. S. 423; *Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940) / Под редакцией проф. С. Г. Исакова.* Тарту, 2000. С. 105; *Исторический архив Эстонии, ф. 1674, оп. 2, ед. хр. 119, л. 8.*

158. **фон Крузенштерн Оттон Акселевич** (21. 11. 1880, *Селемяки* – 09. 10. 1935, *Сан Паулу*) — генерал-майор Генерального штаба. Окончил Пажецкий корпус (1899), Николаевскую академию Генерального штаба (1905) и Офицерскую кавалерийскую школу (1906). Служил в л.-гв. Конно-гренадерском полку. Поручик с 9. 08. 1903. Капитан генерального штаба с 28. 05. 1905. С 20. 11. 1906 по 2. 11. 1908 — командир эскадрона. Старший адъютант штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В начале Первой мировой войны состоял при штабе 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Полковник с 6. 12. 1914. Какое-то время занимал должность исполняющего обязанности начальника штаба 11-й кавалерийской дивизии. С 24. 12. 1915 состоял в распоряжении начальника Генерального штаба. С 24. 12. 1916 — начальник штаба Свеаборской крепости. В 1918 вернулся в Эстонию. В начале 1919 вошел в связь со штабом СЗА, но не был официально зачислен в состав армии. В конце апреля 1919 приказом Й. Лайдонера был назначен начальником штаба СЗА. Приказом А. П. Родзянко от 25. 05. 1919 произведен в генерал-майоры (приказ утвержден только 15. 08. 1919) и назначил его главным начальником тыла СЗА. С 31. 08. 1919 — начальник канцелярии военного министра Северо-Западного правительства. Тогда же был направлен генералом Юденичем в Варшаву для переговоров с польскими и русскими финансовыми кругами и польским правительством о займе для СЗА. 3. 12. 1919 переведен в резерв чинов СЗА. Владелец рекламного агентства «IRA». На правах эксперта входил в состав эстонской делегации на эстонско-французских переговорах по заключению торгового договора (осень 1921 – 7. 01 1922). В начале 1930 переехал из Эстонии в Бразилию, где скончался в Сан-Паулу.
- Источники:* ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 41 об.; Арумяэ Х. *За кулисами «Балтийского союза»*. Таллин, 1966. С. 98; Рутыч Н. Н. *Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии*. М., 2002. С. 247–249; Волков С. В. *Белое движение. Энциклопедия гражданской войны*. СПб.; М., 2003. С. 277.
159. **фон Крузенштерн Эрих Федорович** (1859 – 26. 03. 1936) — полковник. Служил в лейб-гвардии Измайловском полку. Старейший измайловец в Эстонии. Страдал болезнью сердца. Скончался в автомобиле по дороге в больницу. Похоронен в фамильном склепе в Кегеле рядом с братьями Альфредом и Акелем и отцом вице-адмиралом Ф. К. Крузенштерном (ум. в 1898).
- Источники:* *Таллиннский день* // ВД. 1936. 27 марта. № 71. С. 1; [Объявление] // ВД. 1936. 27 марта. № 71. С. 2; *Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1997 / Составитель В. Н. Чуваков. Том 3: И–К. М., 2001. С. 568.*
160. **Кузьмин Николай Николаевич** (1873 – 30. 04. 1940, *Таллинн*) — полковник корпуса военных топографов. До Первой мировой войны служил производителем работ Управления съемки северо-западного пограничного пространства (Рига). Похоронен 2 мая на Александро-Невском кладбище.
- Источники:* *Общий список офицерским чинам Русской императорской армии*. СПб., 1909. С. 19; [Объявление] // ВД. 1940. 30 апр. № 97. С. 2.
161. **Кудрявцев Андрей Евгеньевич** (28. 07. 1869, *Рязанская губ.* – 04. 09. 1941, *Пермская обл., Усольлаг*) — полковник. Окончил 1-й кадетский корпус и подготовительный кандидатский класс при Главном инженерном управлении. Служил в 4-м полевом инженерном парке. Прапорщик с 18. 05. 1888, подпоручик с 3. 12. 1892, поручик с 3. 12. 1896, штабс-капитан с 3. 12. 1900, капитан с 6. 12. 1904, подполковник с 26. 02. 1910. Помощник

делопроизводителя старшего оклада канцелярии Александровского комитета о раненых с 5. 07. 1897; делопроизводитель канцелярии с 20. 11. 1912. За время службы до мая 1913 был награжден орденами до Св. Анны 3-й степени. Местожителство в Эстонии — Таллинн. Являлся владельцем публичной библиотеки. Председатель таллиннского отдела Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, член правления Общества помощи бывшим военнослужащим в Эстонии и комитета ДРИ (председатель с 1935); член РОВСа в Эстонии. Арестован органами НКВД в Таллинне 14. 05. 1941. Умер в Уссолягае.

Источники: *Список подполковникам. Ч. 2. СПб., 1913. С. 55; Союз русских увечных воинов // НПИ. 1926. 20 окт. № 1. С. 3; РАЕ. Kd. 2. Tallinn, 1998. Lk. 191; Бойков В. Русский Обще-воинский Союз (РОВС) и Эстония // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Таллинн, 2000.*

162. **Кудрявцев Василий Павлович** (?) — полковник. Служил в 92-ом пехотном Печорском полку (офицер полка с 1895). К 1903 состоял в чине поручика младшим офицером 14-й роты. 21. 01. 1917 был произведен в чин полковника со старшинством с 4. 09. 1916. В 1920–30-е годы жил в Нарве. Автор некролога бывшему командиру полка А. Е. Вандаму (Кудрявцев В. Памяти генерала А. Е. Вандама // СНЛ. 1933. 12 сент. № 102. С. 3).

Источники: *Юганов Н. А. История 92-го пехотного Печорского полка. 29-го Апреля 1803–1903. СПб., 1903. С. 284; Высочайшие награды // Русский инвалид. 1917. 10 февр. № 39. С. 1.*

163. **Кудрявцев Сергей Александрович** (08. 10. 1898, Изборск – ?) — унтер-офицер. Окончил Псковское духовное училище в 1912 и поступил в Псковскую духовную семинарию, где проучился до 10. 02. 1918. В СЗА служил в отдельной пулеметной команде, а затем связистом Островского полка, затем служил писарем обоза Темницкого полка. В Эстонии проживал в Нарве и с 1926 работал управляющим буфетом Нарвского русского общественного собрания. Работал также на Лынопрядильной фабрике. Являлся одним из организаторов Союза северо-западников и членом Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Арестован органами НКВД в Таллинне 01. 08. 1947 и приговорен к 10 годам ИТЛ и 5 годам поражения в гражданских правах.

Источники: *[Объявление] // СНЛ. 1926. 14 янв. № 4. С. 4; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 18117. Л.150; Ф. 130. Д. 9537. Т. 2. Л. 17; РАЕ. Kd. 2. Tallinn, 1998. Lk. 191; Бойков В. Архивные материалы о Союзе северо-западников // Труды РИЦЭ. Вып. 3 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2004. С. 171.*

164. **Кулицкий Александр Александрович** (1890 – ?) — полковник. Казначей таллиннского отдела Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Работал в типографии «ЕРК», где печаталась местная монархическая газета «Наш час», а также работал корреспондентом иностранных газет. В сентябре 1926 вместе с А. В. Чернявским организовал отдел Российского центрального объединения в Эстонии; был заместителем председателя отдела. Сведения о деятельности этой организации отсутствуют. Активный член эстонского отдела РОВСа; выполнял поручения Б. В. Энгельгардта, которые были связаны с организацией террористического акта против главы советского полпредства. Один из участников скандала в концертном зале «Эстония», устроенного на лекции П. Н. Милюкова 19. 05. 1927. Был выслан из Эстонии; получил отсрочку до 15. 07. 1927 для ликвидации своих дел. Развелся со своей первой женой и обручился с дочерью владельца ресторана в Бригиттовке Эрной Петерсон, но уехал один во Францию.

Источники: ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 183–185; *Союз русских увечных воинов* // НПИ. 1926. 20 окт. № 1. С. 3; *Кулицкий едет во Францию* // ВД. 1927. 15 июля. № 187. С. 1; *Бойков В. Русские в Эстонии (по материалам ОГПУ СССР)* // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. V. Рига, 1999. С. 84, 99; *Бойков В., Исаков С., Раясалу И. Политическая жизнь* // *Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)* / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001. С. 81; *Меймре А. «За веру, царя и отечество»: эпизод из деятельности русских монархистов в Эстонии* // *Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. СПб., 2002. С. 291–292.*

165. **Куннос Густав Фридрикович** (29. 07. 1878, *Вырумаа* – 20. 08. 1926, *Таллинн*) — генерал-майор. Окончил Псковское реальное училище, Московское военное училище по первому разряду (1901) и Александровскую военно-юридическую академию по первому разряду (1910). Служил в 86-м пехотном Вильманстрандском полку. Участвовал в Русско-японской войне, за отличия в которой был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и произведен в поручики. 1. 03. 1906 был направлен обратно в полк. Штабс-капитан с 1908. Капитан с 23. 05. 1910. Служил в прокуратуре Петербургского военного округа. С 3. 02. 1912 — помощник прокурора Омского военного округа. В этой должности прослужил всю Первую мировую войну. Подполковник с 6. 12. 1912. Полковник с 6. 08. 1917. Правительством Колчака был произведен в генерал-майоры 16. 03. 1919. В октябре 1921 оптировался в Эстонию. 22. 10. 1921 взят на учет офицеров эстонской армии и утвержден в чине полковника. В марте 1922 назначен членом Военно-окружного суда. 22. 09. 1922 — председатель Военно-окружного суда. С 1922 по 1926 читал лекции в Военном училище и на Курсах Генерального штаба. Генерал-майор эстонской армии с 24. 02. 1926. Похоронен на Коплиском кладбище. В 1950-е могила была уничтожена.

Источники: *Список капитанам армейской пехоты по старшинству. СПб., 1911. С. 1657; Денисов И. [Генерал Г.Ф. Куннос]* // ПИ. 1926. 19 авг. № 184. С. 3; *Õun M. Kindralmajor Gustav Kunnos // Eesti Vabariigi kindralid ja admiralid. 2., parand. ja täiend. tr. Tallinn, 2001. Lk. 36.*

166. **Кутковский Тенисвар (Телесфор) Георгиевич** (1883 – ?) — полковник. Окончил гимназию в Тифлисе. Офицер с 1905. В Первую мировую войну служил в 92-м пехотном Печорском полку. В начале 1915 был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. В марте 1915 был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. Награжден Георгиевским оружием (1916). В 1917 произведен в подполковники. В СЗА — комендант штаба армии. Один из учредителей Союза северо-западников и член ревизионной комиссии Союза русских увечных воинов-эмигрантов. Уехал в Польшу (в период с мая 1930 по май 1931).

Источники: *Высочайшие награды* // ПВ. 1915. 17 (30) янв. № 13. С. 1; ФГАЭ. Ф. 497. Оп. 2. Ед. хр. 645. Л. 485; *Общее собрание Союза инвалидов* // СНЛ. 1928. 17 мая. № 52. С. 3; *Годовая деятельность Союза русских инвалидов* // СНЛ. 1929. 16 мая. № 58. С. 3; *Собрание русск. инвалидов* // СтНЛ. 1930. 6 мая. № 48. С. 2; *Бойков В. Архивные материалы о Союзе северо-западников* // *Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 3 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2004. С. 154, 175.*

167. **Кушелевский Александр Валерьянович** (11. 10. 1883 – 1. 06. 1950, *Сан-Паулу, Бразилия*) — полковник Генерального штаба. В 1902 г. окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус, затем Николаевское инженерное училище. В 1911 — Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал

в Русско-японской, Мировой и Гражданской войнах (СЗА). Служил в 3-м Восточно-Сибирском саперном батальоне, в штабе 14-й пехотной дивизии, в 15-м стрелковом князя Черногория Николая I полку, в штабе Одесского военного округа, в штабе крепости Гродно, в штабе 1-го Туркестанского армейского корпуса, в штабе 156-й пехотной дивизии, в 57-й пехотной дивизии. 5. 12. 1917 был назначен начальником штаба 44-го армейского корпуса. 1. 03. 1918 в связи с демобилизацией корпуса был освобожден от занимаемой должности. 29. 08. 1919 — начальник разведки СЗА. 6. 09. 1919 назначен в распоряжение командующего 2-го корпуса СЗА. 2. 11. 1919 — назначен в распоряжение командующего 1-го корпуса СЗА. С 24. 11. 1919 начальник штаба 1-го корпуса. В эстонских вооруженных силах с 11. 03. 1920: до 25. 07. 1920 служил в Военно-инженерном управлении, затем — старшим офицером для поручений при управлении Генерального штаба, 17. 09. — переведен в распоряжение инспектора военно-инженерных войск. С 15. 10. лектор эстонского Военного училища. Летом 1922 руководил летними практическими занятиями по тактике для офицеров и кадетов 3-й группы. Приказом правительства Эстонии от 4. 08. 1922 был освобожден от занимаемой должности, как иностранный подданный. Был награжден всеми российскими орденами вплоть до ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В 1925 уехал в Бразилию (Сан-Паулу), где возглавил «Союз русских воинов».

Источники: ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 2315; Анонс // НЖ. 1926. 22 апр. № 1. С. 4; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб., 2003. С. 537; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1997 / Составитель В. Н. Чуваков. Том 3: И–К. М., 2001. С. 670.

168. **Кюн Константин Александрович** (1889, Нарва – ?) — капитан. Окончил гимназию в Нарве и Владимирское военное училище (1911). Во время Первой мировой войны служил в 112-м пехотном Уральском полку. В 1917 состоял в чине капитана. Был награжден Георгиевским оружием. Служил в СЗА. В 1920–30-е годы жил в Нарве. В 1931 — кандидат в члены правления нарвского отдела Союза русских военных инвалидов в Эстонии. В 1939 уехал в Германию.

Источники: Нарвский отдел ревельск. Союза русских военных инвалидов // СНЛ. 1931. 3 нояб. № 125. С. 2; ГАЭ. Ф. 14. Оп. 143. Ед. хр. 4497; Ф. 497. Оп. 2. Ед. хр. 642.

169. **Кюн Николай Александрович** (30. 11. 1856 – 27. 07. 1931, Нарва) — генерал-майор. Окончил Царскосельскую гимназию и С.-Петербургское пехотное юнкерское училище. Служил в 92-м пехотном Печорском полку (офицер полка с 1883). Прапорщик с 12. 09. 1880, подпоручик с 2. 03. 1883, поручик с 2. 03. 1887, штабс-капитан с 21. 03. 1891, капитан с 15. 03. 1895, подполковник с 26. 02. 1903, полковник с 6. 12. 1910. Принимал участие в Русско-японской войне 1904–05. За время службы до 1913 был награжден орденами до Св. Анны 2-й степени включительно.

Источники: Юганов Н. А. История 92-го пехотного Печорского полка. 29-го Апреля 1803–1903. СПб., 1903. С. 283; Список полковникам по старшинству. Ч. 1. СПб., 1913. С. 794; [Объявление] // СНЛ. 1931. 28 июля. № 83. С. 1.

170. **Лебедев Дмитрий Капитонович** (наст. фамилия — Luik; 16. 07. 1872, д. Удувере, Пярнуск. уезда – 8. 01. 1935, Таллинн) — генерал-майор Генерального штаба. Окончил Пярнускую гимназию (1890), Рижскую духовную семинарию, Виленское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду (1904). В 1891 служил вольноопределяющимся в 178-м пехотном Изборском полку. С 1895 служил в

131-м пехотном Тираспольском полку. С декабря 1905 по декабрь 1906 проходил цензовое командование ротой в 168-м пехотном Миргородском полку. Исполнял должности старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа во время Русско-японской войны, старшего адъютанта штаба 18-й пехотной дивизии (до 1908), обер-офицера для поручений при штабе Варшавского военного округа (до 1911). За время службы в Варшавском военном округе несколько раз присутствовал во время командировок в Австрию и Германию на императорских маневрах. Выучил немецкий язык и сдал много переводов трудов германских военных авторов. Проявил себя также даровитым редактором военно-научного журнала «Военное дело за границей». В 1911 был приглашен на должность штатного преподавателя Императорской Николаевской военной академии; также читал лекции в инженерном и кавалерийском училище, Пажеском корпусе и Николаевской инженерной академии. С началом Первой мировой войны получил назначение в штаб 2-й армии генерала А. В. Самсонова на должность начальника разведки. Во время окружения армии участвовал 29. 08. 1914 в конной атаке пулеметные позиции неприятеля. Затем служил начальником штаба 59-й дивизии и командиром 26-го пехотного Могилевского полка. За время войны был награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней; за участие в прорыве у озера Нароч в марте 1916 — Георгиевским оружием. В 1917 назначается обратно на должность преподавателя академии. 2. 04. 1917 произведен в чин генерал-майора. После октябрьского переворота служил преподавателем на академических курсах Красной армии в Москве и в школе штабной службы. С 1917 был также редактором газеты «Русский инвалид» и журналов «Военный сборник» и «Военное дело»; входил также в состав комиссии по описанию событий Первой мировой войны. В 1921 оптимировался в Эстонию. С 1. 04 1921 состоял на службе в эстонской армии с сохранением генеральского чина. Преподавал в Военном училище и на Курсах Генерального штаба. 1. 04. 1927 вышел в отставку. Состоял на должности командира особой роты Северного отряда таллиннской Самозащиты и председателем Общества филистров при студенческой корпорации «Fraternitas Ergonia». После выхода в отставку начал заниматься торговлей оружия. С 5. 06. 1933 состоял представителем фирмы «Bing&Co». Был причастен как посредник к продаже кораблей «Леннук» и «Вамбола», и после шумного скандала был привлечен к суду. Прямого обвинения ему предъявлено не было и он был освобожден из-под ареста, лишен права ношения мундира эстонской армии. Умер после перенесенной операции в частной клинике.

Источники: *Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1132; Список Генерального штаба. СПб., 1914. С. 492; Д. Лебедев освобожден от должности командира роты самозащиты // ВД. 1934. 23 янв. № 19. С. 1; Вчера допрашивали ген. Д. Лебедева // ВД. 1934. 24 янв. № 20. С. 1; Допросу ген. Д. Лебедева придают большое значение // ВД. 1934. 25 янв. № 21. С. 1; Допрос ген. Д. Лебедева продолжается // ВД. 1934. 26 янв. № 22. С. 1; Слухи о 70 000 дол. ген. Д. Лебедева окончательно рассеяны // ВД. 1934. 28 янв. № 24. С. 1; Таллинский день // ВД. 1934. 29 янв. № 25. С. 1; Таллинский день // ВД. 1934. 3 марта. № 58. С. 1; Suri erukindral Lebedev // Päevaleht. 1935- 9. jaan. Nr. 9. Lk. 4; Баиов А. † Генерал-майор Д. К. Лебедев // Часовой. 1935. 15 февр. № 144. С. 20; Õun M. Kindral-major Dimitri Lebedev // Eesti Vabariigi kindralid ja admiralid. Tallinn, 1997. Lk. 52–53; Бойков В. Честь имею... // Таллинн. 1998. № 10. С. 176–177.*

171. **Лебедев Феофан Николаевич** (2. 11. 1871, *Нарва* – ?) — полковник. Окончил духовное училище в Белозерске, Олонецкую духовную семинарию и С.-Петербургское военное юнкерское училище в 1894. Принимал участие в Русско-японской войне; за отличия награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а также за боевые отличия произведен в чин капитана. Являлся чемпионом России по стрельбе; в 1912 участвовал в Олимпийских играх. До Первой мировой войны служил в 88-м пехотном Петровском и в 92-м пехотном Печорском полках. В 1916 был назначен командиром 92-го пехотного Печорского полка. С января 1917 — командир 75-го Сибирского стрелкового полка. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени (3. 02. 1916). В эстонских вооруженных силах: с 18. 05. 1920 по 1. 10. 1920 — инструктор спортивных курсов; с 1. 10. 1920 — постоянный лектор Военного училища. Последние данные — май 1940 — участвовал в сборах резервистов.
- Источники:* *Список капитанам армейской пехоты по старшинству. СПб., 1911. С. 1219; Высочайшие награды // ПВ. 1916. 16 (29) февр. № 37. С. 1; ГАЭ. Ф. 495. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 31; ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 2586; Исаков С. Г. Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.). Словник. Изд. 3-е, испр. и доп. Таллинн, 2006. С. 101.*
172. **Левицкий Александр Павлович** (18. 09. 1885, *Кронштадт* – 06. 05. 1941, *Ленинград*) — старший лейтенант (капитан 1-го ранга?). Сын адмирала П. П. Левицкого и отец известного философа С. А. Левицкого. На службе с 1902. Окончил Морской корпус. Офицер с 21. 02. 1905. Старший лейтенант с 6. 12. 1915. 1905–06 – служил в артиллерийском отряде. 1907–10 – в минной дивизии. Минный офицер 1-й статьи (1911–18). Во время Первой мировой войны служил в дивизии подводных лодок. В ВМФ Эстонии служил на минном складе (5. 12. 1918 – 3. 01. 1919). В СЗА состоял на должности начальника дивизиона броневых поездов, затем 9. 05. 1919 был переведен на «Леннук». Награды: ордена Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени. На жизнь зарабатывал работой тапером в кино. Автор ряда музыкальных произведений (оперетта «Усадьба нимф», торжественная контата, посвященная юбилею общества «Гусли», а также музыка к театральным представлениям). Арестован органами НКВД в Таллинне (Нымме) 16. 08. 1940. Решением трибунала от 21. 01. 1941 приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.
- Источники:* *ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 2718; РАЕ. Кд. 2. Tallinn, 1998. Лк. 242; Исаков С. Г. Русские в Эстонии (1918–1940). Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. С. 327–328; Исаков С. Г. Музыка // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. Проф. С. Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001. С. 361; Бойков В. История одной легенды // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. VII. Вильнюс, 2002. С. 246.*
173. **Левицкий Павел Павлович** (3. 10. 1859 – 31. 07. 1938, *Таллинн*) — вице-адмирал. Службу начал гардемаринном на таможенном крейсере в Ревеле. Окончил Морской корпус и был произведен в мичманы в 1881. Вскоре заинтересовался минным делом и поступил в минные классы, где учебу проходил под руководством знаменитого физика профессора А. С. Попова. Лично участвовал в первых попытках радиосвязи. В начале 1890-х командовал миноносцем, а в 1897 (1896–?) г. отправился на Тихий океан старшим минным офицером крейсера 1-го ранга «Владимир Мономах». С 15. 06. 1898 — старший офицер эскадренного броненосца «Сисой Великий». 6. 12. 1899

произведен в капитаны 2-го ранга. В начале 1900-х был наблюдающим за постройкой судов на Невском судостроительном заводе. 4. 02. 1904 был назначен командиром крейсера 2-го ранга «Жемчуг», с которым в составе 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием адмирала Рождественского участвовал в Цусимском сражении 14. 05. 1905. После боя ушел в составе отряда судов под руководством контр-адмирала Энквиста на Манилу, где все суда были интернированы. По окончании войны, командуя все тем же «Жемчугом», прибыл во Владивосток, где принял командование отрядом подводных лодок. 6. 12. 1906 был произведен в капитаны 1-го ранга. 19. 03. 1907 назначен начальником учебного отряда подводного плавания на Балтийском море. Награды до 1910: серебряная медаль в память царствования императора Александра III, серебряная медаль в память Священного коронования, бронзовая медаль в память Русско-японской войны в 1904–1905, ордена до Св. Владимира 3-й степени, а также два прусских ордена. В 1911 был назначен начальником бригады подводного плавания на Балтийском море (до 10. 04. 1915). 25. 03. 1912 был произведен в контр-адмиралы «за отличие по службе». В 1915 состоял при морском министре, а с января 1916 — начальником комиссии по наблюдению за постройкой подводных лодок. Эту должность исполнял до 1918 г. В 1918 перешел на службу в украинском флоте. Переехал в Севастополь, где был назначен заведующим резервом офицеров флота. 15 мая приказом главнокомандующего был назначен комендантом Ялтинского порта. В ноябре 1920 ведал эвакуацией частей армии генерала Врангеля из Ялты, после чего через Константинополь прибыл в Афины и некоторое время проживал в Греции. В июне 1924 вступил в «Корпус офицеров Императорской армии и флота» и был направлен в Эстонию в качестве представителя великого князя Кирилла Владимировича. Приказом по корпусу императорской армии и флота от 24. 04. 1930 произведен великим князем Кириллом Владимировичем в вице-адмиралы. Председатель Ревизионной комиссии Дня русского инвалида. Являлся организатором и главой Объединения бывших русских моряков в Эстонии. Почетный член Кассы взаимопомощи моряков.

Источники: Список лицам, состоящим в Морском ведомстве и адмиралам и штаб-офицерам строевого и берегового составов флота и чинам, зачисленным по флоту. Ч. 1. СПб., 1910. С. 57; Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. М., 2002. С. 172-173; Quidam. Маленькие заметки // ВД. 1938. 10 авг. № 179. С. 1.

174. **Лежневский Нестор Павлович** (12. 03. 1881, Ревель – 03. 02. 1941, Ленинград) — полковник (1917). Окончил таллинскую Александровскую гимназию и Петербургское пехотное юнкерское училище. В императорской армии с 1898. Начал службу рядовым. Служил в 89-м пехотном Беломорском полку. Награды: Св. Анны 4-й степени, Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени, Золотое Георгиевское оружие и орден Св. Георгия 4-й степени. Высочайшим приказом от 2. 06. 1915 капитан 89-го пехотного Беломорского полка Лежневский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за то, что в бою 8-го декабря 1914 года у фольв. Сковронно, верно оценив положение, бросился по круче с частью своей роты в тыл противника и штыковым ударом выбил неприятеля с первой линии окопов, захватив при этом более 200 человек пленных, а остальных заставил бежать». Высочайшим приказом от 10. 12. 1915 был награжден Георгиевским оружием. Во время Мировой войны был контужен и обморозил в Карпатах голову. С марта 1918 по август 1921 преподавал в Саратове на военно-

хозяйственных курсах. В 1921 переехал с семьей в Эстонию, через 2,5 – 3 месяца после приезда поступил на военную службу в эстонской армии комендантом Юхкентальского военного госпиталя до сентября 1923. До 1926 на разных работах. До ареста работал судебным приставом. Член общества «Русский дом», Кайтселията, Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, Объединения Георгиевских кавалеров и РОВСа. Арестован органами НКВД в Таллине 13. 08. 1940. Решением трибунала от 30. 12. 1940 приговорен к расстрелу. Расстрелян.

Источники: *Высочайшие награды // ПВ. 1915. 13 (26) июня. № 129. С. 1; 1916. 3 (16) янв. № 2. С. 1; ФГАЭ. Ф. 130. Д. 13305.*

175. **Лидке Николай А. (?)** — подпоручик. В СЗА служил в 9-м пехотном Волынском полку. Приказом по армии за № 274 от 22. 10. 1919 был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». После ликвидации СЗА жил в Нарве. В 1933 был избран председателем Общества друзей русских скаутов при 1-й Нарвской дружине русских скаутов.

Источники: *Емельянов П. Развитие русского скаутизма в Нарве // Русский скаут. 1937. Июнь. С. 2; Бойков В. А. Наградные списки офицеров и военнослужащих Северо-Западной армии // Михайлов день 1-й: Журнал исторической России. Ямбург [Кингисепп], 2005. С. 263.*

176. **Литвинов Сергей Александрович** (6. 09. 1861, Новгородская губ. – 6. 11. 1927, Таллинн) — полковник. Из дворян Новгородской губернии. Окончил подготовительный пансион; в 1883 окончил Николаевское кавалерийское училище с зачислением в лейб-гвардии Драгунский полк (Старый Петергоф), где провел всю свою службу, зарекомендовав себя выдающимся спортсменом. В 1886 кончает Офицерскую кавалерийскую школу и возвращается в свой полк, где назначается начальником инструкторского отдела верховой езды. С 1896 г. временно командует 4-ым эскадроном, затем – 6-ым эскадроном. С октября 1909 по апрель 1910 исполнял обязанности начальника Царскосельского местного лазарета. 6. 12. 1909 произведен в чин полковника со старшинством. В 1910 в назначается воинским начальником в Ревель. В 1919 занял должность коменданта русских частей Ревеля. Последние годы перед смертью отошел от служебной деятельности и занялся администрированием балетной студии своей супруги Е. В. Литвиновой (урожд. Махотина). Был кавалером всех российских орденов до Св. Владимира 2-й степени включительно. Скончался от кровоизлияния в мозг. Похоронен 9 ноября на Александро-Невском кладбище.

Источники: *Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 495; П. О. С. А. Литвинов // НГ. 1927. 8 нояб. № 193. С. 3; С. А. Литвинов // ВД. 1927. 8 нояб. № 303. С. 1; Похороны С. А. Литвинова // ВД. 1927. 10 нояб. № 305. С. 1.*

177. **Логинов Николай Александрович** (? – 17. 11. 1928, Таллинн) — поручик инженерной дружины СЗА.

Источники: *[Объявление] // ВД. 1928. 19 нояб. № 313. С. 2.*

178. **Лопухин Владислав Михайлович** (1882 – 3. 03. 1927, Пярну) — штабс-капитан СЗА, юрист. С конца 1923 проживал в Пярну, на 1924 состоял на должности секретаря Комитета русских эмигрантов. Умер в Пярну на 45 году жизни. Окончил СПб. училище правоведения, был очень богат; владелец больших имений в Псковской губернии, где служил по выборам. Был отзывчив, учреждал стипендии в учебных заведениях и богадельнях.

Источники: *ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 161; Умер В. М. Лопухин // ВД. 1927. 6 марта. № 64. С. 2.*

179. **Луик Арнольд Андреевич** (05. 08. 1881 – 24. 10. 1935, Таллинн) — полковник артиллерии. Окончил Ревельское реальное училище и

Константиновское артиллерийское училище. Служил офицером в 24-ой и 23-ей артиллерийских бригадах. Затем состоял в течение многих лет адъютантом инспектора артиллерии 18-го армейского корпуса. В последней должности принял участие в Первой мировой войне. В 1916 доблестно командуя мортирной батареей, был тяжело ранен в ногу. В 1919 в Одессе организовал сапожную мастерскую в целях обеспечения работой инвалидов войны. Вернувшись в Эстонию, служил несколько лет в Государственном контроле. Вышел в отставку и работал массажистом при Красном Кресте. Был хорошим музыкантом, постоянно принимал участие в благотворительных концертах, интересовался философскими вопросами и возглавлял Общество психических исследований. Скончался от сердечной недостаточности.

Источники: Верцинский Э. [Некролог] // ВД. 1935. 26 окт. № 253. С. 1.

180. **Львов Владимир Семенович** (6. 08. 1854 – 8. 12. 1926, *Таллинн*) — генерал-майор. Родом из потомственных дворян Псковской губернии. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище в 1874 и был направлен в чине прапорщика в 119-й пехотный Коломенский полк. Подпоручик с 7. 08. 1875, поручик с 26. 12. 1876, штабс-капитан с 18. 12. 1878, капитан с 30. 08. 1889, подполковник с 10. 10. 1897, полковник с 14. 05. 1909. С 19. 10. 1886 по 25. 04. 1889 находился в запасе. В последующем вернулся в строй и был переведен в 23-ю артиллерийскую бригаду, где командовал сначала 8-й батареей (до 14. 05. 1909), затем командовал 2-м дивизионом (до 4. 12. 1910), а затем исполнял обязанности помощника командующего бригады. В 1912 вышел в отставку. Был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени. С объявлением войны с Германией В. С. Львов поступил на службу в Красный Крест. Революция застала его в должности заведующего учреждениями Красного Креста Северо-западного фронта. Был вынужден покинуть родину и разлучиться с женой. В эмиграции нашел себе приют в Таллинне, в семье эмигрантов, ставших ему родными. Не вынес физического труда и заболел. Продолжительное время провел в городской больнице, где и умер.

Источники: Список полковникам по старшинству. Ч. 1. СПб., 1911. С. 960; [Объявление] // НПИ. 1926. 10 дек. № 43. С. 4; † Генерал-майор В. С. Львов // НПИ. 1926. 12 дек. № 45. С. 3.

181. **Львовский Александр Сильвестрович** (1. 09. 1858 – 15. 01. 1938, *Таллинн*) — генерал-майор. Из дворян Петербургской губернии. Образование получил в Николаевском училище гвардейских юнкеров (до 1859 — Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров), которое закончил с отличием, и его имя было занесено на мраморную доску. По окончании училища 8. 08. 1880 из старших вахмистров был произведен корнетом в кавалергарды. В 1883 командирован в 1-й Военно-телеграфный парк для обучения телеграфированию. В 1885 произведен в поручики. С 5. 05. 1885 по 21. 08. 1890 состоял на должности полкового квартирмейстера. С 24. 08. 1888 по 8. 12. 1889 — заведующий полковой хлебопекарней. С 2. 10. 1889 управлял также мастерскими. В 1889 получил чин штаб-ротмистра. 22. 10. 1890 прикомандирован к кадру № 1 гвардейского кавалерийского запаса. 27. 01. 1891 назначен чиновником для поручений при начальнике Главного штаба с зачислением по гвардейской кавалерии. В 1901 дослужился до чина полковника. В 1902 поступил в распоряжение Финляндского генерал-губернатора, а в 1905 назначен Ньюландским губернатором. 30. 05. 1906 произведен в генерал-майоры с увольнением в отставку с мундиром. Женат с 1884 на дочери барона Икскуль, баронессе Ольге Яковлевне. Четыре дочери: Ольга (род. 9. 04. 1885), Надежда (род. 18. 11. 1886), Вера (род. 30. 08. 1888),

Любовь (род. 8. 08. 1889). Согласно спискам пожертвований учреждениям Красного креста Эстляндской губернии, был самым щедрым жертвователем, внесшим вместе с супругой по 500 рублей. С 1928 принадлежавший ему дом на Вышгороде был сдан в аренду государству для размещения в нем налоговых инспекций.

Источники: Панчулидзева С. *Сборник биографий кавалергардов. Кн. 2. СПб., 1908. С. 325; Список № 9 пожертвований, поступивших в учреждения Красного креста // Эстляндские губернские ведомости. 1914. 2 окт. № 40. С. 3; Ревельский день // ВД. 1928. 11 мая. № 124. С. 1; [Объявление] // ВД. 1938. 21 янв. № 16. С. 2.*

182. **Лютер Вильгельм Александрович** (1876 – 1940, *Нарва*) — генерал-майор корпуса корабельных инженеров. В службе офицером с 1893. В 1914 — полковник, помощник начальника Адмиралтейского судостроительного завода. С декабря 1918 по октябрь 1921 по приглашению и доверенности директора-распорядителя Русско-Балтийского общества Овчарова исполнял обязанности директора Русско-Балтийского завода в Таллинне. После ревизии завода трудовой инспекцией был оштрафован на сумму 10 000 эстонских марок за нарушение некоторых положений трудового кодекса (отсутствие на заводе расчетных книг, книг личных счетов и списков рабочих и т.д.). После этого решением попечительского совета завода был освобожден от занимаемой должности. Лютер обжаловал решение попечительского совета, но безрезультатно. На март 1927 — член Кассы взаимопомощи моряков.

Источники: *Адрес-календарь. СПб., 1914. С. 1518; ИАЭ. Ф. 1804. Оп. 1. Ед. хр. 1165; Волков С. В. Офицеры флота и Морского ведомства. М., 2004. С. 286.*

183. **Макаров Георгий Яковлевич** (?) — штабс-капитан. В Эстонии работал лесником в приграничной полосе под Нарвой и счетоводом нарвского отделения Комитета русских эмигрантов. Сотрудничал с П. Н. Максимовым по сбору разведанных о СССР.

Источники: *ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26756. Л. 126.*

184. **Максимов Александр Максимович** (?) — поручик. Из семьи зажиточных крестьян деревни Марьино Псковского уезда. Окончил 5 классов псковской гимназии, экстерном сдал экзамены учительских курсов. В 1916 призван в армию. В 1917 окончил школу прапорщиков в Пскове; служил в 229-м пехотном запасном полку. В ноябре 1917 был отправлен на фронт, но ввиду общего отступления частей русской армии до него не добрался и вернулся домой. После Октябрьского переворота работал учителем в Островском уезде. Летом 1919 добровольцем вступил в СЗА. Был произведен в подпоручики, командовал ротой Великоостровского полка. За проявленную храбрость в бою под деревней Авдятово был награжден орденом Св. Анны 4-й степени. За время дальнейшей службы в рядах СЗА был также награжден орденами Св. Станислава 4-й степени и Св. Владимира 4-й степени. В бою у деревни Вешково в ноябре 1919 был тяжело ранен в обе руки. Уже, находясь на излечении в Тарту, был произведен в чин поручика. Из госпиталя вышел в мае 1920. Осенью того же года получил место учителя начальной школы в деревне Бельково Печорского уезда, затем работал в деревнях Косыгина Гора и Гористица. Несколько раз пересекал границу СССР. В 1925 был арестован и в принудительном порядке дал подписку о сотрудничестве с органами НКВД. До 1929 передавал сведения о расположении эстонских пограничных постов и о членах местного Кайтселийта. В 1929 прекратил сотрудничество с НКВД. В течение ряда лет руководил местным отделением Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, состоял в РОВСе, принимал участие в

деятельности Русского национального союза, был членом кружка русских государственников-монархистов, который собирался в доме адвоката П. П. Златинского в Печорах. 30. 12. 1940 осужден на 8 лет лагерей.

Источники: Калкин О. *На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах-участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг.* Псков, 2003. С. 128–140.

185. **Максимов Петр Николаевич** (21. 01. 1897, СПб. – 22. 03. 1941?) — капитан. Секретарь Союза северозападников (Нарва). Перед арестом 17. 08. 1940 работал сторожем на Суконной и Льнопрядильной мануфактурах. Мать родом из крестьян, отец работал электриком. Окончил Санкт-Петербургское коммерческое училище. До 1917 служил в 301-ом Бобруйском полку; дослужился до чина поручика. В СЗА состоял в чине поручика и штабс-капитана (июнь 1919 – октябрь 1919). Брат пропал без вести во время Мировой войны. До СЗА служил в Красной армии, в 3-ем рабочем Петроградском полку. В конце мая–начале июня 1919 под местечком Питалово захвачен в плен частями эстонской армии. Был направлен в Валк, затем в Псков, где был включен в состав Вятского полка Булак-Балаховича. В составе этого полка был направлен на фронт за реку Луга, где в бою у деревни Юра-Михалка был ранен в живот. На излечение отправлен в Нарву в госпиталь Красного креста до 16 октября 1919. 17 октября был направлен на фронт. 19 октября был ранен осколком снаряда в ногу. Был отправлен в Нарву в 3-ий армейский корпус, откуда вышел в 1920 с ампутированной левой ногой. С августа 1920 по май 1921 находился в инвалидном доме на станции Вайкюль, где состоял на должности коменданта. В мае 1921 инвалидный дом был переведен в Нарву, где просуществовал до 1924. Все это время М. был его делопроизводителем. В 1923 поступил на работу на Льнопрядильную мануфактуру, а в 1924 — на Суконную. Член и секретарь Союза русских увечных воинов, член Союза северозападников. Арестован органами НКВД в Нарве 7. 08. 1940. Решением трибунала от 22. 03. 1941 приговорен к расстрелу.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26756.

186. **Максимович Анатолий Николаевич** (29. 10. 1861 – 9. 06. 1921, Таллинн) — полковник. Окончил Одесское реальное училище, Одесское пехотное юнкерское училище и Офицерскую стрелковую школу. Служил в 16-м стрелковом батальоне, 7-м Финляндском стрелковом полку (в 1909 числился в составе полка) и 91-м пехотном Двинском полку. Прапорщик с 9. 01. 1884, подпоручик с 30. 08. 1884, поручик с 30. 08. 1888, штабс-капитан с 2. 07. 1892, капитан с 6. 05. 1900, подполковник с 26. 02. 1910. С 16. 07. 1896 по 16. 11. 1897 находился в запасе. Участвовал в кампании 1900–01, за отличия в которой был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. За время своей службы до 1913 был награжден орденами до Св. Анны 2-й степени включительно. Во время Мировой войны командовал 91-м пехотным Двинским полком.

Источники: *Общий список офицерским чинам Русской императорской армии.* СПб., 1909. С. 421; *Список подполковникам по старшинству.* Ч. 1. СПб., 1913. С. 759; [Объявление] // ПИ. 1921. 11 июня. № 139. С. 4.

187. **Малевиц Александр Николаевич** (12. 09. 1887, Ревель – ?) — старший лейтенант Российского императорского флота, капитан-лейтенант флота ВМС Эстонии. Окончил Ковенскую гимназию в 1904, Морской корпус в 1907 и Минные офицерские курсы в Кронштадте в 1914. Служил на линкорах «Слава» и «Резвый», на кораблях «Рьяный», «Грозный», «Точный», «Генерал Кондратенко», на крейсере «Аскольд», линкоре «Император Павел I», на минном заградителе «Волга». Принимал участие в боевых действиях

российского флота на Балтийском море и Рижском заливе. Перед германской оккупацией состоял на должности старшего минного офицера морской крепости Петра Великого. С сентября по декабрь 1918 служил в Северном корпусе офицером службы связи Чудского дивизиона кораблей. Был переведен в эстонские военно-морские силы, где служил на командных должностях. С сентября 1921 преподавал на Курсах Генерального штаба, а в период 1922–1923 — на курсах морских офицеров мирного времени и в Военно-морском кадетском училище. В январе 1930 отправлен в отставку по собственному желанию. Был награжден российскими орденами до ордена Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, орденом Креста Свободы 1-го разряда 3-1 степени и латвийским офицерским крестом ордена Трех звезд 4-го класса.

Источники: ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 3072.

188. **Малков-Панин Василий Васильевич** (25. 07. 1859 – ?) — генерал-лейтенант. Окончил 3-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию, Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию по 1-му разряду. В службе с 12. 09. 1877. Подпоручик с 8. 08. 1880. Генерал-майор с 6. 12. 1909. С 3. 10. 1885 состоял при Свеаборгском крепостном инженерном управлении. С 15. 02. 1896 — исполняющий обязанности делопроизводителя Финляндского окружного инженерного управления (с 9. 03. 1890 — делопроизводитель). С 13. 08. 1898 состоит в числе штаб-офицеров при Главном инженерном управлении. С 4. 08. 1909 — генерал для поручений при генерал-инспекторе по инженерной части (утвержден 6 декабря 1909 г.). С 18. 01. 1911 — совещательный член инженерной комиссии Главного инженерного управления. На последних двух должностях состоял и в 1912. Во время Мировой войны состоял на должности генерала для поручений при генерал-инспекторе по инженерной части, затем был переведен на должность главного руководителя работ 1-го района в тылу армии Северо-западного фронта. Генерал-лейтенант с 6. 12. 1916 («за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий»). В Эстонии был одним из руководителей Русского национального союза. В ноябре 1935 был избран казначеем союза.

Источники: Список генералам по старшинству. СПб., 1911. С. 766; Весь Петербург на 1913 год. СПб., [1912]. С. 107, 118; Высочайшие награды // Русский инвалид. 1917. 16 февр. № 44. С. 1; Новое правление Русского Нац. Союза // ВД. 1935. 12 нояб. № 267. С. 1.

189. **Малков-Панин Василий Васильевич** (1. 11. 1894, СПб. – 8. 12. 1942, Свердловская обл.) — прапорщик инженерных войск (с 1916). В СЗА — командир саперного взвода. В ноябре 1919 получил ранение в бою у деревни Низы и был эвакуирован. В Эстонии содержал небольшую фирму, занимавшуюся транспортировкой грузов и строительством. Арестован органами НКВД в Куресааре 14. 06. 1941. Решением трибунала от 24. 06. 1942 приговорен к 5 годам ИТЛ. Умер в г. Тавде Свердловской области. Как указывалось в деле, «причина смерти неизвестна».

Источники: ФГАЭ. Ф. 130. Д. 9618-э.

190. **Мальгин Александр Петрович** (27. 01. 1894, СПб. – 14. 05. 1941) — капитан. Окончил Реальное училище Копылова в 1911. С октября 1912 по август 1913 служил вольноопределяющимся в 89-м Беломорском пехотном полку (Ревель), после чего вышел в отставку в чине прапорщика запаса. До 1914 работал в банке. Во время Мировой войны служил в л.-гв. Павловском полку. Принимал участие в боях на западном и юго-западном фронтах. Высочайшим приказом от 3. 04. 1915 прапорщик А. Мальгин был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Войну окончил в

чине штабс-капитана. Некоторое время работал в банке. В августе 1918 состоял в рядах французского легиона в Архангельске в чине лейтенанта. В сентябре 1918 вместе с другими сослуживцами переведен в СЗА. Командовал ротой, а потом батальоном Печерского полка. Произведен в чин капитана (ноябрь 1919). После расформирования армии несколько месяцев жил у своего сослуживца по Беломорскому полку Н. Ф. Малахова. В апреле 1920 уехал во Францию в надежде найти работу. В июле 1921 вернулся в Эстонию. Работал рыбаком, сторожем, бухгалтером и бракером. С 1930 обосновался в Таллинне. Состоял членом Общества взаимопомощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, комитета ДРИ и РОВСа. С конца 1937 был председателем полкового объединения л.-гв Павловского полка в Эстонии. Награды: Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Владимира 4-й степени и Георгиевское оружие. Арестован органами НКВД в Таллинне 13. 10. 1940. Решением трибунала от 10. 03. 1941 приговорен к расстрелу. Расстрелян.

Источники: *Высочайшие награды // ПВ. 1915. 15 (28) апр. № 84. С. 1; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 5185.*

191. **Маресев Петр Петрович** (7. 02. 1876 – 18. 03. 1936, *Париж*) — полковник инженерных войск. Окончил Петербургскую 3-ю гимназию, Александровский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию по первому разряду. После окончания Николаевского инженерного училища служил в 16-м саперном батальоне. После окончания Николаевской инженерной академии состоял на должности репетитора Николаевской инженерной академии и училища. Являлся одним из авторов проекта и строителем особняка его тестя знаменитого профессора Д. Н. Кайгородова (Институтский проспект, 21), построенного в 1904–05. С июня 1906 по июль 1913 — штатный преподаватель Николаевской инженерной академии и училища. Полковник со старшинством с 10. 04. 1911. С 28. 07. 1913 был назначен помощником строителя морской крепости императора Петра Великого, где прослужил до момента занятия Ревеля германскими войсками. Последняя должность — начальник инженеров крепости. Видимо, в последующие годы проживал в Эстонии. С 10. 06. 1921 зачислен в штат постоянных лекторов Военного училища, а с 12 декабря — Курсов генерального штаба; также читал лекции по фортификации в Военно-техническом училище. Преподавал в военных учебных заведениях Эстонии до 10. 09. 1922, когда приказом военного министра был освобожден от занимаемой должности. Остается неизвестной дата его отъезда во Францию. После отъезда в Эстонии осталась его семья: жена (Тамара Дмитриевна, писательница, автор сборника «Лазурное море», деятельница ХСМЖ) и дети (Кира, Татьяна и Петр). Старшая дочь Кира принимала активное участие в движении русских герл-скаутов, сын Петр в конце 1930-х работал землемером, вероятно, в Печерском крае, приверженец НТС.

Источники: *Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 927; Сводка материалов по истории Ревельского укрепленного района // Архив русской революции. Т. XIII. Берлин, 1924. С. 196; ГАЭ. Ф. 495. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 114; Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 171; [Объявление] // ВД. 1936. 24 марта. № 68. С. 2.*

192. **Марциньяк Андрей Антонович** (? – 30. 05. 1938, *Таллинн*) — штабс-капитан Ревельского русского офицерского партизанского отряда и СЗА. Похоронен 2 июня на Александро-Невском кладбище.

Источники: [Объявление] // ВД. 1938. 31 мая. № 121. С. 2.

193. **Медер Сергей Арнольдович** (?) — полковник. В 1909 — поручик л.-гв. 1-го стрелкового Его Величества полка; в 1914 — капитан л.-гв. 3-го Его

Величества полка. Член Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии.

Источники: Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб., 1909. С. 144; Адрес-календарь. СПб., 1914. С. 1351; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л. 100.

194. **Мейендорф Георгий Феофилович** (?) — поручик. Сын генерал-адъютанта. Служил в л.-гв. конной артиллерии. В СЗА служил в Балтийском полку. Приказом по армии за № 468 от 31. 12. 1919 был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В конце февраля 1925 как лейтенант запаса эстонской армии был разжалован в рядовые за незнание эстонского языка. Член эстонского отдела Союза Пажей. Занимался комиссионерством. Вероятно, в 1939 уехал в Германию.

Источники: Хроника // ПИ. 1925. 1 марта. № 50. С. 3; ФГАЭ. Ф. 130. Д. 11566. Т. 1. Л. 125; Бойков В. А. Наградные списки офицеров и военнослужащих Северо-Западной армии // Михайлов день 1-й: Журнал исторической России. Ямбург [Кингисепп], 2005. С. 264.

195. **Мерказин Константин Дмитриевич** (1885, СПб. – после 03. 1941) — подполковник. В 1909 служил в чине подпоручика в 1-м Финляндском стрелковом полку. Высочайшим приказом от 16. 04. 1915 в чине поручика был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В Эстонии 1920–30-х проживал в Печорах, являлся представителем тартуского отдела Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Возглавлял печорскую группу «Братства Русской Правды». Предположительно во второй половине 1930-х переехал в Таллинн. Арестован органами НКВД в Таллинне 06. 11. 1940. Решением трибунала от 14. 03. 1941 приговорен к расстрелу.

Источники: Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб., 1909. С. 417; Высочайшие награды // ПВ. 1915. 29 апр. (12 мая). № 95. С. 1; Л. Д. Помощь русским инвалидам // ВД. 1934. 31 окт. № 255. С. 2; РАЕ. Кд. 2. Tallinn, 1998. Lk. 285; Калкин О. А. На мятежных рубежах России. Псков, 2003. С. 152.

196. **Минаев Николай Александрович** (?) — полковник. Служил в 89-м пехотном Беломорском полку. В декабре 1914 был награжден в чине капитана орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. В январе 1915 был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами. В марте 1915 был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Приказом по армии и флоту от 11. 04. 1917 полковнику М. были дарованы мечи и бант к имеющемуся ордену Св. Станислава 3-й степени. Во время Гражданской войны — в составе СЗА. В 1920–30-е жил в Эстонии; занимался кустарным производством на дому. Председатель правления ревельского отделения Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии.

Источники: Высочайшие награды // ПВ. 1914. 12 (25) дек. № 301. С. 1; 1915. 17 (30) янв. № 13. С. 1; 13 (26) марта. № 59. С. 2; Приказы по армии и флоту о военных чинах сухопутного ведомства // Русский инвалид. 1917. 25 мая. № 120. С. 4; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26756. Л. 142.

197. **фон Миних Владимир Сергеевич** (1884 – 23. 11. 1954, Брюссель) — генерал-майор. Окончил 1-й Московский корпус и Павловское военное училище (1904). Служил в л.-гв. Семеновском полку. В феврале 1915 был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Высочайшим приказом от 2. 06. 1915 капитан л.-гв. Семеновского полка фон Миних был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за то, что 5-го ноября 1914 года в бою под д. Ржеплин. Когда австрийцы стали теснить батальон соседнего участка с высоты, лежащей впереди этой деревни,

бросился со своей ротой, по собственной инициативе, на выручку и, ударив стремительно во фланги противника, сбил его и этим остановил дальнейшее наступление; результат действия был захват пленными — 9 офицеров и 600 нижних чинов». В СЗА зачислен с октября 1918. В июне 1919 состоял начальником отряда Северного корпуса. С июня по декабрь 1919 — командир 4-го пехотного Гдовского полка. После расформирования армии произведен в генерал-майоры. Состоял в Ликвидационной комиссии СЗА. В начале марта 1920 был направлен от комиссии в Йыхви для производства окончательного расчета чинов армии. В конце того же месяца представителями эстонского уголовного розыска на его квартире на Морской улице был произведен обыск, в ходе которого было обнаружено много оружия, солдатских шаровар, сапог, одеял, шерстяных носков, персидский ковер, гобелены и 8 серебряных риз с икон. По словам М., все эти вещи ему были переданы от бывшего Северо-Западного правительства для раздачи между солдатами СЗА. Многие уже из вещей к тому времени было роздано, все, что было найдено эстонской полицией оставалось нераспределенным. Член полкового объединения в Эстонии. В 1926 был избран заместителем члена совета старшин таллиннского Русского клуба. Во второй половине 1920-х уехал из Эстонии в Бельгию, где состоял членом Русской спортивной дружины в Брюсселе. Представитель главнокомандующего русской армии в эмиграции в Бельгии (1939). На ноябрь 1951 — председатель, а затем почетный член отдела Гвардейского объединения в Бельгии.

Источники: *Высочайшие награды // ПВ. 1915. 21 февр. (6 марта). № 42. С. 1; 13 (26) июня. № 129. С. 1; Ликвидация Северо-Западной армии // РН. 1920. 9 марта. № 5. С. 2; Хроника // Жизнь. 1920. 20 марта. № 25. С. 3; Русский клуб // ПИ. 1926. 7 февр. № 30. С. 3; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 339.*

198. **Миронов Николай Васильевич** (8. 05. 1865 – 12. 01. 1940, Таллинн) — полковник. Окончил военную гимназию, Варшавское пехотное юнкерское училище и Офицерскую стрелковую школу. Служил в 90-м пехотном Онежском полку (в 1909 еще числился в составе полка). Подпоручик с 1. 09. 1885, поручик с 1. 09. 1889, штабс-капитан с 6. 05. 1900, капитан с 6. 05. 1901, подполковник с 26. 02. 1910. Перед началом Мировой войны был переведен в 89-й пехотный Беломорский полк. За время службы до 1913 был награжден орденами до Св. Станислава 2-й степени включительно. 12. 12. 1914 был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами; в январе 1915 награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Член Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Похоронен 16 января на Александро-Невском кладбище.

Источники: *Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб., 1909. С. 275; Список подполковникам по старшинству. Ч. 1. СПб., 1913. С. 828; Высочайшие награды // ПВ. 1914. 12 (25) дек. № 301. С. 1; 1915. 17 (30) янв. № 13. С. 1; [Объявление] // ВД. 1940. 15 янв. № 11. С. 2.*

199. **Миткевич-Волчасский Дмитрий Владимирович** (? – конец 1921–до сентября 1922) — полковник артиллерии. До Мировой войны служил в 31-й артиллерийской бригаде (Белгород). Во время Мировой войны командовал мортирным артиллерийским дивизионом 44-й артиллерийской бригады. Один из первых работников по благоустройству братского кладбища СЗА на Сиверсгаузене в Нарве; его могила находилась рядом с центральным холмом.

Источники: *Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб., 1909. С. 656; Высочайшие награды // Русский инвалид. 1917. 25 янв. №*

24. С. 3; Саянов Б. *Освящение памятника на братской могиле северо-западников в Нарве* // ПИ. 1922. 13 сент. № 211. С. 3.
200. **Михайлов Сергей Евграфович** (? – 13. 04. 1937) — полковник. Похоронен 15 апреля на Александро-Невском кладбище. Родственники: жена.
Источники: [Объявление] // ВД. 1937. 14 апр. № 82. С. 2.
201. **Михайлов Сергей Иванович** (1882, Калуга – 5. 12. 1927, Таллинн) — подполковник. Среднее образование получил в Санкт-Петербурге в реальном училище имени принца Ольденбургского, после чего поступил и окончил Константиновское артиллерийское училище. Службу начал в 1-м Владивостокском крепостном артиллерийском полку. С началом Русско-японской войны по личному ходатайству был назначен в действующую армию. В 1909 был переведен в 1-й Кронштадтский крепостной артиллерийский полк, где прослужил до начала Гражданской войны. Во время восстания гарнизона Красной Горки вместе с семьей перебрался через границу и поселился в Эстонии. После его смерти в тяжелом материальном положении остались жена и трое детей.
Источники: *Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб., 1909. С. 734; С. И. Михайлов* // ВД. 1927. 6 дек. № 331. С. 1.
202. **Михеев Дмитрий Андреевич** (? – 30. 04. 1924, Таллинн) — мичман, инженер-механик. Член Ревельского союза инженеров. Похоронен 4 мая на Александро-Невском кладбище.
Источники: [Объявление] // ПИ. 1924. 3 мая. № 113. С. 4.
203. **Мудролюбов (Адрик) Семен Васильевич** (1890, Новгородская губ. – 23. 06. 1941) — поручик. Из семьи священника. Участвовал в Первой мировой войне с августа 1915 (ушел добровольцем). Служил в инженерных войсках. В СЗА с 15. 05. 1919 по 19. 11. 1919. В Эстонии жил в Кивиыли, где работал счетоводом на заводе. Арестован органами НКВД в Кивиыли. Решением трибунала от 23. 05. 1941 приговорен к расстрелу. Расстрелян.
Источники: ФГАЭ. Ф. 130. Д. 14114. Л. 190–190 об; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Lk. 10.
204. **Мунк Виктор Александрович** (19. 10. 1867 – 11. 11. 1929, Таллинн) — генерал-майор морской артиллерии. Окончил Кронштадтскую гимназию, Морское инженерное училище (класс морской артиллерии), Николаевскую академию Генерального штаба. На военной службе с 1895. Офицер с 23. 09. 1888. С 1893 — старший артиллерийский офицер клипера «Отважный». 1894–1896 в заграничном плавании на клипере «Отважный». 1896–1898 служил на броненосце «Император Николай I». 1902–03 в плавании на крейсере «Память Азова». 1904 в плавании на броненосце «Первенец». 1905 – на крейсере «Память Азова». 1906–09 флагманский артиллерист штаба начальника учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота. 1906–10 помощник заведующего обучением артиллерийских унтер-офицеров и командиров. 06. 12. 1911 произведен в полковники. Генерал-майор с августа 1917. 29. 05. 1920 вольнонаемным гражданским лицом поступил на службу в эстонские вооруженные силы и был назначен комендантом Артиллерийского парка военно-морских сил. С ноября 1920 по совместительству работал лектором по артиллерийскому делу Военно-Морского кадетского училища. В январе 1921 назначен начальником склада боеприпасов технического отдела штаба ВМС Эстонии. Приказом командующего ВМС от 04. 04. 1927 был освобожден от службы. Член Кассы взаимопомощи моряков. Похоронен 14 ноября на Александро-Невском кладбище.
Источники: ГАЭ. Ф. 495. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 229; [Объявление] // ВД. 1929. 13 нояб. № 309. С. 2.

205. **Мусин-Зенчинов Сергей Петрович** (? – 5. 01. 1938, *Таллинн*) — подполковник. Начальник Общего отделения Отдела дежурного генерала СЗА, член нарвского отдела Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, член таллиннского комитета ДРИ. Похоронен 10 января на Рахумяэском кладбище.

Источники: Отчет о вспомогательной работе Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстии // СНЛ. 1927. 8 марта. № 29. С. 4; [Объявление] // ВД. 1938. 8 янв. № 5. С. 2.

206. **Навроцкий Михаил Михайлович** (27. 01. 1897, *Нарва* – ?) — штабс-капитан. Из дворян. Отец служил капитаном русской императорской армии. В 1907 поступил во 2-ой кадетский корпус, который окончил в 1915. В этом же году окончил ускоренные (4 месяца) курсы Павловского военного училища. С 1. 09. 1915 — прапорщик л.-гв. Гренадерского полка. До августа 1916 занимался военной подготовкой рядового состава маршевых рот. В августе 1916 с двумя ротами был послан на Юго-Западный фронт (линия Ровно-Луцк). 14 сентября был ранен в левую ногу. На лечение отправлен в Петроград. В январе 1917 был снова послан на Юго-Западный фронт. После Октябрьской революции служил в Красной армии. 1. 07. 1918 вместе с братом Дмитрием и двоюродным братом Юрием Юлиановичем Доманским нелегально переправились на территорию Эстонии. В октябре 1918 добирается до Пскова, где вступает в ряды Георгиевского отряда внешней охраны Пскова Псковского добровольческого корпуса (с мая 1919 — полк СЗА). В январе 1919 был ранен в правую руку. До конца 1919 находился на излечении в Таллинне. В начале 1920 переехал в Нарву на продолжение лечения. В этом же году поступает на должность помощника заведующего лесными заготовками от Кренгольмской мануфактуры, где должность заведующего занимал его дядя полковник Ю. А. Доманский. Летом 1921 — десятник на торфозаготовках от Кренгольмской мануфактуры. Осень 1921–ноябрь 1923 — ткач, а потом помощник мастера на Кренгольмской мануфактуре. Конец 1923 — практикант на Льнопрядильной мануфактуре. С начала 1924 по 1940 — мастер на Льнопрядильной мануфактуре. После оккупации Эстонии советскими войсками был уволен. Переезжает в Таллинн, где устраивается помощником мастера на ткацкую фабрику «Кильгас» («Коммунар»). Во время войны проживает опять в Нарве и работает на Льнопрядильной фабрике мастером. В начале 1944 — эвакуация на Сааремаа. В Союзе русских увечных воинов с 1925 состоял как инвалид действительным членом. Одно время руководил дружиной «витязей» в Нарве. Арестован органами НКВД в Курессааре 28. 02. 1948. Решением Верховного суда ЭССР приговорен к 7 годам ИТЛ и 5 годам поражения в гражданских правах. 13. 06. 1949 вынесен новый приговор к 10 годам ИТЛ 5 годам поражения в гражданских правах. Заключение отбывал в лагерях Мордовской АССР. Освобожден 11. 07. 1956. Дальнейшая судьба неизвестна.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 18117; Бойков В. Мартиролог. Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления советской власти // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. II. Таллинн, [1996]. С. 20.

207. **Наперстков Ростислав Константинович** (?) — подполковник. В 1909 г. в чине штабс-капитана служил в 3-м Владивостокском крепостном артиллерийском полку. Член Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии.

Источники: Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб., 1909. С. 735; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л. 165.

208. **Нащокин Павел Александрович** (1. 04. 1867, *Витебская губ.* – 24. 01. 1923, *Таллинн*) — полковник. Дворянин, внук друга А. С. Пушкина — П. В. Нащокина. Окончил кадетский корпус и Елисаветградское военное училище. Служил в гвардии, но потом перевелся в один из Заамурских пограничных пехотных полков. Участник Русско-японской и Мировой войн. Был контужен в голову. Начальник тылового этапа СЗА. Сотрудник газеты «Последние известия». Похоронен 27 января на Александро-Невском кладбище. Осталась жена.
- Источники:* ГАЭ. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 40. Л. 125; † П. А. Нащокин // ПИ. 1923. 25 янв. № 23. С. 3; П. И. П. А. Нащокин // ПИ. 1924. 24 янв. № 21. С. 3.
209. **Недзведцкий Лев Владимирович** (1886, *СПб.* – 04. 04. 1931, *Нарва*) — старший лейтенант российского флота. Окончил Морской кадетский корпус в чине мичмана, участвовал в нескольких дальних плаваниях. Перед революцией был назначен адъютантом адмирала Н. О. Эссена. После производства в чин старшего лейтенанта был назначен командиром миноносца «Громобой». Во время Первой мировой войны был начальником береговых батарей на островах Даго и Эзель. Дальше – германский плен, из которого он неудачно пытался бежать. Служил в СЗА (морское управление). Местом жительства в Эстонии избрал Нарву. В 1930 вступил в члены Военно-Морского союза (Париж) во главе с адмиралом М. А. Кедровым. Занимался музыкой, играл на танцевальных вечерах и в кино на рояле. Заработка не хватало. Скончался от воспаления легких в течение четырех дней. Отпевание состоялось в Спасо-Преображенском соборе 7 апреля. В последний путь проводили родные и знакомые, среди последних — сослуживцы по флоту. Осталась жена и дочь 10-ти лет.
- Источники:* Военно-Морской союз // Часовой. 1930. 31 авг. № 38. С. 13; Памяти Л. В. Недзвецкого // СНЛ. 1931. 9 апр. № 39. С. 3; Смерть Л. В. Недзвецкого // РВ. 1931. 10 апр. № 5. С. 2; В. Я. У свежей могилы // РВ. 1931. 10 апр. № 5. С. 3.
210. **фон Нефф Генрих-Карл-Тимолон Генрихович** (2. 10. 1880, *Эстония* – 1950, *Западная Германия*) — генерал-майор. 6. 01. 1888 зачислен в пажи-кандидаты Высочайшего Двора. 18. 11. 1893 направлен из Николаевского кадетского корпуса в Пажецкий корпус. После экзаменов 9. 08. 1900 произведен в подпоручики и направлен в л.-гв. 4-й стрелковый Императорской фамилии батальон. 9–20.09. того же года командовал 1-й ротой Его Величества. В начале Русско-японской войны в чине поручика добровольно перевелся в 6-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, затем, в должности командира роты, — в 34-й Восточно-Сибирский полк. Награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (21.02.1905), Св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й степени с мечами. 8.11. 1905, после войны в Маньчжурии, направлен в л.-гв. 4-й Императорской фамилии батальон. 6.03. 1906 откомандирован в 6-й Сводно-гвардейский батальон. С 23.07. 1910 — командир 5-й роты 4-го стрелкового императорской фамилии полка. 26.08. 1912. произведен в капитаны. В период Первой мировой войны входил в состав 4-го стрелкового императорской фамилии полка. Награжден Георгиевским оружием за то, «что в бою 21 сентября 1914 г. у деревни Черников под сильным ружейным и шрапнельным огнем прорвался сквозь наступавшие цепи сильнейшего противника и присоединился к своему батальону». В январе 1915 произведен в полковники с назначением командиром батальона. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за смелость, проявленную в бою 15. 07. 1916 у деревни Тырстен, когда, увлекая

за собою солдат под сильным артиллерийским и пулеметным огнем, ворвался во вражеские окопы. Продолжая преследование противника, батальон захватил 12 орудий и обеспечил общий успешный исход операции. После этих событий был назначен командиром Краснохолмского полка. После войны и демобилизации полка вернулся на родину — в оккупированную Германией Эстонию. В октябре 1918 зачислен добровольцем в Отдельный Псковский добровольческий корпус Северной армии, был назначен командиром 3-го стрелкового добровольческого Режицкого полка. 17. 11. 1918 назначен командующим корпуса. 20. 11., прибыв во Псков, распорядился раздать солдатам все имевшееся на складах имущество и отдал приказ об осадном положении. После известия о предстоящем наступлении на Псков 7-й красной армии, 24. 11. 1918 был собран военный совет, куда прибыли командиры частей и представители германского гарнизона. При попустительстве немецких войск 25.11. красным, наступавшим от Елизаровского монастыря, удалось пробраться в тыл к белым. Вопреки обещаниям немецкие части оставили город и отошли на западный берег реки Великой. Часть русского корпуса смогла уйти по железнодорожному мосту. Штабу корпуса, благодаря командующему, удалось переправиться через реку на лодках. Не без потерь войскам Псковского корпуса удалось добраться до Изборска. В начале декабря 1918 уцелевшая часть корпуса остановилась в районе Выру. 1. 12. 1918 в штабе 8-й германской армии в Риге командующему Псковского корпуса было объявлено о прекращении снабжения вооружением и довольствием, после чего он срочно вернулся в Эстонию, где 6. 12. 1918 в Ревеле состоялось подписание договора о совместных действиях с товарищем военного министра эстонского правительства Т. Юринэ. Командование корпусом дало обещание не вмешиваться во внутренние дела Эстонской республики, при этом находилось в подчинении эстонского главнокомандующего И. Я. Лайдонера. Основная задача Северного корпуса заключалась в участии в контрнаступлении на псковском направлении. Когда началась военная операция, полковник фон Нефф нередко принимал самостоятельные, не согласованные с командованием эстонской армии решения. Кроме того, он отказался официально признать независимость Эстонии, полагая, что этим вопросом должно заняться будущее русское правительство. В результате он был обвинен в германофильстве и отстранен от командования корпусом. С января 1919 этот пост занимал полковник Дзерожинский. В июне того же года корпус возглавил генерал Родзянко, а полковник фон Нефф был назначен командующим запасными частями СЗА. Несмотря на неприятный инцидент в Копорье, куда, начиная с 29.05. 1919, прибывали отступившие во время восстания на форту Красная Горка части его гарнизона, и где по поддержанному полковником фон Неффом требованию финских офицеров, командовавших отрядом ингерманландцев, гарнизон был вынужден разоружиться, полковник фон Нефф 25.07. 1919 был произведен в генерал-майоры. После событий в Копорье он был направлен в Гдов, где продолжил формирование запасных частей, а также исполнял различные поручения, в частности, возглавил комиссию по проверке приказа генерала Юденича о замещении тыловых должностей исключительно офицерами непригодными к строевой службе из-за ранений и болезней. В декабре 1919 генерал-майор фон Нефф был переведен в «резерв чинов». После ликвидации СЗА, как уроженец Эстонии, остался в Ревеле. Работал в торговой фирме «ВІМ». Незадолго до начала Второй мировой войны перебрался в Германию. Скончался в 1950 в одном из лагерей для перемещенных лиц на территории Западной Германии.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 17 об.; Рутыч Н. Н. *Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии.* М., 2002. С. 280–285.

211. **Новгородский Константин Васильевич** (1897, *Ташкент* – 4. 07. 1941) — поручик. Родился в семье таможенного чиновника. В 1915 мобилизован в армию. Окончил школу прапорщиков. В 1917 произведен в поручики. Служил в Красной армии начальником пулеметной команды и командиром роты. Летом 1919 попал в плен и вступил в СЗА. В Эстонии проживал в Нарве. Руководил цыганским хором. Член Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии и Союза северо-западников. Арестован органами НКВД в Нарве 27. 04. 1941. Решением трибунала от 04. 07. 1941 приговорен к расстрелу. Расстрелян.

Источники: *Хроника // СНЛ. 1932. 8 дек. № 139. С. 2; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Лк. 330; Бойков В. А. Архивные материалы о Союзе северо-западников // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии / Сост. В. А. Бойков. Вып. 3. Таллинн, 2004. С. 178.*

212. **Новицкий Борис Константинович** (02. 10. 1888, *Хельсинки* – 15. 06. 1942, *Усольлаг*) — старший лейтенант (произведен «за отличие по службе» указом Вр. правительства от 28.07.1917). Сын генерал-майора К. Г. Новицкого. Окончил Морской корпус в 1908 и в 1909 произведен в мичманы. Находился в плавании на учебном судне «Воин». В дальнейшем — флаг-офицер 6-го дивизиона 1-ой Минной дивизии Балтийского моря. За боевую деятельность во время Первой мировой войны награжден орденом Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом (26. 08. 1915). В 1917 — на крейсере «Россия», флагманский артиллерист 2-ой бригады балтийских крейсеров. После октябрьского переворота некоторое время оставался в РККФ, затем перешел на гражданскую службу в Морской отдел Петроградского Военно-промышленного комитета (с 12. 03. 1918). В 1919 мобилизован и назначен заведующим школой гальванеров в Кронштадте. На момент антибольшевистского восстания (01 – 18.03.1921) занимал должность главного артиллериста Кронштадтского военного порта. Принимал непосредственное участие в организации обороны крепости и после поражения с частью мятежников ушел в Эстонию. Жил в Таллинне. С 1926 состоял в Кассе взаимопомощи моряков. Арестован уже после вторжения немцев в СССР (27.06.1941). Вывезен в Россию и решением Особого совещания при НКВД от 13. 05. 1942 приговорен к расстрелу. Расстрелян и похоронен в Усольлаге Молотовской области.

Источники: *Материалы частного архива В. В. Верзунова; Бойков В. А. Офицеры Балтийского флота, служившие на Балтике (биографические справки) // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 31–33.*

213. **Новицкий Константин Георгиевич** (21. 05. 1862 – 07. 12. 1933, *Нарва*) — генерал-майор. Воспитанник 2-ой Санкт-Петербургской военной гимназии и 1-го военного Павловского училища, из которого в 1881 был выпущен подпоручиком в 24-ю артиллерийскую бригаду. За время своей службы занимал должности: исполняющего обязанности делопроизводителя (с 31. 01. 1903), а затем и делопроизводителя военно-окружного совета Петербургского военного округа (с 2. 04. 1906). С 8. 06. 1910 по 1. 02. 1911 исполнял обязанности помощника делопроизводителя старшего оклада канцелярии Военного министерства. В 1912 был назначен на должность члена от Военного министерства в военно-окружном совете Приамурского военного округа (Хабаровск). Во время Мировой войны был главным начальником санитарной части 9-ой армии и позже начальником снабжения Северо-

Западного фронта. Во время Гражданской войны работал на строительстве Свирской электростанции Петроградской губернии. Новицкий являлся основателем Пушкинского интерната в Хельсинки. Скончался 7 декабря в Нарве, похоронен 10 декабря в Таллинне на Александро-Невском кладбище.

Источники: *Список генералам по старшинству.* СПб., 1914. С. 749; [Объявления] // РС. 1933. 9 дек. № 142. С. 2; ВД. 1933. 3 дек. № 289. С. 2; Бойков В. А. *Офицеры Балтийского флота, служившие на Балтике (биографические справки)* // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 31–32.

214. **фон Нотбек Вячеслав Владимирович** (27. 10. 1893 – ?) — подполковник. Окончил 2-ой кадетский корпус, Павловское военное училище (1913). Служил в лейб-гвардии Егерском полку до конца Мировой войны. 19. 02. 1915 в чине поручика был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом; 21. 12 1916 «за отличия в делах против неприятеля» в чине штабс-капитана был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. С конца 1918 — преподаватель военно-экономических курсов Красной армии. С июня 1919 — в СЗА. Служил в 8-м пехотном Семеновском полку. Приказом по армии № 274 от 22. 10. 1919 был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Служил в эстонской армии (за незнание эстонского языка разжалован в рядовые). Был секретарем «Белого креста», 1920 — член таллиннского Русского клуба, 1923 — член Совета старейшин клуба. Проживал в Коппеле. В 1939 уехал в Германию.

Источники: *Высочайшие награды* // *Русский инвалид.* 1917. 12 янв. № 11. С. 4; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 193; Бойков В. А. *Наградные списки офицеров и военнослужащих Северо-Западной армии* // *Михайлов день 1-й: Журнал исторической России.* Ямбург [Кингисепп], 2005. С. 265.

215. **фон Нотбек Герман Иванович (Herman Emil Nikolai von Notbeck)** (23. 11. 1877 – 8. 02. 1930, Таллинн) — полковник артиллерии. В 1886–92 учился в Домском рыцарском училище в Ревеле, в 1893 перешел в русскую Николаевскую гимназию. Во время Мировой войны служил в тяжелой артиллерийской бригаде, затем в отдельном тяжелом артиллерийском дивизионе. Похоронен на Коппельском кладбище.

Источники: ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 148; *Высочайшие награды* // *Русский инвалид.* 1917. 10 янв. № 19. С. 4; [Объявление] // ВД. 1930. 11 февр. № 41. С. 1.

216. **фон Нотбек Курт Иванович (Kurt Eugen Johann von Notbeck)** (26. 10. 1890, Ревель – 20. 10. 1961, Нью-Йорк) — лейтенант флота. В 1902–06 учился в русской Николаевской гимназии. В 1907–09 учился в Домском рыцарском училище. В 1909 поступил в Морской корпус, который закончил в 1913. На службе Российского военного флота с 1909 по 1918. 19. 05. 1918 перешел в украинское подданство. 20. 08. 1918 переехал на жительство в Таллинн (через Хельсинки). 8. 02. 1918 поступил на службу в военно-морские силы Эстонской армии (эскадренный миноносец «Lennuk»), где служил до 18. 07. 1919. С 18. 06. 1919 по март 1920 – на службе в СЗА. После ликвидации СЗА работал в рекламном бюро «IRA». Член Кассы взаимопомощи моряков. После 1945 в США. Автор рукописи «Морское управление Северо-западной армии».

Источники: ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 148; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 34; Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 13-13 об.; Волков С. В. *Офицеры флота и Морского ведомства.* М., 2004. С. 343.

217. **Окулич-Казарин Николай Фомич** (19. 11. 1849 – 26. 04. 1923, Обер-Пален (Пыльтсамаа)) — генерал-лейтенант, военный юрист. Из дворян Витебской губернии. Окончил Новгородский графа Аракчеева кадетский

корпус и 1-ое военное Павловское училище. 17. 06. 1867 назначен прапорщиком в 8-ой гренадерский Московский Великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха полк. В 1872 в чине поручика служил в Кронштадтской береговой артиллерии. В 1876 в чине штабс-капитана служил в Николаевской крепостной артиллерии, в Одесских береговых батареях. В 1878 с присвоением чина капитана назначен на должность командира полубатареи. С марта по июнь 1879 принимает участие в освобождении Болгарии. В 1880 поступает в Военно-юридическую академию, которую заканчивает в 1884 по первому разряду. В течение последующих лет служит по юридической части в Санкт-Петербурге, Финляндии, Москве и Грузии. В 1889 году произведен в чин полковника. В 1899 — в чин генерал-майора. В 1905 уходит в отставку с производством в следующий чин генерал-лейтенанта. В апреле 1906 поселяется в Пскове. Входит в состав членов Псковского археологического общества, состоит на должности секретаря, товарища председателя и хранителя музея общества. Занимался поисками письменных и вещественных источников по истории Пскова. Им написаны более 15 работ по истории Пскова, главным трудом из числа которых является книга «Спутник по древнему Пскову (Любителям родной старины)». Эта книга выдержала 3 издания (Псков, 1911, 1913, 2001). Им открыты и опубликованы сотни документов XVII, XVIII и начала XIX вв. Хранителем музея был до мая 1919, после чего уехал в Эстонию на лечение, где и провел последние годы жизни. Сотрудник еженедельника «Облака» (1920, №№ 1–4). С 30. 08. 1920 числился в списках Общества помощи русским беженцам и русским бедным в г. Юрьеве. Член Комитета русских эмигрантов.

Источники: *Список генералам по старшинству. СПб., 1903. С. 952; ИАЭ. Ф. 2099. Оп. 1. Ед. хр. 6; [Объявление] // ПИ. 1923. 28 апр. № 104. С. 4; Псковский краевед Н. Ф. Окулич-Казарин / Сост. и ред. сб. М. М. Медников. Псков, 2001; Медников М. М. Окулич-Казарин Н. Ф. // Псковский биографический словарь. Псков, 2002. С. 339-340; Псковская энциклопедия / Гл. ред. А. И. Лобачев. Псков, 2003. С. 490.*

218. **Орнатский Евграф Иванович** (20. 10. 1892, СПб. – 24. 12. 1940) — член Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Бывший студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета, учился у М. И. Туган-Барановского. Отец — отставной военный. В СЗА служил в отделе снабжения армии, который находился в Ревеле. После расформирования СЗА работал в эмигрантском комитете в Таллинне; в 1921 переведен в Нарву, где вскоре был помещен в инвалидный дом (пробыл до 1924). Потом вновь работал в эмигрантском комитете в Нарве. С 1927 до 1929 работал сторожем в столовой инвалидов. С 1929 до 1940 — служащий Комитета эмигрантов. Арестован органами НКВД в Нарве 29. 07. 1940. по решению трибунала от 02. 11. 1940 был приговорен к расстрелу. Растрелян.

Источники: *ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26756. Л. 87–88; РАЕ. Кд. 3. Tallinn, 2005. Лк. 591.*

219. **Осипов Александр Ефимович** (25. 08. 1890, Нарва – 21. 12. 1941, Киров) — капитан. Окончил нарвскую гимназию и в 1909 поступил во Владимирское военное училище, которое окончил в 1912 в чине подпоручика. Служил в 92-м пехотном Печорском полку. В рядах этого полка ушел на войну в 1914; командовал взводом и ротой. В ноябре 1914 в бою под Краковом был тяжело ранен. В январе 1915 был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. С 1915 по март 1918 служил в Генеральном штабе в должности помощника начальника инспекторского отделения Управления военного воздушного флота и в Управлении воздушного флота Петрограда. В

марте 1918 был демобилизован в чине штабс-капитана. С мая 1919 до начала 1920 служил в СЗА. После расформирования СЗА работал управляющим кирпичными и лесопильными заводами в Нарве и ее окрестностях. С 1927 по 1930 избирался гласным Нарвского городского собрания; с февраля 1930 по апрель 1940 являлся членом городского управления. В 1932 был избран членом Государственного собрания от избирательного округа Нарвы и Принаровья. В 1937 был избран членом Национального собрания. В 1928 вступил в Русский национальный союз. Участвовал в работе спортивно-просветительного общества «Святогор». Состоял председателем комитета по проведению первого всегосударственного русского певческого праздника в 1937 в Нарве. После прихода в Эстонию советской власти был арестован 26. 03. 1941. Решением судебной коллегии Кировского областного суда приговорен к расстрелу. Расстрелян.

Источники: Высочайшие награды // ПВ. 1915. 17 (30) янв. № 13. С. 1; Бойков В. Мартиролог. Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления советской власти // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. II. Таллинн, [1996]. С. 9–10.

220. **Осипов Павел Георгиевич** (7. 02. 1887 – 18. 04. 1942, Киров) — полковник. Окончил С.-Петербургскую шестиклассную гимназию, Пажеский корпус и Императорскую Николаевскую военную академию по первому разряду (1913 г.). В службе с 1. 09. 1905. Служил в л.-гв. Саперном батальоне. Подпоручик с 14. 06. 1907, поручик с 14. 06. 1911, капитан генерального штаба с 8. 05. 1913. После окончания академии был прикомандирован по генеральному штабу к 53-му пехотному Волынскому полку на 1,5 года для цензового командования ротой. Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Был членом правления таллиннского Литературного кружка. Сотрудничал в некоторых русских газетах. Потом работал на сланцевых разработках в Силламяэ. О нем достаточно критически писал в своих воспоминаниях Н. Е. Андреев. Арестован органами НКВД в Силламяэ 20. 03. 1941. По решению трибунала от 12. 12. 1941 был приговорен к расстрелу. Находился в заключении в Кировской тюрьме. Расстрелян.

Источники: Список Генерального штаба. Прг., 1914. С. 663; Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Том I. Таллинн, 1996. С. 183; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Лк. 347; Извлечения из показаний Богданова 12–31 июля 1940 года / Публикация и комментарии С. Исакова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. IV. Рига, 1999. С. 63, 83.

221. **Павлинов Николай Яковлевич** (14. 01. 1886, СПб. – 23. 06. 1941, Астрахань?) — старший лейтенант. Сын генерал-лейтенанта по Адмиралтейству Я. И. Павлинова (1849 – ?). Окончил Морской корпус в 1905. По окончании Корпуса служил на кораблях Учебно-Артиллерийского и Учебно-Минного отрядов, Отряда минных заградителей и 1-ой Минной дивизии Балтийского флота. Один из немногих офицеров уцелевших во время мятежа на крейсере «Память Азова» (20–21. 07. 1906). Прошел обучение в Водолазной школе (13. 10. 1908 – 06. 09. 1909) и закончил Минный офицерский класс (19. 09. 1912). Лейтенант с 1909. Старший лейтенант с 1916. Считался лучшим специалистом водолазного дела на Балтике. В начале Первой мировой войны находился на должности минного офицера эсминца «Внимательный». После событий февраля 1917 принял этот корабль в командование и весной следующего года участвовал на нем в «Ледовом походе» Балтийского флота (11. 04. – 20. 04. 1918). По приходе в Кронштадт до осени оставался на «Внимательном», затем был назначен командиром на вошедший за год до этого в строй эсминец «Капитан 1-го ранга Миклуха-

Маклай» (с 18. 12. 1918 – «Спартак»). 16. 12. 1918 приказом по Балтийскому флоту одновременно назначен начальником дивизиона эсминцев Отряда судов особого назначения. В этом качестве принимал участие в руководимой Ф.Ф. Раскольниковым (1892 – 1939) разведывательной операции в районе Ревеля, во время которой «Спартак» был захвачен англичанами (26.12.1918). Перешел к белым и в последующем воевал в составе Морского дивизиона бронепоездов СЗ фронта. Какой-то период был председателем военно-полевого суда в Ямбурге. В эмиграции проживал в Эстонии. Работал электромонтером на фанерно-мебельной фабрике Лютера в Таллинне. Состоял в Кассе взаимопомощи моряков. 17. 08. 1940 арестован советскими властями и 9. 05. следующего года военным трибуналом войск НКВД Прибалтийского округа приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение на другой день после нападения Германии на СССР.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л.69; РАЕ. Кд. 2. Tallinn, 1998. Lk. 352; Из истории участия моряков в белом движении на Северо-западе России // Белая гвардия: Альманах: Белое движение на Северо-западе России. М., 2003. № 7. С. 221, 223; Бойков В. А. *Офицеры Балтийского флота, служившие на Балтике (биографические справки)* // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 33–37.

222. **Павлов Владимир Александрович** (? – 20. 05. 1924, Таллинн) — капитан. Служил в эстонской армии. Похоронен 23 мая на Александро-Невском кладбище.

Источники: [Объявление] // ПИ. 1924. 21 мая. № 131. С. 4.

223. **Панков Иван Петрович** (1856, Нарва – 27. 06. 1928, Таллинн) — капитан 1-го ранга. Окончил высшее уездное училище и Кронштадтское морское техническое училище. Служил на военных судах Кронштадтского флота. В конце 1870 был переведен на Каспийский флот, в составе которого принимал участие в морском десанте при взятии крепости Геок-Тепе генералом Скобелевым. Затем был переведен в Ревельский экипаж, где командовал крейсером береговой обороны «Бригиттовки», а также заведовал работами гидрографической съемки по исследованию дна Балтийского моря. Через какое-то время был переведен в морской отдел штаба отдельного корпуса пограничной стражи с назначением на пост командира пограничного судна «Ласточка», а позднее – «Роксаны». Во время Мировой войны по личному ходатайству находился на позициях в Аландских шхерах. В 1917 находился в Або (Турку) в должности командира «Роксаны», где заболел тифом и был отправлен в Нарву на излечение. После Октябрьской революции оставил морскую службу. В Нарве состоял членом Ивангородской пожарной дружины. Последние годы жил в Таллинне, где не чурался никакой тяжелой работы. Умер от воспаления легких. Тело перевезено в Нарву. Похоронен на Ивангородском кладбище. За службу был награжден всеми орденами вплоть до Св. Владимира 3-ей степени и Св. Владимира с мечами и бантом 4-ой степени.

Источники: † И. П. Панков // СНЛ. 1928. 5 июля. № 72. С. 3.

224. **Панов Алексей Николаевич** (? – до 1940) — офицер л.-гв. Егерского полка. В службе с 1889; офицером с 1891. Действительный статский советник. Юрист. Член Объединения л.-гв. Егерского полка в Эстонии.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 25373. Л. 74; Волков С. В. *Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога.* М., 2002. С. 363.

225. **Панов Петр Алексеевич** (1902 – ?) — офицер СЗА. Изобретатель, автор четырех изобретений. Неоднократно основывал малые фирмы для реализации разнообразных изобретений (напр., фирма «Тема» – занималась

производством лечебного мыла, содержавшее лечебные хаапсалуские грязи). В конце 1930-х эмигрировал в Австралию, где со временем приобрел известность как неординарный, самобытный художник.

Источники: Мальцев Ю. П. *Русские изобретатели в Эстонской Республике (1918–1940) // Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллинн, 1998. С. 84; Исаков С. Г. Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.). Словник. Изд. 3-е, испр. и доп. Таллинн, 2006. С. 129.*

226. **Паппе Юлий Федорович** (? – 8. 05. 1939, Тарту) — полковник лейб-гвардии Преображенского полка. Подпоручик с 1906, поручик с 1911, штабс-капитан с 1912. В апреле 1915 в чине штабс-капитана был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. Летом 1918 состоял членом антисоветской организации в Петрограде. Похоронен в Тарту 11 мая.

Источники: *Адрес-календарь. СПб., 1907. С. 358; 1912. С. 1124; 1913. С. 1214; Высочайшие награды // ПВ. 1915. 9 (22) апр. № 79. С. 2; [Объявление] // ВД. 1939. 9 мая. № 103. С. 2; Волков С. В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С. 365.*

227. **Подмошенский Николай Андреевич** (6. 03. 1896, Остров – 25. 03. 1941) — капитан. Окончил реальное училище. В армию пошел добровольцем в 1915. Принимал участие в боях под Варшавой, где был ранен. Находился на излечении в Риге, после был переведен в Гатчину. В 1916 окончил школу прапорщиков и был отправлен на фронт. В конце войны был в чине штабс-капитана. Служил в СЗА с конца ноября 1918; сначала — командиром взвода, потом — роты Островского полка. В Эстонии проживал в Нарве. С 1925 по 1940 работал табельщиком на Лынопрядильной фабрике. Сторонник великого князя Кирилла Владимировича с 1931 г. Член Союза русских увечных воинов и Союза северо-западников. Арестован органами НКВД в Нарве 22. 07. 1940. По решению суда 19. 11. 1940 приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 25445; Бойков В. А. *Архивные материалы о Союзе северо-западников // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии / Сост. В. А. Бойков. Вып. 3. Таллинн, 2004. С. 173.*

228. **Политовский Сергей Сигизмундович** (3. 10. 1880 – 8. 11. 1936) — капитан 1-го ранга Российского флота. Окончил Морской кадетский корпус в 1900. Служил на Черноморском флоте, а потом – на Балтийском. Одно время командовал эскадренным миноносцем «Кроткий», затем – миноносцем «Гайдамак» и крейсером «Богатырь». На крейсере «Богатырь» прослужил много лет сначала в должности старшего офицера, а затем – командира. Октябрьская революция застала его в чине капитана 1-го ранга. В начале 1918 остался в Таллинне. Служил в СЗА в морском управлении. С июня 1919 формировал полк Андреевского флага. С декабря 1919 — помощник командира 2-го Ревельского полка. В Эстонии был членом Совета уполномоченных Кассы взаимопомощи моряков, председателем и товарищем председателя таллиннского отдела Русского Национального союза, член совета старшин таллиннского Русского клуба, начальник отдела русских скаутов в Эстонии с 16. 02. 1936.

Источники: [Объявления] // ВД. 1936. 9 нояб. № 255. С. 2; 10 нояб. № 256. С. 1; Волков С. В. *Белое движение: Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 434.*

229. **фон Поппен Георгий Васильевич** (16. 02. 1851 – 16. 03. 1924, именование *Койль*) — генерал-лейтенант Генерального штаба. Образование получил в

Николаевском инженерном училище, по окончании которого в 1869 был выпущен подпоручиком, и в Николаевской академии Генерального штаба, которую окончил в 1876. После окончания академии состоял последовательно на должностях: старшего адъютанта штаба 8-й пехотной дивизии (18. 09. – 7. 11. 1876), старшего адъютанта штаба 11-й пехотной дивизии (7. 11. 1876 – 12.12. 1877), старшего адъютанта штаба XI-го армейского корпуса (12.12. 1877 – 7. 05. 1878), офицера для поручений при штабе XI -го армейского корпуса (7. 05.– 31. 07. 1878), офицера для поручений при штабе Варшавского военного округа (31. 07. 1878 – 17. 02. 1879), офицера для поручений при командующем войсками того же округа (17. 02. 1879 – 20. 11. 1880), младшего делопроизводителя канцелярии военно-учебного комитета Главного штаба (1. 01. 1881 – 23. 03. 1887), старшего делопроизводителя той же канцелярии (23. 03. 1887 – 14.01.1888). Затем до 12. 09.1889 проходил службу в качестве военного агента в Бухаресте и Белграде. После был возвращен на прежнюю должность в канцелярии военно-учебного комитета Главного штаба. 12. 05. 1893 был назначен командиром 141-го пехотного Можайского полка, а 14. 08. 1895 — командиром 90-го пехотного Онежского полка. 1. 11. 1897 переведен на должность начальника штаба XVIII-го армейского корпуса. 30. 04. 1900 назначен начальником штаба I-го армейского корпуса. Начальник 9-й пехотной дивизии с 12. 01. 1904. Начальник 45-й пехотной дивизии с 2. 05. 1904. Генерал-майор с 1 ноября 1897, генерал-лейтенант с 28. 03. 1904. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–78. Был награжден шестью российскими орденами до Св. Станислава 1-й степени и двенадцатью иностранными орденами. Вышел в отставку во второй половине 1900-х годов.

Источники: *Список генералам по старшинству. СПб., 1905. С. 524; [Объявление] // ПИ. 1924. 18 марта. № 73. С. 4.*

230. **Потоцкий Владимир Георгиевич** (1877, Полтавская губ. – 04. 07. 1941) — военный инженер, полковник Корпуса морской строительной части (произведен командованием СЗА в 1919). Окончив Николаевское инженерное училище в СПб. (1897), до лета 1904 проходил службу в расквартированном в Киеве 5-ом саперном батальоне. После обучения в Николаевской Военно-инженерной академии (1904–1907) произведен в капитаны с назначением преподавателем математики в Полоцком кадетском корпусе (1907–1913). В дальнейшем переведен в Ревель на должность старшего производителя работ Управления строителя морской крепости императора Петра Великого (1913–1918). Принимал участие в строительстве батарей и укреплений Моонзунда и за усердные труды в обстоятельствах военного времени удостоен ордена Св. Анны 3-й степени (06. 12. 1916). Во время Гражданской войны возглавлял Инженерное управление СЗА. В эмиграции жил в Таллине. Работал прорабом и подрядчиком в частных строительных фирмах, затем преподавал в Русском политехническом институте (1926–1940). Состоял в Кассе взаимопомощи моряков и являлся членом Союза северо-западников. С 1918 по 1920 входил в состав комитета «Украинской Рады», с возобновлением деятельности последнего занял пост его председателя (1936–1939). Арестован 29. 04. 1941. Решением военного трибунала войск НКВД Прибалтийского военного округа (от 04.07.1941) приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

Источники: *Бойков В. А. Офицеры Балтийского флота, служившие на Балтике (биографические справки) // Труды РИЦЭ. Вып. 4 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2006. С. 73–38.*

231. **Прокофьев Федор Федорович** (?) — капитан. Служил в л.-гв. 2-м стрелковом Царскосельском полку. «За отличия в делах против неприятеля» в

феврале 1915 ему были дарованы мечи и бант к имевшемуся ордену Св. Анны 3-й степени. В Эстонии жил в Хаапсалу (Sadama, 15). Член полкового объединения.

Источники: Высочайшие награды // ПВ. 1915. 18 февр. (3 марта). № 39. С. 1; Верцинский Э. А. Списки офицеров л.-гв. 2 стрелкового Царскосельского полка. Июль 1914 г. – ноябрь 1931 г. Таллинн, 1931 С. 3.

232. **Радвинович Александр Александрович** (?) — поручик. До Октябрьской революции состоял в чине унтер-офицера л.-гв. Семеновского полка. После революции стал помощником комиссара «Полка по охране города Петрограда НКВД РСФСР», созданного на базе Гвардии Семеновского резервного полка. Затем стал командиром полка. В то же время состоял в подпольной контрреволюционной офицерской организации полка. Через некоторое время попал под подозрение ЧК и был нелегально переправлен в Финляндию, откуда перебрался в Эстонию и вступил в ряды СЗА. За проявленную в боях доблесть был произведен в офицеры. Командовал ротой Ревельского полка. В 1920–30-е гг. в Эстонии состоял в Союзе северо-западников, Союзе русских военных инвалидов (председатель Таллиннского отдела), Обществе помощи бывшим русским военным служащим в Эстонии и Объединении Семеновского полка. Осенью 1938 уехал в Польшу.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 5185. Л. 49; Д. 26759. Л.101; Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 233; Зирин С. Г. Объединения и судьбы северо-западников на чужбине // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Сб. статей. Псков, 2004. С. 126.

233. **Раудсепп Роберт Александрович** (1884? – ?) — капитан. Служил в л.-гв. Павловском полку. В Гражданскую войну состоял в Добровольческой армии, в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка. С 28. 09. 1918 — в Сводно-гвардейском полку. Галлиполиец. В Эстонии член полкового объединения и член Общества помощи бывшим русским военным служащим в Эстонии. В конце 1930-х жил в Кивиыли.

Источники: ФГАЭ. Ф. 129. Д. 5185. Л. 15 об.; Д. 26759. Л. 102; Волков С. В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 401.

234. **Раутеман Андрей (Генрих) Иванович** (1. 07. 1853 – 14. 03. 1924) — генерал-лейтенант. Окончил ревельскую Николаевскую гимназию и поступил в гвардейскую Берейторскую школу, которую окончил с отличием. Своим мастерством в верховой езде он обратил на себя внимание великого князя Николая Николаевича, по протекции которого поступает в Тверское кавалерийское юнкерское училище. После блестящего окончания училища в 1870 в звании корнета служил в 1-м лейб-драгунском Московском полку, который потом оставит в должности командира эскадрона. В 1877 отправляется на фронт и участвует в сражениях под Плевной, Шипкой, Тырновом, Харманли и при взятии Адрианополя. За боевые отличия был награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. В дальнейшем был причислен к штату Офицерской кавалерийской школы, в стенах которой исполнял должности исполняющего обязанности штаб-офицера, заведующего обучением офицерских и нижних чинов школы и начальника отделения наездников школы. Его имя было занесено на мраморную доску школы. В июне 1906 был назначен на должность генерала для поручений при инспекторе ремонтов и запаса кавалерии. С ноября 1909 — генерал для поручений при начальнике по ремонту армии. Офицер с 06. 07. 1877. Поручик с 28. 12. 1880, штаб-ротмистр с 15. 05. 1883, ротмистр с 26. 02.

1890, подполковник с 26. 02. 1895, полковник с 06. 12. 1899, генерал-майор с 13. 04. 1908, генерал-лейтенант с 6. 04. 1914. Кроме наград, полученных за Русско-турецкую кампанию, до 1917 был также награжден орденами Св. Станислава 2-й степени (1887) и Св. Анны 2-й степени (1893), Св. Владимира 3-й степени (1907), Св. Станислава 1-й степени (1911), Св. Анны 1-й степени и Св. Владимира 2-й степени. Перед Октябрьской революцией занимал пост начальника всех запасных кавалерийских частей Петроградского военного округа и кавалерийских частей, прибывающих с фронта. После Октябрьской революции вернулся в Эстонию. Похоронен 18. 03. 1924 на Александро-Невском кладбище. Из родственников в Эстонии проживали дети, внуки, внучки, брат и племянники.

Источники: *Список полковникам по старшинству. СПб., 1900. С. 843; Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С. 400; [Объявление] // ПИ. 1924. 16 марта. № 71. С. 4; [Inserat] // Revaler Bote. 1924. 17. März. № 64. S. 8; А-в. Памяти А. И. Раутсмана // ПИ. 1924. 14 сент. № 239. С. 3.*

235. **Редер Георгий Михайлович** (?) — капельмейстер л.-гв. 2-го стрелкового Царскосельского полка. Жил в Таллинне (Maakri, 28–2). Член полкового объединения.

Источники: *Верцинский Э. А. Списки офицеров л.-гв. 2 стрелкового Царскосельского полка. Июль 1914 г. – ноябрь 1931 г. Таллинн, 1931 С. 6.*

236. **Римский-Корсаков Федор Воинович** (13. 05. 1863 – 28. 09. 1923, Таллинн) — контр-адмирал. В службе с 1880. Мичман с 1883, капитан 1-го ранга с 6. 12. 1909. После окончания курса военно-морских наук при Николаевской морской академии в 1900 зачислен в артиллерийские офицеры первого разряда. В период с 1900 по 1902 служил старшим офицером эскадренного броненосца «Цесаревич». С 1902 по 1904 — старший офицер эскадренного броненосца «Петропавловск». С 1904 по 1905 — командир миноносца «Беспощадный». С 1905 по 1907 — командир минного крейсера «Генерал Кондратенко». С 1907 по 1909 — командир канонерской лодки «Кореец». С 18. 12. 1909 состоял на должности помощника командира 2-го Балтийского экипажа. За время своей службы до 1910 был награжден: серебряной медалью в память царствования императора Александра III (1896), орденами Св. Станислава 2-й степени (1903), Св. Анны 2-й степени с мечами (1904), Св. Владимира 4-й степени с бантом (1906), а также четырьмя иностранными орденами, в том числе, французским орденом Почетного легиона (1904). В Эстонии проживал в Таллинне по адресу: Русско-Балтийский завод № 21. Работал на Балтийской бумагопрядильной и ткацкой фабрике. Похоронен 30 сентября на Цигельскопфельском кладбище. В Эстонии также жили его жена, сын, сестра и зять.

Источники: *Список лицам, состоящим в Морском ведомстве и адмиралам и штаб-офицерам строевого и берегового составов флота и чинам, зачисленным по флоту. Ч. 1. СПб., 1910. С. 169–170; [Объявления] // ПИ. 1923. 29 сент. № 239. С. 1, 4.*

237. **Рожанский Михаил Платонович** (? – 9. 12. 1929, Нарва) — полковник артиллерии. Командир одной из батарей Псковской артиллерийской бригады. В Эстонии из родственников проживали жена, дочь и сестра.

Источники: *[Объявление] // ВД. 1929. 11 дек. № 337. С. 2; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 447.*

238. **Розанов Тимофей Моисеевич** (29. 05. 1846 – 23. 08. 1927, Таллинн) — генерал-майор. Окончил шестиклассную Псковскую гимназию и 2-е военное Константиновское училище. Подпоручик с 12. 07. 1869, поручик с 1. 06. 1872, штабс-капитан с 24. 05. 1874, капитан с 19. 07. 1877, подполковник с 1. 01.

1886, полковник с 16. 05. 1900. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–78; был ранен, награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами и произведен в чин капитана. Затем почти 5 лет находился на службе в войсках Княжества болгарского. В дальнейшем командовал батальоном, заведовал хозяйством полка и исполнял должность воинского начальника Витебского уезда. Помимо упомянутых наград был также награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны, 3-й степени, Св. Анны 2-й степени, а также тремя болгарскими и одним сербским орденами. В середине 1900-х вышел в отставку с производством в генерал-майоры. В Эстонии вместе с ним проживали сын, невестка и внук. Похоронен 25 августа на Александро-Невском кладбище.

Источники: *Список полковникам по старшинству. СПб., 1904. С. 495; [Объявление] // ВД. 1927. 24 авг. № 227. С. 2.*

239. **Рославлев Владимир Никифорович** (1880 – 1945, Германия) — подполковник артиллерии. Родом из Харьковской губернии. Окончил математический факультет Харьковского университета, сдал офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище. Прослужив несколько лет в строю, поступил в Военную юридическую академию в Петербурге. По окончании вернулся в армию. Во время Мировой войны в чине подполковника командовал артиллерийской батареей. В Эстонии, прекрасно изучив государственный язык, в течение свыше 10 лет работал в министерстве народного хозяйства и в налоговом управлении. Издал 2 книги по налоговым вопросам, а также поместил целый ряд статей в журнале «Õigus». По делам налогообложения он неоднократно выступал как в Государственном Суде, так и в парламентских комиссиях. В течение 5 лет читал лекции по законоведению в Военном училище, а также работал по юридическим вопросам в военном отделе государственного контроля. Преподавал на Русских высших политехнических курсах. В конце 1933 участвовал в качестве кооптированного члена в заседаниях совета Русского Национального Союза. В начале 1934 введен в состав совета Русского Национального Союза. С 1935 товарищ председателя Русского Национального Союза. Член Рийгикогу (1936).

Источники: *Русские дела // ВД. 1934. 3 янв. № 2. С. 1; Исаков С. Г. Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. 1 (до 1940 г.). Словник. Изд. 3-е, испр. и доп. Таллинн, 2006. С. 145.*

240. **Руммель Александр Васильевич** (6. 01. 1891 – ?) — мичман российского флота. Окончил Гатчинский институт, статистические курсы министерства внутренних дел, экономический отдел Коммерческого института военного образования, Курсы гардемарин флота (17. 09. 1916 – 5. 06. 1917), Александровская военно-юридическая академия (с 5. 08. 1917). На военной службе с 30. 09. 1915 — 2-й Балтийский военно-морской экипаж (рота гардемарин). 15. 03. 1916 — особое флотское навигационное подразделение. 2. 04. 1916 — в плавании на крейсере 1-го класса «Пересвет». 9. 09. 1916 отправлен в СПб. на учебу. 15. 07. 1917 отбыл на Черноморский флот. 15. 01. 1918 освобожден от службы. Мичман с 5. 06. 1917. С 25. 10. 1918 состоял в Конном отряде полковника Бибилова с зачислением в поручики кавалерии, затем служил при штабе Партизанского отряда Булак-Балаховича. Последняя должность — начальник инспекторского отделения штаба 1-го армейского корпуса. В сентябре 1919 произведен в штаб-ротмистры. С 4. 02. по май 1919 был прикомандирован к штабу 2-й эстонской пехотной дивизии. 21. 02. 1920 зачислен в резерв эстонской армии, а уже на следующий день исключен из

резерва чинов как иностранный подданный и незнающий эстонского языка. 28. 02. 1923 принял эстонское гражданство. В эмиграции в Эстонии занимался адвокатской деятельностью, состоял в монархической организации (сторонник великого князя Кирилла Владимировича), один из издателей газеты «Наши последние известия». Из Эстонии уехал 2. 11. 1939 на пароходе «Der Deutsche» в Германию.

Источники: ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 4959; *Вчера из Эстонии уехало еще 1130 немцев // ВД. 1939. 3 нояб. № 251. С. 2.*

241. **Садовский Витольд Эдуардович** (? – 15. 07. 1928, *Таллинн*) — полковник. Отец полковника Р. В. Садовского. Похоронен 17 июля на Александро-Невском кладбище. В Эстонии проживали жена и дети.

Источники: [Объявление] // ВД. 1928. 16 июля. № 187. С. 1.

242. **Садовский Роман Витольдович** (14 (27). 10. 1891, *Гапсаль* – 04. 1941) — полковник. Окончил один из петербургских кадетских корпусов в 1910 и 1-е Павловское военное училище в 1912. Служил в 91-м пехотном Двинском полку. 26. 01. 1917 штабс-капитан Р. Садовский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за то, что, будучи в чине подпоручика, в боях 21–22-го октября 1915 года на р. Стрыне у д. Семиковцы (Галиция), будучи начальником пулеметной команды, за выбытием всех офицеров 2-го батальона из строя, принял командование батальоном и с крайней опасностью для жизни руководил переправой батальона через р. Стрыну, под губительным огнем тяжелой артиллерии. После переправы, перейдя в атаку, выбил германцев из двух рядов окопов, захватил действующий пулемет и 58 человек пленных. Закрепившись на занятом рубеже, отбил три яростных контр-атаки германцев и удержался на занятой позиции, пока наши части не переправились на свой берег р. Стрыны». Мировую войну закончил в чине штабс-капитана. В 1917 служил в крепостной автомобильной роте в Ревеле в должности помощника командира роты по строевой части. Весной 1918 зачислен в запас. Осенью 1918 вступает в ряды ревельского Отряда русской самозащиты, в составе которого пробыл около месяца, после чего перешел в Русский партизанский отряд под командой подполковника К. Г. Бадендика. Здесь С. Служил в должности командира пулеметной команды. В начале февраля 1919 отбыл вместе с отрядом на Нарвский фронт в распоряжение 5-го эстонского полка под командованием подполковника Н. Резка. В начале мая 1919 отряд переформирован в Ревельский полк Северного корпуса. Полковник с 12. 10. 1919. С декабря 1919 командир 2-го пехотного Ревельского полка. Ранен в сентябре 1919. Летом 1920 занимался отправкой северо-западников из Эстонии в армию генерала Врангеля. В начале 1920-х работал управляющим ресторана «Мон Перо». Как сообщалось в донесениях эстонской политической полиции, в период конца 1921–весны 1922 квартира С. (Narva mnt. 68–1) являлась местом постоянных собраний офицеров СЗА. В последующие годы работал кассиром в фирме «Экспедитор», на строительных работах железнодорожной ветки Тарту–Печеры. Член Союза северо-западников, председатель его таллиннского отдела. Член РОВСа. Арестован органами НКВД в Таллинне 16. 08. 1940. Решением трибунала от 24. 02. 1941 приговорен к расстрелу. Расстрелян.

Источники: *Высочайшие награды // Русский инвалид. 1917. 18 февр. № 46. С. 3; ГАЭ, ф. 1, оп. 7, ед. Хр. 28, л. 16 об.–17; ФГАЭ, ф. 129, д. 26759; Письмо подполковника фон Вааля генералу П. В. Глазенапу с информацией о положении в Эстонии и предположениями по организации антисоветской деятельности // Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Книга первая: Исход.*

М., 1998. С. 140; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедии Гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 486.

243. **Самсоньевский (Самсониевский) Сергей Александрович** (14. 08. 1898 – ?) — прапорщик Семеновского полка СЗА. Во время войны был несколько раз тяжело ранен. Георгиевский кавалер. В материалах политической полиции по делу монархистов в Эстонии имеется удостоверение прапорщика С. А. Самсониевского о зачислении его в Корпус офицеров императорской армии и флота и о приеме его на учет при представителе великого князя Кирилла Владимировича в Эстонии. 1923 — заведующий секретаря Комитета эмигрантов в Эстонии. 1924–1933 — секретарь Комитета эмигрантов в Эстонии. 23. 09. 1934 епископом Николаем на погосте Колпино (Обозерье) был рукоположен в сан иерея. После рукоположения собирался уехать в Чехословакию, где его уже ожидало место священнослужителя.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 166; Русский календарь для Эстонии на 1924 г. Ревель: Изд. «IRA», [1923]. С. 100; Русский календарь для Эстонии на 1931 год. Ревел, [1930]. С. 69; Русский календарь для Эстонии на 1933 год. Таллин, [1932]. С. 106; Бывший офицер рукоположен во священники // СНЛ. 1934. 26 сент. № 112. С. 2.

244. **Сарычев Владимир Федорович** (15. 10. 1859 – 14. 02. 1924, Таллинн) — генерал-лейтенант по Адмиралтейству. В службе с 1879. Мичман с 1882. Окончил Артиллерийский морской класс по перому разряду в 1899. В 1899–1900 служил старшим офицером канонерской лодки «Гиляк». В 1901–04 — командир крейсера 2-го ранга «Боярин». Капитан 1-го ранга с 1907. 25. 11. 1907 зачислен в береговой состав. С 1. 08. 1908 — командир Либавского полуэкипажа. Награды до 1910: серебряная медаль в память царствования императора Александра III, орден Св. Георгия 4-й степени (за подвиг при взятии Таку во время усмирения боксерского восстания в Китае), серебряная медаль в память военных событий в Китае в 1900–1901 г., Св. Станислава 2-й степени, серебряная медаль в память Русско-японской войны в 1904–1905, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени с бантом и пять иностранных орденов, в том числе, орден Почетного легиона. В Эстонии был старостой приходского совета Иоанно-Предтеченской церкви в Нымме. Остались жена и дочь.

*Источники: Список лицам, состоящим в Морском ведомстве и адмиралам и штаб-офицерам строевого и берегового составов флота и чинам, зачисленным по флоту. Ч. 1. СПб., 1910. С. 18; [Объявление] // ПИ. 1924. 15 февр. № 43. С. 1, 4; П. О. **В. Ф. Сарычев** // ПИ. 1924. 22 февр. № 50. С. 4.*

245. **Севастьянов Борис Михайлович** (20. 10. 1872 – ?) — полковник отдельного корпуса жандармов. Окончил воронежский Михайловский кадетский корпус и 2-е военное Константиновское училище по первому разряду. С 1893 служил в 16-м гренадерском Мингрельском полку. Подпоручик с 4. 08. 1892, поручик с 4. 08. 1896, штабс-капитан с 4. 08. 1900, ротмистр с 31. 03. 1907. Вышел в отставку. По возвращении в строй был зачислен в отдельный корпус жандармов с 31. 03. 1910. С 8. 04. 1910 был прикомандирован к жандармскому приграничному управлению Уссурийской железной дороги. 17. 06. 1910 г. был утвержден на должности адъютанта того же управления. С 1 по 3. 05. 1911 находился в прикомандировании к Варшавскому губернскому жандармскому управлению. С 5. 01. 1912 состоял на должности помощника начальника Калишского отделения Варшавского жандармского приграничного управления на приграничном пункте на станции Калиш. С 8. 05. 1912 исполнял обязанности помощника начальника Александровского отделения Варшавского жандармского приграничного

управления на пограничном пункте Александров. Помощник начальника Царскосельского отделения Петроградско-Виндовского жандармского приграничного управления железной дороги с 5. 08. 1913. С 26. 08. 1914 состоял в прикомандировании к Петроградскому губернскому жандармскому управлению. В 1915 состоял во временном распоряжении Дворцового коменданта. Награжден орденами Св. Станислава 3-й степени (1906) и Св. Станислава 2-й степени (1915). Во время Гражданской войны прибыл в Эстонию вместе с одним из Ливенских отрядов. После ликвидации СЗА жил в Нарве, где перебивался случайными заработками. В 1920 был одним из учредителей «Нарвского эмигрантского общества потребителей «Нэро». Торговал русскими газетами, как эмигрантскими, так и советскими; давал уроки, а в 1925 устроился в контору Кренгольмской мануфактуры, где проработал несколько лет. Затем переехал в Таллинн, а оттуда – на сланцевые разработки, где работал сначала истопником, а потом – конторщиком. В результате сокращения штатов потерял и эту работу. Переехал опять в Таллинн, где несмотря на отсутствие работы, появлялся в обществе в дорогих костюмах, бывал в ресторанах и на вечерах. С 1920 до конца 1928–начала 1929 являлся представителем общества «Белый крест» в Нарве. Какое-то время был фактическим редактором газеты «Былой нарвский листок». 26. 04. 1925 был избран председателем Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, однако, уже в октябре того же года он заявил о своем желании сложить с себя обязанности председателя союза, мотивируя это большой перегруженностью служебной работой на фабрике, но его уговорили повременить. Все же в ноябре 1926 он покинул пост председателя союза. Последнее упоминание в печати о его участии в деятельности союза связано с проведением годового собрания союза 13. 05. 1928, которое проходило под его председательством. 26. 04. 1927 скончалась его жена Неонила Яковлевна; похороны состоялись 29. 04. на Ивангородском кладбище. По мнению генерала Васильковского и П. Н. Максимова, С. был агентом английской разведки, занимался переброской агентов в СССР и сотрудничал с «Братством Русской Правды». В начале апреля 1932 был арестован полицией в Нарве, т. к. не имел разрешения на проживание в районах, объявленных на военном положении. В конце апреля – мае 1932 уехал во Францию. В мартовском номере журнала «Часовой» за 1933 было помещено его стихотворение «Нашему часовому», датированное 6. 03. 1933 с обозначением места написания — Монте-Карло. В конце 1934 по Нарве прокатились слухи о том, что С. якобы схвачен в Ленинграде по обвинению в организации убийства Кирова и расстрелян. Согласно другой версии слухов, его вместе с его сожительницей сослали на Соловки.

Источники: *Список общего состава чинов отдельного корпуса жандармов. Прг., 1915. С. 610; Беженская хроника // ПИ. 1920. 30 авг. № 15. С. 4; Русский календарь для Эстонии на 1924 г. Ревель: Изд. «IRA», [1923]. С. 103; Освящение столовой для инвалидов // СНЛ. 1927. 21 апр. № 46. С. 3; Союз русских увечных воинов // РВр. 1925. 4 (21) мая. № 3. С. 4; Б. Т. Собрание Союза русских увечных воинов // СНЛ. 1925. 29 окт. № 18. С. 2; Б. Севастьянов. Письмо в редакцию // СНЛ. 1926. 4 дек. № 138. С. 2; [Объявление] // ННЛ. 1927. 26 апр. № 32. С. 1; Общее собрание Союза инвалидов // СНЛ. 1928. 17 мая. № 52. С. 3; В Нарве задержан Б. М. Севастьянов // СНЛ. 1932. 19 апр. № 41. С. 2; Б. Севастьянов переехал в Париж // СНЛ. 1932. 2 июня. № 59. С. 2; Севастьянов Б. Нашему часовому // Часовой. 1933. 15 марта. № 100. С. 8; Б. М. Севастьянов расстрелян? // Русское слово. 1934. 31 дек. № 146. С. 2; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Л. 62; Д.*

26756. Л. 17, 28–29; Исаков С. Г. *Периодическая печать // РНМЭР (1918–1940). Тарту, 2001. С. 244.*

246. **Семенов Борис Константинович** (24. 02. 1894, Псков – 5. 05. 1942, Саратов) — поручик. Выходец из псковской купеческой семьи. В 1911 окончил Псковское Сергиевское реальное училище. С 1912 учился на юридическом факультете Петербургского университета. С началом Первой мировой войны ушел добровольцем в армию. Прошел ускоренные офицерские курсы при Владимирском военном училище и в мае 1915 был уже на фронте. 20. 05. 1915 был назначен командиром роты 168-го Миргородского пехотного полка. В бою под Влодавой (Польша) был ранен и попал в плен. В апреле 1919 присоединился к формируемому в Латвии отряду под командованием князя А. Ливена. Служил в СЗА на должности младшего офицера и командира полуроты. Был ранен. После ликвидации СЗА жил в Печорах. В 1924–1927 учился на Русском юридическом факультете в Праге; вступил в Русскую крестьянскую трудовую партию. Поэт, общественный, политический и культурный деятель. С 1925 член Русской крестьянской трудовой партии («Крестьянская Россия»). Многие годы с энтузиазмом и энергией работал инструктором Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Арестован 21. 06. 1940. Умер в Саратовской тюрьме.

Источники: *Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг. Антология / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Таллинн, 2002. С. 260–261; Исаков С. Г. Б. К. Семенов — общественный деятель и поэт // Исаков С. Г. Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн, 2005. С. 354–377.*

247. **Сербин-Черцов Александр Андреевич** (? – 12. 11. 1929, Нарва) — полковник. Окончил Николаевскую академию генерального штаба. Участвовал в Русско-японской и Мировой войнах. Был в плену. Служил в белой армии. С 1919 — в Нарве. Давал дешевые уроки, работал сторожем на Льнопрядильной фабрике. В 1929 в следствии обморожения (сторожил зимой у ворот) ему ампутировали ногу. По воспоминаниям священника А. Тихомирова, он был одним из организаторов и душой хора при Знаменской церкви. Являлся действительным членом Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Умер от болезни сердца. Похоронен 15 ноября на Ивангородском кладбище.

Источники: *А. Тихомиров. Сербин-Черцов // СНЛ. 1929. 28 нояб. № 135. С. 1; В. В. Памяти А. А. Сербина-Черцова // СНЛ. 1929. 14 нояб. № 129. С. 3.*

248. **Сергеев Сергей Капитонович** (15. 08. 1896, Псковск. губ. – 1980, Таллинн) — поручик. Перед революцией окончил Псковскую учительскую семинарию. В 1918 добровольно записался в Псковский добровольческий корпус. В СЗА служил во 2-м Островском полку. Ранен осенью 1919. В Эстонии работал в школе деревни Сенно; в 1940 был переведен в Шумилкинскую начальную школу. Член и секретарь правления Печорского учительского союза; гласный волосного собрания. Арестован 24. 09. 1940; 08. 03. 1941 приговорен к 8 годам лагерей. 16. 02. 1947 освобожден из Воркутлага Коми АССР. После освобождения жил в Таллинне.

Источники: *Калкин О. Участники Белого движения в Печорском крае (1920–1940 гг.) // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 3 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2004. С. 27–28; РАЕ. Кд. 3. Tallinn, 2005. Lk. 704.*

249. **фон Сиверс Карл-Август-Мария-Йохан** (6. 01. 1874, Дерпт – 5. 07. 1935, Хаапсалу) — полковник в отставке. 26. 01. 1894 поступил вольноопределяющимся в л.-гв. Драгунский полк. Корнет с 1897. Командовал одним из карательных отрядов во время революционных событий в Эстонии в 1905. Участвовал в Мировой войне в боях в Восточной Пруссии. 15. 04. 1916

- прикомандирован к Главному управлению Генерального штаба. Полковник с 10. 08. 1916. Награды: Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и персидский орден Льва и Солнца 3-й степени.
- Источники:* ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 182; Умер бывший начальник карательных отрядов 1905 г. // ВД. 1935. 9 июля. № 159. С. 2.
250. **Скоробогатов Александр Павлович** (2. 03. 1879 – ?) — прапорщик. Окончил 3-е реальное училище в СПб. Офицер с 1 мая 1916 (школа прапорщиков Северо-Западного фронта). Служил казначеем Отдельного Качановского батальона (6 месяцев и 21 день).
- Источники:* ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 63. Л. 130.
251. **Смирнов Николай Александрович** (1887, Нарва – 25. 06. 1941) — штабс-капитан. Окончил нарвскую гимназию в 1906 г. 1907–08 — учился в историко-филологическом институте СПб. 1909–10 — Казанское военное училище. В армии с 1912 по 1917. В белых армиях не служил. В 1923 из Владивостока перебрался в Китай, а затем в Эстонию. Член, а с момента отъезда Ф. С. Добровидова в Нарву в 1935, руководитель «Легитимно-монархического союза» в Кивиыли. Арестован НКВД в Нарве 31. 10. 1940. Решением трибунала от 23. 05. 1941 приговорен к расстрелу.
- Источники:* ФГАЭ. Ф. 130. Д. 14 114. Л. 47–55; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Lk. 501; Исаков С. Из истории русской общины в эстонском сланцевом бассейне в 1920-1930-е годы // Радуга. 2001. Апрель-июнь. № 2. С. 98.
252. **Смолин Александр Яковлевич** (?) — полковник. В СЗА с 1. 08. 1919 в чине подполковника. В декабре 1919 назначен командиром 20-го пехотного Чудского полка. 12. 10. 1919 произведен в полковники. Командир 6-го стрелкового Талабского полка. Автор некролога П. М. Горку. Служил в эстонской армии в чине майора.
- Источники:* Смолин А. Памяти П. М. Горку // ВД. 1929. 24 февр. № 54. С. 1; Rajur A. Eesti Riigikaitsepoliitika aastail 1918–1934. Tallinn, 1999. Lk. 143; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 526.
253. **Сокольский Алексей Николаевич** (? – 10. 01. 1928, Тарту) — полковник. Ветеран Русско-турецкой войны 1877-78. Служил в 94-ом пехотном Енисейском полку. Вышел в отставку и был назначен уездным воинским начальником в Новоржев (Псковская губерния). С началом Первой мировой войны был призван в действующую армию и утвержден на должности командира 240-ой пехотной Олонецкой дружины. После распада русской армии бежал вместе с женой и дочерью в Эстонию, где жил очень бедно. Похоронен на православном кладбище 13 января 1928.
- Источники:* Полк. А. Н. Сокольский // ВД. 1928. 17 янв. № 16. С. 1.
254. **Стенбок Петр Михайлович** (11. 04. 1869 – 31. 07. 1931) — генерал-майор. Граф. Окончил Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1889–90) и был выпущен корнетом в 41-ый драгунский Ямбургский полк в августе 1890. 5. 08. 1891 был переведен в звании корнета в лейб-гвардии Гусарский полк. 5. 08. 1895 произведен в поручики, 6. 12. 1896 г. – в штаб-ротмистры, 6. 12. 1900 — в ротмистры. С 14. 03. 1900 состоял на должности обер-офицера для особых поручений сводного штаба при военном министерстве. 15. 03. 1904 г. — адъютанта командующего Маньчжурской армии. 6. 11. 1904 произведен в чин войскового старшины и утвержден на должности командира 8-го Сибирского казачьего полка. 20. 12. 1904 произведен в полковники. С 4. 02. 1906 состоял в распоряжении атамана 2-го воинского отделения Сибирского казачьего войска. С 10. 03. 1906 был

прикомандирован к канцелярии военного министерства. Затем был командиром 2-го лейб-гусарского Павлоградского Императора Александра III полка. За боевые заслуги во время Русско-японской войны был награжден орденами Св. Анны 4-й степени, Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Георгиевским золотым оружием, а также произведен в полковники. В 1909 был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. Первую мировую войну начал в чине генерал-майора, будучи на должности командира Сибирской казачьей бригады. За время войны был удостоен орденов Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 1-й степени с мечами, Св. Анны 1-й степени с мечами, а также мечами к ордену Св. Владимира 3-й степени. Являлся владельцем имения Кольк, которое было экспроприровано в 1919.

Источники: *Список полковникам по старшинству. Ч. 1. СПб., 1911. С. 335; ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 8 об.*

255. **Стеценко Алексей Васильевич** (9. 10. 1874, СПб. – 14. 05. 1935, Таллинн) — капитан 1-го ранга. В службе с 1891. Мичман с 1894. Окончил курс в Морской учебно-строевой команде (бывшая Стрелковая рота) в 1896 и Николаевскую морскую академию в 1902. В 1903–1904 гг. служил флагман-офицером при младшей флагманской эскадре Тихого океана. 6. 12. 1907 произведен в чин капитан-лейтенанта. С 30. 11. 1909 — командир эскадренного миноносца «Бурный». Награды до 1910: серебряная медаль в память царствования императора Александра III, знак Морской академии, ордена Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами и Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, серебряная медаль в память Русско-японской войны 1904–1905 гг., а также орден Почетного легиона. К 1914 состоял в чине капитана 2-го ранга и командовал эскадренным миноносцем «Москвитянин». На момент выдачи нансеновского паспорта 5 августа 1924 проживал в Пярну. 2 ноября 1931 был заключен брак с Leonie-Martha-Agnes Isberg. В печати были опубликованы его воспоминания о праздновании Пасхи в Порт-Артуре во время Русско-японской войны (Христос на волнах // ВД. 1931. 8 апр. № 92. С. 2). Член Кассы взаимопомощи бывших русских моряков. Погребен 17 мая на Александро-Невском кладбище.

Источники: *Список лицам, состоящим в Морском ведомстве и адмиралам и штаб-офицерам строевого и берегового составов флота и чинам, зачисленным по флоту. Ч. 1. СПб., 1910. С. 401; Адрес-календарь. СПб., 1914. С. 1525; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 5944; 5-летие кассы взаимопомощи моряков // ВД. 1929. 9 апр. № 95. С. 1; [Объявление] // ВД. 1935. 15 мая. № 114. С. 2.*

256. **Стражевский Владимир Константинович** (? – 05. 04. 1932) — поручик 19-го Архангельского драгунского полка. Похоронен на Ивангородском кладбище.

Источники: [Объявление] // СНЛ. 1932. 7 апр. № 36. С. 1.

257. **Стратонович Иоанн Николаевич** (?) — протоиерей. Родом из Могилевской губернии. Его биография была тесно связана с российской императорской армией: с момента окончания в 1897 духовной семинарии он много лет своего пастырского служения провел при разных полках в должности полкового священника. В частности, Первую мировую войну он прошел вместе с лейб-гвардии Кирасирским Его Величества полком. За ревностную службу Стратонович был награжден многими орденами и наградами, в том числе и золотым наперсным крестом на георгиевской ленте, который получил за пребывание на поле боя под огнем неприятеля.

Высочайшим приказом от 13. 11. 1915 был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами. После Октябрьской революции митрополитом Вениамином был назначен настоятелем Екатерининского собора в Петрограде. Во время Гражданской войны был в СЗА. В 1920 — штатный священник Русского госпиталя № 2 в Копли. С 1928 служил в Таллинне в часовне при Балтийской мануфактуре. Состоял в Объединении георгиевских кавалеров в Эстонии.
Источники: *Высочайшие награды // ПВ. 1915. 23 нояб. (6 дек.). № 271. С. 1; 35-летний юбилей прот. И. Стратоновича // ВД. 1932. 22 марта. № 69. С. 1; Бойков В., Мальцев Ю. Госпитали Эстонской Республики для лечения воинов Северо-Западной армии // Труды РИЦЭ. Вып. 4. Таллинн, 2006. С. 53.*

258. **Стрекопытов Владимир Васильевич** (16. 06. 1890, Тульск. губ. – 05. 04. 1941) — полковник. До службы в СЗА командовал полком 8-й дивизии 2-й Тульской бригады РККА. В марте 1919 в Гомеле полк под руководством Стрекопытова поднял мятеж против большевиков и с боями отступил к Ровно, где остатки полка были интернированы поляками. Обезоруженные и ограбленные тульцы были переведены в Гдов, и во второй половине июля из них был сформирован 1-й Тульский полк под командованием штабс-капитана В. В. Стрекопытова в 600 человек, который был придан дивизии св. кн. Ливена. Как известно, в первом же бою 4 августа в Ямбурге большая часть тульцев разбежалась при первом появлении броневиков красных. После ликвидации СЗА полковник Стрекопытов создал на основе своего полка Тульскую рабочую артель, занимавшуюся рубкой леса. Известно, что конторы по вербовке солдат СЗА в артель находились в Таллине, Нарве и Йыхви. В мае 1920 артель Стрекопытова работала тремя группами на участках ж/д станции Кильтси в Тартуском уезде, ж/д станции Сонда в Вирумаском уезде и ж/д станции Квелленштейн Пярнуского уезда. В начале 1930-х гг. Стрекопытов проживал в Таллинне. Принимал активное участие в деятельности таллинского отдела Союза взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии. Состоял также в совете старшин таллинского Русского общественного собрания. После ввода в Эстонию советских частей и последовавших за этим арестов, сжег все свои дневники. Точно не известно, но стоит предполагать, что полковник Стрекопытов был арестован органами НКВД. 8. 01.1924 в Тарту скончался его брат Валериан на 37 году жизни, от туберкулеза. Арестован НКВД 17. 10. 1940 в Таллинне. Решением трибунала от 10. 02. 1941 приговорен к расстрелу. Расстрелян.
Источники: *[Объявление] // СР. 1920. 15 февр. № 38. С. 4; [Объявление] // СР. 1920. 11 мая. № 104. С. 3; [Объявление] // ПИ. 1924. 10 янв. № 7. С. 4; Собрание членов Союза участников бывш. Сев.-Зап. армии и эмигрантов // СНЛ. 1935. 4 марта. № 26. С. 3; ФГАЭ. Ф. 130. Д. 11566. Т. 2. Л. 2, 17; Родзянко А. Воспоминания о Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С. В. Волков. М., 2003. С. 262–263; РАЕ. Кд. 3. Tallinn, 2005. Lk. 721; Rosenthal R. Loodearmee. Tallinn, 2006. Lk. 279–280.*
259. **Терентьев Николай Алексеевич** (19. 04. 1867, Гельсингфорс – 17. 06. 1934, Тарту) — полковник. Окончил Петербургское пехотное юнкерское училище по 2-му разряду. Офицер с 19. 08. 1888. Службу начал в Свеаборгском крепостном батальоне, откуда был переведен в 95-й пехотный Красноярский полк, квартировавший в Тарту. К 1897 в чине поручика исполнял обязанности адъютанта 1-го батальона полка. Начальник штаба 4-ой дивизии СЗА. С 1921 жил в Пярну, где был в числе организаторов местного отделения Комитета русских эмигрантов; с 1922 — в Тарту, служил во 2-ом эстонском Артиллерийском полку до августа 1926. Погребен 20 июня 1934 на православном кладбище в Тарту.

Источники: Крючков В. 95-й пехотный Красноярский полк. История полка. 1797–1897 гг. СПб., 1897. С. 475; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 6346; [Объявление] // ВД. 1934. 19 июня. № 141. С. 1.

260. **Тимченко-Островерхов Николай Николаевич** (23. 11. 1874 – 19. 12. 1936, Париж) — полковник. Окончил Киевское реальное училище и Чугуевское пехотное юнкерское училище по второму разряду. Подпоручик с 1898. Служил в 188-м пехотном резервном Бутуринском полку. С 23. 03. 1907 по 28. 01. 1908 и с 28. 07 по 22. 12. 1909 находился в запасе. Капитан с 12. 10. 1911 г. В 1906 был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. До начала Мировой войны состоял на должности столоначальника Главного интендантского управления. Служил в СЗА интендантом фронта. В Эстонии проживал по крайней мере до февраля 1927; к этому моменту относится инцидент с Н. И. Лебедевой, которая якобы распространяла о нем сплетни. В Эстонии проживали его жена, дети, зять и внучка. В 1927 был в числе активных членов монархической ячейки на Русско-Балтийском заводе.

Источники: ГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 224; Список капитанам армейской пехоты по старшинству. СПб., 1914. С. 937; Кирдецов Г. У ворот Петрограда (1919–1920). Берлин, 1921. С. 300; Письмо в редакцию // НЧ. 1927. 7 февр. № 19. С. 4; [Объявление] // ВД. 1937. 2 янв. № 1. С. 2.

261. **Тишнер Борис Августович** (1886 – 27. 04. 1934, Нарва) — ротмистр. Служил в 18-ом гусарском Нежинском полку. В 1916 был ранен в Галиции под Равой Русской, от этого ранения началась гангрена, и в итоге он потерял ногу. В Эстонии проживал в Нарве, где работал репортером в нескольких нарвских газетах. Входил в состав инициативной группы по созданию Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии; был действительным членом союза. Возглавлял группу «Братства Русской Правды» в Нарве, в которую входили штабс-капитан Н. Н. Четвериков, смотритель Нарвской эмигрантской гимназии Борис Перов, а также ученики гимназии. Был любителем выпить и часто устраивал шумные попойки.

Источники: ФГАЭ. Ф. 130. Д. 15096-э. Л. 22об.-23; Письмо в редакцию // НЛ. 1925. 21 февр. № 22. С. 3; Поступок репортера «Ст. Нарв. Листка» Б. Тишнера // ННЛ. 1927. 1 янв. № 1. С. 3; Кончина Б. А. Тишнера // СНЛ. 1934. 1 мая. № 49. С. 2; А. Ковалевский. Памяти Б. А. Тишнера // РС. 1934. № 51. С. 2.

262. **Толоконников Петр Николаевич** (1869 – ?) — полковник. С 1918 служил в армии Деникина, а затем Врангеля. После разгрома армии был эвакуирован в Турцию, потом переехал в Болгарию. В виду того, что его семья переехала на место жительства в Эстонию, то и он последовал за ней. В Эстонии с марта 1923. Работал чернорабочим на Балтийской мануфактуре.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 192.

263. **Толль Александр Густавович** (?) — штабс-капитан. Служил в армии Врангеля. В Эстонии работал на Нарвской льнопрядильной фабрике мастером. В марте 1941 выехал в Германию.

Источники: ФГАЭ. Ф. 130. Д. 2866. Л. 20.

264. **фон Толль Евгений Николаевич** (24. 05. 1870, Мюнхен – 7. 03. 1929) — полковник в отставке. Граф. Родился в семье генерал-лейтенанта Н. фон Толля (1819–1880).

Источники: ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 197. Л. 33; [Объявление] // ВД. 1929. 8 марта. № 66. С. 1.

265. **Томашевский Станислав Викторович** (? – 21. 12. 1930, Таллинн) — поручик СЗА. Похоронен на Александро-Невском кладбище.

Источники: [Объявление] // ВД. 1930. 23 дек. № 347. С. 2.

266. **Транзе Александр Александрович** (10. 11. 1880, Владивосток – 7. 01. 1922, Тойла) — капитан 1-го ранга. На флоте прослужил 25 лет. Добровольцем вступил в ряды СЗА. В Эстонии с ноября 1919. Помогал беженцам.
Источники: ГАЗ. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 61. Л. 30; Хроника // ПИ. 1922. 19 янв. № 15. С. 4.
267. **Третьяков Михаил Петрович** (11. 10. 1872, Можайск – 07. 04. 1931, Таллинн) — полковник инженерных войск. Окончил 2-ой Московский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию по первому разряду. В службе с 9. 09. 1890. Служил в 4-м понтонном батальоне. Подпоручик с 5. 08. 1891. Поручик с 5. 08. 1895. Штабс-капитан с 17. 05. 1898. Капитан с 9. 04. 1900. В 1902 награжден орденом Св. Станислава 3-ей степени. В 1907 награжден орденом Св. Анны 3-ей степени. Подполковник с 6. 12. 1909. С 7. 09. 1909 по 4. 12. 1910 занимал должность помощника заведующего Новогеоргиевским речным военным портом. 4. 12. 1910 утвержден на должности штаб-офицера инженерного управления Варшавской крепости. Полковник с 6. 12. 1910. В августе 1913 был назначен помощником строителя морской крепости императора Петра Великого. В СЗА занимал пост начальника военных сообщений. Последние годы жизни занимался подрядными работами; его стараниями в Таллинне и в провинции был произведен целый ряд построек. Член Русского клуба (в 1926 — председатель) и Ревельского союза инженеров. Умер после операции рака прямой кишки.
Источники: Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1422; Общее годовичное собрание членов Ревельск. Русского Клуба // Час. 1926. 8 февр. № 10. С. 4; М. П. Третьяков // ВД. 1931. 11 апр. № 95. С. 1.
268. **Троицкий Петр Доримедонтович** (13. 01. 1849 – 31. 10. 1933, Нарва) — полковник. Сын дьякона Нижегородской губернии. Окончил: Московскую учительскую семинарию военного ведомства, Варшавское юнкерское училище (по 1-му разряду). Служил в 92-м пехотном Печорском полку с 1896. К 1903 в чине подполковника командовал 2-м батальоном полка. Участвовал в Русско-Японской войне в должности командира батальона 8-го Сибирского Томского полка. По окончании войны приехал в Нарву в родной Печорский полк, где занимал ряд должностей до командира полка. В 1910 произведен в чин полковника и отправлен в отставку. Награжден золотым оружием, орденами Св. Анны, Св. Станислава и др. Будучи в отставке, принимал деятельное участие в общественной жизни: состоял членом Ивангородского добровольного пожарного общества, председателем сиротского суда и пр. После революции был в тяжелом материальном положении. Занимал должность регента Знаменской церкви в Нарве, где организовал прекрасный хор и приобрел для него большое количество нот. Его сын, тоже офицер, погиб в первый год Первой мировой войны.
Источники: Юганов Н. А. История 92-го пехотного Печорского полка. 29-го Апреля 1803–1903. СПб., 1903. С. 282; † П. Д. Троицкий // СНЛ. 1926. 4 нояб. № 125. С. 3; Волгин В. Памяти П. Д. Троицкого и А. И. Байкова // ННЛ. 1926. 6 нояб. № 17. С. 1.
269. **Узембло Георгий Йозефович** (1. 05. 1894, Киевская губ. – 24. 04. 1944) — поручик. Служил в СЗА. В Эстонии проживал по адресу: Нымме, Раудтеэ 41–3. Работал школьным учителем. 9. 11. 1924 зарегистрирован его брак с И. В. Йогансон. От этого брака 23. 09. 1925 родилась дочь Галина. Член Союза северо-западников и секретарь Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. В конце 1930-х гг. уехал в Германию.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 6706; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л. 101, 128; *Deutsch-baltisches Gedenkbuch. Unsere Toten der Jahre 1939–1947. Darmstadt, 1991. S. 460.*

270. **Фадеев Александр Александрович (Иванович?)** (23. 04. 1871, Гельсингфорс - ?) — полковник. До эмиграции в Эстонию жил в Пскове. В Эстонии жил в Тарту. Председатель тартуского отдела Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Принимал участие в деятельности Русского просветительного общества в Тарту (в рамках историко-географического кружка): читал в доступной и увлекательной форме лекции по истории России — доклады «Прогулка по Петербургу», «Воспоминания о начале мировой войны». В 1939 уехал в Германию.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1229; Бойков В. А. *Русское просветительное общество в Тарту // Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллинн, 1998. С. 61.*

271. **Ферзен Вильям (Василий) Николаевич** (14. 05. 1858 – 6. 05. 1937, Пярну) — вице-адмирал. В службе с 1876. Гардемарин с 1879. Мичман с 1880. Окончил минный класс Морского корпуса в 1892 и курс военно-морских наук при Николаевской морской академии в 1904. С 1896 по 1897 исполнял должность командира миноносца «Взрыв». С 1897 по 1899 — старший офицер крейсера 2-го ранга «Африка». С 1899 по 1902 — в США. С 1902 по 1905 — командир крейсера 2-го ранга «Изумруд»; участие в Русско-японской войне, за боевые отличия в которой был награжден Золотой саблей с надписью «За храбрость» и произведен в капитаны 1-го ранга (6. 12. 1905). С 1906 по 1907 — исполняющий дела командира Владивостокского порта. С 1908 — командующий 2-й минной дивизии Балтийского моря. Член Главного военно-морского суда. С 1917 в отставке.

Источники: *Список лицам, состоящим в Морском ведомстве и адмиралам и штаб-офицерам строевого и берегового составов флота и чинам, зачисленным по флоту. Ч. 1. СПб., 1910. С. 33–34;* ; Волков С. В. *Офицеры флота и Морского ведомства. М., 2004. С. 496.*

272. **Филатов Петр** (?) — подполковник. Подполковник запаса эстонской армии до августа 1924, когда за незнание эстонского языка в достаточной степени был разжалован в рядовые запаса. Член ревизионной комиссии Ревельского отдела Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Состоял в группе Баиова.

Источники: *Хроника // ПИ. 1924. 15 авг. № 210 С. 3; Союз русских увечных воинов // НПИ. 1926. 20 окт. № 1. С. 3; ГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 185.*

273. **Фитингоф-Шель Оскар Брунович** (18. 06. 1885 – 1974 или 1975) — капитан 2-го ранга. Окончил Морской корпус в 1904 (так называемый «царский выпуск»). Служил на Балтийском флоте. В Отдельном корпусе Северной армии сначала находился в качестве офицера связи на Чудской флотилии и состоял при Морском отделе, в СЗА — начальник разгрузочного отдела Морского управления в Таллинне. Член благотворительного общества «Белый крест» и Кассы взаимопомощи моряков. В 1939 выехал в Германию.

Источники: *Материалы из частного архива В. В. Верзунова; Плюханова М. С. Мне кажется, что мы не расставались... Таллинн, 1999. С. 27; Бойков В. История одной легенды // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. VII. Вильнюс, 2002. С. 246.*

274. **Флоренский Владимир Дмитриевич** (3. 05. 1866 – 14. 01. 1929, Таллинн) — войсковой старшина казачьих войск. Военное образование получил в Санкт-Петербургской военной гимназии (в последующем – 1-й Кадетский

корпус). Службу начал в 1882 в 147-м пехотном Самарском полку. В 1887 был переведен в 89-й пехотный Беломорский полк, затем (1889) — в пограничную стражу. В 1904 поступил добровольцем в казачье Забайкальское войско – во 2-й Аргунский полк. В рядах этого полка Ф. и принимал участие в Русско-японской войне. В 1906 вышел в отставку, но с началом Мировой войны был вновь призван в действующую армию. В Эстонии (Таллинн) Ф. стоял у истоков основания общества «Гусли», председателем которого он и состоял. Одновременно также являлся председателем ревизионной комиссии Казанского прихода.

Источники: Корвин-Пиотровский К. А. 89-й пехотный Беломорский полк. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 254; В. Д. Флоренский // ВД. 1929. 17 янв. № 16. С. 1.

275. **Фокке Иван Григорьевич** (? – 12. 03. 1925, Таллинн) — полковник, военный инженер. Происходил из небогатой семьи ревельских ремесленников. Окончил реальное училище и служил по почтово-телеграфному ведомству. Это дало ему возможность с сохранением содержания быть принятым по конкурсному экзамену в Санкт-Петербургский электротехнический институт. Когда начались студенческие волнения, поступил в Константиновское артиллерийское училище. Из училища вышел в чине подпоручика и поступил в Николаевскую академию генерального штаба. В 1909 служил в чине штабс-капитана в 37-м артиллерийском парке (Усть-Тосно, Петербургской губернии). В 1911 вышел в отставку и поступил в Политехнический институт, который закончил по инженерному отделению уже во время войны. На войне служил в штабе одной из армий северного фронта. По приказанию большевиков участвовал в качестве эксперта в брестских переговорах, стараясь по мере возможности защитить интересы России в этой афере. Оптировался в Эстонию, где служил по министерству путей сообщения и работал над книгой «На сцене и за кулисами Бреста», в которой разоблачил подпольные махинации большевиков во время переговоров в Бресте.

Источники: *Общий список офицерским чинам Русской императорской армии.* СПб., 1909. С. 709; И. Г. Фокке // ПИ. 1925. 15 марта. № 61. С. 3.

276. **Франк Роман (Рихард) Владимирович** (22. 07. 1888, Нарва-Йыэсуу – ?) — полковник. Мать — эстонка, отец — военный капельмейстер (бывший австро-венгерский подданный). Общее образование получил в Хельсинки и Тарту (1907-08 гг. – Тартуский университет). Военное образование – Московское Алексеевское военное училище (окончил в 1910). Служил в 12-ом Сибирском стрелковом Наследника Цесаревича полку 3-ей Сибирской стрелковой дивизии, 78-ом Сибирском стрелковом полку 20-ой Сибирской стрелковой дивизии. Принимал участие в Первой мировой войне. Инвалид. В 1915 на костылях вернулся в строй. Приказом от 28. 01. 1916 поручику Франку было даровано старшинство в настоящем чине с 13. 02. 1914. Решением Георгиевской думы от 11. 04. 1917 капитан Франк был награжден Золотым георгиевским оружием «за то, что, будучи в чине поручика, в бою в ночь с 21 на 22 июня 1916 года, при атаке укрепленной немецкой позиции, южнее мызы Катериненгоф, командуя 12 ротой, под убийственным огнем противника, прорвал проволочные заграждения и во главе роты ворвался в неприятельские окопы, штыками выбил немцев и захватил пленных». 28. 08. 1917 награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за подвиг, проявленный в бою в районе Бабит 12. 01. 1917. Подполковник с 1917 года. С началом Гражданской войны был заключен в Бутырскую тюрьму. Служил у Колчака, сотрудничая в газетах «Русская армия» (1918–1919, Омск) и «Призыв» (Харбин). В начале 1920 оптировался в Эстонию. В 1922 отказался от помощи

по инвалидности. Полковник запаса эстонской армии до августа 1924, когда за незнание эстонского языка в достаточной степени был разжалован в рядовые запаса. Работал продавцом в продуктовом магазине дер. Криуши. Входил в группу Баиова и занимался сбором разветданных из СССР, куда отправлял своих агентов. Были сведения, согласно которым Франк работал также на английскую разветку. Вероятно, задолго до советской оккупации покинул Эстонию.

Источники: *Высочайшие приказы о чинах военных.* СПб., 1916. 28 янв. С. 23; *Высочайшие награды // Русский инвалид.* 1917. 25 мая. № 120. С. 3; *Хроника // ПИ.* 1924. 15 авг. № 210. С. 3; *Корчак-Котович Н. И. Мой ответ клеветникам // ННЛ.* 1927. 25 янв. № 7. С. 3; *ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 148 об.; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Л. 52.*

277. **Халдеев Иван Васильевич** (6. 01. 1854, село Умет, Тамбовская губ. – 8. 08. 1927, Таллинн) — подполковник по адмиралтейству. В службе с 1878. Проживал в Нымме с 1915. На момент конца 1919 — отставной капитан по адмиралтейству. Похоронен 10 августа. Из родственников в Эстонии проживали жена, сын и внук.

Источники: *ГАЭ. Ф.1. Оп. 9. Ед. хр. 52. Л. 5; [Объявление] // ВД. 1927. 10 авг. № 213. С. 2.*

278. **Хвалынский П. П. (?)** — полковник. Служил в СЗА. В 1920 был одним из организаторов Комитета русских эмигрантов в Эстонии; входил в состав Бюро комитета. В связи с тем, что он проявил активные действия во время Кронштадского восстания, в конце марта 1921 у него был отобран вид на жительство и предписано покинуть Эстонию. Выехал за границу в начале 1920-х гг.

Источники: *Выселение белых // За народное дело.* 1921. 1 апр. № 12. С. 4; *Отчет Комитета русских эмигрантов в Эстонии за три года его деятельности (с 1 апреля 1920 г. по 1 апреля 1923 г.). Нарва, 1923. С. 5–6;* *Бойков В. Мартиролог. Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления советской власти // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. II. Таллинн, [1996]. С. 18.*

279. **Худков Всеволод Николаевич** (1875? – 03. 1931) — подполковник 90-го Онежского пехотного полка, старший адъютант Штаба строительства крепости императора Петра Великого. Принимал участие в Русско-японской и Первой мировой войнах; был ранен, получил много боевых отличий. Материальное неблагополучие явилось причиной самоубийства.

Источники: *Самоубийство двух братьев б. русск. офицеров Худковых // РВ. 1931. 29 марта. № 2. С. 1; [Объявление] // ВД. 1931. 31 марта. № 88. С. 2.*

280. **Худков Михаил Николаевич** (30. 08. 1868 – 03. 1931) — полковник. Образование получил в 7-й С.-Петербургской гимназии (не окончил) и С.-Петербургском пехотном юнкерском училище (окончил по первому разряду). Подпоручик с 1893. Служил в 90-м пехотном Онежском полку. Принимал участие в Русско-японской и Первой мировой войнах; был ранен, получил много боевых отличий, в том числе чин капитана (1905). В январе 1915 был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». В марте 1915 был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В первой декаде 1917 был назначен командиром 613-го пехотного Славутинского полка. В апреле 1917 за боевые отличия ему были дарованы мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й степени. В СЗА зачислен 1 июня 1919. Октябрь–декабрь 1919 — помощник командира 11-го пехотного Вятского полка, затем — его командир. Материальное неблагополучие явилось причиной самоубийства.

Источники: Список капитанам армейской пехоты по старшинству. СПб., 1914. С. 458; Высочайшие награды // ПВ. 1915. 17 (30) янв. № 13. С. 1; 13 (26) марта. № 59. С. 2; Приказы Армии и Флоту о военных чинах сухопутного ведомства // Русский инвалид. 1917. 25 мая. № 120. С. 3; Самоубийство двух братьев б. русск. офицеров Худковых // РВ. 1931. 29 марта. № 2. С. 1; [Объявление] // ВД. 1931. 31 марта. № 88. С. 2.

281. **фон Цур-Мюлен Павел Андреевич (von zur Mühlen)** (25. 09. 1892, Ревель – ?) — капитан Семеновского полка СЗА. Родился в семье штабс-капитана, помощника начальника жандармского корпуса Андрея Вольдемара фон Цур-Мюлена (1837 – 1907) и его второй супруги дочери тайного советника, доктора медицины Евгении Пеликан. До эмиграции служил в лейб-гвардии Семеновском полку. Офицер с 1914. Первую мировую войну начал в чине подпоручика. В 1915 был ранен и попал в плен около деревни Милагура Виленской губернии. В СЗА зачислен с 1. 06. 1919; в дек. 1919 в 8-м Семеновском полку. Поручик с 31. 07. 1919. В период Эстонской Республики служил в фирме «Тор Молен» в Нарве (заведующий нарвского отделения). В 1922 женился на Нине Васильевне Егоровой. С самого начала принимал деятельное участие в организации Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии; входил в состав его ревизионной комиссии. В 1931 вышел из союза и вступил в нарвский отдел Союза русских военных инвалидов, где состоял членом правления. Председатель правления Общества друзей русских скаутов при дружине нарвских морских скаутов. Судьба после 1940 неизвестна.

Источники: ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Д. 142. Л. 31-32; Собрание инвалидов // НЛ. 1925. 14 февр. № 19. С. 2; Письмо в редакцию // НЛ. 1925. 21 февр. № 22. С. 3; Собрание инвалидов // НЛ. 1925. 28 апр. № 46. С. 2; Годовое общее собрание Союза инвалидов // СНЛ. 1926. 11 мая. № 50. С. 2; Годичное собрание инвалидов // ННЛ. 1927. 17 мая. № 38. С. 3; Общее собрание Союза инвалидов // СНЛ. 1928. 17 мая. № 52. С. 3; Годовая деятельность Союза русских инвалидов // СНЛ. 1929. 16 мая. № 58. С. 3; Собрание русск. инвалидов // СНЛ. 1930. 6 мая. № 48. С. 2; Нарвский отдел ревельск. Союза Русских военных инвалидов // СНЛ. 1931. 3 нояб. № 125. С. 2; О-<бщест>во друзей русск.<их> скаутов // СНЛ. 1933. 10 июня. № 62. С. 3; Емельянов П. Развитие русского скаутизма в Нарве (Исторический очерк) // Русский скаут. 1937. Июнь. С. 2; Волков С. В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 514.

282. **Чернев Иван Николаевич** (? – 8. 11. 1923) — полковник в отставке. Во время Мировой войны служил в 210-м пехотном Бронницком полку. Работал в фирме «А. И. Транкман и Ко». Похоронен 11 ноября на православном кладбище.

Источники: Высочайшие награды // Русский инвалид. 1917. 26 февр. № 54. С. 2; [Объявление] // ПИ. 1923. 10 нояб. № 281. С. 4.

283. **Четвериков Николай Николаевич** (29. 11. 1895, Киев – 1934, Нарва) — штабс-капитан. Закончил 5-ую Одесскую гимназию. На войну пошел добровольцем в 1916. В СЗА служил в Ливенской дивизии. После расформирования СЗА проживал в Нарве. Среди русских военных держался особняком: был сторонником Кирилла Владимировича; выступал против подложного сбора подписей в Нарве в поддержку кандидатуры генерала О. П. Васильковского делегатом от Эстонии на Зарубежный съезд в 1926. По утверждению В. А. Никифорова-Волгина, состоял в одной из групп «Братства Русской Правды» под руководством Б. А. Тишнера.

Источники: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 60. Л. 82; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 25445. Л. 25; Ф. 130. Д. 15096. Л. 23; Четвериков Н. Письмо в редакцию // СНЛ. 1926. 17 июня. № 65. С. 2

284. **Чижиков Василий Акимович** (1870, СПб. губ. – 1. 07. 1936, Нарва) — подпрапорщик в отставке. Окончил начальное училище и в 1892 г. был зачислен в 92-й пехотный Печорский полк, в рядах которого был оставлен на сверхсрочную службу. Позже перевелся в Царицынский полк, где закончил военную службу в 1913 и вышел в отставку. За время службы был удостоен многих наград и похвальных отзывов, в том числе часы от императора Николая II и знак военного ордена святой Анны 4-й степени. В 1898 стал членом нарвского Владимирского братства и работал в Вонифатиевском обществе трезвости. За 10-летнюю службу на этом поприще был награжден благодарственной грамотой митрополитом Петербургским. С 1920 по 1923 являлся председателем совета братства, а в 1923–1936 — членом совета. В 1932 был избран казначеем братства и церковным старостой. В 1927 его избрали в почетные члены братства, а высшая церковная власть наградила его благодарственной грамотой. В 1936 митрополит Александр наградил его орденом Платона 3-й степени. По отзывам современников был довольно образованным человеком и много читал.

Источники: Калинин П. Доброй памяти В. А. Чижикова // СНЛ. 1936. 3 июля. № 71. С. 3.

285. **Чижов Василий Иванович** (13. 01. 1873, Тульская губ. – 07. 08. 1941, Архангельская обл.) — генерал-майор. Окончил С.-Петербургское пехотное юнкерское училище (1895). Служил в 7-м пехотном Ревельском полку. Капитан с 1. 09. 1907. До революции служил в Петербурге столоначальником в пенсионном отделе Главного штаба. Еще до революции вышел в отставку по болезни. До 1919 жил в Гдовском уезде, после — вступил в СЗА, где состоял при штабе Родзянко начальником инспекторского отдела; после расформирования армии был произведен в генералы. В эмиграции жил в Нарве. Принимал активное участие в организации Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Председатель ревизионной комиссии союза. В 1927 сложил с себя полномочия председателя ревизионной комиссии союза, а через год вовсе вышел из союза. Был первым инициатором создания Союза северо-западников в декабре 1929 – феврале 1930. На организационном собрании союза в конце 1930 был единственным, кто высказался против кандидатуры О. П. Васильковского на пост председателя союза; Чижов считал, что в председатели союза следует выбирать человека, живущего в Нарве, а не со стороны. В 1931 стал председателем нарвского отдела Союза русских военных инвалидов в Эстонии и представителем Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии в Нарве. В середине 1930-х переехал в Кивиыли и, хотя был убежденным монархистом, не вступил в местную монархическую организацию «кирилловцев». Перед приходом советских войск в Эстонию жил и работал сторожем на сланцевых разработках в Кютте-Йыу. Арестован органами НКВД в Кютте-Йыу 12. 11. 1940. Решением трибунала от 19. 04. 1941 приговорен к 8 годам ИТЛ. Сидел в одном из лагерей Архангельской области.

Источники: Список капитанам армейской пехоты по старшинству. СПб., 1911. С. 1466; Собрание инвалидов // НЛ. 1925. 28 апр. № 46. С. 2; Собрание бывш. северо-западников // СНЛ. 1929. 14 дек. № 142. С. 3; Объединении чинов С.-Зап. армии // ВД. 1929. 14 дек. № 340. С. 2; Собрание бывш. северо-западников // СНЛ. 1930. 11 февр. № 16. С. 2; Чижов В. Письмо в редакцию // СНЛ. 1930. 17 мая. № 53. С. 4; Собрание бывш. чинов Северо-Зап. армии //

СНЛ. 1930. 23 дек. № 145. С. 3; Д. Г-в. Подрывное дело // СНЛ. 1931. 31 окт. № 124. С. 1; Нарвский отдел ревельск. Союза Русских военных инвалидов // СНЛ. 1931. 3 нояб. № 125. С. 2; Объединение военнослужащих бывшей русской армии // РВ. 1931. 11 дек. № 107. С. 3; Эмигрант. Помощь ближнему // СНЛ. 1932. 13 дек. № 141. С. 1; Ч<ижов> В. И. Помогите! // РС. 1933. 13 сент. № 104. С. 4; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26734. Л. 12, 14, 19; Ф. 130. Д. 14114А. Л. 336; Исаков С. Г. Из истории русской общины в эстонском сланцевом бассейне в 1920–1930-е годы // Радуга. 2001. Апрель–июнь. № 2. С. 100; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Lk. 573.

286. **Чугунов Александр Михайлович** (1887, Варшава – 23. 06. 1941) — поручик. 1918–1919 служил в Красной армии в 1-м Петроградском стрелковом полку командиром 9-й роты. В Латвии был взят в плен. После содержания в лагере был отправлен в Нарву, где в декабре 1919 был зачислен в СЗА. Служил в Островском полку. В эмиграции работал сторожем в Кивийли. Арестован органами НКВД. Решением трибунала от 23. 05. 1941 приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Источники: ФГАЭ. Ф.130. Д. 14114. Л. 214–217; РАЕ. Кд. 1. Tallinn, 1996. Lk. 573.

287. **Шевелев Николай Васильевич** (1877, Полтавская губ. – 12.12.1933, Нарва) — полковник, военный инженер. Окончил полтавский Петровский кадетский корпус в 1895 и поступил в Николаевское инженерное училище, которое закончил в 1903. Желая расширить образование, поступил на архитектурное отделение Императорской академии художеств, которую блестяще окончил в 1912. Выиграв конкурсный проект, Ш. вышел в отставку и уехал на 2 года в Рим, на Капри и в Париж. Во время Мировой войны добровольно поступает на службу в Главное военно-инженерное управление и получает назначение быть руководителем работ в крепости Свеаборг, где прослужил до октября 1917. Следующие годы прошли в скитаниях. В 1919 в чине полковника был зачислен в СЗА. Ему принадлежит проект рисунка денежных знаков СЗА. Был одним из устроителей братской могилы северо-западников в Нарве и сооружения памятника. Начальником 1-й дивизии генералом Гейнце ему было поручено составление новых планов (по обмерам) нарвских крепостей. Им также выполнен проект здания 3-й школы, постройка трибун для певческого праздника, ремонт памятника преображенцам и семеновцам, павших в битве под Нарвой 1700 г. и др. Скончался в большой бедности. Похоронен 16 декабря на Сиверсгаузенском кладбище в Нарве.

Источники: Н.В.Шевелев // СНЛ. 1933. 19 дек. № 144. С. 3; Рот Н. † Н. В. Шевелев // ТРГ. 1933. 23 дек. № 59. С. 6.

288. **Шеманов Николай Захарьевич** (02. 12. 1867, Гунгербург – 8. 03. 1932, Нарва-Йыэсуу) — генерал-майор корпуса инженеров морского флота (произведен в Северной армии генералом Миллером в 1920). Окончил Николаевское Морское техническое училище в Кронштадте (1890). В Первую мировую войну в чине инж.-механика капитана 1-ого ранга состоял при Управлении главноначальствующего города Архангельска и тылового водного района. В Гражданскую войну служил в Морской бригаде Славяно-Британского легиона Северной армии. Член Кассы взаимопомощи моряков. Предположительно с середины 1922 проживал в Эстонии. Был членом РОВС'а и Кассы взаимопомощи русских моряков.

Источники: Незабытые могилы // Часовой. 1932. 1 авг. № 85. С. 15; Волков С. В. Офицеры флота и Морского ведомства. М., 2004. С. 529; Материалы из частного архива В. В. Верзунова.

289. **Шенк Владимир Константинович** (21. 10. 1869, СПб. – 23. 01. 1947) — полковник, гвардеец, служил в СЗА. Окончил Александровский кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду. В службе с 1. 09. 1887. Служил в 145-м пехотном Новочеркасском полку и л.-гв. 3-м Стрелковом полку. С 15. 11. 1905. исполнял должность помощника делопроизводителя императорской военно-походной канцелярии. С 14. 02. 1908 — делопроизводитель той же канцелярии. С 1912 состоял председателем состоявшей при канцелярии Комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен. Полковник с 6. 12. 1908. До начала Мировой войны был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени. Автор следующих изданий: «Таблицы форм обмундирования русской армии» (СПб., 1910), «Правила ношения форм одежды офицерами всех родов оружия и гражданскими чинами военного ведомства» (СПб., 1910), «Свита гос. имп. Николая II по 1-е апреля 1910 г.» (СПб., 1910). В 1920–1930-х гг. жил в Таллинне и состоял членом правления о-ва «Белый крест», казначеем Комитета ДРИ, членом приходского совета Николаевского прихода, членом ревизионной комиссии Ревельского русского клуба (1926) и членом «Общества друзей русских скаутов в Эстонии». Занимался скупкой и продажей антиквариата. В 1939 уехал в Германию, а в 1945 арестован и вывезен в СССР.

Источники: *Весь Петербург на 1913 год.* СПб., [1912]. С. 90; *Список полковникам по старшинству.* СПб., 1914. С. 356; *Общее годовичное собрание членов Ревельск. Русского Клуба // Ч.* 1926. 8 февр. № 10. С. 4; *А. Долль. «Русский Дом» // РГ.* 1928. 11 марта. № 3. С. 3; *Киратс Я. Отголоски нестроений в рев. Николаевском приходе // ВД.* 1929. 22 янв. № 21. С. 2; *Deutsch-baltisches Gedenkbuch. Unsere Toten der Jahre 1939–1947. Darmstadt, 1991. S. 377; Извлечения из показаний Богданова 12–31 июля 1940 года / Публикация и комментарии С. Исакова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. IV. Рига, 1999. С. 85.*

290. **Шернкрейц Владимир Александрович** (?) — полковник. В 1909 служил в чине капитана в 5-м Восточно-сибирском горном артиллерийском дивизионе (село Спасское). В 1926 был избран в члены совета старшин таллиннского Русского клуба. Член ревизионной комиссии таллиннского отдела Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Видимо, в конце 1920-х гг. (1929?) уехал в Латвию.

Источники: *Общий список офицерским чинам Русской императорской армии.* СПб., 1909. С. 684; *Русский клуб // ПИ.* 1926. 7 февр. № 30. С. 3; *Союз русских увечных воинов // НПИ.* 1926. 20 окт. № 1. С. 3; *ФГАЭ. Ф. 129. Д. 25418. Л. 43.*

291. **Шиллинг Александр Николаевич** (1879 – 21. 07. 1933, Таллинн) — капитан 2-го ранга. В 1901 окончил Морской кадетский корпус и произведен в чин мичмана. В 1902 находился в плавании на миноносце «Грозовой». В 1903 переведен на крейсер «Варяг», на котором принял участие в бою с японской эскадрой при Чем ульпо. "В воздаяние геройского подвига, оказанного крейсером 1-го ранга "Варяг" и мореходною канонерскою лодкою "Кореец" в бою 27. 01. 1904 с японскою эскадрой" был награжден орденом Св. Георгия 4-ой степени и произведен в чин лейтенанта. В 1911 окончил офицерский минный класс и получил диплом минера 1-го разряда. В 1912 назначен 2-ым флагманским минным офицером штаба командующего 2-ой минной дивизии Балтийского флота. В 1911–12 исполнял обязанности наблюдающего по минной и электротехнической части на кораблях Балтийского флота. В 1912 получил чин капитан-лейтенанта. В 1916 назначен портовым минером порта

крепости имени Петра Великого с присвоением чина капитана 2-го ранга. После революции 1917 остался жить в Эстонии. Похоронен 26 июля на лютеранском кладбище в Цегельс-Коппель.

Источники: [Объявление]// ВД. 1933. 23 июля. № 170. С. 2; [Объявление]// ВД. 1933. 26 июля. № 172. С. 2; Данные частного архива С. Пийльмана.

292. **Шишмарев Михаил Иванович** (1879 – 02. 08. 1936, Таллинн) — инженер-механик капитан 2-го ранга. Окончил Морское инженерное училище в 1901. Состоял членом Кассы взаимопомощи моряков, Ревельского союза инженеров и товарищем председателя приходского совета Николаевской церкви (с 31. 10. 1926). Похоронен 5 августа на Александро-Невском кладбище.

Источники: Доклад Шишмарева о новейших способах сжигания топлива // ПИ. 1922. 7 сент. № 206. С. 3; В Николаевском приходе достигнуто примирение // ВД. 1926. 1 нояб. № 32. С. 1; [Объявление]// ВД. 1936. 4 авг. № 173. С. 2; Волков С. В. *Офицеры флота и Морского ведомства. М., 2004. С. 534.*

293. **Шмидт Иван Яковлевич** (29. 12. 1862 – 11. 02. 1930, Валга) — полковник. Окончил Ярославскую военную прогимназию и Рижское пехотное юнкерское училище. Служил в 98-м пехотном Дерптском полку. Участвовал в подавлении «боксерского восстания» в Китае в 1900–1901 гг; был контужен, награжден орденами Св. Анны 4-й степени, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. был ранен. За отличия, проявленные в этой кампании был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 2-й степени с мечами. Полковник с 6. 12. 1911. В 1914 служил в 87-м пехотном Нейшлотском полку. Остается неизвестным с какого времени Ш. проживал в Эстонии. Скончался в Валга, откуда его тело было перевезено в Таллинн на Александро-Невское кладбище. Похороны состоялись 16 февраля.

Источники: [Объявление] // ВД. 1930. 15 февр. № 45. С. 2; 16 февр. № 46. С. 2.

294. **Шотнев Георгий Г. (?)** — корнет. Служил в СЗА. В ноябре 1927 был в числе 5 человек, которым было предписано покинуть пределы Эстонии. Вероятно, вместе с Н. А. Байковым проходил по делу Луковского в середине ноября 1927 по обвинению в подготовке покушения на советского полпреда Покровского. Состоял в таллиннском, а затем в ныммеском отделе Союза северо-западников. Занимался торговлей.

Источники: Новые высылки из пределов Эстонии // НГ. 1927. 24 нояб. № 207. С. 3; 5-летие Союза бывш. северо-западников // СНЛ. 1935. 18 нояб. № 132. С. 3; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л. 125.

295. **фон Штакельберг Константин Карлович** (15 (28). 06. 1848, Петергоф? – 30. 03. 1925, Таллинн) — генерал от кавалерии в отставке, барон. Родился в Петергофе в семье ротмистра гвардейской кавалерии (дослужившегося в дальнейшем до чина генерал-лейтенанта и ставшего шефом 2-ой гвардейской кавалерийской дивизии) Карла Августа фон Штакельберга (1816–1887) и дочери польского военного министра графа Морица Гауке Эмили Виктории Иоганны Гауке (1821–1890). Семья была многодетная, и кроме Константина в семье было еще 8 детей. По примеру отца все три брата выбрали военную службу в кавалерии. Старший брат Карл (1843–1878) участвовал в Русско-турецкой войне 1877–78; умер, не дожив до своего 35-летия, в чине полковника. Младший брат Константина Георг (1850–1913) в Русско-японскую войну командовал 1-ым Сибирским армейским корпусом, скончался в 1913 в чине генерала от кавалерии. 17. 07. 1867 окончил Пажеский корпус и

был выпущен корнетом в лейб-гвардии Конный полк, где он прослужил до 1882, занимая последовательно должности исполняющего обязанности делопроизводителя хозяйственного комитета, полкового казначея, заведующего полковым хозяйством и командира 2-го дивизиона. 24. 08. 1882 он был назначен заведующим Придворным музыкантским хором. На этой должности проработал до 7. 09. 1897, неизменно удостаиваясь похвал и благодарностей от самого императора. В 1897 он был назначен на должность начальника Придворного оркестра и оставался на этом посту до 1917. На этой должности развил активную деятельность: он являлся организатором многочисленных доступных широкой публике концертов, по его инициативе были введены серии ученических концертов, репертуар Придворного оркестра был расширен. Многие с его стороны было сделано для пополнения музыкальной библиотеки и музея древних музыкальных инструментов, состоявших при Придворном оркестре. В августе 1912 отметил 30-летие своей музыкальной деятельности. Это событие было отмечено московской и петербургской прессой. Очередными этапами его деятельности являлась организация вечеров камерной музыки и приглашение на гастроли ряда известных дирижеров и солистов из-за границы. Еще с 1911 по его почину начала свою работу комиссия по улучшению музыкальной части в войсках армии и флота. Под псевдонимом *Céesté* Штакельберг написал несколько музыкальных произведений, сделал большое число транскрипций и переложил для оркестра ряд фортепианных произведений. О его трудах в свое время одобрительно отзывались А. К. Глазунов, А. К. Лядов и др. За ревностную службу был награжден многими российскими и иностранными орденами, а также возведен в чин генерала от кавалерии. После революционных потрясений 1917 был вынужден покинуть свою службу, а потом и Россию. Сначала он переезжает в Финляндию, а с 1918 обосновывается в Эстонии. Здесь он создает ряд своих произведений. Из воспоминаний современников нам известно о некоторых из них: похоронный марш в память о погибших за родину «*Mortuus plango*», «Молитва» в память о великой княжне Ольге Николаевне, «Свадебный марш», посвященный его родственнице принцессе Луизе (урожденной графине Баттенбергской) и шведскому кронпринцу Густаву Адольфу. Несколько пьес он не успел закончить и издать. После его смерти родственники издали следующие его произведения, вышедшие в свет в 1927 в тартуской типографии Х. Лаакмана: «*Drei Lieder für eine Singstimme mit Klavierbegleitung von Céesté (Constantin von Stackelberg)*» и «Замело тебя снегом, Россия. Для пения с фортепиано. Соч. Сеэсте (Константин Штакельберг)» с посвящением известному певцу Д. А. Смирнову. Известно также, что Штакельберг состоял членом общества «Белый крест», оказывавшего помощь нуждавшимся воинам бывшей Северо-Западной армии. Константин Карлович фон Штакельберг скончался 30. 03. 1925 в Таллинне. Первоначально предполагалось, что похороны состоятся 2 апреля на копельском лютеранском кладбище, но, вероятно, по решению родственников гроб с его телом был перевезен 8 апреля на Ивангородское кладбище, где находилось фамильное кладбище рода Штакельбергов.

Источники: *Альманах современных русских государственных деятелей.* СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1897. С. 1095; *Список генералам по старшинству.* СПб., 1911. С. 201; [Объявление] // *Последние известия.* 1925. 1 апр. № 75. С. 1; [Объявление] // *Нарвский листок.* 1925. 7 апр. № 39. С. 1; *М. Памяти К. К. Штакельберга* // *Последние известия.* 1925. 17 апр. № 85. С. 3; *Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710-1960.* Köln; Wien, 1970. S. 746–

747; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 207 об.; ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 186. Л. 60–60 об.

296. **фон Штубендорф Анатолий Оттович** (01. 03. 1874 – 17. 07. 1924, *Таллинн*) — полковник лейб-гвардии Егерского полка. В службе с 1. 09. 1891. Окончил в 1893 Пажеский корпус. Полковник с 6. 12. 1912. Более 21-го года прослужил в лейб-гвардии Егерском полку. В течение ряда лет избирался в состав офицерского суда чести. Пользовался большим авторитетом среди офицеров и солдат (даже в дни революций). Революция подорвала его здоровье. В 1922 выехал к родным в Эстонию. В Эстонии проживали его жена, дети и брат.

Источники: *Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1215; [Объявление] // ПИ. 1924. 19 июля. № 184. С. 4; П. Ал-кий. [А. О. Штубендорф] // ПИ. 1925. 17 янв. № 13. С. 3.*

297. **фон Штубендорф Алексей Оттович** (19. 04. 1877 – 04. 03. 1959, *Фюссен*) — генерал-майор Генерального штаба. Окончил Пажеский корпус (1896) и Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду (1904). В службе с 1. 09. 1894. Подпоручик с 12. 08. 1896, поручик с 12. 08. 1900, штабс-капитан гвардии и капитан Генерального штаба с 31. 05. 1904, подполковник с 29. 03. 1909, полковник с 25. 03. 1912. Служил в лейб-гвардии Егерском полку. Участник Русско-японской кампании 1904–05. До 1914 года исполнял должности: обер-офицера для особых поручений при штабе IX-го армейского корпуса (с 2. 06. 1905), старшего адъютанта штаба 32-й пехотной дивизии (с 21. 04. 1906), помощника старшего адъютанта Клевского военного округа (с 8. 03. 1908), штаб-офицера для поручений при штабе III-го Кавказского армейского корпуса (с 6. 12. 1911), начальника штаба 6-й пехотной дивизии (с 15. 01. 1913). Во время Мировой войны командовал 28-м пехотным Полоцким полком. Начальник штаба 39-го армейского корпуса с 27. 07. по 9. 09. 1917. Георгиевский кавалер. До 1922 служил в РККА. В 1922 оппировался в Эстонию. Состоял в Объединении лейб-гвардии Егерского полка (после смерти в 1935 А. К. Баиова — его председатель). Член суда чести при Обществе помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. Председатель ревизионной комиссии Комитета «Дня русского инвалида». Возглавлял эстонское отделение Союза пажей. Состоял в руководстве эстонского отдела РОВСа. В 1930-е гг. был секретарем Общества помощи больным эмигрантам. Автор брошюры «Памяти ген.-лейт. Алексея Константиновича Баиова» (Таллинн, 1935). Арестован органами НКВД 22. 07. 1940. Благодаря хлопотам невестки был репатриирован в Германию 23. 03. 1941.

Источники: *Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1131; Список Генерального штаба. СПб., 1914. С. 483; Общество взаимопомощи бывших чинов русской армии // ВД. 1931. 20 окт. № 280. С. 1; ФГАЭ. Ф. 130. Д. 11566. Т. I. Л. 125; Т. II. Л. 13; Плюханова М. С. Мне кажется, что мы не расставались... Таллинн, 1999. С. 18; Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 822; Громов А. С. Русские могилы в Верхней Баварии // Михайлов день 1-й: журнал исторической России. Ямбург <Кингисепп>, 2005. С. 201.*

298. **Шульц Эвальд Карлович** (16. 06. 1869, *Ревель* – 17. 04. 1941) — капитан 1-го ранга. Зачислен на действительную службу во флоте 22. 09. 1885. После окончания Морского корпуса 22. 09. 1888 произведен в мичманы. Службу проходил в Ревельском полуэкипаже. 1. 02. 1896 назначен офицером навигации 1-го класса. 10. 04. 1900 зачислен в резерв. С 5. 05. 1900 проходил службу на крейсере «Норов», состоявшего в составе отряда судов Отдельного

корпуса Пограничной стражи. С 29. 05. 1904 проходил службу на крейсере «Бернат». 22. 04. 1907 произведен в капитаны 1-го ранга. С 30. 10. 1913 штабной офицер при начальнике Пограничной стражи. С 30. 12. 1913 — начальник Ревельской бригады Пограничной стражи. 25. 06. 1914 освобожден от занимаемой должности. С 3. 11. 1914 — командир крейсера «Абрек». С 25. 04. 1915 — комендант острова Оланд. С 25. 04. 1916 — начальник Охраны водного района Кронштадтской крепости. С 17. 10. 1916 назначен на должность начальника 1-го отряда судов Транспортной флотилии Балтийского моря (брейд-вымпел на транспорте «Митава»). При эвакуации кораблей Балтийского флота в Гельсингфорс остался в оккупированном немцами Ревеле. Приказом по Балтфлоту от 19. 03. 1918 исключен из списков, как находящийся в плену. В декабре 1918 был одним из организаторов Ревельского отряда Русской Самообороны Эстляндского края, в котором командовал добровольческой ротой. Затем до конца июня–начала июля 1919 был командиром Офицерского партизанского отряда, действовавшего в тылу красных войск. После его расформирования назначен начальником речных и озерных флотилий СЗА. В том же году состоял членом Временного Русского совета в Эстонии, возглавляемого князем С.П. Мансыревым (1866 – 1928), а также был организатором (учредителем) и инициатором создания Русского Национального союза (19. 09. 1920; в 1930 из-за разногласий с руководством союза вышел из его состава) и Кассы взаимопомощи моряков. Председателем последней являлся весь период её существования. Как гражданин Эстонии был зачислен в резерв эстонского военного флота. 27. 01. 1925 ввиду преклонного возраста отправлен в отставку. Был награжден всеми российскими орденами до ордена Св. Владимира 3-й степени включительно. С 1930 по конец 1933 входил в состав инициативной группы по созданию Русской фашистской партии в Эстонии, одной из групп которой в дальнейшем руководил. В этот же период был редактором газеты «Новый свет» и членом редколлегии газеты «Свет и крест», написал несколько брошюр. После присоединения Эстонии к СССР уничтожил архив и все документы, связанные с деятельностью Кассы взаимопомощи моряков. Арестован 27. 10. 1940 в своем доме на о. Найссаар (Нарген) и первоначально приговорен к десяти годам ИТЛ. Военная коллегия Верховного суда СССР своим определением отменила приговор как слишком мягкий и при повторном рассмотрении дела в Военном трибунале Ленинградского военного округа (17. 02. 1941) было вынесено решение — расстрелять. Дата приведения в исполнение неизвестна.

Источники: ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 5528; Бойков В. Русские фашистские группы в Эстонии (1930-е гг.) // Труды РИЦЭ. Вып. 2 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2003. С. 79–81; Материалы из частного архива В. В. Верзунова.

299. **Шуманский Климентий Васильевич** (?) — прапорщик по Адмиралтейству. Окончил Школу прапорщиков флота 15. 03. 1917. В СЗА состоял при Военно-морском управлении. В списках его сокращенного состава на 18. 12. 1919 числился на должности флаг-офицера. После ликвидации СЗА проживал в Эстонии (Таллинн). Член Кассы взаимопомощи моряков, где состоял членом Совета уполномоченных и ревизионной комиссии. Также состоял членом общества «Витязь» и секретарем Общества помощи больным эмигрантам. Дальнейшая судьба неизвестна: по одним данным, он уехал из Эстонии, по другим, после прихода советских войск в Эстонию был репрессирован.

Источники: ФГАЭ. Ф. 130. Д. 15093. Л. 63; Отчет Общества помощи больным эмигрантам. 1922 – 1929 гг. Таллинн, 1929. С. 7; Плеханова М. С.

Мне кажется, что мы не расставались... Таллин, 1999. С. 18; Материалы из частного архива В. В. Верзунова.

300. **Шумов Петр Петрович** (? – 16. 12. 1926, *Хаапсалу*) — контр-адмирал. Брат генерал-майора флота Г.П. Шумова (? – 1929). Умер от разрыва сердца. Остались вдова и родственники.

Источники: [Объявление] // НПИ. 1926. 21 дек. № 51. С. 4.

301. **Шурин Петр Захарович** (5. 10. 1886, *Минская губ.* – 18. 11. 1941, *Свердловская обл.*) — капитан. Окончил Тифлисское военное училище в 1913 по первому разряду. В чине подпоручика начал службу в 205-м пехотном Шемахинском полку (3-й Кавказский корпус). Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах (СЗА). В СЗА служил в отряде Булак-Балаховича. 31. 03. 1919 был ранен в ногу в бою под мызой Кахква. В Эстонии первое время жил в Тарту, осенью 1923 переехал в деревню Зимний Борок, где приобрел небольшой участок земли. Занимался земледелием и рыболовством. Работал десятником при производстве работ по укреплению береговой полосы Чудского озера. Состоял в Союзе новых хуторян и мелких земледельцев. В конце 1930-х гг. работал страховым агентом и занимался пчеловодством.

Источники: Кандидаты союза новых хуторян и мелких земледельцев // Родина. 1929. 4-5 окт. № 5. С. 2.

302. **Энгельгардт Борис Вадимович** (12. 03. 1889, *Смоленск* – 15. 07. 1941, *Ленинград*) — полковник. Из дворян Смоленской губернии, сын действительного статского советника. Окончил Училище правоведения в 1910. В 1912 поступил вольноопределяющимся в л.-гв. Семеновский полк. В 1913 вышел в отставку в чине подпоручика. С началом Первой мировой войны был призван из запаса гвардейской пехоты. За боевые отличия был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (15. 11. 1914), Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (19. 01. 1915), Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (13. 04. 1915), Св. Анны 2-й степени с мечами (24. 12. 1916) и орденом Св. Георгия 4-й степени. Войну закончил в звании капитана л.-гв. Семеновского полка. Служил в Добровольческой армии и ВСЮР. Генералом М. В. Алексеевым был послан в Петроград для вербовки офицеров в Добровольческую армию. Летом 1918 встретился с бывшим однополчанином М. Н. Тухачевским, который предложил ему вступить в Красную Армию. Служил в РККА в Пензе, при штабе Тухачевского, а через три недели сбежал к белым. В армии А. И. Деникина служил в оперативном отделе управления генерал-квартирмейстера армии; в декабре 1918 был назначен начальником канцелярии по гражданской части при штабе командующего 3-й пехотной дивизией генерала В. З. Май-Маевского. С осени 1919 — командир стрелкового полка до ликвидации Царицынского фронта. В марте 1920 в Крыму командовал бригадой. Полковник. Вместе с армией был эвакуирован в Галлиполи. В феврале 1921 уехал в Эстонию. В Эстонии с июня 1921. Сотрудничал в парижских газетах «Последние известия» и «Возрождение», а также в местных газетах «Ревельское время», «Ревельское слово», «Час»; входил в редакцию газет «Ревельские последние известия» и «Наши последние известия». До 1923 занимался пением в кинотеатрах и ресторанах, комиссионерством, торговлей папиросами в разнос; в 1939 открыл лавку шерстяных и шелковых ниток. Весной 1922 по поручению правления Высшего монархического совета в Эстонию с каким-то тайным заданием прибыл полковник А. С. Гершельман. Среди тех, с кем он встречался в Таллинне был и Энгельгардт. С 1924 принимал участие в концертах-митингах под названием «Русские национальные вечера» на Русско-Балтийском заводе в Копли, где

декламировал отрывки из дневника В. В. Шульгина и выступал с политическими обзорами о русской эмиграции. Состоял секретарем таллиннского Русского клуба. Во время выборов делегата от Эстонии на Российский зарубежный съезд руководил кампанией по продвижению кандидатуры Баиова. В начале 1927 встречался с прехавшим в Эстонию видным эмигрантским деятелем Б. А. Сувориным, после чего, видимо, стал сотрудничать в белградской газете «Новое время». В 1927 в Риге встречался с А. П. Кутеповым. В октябре 1927 был в числе тех монархистов, у кого эстонской полицией были произведены обыски на квартире. Выступил в печати с опровержением разного рода слухов и подозрений о подпольной деятельности русских монархистов в Эстонии. Был правой рукой Баиова, начальником разведки и контрразведки РОВС'а в Эстонии. Часто ссорился с Баиовым по поводу слабой активности РОВС'а в Эстонии и предлагал, в частности, провести ряд террористических актов, ссылаясь на пример А. К. Кутепова и его группы. Энгельгардт установил непосредственную связь с ключевыми фигурами РОВС'а — полковником А. А. Зайцевым, генералами А. А. Лампе и А. М. Драгомировым, — а также с эстонской, немецкой, английской и французской разведками. Благодаря поддержке эстонской полиции и разведки Энгельгардт неоднократно осуществлял переброску своих агентов в СССР. Сумел наладить конспиративную деятельность своей организации и практически развалить советскую резидентуру в Эстонии, внедрив в ее ряды своих агентов, и систематически снабжая советскую разведку дезинформацией. После смерти Баиова возглавил руководство деятельностью РОВС'а, «Братства Русской Правды» и Союза русских военных инвалидов в Эстонии и вообще принимал участие во всех организациях русских военных в Эстонии. Входил в объединение л.-гв. Семеновского полка. Вел активную работу среди молодежи в обществе «Витязь», где в разное время руководил литературным и историческим кружками. 26. 11. 1937 в помещении общества «Витязь» Энгельгардт прочитал доклад «Конная армия Бабеля». До и после присоединения Эстонии к СССР не воспользовался возможностью уехать в Германию. Был арестован 20. 06. 1940, видимо, после обыска, произведенного на его квартире эстонской политической полицией. 23. 06. 1940 он был допрошен органами НКВД СССР. На закрытом судебном заседании от 18. 06. 1941 Военный трибунал Ленинградского военного округа приговорил его к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 15. 07. 1941. Реабилитирован лишь 22. 10. 2002 на основании статьи Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий».

Источники: *Весь Петербург на 1913 год.* СПб., [1912]. С. 135; *Адрес-календарь.* СПб., 1913. С. 1330; *Высочайшие награды // ПВ.* 1914. 2 (15) нояб. № 261. С. 1; 1915. 6 (19) февр. № 29. С. 1; 18 февр. (3 марта). № 39. С. 1; 23 апр (6 мая). № 91. С. 2; *Высочайшие награды // Русский инвалид.* 1917. 14 янв. № 13. С. 3; *История одного вечера // Русский голос.* 1924. 19 марта. № 17. С. 2-3; *Обыски в Ревеле // ВД.* 1927. 26 окт. № 290. С. 1; *У кого были произведены обыски в Ревеле // Сегодня.* 1927. 28 окт. № 244. С. 4; *Энгельгардт Б. Письмо в редакцию // НГ.* 1927. 29 окт. № 185. С. 4; *Энгельгардт <Б. В.>. К предстоящему Общему собранию союза инвалидов // РВ.* 1931. 29 мая. № 24. С. 2; *[Объявление] // ВД.* 1937. 23 нояб. № 267. С. 2; *ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 185; ФГАЭ: Ф. 129. Д. 5185. Л. 49–49 об.; Д. 26759. Л. 189–199; Д. 28 198. Л. 72 об.; Ф. 130. Д. 15093, Л. 160; Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 27; Ед. хр. 47. Л. 89; Бойков В. *Русские в Эстонии (по материалам ОГПУ СССР) // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике.* Т. V. Рига, 1999. С. 77; *Полковник А. С. Гершельман // Михайлов**

день 1-й: *Журнал исторической России. Ямбург [Кингисепп], 2005. С. 151; Исаков С. Г. Б. В. Энгельгардт. Опыт жизнеописания // Биографика. 1. Русские деятели в Эстонии XX века / Составитель и ответственный редактор проф. С. Исаков. Тарту, 2005. С. 204–237.*

303. **фон Эссен Николай Карлович** (2. 07. 1885, Шувалово – 6. 04. 1945, Прага) — полковник. Родился в семье генерал-майора К. Ф. ф. Эссена (1851–1915). Окончил Александровский кадетский корпус (1895–1903) и Павловское военное училище (1903–1905), после окончания которого служил с 22. 04. 1905 в чине подпоручика в лейб-гвардии Семеновском полку на должности младшего офицера 8-й роты. 17. 12 1905 во время подавления восстания в Москве получил ранение в правую руку. 27. 05. 1906 был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. В 1908 был назначен адъютантом 1-го батальона полка. 15. 09. 1909 был награжден болгарским орденом «За военна заслуга». 22. 04. 1909 произведен в поручики. В этом же году был награжден медалью в память 200-летия битвы под Полтавой. В 1912 награжден медалью в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. 22. 04. 1913 произведен в чин штабс-капитана. В этом же году назначен командиром 3-й роты и награжден медалью в память 300-летия дома Романовых. В 1914 с началом войны вместе с полком отправился на театр боевых действий. В составе полка участвовал в сражениях: под Люблином (20–31. 08. 1914), на р. Сан под Кржешовым (2. 09. 1914), под Ивангородом (10–13. 10. 1914), под Краковом (нояб.–дек. 1914), под Ломшей (февр.–июнь 1915), под Холмом (июль–авг. 1915), под Вильно (16. 08.–03. 09. 1915), на р. Стоход, под Ковелем и Владимир-Волынским в 1916, под дер. Конюхи и г. Тарнополь в 1917. В бою под дер. Звинюхи 08. 09. 1916 тяжело контужен в голову. 01. 07. 1916 произведен в чин капитана. 28. 09. 1916 – полковник. Командир 1-го батальона – 1917; помощник командира полка – 1917. За боевые заслуги был удостоен орденов: Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Анны 4-й степени «За храбрость». В декабре 1917 после роспуска полка уехал в Петроград. Еще до войны состоял членом Императорского военно-исторического общества, С.-Петербургского генеалогического общества и Московского генеалогического общества. В 1918 работал архивариусом Эрмитажа. В 1920 оптировался в Эстонию и жил в Тарту (Pepleri, 10). С 15. 01 по 30. 01. 1923 с гангреной ноги находился в университетском госпитале, где ему в результате была ампутирована правая нога. В 1927 сменил генерала Я. С. Вишнякова на посту руководителя тартуского отделения Союза русских увечных воинов-эмигрантов. В 1928 переехал в Таллинн, где открыл столовую «Гастроном» на Глиняной улице. Состоял в Обществе помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, был членом ревизионной комиссии. Входил в объединение л.-гв. Семеновского полка в Эстонии. Переписывался с генералом А. А. ф. Лампе. Являлся одним из самых известных генеалогов в Эстонии; его стараниями составлены многие родословные таблицы местного немецкого дворянства; активно публиковался в журнале «Baltische Familiengeschichtliche Mitteilungen» (Dorpat, 1931–1939). Его публикация на рус. яз.: История учит... // Свет и крест. № 4. Ноябрь. С. 4. В ноябре 1939 уехал в Германию.

Источники: *Козырев. В Юрьевском комитете «Дня русских инвалидов» // НГ. 1927. 11 июня. № 67. С. 1; ИАЭ. Ф. 1674. Оп. 2. Ед. хр. 68; ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 666; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26756. Л. 307–308; Ф. 130. Д. 11566. Л. 279;*

Deutsch-baltisches Gedenkbuch. Unsere Toten der Jahre 1939–1947. Darmstadt, 1991. S. 97.

304. **фон Эссен Николай Михайлович** (? – после февраля 1954, *Швеция*) — капитан. Окончил Пажеский корпус в 1914. Служил в л.-гв. 1-й артиллерийской бригаде. На момент 5. 05. 1939 состоял действительным членом Общества господ офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады в Эстонии.

Источники: Волков С. В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М, 2002. С. 555.

305. **Эшшольц Владимир Владимирович** (?) — капитан (подполковник?). С марта 1919 — командир пулеметной роты Ливенского отряда. В СЗА зачислен 20. 07. 1919. В декабре 1919 — командир пулеметной роты 1-го полка 5-й пехотной Ливенской дивизии. Подполковник запаса эстонской армии; разжалован в рядовые в августе 1924 за незнание в достаточной степени государственного языка. Представитель Объединения Ливенцев в Тарту.

Источники: Хроника // ПИ. 1924. 15 авг. № 210. С. 3; Белая борьба на Северо-Западе России / Под ред. С. В. Волкова. М., 2003. С. 646.

306. **Якобс Василий Васильевич** (25. 02. 1874, *Нарва* – 1940–1941, *Москва*) — полковник. Родился в семье генерал-майора В. Х. Якобса (1827–1908). Окончил Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. С 8. 08. 1898 в чине корнета служил в 5-м гусарском Александрийском полку. Служил в СЗА. Приказом № 171 от 31.07.1919 Командующего Северо-Западной Армии генерал-майора Родзянко произведен за боевые заслуги из подполковника Личной Сотни Атамана Булак-Балаховича в полковники с 4.06.1919. Во втором браке (29.06.1923, таллинский Никольский храм) с Т. Л. Епинатьевой (7.08.1904, Ревель–14.04.1996, Таллин). Сын Вячеслав (19.06.1924, Таллинн) — с 2000 и по сей день является митрополитом Таллиннским и всея Эстонии. После присоединения Эстонии к СССР арестован НКВД и репрессирован, расстрелян в Москве.

Источники: www.genealogia.ee/genealogy-jacobs.htm.

307. **Яковлев Николай Андреевич** (26. 07. 1875, *Нарва* – 1940? 1941?) — полковник. Отец — купец второй гильдии. Окончил Нарвскую гимназию и Виленское пехотное юнкерское училище по второму разряду (1896). Служил в 182-ом пехотном резервном Ново-Трокском полку (позднее — 169-й пехотный Новотрокский полк). Капитан с 17. 12. 1909. В 1914 в Пруссии тяжело ранен в плечо — инвалид. В 1918 добровольно вступил в СЗА, где исполнял хозяйственную и штабную работу; в штабе снабжения был офицером для поручений, заведовал отправкой в Англию лесоматериалов. В 1919 при штабе армии ведал журнальной частью. В Эстонии проживал в Нарве, домовладелец. Входил в группу О. П. Васильковского. Являлся ответственным редактором газеты «Русский голос» (Нарва, 1925, №1 (19 мая) — № 20 (15 авг.)), а также редактором-издателем газеты «Нарвское объединение» (1930, № 1 (4 янв.) — № 3 (17 янв.)). Арестован органами НКВД в Нарве 23. 06. 1940. Решением трибунала от 02. 12. 1940 приговорен к расстрелу. Дата приведения приговора в исполнение неизвестна.

Источники: Список капитанам армейской пехоты по старшинству. СПб., 1914. С. 865; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Л. 14-17; РАЕ. Кд. 3. Tallinn, 2005. Лк. 386.

308. **Якубов Владимир Михайлович** (17. 02. 1868 – до 1941) — полковник. Окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус и 3-е военное Александровское училище по первому разряду. Служил в 3-м Кубанском

пластунском батальоне, откуда был переведен в Отдельный корпус жандармов в 1895. Хорунжий с 7. 08. 1887, сотник с 7. 08 1891, штаб-ротмистр с 6. 12. 1897, ротмистр с 6. 12. 1898, подполковник с 26. 02. 1909. По корпусу жандармов занимал следующие должности: адъютант Рязанского губернского жандармского управления (ГЖУ) с 11. 04. 1895, исполняющий дела помощника начальника Донского областного жандармского управления с 7. 04. 1897, помощник начальника Подольского ГЖУ с 28. 01. 1900, помощник начальника Полтавского ГЖУ Лубенского и Миргородского уездов с 7. 01 1902, помощник начальника того же ГЖУ в Полтаве с с 17. 01. 1903, помощник начальника того же ГЖУ в Полтавском, Константиноградском, Кобелякском и Миргородскм уездах с 16. 10. 1906, в резерве при С.-Петербургском ГЖУ с 28. 07. 1908, в прикомандировании к жандармскому управлению Одессы с 5. 06. 1914. Награды: ордена Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени. В 1920–30-е гг. в Эстонии работал на лесозаготовках Кренгольмской мануфактуры. Член нарвского отдела Союза русских военных инвалидов.

Источники: *Список общего состава чинов отдельного корпуса жандармов. Пгр., 1915. С. 408; Нарвский отдел ревельск. Союза русских военных инвалидов // СНЛ. 1931. 3 нояб. № 125. С. 2.*

309. **Янов Георгий Дмитриевич** (1. 04. 1864 – 21. 07. 1931, Таллинн) — генерал-лейтенант Генерального штаба. Окончил Симбирскую военную гимназию, 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую академию Генерального штаба в 1895. После окончания училища в 1884 в чине подпоручика служил в 10-м пехотном Новоингерманландском полку. После окончания академии в чине капитана служил в Одесском военном округе на должности и. д. старшего адъютанта штаба 14-й пехотной дивизии; затем старшим адъютантом 8-го армейского корпуса. С 01. 01. 1901 по 1905 — старший адъютант и штаб-офицер для поручений при штабе Финляндского военного округа. С 24. 02. 1909 — командир 96-го пехотного Омского полка. 19. 10. 1914 произведен в генерал-майоры. С 19. 10. 1914 до начала 1917 — начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии. Награжден всеми орденами до Св. Владимира 3-й степени включительно. В начале июля 1919 — начальник штаба Западного корпуса Св. Кн. А. П. Ливена. После прибытия отряда Ливена на нарвский фронт был назначен главным начальником снабжения СЗА. 30. 11. 1919 переведен в резерв чинов. В Эстонии занимался комиссионной продажей, а в 1924 устроился сторожем на Русско-Балтийский завод. В 1928 из-за сокращения штатов был уволен. Жил на грани нищеты. В 1926 опубликовал в газетах «Час» и «Наш Час» отзыв на книгу В. Л. Горна «Гражданская война на северо-западе России».

Источники: *Янов Г. Д. «Тоже контролер» (По поводу книги В. Горна «Гражданская война на северо-западе России») // Ч. 1926. 26 июля. № 33. С. 3; НЧ. 1926. 13 сент. № 2. С. 2–3; [Объявление]// ВД. 1931. 1 авг. № 203. С. 2; Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 371-373.*

310. **Яров Василий Федорович** (10. 01. 1882 – 11. 11. 1924, Таллинн) — капитан. В службе с 15 августа 1899. В Эстонии с 1893. Скончался в госпитале Иоахимстале. Похоронен 13 октября на Александро-Невском кладбище.

Источники: *ГАЭ. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 59. Л. 32–32 об.; [Объявление]// ПИ. 1924. 13 окт. № 263. С. 4.*